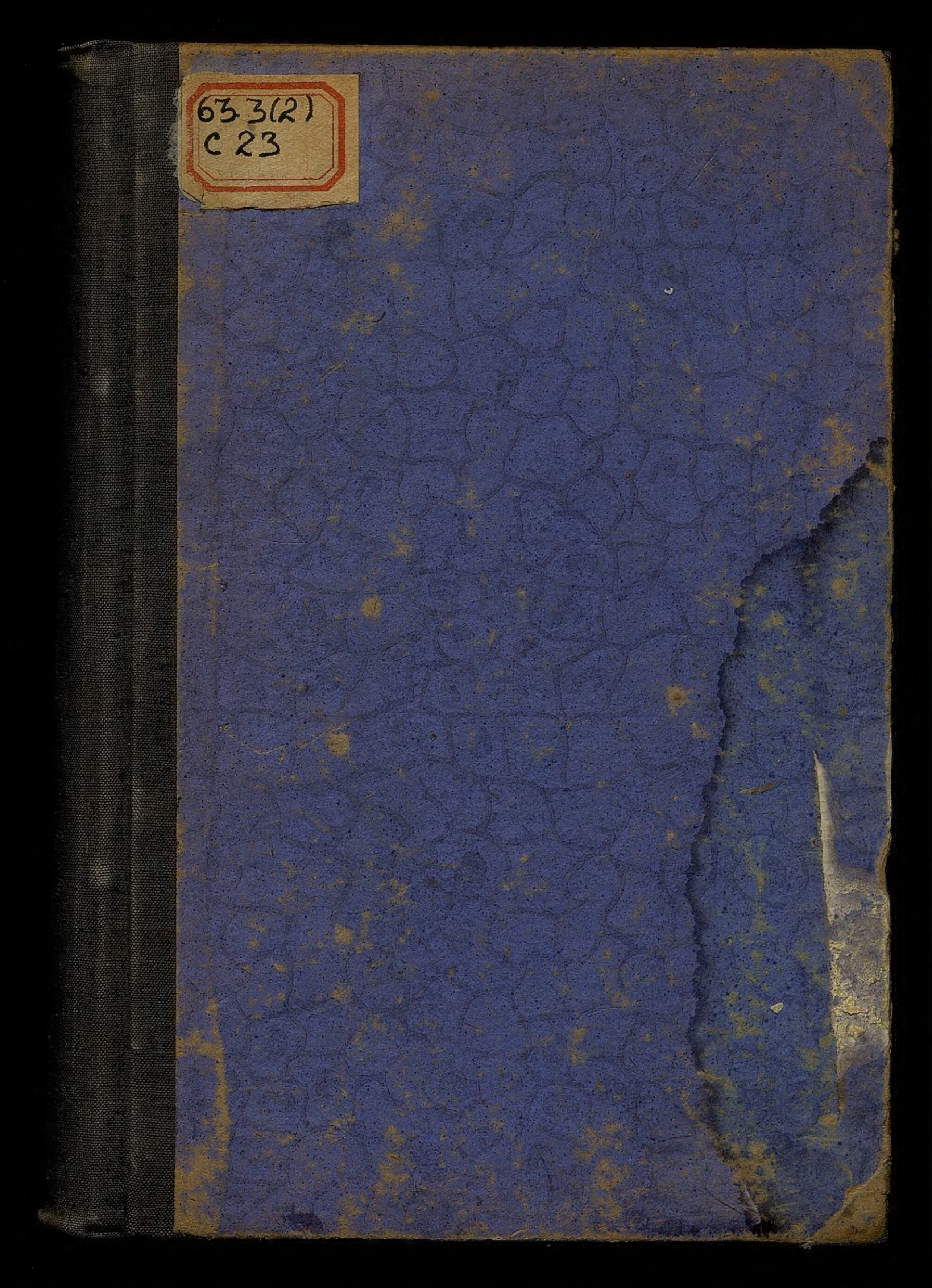
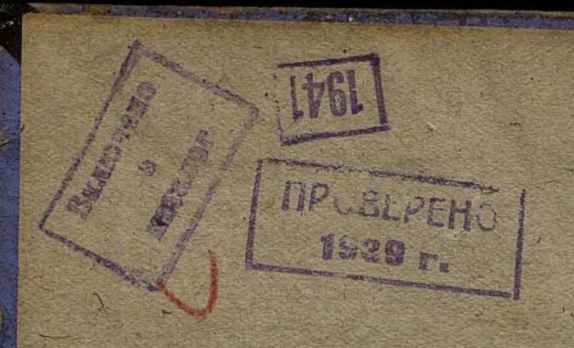
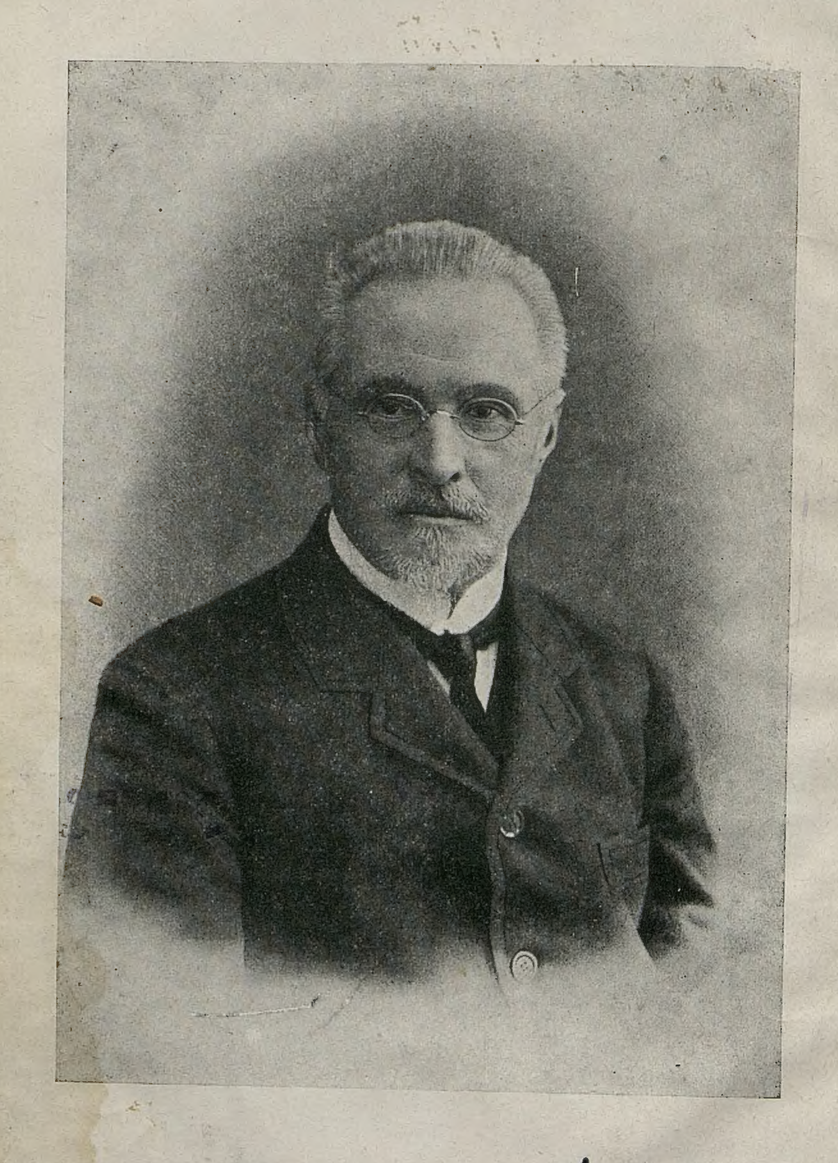
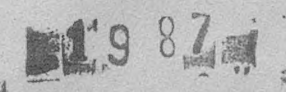
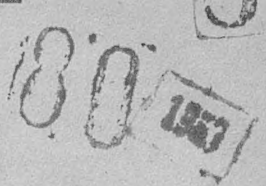



1941
ПРОВЕРЕНО
1939 г.



«1882—XL—1922»





СБОРНИК

СТАТЕЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ,

посвященных

С. Ф. ПЛАТОНОВУ

ПЕТЕРБУРГ
1922

Тип. им. Гуттенберга (аренд. П. П. Сойкин), Петроград, Стремянная, 12.
Главлит № 3333. 1,000 экз.

Дорогой Сергей Федорович,

12 июня 1922 г. исполнилось 40 лет с того дня, как Вы окончили Петербургский Университет и были оставлены при кафедре для подготовки к научной деятельности. Мысль о том, чтобы отметить этот памятный в жизни Вашей день сборником работ по русской истории, возникла, в кругу Ваших Университетских учеников и встретила живейший отклик среди друзей и почитателей Ваших, в сотрудничестве или постоянном общении с которыми шли Вы в разное время по жизненному своему пути. Если, перелистывая страницы настоящего сборника, Вы живо почувствуете, что работа на всем хронологическом пространстве русской истории не замерла в среде переживших вместе с Вами последние годы поколений, то это и будет та радость, которую хотели доставить Вам участники сборника

ученики, друзья и почитатели Ваши.

15 Ноября 1922 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Список трудов С. Ф. Платонова [1]).

1. **Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ.**—Ж. М. Н. П., 1883 г., ч. 226, март, с. 1—20.—Отд. в „Трудахъ студенческаго научно-литературнаго общества при СПБ. Университетѣ“. Вып. I. СПБ., 1883. с. 1—20.—Статьи, I с. 1—31, II с. 1—25. 1883.

2. А. Барсуковъ „Родъ Шереметевыхъ“, кн. 1. 2 и 3. СПБ., 1881—1883.—Рец. Ж. М. Н. П., 1883 г., ч. 229, октябрь, с. 355—371.

3. **Новая повѣсть о Смутномъ времени XVII вѣка.**—Ж. М. Н. П., 1886 г., ч. 243, январь, с. 50—67.—Статьи, I с. 50—76, II с. 40—61. 1886.

4. **Царь Алексѣй Михайловичъ** (опытъ характеристики).—Историческій Вѣстникъ, 1886 г., май, с. 265—275.—Статьи, I с. 32—49, II с. 26—39.

5. **Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ.**—Ж. М. Н. П., 1887 г., ч. 253, окт., с. 167—249; ч. 254, ноябрь, с. 1—46, дек., с. 251—303; 1888 г., ч. 255, фев., с. 326—376; ч. 256, мартъ. с. 118—160, апр., с. 380—448.—Отд.: СПБ., 1888, с. VI+372; изд. 2-ое. **Сочиненія**, т. II, СПБ., 1913, с. XXI+474. 1887.

6. **Легенда о чудѣ св. Дмитрія Царевича Угличскаго.**—Библіографъ, 1888 г., № 1, с. 18—20. 1888.

7. Книга о чудесахъ преп. Сергія, твореніе Симона Азарьина.—ПДП, LXX. СПБ., 1888, с. предисловие III—VI+131+III.

8. **Московскія волненія 1648 года.**—Ж. М. Н. П., 1888 г., ч. 257, іюнь, с. 279—289.—Статьи, I с. 77—93, II с. 62—75.

9. **О началѣ Москвы** (замѣтки по поводу доклада И. Е. Забѣлина на VIII Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ).—Библіографъ, 1890 г., № 5—6, с. 57—63. Статьи I с. 94—103, II с. 76—83. 1890.

10. Н. Д. Чечулинъ „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“. СПБ. 1889.—Рец. Ж. М. Н. П., 1890 г., ч. 269, май, с. 140—154.—Статьи, под заглавием „Къ исторіи русскаго города XVI вѣка“, I с. 104—126, II с. 84—102.

11. Д. Иловайскій „Исторія Россіи. Т. III. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI в.“. М. 1890.—Рец. Ж. М. Н. П., 1891 г., ч. 274, мартъ, с. 180-199.—Статьи, под заглавием „Исторіографическое сочиненіе нашего времени“, I с. 127—155, II с. 103—126. 1891.

12. А. Зерцаловъ „О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ 1648., 1662 и 1771 г.г.“ (Ч. М. О. И. и Д. Р., 1890, кн. III).—Рец. Ж. М. Н. П., 1891 г., ч. 275. май. с. 182—188.—Статьи, (сокращено) под заглавием „Нѣчто о земскихъ сказкахъ 1662 года“. I с. 156—163, II с. 127—132.

13. Памятники древне-русской письменности, относящіеся къ Смутному времени.—РИБ, т. XIII. СПБ., 1891, с. предисловіе V—XXXII+982; ib., изд. 2-ое. дополненное, СПБ., 1909 г., с. предисловіе V-

[1]) Принятые сокращения: Ж. М. Н. П.—Журнал Министерства Народного Просвещения; ПДП—Памятники Древней Письменности и Искусства; РИБ—Русская Историческая Библиотека; Ч. М. О. И. и Д. Р.—Чтения Московского Общества истории и древностей Российских; Статьи—Статьи по русской истории С. Ф. Платонова (I и II издания); Рец.—рецензия. Разрядкой набраны издания источников, редактированные С. Ф. Платоновым.

XII+1472. (Извлечено из 2-го изд. и издано от д.: „Такъ называемое Иное сказаніе". СПБ., 1907. С. IV+143; „Временникъ дьяка Ивана Тимофеева". СПБ., 1907. С. V+216; „Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ Царствѣ и Великомъ государствѣ Московскомъ". СПБ., 1907. С. III+32.; „Повѣсть кн. Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго". СПБ., 1908. С. IV+154.; „Сказаніе Авраамія Палицына". СПБ., 1909. С. III+376; „Житіе преподобнаго Иринарха затворника Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря". СПБ. 1909. С. IV+68.; „Статьи о Смутѣ, извлеченныя изъ хронографа 1617 года, и отповѣдь въ защиту патріарха Гермогена". СПБ. 1909. С. II+50).

14. **Какъ возникли чети? (къ вопросу о происхожденіи Московскихъ приказовъ-четвертей).**—Ж. М. Н. П., 1892 г., ч. 281, май, с. 158—171.—Статьи, I с. 164—185, II с. 133—150. 1892

15. С. М. Середонинъ „Сочиненіе Дж. Флетчера „Of the Russe Common Wealth", какъ историческій источникъ". — Рец. Отчетъ о 34-омъ присужденіи наградъ гр. Уварова. СПБ. 1892. С. 1—27.

16. Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 года. Kurtze undt warhaftige Beschreibung desz gefährlichen Auffleuffes des Gemeinen Pöbels in der Stadt Moscow den 2 Iuny A. 1648 geschehen undt vorgelauffen.—Ч. М. О. И. и Д. Р. 1893 г. Кн. I-ая. С. 1—19. 1893

17. Е. В. Пѣтуховъ „Къ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи гадъ. (ПДП XCIII). — Рец. Ж. М. Н. П., 1893 г., ч. 287, май, с. 277—281.—Статьи, под заглавием „Къ вопросу о сочиненіяхъ кн. А. И. Хворостинина" I с. 186—192, II с. 151—156.

18. **Лицевой лѣтописецъ XVII вѣка.**—ПДП CIV. СПБ. 1893. Предисл. с. 1—5.

19. Новгородская кабальная книга 7106 (1597) г.—РИБ т. XV. СПБ. 1894. С. предис. I+62. 1894.

20. Новгородскія кабальныя книги 7108 (1599—1600) года.—РИБ т. XV. СПБ. 1894. С. предисл. III IV+57.

21. Сказаніе о Самозванцѣ по списку Московскаго Публичнаго Музея № 3141. —ПДП. CIX. СПБ. 1895. С. предисл. 3—7+9—15. 1895.

22. Өедора Грибоѣдова исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ земли русской.—ПДП CXXI. СПБ. 1896. С. предисловие XVI+69. 1896

23. Н. Д. Чечулинъ „Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II (1762—1774). СПБ., 1896.—Рец. Ж. М. Н. П., 1897 г., ч. 309, янв., с. 170—175. 1897.

24. **Столѣтіе кончины Императрицы Екатерины II** (читано на торжественномъ актѣ Высшихъ Женскихъ Курсовъ 1 декабря 1896 года). СПБ. 1897, стр. 15.—Статьи, I с. 259—277, II с. 234—248.

25. **К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.**—Ж. М. Н. П., 1897 г., ч. 309, февр., с. 163—177.—Статьи, I с. 278—299, II с. 163—180.

26. **О двухъ грамотахъ 1611 года.**—Commentationes Philologicae. Сборникъ статей въ честь Ив. Вас. Помяловскаго. СПБ., 1897, с. 137—141. — Статьи, I с. 193—200, II с. 157—162.

27. Н. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина". Кн. II. СПБ., 1897.—Рец. Ж. М. Н. П., 1897 г., ч. 311, іюнь, с. 464—469.

28. **Къ исторіи опричины XVI вѣка.**—Ж. М. Н. П., 1897 г., ч. 313, окт., с. 260—276.

29. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію И. Археографическою Комиссіею.—Т. XI. Лѣтописный Сборникъ, именуемый патріаршей или Никоновской лѣтописью, СПБ. 1897 г., с. предисл. V—VII+254.—Т. XII Тоже (продолженіе). СПБ., 1901 г., с. предисл. V—VI+266.—Т. XIII, 1-ая половина. Тоже (окончаніе). СПБ., 1904 г., с. предисл. III—V+302.—Т. XIII, 2-ая половина. Дополненія къ Никоновской Лѣтописи и т. наз. Царственная книга. СПБ., 1906 г., с. предисл. V—VIII+303—532+VIII табл.—Т. XIV, 1-ая половина. I. Повѣсть о честнемъ житіи ц. и вел. кн. Өедора Ивановича всея Руси. II. Новый лѣтописецъ. СПБ., 1910 г., с. предисл. I+151.

30. **Къ исторіи городовъ и путей на южной окраинѣ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ.**—Ж. М. Н. П., 1898 г., ч. 316, мартъ, с. 81—104. 1898.

31. Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. СПБ. 1898.—Рец. Ж. М. Н. П., 1898 г., ч. 317, май, с. 170—176.—Статьи. I с. 201—210, II с. 181—198.

32. Н. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“. кн. 12. СПБ. 1898.—Рец. Ж. М. Н. П., 1898 г., ч. 317, май, с. 176—179.

33. **Первые политическіе шаги Бориса Годунова** (1584—1594).—Ж. М. Н. П., 1898 г., ч. 317, іюнь, с. 293—310.

34. **Борьба за Московскій престолъ въ 1598 году.**—Ж. М. Н. П., 1898 г., ч. 319, окт., с. 263—287.

35. **Царь Василій Шуйскій и бояре въ 1606 году.**—Ж. М. Н. П., 1898 г., ч. 320, дек., с. 211—221.

36. **Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в.в.** (опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время). СПБ. 1899. С. XIV+665. [Тоже в „Запискахъ Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго СПБ. Университета“, ч. LII].—Изд. 2-ое, СПБ., 1901 г., с. XII+520.—Изд. 3-ье, СПБ., 1910 г., с. XV+624.

37. **Лекціи по русской исторіи**, читанныя въ 1898—99 г. на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, въ И. СПБ. Университетѣ и Военно-Юридич. Академіи. Издали на правахъ рукописи слушатели В.-Юридич. Академіи поручики Блиновъ и фонъ Раупахъ. СПБ. 1899 г. Вып. I, с. 125; вып. II, с. 198; вып. III, с. 192.—Id., чит. в 1899—1900 г. тамъ же. Издали тѣ же; СПБ. 1900 г. Вып. I, с. 148; вып. II, с. 149—386; вып. III, с. 387—616+XII.—Id., чит. въ 1900—1901 г. въ Алдр. Военно-Юридич. Ак., И. СПБ. Университетѣ, на В. Ж. Курсахъ и въ Ник. Ак. Ген. Штаба. Издали на правахъ рукописи б. слушатели В.-Юр. Ак. И. Блиновъ и Р. фонъ-Раупахъ. СПБ. 1901 г., с. 575.—Id., чит. въ 1903—1904 г. тамъ же. Издалъ на пр. рукоп. б. слуш. В.-Юрид. Ак. Ив. Блиновъ. СПБ. 1904 г., с. 594.—Id. Издалъ Ив. Блиновъ. Изд. 5-ое, исправл. и дополн. СПБ. 1907 г., с. 651.—Id. Издалъ Ив. Блиновъ. Изд. 6-ое. испр. и доп. СПБ., 1909 г., с. 664.—Id. Издалъ Ив. Блиновъ. Изд. 7-ое. СПБ. 1910 г., с. 664.—Id. Издалъ Ив. Блиновъ. Изд. 8-ое. испр. и доп. СПБ. 1913 г., с. 743.—Id. Издалъ Ив. Блиновъ. Изд. 9-ое, испр. СПБ. 1915 г. с. 743.—Id. Издалъ Ив. Блиновъ. Изд. 10-ое. перем. и испр. Петр. 1917 г. с. 743.

38. Н. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“. кн. 13. СПБ. 1899.—Рец. Ж. М. Н. П., 1899 г., ч. 325, окт., с. 375—378.

39. **Василій Григорьевичъ Васильевскій.**—Записки И. Русскаго Археологическаго Общества т. XI, вып. 1—2, новая серія. СПБ., 1899, с. XV—XIX.—Отт. СПБ. 1900. С. 7.—Статьи. I с. 300—306, II с. 189—191.

40. **Рѣчи Грознаго на Земскомъ Соборѣ 1550 г.**—Ж. М. Н. П., 1900 г., ч. 328, мартъ, с. 128—132.—Отт. СПБ. 1900. С. 7.—Статьи. I с. 219—221, II с. 203—205 [1]). 1900.

41. Н. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Кн. 14. СПБ. 1900.—Рец. Ж. М. Н. П., 1900 г. ч. 330, авг., с. 405—407.

42. **О титулѣ „Думный дьякъ“.**—Вѣстникъ Всемірной Исторіи. 1900 г., № 12, с. 1—5.—Статьи, I с. 211—218. II с. 195—200.

43. **О происхожденіи патріарха Гермогена.**—Ж. М. Н. П., 1901 г., ч. 337, окт., с. 511—513.—Статьи. I с. 231—236, II с. 211—214. 1901.

44. **Филаретъ,** патріархъ московскій и всея Руси.—Рус. Біогр. Словарь, т. Фаберъ-Цявловскій. СПБ. 1901 г. С. 91—103 (подписано „С. П-въ“).

45. **Къ вопросу о Никоновскомъ Сводѣ.**—Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, т. VII, 1902 г., кн. 3-ья, с. 24—36.—Статьи. I с. 236—247, II с. 215—224. 1902

46. **О топографіи Угличскаго „Кремля“ въ XVI—XVII в.в.**—Труды Ярославскаго Областного Съѣзда (съѣзда изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской области). М. 1902. С. 84—87.—Отд. М. 1902. С. 5.—Статьи, I с. 225—230, II с. 206—210.

[1]) Ф. А. Ушаковым было записано и, с разрешения С. Ф. Платонова, напечатано отдельной брошюрой: „Причины смутнаго времени Московскаго государства въ XVI и XVII в. в. и отраженіе его въ Псковѣ (Изъ публичной лекціи профессора С. Ѳ. Платонова, читанной въ г. Псковѣ 19-го марта 1900 г. въ пользу Псковскаго Археологическаго Общества)“. Псковъ. 1900. с. 69.

[illegible] И. Я. Гурляндъ „Приказъ Великаго Государя Тайныхъ дѣлъ". Ярославль. 1902 г.—Рец. Ж. М. Н. П., 1902 г., [illegible], дек., с. 448—450.—Статьи (подъ [illegible] „Къ вопросу о Тайномъ Приказѣ") I с. 248—258, II с. 225—233.

4[illegible]. Къ 200-лѣтію Петербурга.—Сборникъ „Въ память 200-лѣтія города С.-Петербурга. 1703—1903". Для учащихся СПБ. Учебнаго Округа. СПБ. 1903. с. [illegible]. 1903.

[illegible] Статьи по русской исторіи (1883—1902 г.г.). СПБ., 1903, с. 311.—Изд. второе (1883—1912). Сочиненія. т. I. СПБ. 1912. С. [illegible]—525.

[illegible] Вопросъ о происхожденіи перваго Лжедимитрія.—Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія. СПБ. 1904 г., № 32. С. 1[illegible]—216.—Статьи. II с. 267—278. 1904.

[illegible] Савва Ефимьевъ, протопопъ Спасо-Преображенскаго Собора въ Нижнемъ Новгородѣ.—Нижегородскій сборникъ (Юбилейное изданіе „Знаніе"), СПБ., 1905, с. 24[illegible]—[illegible].—„Люди Смутнаго времени" премія [illegible] и Библ. Самообразованія за [illegible] СПБ., 1905, с. 43—45.—Отд. [illegible] губернская архивная коммиссія. [illegible] с. [illegible]2.—„Статьи". II с. [illegible]. 1905.

[illegible] Борисъ Федоровичъ Годуновъ [illegible]

[illegible] Къ исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ.—Журналъ [illegible] № 2, [illegible]—107; № [illegible] 172.—[illegible] „Московскіе [illegible] Москвы А. Е. Забѣлина. Ч. I. [illegible] М. 1906 г., с. 10[illegible]—[illegible]87. [illegible] „Земскіе Соборы".—[illegible]

[illegible] М. Н. [illegible] СПБ., 1905.—Рец. Ж. М. Н. П., 1905 [illegible] с. [illegible]

[illegible] Гр. В[illegible] [illegible] Ж. М. Н. П. [illegible] с. 4[illegible]—441.

[illegible] Московское правительство при первыхъ Романовыхъ.—Ж. М. Н. П., 1906 г., [illegible], с. 298—371.—Отд. оттискъ СПБ. 1906, с. [illegible] II с. 239—[illegible]. 1906.

57. Сочиненіе на иконоборцы и на вся злыя ереси.—Лѣтопись Занятій И. Археографической Коммиссіи за 1905 г., вып. XVIII. СПБ., 1907, предисл. с. 109—116. 1907

58. Объ авторѣ сочиненія „На иконоборцы и на вся злыя ереси".—Ж. М. Н. П., 1907 г., окт., с. 332—342.—Статьи. II с. 107—119.

59. Грамоты на кормленія XVI вѣка. Зап. Отд. рус. и слав. археологіи И. Рус. Археологич. Общества, т. VII, вып. 2-й. СПБ., 1907 г., с. 258—259 + XI—XIII.

60. Борисъ Өедоровичъ (Годуновъ). Рус. Біогр. Словарь, т. Бетанкуръ-Бякстеръ. СПБ. 1908. С. 246—250 [дополненіе къ статьѣ К. Н. Бестужева-Рюмина о Б. Годуновѣ; подписано „С. П-въ"]. 1908.

61. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Ч. I, [illegible] Петра Великаго. СПБ., 1909 г., с. VIII+260; id. ч. II, от Петра В. СПБ., 1910 г. с. 2[illegible]—Id. Изд. 2-е пересмотр. [illegible] въ 2 хъ частяхъ. СПБ., 1910 г., с. [illegible]—Id. Изд. 3-е, въ 2-хъ чч. съ 5 картами. СПБ., 1910 г., с. [illegible]—Id. Изд. 4-ое, въ 2-хъ чч. съ 5 картами. СПБ., 1911 г., с. 492.—Id. Изд. 5-ое, въ 2-хъ чч. съ 8 картами. СПБ, 191[illegible] г., с. 493.—Id. Изд. 6-ое, въ 2-хъ чч. съ 8 карт. СПБ. 1915 [illegible] 495. Id. Изд. [illegible] въ 2-хъ [illegible] съ 8 карт. СПБ. 1916 [illegible] 493.—Id. Изд. 8-ое, [illegible] 2 хъ чч. съ 8 карт. СПБ. 1916, с. 493. 1909.

62. Къ исторіи Полтавской битвы (27 іюня 1709 г.).—Рус. Старина, 1909 г., т. 137, янв., с. 2[illegible]—[illegible].—Отд. СПБ. 1909. С. 9+2 карты.—Статьи. II с. 135—143.

6[illegible]. [illegible] церкви Архангельской Епархіи. [illegible] РИБ [illegible] XXV. СПБ. 190[illegible], предисл. V—VIII.

6[illegible]. А. Е. Пресняковъ. „Княжое право въ древней Руси. Очерки по исторіи X—XII столѣтій". СПБ. 1909.—Рец. Ж. М. Н. П., 1909 г., [illegible], с. 213—216.

6[illegible]. Личность Петра Великаго.—Полтавскій Сборникъ [illegible] 200-лѣтія Полтавской побѣды. Изд. Управленія СПБ. Учебн. Округа. СПБ. 1909, с. 5—2[illegible].

6[illegible]. Столяровъ хронографъ и его авторъ.—Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1909, с. 18—28.—Статьи. II с. 120—134.

67. **В. О. Ключевскій.** „Новое Время", [illegible] мая 1911 г. 1911.

68. **В. О. Ключевскій** (1839—1911 г.г. Некрологъ). —Ж. М. Н. П., 1911 г., нов. серія, ч. XXXVI, ноябрь, с. 30—36.—Отд. СПБ. 1911 г. С. 9.—С некоторыми сокращеніями в сб. „В. О. Ключевскій. Характеристики и воспоминанія". М. 1912.—Статьи, II с. 495—503.

69. **Боярская Дума—предшественница Сената.**—Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ (1711—1911). Т. I. СПБ. 1911. Введеніе, с. 1—13.—Статьи, II с. 144—194.

70. **Подлинное дѣло о строеніи города Смоленска.**—Смоленская Старина. Выпускъ [illegible] часть II. Изд. Смоленской Ученой Архивной Комиссіи. Смоленскъ. 19[illegible] г. с. 21—28.

71. **Діонисій**, преп., архимандритъ Троице-Сергіева Монастыря. Русская Энциклопедія Т. VII. СПБ. (без даты). [illegible] (подп. „С. Пл.").

72. **Царь Алексѣй Михайловичъ** (Опытъ [illegible] характеристики).—Три вѣка. Россія отъ Смуты до нашего времени. Историческій сборникъ подъ ред. В. В. Каллаша. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Т. I. М. 1912. С. 58—[illegible]—Государи дома Романовыхъ 1613—1913. Жизнеописанія царствовавшихъ государей и очерки ихъ царствованій. Подъ ред. Н. Д. Чечулина. М. 1913 г. Изд. Т-ва И. Д. Сытина, с. 62—92. 1912.

73. **Н. М. Карамзинъ.** Рѣчь, произнесенная [illegible] собраніи 18 [illegible] 1911 г., по случаю [illegible] Н. М. Карамзину въ [illegible] Археографическій Архивъ [illegible] ... Т. V. вып. 2. СПБ. 1912. [illegible] 227—236. Отд. СПБ. 1912 с. 10.—Статьи, II с. 504—5[illegible]2.

74. **„Священной памяти двѣнадцатый годъ".** Предисловіе къ книгѣ Н. Г. Васенко „Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественной войны". СПБ. 1912. с. [illegible]—XVI.—Статьи, II с. 513—520.

75. **Патріархъ Гермогенъ и архимандритъ Діонисій** (историческая поминка). [illegible] разр. воен. Археологіи и Археографіи И. Рус. Военно-Историч. Об-ва. Т. II. СПБ. 1912, с. 1—7.—Отд. СПБ. 1912. С. 7 [1]).

76. **Вопросъ объ избраніи М. Ф. Романова въ русской исторической литературѣ.**—Ж. М. Н. П., 1913 г., нов. серія, ч. XLIII. февр., с. 177—190.—Отд. СПБ. 1913. С. 16. 1913.

77. **Сокращенный курсъ русской исторіи для средней школы.** Съ 8 картами. СПБ. 1914 г. с. IV+436.—Id. Изд. 2-ое съ 8 карт. СПБ. 1915 г., с. IV+436.—Id. Изд. 3-ье, съ 8 карт. СПБ. 1917 г., с. 436.—Id. Изд. 4-ое, дополн., съ 8 карт. СПБ. 1917 г. с. 443. 1914.

78. М. М. Богословскій. „Земское Самоуправленіе на Русскомъ Сѣверѣ въ XVII в. Т. II. Изд. Об-ва Ист. и Др. Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. М. 1912. Стр. II+311+45+32".—Рец. Ученыя Записки И. Московскаго Университета. Отдѣлъ Историко-Филологическій. Вып. XLIII. М. 1914. с. 329—344.—Отд. М. 1914. С. 15.

79. **Памяти А. В. Тищенко.**—В сб. „А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о немъ". Петр. 1916. С. VII—VIII. 1916.

80. **Великій Новгородъ до его подчиненія Москвѣ въ 1478 году и послѣ подчиненія до Ништадскаго мира 1721 г.**—Главнѣйшія положенія, извлеченныя изъ лекціи 12 апрѣля 1909 года.—Конспекты лекцій, чит. в 1909 г. въ Новг. Общ. Любит. Древности г.г. лекторами И. Археологич. Института. Изд. Новг. Общ. Люб. Древн. Новгородъ. 1916 г. с. 11.

81. **Вѣче въ Великомъ Новгородѣ.**—Конспектъ лекціи, прочитанной 25 апрѣля 1915 г. въ г. Новгородѣ. Изд. Новг. Общ. Любит. Древн.—Новгородъ. 1916. с. 9.

82. М. В. Клочковъ. Очеркъ правительственной дѣятельности времени Павла I. Петр. 1916. С. IV—632.—Рец. Школьная Лѣтопись. 1917 г. № 2, февр. с. 35—36. 1917.

83. **Старыя сомнѣнія**.—Сборникъ статей въ честь М. К. Любавскаго. Петроградъ. 1917. С. 172—180.

84. **О старыхъ пословицахъ и поговоркахъ.**—Ежемѣсячный Журналъ („Журналъ для всѣхъ"). Петроградъ. 1918 г. № 2—3, февр. мартъ. с. 197—205. 1918.

85. **Лѣтописный разсказъ о крещеніи княгини Ольги въ Царьградѣ.**—Изв. Таврич.

[1]) [illegible] вящ. Л. Крыловымъ были записаны и, с разрешения С. Ф. Платонова, напечатаны отдельной брошюрой „Лекціи по Русской Исторіи профессора С. Ѳ. Платонова, читанныя на Тверскихъ церковно-археологическихъ курсахъ 28—30 мая 1912 г.". Тверь. 1913. с. 47.

[illegible] Архивной Коммисіи. № 54. Симферополь. 1918 г. с. 182—186.—Историческій Архивъ, издаваемый Главнымъ Управленіемъ Архивнымъ Дѣломъ. 1919 г. Первая книга. Петроградъ. 1919 г. с. [illegible]—2[illegible]8. 1919.

86. **Руса.**—Дела и Дни. 1920. Книга первая. Петербург. с. 1—5. 1920.

87. Два разговора. (Из дневников В. П. Глазова).—Дела и Дни. 1920. Книга первая. Петербург. с. 209—218.

88. **Рѣчь, произнесенная при открытіи Петроградскихъ Архивныхъ Курсовъ 31 авг. 1918 г.**—Архивные Курсы. Лекціи, читанныя въ 1918 году. Вып. I. Петроградъ. 1920. с. 1—[illegible].

89. **Борис Годунов.**—Образы прошлого. Петроград. Изд-во „Огни". 1921. С. 157. 1921.

90. **Московский голод 1601—1603 г.г.**—Книжное Дело. № 9—10. Петроград. 1921 г. с. 2—5.

91. **Был ли первоначально русский север крестьянским?** Архив истории труда в России. Книга вторая. Петроград. 1921. с. 15—18.

92. **Несколько воспоминаний о студенческих годах.** Дела и Дни. 1921. Кн. вторая. Петербург. 1921. с. 104—[illegible].

93. **О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси.**—Архив истории труда в России. Книга третья. Петроград. 1922. с. 18—22. 1922.

94. **Очерк Новгородской колонизации Севера.**—„Очерки по истории колонизации Севера", изд. Комитета Севера при Рус. Географич. Обществе. Вып. I. Петербург. Госуд. изд-во. 1922. с. 26—32.

95. **Низовская колонизация на Севере.**—Там-же. с. 47—69.

96. **Иноземцы на русском Севере в XVI—XVII в.в.**—„Очерки по истории колонизации Севера и Сибири", изд. Комитета Севера при Рус. Геогр. Об-ве и Северной колонизационной экспедиции. Вып. II. Петроград. Ред.-Изд. Комитет Нар. Ком. Земледелия. 1922. с. 7—17.

97. **Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ †2 января 1897 года.**—Рус. Историч. журнал. Кн. 8. Пгр. 1922. с. 225—228.

98. **А. А. Шахматовъ, какъ историкъ.**—Изв. Отд. рус. яз. и слов. Рос. Акад. Наукъ. 1920 г. Т. XXV. Петроградъ. 1922. с.с. 136—140.

Декабрь. 1922 г.

Б. Романов

Археология в темах начальной русской истории.

Археология уже имеет нечто сказать и по вопросам начальной русской истории. Правда, мы можем дать здесь пока немногое, но и этого, казалось бы, достаточно, чтобы поддержать развивающийся среди историков интерес к нашему материалу.

Так, мы можем удостоверить, что приблизительно до половины IX в. норманны не принимали никакого участия в культурной жизни широкой полосы восточного побережья Балтийского моря. Они или сами сюда не заглядывали, или же, что вероятнее, их чуждались и сюда не пускали.

Эта страна и не нуждалась в культурном содействии соседей через море, так как здесь, приблизительно с VI в., а то и с более раннего времени, развивалась особая, самобытная культурная работа, выразившаяся в появлении оригинальных древностей. В VI—VIII в. такими были изделия из меди или бронзы с прорезью и с цветною эмалью. Основалась эта культура на римских провинциальных бронзах (расцвет ее на Рейне), но сложилась, между Вислою и Неманом, в замечательные по изяществу и разнообразию формы. Ни в Германии, ни в Дании, ни в Швеции этой культуры нет. Зато она обильно покрывает все восточное побережье моря, включая и Финляндию. На восток по Припяти она проникает глубоко. Могильники с этими вещами найдены на устье Припяти (у д. Тишковки), в районе Киева (Межигорский клад Хойновского), в низовьях Десны (Жуковка, в коллекции Ханенка, вып. VI). Местонахождений отдельных вещей можно насчитать в районе Днепра уже десятки. Вещи проникают и далее, в район Оки, а отсюда на верховья Волги, на Кавказ, даже в Херсонес. Все это и естественно, потому что поделки действительно очень хороши (см. атлас Аспелина, Мощинский клад Булычева, Межигорский клад в издании Хойновского, каталог Рижской выставки Гаусмана, статью Спицына о предметах с выемчатою эмалью в Зап. Русск. Отд. Р. А. О., т. V, в. 1). Кое-где эта культура претерпевала местную переработку, напр., в Эстляндии. В интересующее нас время (IX в.) данная культура сильно изменила свою физно-

номие, заменив эмаль тонкими листками серебра на свинце; типы вещей также претерпели изменение, но основные формы остались прежними (вещи богатейшего и лучшего могильника этой культуры близ Andullen у Мемеля сохраняются в Берлинском музее). В Прибалтийском крае она имеет также широкое распространение, охватывая кроме Литвы и весь финский мир, прилегающий к морю. На восток эта культура уже не идет, так как здесь получают перевес свои культурные течения. Этих древностей по западному берегу моря и на его островах тоже нет. Эта литовская культура будет иметь в тех же границах и дальнейшее, почти столь же блестящее, развитие в X в. (Люцин, а далее идет ее продолжение вплоть до XIII—XIV в.). За весь этот длинный период норманские вещи в стране выступают лишь спорадически и кратковременно. Известно небольшое количество хороших отдельных вещей Вендельской шведской культуры IX в., главным образом крупные медные позолоченные фибулы с головками змей (Курляндия), несколько норманских вещей в Люцинской культуре X в. и норманские вещи в Wiskiauten под Кенигсбергом, единственной норманской (кажется, датской) фактории в стране Пруссов (каталог Кенигсбергского музея, стр. 30). Шведские вещи IX в. в Курляндии столь же одиночное явление, как кратковременное пребывание здесь в то же время проповедника Ансгария. Из жития этого святого видно, что ему сильно покровительствовали купцы; вероятно, они-то и доставили его в страну Корси и увезли обратно; да и сами они не могли здесь укрепиться. Одна из саг говорит о старом подчинении Корси шведам, о неудачном походе на нее датчан и удачном конунга Олафа, который, будто-бы, восстановил старую дань. Это—неопределенное предание о каких-то походах норманнов на восток.

Но в том же IX в. норманны проникли на восток по другой магистрали. Наибольшее количество норманских вещей этого времени на востоке мы видим в Финляндии (атлас Аспелина и фотографический альбом Гакмана): сюда-то и проникли прежде всего норманны, здесь-то они начали свои торговые предприятия, отсюда и пошло наименование пришельцев „руотси“ (по допустимому толкованию В. А. Брима, из drotsmann-roots-ruotsi, дружинник) [1].

---

[1]) Впрочем нельзя принимать эту теорию без колебаний. Представляется не вполне вероятным, что имя норманнов-руси и литве, и болгарам, и хозарам, и славянам, и грекам стало известным только в произношении суми, маленького невлиятельного племени. Теория Будиловича-Куника (Труды VIII Арх. Съѣзда, IV, 118) поэтому кажется не менее стойкою (русь от hrodh). Куник не решился выступить с теорией, принятой Бримом, и корень drott объединял с „друг“ (Дорнъ, Каспій, 648, 430, 437; Браунъ, Разысканія. 17)

Археологам приятно сообщить, что они, повидимому, могут определенно указать, из какой страны норманского мира проникли в Финляндию, а следовательно и далее, эти дружинники. Дело в том, что древности Готланда IX—X в. имеют некоторые отличия от древностей шведского материка, объясняемые, видимо, тем, что Готландская культура идет из Дании и Борнгольма. Таковы фибулы большие двулопастные, фибулы в виде круглой коробочки, фибулы в виде головки медведя, пряжки с длинною иглою. Все эти вещи имеются в Финляндии, пожалуй, в большем количестве, чем в Швеции, и для нас отсюда явствует, что русь IX в.—это готландские торговцы.

Археологический матерьял следит и за дальнейшею судьбою этой руси на востоке. Перед нею открывался финский мир и Болгары. Прежде всего под Ладогою выступало племя современных вепсов, которых хотелось бы назвать именем веси, но нет для того серьезных оснований. Древности IX в. этого племени еще не ясны, расселение его в это время неизвестно. Загадка раз'яснится, когда мы здесь найдем и исследуем обрядовые городища, так называемые Дьякова типа. Эти городища распространены по всему финскому миру от Чудского озера и р. Великой до Волги и Камы и от Галичского озера до Десны. Их содержание—слои золы, колотые камни, характерная керамика, чаще с рябчатым орнаментом, и вещи финских типов с Оки и Камы, а также литовских VI—VIII в. Такие городки уже известны в Новгороде, по Волхову (Знаменка), но по Свири и в глубине страны еще не обнаружены (хотя на р. Суде они есть, на Шексне, конечно, найдутся) [1]). Когда будут исследованы вепские городища, тогда будет ясно, с какою страною или странами вепсы имели общение. Нижний слой Ладожского городища, относящийся к IX в., не имеет аналогий с Дьяковыми городищами, беден находками и еще не ясен. Важно то, что в крае найдены арабские монеты IX в., пришедшие, конечно, с Волги; вероятно, вепсы еще до норманнов входили в междуплеменный культурный обмен и уже поддерживали торговлю с Болгарами. Если это так, то ясно огромное значение этого племени для норманнов: вепсы открыли им уже налаженную дорогу на Волгу. Путь этот через их страну проходил по Сяси, Чагодоще и Мологе. Норманны

[1]) Об городищах Дьякова типа статьи Спицына в Зап. Русск. Отд. Р. А. О., т. V, в. 1 и т. VII, в. 1. Обрядовые места, видимо, идут у нас с глубокой старины, может быть, из медного века, переходя в старые городища типа костеносных, в пермские костища, в Дьяковы городища и позднейшие мольбища.

уютно устроились в низовьях Волхова и открыли операцию на Болгар, доставляя туда сперва железо и ткани, а затем, освоившись с Болгарским рынком, несравненно более ценный товар — рабов, ради добывания которых в это время усилились набеги норманнов на побережья Балтийского и Немецкого морей.

В двух местах по этому Ostweg высятся „сопки". Это — огромные курганы до нескольких сажен высоты, заботливо сложенные из дерна, крутобокие. Они тянутся линией в районе Ладоги и группой под д. Городищем на Сяси. При раскопках в сопках вообще не находят никаких вещей, кроме сожженных костей, но Бранденбургом в одной Ладожской сопке найдены были медные бляшки Камского типа, и по ним мы знаем, что сопки принадлежат IX в. [1]). На родине норманны не сооружали сопок и довольствовались более низкими насыпями, или же погребались в обширных ямах, в ладьях (как Ольга погребла древлян), но никому иному их нельзя приписать: эти насыпи всюду сопутствуют норманнам, появляясь и в Смоленске, и в Чернигове, и, вероятно, в Киеве [2]). Есть надежда найти у нас и погребальные норманские ямы, напр. в той же Ладоге; отличные норманские вещи X в. усадьбы Марра в Киеве обнаружены, повидимому, в яме. Ни на Мологе, ни на Волге, ни в районе болгар высоких норманских сопок IX в. не обнаружено; курган Ибн-Фодлана, очевидно, был в действительности невыдающейся величины. Норманны - русь имели под Болгарами свое погребальное поле, оставив здесь порядочную группу курганов у д. Балымер, в нижнем течении р. Утки. Раскопка этих курганов дала норманский меч и иные вещи, но также, к удивлению, пояс с венгерскими бляшками X в., попавший, может быть, чрез Киев, где обнаружились и немногие другие вещи венгерских типов этого времени (Спицын в Изв. Арх. Ком., в. 53, стр. 164; о Балымерских древностях у Штукенберга в Изв. Каз. Арх. Общ., т. X, 155 и у Bela Pósta, т. I, 9—52).

Болгары, скорее всего, представляют собою остатки старого приволжского населения, обладавшего довольно высокою культурою и в IX—X в. Древности их пока едва намечаются (могильник X в. у с. Танкеева, могильник XII—XIII в. близ Кунгура, Билярское богатое городище с обильными находками), но характер культуры ясен, потому что она целиком отражается

[1]) О сопках статья Спицына в Зап. Р. А. О., т. XI. в. 1. 142.

[2]) Эффектный рассказ car (Antiquités russes, I, 316) о больших норманских сооружениях на востоке (amplissima monumenta, а также aggeres aliaque fortiter ibi et praeclare ab eo gestarum rerum monumenta) очень интересен, но слишком неопределенен. Однако, общий смысл сооружений ими схвачен верно.

на Камских, Вятских, Ветлужских древностях и в древностях всего обширного севера России, включая северную Финляндию. Культура эта разнообразна и богата (лучший могильник IX в.— Бродовский близ Кунгура); она сложена из старых местных и сибирских элементов и находится под значительным влиянием хозарской культуры. Центр ее, повидимому, Билярск, который и можно признавать старым Болгаром. В современных Болгарах этих древностей до сих пор неизвестно; пристань руссов—естественнее предполагать близ того места, где сохранились их погребения, т. е. где-то у нижнего течения р. Утки, любопытной уже тем, что это самый богатый район в крае по находкам арабских монет. Предположение это не соответствует прямым словам Ибн-Фодлана о пристани руссов, но я продолжаю думать, вопреки мнениям бар. Тизенгаузена и В. В. Бартольда, что этот писатель не был на месте и в своем рассказе допустил неточности. Болгары-Билярск стоит на краю степи; сюда удобно было подходить караванам из Балха и Хивы. Норманны привозили на Каму в малом количестве свои металлические изделия даже из железа, что ясно сказывается на могильниках края; товар их—меха и рабы, как это отмечает и Ибн-Фодлан. Сказать, какие именно районы Камско-Вычегодско-Ветлужского края принадлежат в отдельности болгарам, югре, коми и, пожалуй, черемисам, мы пока не можем. Вероятно, коми жили по Вычегде и в Удории, а югра занимала и Чердынь, и верхокамский край, и Чепцу. Следы ее чувствуются еще в XVI в. даже по Чусовой, и нет никаких оснований думать, что это здесь новейшее поселение [1]).

Сношения болгар с хозарами шли, конечно, по Волге, но где на Волге лежали самые южные болгарские поселения, пока не знаем; Увек, быть может, город иной народности, именуемой у арабов буртасами и оставившей многочисленные могильники и обрядовые городища по Оке, Мокше, Цне; вероятно, они имеются также по Суре, уже найдены на Волге в Самарском крае. Многочисленные финские городища открыты под Хвалынском и Саратовом, откуда они прослеживаются через Пензу до Оки. Культура связана с камской и хозарской (ясской); сказывается на ней и некоторое влияние литовской культуры. Увек мог быть выходом этой культуры на Волгу [2]). Ближе всего буртасы подходят к мордве и мещере. Сколько к этому народу

[1]). С древностями Камского края удобнее всего знакомиться по моей работе „Древности Камской чуди по коллекціи Теплоуховыхъ". Бродовский могильник еще не издан, но таблицы для него уже готовы.

[2]) Не есть ли это г. Сувар? Финские вещи на Увеке найдены.

примешалось крови не финской, не знаем. К IX в. в этом районе относим древности типа Томниковского могильника [1]).

Далее выступает одна из весьма боевых археологических тем. На Волге по пути в Болгары норманны встретили особое значительное племя и в X в. основались среди него [2]). При устье р. Которосли в районе Ярославля (д. Тимерево и Михайловское) известна группа нормано-русских курганов X в.—не менее 1500 насыпей; в верховьях этой реки и в районе Ростовского озера их было не менее того. Это говорит за хорошее население, если вспомнить, что в самом Бьёрке насчитывается 2080 курганов. Такое пришлое население предполагает очень хорошее местное население, каковым была загадочная мéря. Ниоткуда не следует, что это была коренная финская народность, и более вероятно, что это остатки автохтонов, сохранившихся, может быть, еще от каменного или медного века, как болгары. По географическим названиям можно видеть, что это племя занимало Кострому и часть Унжи, Шексну, Сить, Ярославское и Тверское течение Волги, Клязьму. Судя по черепам из курганов Мышкинских и Владимирских, племя было длинноголовое, что означает преобладание неславянского элемента.

Могильников местного населения пока не знаем, но есть признаки того, что они существуют. Какова именно была местная культура XI—XII в., то видно по раскопкам Костромских курганов (статья Д. Н. Анучина в III т. Матерьялов для археологии С.-Восточной России), а также курганов Владимирских, Волжских, Спицких, Тверских. Древности эти ближе всего к Окским буртасским, но возможна в них и некоторая степень оригинальности, еще не установленная. Во Владимирском офенском языке есть элементы особенные, не об'яснимые из финских наречий. Если все это так, то выступает огромного значения факт существования в Ростовщине большого или значительного инородческого населения, слившегося с пришельцами русскими (кривичами), легшего, в основу местных великоруссов и об'ясняющего быстроту их усиления здесь, а также секрет успехов Юрия и Андрея, энергичность заселения Галича. Меря быстро превратилась в славян, может быть, скорее, чем водь [3]).

За финнами и болгарами располагалось хозарское царство, далеко еще не лишившееся своего значения и силы. По арабским известиям знаем, что норманны-русь посещали Итиль.

[1]) Ястребовъ, Лядинскій и Томниковскій могильники, 1893.

[2]) К этому мнению примыкает и Arne, La Suède et l'Orient, 1914, стр. 52.

[3]) О Владимирских курганах статья Спицына в Изв. Арх. Ком., в. 15. Славянский элемент края принадлежит кривичам, которые с XII в., кажется, усиливают свое движение сюда, вследствие нападений Литвы (Любавский в курсе Исторической Географии).

Этот город, вероятно, смыт Волгою, и древности хозар нужно определять по Семендеру, развалины которого несомненно существуют. Снова следы этого города указываются в Дагестане у Эндери, а может быть он и ниже. Впрочем о хазарской культуре IX—X в. мы имеем хорошие сведения по могильникам Северного Кавказа и Дона с Донцом (Чми, Балта, Салты, см. альбом гр. Уваровой и статью Покровского в Трудах Харьк. Арх. С'езда, I, 465). Это оригинальная культура, сложившаяся из элементов сассанидских, арабских и византийских: влияние ее на Камскую и Окскую культуры очевидно. В IX в. хозары уже не были фактическими владельцами всей южной степи, где только что прошли угры и стали кочевать тюрки.

В верховьях Луги и в низовьях Ловати имеется хорошее количество норманских сопок. Видим здесь показание второго торгового норманского пути, чрез страну славян, по р. Луге. Норманны поселились вместе с славянами в Русе, а после с ними же перешли в Новгород. Это было, может быть, уже в X в.; по крайней мере норманские древности этого времени здесь найдены (на городище близ Новгорода), а более старых вещей неизвестно. Можно думать, что это пошла вторая норманская волна, отмечаемая Шахматовым, не из Готланда.

Откуда и когда появились на Днепре и в Новгороде славяне? Это очень трудный, многосторонний вопрос. Не без колебаний мы уже давно примкнули к старой, не авторитетной гипотезе, что славяне прошли на Двину, в сравнительно позднее время, из Германии. В VIII—IX в. на западных славян наседали немцы, норманны и авары, и пришлось поневоле уходить из насиженных мест тем из них, которые не хотели итти на ассимиляцию с немцами. Галиция уже имела старинное славянское (и не малое) население,—и колонизация направилась в район меж литовскими озерами и Полесьем, остановилась на время на Двине перед финнами, а затем двинулась далее по р. Великой, особенно же по Ловати. По памятникам это движение выражается в довольно многочисленных Ковенских и Виленских курганах VIII—IX в. с прекрасными железными вещами (мое описание этой культуры в Зап. Р. А. О., т. VIII, в. 1, стр. 103). Тому-же движению удобно приписать многочисленные группы курганов с сожжением Витебских и Псковских, которые иначе не получают об'яснения (см. мое описание древностей этих губерний в Зап. Р. А. О., т. IX, в. 1). Эти древности северной и средней Европы занесены сюда, конечно, не Литвою, которая имела свою особую, более эффектную культуру. Можно думать, что в отмеченных курганах отразилась лишь некоторая часть описываемого движения, которое в действительности шло из

разных местностей славянского мира, с разными памятниками старины и с разными оттенками культуры. Движение могло идти очень длительный срок, пополняя состав славянского племени на Двине, уходящего далее на север и восток. До некоторой степени возможно его направление и морем. Простая логика заставляет предполагать и более раннее движение славян на Двину, до VIII в., но оно пока не прослеживается по памятникам. Последнее более или менее крупное движение славян с запада—поселение их на р. Виндаве более раннее—переселение радимичей и вятичей, из которых вторые поместились, вероятно, с разрешения хозар. в их стране, сперва по Оке и Дону. По крайней мере только вятичам можем теперь приписать любопытные особые курганы с сожжением в деревянных ящиках, обнаруженные по Дону близ с. Большева (Отч. Арх. Ком. 1905 г., рис. 100) и по Калужскому течению Оки (раскопки Городцова, Гендуне и других лиц), которые решаемся относить приблизительно также к IX в. Курганов этих мало, и пока не находим их продолжения в X—XI в., так что невольно обращаемся к свидетельству летописи о том, что у вятичей существовал еще в XII в. какой-то иной обряд погребения „на столбах“, может быть, в избушках, стоящих на столбах с комлями (избушки бабы-яги). Северно-русское племя летописец называет кривичами и так же до сих пор нас называют литовцы, по имени основного племени; возможно, что под этим названием они знали нас еще на нашей родине, как соседей на западе или юге. Из Новгорода норманны поспешили постепенно установить две торговые магистрали: одну на восток по Мсте к Мологе (возможно, что к с. Загородью при колене Мологи, где имеется очень интересное городище с монетами IX в., с веткою на Бежецк, где известна хорошая группа сопок) и по ней до Волги, откуда, вероятно, к тем же болгарам (по всему этому пути до Мологи известны в хорошем количестве сопки), а вторую на Смоленск, у которого расположена известная огромная Гнездовская группа норманских курганов и отчасти сопок (раскопки Сизова и Сергеева), а следовательно, в Киев, а то и далее. Это путь, связанный с именем Олега, который, судя по сопке и большой группе курганов с сожжениями в Чернигове, на юге основался прежде у северян (раскопки Самоквасова), освободил их от хозарской дани, очень, впрочем, небольшой, и силою вошел в Киев, где установил такую же федерацию, какая была при содействии норманнов организована в Новгороде.

История южной группы восточных славян должна-бы оказаться более ясной. В самом деле, археология может решиться называть их основным древним населением Галиции и Волыни,

приписав именно славянам последовательные культуры могильника Чехи, галльштаттскую, периода Латена, римскую, вплоть до VIII—IX в., времени Полтавских могильников, а далее курганы XI в; можно допускать и частичные движения новых славян с запада,—но тут выступает трудный вопрос об антах, уличах и тиверцах. Иорнанд ввел антов в число трех основных славянских племен (славяне, венды, анты), Прокопий неосмотрительно назвал их бесчисленным народом и дал им место к северу от Азовского моря. Если доверять этим сведениям, то надо следовать и за выводом из них А. А. Шахматова („Древнѣйшія судьбы“, стр. 10), что восточно-славянское племя целиком и состоит из этих антов, поражающих своим количеством, раз они населяют с раннего времени такой район. Мы не решаемся следовать буквальному смыслу известия Прокопия, не знавшего лично северного побережья Черного моря, и считаем невозможным столь глубокое удаление славян от своей базы на восток, да еще в форме массового движения. Возможно, что анты были какою-то особою отраслью славян или каким-то славянезированным племенем, не очень значительным, державшимся по краю лесостепи и потом об'единившимся в виде уличей и тиверцев. Эти племена должны были жить не в районе низовьев Днестра, а обитали выше, где и оставили города, известные киевскому летописцу. Города эти, отчасти отмеченные и Константином Багрянородным, нами еще не найдены и не изучены. Не есть ли тиверцы одно с северой? Тиверцы могли уйти в Полтавщину и образовать там племя северы, но последнее могло иметь и иное происхождение, а тиверцы могли уйти на север и между прочим, образовать Болоховскую землю. Оба эти племени могли иметь и одно происхождение и идти не с востока, а с запада. Есть любопытные древности, о которых вспоминаем, думая об антах. Это клады отличных серебряных и медных вещей, найденные в северной части Херсонщины, в Киевщине ниже Роси; по верховьям Полтавских рек и по Осколу в Харьковщине. Это вещи VI—VII в; между ними самые характерные—серебряные фибулы в виде фигуры человека (атлас Ханенка, в. VI, табл. 20). В общем это довольно оригинальная варварская культура на основе византийской, как и подобает для племени, поддерживающего связь с наиболее культурными соседями, греками. Район распространения этих кладов земледельческий, не степной. Кроме антов, никакого иного земледельческого народа здесь источники не замечают. Но, повторим, есть ли анты чисто славянское племя? По географическому положению антам могут быть еще приписаны грандиозные городища Киевщины и Полтавщины (Пастерское, Матроненское, Немировское, Бельское и

др., см. Труды Харьк. Арх. С'езда, т. I, стр. 93—104). Любопытно, что в одном из этих городищ выпахан был значительный клад антских серебряных фибул. К вопросу об антах нельзя не привлечь еще алан—осов, оставивших на Днестре и Пруте ясные следы своего пребывания (Григоровича „Записки антиквара", стр. 6). Осы—даже один из кандидатов на имя росов. Не видим неизбежной надобности отдавать Галицию белым хорватам (Любавский): для них на окраине довольно Червена и Бельза, остающихся, к сожалению, еще неизвестными в археологическом отношении. Итак, мы пока по археологическим данным не знаем точного состава южно-русского, галицкого племени в IX в. В XI в. это уже ассимилированная масса, делящаяся географически на волынян, полян, древлян и дреговичей; именно такую общую картину дают раскопки местных курганов этого времени.

Выше уже упомянуто, что Киевская область в VI—VIII в. в хорошем количестве снабжалась литовскими вещами. Но, кажется, с IX в. приток их прекращается, может быть вследствие установившегося культурного влияния хозар. Однако, вещи последних попадаются в области в весьма ограниченном количестве. Вообще старый Киев—загадка, так как от времени VI—IX в. там мы ничего не имеем, и только заманчивое название одной из основных киевских гор Жидовскою наводит на предположение, не было ли там хозарского поселения, что было бы весьма естественно. Именно Киев должен быть торжищем для днепровских и волынских славян, а главную роль здесь должны были иметь хозары [1]. Городом антов, более ранним, чем Киев, мог быть Княжий городок на устье Роси, в нижних слоях которого найдены были серебряные фибулы предполагаемого антского типа. Древним городищем, скорее всего северянским, следует считать Роменское, раскапываемое Макаренком (Изв. Арх. Ком., в. 22). Может быть, оно IX в. Там найдены основания углубленных в землю жилищ с печами и со старой славянской керамикой (волнистый орнамент). Еще важнее открытые тем же лицом и там-же могильники VIII—IX в. с интереснейшею посудою западных типов. После киевских могильников Зарубинского типа (V в.) здесь самые старые славянские погребения. Впрочем район полон неожиданностей; так на Волыни (Труды XI Археол. С'езда, т. I, 359, 369) найдены в городище и в кур-

[1]) Требует внимания и теория Юргевича (Зап. Од. Общ. И. Д., VI. 45—118) о венгерских элементах в русской истории. Кроме того возможно, что Киевом более, чем хозары, заинтересованы были ясы. Почему первые русские князья именуются каганами (по Ибн-Русте - хакан-рус, по Бертинской летописи—chacanus)? Чем объясняется *обрядовой* гарем Владимира? Чем объяснить поразительную и несомненную аналогию предания о трех киевских братьях с более ранним армянским, выставляемую Н. Я. Марром?

ганах с сожжением оригинальные сосуды в форме высоких узких ваз со скромным орнаментом, может быть, старше Роменских. Во всех этих вопросах археология легко разберется, лишь бы было поболее материала, а он, конечно, будет.

„Путь из варяг в греки"—не реальность, а лишь возможность, подмеченная летописцем. Норманны все греческие товары могли иметь в Новгороде (по одной из саг агент конунга покупает здесь греческую ткань такой цены, что на нее не находилось покупателя) и в Киеве, куда товары привозились херсонесцами, хозарами и киевскими норманнами. И не здесь пролегал Ostweg, а на Волгу. История Березанского рунического камня (Браун в Изв. Археол. Ком., в. 23, стр. 66) неясна, и нет оснований приписывать его непременно шведскому норманну, а не киевскому [1]). Руническое письмо вполне могло быть занесено в Киев и временно применяться там. Константин Багрянородный говорит определенно о торговле с Константинополем киевских русов, а о Березани—как об одной из остановок их. Любопытно, что Киевские норманны не чувствовали свое положение удовлетворительным и прочным и неудержимо стремились основаться ближе к Византии (особенно характерны попытки Святослава). Печенеги разрушили эту мечту, отрезав Киев и от Византии, и от хозар, культура которых и становится чуждою Киевлянам. Древности этого народа нам совершенно неизвестны. Курганы печенегами, видимо, не сооружались, иначе они непременно уже обнаружились бы. Знаем только курганы позднейших тюрков—черных клобуков—XII в. (Спицын в Зап. Р. А. О., т. XI, в. 1, стр. 156).

Печенеги отрезали от хазар также и ясов-алан, обильные древности которых IX в. нам известны на Осколе, по Донцу и на верховьях Дона (Салтовская культура). На Донце ясы чувствуются и позднее, при половцах (Шарукань, Осенев, Сугров) и еще позднее, при татарах, но города их еще не изучены (наиболее тронуто Донецкое городище под Харьковом—Изв. Арх. Ком., в. 19, стр. 121), и потому о яской культуре этого времени не имеем понятия, но вообще можно предполагать, что ясы не теряли связи с Кавказом и продолжали быть проводником его культуры в Руси южной, а наверное и северной.

Роль и значение Херсонеса на Черном море и на Руси в IX в. не ясна. Херсонесцы торговали главным образом с печенегами, получая от них рабов и скот, но, вероятно, они поддерживали связь с хозарами (Тмутаракань) и с Трапезунтом,

[1]) Знаем, что на пороге Айфуре был поставлен камень с рунами в честь норманна Распа (Изв. Новг. Археол. Съезда, 77).

вообще принимая участие, может быть, не очень видное, в международной торговле по Черному морю, всегда оживленной. Киев, надо думать, не пренебрегал торговлей с Херсонесом, но был совершенно ею не удовлетворен и входил в непосредственные сношения с Константинополем. Древности IX в. херсонеские, а также и византийские, совершенно неизвестны. О них можно было бы судить по крымским могильникам, но здесь пока известны лишь могильники VI—VIII в. с большими фибулами и вообще с довольно богатым инвентарем византийского типа (раскопки Репникова близ Гурзуфа, Изв. Археол. Ком., в 19). Некоторые византийские древности можно определить по кавказским, отчасти и по камским могильникам, т. е. вообще по памятникам района хазарского влияния.

Многоценен для историков археологический матерьял наших курганов XI—XII в., определяющих расселение отдельных старых русских племен и их отношение друг к другу. Эта тема была нами уже давно изложена („Разселеніе русскихъ племенъ" в Ж. М. Н. П., 1899, VIII: карта в Зап. Р. А. О., т. XII, стр. 497), и мы теперь не будем обстоятельно ее касаться, тем более, что новые разыскания, умножив матерьял, не изменили старых соображений, а усилили их. К теме настоящей работы теперь можно прибавить главным образом следующее: вновь открытые могильники Нерединкий XI в. и Федовский XII в. (Труды Тверск. Археол. Съезда, стр. 53) подтвердили близость новгородских древностей к кривичским; найдены курганы Костромского типа под Устюгом на Сухоне (результат внимания к району Владимирских князей в борьбе с Новгородом); согласно предыдущему изложению, поставлен вопрос о большом значении мери в истории великоруссов; курганы Тверского течения Волги, Сити и Костромского края поставлены в связь с мерянскими; привлечены к теме славяно-русских древностей галичские могильники типа Чехов, волынские курганы Миропольского типа, Роменское городище; намечены древности антов и исключена Трипольская культура, попавшая в число славянских древностей по недоразумению.

Вот краткое изложение, скорее простой перечень археологических тем, имеющих непосредственное отношенце к первым страницам русской истории, и не всех, которыми мы располагаем. Развитие этих тем потребовало бы издания большой книги, предприятия, о котором трудно теперь мечтать. Чувствуется, что для большей убедительности следовало бы произвести дополнительные разыскания путем раскопок, но они еще менее возможны. Может почувствоваться еще, что успехи археологии медленны,— но они именно постольку и прочны, поскольку медленны.

А. Спицын.

Два финских имени.

Соловей-Разбойник.

Неудачливый противник Ильи Муромца, Соловей-Разбойник свищет по-соловьиному и свистом своим убивает людей и лошадей. Его имя—Соловей—принято понимать как прозвище, отражающее это страшное искусство. Однако, самый характер его эпонима, певчей птицы, которая очаровывает, но отнюдь не убивает, противоречит родству между нею и разбойником.

Имя разбойника—Соловей—является позднейшим осмыслением чуждого имени, финского. Составлено оно из двух основ. Первая: *sala*, defekt, от которого *salainen*=тайный, *salan*=утаиваю, скрываю. Вторая: *veijo*=брат (откуда известный всем петроградцам в прежнее время *вейка*, чухна-извозчик, приезжавший на масленой неделе).

В числе финно-угорских корней, которые разобрал Donner в своем труде „Vergleichendes Wörterbuch der Finnisch-Ugrischen Sprachen" (I, S. 156—160), находим корень *sala*, проведенный по целому ряду финно-угорских языков. Его имеют: финский (suomi), водский, эстонский, ливский, лапландский, зырянский, пермяцкий, мордовский, черемисский, мадьярский, вогульский, остяцкий, самоедский. Но особенно интересно у мадьяр слово *tolvaj*=вор [1], представляющее наилучшую параллель слову *sal*[illegible], от которого я вывожу *Соловей*.

Соловей-Разбойник засел на семи дубах в глухих непроходимых лесах на пути Ильи Муромца, едущего в Киев. Земля когда-то была финская, занята вятичами и вошла в состав приднепровского Киевского государства, последнего изо всех ославяненных земель, известных начальному летописцу. Еще Владимир Мономах в своем Поучении хвалится, что проехал „сквозѣ Вятичи". Мы не будем противоречить известным историческим фактам, если допустим, что былина отразила борьбу наших богатырей не со славянскими, а с финскими местными жителями, которые потеряли уже свою государственную самостоятельность, но, не желая все-таки подчиняться завоевателям, удалились в глухие леса и там еще некоторое время продолжали борьбу с днепровскими завоевателями. Очень удобно такую стадию существования отнести к моменту, ближайшему вслед за походами Мономаха, подчинившего Ходоту, вождя Вятичей. Вятичи, осев на своих местах незадолго до образования Оле-

[1] *Tolvaj*=fur, latro (Budenz. Összehasonlitó szótár. 223).

г на государства, не истребили аборигенов-финнов, а покорили и отчасти смешались с ними. Естественно, что именно финская часть населения, наименее ославянившаяся, действовала наиболее непримиримо.

Русское прозвище *Разбойник*, получившее характер эпитета в былинной передаче, в действительности есть только перевод финского *Salovcijo*, лучше всего сохранившегося у венгров в форме *tolvaj*.

Киев—Σαμβατάς.

А. И. Соболевский признает, что название *Кыев* новее самого города, и останавливается на названии *Митьюрополь*, данном ему Олегом („Лингвистическія и археологическія наблюденія“, вып. I, с. 97—98), сопоставляя с городом Μητρόπολις, по Днепру выше Ольвии, известным Птолемею. По поводу другого древнего имени Киева Σαμβατάς, упоминаемого Константином Багрянородным, А. И. Соболевский, ища скифо-сарматских объяснений, не находит их и замечает: „сомнительно, чтобы сарматскій оригиналъ греческаго имени звучалъ близко къ Σαμβατάς Константина“.

Совершенно верно. Не Сарматы называли так Киев, а другой народ—финны. Слово двух-основное. Финское *sampa*= Grenzstein межевой-камень, пограничный столб. Вторая часть *tasa* ровный, плоский, гладкий, равнина. Таким образом Σαμβατάς есть греческая передача финского *Sampatasa*, что означает „Граница равнины“ или „Пограничная равнина“. Первое значение лучше, если принять, что Киев стоял искони на том же месте, на горах. Его значение, как крайнего пограничного пункта, за которым к югу идет степь, равнина, достаточно освещено в русской историографии.

В указанном труде Donner'a (II, 158 и I, 126) находим оба корня: *sampo* и *tasa*, проведенные по нескольким финским языкам. Я напомнил бы знаменитое сокровище финского народа *Сампо*, из-за которого ведут борьбу герои Калевалы. Кроме того, и в настоящее время в Финляндии сохранилось множество географических названий сложного состава, первою частью которых является *sampa*, или *samman* (genitivus) или *sammat* (pluralis), например: Sampamäki, Sampaselkä, Sampakoski, Sammankallio, Sammanjoki, Sammansuu, Sammatsaari, Sammatlampi, и которые отмечают пограничную гору, озеро, водопад, скалу, реку, болото, остров, пруд (Setälä, „Zur Etymologie von Sampo“. Finnisch-Ugrische Forschungen, II. 1902. S. 150).

Киев на Днепре—крайний пункт финского расселения.

Вяч. Егоров.

Договор, как нормативный факт в древнем праве.

(Предварительный экскурс.)

„Lehnstaat hat keine Verfassung, sondern nur Verträge“ — так характеризировал совсем еще недавно средневековое государство один из видных представителей немецкой юриспруденции Е. Эрлих [1]). Мысль, конечно, далеко не новая и не оригинальная, но даже и в этой заостренной формулировке юриста не чувствуется ее догматической законченности. В самом деле, бросить читателю ряд общих фраз, подобных приведенной, поставить на этом точку и через несколько страниц начать с легким сердцем рассуждение о том, что общественная природа договора ощутительнее всего проявляется в кредитных сделках — не является ли все это лучшим показателем того, что в своих историко-правовых разысканиях автор не освоил еще вполне одного из ценных достижений исторической науки в изображении правовой жизни средневековья и поэтому не задумался даже над тем, какими именно особенностями должен обладать договор, которому присваивается сила и значение акта, определяющего правопорядок такой общественной организации, как средневековое государство? Между тем ясно, что пока этого не сделано, пока, говоря иными словами, наука истории права не провела отчетливо границы между договором, как разновидностью юридической сделки, с одной стороны, и договором, как нормативным фактом, или (по старой терминологии) как источником права, с другой — до тех пор нет надежды на то, чтобы беспочвенные, пусть, даже порой красивые афоризмы уступили место прочным, обоснованным конструкциям, которые одни только могут помочь исследователю найти правильный подход к некоторым важнейшим памятникам древнего права. При этом нельзя не заметить, что положение историка права в данном случае должно быть признано особенно благоприятным, ибо теория договора, как нормативного факта, давно уже привлекла внимание науки гл. обр. применительно к Staatsverträge в области международных отношений [2]). Конечно, далеко не все здесь может почи-

[1]) *E. Ehrlich*, Grundlegung der Soziologie des Rechts. München & Lpz., 1913. S. 25.

[2]) См. *Bergbohm*, Staatsverträge und Gesetze, Dorpat, 1877. S. 77, f; *Binding*, Gründung des Norddeutschen Bundes. S. 69; особенно *Triepel*, Völkerrecht und Landesrecht. Lpz. 1899. S. 36 ff., *Heilborn*, Grundbegriffe des Völkerrechts.

таться выясненным вполне; тем не менее, однако, историк-юрист имеет уже известный отправный пункт; ему необходимо, следовательно, учесть особенности изучаемой им эпохи и в соответствии с полученным фактическим материалом использовать выдвинутые теорией положения.

К сожалению, однако, исследователи юридических древностей точно так же, как и претенциозный новатор в юриспруденции Эрлих, мало посчитались в этом вопросе с тем, что уже сделано в других отраслях правоведения и наглядным подтверждением этого в отечественной литературе могут служить „Лекции и исследования" В. И. Сергеевича. Признавая договор „обильным" источником возникновения права в древнее время, маститый ученый утверждал, что в то время „даже отдельные лица, определяя свои частные отношения путем договоров, творили для себя новое право, неизвестное обычаям и уставам" (стр. 35). В других случаях, по его мнению, договорам приписывались иные функции: „они или формулировали начала обычного права, или содержали в себе просто указания на существующие порядки, ничего относительно их не установляя" (стр. 36). Было бы в высокой степени поучительно проследить связь этой теории с теми основоположениями, на которых зиждется все учение школы Сергеевича-Чичерина, но это увело бы нас далеко в сторону и для нашей ближайшей задачи было бы, пожалуй, даже бесполезно, так как и приведенные выше цитаты достаточно характерны для того, чтобы судить о значении всей этой теории для науки. Необходимо только принять во внимание то обстоятельство, что в разных абзацах на одной и той же странице проф. Сергеевич говорил о разных вещах. Совершенно очевидно, например, что при всем старании нельзя представить себе такого положения дела, при котором два частных лица, входящие в состав одного и того же правового общения, могли бы путем договора установить правила поведения, обязательные для всех членов этого общения. В намерение автора, конечно, и не входило придавать такое гипертрофированное значение частноправовому акту, он сам указывает, что стороны создавали „для себя" новое право, но почему-то забывает предупредить читателя, что в таком случае речь может идти только о суб'ективных правомочиях, а не о нормах об'ек-

Stuttgart, 1912. S. 40 ff. На русскомъ языке теорія договора, как нормативного факта, прекрасно изложена в скромной по заглавию, но весьма богатой мыслями книге *Ф. В. Тарановского* „Учебникъ энциклопедіи права". Юрьевъ, 1917, стр. 186—188. Много ценных замечаний найдет читатель в труде *Ф. И. Леонтовича* „Старый земскій обычай" (Тр. VI Археол. Съѣзда въ Одессѣ, т. IV, Одесса, 1889).

тивного права и что соглашение сторон должно рассматриваться как обычная частноправовая сделка, а не как договор нормативного типа. Столь же основательное недоумение может породить приведенное выше указание проф. Сергеевича на то, что в некоторых случаях договоры лишь констатируют „существующие порядки“ (т. е., надо думать, существующие правоположения), но не устанавливают относительно их ничего нового. Если предположить, что предметом такого соглашения сторон являются именно эти „существующие порядки“, то само собою ясно, что такому договору никто не будет приписывать нормативного значения, но при этом останется загадкой, какой смысл вообще могло бы иметь волеиз'явление о признании того, что не только признано, но даже общеобязательно в данном правовом общении. Может быть, впрочем, подскажут нам, проф. Сергеевич имел здесь в виду те ссылки на пошлину, которые так часто встречаются в договорных грамотах, но, во-первых, это наводило бы на мысль, что автор недостаточно осторожно оперирует с понятиями и в своем изложении смешивает понятия договора как источника права и частноправовой сделки и как договорной грамоты, т. е. документа, излагавшего содержание соглашения или сделки, а, во-вторых, нельзя упускать из виду, что на языке нашей древности слово пошлина означало не только юридический обычай, но и фактическую практику, которая могла приобрести обязательное значение лишь тогда, когда превращалась в прецедент или когда состоялось специальное соглашение заинтересованных лиц о признании ее юридической силы. „Держати ти Новъгород по пошлине, како отець твой“ — договаривались въ 1265 г. новгородцы с кн. Ярославом Ярославичем, и этот ряд свидетельствует, что пока не состоялось соглашения, существовавшая при Ярославе - отце (Всеволодовиче) практика не почиталась обязательной ни для Новгорода, ни для самого Ярославича.

Но если даже освободить разбираемую теорию от всех указанных неясностей и недоговоренностей, то и тогда, нам кажется, она не даст руководящих указаний в изучении вопроса, ибо главный недостаток ее заключается в том, что она неисторична, что при ее построении проф. Сергеевич совершенно игнорировал ту реальную обстановку, в которой создавались в древности нормативные договоры. Он подошел к проблеме с масштабами, созданными в сфере гражданско-правовых отношений современности, где, как известно, почти до наших дней безгранично господствовал принцип договорной свободы индивида. Ничего подобного, разумеется, не знала древность. Личность поглощалась тогда без остатка разного рода союзными образо-

ваниями [1]), и древнее право с его отвердевшими формами не допускало личного почина в изменении форм народного быта. Нужны были столетиями созревавшие изменения экономического оборота, чтобы „гражданская жизнь“ перестала удовлетворяться исконными прадедовскими шаблонами и чтобы развивающаяся личность могла взять хозяйственную инициативу в свои руки и найти в договоре надлежащее средство для ее осуществления“ [2]). В русской жизни это произошло, как известно, сравнительно поздно и для понимания древнейшей эпохи в истории нашего общественного и государственного быта необходимо считаться со структурой тех, по выражению Эрлиха, „urwüchsigen Verbände“, о которых мы только что говорили. Каждый такой союз — все равно, будь то семья, дом, военная дружина, община [3]) — являлся совершенно автономной организацией, которая самостоятельно регулировала свой уклад, не считая себя в какой бы ни было мере связанной теми нормами, которые слагались внутри подобных ей союзов. Правда, одновременно с этим приходится констатировать и однообразие правовой жизни таких союзов, но оно объясняется однообразием, царившим в экономическом и социальном быту примитивного общества, а отнюдь не тем, что кто-то извне мог предписать всем этим союзным организациям тождественные правила поведения. Однако, сколь ни мощны по своей неизбывности были такие urwüchsige Verbände, все же нельзя представить себе такого строя, в котором каждая союзная ячейка являлась бы вполне замкнутой в себе организацией и не нуждалась ни в каком общении с другими родственными ей по типу организациями. Изолированный ойкос — только абстракция, совершенно бесполезная для историко-юридических разысканий. Но если мы признаем необходимость существования междусоюзного общения, то этим самым ставится на очередь вопрос — как регулировались возникавшие в этой плоскости отношения? и ответ, как будто, может быть один — либо миром, либо войной. Последний способ сам себе не по мо-

---

[1]) In viel höherm Masse als heute war noch hundert Jahren die Abkunft eines Menschen, also sein urwüchsiger Verband, entscheidend für seine Beschäftigung und den Beruf, für die religiose Gemeinschaft... und die gesellschaftlichen Verbindungen; viel weniger als in Gegenwart war für all das seine freie Wahl bestimmend (Ehrlich, op.c. S. 22).

[2]) *И. А. Покровскій*, Основныя проблемы гражданскаго права, Спб. 1917, стр. 222.

[3]) В этом перечне, конечно, не исчерпывающем, мы сознательно опускаем родовую организацию, ибо не знаем, какое содержание следует вкладывать в это понятие. См. *А. Н. Максимовъ*, Теорія родового быта (Сборникъ въ честь 70-лѣтія проф. Д. Н. Анучина, М. 1913).

жет интересовать юриста; остается, следовательно, первый, т. е. спокойное регулирование возникавшего между союзами оборота при посредстве норм, санкционированных соглашением вступавших в этот оборот общений. Таким образом, наряду с правоположениями, рождавшимися в недрах союзных организаций и обеспечивавшими порядок внутри последних, древность знала еще другие нормы, которые создавались путем соглашения представителей двух или нескольких союзов с целью упорядочения междусоюзных отношений. Поэтому глубоко прав был Ф. И. Леонтович, когда утверждал, что договор или ряд был стародавней формой, в которой выражалась об'ективная норма права, регулировавшая междусоюзный быт общин, земель и волостей, но едва-ли только правилен его дальнейший вывод о том, что путем договора „не создавались законы в собственном смысле слова“, и что ряд лишь распространял действие старых обычаев в область междусоюзных отношений (ор. с., стр. 160, 165). Достаточно вспомнить для примера хотя бы 12 статью Игорева договора („да не имате власти казнити и“) или постановления о запрещении ареста должника в новгородских и смоленских договорах с немцами („не сажати в погреб“), чтобы признать, что в некоторых случаях договор не только не распространял действие обычно-правовой нормы, но, напротив того, отменял последнюю, не допуская ее применения в сфере отношений, слагавшихся между договаривающимися сторонами.

Вместе с тем, однако, необходимо самым усердным образом подчеркнуть, что последнее замечание проф. Леонтовича имеет для нас большое значение в том смысле, что выдвигает серьезный вопрос о соотношении, какое существовало в древности между обычным (точнее, внутрисоюзным) и договорным (междусоюзным) правом. Те немногие соображения, которые были высказаны выше относительно условий, определявших самый процесс позитивации тех и других норм, а равно и относительно сферы их действия, позволят, кажется, сблизить только что поставленный вопрос с проблемой об отношении международного права к праву отдельного государства (Völkerrecht und Landesrecht), поскольку, разумеется, это не повлечет за собою искажения исторической перспективы. Такое сближение будет прежде всего базироваться на том, что как междусоюзное право древности, так и международное право современности регулируют отношения, слагающиеся между двумя или несколькими союзными общениями, и первый вывод, который с необходимостью придется сделать отсюда, будет тот, что единственными суб'ектами прав и обязанностей в данных системах права будут сами

эти общения. Раз это положение будет нами усвоено, то оно поможет уловить различие в тех позициях, которые предоставляют индивиду обычное право и Landesrecht, с одной стороны, и договорное право и Völkerrecht—с другой. Как бы ни ограничена была в древности свобода личности в сфере внутрисоюзных отношений, все же нам придется признать, что обычное право, регулирующее именно эти отношения, имело своей единственной функцей обеспечение правомочий одних и установление обязанностей других членов этого общения, т. е., иначе говоря, возводило личность в положение суб'екта права. Напротив, междусоюзное (договорное) право имеет в виду только союзное общение (пусть, даже персонифицируя его в личности представителя), не способно непосредственно ни порождать прав, ни налагать обязанностей на индивида и рассматривает последнего не как суб'екта, а как об'ект прав. Эта отличительная особенность междусоюзного (договорного) права нисколько не умаляется тем фактом, что нормативный договор имеет своей конечной целью регулирование отношений между отдельными людьми, ибо если такой договор и обусловливает для отдельных участников союза какие нибудь преимущества или обременения, то соответствующие притязания этих наделенных и соответствующие претерпевания обремененных будут строиться не на постановлениях договора, а на одностороннем авторитетном распоряжении союзной власти или, быть может, даже на практике, приобретающей обязательное значение. Таким образом, доктрина международного права учит нас, что содержание обоих рассматриваемых правовых систем совершенно различно и что путем нормативного договора нельзя непосредственно создать правила поведения отдельных членов данного союзного общения. Но, развивая последовательно эти общие положения дальше, мы должны будем сделать еще один шаг и отказаться от утверждения, что внутрисоюзная норма может приобрести, как таковая, обязательное значение в междусоюзном обороте, ибо в противном случае отпадало бы все то, что мы говорили об автономных союзах, как единственных суб'ектах междусоюзных отношений. В этой области союзные организации совершенно закрывают собою личность; носителем прав и обязанностей последняя является только в замкнутой сфере внутрисоюзной жизни, и только тут, в этой сфере, имеют обязательную силу постановления Landesrecht'а современного государства и обычного права примитивного союза.

Таков в общей схеме остов теории нормативного договора. Не будем скрывать, что с точки зрения отдельных представителей науки права он кажется, быть может, без нужды затвер-

девшим в своей прямолинейности [1]), но в данную минуту нас заботит другое—не является ли он черезчур модернизированным для древности и не нуждается ли поэтому в каких либо модификациях. На первый взгляд необходимость таковых вытекает уже из самой конструкции примитивных об'единений, строившихся в большинстве случаев на отношениях властвования. Отсюда, как будто, легко сделать вывод, что воля главы такого союза должна была исчерпывающим образом определять содержание правопорядка союза, и если добавить к этому, что во внешних сношениях союз существовал только в личности его главы, то в общем итоге должно получиться, что раскрываемый здесь дуализм древнего права—только никому ненужная фикция. Но в действительности, едва ли исторично так схематизировать сущность внутрисоюзных отношений древности и не учитывать того, что, как указывали еще Г. Маурер, Гирке и др., власть господина в обстановке средневековья находила себе вполне реальную сдержку в обычаях и правах, слагавшихся внутри данной союзной ячейки. Поэтому правильнее будет утверждать, что наличность подобной власти не уничтожала сама по себе того дуализма в праве, о котором мы здесь говорим, но облегчала, однако, возможность перекрещивающегося влияния одной правовой системы на другую. Может быть, ради стройности теории, здесь не следует употреблять слова рецепция, но, по существу, мы имеем тут дело с явлениями однородного порядка. При наличности такой автономной союзной власти, выступающей в качестве стороны в договоре, обычно-правовая норма, регулировавшая внутрисоюзные отношения, могла скорее найти себе отражение в постановлениях договора и, обратно, последние могли активнее оказывать воздействие на правоpазвитие союза. При этом, в виде общего правила, можно, кажется, утверждать, что чем ближе по своей культуре стояли друг к другу договаривавшиеся стороны, тем легче воспринимались в договорном праве начала и положения, сложившиеся в недрах союзов, напротив, чем резче расходились в этом отношении контрагенты, тем сильнее могло быть воздействие договорной нормы на внутрисоюзное право менее культурной стороны.

Эти замечания, конечно,—не более, как отдельные вехи для теории договорного права в аспекте прошлого, но как бы бледно и суммарно ни намечалось нами ее содержание, она все-таки дает материал для пересмотра целого ряда правоисторических конструкций и выводов. В частности, напр., хо-

[1]) Ср., напр., *E. Kaufmann*, Das Wesen des Völkerrechts und die clausula rebus sic stantibus, 1911. Впрочем, в этой работе борьба против намечаемой в тексте конструкции ведется по более широкому фронту.

телось бы думать, что утверждаемый ею дуализм поможет, наконец, об'яснить то различие между „правом“ и „миром“, которое так ярко проводится в скандинавских источниках и так обесцвечивается современной доктриной. Наука истории русского права игнорирует до сих пор понятие „мира“, но и для нее теория не останется бесплодным созданием Begriffsjurisprudenz. Так, прежде всего, только принимая во внимание природу и особенности нормативного договора, можно найти правильный подход к таким памятникам, как договоры с греками или немцами, которые сплошь и рядом привлекаются для доказательств таких фактов, к каким они не имеют никакого отношения. Но, кроме этого, иное совершенно освещение приобретают новгородские события 1016 г., закончившиеся, как известно, тем, что Ярослав дал Новгороду, по словам А. А. Шахматова, „учредительный акт“, или Новгородскую Правду, как, повидимому, называлась Ярославова грамота [1]). Видеть следы этой грамоты в Русской Правде исследователям мешает главным образом то соображение, что последняя „не похожа на льготную грамоту“, но весь вопрос в том, каких льгот от князя могли ожидать для себя новгородцы в обстановке, сложившейся в это время в Новгороде. Летопись повествует, что, избив на Парамоновом дворе варягов-насильников, новгородцы жестоко поплатились за это—разгневанный Ярослав „позъва къ собѣ нарочитыя мужа... обльстив я, исѣче вои славьныхъ тысящю, а друзии бѣжаша“ (Соф.). Тревожные вести из Киева о смерти отца и избиении братьев заставили, однако, его смириться, ему пришлось заутра же собрать в поле вече, и „избытъкъ“ новгородцев принял решение о походе против Святополка. Очевидно, что на этом вече между князем и новгородцами состоялось соглашение, и вполне естественно, кажется, предположить, что таковое имело целью устранить в будущем кровавые эксцессы с обоих сторон, подобные только что происшедшим. Для этого необходимо было, во-первых, признать за новгородцами право привычным для них образом реагировать на неправомерные действия со стороны членов княжой организации, а, во-вторых, охранить интересы этой организации в случаях тех или иных посягательств на жизнь, личность, честь ее членов, а также на ее имущество. Решаемся высказать предположение, что постановления первой редакции Русской Правды сохранили довольно ясные следы такого нормативного договора. Но для того, чтобы обнаружить их, нужно прежде всего выяснить, с кем же мог заключить Ярослав подобного рода соглашение. Проф. А. Е. Прес-

[1]) *А. А. Шахматовъ*, Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, Спб. 1906, стр. 507.

няков, в своем замечательном по насыщенности содержания труде—„Княжое право“, отмечал уже, что новгородское избиение варягов в 1015 г. было делом не местной земской общины, а княжих мужей, которые вели местную политику и боролись против преобладания пришлых людей. Приняв это, мы поймем, почему, перебив новгородцев, Ярослав плакался о дружине, „рече—о люба моя дружина, юже вы исѣкох вьчера въ безумiи моемь“, но вместе с тем это же заставляет нас внимательнее отнестись к юридической квалификации той кары, которая постигла новгородцев-дружинников. Ясно, что при таких условиях буйная реакция Ярослава на убийство варягов являлась ничем иным, как только проявлением власти главы княжого дома над провинившимися дружинниками. Трупы убитых новгородцев наглядно показали оставшимся, что рука *домовладыки* князя может быть черезчур тяжелой; поэтому, воспользовавшись положением дел на юге, осевшая в Новгороде княжая организация решила, повидимому, отделиться от дома князя и добилась от Ярослава признания ее самостоятельною общиною, стоявшею вне сферы домашней власти князя. Единый дотоле княжой дом дробился теперь на две части, выделил новую общественную ячейку—новгородскую общину, но тотчас же счел необходимым обеспечить свою безопасность и свои выгоды и выговорил право мести (в ограниченных размерах), а самое главное—денежные штрафы за преступления, совершенные против его членов членами общины. При этом, раз центр тяжести лежал именно в охране интересов княжого дома, то было совершенно безразлично, кто именно становился об'ектом этих преступлений — варяги, (русины), гриди, купцы, изгои, даже туземцы-славяне, принадлежавшие к княжой организации — все они противопоставлялись Новгороду и получали против него защиту. Сказанное выше позволяет нам утверждать, что для того, чтобы все это могло найти себе осуществление на практике, одностороннего распоряжения главы княжого дома было недостаточно; нужно было, чтобы члены новой общины, по крайней мере, ее представители приняли это как руководящее правило поведения. Таким образом, формулируя кратко, мы могли бы сказать, что содержанием договора между Ярославом и новгородцами было отмежевание последних от состава княжого двора и защита членов такового. Заключив этот договор и списав впоследствии его конкретное содержание в грамоту, Ярослав действительно заложил фундамент новгородской вольности; и надо ли удивляться тому, что новгородские власти старались крепко держать данную им и принятую ими правду.

Инн. Яковкин.

Летописание XIV века.

Вопрос о летописании XIV века, непременный порог к построению самых начал Московского государства, далеко еще не выяснен и не обсужден достаточно в нашей ученой литературе. В рамках настоящей статьи, разумеется, трудно претендовать на всестороннее изложение этой обширной и сложной темы, а нужно лишь видеть желание поделиться рядом наблюдений (частью над постановкою вопроса, частью по существу его) из давно задуманного и подготовляемого исследования, надежда на завершение которого и опубликование—вот уже сколько лет все переходит с года на год.

I.

После работ А. А. Шахматова над восстановлением истории нашего летописания едва ли возможно сомневаться в существовании обще-русского митрополичьего свода 1423 г., предпринятого при дворе митр. Фотия. Свод этот прямо до нас не сохранился, но легко восстановляется чрез сличение Софийской I и Новгородской IV, так как обе названные летописи восходят к общему протографу, где свод митр. Фотия, правда, в сокращении, слит с обширною Новгородскою летописью тридцатых годов XV в.

Подымая вопрос об источниках этого обще-русского митрополичьего свода 1423 г. и об его предшественниках, А. А. Шахматов склонялся к возможности допустить существование обще-русского митрополичьего свода конца XIV в., составленного при дворе митр. Киприана, но тотчас же переработанного в московский княжеский свод 1390 г. и позднее дополненного рассказом о московских событиях до 1408 г. включительно (ЖМНПр., 1900 г., № 9 и 11; 1901 г., № 11). В исследовании о „Симеоновской лѣтописи XVI в. и Троицкой начала XV в.“ (Изв. II ОИАН, 1900, кн. 2) А. А. Шахматов открыл для исследователей летописный текст, весьма близкий в пределах 1177—1390 г.г. к утраченной в московском пожаре 1812 г. Троицкой, до того известной в науке лишь по многочисленным выпискам Н. М. Карамзина в примечаниях к его „Исторіи Государства Россійскаго“. Таким образом, в Троицкой летописи А. А. Шахматов видел московский свод 1409 г., опиравшийся на предшествующий московский же княжеский свод 1390 г.,

который поглотил к этому году составленный обще-русский свод митр. Киприана.

Хотя в 1913 г. Археографическая Комиссия, издавая Симеоновскую летопись, привлекла к изданию выписки из Троицкой летописи в примечаниях Н. М. Карамзина, привлекла даже первые 10 листов незаконченного издания нач. XIX в. текста Лаврентьевской летописи, где приводились варианты из Троицкой летописи,—вопрос о выяснении всех остатков Троицкой летописи нельзя было считать решенным, а огромная важность и драгоценность этой летописи, харатейной, современной, которую так высоко оценил Н. М. Карамзин, которая хранила еще в себе следы самых первых и трудных шагов Московского княжества и была очень далека от торжественного летописания рождающегося Московского царства (Московский свод 1480 г. и последующие за ним),—все это побуждало пересмотреть вопрос об остатках Троицкой летописи.

К этому присоединялось еще следующее наблюдение. Самым важным фондом этих остатков сгоревшей Троицкой летописи является „И. Г. Р.“ Н. М. Карамзина в ее примечаниях и тексте (точнее первые V т. т.). Как же извлечь из этих пяти томов все остатки Троицкой летописи? Самый беглый просмотр Карамзинских примечаний объяснит поставленный выше вопрос, т. е. сразу же обнаружит невозможность ограничиться теми летописными выписками, при которых читается прямое указание Н. М. Карамзина: „Троицк. лѣт.“ или косвенное на „харатейные“, под которыми Карамзин разумел Лаврентьевскую (по его терминологии—„Пушкинскую“) и Троицкую, потому что в примечаниях „И. Г. Р.“ легко открываются выписки без всякого указания, из какой именно летописи они взяты, или после выписки из определенно названной летописи и после слова „далѣе“ встречаем выписку или выписки, по проверке в только-что названной летописи нечитающиеся, а в заключительном примечании к каждой главе (кроме самых первых глав I тома) постоянно читаем длинный ряд выписок из разных и большею частью неназванных летописей, где приводятся „случаи маловажные“, о которых в тексте не упоминается. Само собою понятно, что говорить уверенно о том, что нам известны все остатки Троицкой лет., можно лишь тогда, когда бы мы подыскали к выпискам Н. М. Карамзина те летописи, ссылки на которые почему-то опущены, и таким путем выяснили бы тот остаток выписок, который, не соответствуя ни одному летописному своду до нас от времени работы Н. М. Карамзина сохранившемуся, мог бы быть отнесен со всею вероятностью к утраченной Троицкой.

Это ведет к анализу всей работы Н. М. Карамзина в пределах первых пяти томов (и текста, и примечаний) для выяснения его общих приемов работы над источниками, как и для выяснения самого круга этих источников. Впрочем, сам Карамзин указал весь этот круг в особой главе: „Объ источникахъ Россійской исторіи до XVII вѣка“, которая помещена сряду после „Предисловія“. Здесь названы все известные автору летописи, не исключая и Троицкой („найденъ мною въ библіотекѣ Троицкой лавры, отданъ послѣ Обществу Исторіи и Древностей, и сгорѣлъ въ нашествіе Французовъ“), и точным их описанием современный читатель весьма легко ориентируется в несколько странных теперь для нас названиях, придуманных Н. М. Карамзиным для разных списков (напр., „лѣтопись попа Ивана“ для Академического списка Новгородской I).

Поставленная выше задача—разложить и примечания, и текст на указанные источники,—пугающая первоначально своею мелочностью и кропотливостью, вознаграждает исследователя рядом положительных результатов, и это главным образом потому, что с первых же шагов выясняются как редкая добросовестность Н. М. Карамзина в отношении к источникам, весьма упрощающая поставленную работу, так и общий прием его пользования ими.

Совершенно очевидно, что в основу каждой главы Карамзин клал выборку из летописных сводов, всегда скептически и неохотно привлекая своды позднейшие (особенно Никоновскую), и главным образом опираясь на своды древнейшие. Этот ход работы отразился в следующих строках его размышлений над изданием наших летописей: „Екатерина В., страстно любя нашу исторію, первая указала печатать лѣтописи. Издержали не мало денегъ, но не сдѣлали нужнѣйшаго: исправленнаго ученаго *свода* лѣтописей. Какая нужда печатать одно в двадцати книгахъ? Не благоразумнѣе ли взять за основаніе лучшій, древнѣйшій списокъ, и только означить важныя отмѣны, прибавленія другихъ? Въ десяти большихъ томахъ мы помѣстили бы всѣ лѣтописи отъ XI до XVII вѣка, со включеніемъ и Новгородской, Псковской, Кіевской, Волынской“ (т. I, изд. 1842 г., стр. XVI, пр. 3).

На основании такого фонда выборок или свода (разумеется, привлекая источники и внелетописные) Н. М. приступал к составлению текста главы. В предисловии ему казалось нужным убедить читателя в своем праве разносить этот материал внутри главы, не считаясь с хронологической его сетью. „Описываю дѣянія не врознь, по годамъ и днямъ, но совокупляю ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти. Историкъ не лѣто-

писецъ: последній смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній: можетъ ошибиться въ распредѣленіи мѣстъ, но долженъ всему указать свое мѣсто" (Предисловіе, XIII стр.). Отсюда понятна та поразительная для всякого беспристрастного читателя точность передачи источников в тексте и близость последнего к ним. Можно сказать, что только своим несравненным литературным талантом Н. М. заставляет нас забывать, что перед нами лишь добросовестная передача источника без всякого привнесения неточности или домыслов, без всякого поэтического прикрашенья или вольности („не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ"; ib.).

К составленному тексту делались примечания („тягостная жертва, приносимая достовѣрности, однакожь необходимая!"), т. е. в сущности весь свод выписок распределялся по тексту, а остающиеся выписки, в тексте не использованные, к величайшему счастью для науки, прибавлялись к последнему примечанию главы („для охотниковъ все бывает любопытно: старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ"). При таком разносе выписок по тексту нас не должен удивлять нами теперь оставленный прием—сносить в одно примечание разные по характеру и содержанию темы. Сделав выноску и приведя под ней выписки к данному месту текста, Н. М. часто пишет слово „далѣе", давая разуметь, что дальнейшие выписки этого примечания относятся к дальнейшему тексту (и, следовательно, могут быть совсем из другого источника). Наличие в примечаниях выписок без указания источника нужно об'яснять, кажется, каким-то неудачным техническим приемом при самом составлении фонда или свода выписок, поправить который к опубликованию—значило вновь проделать заново всю работу над источниками. Зная достоверность и точность своих выписок, тяготясь вообще этою частью своей работы („мелочный трудъ, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе!"), Н. М. Карамзин оставлял эти, для нас теперь досадные, пробелы.

Указанный ход и характер работы Н. М. делает понятным, почему разбор всех выписок его по летописным сводам, как и разложение текста—может дать нам много важных остатков утраченной Троицкой летописи. Как современная и харатейная, она вместе с „Пушкинской" (Лаврентьевской) использована вся и так, что дает право поставить задачу реконструкции ее текста. Разумеется, подобная задача не могла и возникнуть до открытия А. А. Шахматовым Симеоновской летописи и обнаружения им близости ее текста (в части от 1177—до 1390 г.) к тексту Троиц-

кой. Но теперь такая попытка реконструкции вполне возможна и законна.

Если иметь в виду, вслед за А. А. Шахматовым, что Симеоновская в своем составе может быть разделена на три части: 1) от начала (1177 г.) до 1390 г. (л. л. 1—270); 2) от 1390 до 1412 г. (л. 270 об.—326) и 3) от 1410—1494 (л. 326 об.—570),— что соответствует трем источникам, лежащим в составе всего свода и лишь преобладающим в каждой из указанных частей; если взять из этих частей ту, которая представляет собою текст близкий к утраченной Троицкой (1177—1390), и здесь остановиться на годах 1306—1390, т. е. где прекращается параллельный до того текст другой харатейной летописи—Лаврентьевской, и если к этой части текста Симеоновской мы отнесем все выписки Н. М. Карамзина за эти годы, относительно которых мы пришли к убеждению, что они могли быть взяты только из Троицкой, то перед нами будет лучшее доказательство правильности предложенного выше приема разыскания остатков Троицкой летописи, потому что все эти выписки совпадают с текстом Симеоновской и в ней находятся. При этом будем иметь в виду, что именно за эти годы (точнее до 1409 г.) число выписок Н. М. Карамзина из Троицкой особенно значительно, что объясняется тем, что текст Троицкой являлся полнейшим и обильнейшим источником за эти годы против всех других сводов.

Позволительно поэтому предложить читателю, для проверки хода дальнейших рассуждений, смотреть на приведенные годы Симеоновской летописи, как на подлинный текст Троицкой (разумеется погрешая против безусловной точности) и это с тем большим правом, что возможность искажения этой части Симеоновской влиянием Московского свода 1480 г., легшего в основу этой летописи, и в части с 1410—до 1480 г. сохранившегося почти в чистом виде, может быть отвергнута в существе известiй (за исключением может быть некоторых новгородских известий), по соображениям, приводимым ниже (III).

Восстановить текст Троицкой летописи в части от ее начала до 1306 г. возможно с уверенностью в успехе потому, что не только уцелели 10 листов незаконченного издания начала XIX в. Лаврентьевской летописи, сличенной с Радзивилловской и Троицкой, не только сохранился текст Симеоновской с 1177 до 1306 г., но и потому, что как эти данные, так и выписки Н. М. Карамзина—свидетельствуют, что Троицкая летопись в этой своей части пользовалась сводом весьма близким, почти тожественным с Лаврентьевскою, но лучше Лаврентьевской сохранившимся. И это обстоятельство дает право поднять вопрос о пересмотре и ближайшем изучении источников и хода работы Лаврентия, который, ду-

мается, в основу работы (в 1377 г.) клал простое воспроизведение дурно сохранившегося древнего свода нач. XIV в., что ясно не только из оставляемых им незаполненных мест (т. е. непрочитанных), но и из собственного заявления Лаврентия: „оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ, не дошелъ“. Впрочем, взаимоотношений свода 1409 г. (Троицкой лет.) и работы Лаврентия нам придется коснуться подробнее в дальнейшем.

Несомненно труднейшею задачею, не сулящею безусловной уверенности во всех подробностях ее выполнения, нужно считать реконструкцию текста Троицкой летописи от 1390—до 1408 г. („Описаніемъ Едигеева нашествія заключается харатейный Троицкій Лѣтописецъ. Видно, что сочинитель умеръ. Съ того времени до самой кончины Василія Дм. всѣ извѣстія кратки и не полны въ другихъ лѣтописяхъ“, т. V. пр. 207), потому что именно здесь А. А. Шахматов обнаружил несоответствие текста Симеоновской выпискам Н. М. Карамзина. Однако, можно если не восстановить искомую часть текста Троицкой целиком, то восстановить все существо известий в этом тексте читавшееся. Прежде всего, конечно, в этом помогает Н. М. Карамзин, из этих годов Троицкой делающий много и длинных выписок. Особенно богато ими примечание 254 т. V, где „слѣдуетъ выписка изъ лѣтописей о разныхъ случаяхъ Василіева княженія“, расположенная по годам с 1389 по 1425 г.; и где годы 1389—1408 идут все время по Троицкой. Существенную помощь может оказать нам здесь и привлечение этих годов по своду 1423 г. (через сличение Софийской I и Новгородской IV), об особом отношении которого к Троицкой летописи нам еще предстоит высказаться, и по своду 1480 г. (в Воскресенской и Ростовской). Этими средствами задача реконструкции 1390—1408 г. в Троицкой лет. может быть выполнена в существенной своей части, но разумеется навсегда надо считать утраченными те места этого текста, которые подобны следующей характеристике Н. М. Карамзина: „сент. 25 преставися игуменъ Сергій, святый старецъ.... Слѣдуетъ въ Троицк. лѣт. похвала св. Сергію, листахъ на двадцати; нѣтъ ничего историческаго; одинъ наборъ словъ, иногда забавный“.

Если таким образом попытка реконструкции Троицкой летописи может дать нам довольно точное представление о составе и об'еме этого утраченного свода, то, располагая этими новыми данными нашего летописания, мы можем поставить себе ряд вопросов по истории летописания XIV в., на которые до этого не только не могло быть ответов, но которые и не могли возникать за отсутствием главного памятника летописания этого века.

II.

А. А. Шахматов, как уже мы указывали выше, считал Троицкую летопись Московским княжеским сводом, положившим в свое основание Московский же свод 1390 г., в свою очередь поглотивший обще-русский свод митр. Киприана, доводивший свое изложение до 1390 г.

Свои соображения А. А. основывал на том, что под 1392 г. в Троицкой летописи читалось (см. И. Г. Р., т. V, пр. 148) такое восклицание летописца по поводу разрыва в. к. Василия Дмитриевича с Новгородцами: „кого отъ князь не прогнѣваша? или кто отъ князь угоди имъ, аще и великій Александръ Ярославичь не унаровилъ имъ?... и аще хощеши распытовати, разгни книгу, лѣтописецъ великій Русьскій, и прочти отъ великаго Ярослава до сего князя нынѣшняго". — „Итакъ, заключал А. А., Московскому лѣтописцу нач. XV в. была извѣстна книга, содержавшая обще-русскій сводъ, ибо что другое можно разумѣть подъ „Великимъ лѣтописцемъ"?.. Сравненіе Симеоновской лѣтописи съ Троицкой показываетъ, что обѣ лѣтописи тожественны до 1390 г. включительно, отражая именно въ этой части (преимущественно предъ частью 1390—1409 г.г. Троицкой лѣтописи) обще-русскій сводъ. Отсюда слѣдуетъ, что Троицкая лѣтопись положила въ свое основаніе Московскую лѣтопись въ редакціи 1390 г. Появленіе же этой редакціи, воспользовавшейся обще-русскимъ сводомъ, указываетъ, что сводъ этотъ былъ доведенъ до 1390 г., т. е. до окончательнаго утвержденія въ Москвѣ митр. Кипріана. Вотъ откуда мы получаемъ основаніе говорить о Кипріановской редакціи обще-русскаго свода" (ЖМНПр. 1900 г., № 11, стр. 151).

Такое заключение А. А. было вполне обосновано тем материалом, которым тогда располагали для представления о тексте Троицкой летописи в части от 1390—1408 г.г. (см. XVIII т. П. С. Р. Л., где на стр. 279—283 собраны все выписки Н. М. Карамзина, относящиеся к этим годам, с прямыми ссылками на Троицкую), хотя и в нем можно было уловить сверх обилия московских известий некоторую долю известий обще-русского характера, т. е. не-Московского, и в этом совершенно соответствующих подобным же известиям до 1390 г. (например, *нижегородские*: под 6901 годом три известия, 6907—два; *тверские*: под 6907, 6908 и 6916 г.; *смоленские*—6909, 6911—два известия; *рязанские*—под 6910, 6915). Теперь, после извлечения из примечаний и текста Н. М. Карамзина новых остатков Троицкой лет., приходится решительно возражать против попытки принимать эту летопись за Московский княжеский свод, лишь до 1390 г. вос-

пользовавшийся обще-русскою летописью митр. Киприана, т. к. мы располагаем теперь количеством обще-русских известий значительно большим, которое по самому своему существу и числу совершенно сливает характер текста от 1390—до 1408 г.г. с предшествующим ему текстом до 1390 г. Сверх того обнаруживается и то обстоятельство, что в тексте Симеоновской летописи за 1390 г. находится ряд известий Троицкой, правда, иногда значительно сокращенных (ср., напр., известие в Симеоновской летописи о кончине преп. Сергия с приведенною выше выпискою Н. М. Карамзина о том же из Троицкой) и перебитых иным текстом, скорее всего свидетельствующее о том, что составитель текста Симеоновской лет. имел в руках дефектный список Троицкой, на что намекает и отсутствие текста в Симеоновской до 1177 г.

К этому наблюдению оказывается возможным присоединить и следующее. Троицкая летопись не только являлась обще-русским сводом и после 1390 г., каким она была до этого года, но и ясно свидетельствует нам о том, что и в этой последней своей части (1390—1408) она была летописью митрополичьей. Это усматриваем из целого ряда известий, из которых сошлемся на легко проверяемые прямым указанием Н. М. Карамзина—известие 6912 г. (о снятии сана митр. Киприаном по повелению Витовта с Туровского епископа Антония), 6915 г. (о смерти митр. Киприана и его предсмертной грамоте) и, наконец, на известие, читаемое у Н. М. Карамзина (т. V, пр. 254, под 1406 г.): „генв. въ 1 день въ Пятокъ Кипріянъ митроп. пріѣхалъ изъ Кіева на Москву, а былъ тамъ лѣто едино и 5 мѣсяць, и потомъ со двѣ недѣлѣ минуло, преставися Архимандритъ Дорофей Печатникъ, добрый нашъ старецъ". Известие это, как не встречающееся ни в одном из нам известных летописном своде, нужно отнести, конечно, к Троицкой летописи. Характер известия не оставляет сомнения, что пред нами запись митрополичьего двора Киприана, где работа над летописанием, не прекращаясь в 1390 г., шла до самой смерти митрополита и закончилась описанием нашествия Едигея, которое, как известно, в годе совпадало с поставлением на митрополичий стол всея Руси нового митрополита Фотия (1 сент. 1408 г.).

Итак, все изложенное дает, кажется, право думать, что Троицкая летопись представляла собою едва ли не оригинал того обще-русского митрополичьего свода, который, несомненно, замышлением митр. Киприана, был составлен при его дворе, вероятно, в 1409 г. и поглотил в своем составе все реки русского летописания XIV века.

Однако, остается разрешить вопрос, о каком же „Лѣтописцѣ

великомъ Русьскомъ“ говорит Троицкая летопись под 6900 г., когда корит новгородцев их разрывом с в. к. Василием Дм., ссылаясь на постоянное недовольство новгородцев на великих князей, случаи которого можно было найти в этом „лѣтописцѣ“ от времен „великого Ярослава и до сего князя нынѣшняго“ (т. е. до Василия Дм., вступившего на великое княжение в 1389 г.)? При только что сделанном наблюдении над составом и характером Троицкой летописи, ответ на поставленный вопрос может быть лишь совершенно обратный тому положению, которое высказывал А. А. Шахматов, т. е. что не московская княжеская летопись поглотила свод митр. Киприана (или „Великий русский летописец“), а этот обще-русский митрополичий свод 1409 г. имел в числе своих источников московскую великокняжескую летопись, „великий русский летописец“, очевидно, оканчивавшийся смертью Дмитрия Донского.

Впрочем, положение это может быть понято лишь при рассмотрении обще-русского свода митр. Киприана 1409 г. в его отношениях как к последующему обще-русскому митрополичьему своду 1423 г. (при Фотии), так и к тому обще-русскому своду, который А. А. Шахматов, а за ним и А. Е. Пресняков—считали также митрополичьим, расходясь между собою лишь в лице митрополита, к деятельности которого исследователи относили этот свод (А. А. Шахматов считал его сводом св. Петра, А. Е. Пресняков—митр. Максима). Помянутый свод, сохранившийся в осложненном виде (кроме последних десятилетий XIII в.) в Лаврентьевской летописи, там оканчивается 1305 годом.

III.

Сличение обще-русского митрополичьего свода 1409 г. с обще-русским митрополичьим же сводом 1423 г., если оставить в стороне большие повести о мученической кончине в. к. Михаила, о Куликовой рати, о набеге Тохтамыша и нек. др., и если даже производить сличение только в части 1306—1390 гг. по Симеоновской летописи, с одной стороны (считая эту часть текста за Троицкую летопись), и по протографу Софийской I и Новгородской IV, с другой стороны,—приводит нас к важному заключению о различии характеров этих двух, близких друг другу по времени сводов.

Оказывается, что свод 1423 г. в пределах указанных годов (т. ск. в пределах XIV века) отличается от свода 1409 г. несомненною переработкою материала, но материал этот остается один и тот же. Так, несомненно, усилены выписки из местных летописей, но никаких новых местных летописей, против свода

1409 г., не привлечено. В самом деле, читаем прибавки из тверского летописания (6813 г. прибавлено: „и взя съ князи Даниловичи миръ", а несколько ниже: „А отъ Михаила вел. княженія до Тайтемеревы рати 10 лѣтъ. А въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ черныи люди побили бояръ; князь Михайло Ярославичь изъ орды пріѣхавъ въ Новгородъ Нижній, изби вѣчниковъ"; подъ 6827 г. вместо краткой заметки обширное „Убіеніе кн. в. Михаила Ярославича Тфѣрьского, въ ордѣ отъ царя Озбяка"; и далее прибавки тверских известий под годами 6829, 30, 33, 35, 38, 39, 44, 46, 47, 81 и 6891 г.), из летописания суздальского (под 6835, 48, 59, 60, 61, 62, 63, 6864 по сп. Царского, 68, 71, 72, 73, 78, 85 и 6897 г.), из летописания ростовского (под 6814, 17, 23, 24, 26, 28, 29, 36, где свадьба Константина Вас. Ростовского ошибочно переделана в его кончину, как ясно по Воскр. лет., 6839 и 6871 г.); из летописания смоленского (6846, 85, 94 и 6895 г.); рязанского (6835, 87 и 6894 г.); митрополичьего (все о Өеогносте под 6841, 48, 51 и 6861 г., где прибавлен в рассказе о погребении эпитет „великій наставникъ") и даже московского (под 6832, 40, 48, 68, 69, 90 и 92 г.).

То обстоятельство, что скоро после завершения работы над составлением обще-русского свода 1409 г., через четырнадцать лет, потребовалась новая переработка всего материала, без привлечения нового (и события 1409—1423 гг. гораздо беднее разнообразием известий в своде 1423, чем общий состав свода 1409 г.),—конечно, должно свидетельствовать пред нами, что работа сводчика 1409 г. была почему-то признана неудовлетворительною новым митр. Фотием, не положившим ее в основание своего свода, а подвергнувшим ее материалы новой переработке. Вглядываясь внимательнее в произведенную переработку, кажется, легко уловляем ее общий смысл и задание. Сводчик 1423 г. вовсе не стремится к пополнению известий, он и сокращает их против свода 1409. Сокращения падают на московские известия чисто семейного характера, пополнение идет с характером явно анти-московским из областных летописей, соперничающих с Москвою княжений. Достаточно сопоставить запись о смерти Константина Вас. Суздальского (21 ноября 1355 г.) в своде 1409 г. с расширением ее в своде 1423 г. такою припискою: „честно борони въ свою отчину отъ силнѣе себѣ князей", под которыми, конечно, разумелись московские Даниловичи, или запись свода 1409 г. под 6868 г.: „тое же весны выиде изъ орды на великое княженіе князь Суждальскый Дмитрей Костянтиновичь, а не по отчинѣ, ни по дѣдинѣ", с изложением этого же события в своде 1423 г.: „Ходиръ царь далъ великое княженіе Дмитрею Суждальскому,

а княземъ русскимъ комуждо отчину свою", или вспомнить о резком выпаде летописца 1409 г. против новгородских неудовольствий великим князем Василием Дм. под 1392 г., о котором уже упоминалось выше и который исчез в своде 1423 г., — чтобы согласиться с тем положением, что главною идеею переработки свода 1409 г. было смягчение его явно московского характера и придание изложению известного политического беспристрастия. Эта же идея видна и в усилении литовских известий (6853, 55, 57, 89 и 94 гг. свода 1423 г.). Свод 1409 г. впервые вводил литовские известия в наше летописание, что согласуется с толкованием митр. Киприаном значения кафедры митрополита всея Руси, как учреждения вне-политического, стоящего выше спора московско-литовского за об'единение русского народа. Но с еще большею силою, как известно, проводил эту идею в своей деятельности митр. Фотий, и нет ничего удивительного, что его летописный свод так значительно пополнился известиями по литовской истории. Но не только в этих сторонах свода 1409 г. крылась его неудовлетворительность для современного общества. Сводчик его брал на себя и для ближайших событий резко проводил роль обличителя и поучителя. В тексте гл. II т. V „И. Г. Р." в описании нашествия Едигея читаем: „Богатые—говоритъ лѣтописецъ—обѣщали Небу наградить бѣдныхъ, сильные не тѣснить слабыхъ, судіи быть правосудными,—и солгали предъ Богомъ", а в примечании к этому месту (208): „см. Троицк. лѣт.". Есть основание полагать, что именно к окончанию Троицкой лет. и к описанию в ней нашествию Едигея нужно отнести то место Симеоновской, которое читается так: „И сіа вся написаная, аще и не лѣпо кому зрѣться, иже толико отъ случившихся въ нашей землѣ неговѣинѣ намъ изъглаголавшемъ: мы бо ни досажающи, ни завидяще чести вашей таковая вчинихомъ, яко бо обрѣтаемъ началнаго лѣтословца кіевскаго, иже вся временнобогатства земская не обинуяся показуеть, но и первіи наши властодръжци безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочимъ по нихъ образы явлени будутъ, якоже при Володимерѣ Монамасѣ оного великаго Селивестра выдобыжскаго, не украшая пищущаго, почетъ почіеши. Мы же симъ учящеся, таковая вся приключьшаяся въ дни наша не преминухомъ, властодержецъ нашихъ дозорящихъ сихъ, таковымъ вещемъ да внимають: юніи старцевъ да почитають и сами едини безъ искуснѣйшихъ старцевъ всякого земскаго правленія да не самочиннують, ибо красота граду есть старчество, рече бо писаніе: въпроси отца твоего, възвѣстить ти, и старци твоя—рекуть ти, къ симъ же еще и пророка

да блюдуть, когда Iерусалиму рекша старца и съвѣтника ради“ (сравните в тексте Н. М. Карамзина, т. V, гл. II, стр. 112: „никто не безпокоился въ Москвѣ, гдѣ, по сказанію одного лѣтописца, уже мало оставалось Бояръ старыхъ, и гдѣ юные совѣтники Великокняжескіе мечтали въ гордости, что они могутъ легко обманывать старца Эдигея и располагать въ нашу пользу силами Моголовъ“). Впрочем, вся картина описания тяжелого 1408 г. и резкий характер обличения в своде 1409 г. могут быть показаны яснее лишь при реконструкции всего памятника. Эта нота поучения и обличения вызывала, конечно, недовольство великого князя и его двора, как явно-московское изложение других событий вызывало недовольство областных княжений и В. Новгорода.

Все это, видимо, и послужило основанием для переработки свода под наблюдением митр. Фотия, сумевшего не только характер летописания, но и всю свою архипастырскую деятельность поднять на большую высоту политического беспристрастия и спокойствия.

В противоположность своду 1409 г., новый свод митр. Фотия имел решительный и прочный успех. Достаточно указать, что новгородское летописание, жившее в течение всего XIV века оторванным от летописания обще-русского, спешит слить свой местный свод со сводом Фотия, лишь сокращая изложение некоторых обще-русских известий (так образовался уже в 30-х годах XIV в. протограф Софийской I и Новгородской IV), и что самое московское летописание, лишь дополнив свод Фотия 1423 г. опущенными московскими известиями свода 1409 г., удержало его изложение в том своде 1480 г., который можно назвать первым сводом грядущего Московского царства и который в изложении занимающей нас эпохи XIV века резко провел тенденцию сильной великокняжеской власти, изгнав все упоминания о междукняжеских снемах XIV в., этих следах упадка и слабости великокняжеского стола.

IV.

Отношение обще-русского митрополичьего свода 1409 г. к предшествующему этапу обще-русского летописания может быть здесь освещено, к сожалению, лишь в самой общей форме.

Самый внимательный анализ той части свода 1409 г., которая начинается с 1306 г., показывает нам, что, если устранить из него извлечения из других областных летописных сводов (тверского, смоленского, ростовского, суздальского, новгородского, рязанского) и даже из летописи Троицко-Сергиевой оби-

тели и серпуховского летописца князя Владимира Андреевича, пред нами остается некоторого рода фонд известий, в котором узко-семейные известия Московского княжеского дома, известия о великокняжеской работе московских Даниловичей и, наконец, известия о деятельности носителей митрополичьей власти (митр. Петр, Феогност и Алексей) сливаются в столь нерасторжимое целое, что возникает предположение о внутреннем единстве этого фонда.

С другой стороны, если, как было указано выше, под „летописцем великим русским", о котором под 1392 г. говорит сводчик 1409 г., мы будем понимать летописец великокняжеский, кончавшийся изложением великого княжения Дмитрия Ивановича, то в противоречие этому как будто звучат все московские по характеру известия о занятии великого княжения в XIV в. представителями иных княжеских ветвей и полнейшее равнодушие к их великокняжеской деятельности.

Кажется, все эти недоумения могут быть об'яснены следующим предположением.

Тот обще-русский свод, который лежит в основе Лаврентьевской летописи и в безпримесном виде читается с последних десятилетий XIII в. до конца (1305 г.), едва ли может быть определен, как свод митрополичий. Во-первых, известие о перенесении митрополичьей кафедры в 6808 г. записано в выражениях, которые трудно возвести к митрополичьему двору („оставя митрополью и збѣжа ис Киева"), упорно утверждавшему пред Константинопольским патриархатом до 1354 г., что переезд митрополита — не оставление митрополии. Во-вторых, какого бы мы митрополита не считали виновником этого свода (св. Петра или Максима), — ни тот, ни другой не могли составить обще-русского свода, свода всея Руси, с полным опущением известий южной части своей диоцезы (галицко-волынской и киевской). Вспомним, что митр. Максим большую часть своей деятельности провел, имея пребывание в Киеве, а св. Петр был ставленником южной Руси, и что в обще-русском митрополичьем своде 1409 г., как и в следующем 1423 г., именно этой части, тогда уже литовской, впервые отводится место и внимание. Наконец, в-третьих, дата окончания свода 1305 г. толкуется (и при допущении, что это свод св. Петра, и при допущении, что это свод митр. Максима), как дата смерти митр. Максима (в одном случае говорится, что св. Петр довел свод до года смерти своего предшественника; в другом, что смерть митр. Максима осталась неотмеченною потому, что он—автор свода). Между тем Троицкая летопись, где записана смерть митр. Максима, относит ее к 1307 г. Правда, свод 1423 г., а за ним и свод

1480 г. указывают ее под 1305 г., но не входя в хронологические вопросы этих сводов, укажем на то, что они все сведения ближайших годов передвигают годом выше против Троицкой и Лаврентьевской, а смерть митр. Максима—на два года. Но и в этом продвижении известия о смерти митр. Максима попадает в группу известий, которые по хронологии Лаврентьевской должны стоять в 1306 г.

Можно, кажется, иначе толковать характер свода 1305 г. Он обще-русский не в смысле митрополии всея Руси, а в том обще-русском смысле, который жил со времен Андрея Боголюбского в представлении деятелей и носителей великокняжеского Владимирского сана, реально охватывая старый Ростово-Суздальский край и В. Новгород, а теоретически золотой Киевский стол. Иною речью, пред нами летопись великокняжеская владимирская, заботливо отмечающая прежде всего смены на Владимирском столе. Можно думать, что летопись эта оканчивалась 1305 г. потому, что в этот год скончался великий князь Андрей, и только дефектностью протографа Лаврентьевской летописи надо об'яснять отсутствие этого известия в ней (оно читается в Троицкой летописи).

Повидимому, этот великокняжеский летописец, традиционно доводившийся до смерти предшествующего князя, носил название „летописца великого русского“, как читаем в Троицкой летописи под 1392 г. Судьба его после 1305 г. была, повидимому, та, что очень скоро он оказался в Москве, куда была перенесена митрополия Владимирская и пребывание великих Владимирских князей. В этих условиях свод не мог не омосковиться, не слить в себе известий семейно-княжеских, митрополичьих и великокняжеских в тот неразложимый фонд, который лежит в в основе Троицкой летописи. Одну из редакций этого „летописца великого русского“, кончавшуюся смертью в. к. Дмитрия Ивановича, сводчик 1409 г. и положил в основу своей работы, не сумев, как мы видели, освободить ее от узко-московского привкуса.

Позволительно удержать внимание еще на одном вопросе, вытекающем из анализа свода 1409 г. и связующем свод этот со сводом 1305 г., точнее с Лаврентьевскою летописью.

Если выбрать из состава свода 1409 г. (в части от 1306 по 1390 г.) все известия, относящиеся к Суздальскому и Нижегородскому княжеству, то получается следующая картина: под 6822 г. читаем два кратких суздальских известия; под 6841 г. (чрез 19 лет) — одно, краткое; под 6855 г. (чрез 14 лет) — одно, краткое; под 6859 г. — одно; все эти известия не имеют точных дат; первое точно-записанное известие

читаем под 6863 г. и дальнейшие идут непрерывною почти цепью, все возрастая по размеру, а с 6882 г. прямо выделяясь незаурядною литературною манерой (6864—одно; 6868—два, но одно явно-московской записи; 6869 — одно; 6870 — два; 6871 — одно; 6872 — два; 6873 — одно; 6874 — два; 6875 — два; 6876—одно; 6877—одно; 6878—два; 6879—одно; 6880—три; 6882—два; 6883—два; 6884—одно; 6885—четыре; 6886—одно; 6887—одно; 6889—одно; 6890—два; 6891—три; 6892—одно; 6893—одно; 6894—четыре; 6896—три; 6897—одно). Выписки эти значительно возрастают с привлечением свода 1423 г. (6860, 6861, 6862, 6871, 6872, 6873, 6878, 6898).

Пред нами совершенно отчетливая картина возрождения суздальского летописания в XIV в., пережитого в 70-х годах этого столетия и собравшего факты раннейшего времени, повидимому простым припоминанием (смерти князей и епископов без дат). Эта эпоха возрождения связывается с поставлением на епископскую кафедру Суздаля Дионисия, неразгаданного, но выдающегося церковного деятеля XIV в. Характеристика его (под 6882 г.) — необычайно возвышенна и проникнута необычайным почтением. Созданное при епископской кафедре Дионисия и не заглохшее сразу после его смерти (он скончался в Киеве в сане митрополита, в пленении) летописание это было княжеским, служило интересам всей семьи суздальского княжеского гнезда.

По известным нам примерам дошедшего до нас областного летописания (новгородское, летопись Переяславля-суздальского) можно думать, что и летописание суздальское имело в виду связать себя с обще-русскою основою, желало положить в начало себе обще-русский летописный свод от времен „как стала Русская земля". Тогда становится понятною задача, возложенная на монаха Лаврентия в 1377 г. „по благословенью священьнаго епископа Дионисья" написать „книги сия глаголемый лѣтописець" для князя великого Дмитрия Константиновича. Очевидно, изыскивая такой обще-русский свод для оглавления своего областного великокняжеского летописания, суздальские литературные деятели конца XIV в. могли найти лишь очень ветхий экземпляр свода 1305 г., о чем заявляет и сам Лаврентий и что ясно, как из пустых мест оставленных им в тексте в виду невозможности прочтения, так и из сличения текста Лаврентьевской с тожественным текстом в Троицкой летописи. Вот почему неудивительно, что в последнем годе Лаврентьевской отсутствует известие о смерти вел. князя Андрея, а известие о пожаре от молнии церкви св. Феодора записано без указания, что эта церковь находилась в городе Костроме. Не желая при-

бегать к позднейшим редакциям „летописца великого русского“, за XIV в. давно уже ставшего московским, приходилось мириться с указанными недостатками свода 1305 г. Между тем как непрерывность летописной работы над продолжением „летописца великого русского“ в Москве сохранила нам, чрез обще-русский митрополичий свод 1409 г., исправнейший текст этого свода 1305 года.

М. Приселков.

Несколько новых данных, касающихся истории „задворных людей“.

Вопрос о задворных людях уже давно обратил на себя внимание нашей ученой литературы. Помимо замечаний общего характера в курсах по истории русского права и русской истории, равно как и в отдельных монографиях по истории крестьян Московской Руси, вопросу этому были посвящены и специальные исследования. Но если исследования эти довольно успешно разрешили вопрос о состоянии задворных людей в XVII веке, то история самого зарождения интересующей нас группы населения остается и по настоящее время совершенно невыясненной

Еще в 80-х годах прошлого века, в широко известном труде своем „Подушная подать и отмѣна холопства“, проф. В. О. Ключевский пришел к выводам, что появившийся впервые в XVII столетии класс задворных людей по своему хозяйственному происхождению был историческим преемником старинных страдных людей, а по происхождению юридическому примыкал к кабальному холопству. Задворными людьми первоначально становились кабальные холопы, сажаемые землевладельцами на пашню и наделяемые самостоятельными земельными участками. С течением времени задворное холопство из хозяйственного состояния некоторых кабальных людей превратилось в состояние юридическое, в особый вид крепостной зависимости.

Эта первая и, кажется, пока единственная попытка выяснить и обосновать вопрос о самом происхождении задворного холопства оказалась, как будет видно из дальнейшего, не совсем удачной.

Другой специальный исследователь названного класса людей—М. А. Дьяконов, вопреки мнению Ключевского, полагал, что задворные люди не представляли однородной, юридически обособленной массы вплоть до конца XVII века. В состав их,

по мнению названного ученого, входили: кабальные люди, полные холопы, выходцы, отбившиеся элементы тяглой среды и, вероятно, значительное число беглых. М. А. Дьяконов не усматривал, по существу, никакой разницы между „задворными“ людьми и людьми „деловыми“, по крайней мере теми из них, которые жили особыми дворами. Что-же касается вопроса о времени возникновения самого термина „задворные люди“, то М. А. Дьяконов, так-же как и проф. Ключевский, утверждал, что термин этот вовсе не был еще известен в XVI веке [1]).

Ученая критика установила, однако, что утверждение обоих названных исследователей о появлении интересующего нас термина впервые лишь в XVII столетии—не точно. В одной неизданной писцовой книге Шелонской пятины Великого Новгорода, относящейся к 70-м годам XVI века, нашлось прямое упоминание „задворных“ людей.

Наблюдение это, сделанное проф. Рожковым, имело весьма важное значение, так как в корне подрывало теорию проф. Ключевского о происхождении задворного холопства из кабального, форма которого сложилась только в самом конце XVI века. С своей стороны проф. Рожков присоединился к мнению М. А. Дьяконова о том, что задворные люди не представляли собой какого-то особого юридического состояния и считал их обыкновенными земледельческими холопами-страдниками или страдными людьми. Смешение-же задворных людей с деловыми проф. Рожков считал неправильным и, вслед за В. О. Ключевским, усматривал различие между названными разрядами холопов в том, что деловые люди получали месячину и отбывали только барщину, не платя оброка, между тем как задворные холопы обязаны были и оброком [2]).

Наконец, А. С. Лаппо-Данилевский еще более расширил наблюдения проф. Рожкова о появлении термина „задворные люди“ и других родственных терминов уже в XVI столетии и подкрепил его доводы в пользу различения задворных и деловых людей: „в имениях XVI и первой половины XVII веков, доказывает А. С. Лаппо-Данилевский, деловые люди заменяли главным образом сельских рабочих, тогда как задворные люди заменяли фермеров“ [3]).

Замечания критиков не остались в общем без внимания.

---

[1]) М. А. Дьяконовъ, „Задворные люди“—Ж. М. Н. Пр. 1897, № 12; Онъ-же. „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ Государствѣ“. Спб. 1898.

[2]) Н. А. Рожковъ. Рецензія на книгу М. А. Дьяконова в Ж. М. Н. Пр. 1899, № 1.

[3]) А. С. Лаппо-Данилевскій. „Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII вв.“.

В позднейших своих трудах и В. О. Ключевский, и М. А. Дьяконов считались уже с существованием термина „задворные люди" в 70-х годах XVI века. В. О. Ключевскому пришлось смягчить категоричность своего мнения о происхождении задворных людей из кабальных холопов. В своем „Курсе" проф. Ключевский говорит уже, что задворные люди выходили „из всех разрядов холопства" и лишь „преимущественно из холопства кабального" [1]. М. А. Дьяконов, отметив, что термин „задворные люди" встречается в памятниках последней трети XVI века наряду с терминами „люцкая пашня на задворьи", „задворные дворишки", остается в общем при старом своем взгляде на задворных людей и лишь добавляет: „при каких условиях возникла эта задворная запашка, отличались-ли и чем именно задворные люди от страдных людей в XVI веке—эти вопросы остаются открытыми" [2].

Вот на эти-то „открытые" вопросы мы и попытаемся дать предположительный ответ, опираясь на печатаемую ниже духовную грамоту князя Ив. Ив. Кривоборского, явленную митрополиту Варлааму в 1513 году [3].

В духовной этой любопытен прежде всего самый факт прямого упоминания „задворных людей". Явленная в 1513 году, духовная писалась вероятно еще несколько раньше, а порядки, в ней описываемые, восходят, конечно, к XV веку; из всего этого ясно, что и интересующий нас разряд населения также восходит к гораздо более почтенной древности, чем это до сего времени предполагалось. Но не ограничиваясь простым упоминанием задворных людей, духовная князя Кривоборского дает вместе с тем некоторую новую и, притом, в высокой степени примечательную подробность, их касающуюся. Согласно духовной задворные люди князя (так же как и просто дворовые люди) отпускаются на свободу с лошадьми и *сагайдаками*, т. е. с выданным им вооружением. Здесь совершенно ясно чувствуется связь их со слугами, составляющими „дружину" князя, со слугами, с которыми князь выступает в поход. Связь эта подчеркивается еще тем обстоятельством, что в названной духовной

[1]) В. О. Ключевский, „Курс Русской Истории", часть III, лекция XLIX.

[2]) М. А. Дьяконовъ, „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси", Спб., изд. 3, 1910, стр. 405—406.

[3]) В названной духовной непосредственно нашей темы касаются всего лишь несколько распоряжений князя, сделанных им в конце своего завещания. Тем не менее решаемся привести весь этот довольно обширный документ целиком—он несомненно представит интерес как для лиц, занимающихся историей хозяйства и быта в так назыв. феодальный период русской истории (сложность денежных отношений князя Кривоборского с представителями родовитых и, казалось-бы, обеспеченных фамилий), так равно и для лиц, занимающихся русской генеалогией. Воссоздавая более или менее полно картину жизни большой и богатой боярщины документ этот как раз и дает тот фон, на котором должен был возникнуть и интересующий нас разряд населения.

задворные люди прямо противопоставляются „страдным". Последние также получают при отпуске на свободу лошадей, но лошадей рабочих, по выражению духовной: „на которой лошади делал". Жалуя-же задворному человеку лошадь и сагайдак, духовная, очевидно, жалует походную его лошадь.

Как бы то ни было, но, противопоставляя задворных людей страдным, духовная кн. Кривоборского решительно исключает старое мнение проф. Ключевского о преемственной смене одного из названных разрядов населения другим, а равно делает неприемлемым и мнение проф. Рожкова, безразлично смешивающего эти разряды. В чем-же, однако, состояло различие между задворными и страдными людьми, столь определенно констатируемое духовной кн. Кривоборского?

По характеру завещаемого имущества (лошади и сагайдаки) задворные люди в представлении завещателя скорее как бы объединяются с его дворовыми людьми, по крайней мере теми из них, кои являются военными слугами князя. Но самый термин „задворный" человек с несомненностью показывает, что человек этот живет за двором землевладельца, т. е. имеет собственный двор, а следовательно и собственное хозяйство. Мы смеем предположить, что здесь, на рубеже XV—XVI веков, духовная кн. Кривоборского дает нам любопытный пример как-бы служилого испомещения своих слуг-рабов богатым князем-землевладельцем [1]).

Предположение это подтверждается данными целого ряда других духовных грамот, уже давно изданных и хорошо известных в литературе. Для примера я приведу лишь несколько выдержек из собрания духовных, изданных Н. П. Лихачевым:

„... А что наши люди мужа моего Дмитрея да и мои полные и докладные и кабалные, тѣ всѣ люди на слободу, а что у наших людей нашего жалованья у *служилых* и у *страдных* лошадей и животины и приказщиком моим того у них не отнимати..." [2]).

„... А опрочѣ того, которые люди мои *деревеньские* и дворные старые и новые... и тѣ люди всѣ отпустил на слободу з женами и з детми... а что мои люди *дѣлавые страдные* и из тѣх людей женѣ моей Ографенѣ десят семей..." [3]).

„... А люди мои которыи *страдныи слуги,* тѣ всѣ на сво-

---

[1]) См. литературу „о боярской дружине", о „служних землях", „слугах под дворским" и т. под.

[2]) Н. П. Лихачевъ, „Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ, вып. I, Духовныя и сговорныя грамоты", Спб. 1895. № III, духовная 1535 года Марии, вдовы Дмитрия Мирославича.

[3]) Там-же, № V, духовная 1545—1546 года кн. Ив. Фед. Судцкого.

боду, а *страдныи люди* кабалныи и не кабалныи, тѣ вси жены моей Федосьи...“ [1]).

„... А что *слуги мои деревенские* полные и докладные и кабалные, и тѣ мои люди всѣ на слободу... да что *люди мои страдные* и приказщиком моим дати им мужу з женою по шесть четвертей хлѣба да и коровы их им подавати...“ [2]).

Таких и тому подобных примеров можно было-бы привести очень много, но нам кажется, что и приведенных вполне достаточно для подтверждения нашей мысли. Многие выражения и термины этих актов, остающиеся доселе весьма загадочными, могут быть разъяснены лишь с принятой нами точки зрения. В самом деле, что это за постоянное противоположение „служилых“ людей и „страдных“, „деревенских слуг“ и „страдных людей“, „страдных слуг“ и „страдных людей“. Нам кажется, что термины „деревенский слуга“ или „страдный слуга“, противопоставляемые „страдному человеку“, могут обозначать лишь военных слуг, сидящих на пашенных участках, т. е., по терминологии князя Кривоборского, „задворных людей“ [3]).

Подводя итоги всем сделанным наблюдениям, мы высказываем предположение, что в XVI веке (а вероятно и несколько ранее) задворные люди отличались от страдных людей тою целью, ради которой землевладелец сажал их на особые дворы. От задворных людей он ждал прежде всего службы, т. е. военной готовности на случай похода, от страдных людей он прежде всего ждал оброка, т. е. накопления натуральных запасов и, может быть, сбора денежных средств.

Задворная запашка возникла в условиях изыскания способов безубыточного содержания хотя-бы части многочисленных военных слуг-рабов в крупных боярщинах.

1513 г., декабря 2-го [4]). Духовная грамота князя Ивана Ивановича Кривоборского.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Се язъ рабъ Божей князь Иванъ Ивановичъ Кривоборской пишу сію духовную грамоту своимъ целымъ умомъ, кому ми что дати и на комъ ми что взяти. Дати ми князю Петру Васильевичю Великому конь рыжъ иноходъ, и что за него скажетъ и приказщики бы то за него заплатили, да дати ми ему жъ шоломъ черкаской да наколенки шамахѣйскіе да сабля булатная да батарлыки и приказщики бы ему отдали

---

[1]) Там-же, № X, духовная 1555—1556 Мих. Андр. Ергольского.

[2]) Там-же, № XIII, духовная Сем. Дмитр. Пешкова-Сабурова.

[3]) Ср. выражения духовных грамот: „... а что моих *лошадей служилых и седел* и всякого седельного запасу“, „... а что моего живота *лошадей деловых* и коров и овец“, „...и что *служилой люцкой рухляди—сабли и седла* и епанчи“, „...а что люди мои *служили* у меня“, „...*хто на чом мне служил* и хто в чом ходил, то все им отдати“ и т. под.

[4]) Под означенной датой духовная кн. Кривоборского была явлена митрополиту Варлааму; дата написания неизвестна.

лицомъ да седло с костми сафьянное и то седло отдали жъ бы лицомъ; дати ми Ивану Сукину жеребецъ рыжъ лысъ, и что Иванъ скажетъ за него цѣну и приказщики бы то заплатили; дати ми князю Михаилу Долгорукому иноходецъ мухортъ и приказщики бы ему отдали лицомъ, а не будетъ его в животѣ и приказщики бы ему заплатили цѣну что князь Михайло скажетъ. Взяти ми на князе Ондрѣе на княже Өедоровѣ сынѣ Пестрово на меньшого (sic), да на Петруше на Есиповѣ сынѣ Волоховѣ полчетверта рубля по кабалѣ; взяти ми на князе на Василье на княже Семеновѣ сынѣ Ромодановского, да на Иванѣ на Семеновѣ сынѣ Ступишина, да на Митькѣ на Козловѣ сынѣ Милославского пять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Руснѣ на Бегичевѣ, да на Олексѣе на Курлаковѣ, да на Прокоше да на Верещагѣ на Русиновыхъ дѣтехъ полтретья рубля по кабалѣ; взяти ми на Руснѣ на Бегичевѣ, да на его сынѣ на Прокошѣ да на Верещагѣ полчетверта рубля по кабалѣ; взяти ми на Иванѣ на Семеновѣ сынѣ Колычева, да на Иванѣ на Өедоровѣ сынѣ Коркмазовѣ пять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на князе на Өедоре на княже на Васильевѣ сынѣ Оболенского на Большомъ, да Григорье на Ондрѣевѣ сынѣ Колычова на Меньшомъ пять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Ондрѣе на Михайловѣ сынѣ Кутузова, да на Семене на Костянтиновѣ сынѣ Кутузова, да на Василье на Полуехтове на Бутурлинѣ, да на князе на Юрье на княже Иванове сынѣ Гундоровѣ, да на князе на Иване на княже Борисовѣ сынѣ Туренина, да на Өедоре на Борисовѣ сынѣ Бороздина пятнатцать рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Өедоре на Ивановѣ сынѣ, да по Өомѣ на Ивановѣ жъ сынѣ Горностаева, да на Павлѣ на Ивановѣ сынѣ Симапского пять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Борисѣ на княже Васильевѣ сынѣ Ромодановского да на князе на Петрѣ на княже Борисовѣ сынѣ Ромодановского девять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Микиөорѣ на Ивановѣ сынѣ, да на его женѣ на Юхонѣ, да на его сынѣ на Якимкѣ три рубли по кабалѣ; взяти ми на Костянтинѣ на Тимоөеевѣ сынѣ Замытцкого шесть рублевъ по кабалѣ; взяти ми на князе на Өедорѣ на княжѣ Володимеровѣ, да на его сынѣ на Михайлѣ, да на князе на Өедорѣ на княжъ Володимеровѣ сынѣ на Меньшомъ, да на Иванѣ на Григорьевѣ сынѣ Годунова пять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Тимоөеѣ на Ивановѣ сынѣ Парского, да на его сынѣ на Өилѣ два рубля по кабалѣ; взяти ми на князе на Иванѣ на княже Васильевѣ сынѣ Лыкова, да на князе на Өедоре на княжѣ Володимеровѣ сынѣ Долгорукого, да на Өедоре на княжъ Тимоөеевѣ сынѣ Тростенского полтретья рубля по кабалѣ; взяти ми на Степанѣ да на Семенѣ да на Дмитрее Нащокиныхъ дѣтехъ Мотякина пять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на князе на Михаилѣ на княжъ Васильевѣ сынѣ на Горбатомъ, да на Стерлягѣ на Вельяминовѣ сынѣ Глазова семь рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Ондрѣе на Олександровѣ сынѣ Квашнина, да на Ондрѣе на Васильевѣ сынѣ Поподьинина полтина по кабалѣ; взяти ми на Иванѣ на Ондрѣевичѣ на Колычевѣ дватцать рублевъ по кабалѣ; взяти ми на князе на Юрьи на княже Васильевѣ сынѣ Ромодановского, да на его сынѣ на Семенѣ шестьдесятъ алтынъ безъ трехъ алтынъ по кабалѣ. Взяти ми на попѣ на Василье да поповѣ сынѣ на Давидове рубль по кабалѣ, і они бы того рубля на немъ не имали; взяти ми на Семенѣ на Великомъ на Васильевѣ сынѣ Юрьева пять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Иване да на Петрѣ на Григорьевыхъ дѣтехъ Татищова, да на Истомѣ на Ондреевѣ сынѣ Загрязского, да на Борисѣ на Кусаковѣ, да на Раке на Яковле сынѣ Брюхова пять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Өедоре на Михайловѣ сынѣ Карамышова да на Михале на Өедорове сынѣ Карамышова рубль по кабалѣ; взяти ми на князе Өедоре на княже Васильевѣ сынѣ Телепнева на Меншомъ, да на Миките на княже Дмитреевѣ сынѣ Оболенского-Щепина два рубля по кабалѣ; взяти ми на Өедоре на Костянтиновѣ сынѣ Кутузова рубль по кабалѣ; взяти ми на Петрѣ да на Иванѣ на Семеновыхъ детехъ Карпова пять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на князе на Өедоре на княже Васильевѣ сынѣ Телепнева на Меншомъ, да на Миките на Михайловѣ сынѣ Кутузова, да на Семене на Өедоровѣ сынѣ Змѣева два рубля по кабалѣ; взяти ми на Өедоре на княже Өедорове сынѣ Палецкого рубль по кабалѣ; взяти ми на Григорье да на Михайле на Петровыхъ дѣтехъ Валуева, да на Өедоре на Борисове сынѣ Валуева четыре рубли по кабалѣ; взяти ми на Терентьи на Иванове сынѣ Заболотцкого, да на По-

садникѣ на Олѳерьевѣ сыне Лопухина четыре рубли по кабалѣ; взяти ми на Остаѳье на Шушеринѣ да на Петрѣ на Захарьинѣ сынѣ Безпятого, да на Петре на Михайлове сынѣ Вороного, да на Злобѣ на Ивановѣ, да на Борисѣ на Оѳонасьевѣ на Чеглоковых три рубли по кабалѣ; взяти ми на Иване да на Ѳилипе на Дмитреевыхъ дѣтехъ Порматцкого, да на Васенѣ да на Микитинѣ сынѣ Ефимьева два рубля по кабалѣ; взяти ми на Семене на Албычевѣ, да на Леваше на Ханиковѣ полтина Новгородская по кабалѣ; взяти ми на Иванѣ на Ермолине сынѣ Резанова, да на Степане на Даниловѣ сынѣ Головина два рубля по кабалѣ; взяти ми на Кузьмѣ на Онисимовѣ, да на его сынѣ на Ѳедоре рубль Новгородцкой по кабалѣ; взяти ми на Тимоѳѣе на Ондрѣеве сынѣ Безстужева, да на Иване на Яковлеве сынѣ Веселово, да на Шемяке на Клементоевѣ сынѣ Обухова, да на Петрѣ на Головѣ на Ивановѣ сынѣ, да на Петрѣ на Ивановѣ сынѣ Порѣцкого, да на Борисѣ на Митинѣ сынѣ Куликова пять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Мурзѣ на Ѳедоровѣ сынѣ Меликова, да на Лвѣ на княже Семенове сынѣ Глѣбова, да на Иванѣ на Ѳомѣ на Григорьевѣ сынѣ два рубля по кабалѣ; взяти ми на Григорье на Борисовѣ сынѣ Товаркова, да на Даниле на Быковѣ сынѣ Нелединского полтора рубля по кабалѣ; взяти ми на Ѳедоре на Бродцинѣ, да на Ѳедоре на Ивановѣ сынѣ Володимерова, да на Микитe на Кузминѣ сынѣ Уварова пять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Василье на Ондрѣевѣ сынѣ Лодыгина, да на Павлѣ на Симановскомъ, да на Семене на Пустошкинѣ рубль Новгородцкой по кабалѣ; взяти ми на Ѳедоре да на Олексѣе да на Иванѣ на княжихъ Ивановыхъ дѣтехъ Мышецкого, да на Василье на Ивановѣ сынѣ Лугденева десять рублевъ по кабалѣ; взяти ми на Иване да на Борисѣ на Ѳедоровыхъ дѣтехъ Новокрещеного два рубля по кабалѣ; взяти ми на Олѳерье на Свистягинѣ на Лютѣ, да на его сынѣ на Нечайцѣ шесть гривенъ Новогородцкая по кабалѣ; взяти ми на Ѳедоре на Ондрѣевѣ сынѣ на дворцовомъ недельщикѣ, кои бывалъ в подьячихъ у владыки у Генадья, три гривны Новогородцкіе безъ дву денегъ по кабалѣ; взяти ми на Якове на Родивонове на діакѣ три гривны Новогородцкіе по кабалѣ; взяти ми на князе на Ѳедоре да на князе на Михаилѣ на Оболенскихъ три рубли по кабалѣ; взяти ми на Яковѣ на кузнецѣ, да на его брате на Иване, да на Семене на огородникѣ изъ Заполья, да на Онѳиме на мельникѣ, да на Якове на котельнике рубль Новогородцкой по кабалѣ, и тѣхъ денегъ полтину уплатили а кабала на Клинноурово имя; взяти ми на Давидѣ да на Иванѣ на Немомъ, да на Ондрѣе на Тимоѳѣевыхъ дѣтехъ Белевутова полшеста рубля по кабалѣ; на Оѳоносе на Яковлевѣ, да на его сынѣ на Микиѳорѣ четыре гривны Новогородцкіе по кабалѣ; взяти ми на князе на Василье на Коврѣ рубль безъ кабалы; взяти ми на князе на Ѳедоре на княже Васильевѣ сынѣ Теленнева рубль безъ кабалы; взяти ми на князе Иване на Андомскомъ рубль безъ кабалы; взяти ми на князе на Михайлѣ на Хрипуновѣ рубль безъ кабалы, взяти ми на Косте на Заецовѣ на княже Олександровѣ человекѣ полтина безъ кабалы; взяти ми на Григорье на Офонасьевѣ на Дровняхъ пять рублевъ безъ кабалы; взяти ми на Стерлягѣ на Вельяминове три рубли с четвертью без кабалы, а которые кабалы у Мити у Толмачя и по тѣмъ кабаламъ Митя денги имал, ростъ и истину, а на кабалахъ подписы далъ и приказщики бы мои имали по тому какъ на тѣхъ кабалахъ подписано; взяти ми на Михаилѣ на Елизаровѣ меринъ иноходъ голубъ а цена ему полтора рубля; взяти ми на князе на Семене на Серебряномъ на Оболенскомъ меринъ голубъ а цена ему шестьдесятъ алтынъ. А дадутъ мои приказщики исъ тѣхъ денегъ душу помянуть: к Пречистой на площадь пять рублевъ, к Арханьилу на площадь три рубли, къ Михайлову чюду да к Олексѣю к чюдотворцу пять рублевъ, к Николе к Гостунскому рубль, к Николе к старому рубль, к Спасу к старому рубль, к Пречистой в Осиѳову пустыню пять рублевъ да ковшъ серебрянъ выносной, к Николе в Заводичи(?) пять рублевъ на престолъ а игумену рубль, к Вознесенью в Заводичи полтина, в Олексино рубль, къ Пречистой, что на Городкѣ, полтина, к Спасу, что на Городкѣ, полтина, на Осипово полтина, къ Рождеству полтина, къ Пречистой на Любецъ полтина, в Ольялово (?) къ Благовѣщенью полтина, к Богоявленью полтина, в Берендѣево к Рождеству полтина, къ Николе полтина, къ Борису Глѣбу полтина, к Соѳѣи святой пять рублевъ, к Пречистой к Похвалѣ два рубля, да

опричьтого отцу моему духовному Ивану Похвальскому рубль, к Спасу на Хутыню ковшъ серебрянъ большой да лошакъ сивъ, к Пречистой на Тихвину пять рублевъ, к Пречистой в Володимерь на площадь три рубли, к Николе на Вежищо три рубли, к Ивану святому на Чюдинцову улицу полтина, к Николѣ на Чюдинцову полтина, к Семену святому на Чюдинцову полтина, ко Апустоломъ полтина, к великому Егорью рубль, на Бухъ к Николѣ полтина Новгородцкая за нимъ готова за попомъ за Иваномъ, а не будетъ попа Ивана и приказщики мои дадутъ к Николѣ полтину Новогородцкую, к Николѣ на Липну два рубля, к Николѣ на Медвѣ(ди)цу два рубля, к Николѣ на Перековѣ рубль, в Новѣгородѣ в Кириловъ три рубли, ко Юрьевъ три рубли, в Кириловъ на Белоозеро пять рублевъ, на Каменую три рубли, на Симаново три рубли, в Ондроньево три рубли, к Рождеству в Володимерь два рубля, к Спасу к Новому три рубля, к Богоявленью, что за торгомъ, три рубли, в Павлову пустыню два рубля, к Дмитрею к Прилутцкому три рубли, в Ѳараѳонтоевъ монастырь два рубля, в Корнильевъ монастырь два рубля, на Коневецъ пять рублевъ, на Воланъ (sic) пять рублевъ. А положили бы меня у Троици у Живоначальной, а дали бы по мнѣ к Троицѣ пятьдесятъ рублевъ. А что из Новагорода привезутъ мой ларчикъ, а в немъ сколько будетъ денегъ, и мои приказщики счотши да дадутъ к Троици по моей души пятьдесятъ рублевъ, а что ся останетъ у пятидесяти рублевъ і они по мнѣ тѣмъ кормятъ да и на милостыню раздадутъ. А что моей вотчины, чѣмъ меня благословил отецъ мой да и братъ мой князь Ѳедоръ, и та водчина моей братьи князю Олександру да князю Семену; да брату ж моему Олександру кожухъ с камкою на куницахъ да пять рублевъ за ковшъ за серебрянъ да конь мой вороной, а князю Семену брату шуба камка дика на черевехъ на бѣльчихъ пугвицы серебряны да конь игренъ, а дочеремъ княжимъ Олександровымъ по пяти рублевъ на лѣтники, а что калаба моя у брата моего у князя у Олександра во шти рублѣхъ писана на его имя а денги мои и тѣ денги дочери его большой на лѣтникъ, а княгинѣ княже Олександровой Аннѣ санникъ гнѣдъ, что есми взялъ у Микиты у Кутузова, а сыну княже Олександрову шоломъ шамахѣйской да панчырь да наколенки да паручи а наколенки готовы у брата у князя у Олександра, да конь карь проинходъ лысинка у него не велика да седло мое ординское да морхи; да Жихорю Рябчикову бехтерецъ шамахѣйской да шатеръ, а Ѳедору Рябчикову перстень золотъ да гачникъ серебромъ окованъ, а Басаргѣ Ондрѣю мансырь (sic) мой да конь мой малой рыжой, а Виняю Басаргину охабень лазоревъ, а брату его Постнику охабень мурмозеленъ, а князю Борису княже Иванову сыну Стародубского три рубли, а брату его князю Михаилу конь гнѣдъ княжь Петровъ Ромодановского, а князю Ондрѣю брату его конь буръ кое купилъ Коверъ; а князю Василью брату ихъ конь пѣгъ в ковурѣ, а князю Семену ихъ же брату за конь три рубли; а Ивану Дубенскому да брату его Михиеору да брату жъ ихъ Ондрѣю дадутъ по ковшику по серебряному по питьему, а Миките Михайлову сыну Кутузову ковшъ серебрянъ, что далъ владыка Тверской [1] да десять рублевъ денегъ да кожухъ отласъ на червчят землѣ свѣтлозеленъ шолкъ, на черевехъ на лисьихъ, пугвицы серебряны, а брату его Ондрѣю терликъ таѳтянъ цынинenъ, а князю Ивану Костянтиновичю Стародубскому терликъ камчятъ; а князю Михаилу Долгорукому бехтерецъ московской да меринъ сѣръ Внуковской да шоломъ московъской. А моимъ бы людемъ дали: Володѣ Тимохину сыну два рубля, Онтушу да Молчяну по рублю, да по Вешнякѣ бы дали по душе терликъ его хандрачной да сорочку его жъ, да бронинку рубль. А что мои люди старые и полные и докладные и кабалные и полонъ литовской и немецкой и тѣ мои люди на слободу всѣ. И кои мо(и) люди страдные, а на которой лошади дѣлалъ—та ему, да и корова, а у которого не будетъ лошади или коровы ї они бы дали за лошадь по полтинѣ, а за корову по десяти алтынъ. А слугѣ бы дали конь чялъ Вешняковъской да два рубля денегъ, а Володѣ бы дали меринъ саврасъ Внуковской. А у которыхъ у моихъ людей у дворныхъ и у задворныхъ, которые лошади и сагайдаки и мои бы приказщики того у нихъ не имали. А Ежку малому немчину жеребя ему дано каре да два рубля бы ему не далигдеъ. А какъ мои приказщики зберутъ денги ї

[1] В рукописи: Вверской.

они роздадутъ по манастыремъ по моей духовной грамотѣ. А что ся остало моего платья и лошадей и кобыль стадныхъ и ины рухляди мелкіе и животь домачной весь и братья бы ся моя в то не выступали во все чего имъ не написано, а приказщики бы моя то испродали да дали по мнѣ. Да отцу бы моему духовному Дементью, что у Ивана у Предтечи внутри города, дали два рубля, а Ивану Облязову дали бы шубу косячную лисью без пуху. А приказываю свою душу своей братье князю Олександру да князю Семену Ивановичемъ да Миките Михайлову сыну Кутузова да Ивану Ондрѣеву сыну Рябчикову собрати и роздати и по душе правити. А у духовной сидѣлъ отецъ мой духовной Дементей отъ Ивана Предтечи внутри города, а на то послуси Ондрѣй Михайловъ сынъ Кутузова да Василей Михайловъ сынъ Пикинъ, а духовную грамоту писалъ Иванъ Облязовъ сынъ Бѣлого.

С красной строки другим почерком: К сей духовной грамотѣ азъ отець духовной попъ Дементей руку свою приложилъ.

На обороте: Смиренный Варлаамъ митрополитъ всеа Руси.

Сия духовная грамота господину Варлааму митрополиту всеа Руси явлена лѣта седмь тысящь двадесять второго, декабря в 2 день. А отець духовной Ивановской попъ Дементѣй и послуси, которые в сей духовной писаны, передъ господиномъ передъ митрополитомъ всѣ стояли и сказали господину, что у сей духовной сидѣли и писана передъ німи. А дьякъ Иванъ Облязовъ сынъ Белово передъ господиномъ передъ митрополитомъ стоялъ и сказалъ господину, что сію духовную онъ писалъ. А подписалъ митрополичь дьякъ Данило Карповъ.

По сей духовной грамотѣ князь Ѳедоръ Васильевичь Телепневъ Большой пять рублевъ заплатилъ, да рубль безъ кабалы.

По сей духовной грамотѣ и по кабалѣ язъ Ѳедор Бороздинъ выть свою заплатилъ полтреть рубля.

По сей духовной грамоте язъ князь Иванъ Ивановичь Лыковъ полтретья рубля заплатилъ. По сей духовной грамотѣ язъ Стерлягъ заплатилъ три рубли с четвертію. По сей духовной грамоте язъ Михайло Елизаровичь за меринъ заплатилъ полтора рубля за иноходой за голубой. По сей духовной громоте язъ Максимко (?) Ѳедоров сынъ Волуева свою выть заплатилъ отца своего место рубль одинацать (?) алтын (?).

По сей духовной грамоте язъ князь Михайло Васильевичь Горбатой семь рублей по кабалѣ заплатилъ и за Стерлягa.

А по сѣе духовное грамоте язъ Иванъ Оньдреевичь Количовъ по кабалѣ двацать рублевъ московскую заплатилъ.

По сей духовной грамоте Ѳедоръ да Олексей да Иван Мышецькие десять рублевъ заплатили.

По сей духовной грамотѣ князь Олександръ Кривоборской Гаврилу (?) слуге заплатилъ два рубля.

По сей духовной грамоте язъ Ондрѣй Александровичъ своимъ товарищемъ полтину заплатилъ.

По сей духовной грамоте князь Иванъ да князь Михайло княже Юрьевы дѣти Ромодановского шестьдесятъ алтынъ денегъ заплатили безъ трехъ алтынъ отца своего долгу и братьня.

По сей духовной грамотѣ Костянтинъ Замыцкой шесть рублевъ по кабалѣ заплатилъ.

По сей духовной грамотѣ Иванъ Годуновъ с товарищи и по кабалѣ пять рублевъ заплатилъ.

По сей духовной грамоте язъ Теренте заплятилъ четыре рубли по княжъ Ивановой духовной Кривоборсково. По сей духовной грамотѣ язъ Дмитрѣй Козловъ по кабалѣ по княжъ Ивановой Кривоборского пять рублевъ заплатилъ одинъ на Устратѣньевъ день лета 7000 тритцать четвертаго.

По сей духовной грамоте Ѳедоръ Семеновъ сынъ Пустошкина отца своего выть заплатилъ.

По сей духовной грамоте язъ князь Ондрѣй Гудоръ Меншой і своим товарищомъ с Петромъ с В...ловымъ полчетверта рубля заплатилъ.

По сей духовной князь Семенъ (?) Дмитревичъ за меринъ шестьдесятъ алтын заплатилъ.

По сей духовной грамоте язъ Степанъ да Семенъ да Дмитрей Насцокины дѣли Матякины заплатили пять рублевъ денегъ по кабалѣ. По сей духовной грамоте Михайло Карамышевъ и в отца своего мѣсто рубль заплатилъ.

По сей духовной грамоте Иванъ Григорьевъ сынъ Татищева да Борисъ Кусаковъ с товарищи по кобале пять рублевъ заплатили.

По сей духовной грамоте Василей Кодыгинъ по кабале в рубле в Ноугородьскомъ выть свою заплатилъ.

По сей духовной грамате заплотилъ Оѳанасей Иоановъ сынъ по отца свое(го) кобалѣ и дяди своево Бориса два рубля денегъ, а платилъ Оѳанасей один обе выти.

По се(й) духовной грамоте язъ Ѳедоръ Ивановъ сынъ Володимерова Овцинъ заплатилъ пять рублевъ по духовной и по кабалѣ. По сей духовной грамоте язъ Ѳедоръ отца своево долгу Григорьева Оѳанасьева пять рублевъ заплотилъ.

По сей духовной грамоте язъ Микита (Ку)тузовъ своими товарищи князю Михаилу Долгорукому отдали бехтерѣцъ московской, да приказано ему дати меринъ сѣръ Внуковской и Микита с товарищи тотъ меринъ отдали лицемъ.

По склейкам. По первым двум склейкам: „А митрополичь дьяк... руку свою приложил крѣпости дьля“; по двум последним склейкам какие то условные знаки и буквы.

Подлинник в собрании актов Н. К. Зинченко, хранящихся в Рукописном Отд. I Отделения Росс. Публичной Библиотеки, временный № 656, на пяти листах, водяные знаки бумаги: гербовый щит с тремя геральдическими лилиями, под щитом буква „Т“ (Альбом Лихачева, № 1454) и знак своеобразного кувшинчика, без ручек, с украшениями (у Лихачева не встречается).

В. Гейман.

К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком.

Как известно, в русской ученой литературе нет установившегося мнения по вопросу о распределении обвинений, которые пред'являлись Максиму Греку на судивших его соборах 7033 и 7039 гг., между этими соборами. Полагая, что отсутствие такого установившегося мнения проистекает главнейшим образом от того, что памятник, содержащий эти обвинения: „Списокъ съ суднаго списка. Прѣніе Даніила, митрополита московскаго и всеа Руси, съ инокомъ Максимомъ светогорцемъ“,—с этой именно точки зрения исследователями никогда специально не был изучен, я предлагаю попытку такого изучения. В том виде, как я ее провел, она приводит меня к некоторым общим выводам о процессе 7039 г. Стесненный размерами статьи, я лишь отчасти мог изложить эти выводы и не мог рассказать самый ход процесса 7039 г., как он встает передо мною со страниц знаменитого „Прѣнія“. Надеясь вернуться к этому, предваряю свою попытку изучения „Прѣнія“ или „Суднаго Списка“ немногими замечаниями о самом памятнике.

Судный Список по делу Максима Грека, сколько я знаю, известен в четырех списках. Из них издан один О. М. Бодянским в „Чтениях М. О. И. Д. Р.“ за 1847 г., кн. 7, и им же снабжен некоторыми предварительными замечаниями, в которых м. пр. описан сборник, содержащий Судный Список, и изложены приемы издания. Сборник, в котором Судный Список находится, принадлежал в годы издания Списка М. П. Погодину, а позже поступил в составе его древлехранилища в Петроградскую Публичную Библиотеку. Там он был вновь описан А. Ф. Бычковым в его „Описанiи церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Петроградской Публичной Библiотеки, ч. I., Спб., 1882 г.“. Кроме этого списка известно еще три. Один—в библиотеке А. И. Хлудова, перешедшей ныне в составе всей библиотеки Никольского единоверческого монастыря, в которую она в свое время поступила, в Московский Исторический Музей; он описан А. Н. Поповым в его труде „Описанiе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библiотеки А. И. Хлудова“. Другой список находился в Пореченском собрании гр. А. С. Уварова и с ним вместе недавно перешел в тот же Московский Исторический Музей; он описан арх. Леонидом в его известном „Систематическомъ описанiи славяно-россiйскихъ рукописей собранiя гр. А. С. Уварова“. Третий список находится в 30-м картоне кн. М. А. Оболенского (Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Дел); впрочем, в заметке, его предваряющей, указано, что он представляет собою копию текста Погодинского сборника. Что же касается обоих рукописей Исторического Музея (т. е. б. Хлудовской и б. Уваровской), то заключающиеся в них списки представляют собою копии изданнного Бодянским текста Погодинского сборника. Это явствует из совпадения их текстов с текстом Бодянского в особенностях текста последнего, как им оговоренных, так и обойденных предваряющими или пояснительными замечаниями,—вплоть до опечаток и путаницы листов.

Список, с которого сделал свое издание Бодянский, заключается, как я уже говорил, в одном из Погодинских сборников, № 1597; сборник малого формата и весь одного письма. Его состав таков: 1) „Выпись изъ государевы грамоты, что прислана къ великому князю Василью Івановичю о сочтании втораго брака и о разлучении перваго брака чадородия ради. Творение Паисѣино, старца Ферапонтова монастыря“ (ср. „Чтения“, 1847 г., № 8, смесь, 1—8); 2) „Списокъ с суднаго списка. Прѣние Даниила, митрополита Московскаго и всеа Руси, со инокомъ Максимомъ Святогорцемъ“ (ср. „Чтения“, 1847 г., № 7, матер. отеч., 1—13) и 3) „Рѣчь великаго царя Іванъпа къ Максиму Греку Святогорцу“. И Бодянский, и Бычков, описывая

сборник, хорошо понимали, что эта речь не могла быть речью к Максиму Греку: так, по ее содержанию ясно, что она сказана не православному, каким Максим Грек был, хотя и не всегда считался, а проповеднику лютеранства, каким он не был, не считался и, кажется, не мог считаться. Бодянский, однако, не знал, кем считать ее адресата; первое время и Бычков не умел его назвать: в его тоне звучит, пожалуй, сомнение даже в том, что „речь" принадлежит, действительно, царю Ивану Грозному, и только позднее он признал ее автором царя Ивана, а адресатом делегата чешских братьев Яна Рокиту (ср. „Описаніе", 76 и 527). Действительно, сличение речи царя Яну Роките, изданной А. Н. Поповым („Чтения" 1878 г., № 2), и „рѣчи великаго царя Іванъна къ Максиму Греку Святогорцу" нашего сборника обнаруживает почти полное совпадение их во всех тех частях, которые в „речи" нашего сборника сохранились. А так как никаких сомнений в том, что изданный А. Н. Поповым памятник есть именно речь царя Яну Роките, нет, то мы без опасности ошибиться можем считать таковою же и „речь" нашего сборника, только дошедшею до нас не целиком и с некоторыми отличиями от текста А. Н. Попова, заслуживающими в иной связи отметы и рассмотрения.

Еще Бодянский указал на путаницу листов в сборнике; обратил на нее внимание и Бычков. Первый не сумел ее распутать; второй не сразу и с неясностями подошел к правильному решению. За то на самом сборнике чья-то рука нанесла верное деление, следуя коему сборник надо читать так: лл. 2—24, 33—88, 25—32, 89—120. И. А. Бычков определяет эту руку серединою сороковых годов, но отрицает ее тожество с рукою Бодянского или рукою своего отца. Это правильное деление текста, не сразу давшееся исследователям, есть вместе с тем и самое простое деление, ибо оно совпадает с естественным делением рукописи на тетрадочки в 8 листов. Эта путаница листов отразилась существенною неправильностью в издании Бодянского: в тексте речи митрополита Даниила Максиму Греку он вставил отрывок из речи царя Ивана Яну Роките; внеся в последнюю речь соответственные части первой. В этом издании слова „едино существо... сія убо доздѣ" (по изд. Бодянского, 3 стр. 4 строка снизу—5 стр. 5 строка снизу) должны быть заменены следующими (неправильно отнесенными им к речи царя Ивана, взамен взятых оттуда вышеотмеченных слов): „на престолѣ сѣдящаго. яко бога безпрестани славимаго благословите, поите и превозносите его во вѣки. златоустово еже о непостижимемъ сего ради одесную глаголетъся сидѣти. яко да ровночестное и власти не премѣнъное навыкнеши. слуга бо несѣдитъ

но предстоит. еже сидѣти есть владычня власть. великаго василия о таинъственъныхъ. отъ святаго жилища твоего и отъ престола славы царствия твоего. услыши христе. и приди еже освятити насъ. иже горѣ со отцемъ сѣдяй. і здѣ снами невидимо спребывая. Златоустаго отъ апостольскихъ дѣяній. услыши павла апостола глаголюща совоздвиже и посади внебесныхъ одесную себе отецъ сына. выше всякаго начальства и власти и господьства. великаго василия отъ обычныхъ престолъ единороднаго ввѣкъ вѣка. сирѣчь царьство и превыше вѣкъ. человѣцы бо аще и царьствуютъ но мимошественъно і временъно и не надо всѣми. область имѣютъ. христову же царствию нѣсть конца. И к имени ево отъ толкованние еже ко евреоми послание. не токмо бо распятся христосъ. но и одесную сѣдитъ бога. десница же сидѣние равночестно являетъся. Великаго василия. и златоустово еже о священъствѣ таинахъ и о престоле христове благословенъ еси христе боже нашъ иже на престолѣ царьствия твоего сѣдяй. всегда и нынѣ и присно і во вѣки вѣкомъ аминь. Соломоново отъ иже в пѣнии и впѣснехъ. сие же писано і втолкованиі. еже отъ луки евангелие зачало 45. се приде скача по горамъ и играя по холмомъ. еже есть христосъ праведные солнце скача по горамъ. се же есть на пророцѣхъ. і играя по холмомъ еже есть на апостолѣхъ. се же и рече і божия мудрость. по сихъ приде в душа праведныхъ. Будетъ бо рече в послѣдния дни явѣ гора божия. иже есть церкви. что же есть скакание слова. скочи снебесе во адъ. паки выскочи изъ ада на землю отъ новаго въскресения. паки скочи отъ земли на небо. и сѣде одесную отца. паки приідетъ судити на землю. Златоустово отъ толкования еже отъ иоанна евангелие и нынѣ прослави мя отче. утебе самого славою юже имехъ у тебе преже миръ не бысть. в толкованиі хотя показати намъ христосъ плотскаго своего смотрения тайну. славу проситъ у бога отца. еще бо плотское естество не бяше прославилося. ниже нетлѣние приято бяше. ниже престолу царьскоу сопричастилося. по воскресениі же и по вознесеннѣі и славѣ и нетлѣнию и престолу царску сподобляетъся. и причащается и приемлет. і вся тварь поклоняетъся ему. отъ толкования евангелие. отъ іоанна в недѣлю предъ воздвижениемъ. бестрастна бо і безсмертна по воскресениі бывши плоть. і совокупления ради еже къ слову. нераздѣлно есть внемъ сподобления сѣдалищу. сего ради и павелъ глаголаше. снедый той есть возшедыи превыше небесъ даже исполнитъ всяческая. божествомъ бо и преже все исполняше. яко вездѣ сый и вся исполняя. напослѣдокъ же нашего ради спасения. выше сыи на небесѣхъ сниде воплощаяся на землю. и воздвижеся волею на крестъ. и умре плотию и во адъ сниде. и воскресе и вознесеся со славою, и

взыде превыше всѣхъ небесъ. даже исполнитъ всяческая. и плотию владычествия своего и дѣйствия. то ибо есть единъ отъ троицы единородныи сынъ и слово божие. и равенъ сыи отцу и духу. бывъ человѣкъ во двою совершеннѣхъ естествѣхъ и воляхъ и дѣйстиіхъ. и с плотию сѣдитъ со отцемъ и паки придетъ со славою имъже образомъ вознесеся судити всей земли. и воздати комуждо по дѣломъ его. и царьствию его нѣсть конъца. понеже убо слышасте рече. яко снидохъ. да не возмните не быти мене на небесѣхъ. но и здѣ есмь плотию. и тамо сѣдя. сеже купно со отцемъ божественьнѣ. владыка бо всѣхъ сыи господь. ниже вышняя остави. даже вездѣ всяческая спасетъ. апостолово еже ко евреомъ. такова имамы первосвященъника. иже сѣде одесную престола величествия на небесѣхъ. святымъ служитель и сѣнні истиннѣй. юже водрузи господь а не человѣкъ. идѣже предтеча внасъ вниде христосъ. по чину мелхиседекову. первосвященъникъ бывъ во вѣки. и паки рече. се бо сотворяетъ единого себе вознесъ. втолкованіи. се второе. еже за люди вознесе себе жертву. о себѣ же ни единого сотвори. не бо достоинъ без грѣха суща за ся приносити. и не нынѣ архиерея его слыша. мниши его присно перенствующа. и бо се сотвори единого. прочее же на отчи сѣдитъ престолѣ. служитъ бо переи. еже стояти а еже сѣсти являетъ яко единою жертву принесъ. еже есть свое тѣло. прочее же сѣдя слуга емъ от бесплотныхъ силъ“.

На этом кончается одна и начинается другая ошибка Бодянского. Не отгадав здесь путаницы в листах сборника, он далее проглядывает существенный пропуск в издаваемом памятнике. Присматриваясь к Судному Списку, замечаем, что он дошел до нас в неполном виде. Во-первых, в нем несомненен пропуск, а во-вторых, ему явственно не хватает конца. Что касается пропуска, то он совершенно ясен из сличения частей самого Списка. Он начинается рассказом о соборе 7033 г. и содержит в себе, кроме вводных и пояснительных слов, один пункт судебного следствия по делу Максима Грека (вопрос Максиму Греку о „сѣденіи“ Иисуса Христа одесную Бога Отца и его ответ) и обличительное свидетельство от Божественных писаний, которое ему по этому пункту обвинений велел прочесть владыка Даниил. Как значителен пропуск, судить трудно. По-видимому, в Списке отсутствует часть обличительного свидетельства и во всяком случае дальнейшее судебное следствие, с, может быть, новыми обличительными свидетельствами, и приговор собора. Возможно, что отсутствует и рассказ о событиях после собора и в частности о приведении в действие соборного приговора. Уверенность в отсутствии части судебного следствия

и приговора основываю на материале самого списка: в рассказе о соборе 7033 г. сохранилось указание на „взысканіе" „въ прочихъ" хулах Максима Грека, а в рассказе о соборе 7039 г. говорится о многих „хулахъ" „злаго мудрованія" Максима Грека, известных до собора 7033 г. и на нем открытых, об его „единомысленникахъ", о многих заседаниях собора и неоднократных обличениях Максима Грека („и тебѣ отъ насъ свидѣтельство отъ Божественныхъ писаній и не единовя прочтено было") и, наконец, о приговоре собора 7033 г. Точно так же ясно, конечно, и то, что Список не имеет конца: он обрывается на резком ответе Максима Грека, которым явственным образом не могли завершиться деяния судившего его собора. В нем во всяком случае не хватает приговора собора 7039 г. и, как я думаю и о чем ниже, части судебного следствия—б. м. с новым обличительным свидетельством и даже, пожалуй, и не с одним. В этих погрешностях Списка нельзя винить переплетчика Погодинского сборника, подозревая его в утере двух или более тетрадей сборника; неполнота Списка обнаруживается не на конце тетрадочек сборника, а внутри их. Его вина ограничивается тем, что он при переплете перепутал тетрадочки. Не виноват в погрешностях Списка, конечно, и составитель сборника: несомненно, что в его распоряжении уже был неполный экземпляр Списка: ведь невозможно объяснить себе, как бы он мог сделать два, повидимому, довольно значительных пропуска, если исходить из мысли, что перед ним лежал полный текст.

Погрешности сборничка тем досаднее, что Судный Список сохранился до наших дней только в его составе, а речь Грозного Роките представляет в нем некоторые отличия от текстов, до сих пор изданных. С появлением этого текста становится, быть может, позволительно говорить о литературной истории памятника. Выпись из послания Паисия представляет собою памятник, тоже редко встречающийся [1]).

Состав сборника об'единен интересом к Максиму Греку и тем церковным и политическим делам, в которых он участвовал или предполагался участвующим (он много занимался церковною проповедью и писал и к вел. кн. Василию III, и к его сыну царю Ивану—так что речь Грозного Роките было можно счесть за речь, обращенную царем к нему; его считали видным противником развода и второго брака вел. кн. Василия Ивановича,—сюжетов, обсуждению допустимости которых посвящена „выпись").

[1]) Замечу кстати, что в составе Хлудовской библиотеки эта „Выпись" содержится в ркп. в четвертку за № 71 (л. 16 об.—28), определенной А. П. Поповым, как „поморскаго письма 18 в.". Судя по водяным знакам, ркп. составлена уже в 19 в.: два из них имеют даты—один 1817, другой 1818 г.

Этот сборник был, очевидно, составлен и переписывался людьми, любящими не лишенное политической остроты чтение. С этой точки зрения сборник заслуживал бы большего внимания, чем то, которое обычно ему уделяют. Между прочим было бы чрезвычайно любопытно и важно выяснить самое его происхождение. Что касается Судного Списка, то он представляет собою, повидимому, об'единенные кем-то официальные протоколы соборного суда над Максимом Греком,—вернее,при настоящемъ виде Списка, обрывки таких протоколов. Храниться такие протоколы, конечно, были должны в надежном с точки зрения московского правительства месте. В 30-м картоне кн. Оболенского, находящемся в Гл. М. А. М. И. Д., есть две следующие выписки из „Книги переписной дѣлъ Посольского приказа 1614 г.“: 1) „Связка, а въ ней грамоты черные и списки, при великомъ князе Василье Ивановиче всеа Руси, розные и доводъ на Максима Грека“ [1] и 2) „Списокъ Данила Митрополита на Максима Грека 7039 году“ [2]. В несохранившейся целиком описи Царского Архива более раннего времени указаны „грамоты греческие посолные, взяты у Саввы архимарита у Спасского бывшего“. Савва—спасский архимандрит—был участником и жертвою процессов Максима Грека [3]. Едва ли можно думать, что протоколы соборов на Максима Грека и другие документы по его делу могли иметь свободное обращение в кругах интересующихся политикою лиц и свободно переписываться в целях такого обращения. Вернее думать, что такое обращение могло быть только тайным. Второй памятник Погодинского сборника, речь Грозного Роките, повидимому, не имел большого распространения. Сколько знаю, известно всего 4 списка речи: 1) по Сборнику А. Попова (напеч. им в „Чтениях“), 2) Библиотеки Холмской Духовной Семинарии (напеч. в Холм. - Варш. Еп. Изв. А. Н. Демьяновичем), 3) по Сборнику Царского (напеч. арх. Леонидом) и 4) по Сборнику Погодина, в котором помещен Судный Список. Не зная списка Библиотеки Холмской Духовной Семинарии, отмечу только то, что списки А. Попова, Царского и Погодина разнствуют между собою. Вообще говоря, едва ли сначала эта речь предназначалась для собственно русских и православных читателей. Возможно, однако, что позже она была выпущена самим царем Иваном в русский оборот под любопытным псевдонимом Парфения Уродивого [4]. Предполагая в будущем сделать особое сообщение об ее, так сказать, лите-

---

[1]) Ссылка на л. 47 „Книги“.

[2]) Ссылка на л. 3 об. „Книги“.

[3]) А. Э., I, 341.

[4]) Раскрыт покойным И. А. Шляпкиным в его статье „Ермолай прегрѣшный и его посланія“ в „Сб. ст. въ честь С. Ө. Платонова“, Спб., 1911.

ратурной истории, ограничусь этими замечаниями, но предваряя разбор памятника, теперь же отмечу лишь, что некоторые внешние черты списка „речи“ Погодинского сборника (пока указываю невыдержанность терминологии: в заголовках глав сначала „слово“, затем „статья“, пропуски) обнаруживают, что перед переписчиком сборника—вообще внимательным—при работе уже лежал список, несколько отличный по составу и выполнению от, например, изданного А. Поповым. Мне думается, что едва ли в его основе в конце концов не лежали какие-то черновые листки. Третий памятник сборника чрезвычайно любопытен. Покойный акад. Голубинский основательно указал, как в нем загадочно переплелись точные знания фактов с несомненными вымыслами. Происхождение этого памятника поныне не отгадано. Некоторые подробности (автор выписи знает имена современных эпохе соборов иерусалимского патриарха и турецких султанов, его терминология) позволяют думать, что в его распоряжении при составлении „выписи“ были какие-то материалы, до нас, можетъ быть, и не дошедшие. Соблазнительно предположить, хотя и нет возможности этого доказать, что в основу „выписи“ легли какие-то архивные документы—скорее всего Посольского приказа. Такие архивные документы для составления политического памфлета могли быть только выкрадены из Польского приказа (или иного официального места) или в нем тайком переписаны. Вероятно, такова же судьба материалов, давших наш список „речи“ царя Иоанна Васильевича и хранившихся, повидимому, тоже в архиве Посольского приказа. И точно так же, вероятно, были,—и, повидимому, из него же—изъяты материалы Судного Списка,—какие-то, быть может, дефектные или тоже черновые листки. Может быть, то самое лицо, которое вынесло все эти материалы из архива, и составило „выпись“ и включающий в себя ее, „речь“ и „судный список“ сборник. Я не решаюсь всего этого утверждать, ограничиваясь предположительным указанием такой возможности, при принятии которой я легче всего, основываясь на том очень немногом, что знаю и могу знать по вопросу о вошедших в состав сборника памятниках и о самом сборнике, понимаю его сложение и характер. Высказанное я считаю гипотезою, в направлении которой следовало бы произвести некоторые изыскания. Для работ в этом направлении было бы чрезвычайно важно определить, к какому времени относятся рукописи, заключающие памятники нашего сборника. Что касается самого сборника, то О. М. Бодянский, издавая Судный Список, определил почерк сборника XVI или XVII столетием; А. Ф. Бычков в своем „Описанiи“ склонился к XVI в. Мне кажется, что водяные знаки, точного совпадения

которых с датированным материалом Лихачева и Briquet я установить не смог, все-же ведут ко времени не ранее сороковых годов XVII стол. Почерк рукописей сборника не ранее того же времени. Осторожнее отодвигать время его написания ко второй половине XVII стол. Из надписей на книге следует отметить две: на об. 1 л. „а подписалъ сию книгоу Денис (?)“ и на л. 120 об. „своею рук“, дающие одно сплошное чтение. Кто был этот Денис, „подписавший“ рукопись, я не знаю. Почерк этой надписи очень сходен с почерком всей рукописи и, видимо, действительно принадлежит лицу, написавшему рукопись. Как видно по этому примеру, трудно полагаться на старые хронологические определения рукописей, данные даже большими мастерами своего дела: так изменяет наше отношение к старому, давно определенному и снова определяемому материалу накопленный за протекшие со времени этих давних определений десятилетия запас сведений и наблюдений. Трудно поэтому принять на веру хронологическое определение, данное, например, рукописи Флорищевой Пустыни, содержащей „выпись“, — XVII века, и еще труднее—рукописи Синодальной Библиотеки, также содержащеей ее,—XVI века [1]. Я не хочу этими словами целиком отметать старые хролоногические определения,—я лишь хочу ими сказать, что хронологическое определение рукописей, давно проведенное, ныне настоятельно нуждается в пересмотре на основе нового, чрезвычайно возросшего количеством и по новому разработанного материала. В частности мои впечатления от рукописи Синодальной Библиотеки ведут опять-таки к XVII в. Между тем, точное приурочение ко времени всех списков всех трех памятников нашего сборника могло бы, быть может, несколько определить хронологические границы, в которых возник наш сборник, что, быть может, дало бы некоторые возможности и к пониманию обстоятельств его происхождения. Если бы, например, было установлено, что все произведения, ныне входящие в состав сборника, обращались в читающих кругах еще в XVI в., хотя бы и были в этом обращении замечены в разные моменты века, было бы можно искать сложение протографа сборника еще в XVI в., а в условиях одного или разных моментов этого века—обстоятельств проникновения этих памятников в читающие, хотя бы и узкие, круги, да и самого сложения нашего сборника. Конечно, если бы оказалось, что часть памятников не представлена списками XVI в. или ими не представлены они все, такие поиски производить стало бы можно далеко не с

[1] См., например, у В. С. Иконникова „Опытъ русской исторіографіи“, II, стр. 1810.

такою надеждою на успех, как в первом случае. Сейчас, когда мы еще не произвели хронологического приурочения всех списков всех памятников этого сборника, всякие соображения на указанные выше вопросы оказались бы сплошным гаданием. В новых списках, наконец, мы можем надеяться встретить и какие-нибудь указания, исходя из которых было бы можно строить такие поиски.

Переходим к рассмотрению вопроса о распределении обвинений между соборами 7033 и 7039 годов. Для соборного суда 7033 г. Судный Список дает, как отчасти уже и было выше указано, очень немного сведений. Изложение деяний собора 7033 г. не имеет естественного конца: оно неожиданно обрывается на „свидѣтельствѣ отъ Божественныхъ писаній“, которое велел прочесть Максиму Греку руководивший соборным судом владыка митрополит. В сохранившейся части есть только одно, выдвинутое против Максима Грека, обвинение в том, что он „Христово сѣденіе одесную Отца мимошедшее писалъ... и говорилъ и училъ многихъ сему“. По предваряющей изложение соборного суда 7033 г. заметке, очень неясной по своему значению и, повидимому, имеющей целью показать, почему Максим Грек был предан соборному суду, но не содержащей определения об его предании суду, все же, б. м., позволительно заключать, что не только это обвинение в неправом учении о „Христовомъ сѣденіи одесную Отца“ имелось против Максима Грека,—но в том только случае, ежели понимать, что слова о „взысканіи“, которое произвел „о той хулѣ и въ прочихъ великій освященный соборъ“, относятся к еще предварительному следствию по делу Максима Грека и предваряют собою его появление на суде, а не к судебному разбирательству в разных смыслах этого выражения. Но во всяком случе состав этих прочих хул Максима Грека остается неизвестным.

В Судном Списке нет звена, соединяющего деяния обоих соборов. Возможно, что оно пропущено вместе с частями первого суда. Изложение деяний суда-собора 7039 г. начинается словами: „Божественнаго священнаго собора и христолюбиваго царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси, иже о Святѣмъ Дусѣ Отца Его преосвященнаго Данила, Митрополита всеа Руси совѣтомъ, иже о Христѣ собравшеся соборнѣ, изобрѣтоша ко многимъ прежнимъ хуламъ новѣйшая хулы на Господа Бога и на Пречистую (у Бодянского—Пресвятую) Богородицу, и на церковныя уставы и законы, и на святыя чюдотворцы, и на святыя монастыри, и на прочая, Максима Грека, инока Святогорца“. Далее было бы естественно ждать перечня этих „новейших“ хул, но его нет, а вместо него Список дает еще одну категорию преступлений

Максима Грека: „яко ему сущу во Іосифовѣ монастырѣ, въ темницы затворену бывшу, обращенія ради и покаянія и исправленія, никако же было ему не учити кого, ни писати, или писаніе составляти, или посылати хкому, или пріимати отъ кого, онъ же покаянія и исправленія не показоваше и неповинна во всемъ себе глаголаше, и отреченная мудрствоваше, и посланія писаша. И тако“, заключает Список, „разсмотрѣвше и разсудивше не токмо необратный его нравъ, но еще хулы его прибылыя новѣйшая на Господа Бога и на Пречистую (у Бодянского—Пресвятую) Богородицу, и на церковныя уставы и законы и на прочая,—и послаша во Іосифовъ монастырь ко игумену Нифонту и старцемъ и привезше его съ Волоку, изъ Іосифова монастыря, на Москву, поставиша предъ Даниломъ, митрополитомъ всеа Руси, и предъ архіепископы и епископы, и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ“. Затем Судный Список приводит речь митрополита Даниила к Максиму Греку. Эта запись Списка о соборном определении 7039 г. „поставить“ на соборный суд Максима Грека ничего не дает нам для выяснения обвинений, пред'явленных ему в 7033 г. и лишь общую характеристику тех, которые участники собора „изобрѣтоша“ и готовились Максиму Греку пред'явить в 7039 г. Это обвинение в новых хулах на Господа Бога, Богородицу, церковные уставы и законы, чудотворцев и монастыри, а также в „необратномъ нравѣ“, т. е. в непокаянии, неисправлении и настойчивых утверждениях своей невиновности, в неисполнении запрета писать послания и в мудрствовании отреченного. Содержание всех этих хул, посланий и отреченных мудрствований остается неизвестным. Одна черточка придает особую активность непокаянию Максима Грека и всему его поведению в Иосифове монастыре: „неповинна во всемъ себе глаголаше“. Вырисовывается в мрачной обстановке вынужденной жизни в Иосифове монастыре несломленная соборным осуждением и карою, непокорная и бурная фигура Максима Грека, упорно защищающего свою невиновность и, кто знает, может быть, именно в порядке защиты, вопреки запрету, начинающего „учить“ приставленных к нему монахов.

Мы переходим к речи митрополита Даниила. Обширная речь красноречивого и ученого митрополита занимает у Бодянского целиком 5-ю и 6-ю стр. и незначительные части 4-й и 7-й стр. Ее содержание в общем таково. Начинается она с упреков митрополита Максиму Греку—и при том не только ему, а совместно с кем-то другим,—всего вероятнее с Саввою, архимандритом новоспасским, который немного далее выступает без всяких пояснений своей личности, как бы уже из ранее сказанного знакомое лицо,—в том, что они пришли на Русь к великому

князю „отъ Святыя Горы исъ Турского державы... милостыни для“, получили себе милостыни и честь и в монастыри многие дары и вместо того, чтобы „за государя Бога молити и за всю его благочестивую державу о здравіи и о спасеніи и одолѣніи на враги его... съ Савою, вмѣсто благихъ, великому князю злая умышляли и совѣщали и посылали грамоты къ турскимъ пашамъ и къ самому турскому царю, подымая его на благочестиваго и христолюбиваго государя и великаго князя Василя Ивановича всеа Руси и на всю его благочестивую державу“. Тяжелый упрек в изменной отплате за гостеприимство! И далее идут подобранные упреки такого же „турецкого“ уклона: упреки Максиму и Савве в их нескромных речах о том, что „Турской“ не будет терпеть „сорома“ казанских „ратей“ великого князя; упреки Максиму в том, что он, зная „Искиндеря Турского посла совѣты и похвалы, что хотѣлъ подъимати турскаго царя на государя великаго князя и на всю его державу, ...государю великому князю и боляромъ его не сказалъ“ о том; упреки Максиму Греку в нескромных предсказаниях „многимъ людемъ“ о том, что „быти на той земли Рустѣй салтану турскому, зане же салтанъ не любитъ сродниковъ царегородскихъ царей, а князь великій весь (sic!) Василей внукъ Фомы Амарейскаго“ и в связи с этим в еще более нескромных отзывах о личности самого великого князя: „да ты же, Максимъ, великаго князя называлъ гонителемъ и мучителемъ нечестивымъ, какъ и прежніе гонители и мучители нечестивые были. Да ты же, Максимъ, говорилъ: князь великій Василей выдалъ землю крымскому царю, а самъ изробѣвъ, побѣжалъ отъ Турского. Ему какъ не бѣжати? Пойдетъ Турской, и ему либо карачь дати или бѣжати“. Так от обвинений в государственной измене митрополит перешел к обвинению в оскорблении государя. Вслед за ними во всем неясное обвинение: „да ты же, Максимъ, говорилъ многимъ здѣсь на Москвѣ: великому князю и митрополиту кличютъ многолѣтіе и еретиковъ проклинаютъ, зане же творятъ не по писанію, ни по правиломъ, а митрополитъ поставляется своими епископы на Москвѣ, а не въ Царѣградѣ отъ патріарха“. Здесь представляется неясным, что значат слова о многолетии великому князю и митрополиту и проклятии еретикам противно писанию и правилам. Значит ли это то, что в самом обряде многолетия одним и проклятия другим было что-нибудь не по писанию и не по правилам или иное что, я не знаю. Нельзя ли, впрочем, полагать, что это темное место проясняется последующими словами: „а митрополитъ поставляется своими епископы на Москвѣ, а не въ Царѣградѣ отъ патріарха“, т. е. не может ли быть, что Максиму Греку во всем этом—и в поставлении митрополита и в многолетии ему и великому князю и в

проклятии еретикам—чуялось не что целостное и целиком во всех частях канонически неправильное — и всего прежде в корне: в поставлении? Ведь митрополит был поставляем на Москве и независимо от вселенского патриарха, т. е. канонически незаконно, и при деятельном и властном участии в этом каноническом беззаконии самого великого князя; не стояли ли они поэтому в его глазах, если не вровень с еретиками, которых на Руси по их распоряжению „проклинают“, то по крайности кононически преступными и вне канонического права получать многолетие и возглашать проклятия? Возможно, что митрополит, передавая, конечно, в сжатом виде речи Максима Грека, придал им нарочито лишенную ясности формулу, чтобы прямо не назвать еретиками, как это м. б. делал подсудимый, и себя и великого князя, канонической неправильности действий которых он при своем крупном уме и большой учености не признавать не мог.

От упреков Максиму Греку в оскорблении государя и, видимо, в осуждении самостоятельности русской церкви, конечно, со всеми вытекающими из него последствиями, митрополит перешел к упрекам в злоумышлении волшебством на великого князя: „да ты же, Максимъ, волшебными хитростьми елинстими писалъ еси водками на дланѣхъ своихъ, и распростирая тѣ (у Бодянского— распростираятъ) длани свои, противъ великаго князя, также и противъ иныхъ многихъ поставлялъ, волхвуя“. Были то злоумышления волшебством на жизнь, здоровие, волю великого князя или иного рода, я не знаю. Митрополит обвинял далее Максима Грека, что, заключенный во Иосифов монастырь, он говорил надзиравшему за ним старцу Тихону и своему „отцу“ старцу Ионе священнику: „азъ, Максимъ, вѣдаю все вездѣ, гдѣ что дѣется“, т. е. к обвинению в злоумышлении волшебством прибавил обвинение во всезнании волшебством. Это всезнание волшебством митрополит тотчас-же и энергично обличил, как „волхвованіе елинское и еретическое“, со ссылкою на волхвов Симона и Илиодора и их страшную гибель и на „богоборныхъ еретиковъ“, „даже и до нынѣ“ действующих волхвованиями. „Тако же и ты нынѣ, Максимъ“, продолжал митрополит, „глаголеши прельщая и погубляя люди“, и этими словами перешел к обвинению Максима Грека в ряде новых преступлений—все еретического, по его пониманию, характера—и прежде всего в нам уже знакомом учении, что „сидѣніе Христово одесную Отца мимошедше есть и минувше“. В перечне митрополита это единственное обвинение Максиму Греку в догматически-еретическом мнении. Вслед за ним идет обвинение Максима Грека в неправых мнениях и хулах по части церковного землевладения: „да ты же, Максимъ, святыя Божія Соборныя и Апостольскія церкви и монастыри укоряеши и ху-

лиши, что они стяжаніе, и люди, и доходы и села имѣютъ, а и въ вашихъ монастырѣхъ, во Святой горѣ и въ иныхъ местехъ въ вашей земли и у церквей и у монастырей села есть, да и въ писаніихъ отеческихъ писано: велѣно ихъ держати святымъ церквамъ и монастыремъ". Здесь вновь обвиненіе соединено с обличением. В связи с этим—следующее обвинение Максима Грека в его укорах и хулах на „святыхъ чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны, митрополитовъ всеа Русіи, и преподобныхъ чюдотворцовъ Сергія и Варлама и Кирила и Пофнотія и Макарія..., зане... они держали городы, и волости, и села и люди, и судили, и пошлины, и оброки и дани имали и многое богатство имѣли, ино имъ нелзѣ быти чюдотворцомъ".

Затем, припоминая собор 7033 г. с его многочисленными заседаниями сначала „въ полатѣ великаго князя" (может быть, торжественное заседание собора), потом „въ... митрополичимъ дворѣ", где, кроме этих хул, вышеисчесленных, были рассмотрены и „иныя, которыя послѣ тѣхъ явилися" на него „злаго... мудрованія хулы" в присутствии самого Максима Грека и его „единомысленниковъ" и „не одиновя прочтено было" свидѣтельство отъ Божественныхъ писаній" ему „въ познаніе и въ разумъ истинный и исправленіе", митрополит стал обвинять Максима Грека в том, что, заточенный в Иосифов монастырь, он говорил старцам Тихону и Ионе о своей невиновности и неправильности своего заточения, а вместе с тем и о том, что он „учился... философству, и приходитъ" ему, очевидно, от этого „гордость" и что он „вѣдаетъ... все вездѣ, гдѣ что ни дѣется". Странна эта предпоследняя фраза Максима Грека в передаче Иосифовых старцев и судии-митрополита: „а учился есми философству, и приходитъ ми гордость", сколь верно и что она передала? Сейчас же митрополит и обличил самоуверенность и нераскаянность Максима Грека, а также и его „еллинскія и жидовскія волшебныя хитрости и чернокнижныя волхвованія", которых он коснулся в конце своей цитаты из докладов старцев Тихона и Ионы. Подтверждая еще раз нераскаянность подсудимого и то, что он „еще прилагаетъ зло ко злу", митрополит сказал о наложенных на него „соборной юзе и запрещеніи... что было" ему „не глаголати, ни учити, ни писати, но токмо исповѣдатися и каятися съ прилѣжнымъ плачемъ и слезами о своихъ еретическихъ хулахъ... на Господа Бога и на Пресвятую Богородицу (у Бодянского — Пречистую), и на святыхъ великихъ отцевъ и чюдотворцевъ, и на церковные чины и уставы, и на монастыри и что... на великого князя нашего христолюбиваго Василія хулилъ, и посылалъ грамоты къ турскому царю (у Бодянского — „царю" нет) салтану и къ пашамъ его, подъимая и призывая его на разореніе

православной вѣры, и на святыя церкви, и на христолюбиваго царя нашего и на все православное христіянство, и на всю русскую землю". „А нынѣ", закончил митрополит, „на тебя богохульныя вины многіе явилися" и перешел к вопросам подсудимому. Прежде чем мы последуем за ним к этим вопросам, остановимся на его сейчас законченной изложением речи.

Речь митрополита Даниила содержит в себе ряд обвинений, пред'явленных Максиму Греку. Они были выше исчислены в порядке их пред'явления митрополитом. Любопытною чертою их перечисления митрополитом является то, что для их значительной части митрополит не дал никаких приурочений по месту, времени и другим обстоятельствам преступления. Как эти обвинения должны быть распределены между двумя соборами на Максима Грека? Присмотримся к содержанию и строению речи митрополита. Самый конец речи определяет круг преступлений, совершенных Максимом Греком до заключения, где он был должен „исповѣдатися и каятися съ прилѣжнымъ плачемъ и слезами о своихъ еретическихъ хулахъ, что... много хулилъ на Господа Бога" etc.—см. сейчас выше. Значит, обвинения по этим преступлениям были Максиму Греку пред'явлены на первом соборе. Такое заключение, пожалуй, было бы можно ослаблять предположением, что, хотя исчисленные преступления и были Максимом Греком совершены до заключения после собора 7033 г., но на этом соборе по тем или другим причинам ему не были пред'явлены соответственные обвинения. Мне кажется, что такое предположение совершенно несостоятельно. Внимательно читая речь митрополита, мы замечаем в ней очень важное место: „Ино, Максимъ, коли на тебя былъ великій соборъ... не одиновя прочтено было, чтобы тебѣ было въ познаніе, и въ разумъ истинный и исправленіе". В этом отрывке речи, замыкающем первые обвинения - упреки митрополита Максиму, говорится, что на этом соборе „о тѣхъ же хулахъ, да и о иныхъ, которыя послѣ тѣхъ явилися" на него „злаго... мудрованія хулы... не одиновя прочтено было" Максиму Греку „свидѣтельство отъ Божественныхъ писаній". Слова „о тѣхъ же хулахъ" заставляют искать их перечень выше, как раз в том отрывке речи митрополита, который замыкается этим отрывком о суде и обличении 7033 г. В этом отрывке митрополитом пред'явлены Максиму Греку обвинения в государственной измене, хуле на великого князя, осуждении самостоятельности русской церкви, злоумышлении на великого князя и иных волшебством, всезнании волшебством, еретическом учении о сидении Иисуса Христа одесную Бога Отца, хуле на церкви, монастыри и чудотворцев. Все ли эти обвинения были митрополитом Максиму

Греку пред'явлены, однако, на соборе 7033 г.? Всматриваясь в список их, как его дает митрополит, замечаем, что одно из преступлений Максима Грека он определенно хронологически и топографически изымает из этого списка: преступление всеведения волшебством, о котором митрополит с нарочитою точностью отмечает его уже пособорное хронологически и волоколамское топографически происхождение. Обвинение в нем, конечно, не приходится считать предъявленным в 7033 г. Было ли соседнее обвинение в злоумышлении волшебством предъявлено Максиму Греку тоже в 7033 г.? Сомневаться в этом заставляет то, что о злоумышлении волшебством против великого князя и иных не сказано в перечне тех преступлений Максима, в которых он был должен „исповѣдатися и каятися съ прилѣжнымъ плачемъ и слезами“; зато в тексте речи митрополита злоумышление волшебством и всеведение волшебством-же разграничены точным указанием места и времени совершения второго преступления: „а жилъ еси во Іосифовѣ монастырѣ, и приказано было надъ тобою назирати старцу Тихону Лелкову, а отецъ у тебя былъ старецъ Іона священникъ“... Преступления, о которых митрополит сказал прежде, упоминания о злоумышлении волшебством,—все, видимо, московского происхождения и во всяком случае дособорные, как это явствует из перечня преступлений, в которых Максиму Греку по соборному 7033 г. определению надлежало „исповѣдатися и каятися“. Относительно же одного из них и как раз соседнего в обвинительной речи митрополита с злоумышлением волшебством особенно подчеркнуто, что оно совершено в Москве: „да ты же, Максимъ, говорилъ многимъ здѣсь на Москвѣ“... Поставленное между двух хронологически и топографически определенных преступлений злоумышление волшебством, конечно, принадлежит времени и месту предшествующего ему в перечне митрополита преступления и, значит, совершено в Москве и до собора 7033 г. К тому же приводит рассмотрение общей формулы обвинений Максиму Греку в этой же речи по его волоколамскому поведению: там много говорится об его волхвованиях и волшебных хитростях, но нет ни слова об злоумышлении волшебством. Но раз так, оно могло быть на соборе 7033 г. и рассмотрено и не рассмотрено. Собор 7039 г., по указанию речи митрополита, был созван в виду „необратного нрава“ Максима Грека и „хулъ его прибылыхъ новѣйшихъ на Господа Бога, и на Пресвятую Богородицу, и на церковныя уставы, и законы и на прочая“. Прямого указания, таким образом, на то, чтобы в программе суда над Максимом Греком стояло обвинение в злоумышлении волшебством, в этих словах митрополита тоже нет. При такой формальной неопределенности есть, как мне представляется,

одно обстоятельство, позволяющее думать, что обвинение в злоумышлении было Максиму Греку пред'явлено еще в 7033 г. Дело в том, что все преступления Максима Грека, исчисленные в первой части речи митрополита, кроме преступлений его по части волшебства, повторены в той сводке старых и на соборе 7033 г. осужденных преступлений Максима Грека которою кончал свою речь митрополит. Если считать, что оба преступления по части волшебства не были рассмотрены в 7033 г., то совершенно непонятно, как они попали в среду таких преступлений, которые были на этом соборе рассмотрены. Одно из них несомненно, как это явствует из хронологических и топографических определений при его упоминании и позднейших указаний в той же речи митрополита о волоколамских преступлениях Максима Грека, было совершено после собора 7033 г. и обвинение по нему, следовательно, не могло быть на этом соборе Максиму Греку пред'явлено. Значит, другое преступление по части волшебства, о котором мы знаем, что оно было совершено еще до собора 7033. г., действительно, было на этом соборе предметом рассмотрения. Вопрос может быть единственно в том, подвергся или нет по нему Максим Грек на соборе 7033 г. осуждению. Может быть, то обстоятельство, что оно не названо в сводке тех преступлений, по которым, согласно соборному определению 7033 г., насколько мы его по передаче митрополита знаем, Максим Грек должен был „исповѣдатися и каятися съ прилѣжнымъ плачемъ и слезами", свидетельствует именно о том, что по этому преступлению Максим Грек в 7033 г. осужден не был. Но можно, пожалуй, полагать, что Максим Грек на соборе 7033 г. по обвинению в злоумышлении волшебством подвергся осуждению. Так можно полагать, если не придавать решающего значения этой сводке. Дело в том, что в ней, как в общей формуле преступлений Максима Грека, это преступление могло быть либо опущено, либо скрыто под какой-либо ее частью. Такой материал дает речь митрополита для определения тех обвинений, которые были в 7033 г. пред'явлены Максиму Греку.

Что же касается обвинений, которые были Максиму Греку пред'явлены или вернее должны были ему быть пред'явлены на соборе 7039 г., в речи митрополита мало точных на них указаний. Во-первых, в среду обвинений 7033 г. вкраплено одно обвинение на соборе 7039 г.—во всезнании волшебством. Как я выше говорил, митрополит, упомянув о нем, тотчас же его и обличил. Несомненно, что это обвинение было подготовлено к пред'явлению на соборе 7039 г. Во-вторых, митрополит, сказав о соборе 7033 г., рисует картину нераскаянности Максима Грека. Со

ссылкою на волоколамских „старцев Тихона и Иону он упрекает Максима Грека в том, что он „самъ себя оправдываетъ вездѣ и возноситъ, и хвалитъ, а не сказываетъ на себя ни единаго грѣха и вины отъ чрева матери своея, а покаянія, исповѣданія и исправленія не показалъ... ни мала въ хулахъ“ своих, в которых он был в 7033 г. осужден. Со ссылкою на тех же волоколамских старцев и подменяя „философство“ их показаний „еллинскими... волшебными хитростьми и чернокнижными волхвованіями“ и развертывая слова Максима Грека, о которых выше он по их же донесению особо говорил, „а вѣдаю азъ все вездѣ, гдѣ что ни дѣется“, в такие же „жидовскія... хитрости и... волхвованія“, митрополит упрекал и обвинял Максима Грека в том, что он „хвалится“ и „возносится“ „елинскими и жидовскими волшебными хитростьми и чернокнижными волхвованіями“ и „много христіянство губитъ“. Заканчивая свою речь, митрополит сказал: „а нынѣ на тебя богохульныя вины многіе явилися“ и перешел к допросу Максима Грека. Таким образом Максиму Греку по этой обвинительной речи митрополита готовились в 7039 г. пред'явить обвинения в нераскаянности, волхвованиях и новых хулах. Часть этих новых хул едва ли, однако, не касалась старых вопросов: отношения к церковному и монастырскому землевладению и русским святым—представителям монастырского землевладения. Эти два вопроса соединены, конечно, внутреннею связью: второй лишь вывод из первого: „зане же они держали городы, и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки, и дани имали, и многое богатство имѣли, ино имъ нелзѣ быти чюдотворцомъ“. Обвинение по первому вопросу сопровождается у митрополита обличением: „а и въ вашихъ монастырѣхъ, во Святой Горѣ и въ иныхъ мѣстехъ въ вашей земли и у церквей, и у монастырей села есть, да и въ писаніихъ отеческихъ писано: велѣно ихъ держати святымъ церквамъ и монастыремъ“. Митрополиту не было нужды обличать Максима Грека и по второму пункту обвинения, в виду его глубокой внутренней связи с первым. Считаю очень важным факт обличения: выше мы встретили его лишь один раз при обвинении во всеведении волшебством, вкрапленном в перечень обвинений, пред'явленных на соборе 7033 г., но несомненно на нем не пред'явленном и даже до этого собора не установленном. Это дает возможность предполагать, что рассмотренные на соборе 7033 г. обвинения по части церковного и монастырского землевладения и русских чудотворцев при созыве собора 7039 г. на основе „прибылых новѣйшихъ хулъ“ Максима Грека было решено поставить вновь. Высказанное сейчас соображение нельзя ли поддержать и следующим наблюдением: упрекая и обвиняя Максима Грека, митрополит в той части своей

речи, где говорит о дособорных преступлениях Максима Грека везде употребляет прошедшее время, кроме как при трех его преступлениях: во-первых, сказав о конкретных случаях речей Максима Грека к волоколамским старцам о его, Максима, всеведении и обличив это всеведение как „волхвованіе елинское и еретическое“, митрополит добавил: „тако же и ты нынѣ, Максимъ, глаголеши прельщая и погубляя люди“, и при обвинениях по части церковного и монастырского землевладения и русских чудотворцев, во-вторых и в-третьих. Первый случай, как мы знаем, касается обвинения, выросшего перед собором 7039 г. Любопытно, что, сказав в прошедшем времени о конкретных случаях преступных речей Максима Грека, митрополит счел нужным дать общую форму обвинения в настоящем времени. Ничего подобного он не сделал для прежде перечисленных и на соборе 7033 г. Максиму Греку пред'явленных обвинений. Еще любопытнее, что сейчас же вслед за рассмотренным случаем идет обвинение Максима Грека в неправом учении о сидении Иисуса Христа одесную Бога Отца в формах опять-таки времени прошедшего: „говорилъ и училъ и писалъ“, а вслед за этим обвинением второй и третий случай настоящаго времени. Неслучайность формы времени мне представляется совершенно убедительной. Я думаю, однако, что ее невозможно об'яснять так, что форму прошедшего времени митрополит употребляет в тех случаях, где обвиняет Максима Грека в конкретных, так сказать, случаях преступления: тогда-то и там-то то-то сказал или учил или писал,—и по двум основаниям: 1) один такой случай конкретного, так сказать, обвинения (и единственно во всей части этой речи конкретными подробностями обставленного) осложнен повторением в форме настоящего времени и 2) два обвинения, где употреблено исключительно настоящее время, в основе своей, конечно, имеют такие конкретные случаи, как обвинения, например, в государственной измене или хуле на великого князя, в изложении которых митрополит употребил исключительно прошедшее время. Поэтому я думаю, что форма настоящего времени в обвинительных пунктах этой части речи митрополита указывает на особенность его отношения именно к этим пунктам обвинения и преступлениям Максима Грека, на которых они построены: они держат на себе его внимание и должны быть рассмотрены на соборе 7039 г.,—по ним или не судили Максима Грека (всеведение волшебством) или, повидимому, при осуждении не имели всего материала (хулы на церкви, монастыри и чудотворцев). Таким образом определяется круг обвинений, которые готовился митрополит пред'явить Максиму Греку на соборе 7039 г.: нераскаянность, волшебство (главным образом,

повидимому, всеведение волшебством, хулу на землевладения на церкви, монастыри и чудотворцев. Может быть, было бы правильно присоединить к этим обвинениям и еще одно: митрополит строил свою речь очень искусно, сплетая обвинения,—так, сказав, что на соборе 7033 г. „не одиновя прочтено было“ Максиму Греку „свидѣтельство отъ Божественныхъ писаній“ ему „въ познаніе, и въ разумъ истинный, и исправленіе“, он сейчас же отметил глубокую нераскаянность и настойчивое самооправдывание Максима Грека; в конце речи он говорит, что на Максима Грека „соборная юза и запрещеніе“ были положены „что было“ ему „не глаголати, ни учити, ни писати, но токмо исповѣдатися и каятися съ прилѣжнымъ плачемъ и слезами о своихъ еретическихъ хулахъ“ (идет перечисление этих хул), вслед за чем было бы естественно ждать укора и обвинения Максиму Греку, что он не повиновался этому соборному обвинению и вместо покаяных плача и слез предался запрещенным ему беседам, поучениям и писаниям,— меж тем таких укора и обвинения нет. Естественно думать, что они случайно опущены либо самим митрополитом еще при произнесении речи, либо при ее записи секретарем собора, либо впоследствии переписчиками. К тому же передача списком соборного определения 7039 г. о новом привлечении Максима Грека к суду содержит прямое указание, что Максим Грек „посланія писаша“, вопреки запрету 7033 г. В резолютивной же части определения это писание Максимом Греком посланий заключено в формулу „необратный его нравъ“, покрывающую ряд неисполнений им соборного решения 7033 г. Таким образом, я считал бы возможным список обвинений, по которым Максим Грек был должен в 7039 г. держать ответ, увеличить на одно: писание вопреки соборному решению посланий. Вновь встает перед исследователем активное неповиновение собору 7033 г. со стороны им осужденного Максима Грека.

В дальнейшей части Судный Список дает ряд обвинений, по которым отвечал Максим Грек в 7039 г. Одни из них были пред'явлены ему только в этом 7039 г., другие пред'явлены в порядке передопроса и ранее были рассмотрены в 7033 г. Определим сначала первые. Это—обвинение в хульных строках в переводе „житія Пречистыя Богородицы, Метафрастова Творенія“, 2) обвинение в заглажении „строки о вѣрѣ Сына Божія, Господа нашего Iисуса Христа“ и 3) обвинение в заглажении „дохмата премудрого“—отпуста большого в Троицкую вечерню, как это явствует из судебного следствия, изложенного на стр. 7—11 Списка в издании Бодянского. Сверх этих трех обвинений к Максиму Греку на соборе 7039 г. их было, судя по сохранившейся части Списка, пред'явлено еще девять, но это,

как явственно в списке обозначено, те же обвинения, которые были в свое время пред'явлены Максиму Греку на соборе 7033 г. Что это так, следует из слов Списка: „Митрополитъ велѣлъ Досифею, Владыкѣ Крутицкому спрашивати Максима о хулыхъ прежнихъ соборовъ, что было взысканіе и соборы на Максима и на Саву у великого князя на дворѣ, въ полатѣ. также потомъ соборы многіе были у митрополита, въ полатѣ его, лѣта 7033, на того Максима о тѣхъ хулахъ, о иныхъ, которые прибыли, и взыскавшеся мѣсяца апрѣля и мѣсяца маія“. Далее в списке идут вопросы, которые задал Максиму Греку владыка Досифей. Эти вопросы—обвинения, в которых владыка Досифей повторяет соборное следствие 7033 г. Вот их перечень: 1) Максим Грек совместно с кем-то „написали въ своихъ правилахъ: „Аще кто наречетъ Пречистую Богородицу Дѣву Марію, да будетъ проклятъ“,—значит, в хуле на Божию Матерь; 2) они „написали... въ... книгахъ и правилѣхъ такъ: „Яже воистинѣ на то Бога разоряемаго вѣру и почесть презираема“,—значит, в хуле на Господа Бога; 3) Максим Грек „чернилъ и гладилъ“ русские книги и „сказывалъ, что здѣсь на Руси книги... непрямы“, — значит, в хуле на книги,—и как, очевидно, одно из проявлений этих чернения, заглаживания и, следовательно, хулы на книги, тот же третий „вопрос“ владыки Досифея содержит конкретное обвинение: Максим Грек вместо „безстрастно Божество“ писал „нестрашно“ и „безстрашно“ Божество, — значит, опять-таки в хуле на Господа Бога; 4) Максим Грек „говорилъ... многажды...: „Христосъ взыде на небеса, а тѣло свое на земли оставилъ и то, де, тѣло промежь нѣкихъ горъ ходитъ по пустымъ мѣстомъ, а отъ солнца погорѣло и почернѣло, аки главня“,—значит, в хуле на Иисуса Христа; 5) Максим Грек в формуле „сѣде одесную Отца“ и подобных ей писал „седѣвъ“, „седѣвшаго“, „седѣлъ еси“ —значит, в хуле на Иисуса Христа; 6) Максим Грек „загладил“ в Евангелии слова: „сѣдящаго, иже добрымъ сердцемъ и благимъ слышавше слово держатъ, и плодъ сотворятъ въ терпѣніи. Сія Іисусъ глаголя, возглаcи: имѣяй уши слышати, да слышитъ“,—значит, опять в хуле на Иисуса Христа; 7) Максим Грек „загладил“ в Символе Веры слово „истиннаго“,—значит, в хуле на Святого Духа; 8) Максим Грек „здѣшніе книги хулитъ, и укоряетъ, и отмѣтаетъ, а сказываетъ, что здѣсь на Руси книгъ никакихъ нѣтъ“,—значит, в хуле на книги, и 9) Максим Грек „говорилъ... что здѣсь на Москвѣ митрополитъ поставляется своими епископы русскими безъ благословенія патріарха цареградскаго, а все то за гордость не пріемлютъ патріаршескаго благословенія, ставятся собою самочинно и безчинно“,—значит, в хуле на русскую церковь (Суд-

ный Список, стр. 11—13, по изд. Бодянского). Как сказано, эти обвинения-вопросы повторяли пункты следствия 7033 г. Их введение в процесс 7039 г. понадобилось, конечно, оттого, что Максим Грек на прежнем суде-соборе не признал себя в них виновным, как это совершенно явствует из митрополичьей речи к нему на соборе 7039 г.

В передопросе владыки Досифея, конечно, нет новых по сравнению с 7033 г. пунктов. Есть или нет в нем новые приемы и материалы следствия, судить не берусь, — в частности: те очные ставки и „запись", которые в передопросе фигурируют, повторяют собою приемы и материалы следствия 7033 г. или являются новостью 7039 г., не знаю. Ответом Максима Грека на обвинения в хуле на русскую церковь обрывается, как выше было отмечено, наш список Судного Списка. Продолжался ли далее передопрос владыки Досифея, мы не знаем, ибо не знаем, как шел далее собор. Но во всяком случае передопрос владыки Досифея в том виде, как он сохранился, дает нам не все обвинения 7033 г. Это ясно из сравнения передопроса с речью митрополита Даниила. Передопрос в сохранившейся части совершенно не затронул политических преступлений Максима Грека: в нем нет пунктов о государственной измене и оскорблении великого князя; далее он не содержит пунктов по „хулам" на церкви, монастыри и чудотворцев и, наконец, в нем отсутствует пункт о злоумышлении волшебством. Обвинение в злоумышлении волшебством было, конечно, в значительной по крайней мере степени, тоже политическим обвинением Максима Грека: „да ты же, Максимъ, волшебными хитростьми еллинстими писалъ еси водками на дланѣхъ своихъ, и распростирая тѣ длани свои, противъ великаго князя, также и противъ иныхъ многихъ поставлялъ, волхвуя". Тогда в сохранившейся части передопроса владыки Досифея отсутствуют все политические и церковно-политические обвинения Максима Грека, кроме одного в осуждении самостоятельности русской церкви, на котором как раз и обрывается передопрос. Повидимому, передопрос строился так, чтобы именно эти обвинения- в сознании судивших, конечно, наиболее значительные—его собою замыкали. Постепенным наростанием политического момента вообще проникнут весь передопрос: сначала хулы на Божию Матерь и Господа Бога, потом окрашивающее собою эти хулы в политический цвет отношение к русским книгам, подкрепляемое записью трех московских духовных особ и очною ставкою с одною из них, и, наконец, такое важное церковно-политическое преступление, как осуждение церковной самостоятельности России... Передопрос владыки Досифея, конечно, не сохранял порядка судебного следствия 7033 г., как его

не сохраняла и речь митрополита: в обоих первое обвинение 7033 г., „неправое мнение о сидении Писуса Христа, занимает далеко не первое место. Нарочитость группировки обвинений в нем по политическому признаку становится особенно ясной при сопоставлении группировки передопроса с группировкою речи митрополита. В ней тоже эффектно выдержан политический момент, но она строит его выявление иначе: речь начинается обвинениями в политических преступлениях и кончается обвинениями в церковно-политических, а в центре содержит обвинения во всеведении волшебством, притянутые к волшебству политическому, и обвинения в связанных с этим еретическим делом еретических мнениях, от которых она легко и переходит к „еретическим" взглядам на церковное землевладение русских чудотворцев, т. е. именно к церковно-политическим преступлениям. Любопытно, что за проникнутою политическим моментом речью митрополита идет его допрос Максима Грека по преступлениям отнюдь не политическим, а за этим допросом следует проникнутый опять-таки моментом политическим передопрос владыки Досифея; на точке высокого под'ема этот передопрос для нас обрывается, но из сопоставления его сохранившейся части с речью митрополита Даниила определенно явствует, что дальнейшие для нас несохранившиеся части полны политических обвинений и политического пафоса. Возможно, что за передопросом были выдвинуты новые политические обвинения. Ведь определение о привлечении Максима Грека к суду в числе „хулъ его прибылыхъ новѣйшихъ" себѣ называет хулы на „церковныя уставы и законы", церковно-политические „хулы". Этот сугубо политический конец политического процесса Максима Грека, вероятно, как то впитал в себя и использовал, как средство, нерассмотренное в той части суда, которую мы по Списку знаем, обвинение Максима Грека во всеведении волшебством и вообще в „елинскихъ и жидовскихъ волшебныхъ хитростяхъ и чернокнижныхъ волхвованияхъ". В речи митрополита намечен и путь этого использования—при обвинении в политическом волхвовании или в злоумышлении волшебством на великого князя. Все дело Максима Грека на втором соборе носит определенный политический характер. Этим я не хочу сказать, что не-политические моменты не привходили в его дело. Наоборот, я думаю, что знаменитые хульные строки, как бы нарочно подобранные, могли сыграть и, вероятно, сыграли немалую роль в постановке и исходе дела Максима Грека,—недаром им и отведено первое место в допросе подсудимого митрополитом. Думаю, что и сами по себе они были достаточны, чтобы дело началось и, может быть, тяжело кончилось для подсудимого, особенно уже единожды осужденного. Но считаю, что план

всего дела, поскольку он нам известен и доступен нашей догадке, вскрывает его именно политический характер. Этот политический характер дела и его сравнительно мягкий для Максима Грека исход, думается, делают ясной нам и настоящую цель процесса: это не расправа с уже сокрушенным Максимом, при всем его „необратном нраве“ и всей активности его протеста против неправого, по его мнению, приговора, доступным всякому дисциплинарному воздействию духовной и местной и московской власти, а сокрушение его „единомысленников“ и прежде всего князя-инока Вассиана, которого хоть медленно увлекало, но верно увлекло тяжелое колесо развертывавшегося процесса. Так сам Максим Грек мне рисуется во втором своем процессе почти лишь средством к расправе, которую духовная власть готовилась совершить над „великимъ временнымъ человекомъ, у великаго князя ближнимъ“, над Вассианом. И, конечно, когда изыскивали средства борьбы с князем-иноком Вассианом и останавливались, как на одном из средств, на Максиме Греке, обвинительный материал против которого быстро наростал и на Москве на почве пересмотра им давно переведенных книг и сказанных смелых речей и в Иосифове монастыре на основе его непокорства судебному определению и активного провозглашения своей невиновности, этот обвинительный материал давал врагам Вассиана возможность, начав второе дело против Максима Грека, постепенно по обнаружившейся прикосновенности к его переводческой деятельности Вассиана, втянуть в процесс и его. Это, действительно, на соборе 7039 г. и было блестяще проделано. К сожалению, мы бессильны определить отношение светской власти к этим планам и ее роль в их проведении в жизнь. Но думается, что без ее предварительного—может быть, молчаливого и лишь умно учтенного—согласия духовная власть не решилась бы на борьбу с таким могущественным человеком, каким — по крайности недавно—был князь-инок Вассиан Патрикеев.

С. Чернов.

Завещание Василия III.

В собрании духовных грамот Московских государей не сохранилось духовной в. к. Василия Ивановича. Это не случайность. Духовные грамоты всех великих князей, начиная с Ивана Калиты, дошли до нас в подлинниках, кроме одной: духовная Ивана III сохранилась только в современной ей копии (такие копии, имеющиеся и при других подлинных грамотах, повиди-

мому, обязательно заготовлялись, по крайней мере со времени Донского, видимо для большей сохранности подлинников: копии, в нынешнем их состоянии, более „ветхи", чем оригиналы). Первую свою духовную, составленную, повидимому, еще в 1510—1511 гг., Василий Иванович перед кончиною своей „велел сжещи"; сохранилась только дополнительная к ней запись 1523 года [1]). Уничтожение этой устаревшей грамоты произошло в 1533 году в сложной обстановке предсмертной болезни Василия Ивановича, когда он принимал меры к тому, чтобы определить своей волей дальнейшую судьбу государевой власти и правления „делом земским". Великий князь расхворался во время поездки в Троицкий Сергиев монастырь и на Волок Ламский, на богомолье и охотничью потеху, в сентябре 1533 года, вернулся в Москву в полном изнеможении от тяжкой болезни [2]) и умер в ночь с 3 на 4 декабря. Еще до возвращения в Москву серьезность положения выяснилась для великого князя и его приближенных. Тревожило малолетство сына-наследника: княжичу Ивану пошел всего четвертый год. Тревожило и общее состояние правящей среды, взбудораженной разводом и второй женитьбой Василия Ивановича, взаимным недоверием между ним и его братьями, Юрьем и Андреем, соперничеством новых сильных при дворе людей, как дядя молодой великой княгини Елены Михаил Львович Глинский, как „сестричичи" его князья Бельские—князь Дмитрий Федорович и его братья, со стародавними московскими княжатами и боярами. Тревожило, быть может, и честолюбие Елены; по крайней мере, полного доверия в эту важную для всей семьи минуту супруг ей не оказал. Вопрос шел об организации регентства, и князь великий хотел, лежа на смертном одре, разрешить его по своей мысли. Избегая происков, настояний и давления со стороны, опасаясь, что заинтересованные группы и лица заранее примут свои меры к захвату власти наперекор его намерениям, великий князь торопится, пока не изменило ему сознание, подготовить и утвердить официальную сторону дела, скрывая свои приготовления и действия, пока возможно, и от жены, и от братьев, и от бояр, а готовит свое

[1]) О первой духовной Василия III есть известие, что он писал ее „едучи в Новгород и во Псков" (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 268); но подпись на ней митрополита Варлаама, как упомянуто в записи 1523 г., а Варлаам стал митрополитом в августе 1511 г., уже по возвращении великого князя из Новгорода и Пскова; запись 1523 г. в С. Г. Г. и Д., т. I, № 150.

Повидимому—периостита, который требовал бы хирургического лечения (с дренажем), а не тех приемов, какими „вельми прилежаху" великокняжеские врачи; эти приемы лечения описаны в летописном рассказе о болезни и смерти Василия III и довели дело до заражения крови (заключение покойного врача А. С. Соловьева).

решение о духовной „сам третей у постели"—с надежными людьми—тверским дворецким Ив. Юр. Шигоной-Поджогиным и своим введеным дьяком Гр. Ник. Меншим-Путятиным. С ними он осторожно обдумывает, кого допустить в думу к себе о духовной грамоте и кому „приказати свой государев приказ"; с ними перечитывает духовные отца своего и деда и свою первую, которую велит им сжечь. Так подготовившись, великий князь обсуждает, по возвращении в Москву, все дело, излагая свои намерения—о сыне своем Иване и о своем великом княжении, и о своей духовной грамоте, и как строиться царству после него,—сперва в более тесном кругу думных людей, а затем в расширенном, по их совету, собрании. При этих обсуждениях редактирование духовной грамоты возложено на введеного великокняжеского дьяка Г. Н. Меншого-Путятина, а в товарищах при нем велел великий князь быть у этого дела дьяку своему Федору Мишурину.

Так представляется по летописному рассказу обстановка составления пропавшей духовной грамоты Василия III. Покончив с этим делом, великий князь призвал к себе, в воскресенье 30 ноября, митрополита Даниила, братьев своих Юрия и Андрея и бояр всех и изложил им „свой государев приказ". А в последний день жизни — 3 декабря — он еще раз призвал ближайших людей своих, и „от третьего часа до седьмого" приказывал им „о своемъ сынѣ великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и о устроеніи земскомъ и како бы правити послѣ его государьство"; а затем, отпустив остальных, задержал троих — Михаила Юрьевича (Захарьина), князя М. Л. Глинского и дворецкого Шигону для последних наставлений „о своей великой княгинѣ Еленѣ, и какъ ей безъ него быти". А ночью скончался (по одной записи—в 12 ч., по другой—в исходе первого часа).

Все эти и многие другие подробности за дни последней болезни Василия III до момента его кончины узнаем из пространного рассказа, какой читаем в составе разных летописных сводов. С этого рассказа начинается и „Лѣтописецъ царства царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси", который также находим в составе различных обширных летописных сводов, хотя его следует, несомненно, рассматривать, как особое произведение московского летописания [1]). Но едва ли он был и составлен для этого „Летописца": в некоторых списках-сводах им

[1]) Изучению этого „Летописца" посвящено особое исследование И. Ф. Лаврова, давно приготовленное к печати, но до сих пор не вышедшее в свет из-за трудности вести дело научных изданий в годину общей экономической разрухи.

заканчивается летописное изложение, а заключен этот рассказ сообщением о крестоцеловании, по смерти Василия III, на имя сына его Ивана и великой княгини - матери Елены, и о погребении усопшого великого князя. Да и в тех списках, где рассказом о болезни и кончине Василия III начинается „Летописец“ царствования Ивана Грозного, явственно видно в дальнейшем начало новой редакционно-компилятивной работы; оттого и получил он такое своеобразное заглавие: „Лѣтописецъ начало царства царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси и о преставленіи отца его великого князя всея Руси, во иноцѣхъ Варлаама“, причем в некоторых списках сохранены, как особое заглавие, „Сказаніе о великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ, како ѣздилъ въ свою отчину Волокъ Ламскій тѣшится и како тамо болѣзнь ему учинилася, и мнишескій образ на ся пріялъ, и благословилъ на царство сына своего, и о преставленіи и о погребеніи его“, так и особый заголовок: „Начало царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси“ после этого „сказания“.

Показания подробного рассказа, составленного, очевидно, дьяками-очевидцами и участниками описанных в нем событий, о совещаниях Василия Ивановича и его наставлениях, как царству после него строиться и как организовать управление в малолетство сына-наследника, получают особое значение, ввиду, с одной стороны, пропажи его последней духовной грамоты, а с другой, ввиду той борьбы за власть дворцовых групп и партий, какая началась тотчас по смерти Василия; их группировка и их притязания на регентство или на то или иное участие в нем должны были определиться у одра болезни умиравшего носителя великокняжеской власти. Однако, этот рассказ дошел до нас в разных редакциях, так что, быть может, ни один из списков не передает точно и полностью первоначального его текста, составленного под свежим впечатлением только что пережитого. А реставрация этого первоначального текста путем сравнительного изучения всех списков позднейших редакций представляет значительные трудности, потому что их отличия носят следы тенденциозных переделок, то пропусков, то вставок, на которых отразилась позднейшая партийная борьба, и разобраться в них, с полной уверенностью, довольно трудно. Поэтому, не совсем-то ясным остается и представление о подлинной последней воле Василия III: на кого оставил он правление государством?

Прежде всего обращает на себя внимание уничтожение по его приказу первой его духовной. Факт этот не во всех списках упомянут, но как раз в тех, которые надо признать наи-

менее затронутыми тенденциозной переделкой первоначального текста[1]). Но и их сообщение упоминает только о сожжении духовной самого Василия III, а кроме того, о том, что привезены были к нему и прочитаны по одним—духовные деда его Василия Темного и отца Ивана III (Рост., Синод., Дубр.), по другим—только отца (Соф. II и Рагоз.). Не говоря уже о том, что естественно допустить пропуск упоминания о духовной деда, а вовсе невероятна вставка такого упоминания позднейшим редактором, небходимо отметить по этому поводу, что пропавшими для нас, и, стало быть, уничтоженными (так как простая случайность пропажи двух позднейших великокняжеских грамот, т. е. тех, которые еще могли иметь значение в семейно-владельческих спорах, невероятна) надо считать обе эти духовные грамоты. О духовной Ивана III было уже упомянуто, что подлинник его исчез, а текст сохранился только в копии. Что же касается духовных Василия Темного, то сохранились в подлинниках две грамоты (и копия с обоих на одном листе): духовная „большая“ и „приписная“—дополнительная к ней[2]). Но есть указание, что Василием Темным была составлена еще одна духовная, до нас не дошедшая ни в подлиннике, ни в копии. Именно в некоторых „родословцах“ (напр. в статье „Родство князей русскихъ“, приложенной к Ростовскому летописцу; также в „главах“ в начале Воскресенской летописи и др.) находим выписку боярских имен, упомянутых в духовных великих князей Дмитрия Донского, Василия Дмитриевича и Василия Темного,—вероятно для местнических счетов[3]). Тут читаем: „в духовной великого князя Василья Васильевича бояре княз Иванъ Юрьевич, Василей Данилович, Өеодор Васильевич“, а эти имена не совпадают с именами бояр, вписанными в уцелевших грамотах Василия Темного. В этом нельзя не видеть указания на то, что была еще одна, последняя, духовная этого князя, до нас не дошедшая. По этим данным, не будет, пожалуй, слишком смелым предположить, что в тексте летописном сперва читалось вместо слов: „и слушавъ духовныхъ, свою духовную велѣлъ сжещи“, напр., так: „велѣлъ ихъ сжещи“. Такое деяние, смутившее позднейших летописателей, побудило их сперва ограничить известие, а затем и вовсе его

---

[1]) Софийская вторая летопись (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 268); из неизданных Ростовская летопись (Биб. Моск. Арх. Ин. Дел. № 20—25); Рагозинский летописец (там-же. № 351—800); Моск. Синод. библиотеки № 963; рукопись Дубровского (Росс. Пуб. Биб.: F. IV. 238).

[2]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 86 и 87. В книге „Образованіе Великорусскаго Государства“, П. 1918, стр. 414—417, я упустил из виду, что это не последняя грамота в. к. Василия Васильевича.

[3]) Ср. мои „Мелкія замѣтки къ Воскресенской лѣтописи“ в „Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи“ т. XIII.

выкинуть из текста. Угадать же мотивы распоряжения великого князя, пожалуй, не трудно: обе духовные отца его и деда, несмотря на все оговорки и ограничения, обосновывали удельно-владельческие притязания великокняжеских братьев, внушавшие весьма серьезные опасения в момент перехода власти к малолетнему племяннику; духовная же грамота самого Василия Ивановича, написанная в ту пору, когда он был бездетен, представляла, надо полагать, еще больше черт, политически неудобных при таких условиях.

Уничтожение этих духовных, если принять предположение, что все три были уничтожены, а копия с грамоты Ивана III уцелела случайно [1], было выполнено с полным соблюдением тайны. Доверенные люди—стряпчий Я. И. Мансуров и введеный дьяк Г. Н. Меншой-Путятин—вывезли их из Москвы потайно от митрополита Даниила, от великой княгини, от бояр и всех людей, и все это дело пересмотра и уничтожения грамот (или грамоты) оставалось никому неведомым, кроме Шигоны и Путятина, до возвращения великого князя в Москву. Отсюда, быть может, некоторая сбивчивость в дальнейшем изложении даже в текстах, наиболее откровенных; именно, при совещании на Волоке упоминаются снова тайно принесенные духовные грамоты [2], но так как участники этого совещания те же Шигона и Путятин, то, вероятно, речь идет о том же самом решении, хотя раньше уже упомянуто о судьбе грамот, при сообщении об их привозе из Москвы; возможно даже, что именно это (мнимое) противоречие и побудило первое известие ограничить, при дальнейшем редактировании, словами: „*свою* духовную велѣлъ сжещи".

Мелких переделок и перестановок вообще не мало в дошедших до нас списках-редакциях, а иногда трудно различить их отличия, происшедшие от внешних и случайных обстоятельств истории текста, и намеренные изменения. К первой группе надо, очевидно, отнести, например, отделение перечня дьяков, бывших с великим князем на Волоке, от перечня сопровождавших его бояр (Соф. II), или колебания списков в именах князей Шуйских, Ивана и Василия Васильевичей, который из них в Москве оставался, а который был на Волоке [3]. Эти разноречия вызваны явно тем, что перечней было в первоначальном тексте два, и относились они к двум разным моментам—до и после вызова из Москвы М. Ю. Захарьина; Соф. II

---

[1]) При некоторых духовных имеем по две копии; быть может, и тут так было.

[2]) Соф. II: С. Р. Л., т. VI, стр. 268.

[3]) Ср. Соф. II (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 268 и 269) и Цар. Книга (т. XIII, 2, стр. 4[illegible] и 412).

неудачно опустила второй боярский перечень, а Цар. Книга сохранила оба, но во втором дает имя князя Василия Шуйского, как бывшего на Волоке, хотя сама же раньше назвала князя Ивана, а отсюда, повидимому, получилась и замена, в дальнейшем, Василия Иваном на Москве[1]). Само по себе невелико значение этого списка (Д. Ф. Бельский, И. В. Шуйский, М. Л. Глинский да дворецкие кн. И. И. Кубенский, И. Ю. Шигона, а затем и М. Ю. Захарьин); с этими боярами великий князь не совещался по делу о духовных, ни о том, „кого пустити в ту думу и приказати свой государев приказ“, а подготовляет он эти вопросы, как сказано, сам третей с Шигоной и Меншим-Путятиным На этом совещании, по толкованию В. И. Сергеевича[2]), „был, если не решен окончательно, то намечен важнейший вопрос о том, кого призвать к составлению духовной грамоты и к ее исполнению, т. е. и вопрос о правлении в малолетство Ивана Васильевича“. По возвращении в Москву, великий князь совещается по этому делу опять с небольшой группой лиц: с кн. В. В. Шуйским, М. С. Воронцовым и казначеем П. И. Головиным, которые во время его поездки оставлены были Москву ведать, да с М. Ю. Захарьиным, при участии Шигоны и Путятина, которому в помощь придан дьяк Федор Мишурин. Совещание это закончилось приказом писать духовную грамоту: ее редакция, как видно, уже установлена. Так и понимает дело В. И. Сергеевич: „по обуждении всех этих вопросов[3]) и была написана духовная грамота, в которую, говорит он, по всей вероятности, было внесено и постановление о правительстве“. Во время обсуждения состав совещания был несколько расширен: „тогда же князь велики прибави к собе в думу к духовной грамоте бояр своих“: кн. И. В. Шуйского, М. В. Тучкова и М. Л. Глинского[4]). Этого последнего позвал князь великий, „поговоря съ бояры“, потому что он родня жене его, в. к. Елене.

В такой обстановке установлено содержание духовной, писать которую поручено Путятину с Мишуриным. В дальнейших собеседованиях с боярами Василий Иванович „думает“ с теми же боярами и „приказывает“ о сыне своем великом князе Иване, о жене своей и о сыне Юрии и опять о духовной своей грамоте:

[1]) Эти черты встречаются и в других списках.

[2]) „Древности русскаго права“, т. II, изд. 3, стр. 398. Ср. С. М. Соловьева „Исторія Россіи“, кн. I, ст. 1656.

[3]) „О своемъ сынѣ князѣ Иванѣ и о своемъ великомъ княженіи и о своей духовной грамотѣ, понеже бо сынъ его бѣ младъ, токмо трехъ лѣтъ на четвертой, и как строитися царству послѣ его“.

[4]) Цар. Книга (т. XIII, 2, стр. 412) выкинула имена Тучкова и Глинского, а изложение перередактировала так, что два разных момента—до и после приезда князя Юрия—слиты; ср. Соф. II.

по видимому, только об обеспечении ее выполнения? В „Сказании" изложены далее его речи, в первом лице, сказанные в собрании, куда призваны митрополит Даниил, великокняжеские братья Юрий и Андрей и „бояре все" (с пояснением, что „тогда мнози бояре съѣхашася изъ своихъ отчинъ, слышавъ государеву немощъ"), затем отдельно боярам без митрополита и братьев [1]) и далее снова в кругу особо позванных „бояр своих": это все те же — Василий и Иван Васильевичи Шуйские, М. С. Воронцов, М. Ю. Захарьин, М. В. Тучков, М. Л. Глинский, П. Ю. Шигона, П. И. Головин и ближние дьяки—Путятин с Мишуриным [2]), и в продолжительной беседе „приказываетъ имъ о своемъ сыну, великомъ князѣ Иванѣ Василіевичѣ и о устроеніи земскомъ и како бы правити послѣ его государьство".

В. И. Сергеевич представлял себе дело так, что это постановление о правительстве было внесено в составленную и скрепленную бывшими при том боярами духовную грамоту; предположил даже, что они „подписались в качестве свидетелей" [3]). Но бояре не подписывали великокняжеских духовных, а только перечислялись в конце их, как тут бывшие; в данном случае было, надо полагать, прописано: „а тут были бояре мои князь Василей Васильевичь, да Михайло Юрьевичь, да Михайло Семеновичь, да казначей мой Петр Ивановичь"; возможно, что прописаны были также князь И. В. Шуйский, М. В. Тучков и князь М. Л. Глинский, тогда же прибавленные в думу к духовной грамоте. Но кому в этой грамоте „приказал" великий князь жену свою великую княгиню Елену и детей? Или ей „приказаны" были дети и все государство?

Псковская летопись так передала представление широких общественных кругов о завещании Василия III: „приказа великое княжение сыну своему большему князю Ивану... и приказа его беречи до 15 лет своим бояром немногим" [4]). В подробном рассказе о предсмертных распоряжениях Василия III, в тех его списках, которые еще не отразили редакционных переделок под влиянием позднейших событий, характерно расчленение „приказания" о сыне, великом князе Иване, и о устроении земском, как быть и правити после него,—группе перечисленных бояр с обоими Шуйскими во главе, от другого „приказа-

---

[1]) Та подробность, что великий князь говорил с боярами, отпустив от себя митрополита и братьев своих, опущена Цар. Кн., так что опять слиты два момента.

[2]) Цар. Книга опять выпустила имя Тучкова; не упоминает она тут М. Ю. Захарьина.

[3]) В. И. Сергѣевичъ, там же, стр. 399.

[4]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 299.

ния“ —о великой княгине Елене, как ей без него быть и как къ ней боярам ходить и как безъ него царству строитьса, только троим: М. Ю. Захарьину, кн. М. Л. Глинскому да Шигоне. Первая группа—душеприкащики, которым надлежит блюсти выполнение всех заветов умирающего великого князя; второй—поручена особо опека над положением великой княгини. Нет основания, повидимому, первую группу назвать в точном смысле слова советом регентства; но роль, ей предназначенная, близка к такому значению; а наставления второй, сообщенные в тексте только кратким намеком, еще С. М. Соловьев определил, как относящиеся к правительственному значению Елены, так как тут речь идет о хождении к ней бояр с докладами [1]. Такая двойственность, повидимому, и была действительно в распоряжениях Василия III: отведя известную роль великой княгине Елене в опеке над сыном и в правлении государством, он, в то же время, не „полагаеть на ней все правленіе великаго государьства“, не приказывает ей „подъ сыномъ своимъ государьство держати до возмужаніа своего сына“, как представляют дело тексты так наз. Никоновской летописи, а указывает подробную программу ведения дел, определяя, по своему выбору, состав лиц, коим завещает блюдение над выполнением своих предначертаний. И это еще не все. В „сказании“ находим передачу речей Василия Ивановича, которыми особо определялось положение при будущем правлении его братьев, его сестричичев—князей Бельских и князя М. Л. Глинского. Братьев, Юрия и Андрея, великий князь убеждает крепко стоять на слове, на чем они с великим князем крест целовали и укрепились договором [2], и стоять „вопче“ о земском строении и о ратных делах. В речи ко „всем боярам“, великий князь уговаривает их крепко стоять за то, чтобы сын его учинился на государстве государем, чтобы „была в земле правда“ и чтобы в их среде „розни никоторые не было“; и добавил [3]: „да приказываю вам своихъ сестричичевъ князя Дмитрея Ѳеодоровича Бѣльского з братіею, и князя Михайла Львовича Глинского, занеже князь Михайло по женѣ моей мне племя, чтобы есте были вопчѣ, дѣла бы есте дѣлали за один; и вы бы, мои сестричичи, князь Дмитрей з братьею, о ратных дѣлах и о земском строе-

[1] „Исторія Россіи“, книга II, ст. 1.—Ср. Соф. II (т. VI, стр. 272) и Никоновск. (т. XIII, 1, стр. 76, обе редакции). Цар. книга (т. XIII, стр. 76) тут не показательна, так как использовала оба изложения.

[2] „На чемъ есмя крестъ цѣловали и крѣпостя промежъ насъ“ (т. VI, стр. 270).

[3] Этих строк нет в текстах, изданных в П. С. Р. Л.; находим их в рукописях Рагозинского, Ростовском, Синодальном, [illegible] Добровского.

кии стояли за один, а сыну бы моему служили есте прямо"; а закончил увещанием М. Л. Глинскому не жалеть и жизни на защиту великой княгини Елены и сыновей великого князя. Слова эти дают основание признать, что Василий III предназначал своим сестричичам—сыновьям своей двоюродной сестры, рязанской княжны—Бельским активную роль в руководстве ратными и земскими делами, хотя и не ввел их в состав ближнего совета исполнителей своих заветов. И те же слова еще раз подчеркивают его взгляд на М. Л. Глинского, как на ближайшего опекуна и защитника великокняжеской семьи.

Трудно угадывать, что именно и, тем более, в какой форме вошло из этих распоряжений и заветов Василия III в его духовную. Но судьба, ее постигшая, естественно навела В. И. Сергеевича на мысль, что „действительное правительство, захватившее власть по смерти царя (так В. И. Сергеевич титулует Василия III), не соответствовало предположенному, а потому и был повод захватившим власть скрыть и уничтожить ее"[1]. Попытка реставрировать некоторые пункты пропавшей грамоты на основании летописных свидетельств о содержании завещания Василия III—задача неразрешимая. Но свидетельства эти об'ясняют ее судьбу, показывая наглядно, с какой неразрешимой трудностью боролся Василий Иванович, пытаясь предупредить неизбежную борьбу за власть по его смерти. Обличают они и несостоятельность его приемов, направленных не на то, чтобы создать на смену своей единодержавной власти новый сильный центр государственного властвования, а на безнадежную попытку уладить на ряде компромиссов назревшие в правящей среде антагонизмы.

А. Пресняков.

Проверка прав на землю во владениях королевы Боны.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа сопровождалась проверкой прав на землю, произведенной на всем протяжении территории великого княжества и весьма существенно задевшей интересы всех общественных групп, державших в своих руках то или другое количество земли. Такая проверка прав на землю вызвала в заинтересованных кругах землевладельческих групп

[1]) Там-же, стр. 399. Отмечу, кстати, что вся история образования группы бояр, которым поручена забота об осуществлении духовной, составленной при их „думе", не может служить основой для анализа вопроса о составе и характере „боярской думы", для чего ее использовал В. И. Сергеевич.

известное недовольство, выразившееся в протестах и жалобах, поступавших по разным поводам на рассмотрение господаря[1]).

Однако, правительство Сигизмунда-Августа не было инициатором проверки прав на землю при осуществлении аграрной реформы. В этом вопросе деятели аграрной реформы шли по пути, уже проложенному матерью короля—королевой Боной, сосредоточившей в своих руках большие земельные владения и обнаружившей большую хозяйственную предприимчивость и распорядительность, что, разумеется, не могло не оказать влияния на хозяйственную политику Сигизмунда-Августа. Недаром, многие из деятелей аграрной реформы находились раньше на службе королевы Боны, вместе с которой они осуществляли задуманные ею аграрные мероприятия. Хозяйственная деятельность королевы Боны еще ждет своего исследователя, хотя частичная попытка подойти к ее изучению уже была предпринята А. С. Грушевским[2]).

Не касаясь в настоящее время хозяйственной деятельности королевы Боны в ее целом, я хочу обратить внимание на один прием, которым руководилась королева Бона в своей административно - хозяйственной деятельности, именно, проверку прав на землю.

Идея централизации всей хозяйственной политики составляла сущность всех административно-хозяйственных планов королевы Боны, так как только при соблюдении последнего условия была возможна рациональная постановка частновладельческого хозяйства. Одним из приемов централизации в хозяйственной политике является учет тех реальных средств, которыми располагает рачительный хозяин. Поэтому, проверка имущества, находящегося в распоряжении собственника, является очередной задачей всякого заботливого хозяина. К таковым следует причислить и королеву Бону, весьма бережно и внимательно относившуюся к находившимся в ее распоряжении[3]) земельным богатствам, которые королева Бона не обнаруживала намерения отдавать в чужие руки без всякой хозяйственной для себя выгоды. Вот почему королева Бона начнет проверку прав на землю сначала частично, впоследствии в широком масштабе. Проверка прав на землю могла обнаружить незаконных держателей земли, тем самым наносящих серьезный хозяйственный ущерб королеве Боне.

[1]) В. Пичета, Аграрная реформа въ литовско - русскомъ государствѣ ч. II, М. 1918.

[2]) А. С. Грушевскій, Пинское полѣсье в XIV-XVI вв., Кіевъ, 1909.

[3]) Все привилеи, полученные королевой Боной на земли и города, собраны в Кн. Пуб. Дел, XXVIII. Она владела Гродно, Пинском, Кобрином, Клецком, Рогачевым, Кременцем и Городцем.

Кажется, королева Бона приступила в первый раз к проверке прав на землю в августе 1533 г., когда „на плацу у Вильни бояре Мстибоговские покладали листы и твердости, хто з них на имения люди альбо земли свои мел“, которые были ими выслужены при пане Станиславе Яновиче и его сыне Станиславе Станиславовиче, старосте Жомоитском, когда последний Мстибогов „в своим рукам держал“ [1]).

Явившись для подтверждения своих прав на землю, бояре оказались не в одинаковом положении. Одни из них пришли с документами, оправдывающими их права на владение землей; другие, и при том в значительном количестве, без всяких оправдательных листов.

Документы бояр на право владения землей, если по своему содержанию не встречали никаких возражений, признавались имеющими силу. Владелец оправдательных листов продолжал держать в своих руках ту землю, на которую он имел соответствующие оправдательные документы, при условии отправления держателем земли боярской службы. В противном случае, держатель земли лишался своего земельного участка. Боярин Войтех Валицкий имел в своем распоряжении „Дворец Мстибоговский“ со всеми службами, людьми и пятью огородами. Оставление за боярином Валицким Мстибоговского дворца было обусловлено обязанностью нести службу по Мстибогову. В противном случае, если бы боярин не пожелал служить по Мстибогову, то дворец у него подлежит отобранию и „привлащается ку Мстибогову“ [2]). Однако, не все представленные документы были признаны имеющими силу. Боярин Михайло Аксаков, представил лист пана Станислава на землю „Букшты“ с отдачей последней в вечное владение, но при условии отправления военной слубы до смерти пана Станислава. После смерти последнего, Михайло Аксаков имеет право „вольно служити с тым дворцом, кому похотя“. Однако, подлинность представленного документа вызвала сомнения. Пред'явленный документ был признан проверявшими лицами сомнительным, „не яко подозренной печати“. Был заподозрен и лист боярина Гришки на дворец на реке Жердной с двумя службами людей и двумя пустыми землями. На проверку документов явилось пятнадцать бояр, имея в руках оправдательные листы (Стан. Оленский, Михайло Аксаков, Гришко, Петр Буктович, Ян Миколаевич, Костюшко, Войтех Валицкий, Андрей Кулькевич, Ганусь Пашевич, Ян Пашкович, Михно Яцкевич, Василий Ескович, Дад-

[1]) Книга Зап., XVII, III, л. 51.
[2]) Кн. Зап., XVIII, лл. 54—60.

ковичи, Стан. Дятел, слуга путный Роман, из числа которых двенадцать сохранили свои земельные участки, два потеряли их в силу вышеназванных соображений. Права на землю Стан. Оленского, представившего листы на землю „от своего имени и от имени своей братии“, не получили утверждения и проверка прав на землю не могла состояться, так как упомянутый б. Станислав Оленский представил привилей „нынешнего Жигимонта“, подтверждавший выслугу их отца, но в то же время не представил оправдательных документов на данины Яновичей, сославшись при этом на нахождение необходимых документов в их имении. Пред'явленный привилей Жигимонта был возвращен обратно его владельцу, а для окончательной проверки прав на землю был назначен другой срок, „день Св. Симона“ [1]).

Весьма значительная група бояр явилась в Вильну без всяких оправдательных документов, но со ссылкой на земскую давность, как на обоснование держания в своих руках бездокументальной земельной собственности. Срок давности, указанной заинтересованной стороной, был различен. Боярин Костюшко, имевший совместно с братом Станиславом 12 служб людей и 10 огородников, указал, что он получил их от своего отца, выслужившего при пане Станиславе. Выслуга находилась в семейном владении 40 лет. Четверо бояр, Иван, Федор, Михаил и Андрей, держатели 8 служб, из которых две было пустых, показали, что эти службы были выслугой их отца при пане Станиславе Яновиче. Держатель выслуги, по указаниям опрошенных бояр, владел выслугой без листов. И сами они после смерти их отца „в покое держат 15 лет“. Боярин Андрей Матфеевич, владелец пашни и 4 огородов, „выслуги его деда на пана Яна“, указал, что отец умер „без листов“, а сам он держит „тихо с мачехой“. Боярин Иван Васкевич указал, что он сорок лет держит „землю супольную и пашню с двумя огородниками, выслугу его отца Васка на пана Яна“. Боярин Шимко, державший 4 огородника и „пашню дворную“, владел последней без документов 50 лет; женившись на „отчичке девке зъ дозволением Станислава Яновича, старосты Жимоитского“. Стрелец Михно Ганусович держал без документов двадцать лет „две пустовские земли“, так как посадивший его пан Станислав Янович не выдал ему никакого документа. Среди непредставивших никаких оправдательных документов находилась группа путных бояр, которые также ссылались на давность владения, но без указания определенного срока, в течение которого они являлись держателями земель. Слуга путный Ждан Юшкевич держал сов-

[1]) Кн. Зап., XVIII, лл. 54—60.

местно с дядковичем „землицу прадеда". Отец умер „без листа". Слуга путный Лепец Кулькевич держал „землицу отчизную да две земли, што отцу придал пан Стан. Янович", причем на право владения землей лист не был выдан. Слуга путный Матеец вместе с дядковичем держал одну землю, которой владели „предъки отъ давныхъ летъ". Слуга путный Клим Заневич указал, что „одна землица", находящаяся в его владении, является „выслугой его отца". Слуга путный Андреец, державший землю вместе со своим дядковичем, не представил листов, причем непредставление последних об'яснил своим простым происхождением („яко простой человек не имел"). Слуга путный Яцко Федорович владел одной землей с тремя дядковичами, но документов на право владения не представил, так как по его утверждению таковых „слугам путным не дают" [1]).

Проверка прав на землю, предпринятая в Мстибогове, дала положительные результаты. Она выяснила, какое количество дворовой земли находилось в частном владении. Вместе с тем удалось выяснить и юридическое обоснование земельного владения.

Самая проверка прав на землю дала отрицательные результаты только тем держателям земли, листы которых были признаны подозрительными. Впрочем, один из пострадавших, М. Аксаков, немедленно бил челом „об оставлении за ним выслуженного имения", „отчизны Букштвы", с которого он отправлял военную службу, выставляя двух коней. Представив заподозренный лист Станислава Яновича, Михайло Аксаков просил, „а бы ласку ему вчинили и съ того именица не рушили, и дали ему лист". Резолюция королевы Боны была благоприятна для челобитчика, но с одним изменением по сравнению с листом пана Станислава: именьице давалось только „до живота", но „со всим тым", что упомянутый Аксаков выслужил на пане Старосте [2]).

Бездокументальные земельные владения путных бояр остались за прежними держателями, так как отправляемая ими путная служба оправдывала предоставление „землицы" в их распоряжение и, следовательно, хозяйственные интересы Боны нисколько не страдали.

В августе 1533 г. происходила проверка прав на земли в Мойшакголе. Все бояре, представившие оправдательные документы, получили подтверждение на право владения—„не хай лист держит", но при этом и „службу земскую служит" [3]).

Мойшакгольская ревизия не обнаружила бездокументальных держаний. Но, когда, уже по окончании проверки прав на

[1]) Кн. Зап., XVIII, лл. 54—60.
[2]) Кн. Зап., XVIII, лл. 54—60.
[3]) Кн. Зап., XVIII, лл. 62 и сл.

землю, королю Сигизмунду было сообщено, что виленский бурграбий Харитон Хацутич „забрал“ в Мойшакгольском повете „без данины брата Александра пять землиц“: „Новщину, Мотевщину, Кгондивойшки, Кгутевщину, Ейкгелишки“, то была образована специальная комиссия для проверки его прав на землю в составе господарского писаря Коптя Васковича, дворянина Семена Одинцовича, в присутствии наместника Мойшакгольского кн. Глеба Пронского и людей „поличных, которые живут около того дворца“. Расследование показало справедливость предположений о захватном владении землей, а также и то, „что люди не служили и дачек не давали“, но в виду того, что бурграбий рассматривался как „добрый человек“, и что захват земли был следствием недоразумения, то последняя была оставлена за бурграбием [1]).

Вслед затем королева Бона предприняла проверку прав на землю в Кобринском повете. В начале XVI века замок Кобрин „со всими дворы повету Кобринского и зъ бояры, и зъ службы путными и со всими людьми Кобринской волости“, находился в пожизненном владении жены пана Венцлава Костевича [2]). Кобрин с прилегавшими к нему дворами: Добучином и Городцом, а также волостями: собственно Кобринской, Черевачицкой, Вежицкой, Добучинской, Блуденской и Городенской составлял сначала удельное Кобринское княжество, находившееся в конце XV в. под властью кн. Ивана Семеновича. Князь Иван Семенович умер в 1490 г., а Кобринское княжение было оставлено по распоряжению великого князя Казимира во владении вдовы Федоры. В 1492 г. княгиня Федора вышла замуж за пана Юрия Пацовича, принеся ему в приданое Кобрин. В 1506 г. кн. Федора вторично овдовела. Великий князь Александр снова оставил Кобрин за вдовой пана Пацовича. В 1508 г. вдова вышла в третий раз замуж за князя Миколая Радивилла, воеводу Виленского. В 1512 г. княгиня Федора, принявшая с переходом в католицизм имя Зофии, умерла. Кобринское княжение перешло к сестре князя Ивана — Анне, бывшей замужем за паном Венцлавом Костевичем [3]).

Пан Венцлав постарался еще при жизни своей жены закрепить за собою Кобрин, обратившись к в. к. Сигизмунду с челобитием предоставить ему во владение замок Кобрин „до живота“ — в случае, если умрет его жена, „коли стало смерть ее зашла“.

---

[1]) Кн. Зап., XVIII, лл. 64—65.

[2]) Кн. Пуб. Дел, XXVIII, л. 27 и сл.

[3]) М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута. М. 1892, стр. 22.

Просьба п. Костевича была исполнена. Сигизмунд, „маючи заслуги предков, службы отца его и его самого“, дал ему Кобрин „со всим тым, как держал князь Семен Кобринский и его сын Иван“, а после их „воеводиная Виленская, канцелярская наша пана Миколаевая Радивилловича“, небожка Зофия, предоставил ему Кобрин в доживотное держание при условие отдачи господарю „от челобития 1000 коп грошей литовской монеты“. В 1519 г. Анна умерла. Костевич обратился вторично с челобитием о подтверждении, просимый лист был выдан. Между тем королева Бона выхлопотала для себя привилей, согласно которому „castrum et oppidum nostrum Kobrin“ передается после смерти В. Костевича королеве „cum omnibus et singulis curiis, districtibus, tabernis, danariis, venatoribus ferrorum“. Пан Костевич оставался держателем и старостой Кобрина до своей смерти осенью 1532 г. Вступив во владение Кобриным, королева Бона назначила п. Ивана Михайловича старостой Кобринским, Пинским, Клецким, Городецким и Рогачевским. Получив Кобрин, Бона привернула к Кобрину села Череваничи и Грушовое, которые сначала кн. Семеном Кобринским были записаны в виде вена своей жене кн. Ульяне, происходившей из роду кн. Гольшанских. После смерти в 1495 г. кн. Ульяны Семеновой во владение вышеназванными селами вступила дочь ее, кн. Анна Семеновна, жена Венцлава Костевича. С ее смертью, кн. Сангушки заявили притязания на села Черевачичи и Грушовое. Король после состоявшегося разбора спорного дела в присутствии панов рады оставил спорные села за Костевичем [1]). Получив в непосредственное ведение Кобрин, королева Бона постаралась привернуть село Грушовое и Черевачичи к Кобрину, выиграв процесс у кн. Сангушек, в род которых перешли эти села. После округления Кобринских владений, королеве Боне было необходимо заняться проверкой прав частных лиц на землю, так как на этой почве происходили недоразумения между подданными королевы Боны и частными землевладельцами. Возникавшие недоразумения приходилось разрешать отправкой для расследования специальных комиссаров, что, конечно, создавало немало затруднений. Так, кобринский земянин Сенко Ескович Пришыхвостский подал Боне челобитие, с просьбой произвести расследование по поводу жалоб людей Городецких Кобринского повета „на имя Давидовичи, Михалко Черкехович и Сергей Игнатович“, которые вместе с своими потужниками заявили „яко он землю их властную отчизную на имя Клещовский жеребий под себе забрал и держит ее ку именю

[1]) Кн. Пуб. Дел., XXVIII, л. 27, 29, 31, 32. Кн. Зап., XVIII, л. 38—39; Любавскій, op. cit., стр. 190, 191.

своему Пришыхвостскому". На самом деле, по заявлению земянина, в его держании находилась лишь „выслуга его деда на кн. Семене Кобринском", тогда как третья часть жеребья Клещовского „в старом поли и то без бору и без леса" по прежнему находится в владении жалобщиков. Для разрешения спорного вопроса были посланы комиссары, выбранные обеими сторонами. Представителями Городецких людей явились пан Венцлав Костевич и лесничий Каменецкий, пан Потей Тишкович, которые нашли „его во всем правого". Королева Бона согласилась с решением комиссаров и 12 декабря 1532 г. состоялось окончательное решение по данному делу [1]).

Политика округления владений в целях уничтожения чересполосицы также побуждала Бону заняться проверкой прав на землю в Кобринском повете. К осуществлению такой проверки прав на землю королева Бона приступила в апреле 1534 г., когда „за позвом королевы Боны вся шляхта земяне повету Кобринского" должны были представить листы на именья свои, „которые бы мели в том повете того замъку" [2]). Лица, производившие по поручению королевы Боны проверку документов, разделили всех присутствовавших кобринских земян на две категории.

К первой категории были отнесены те из земян, которые явились на ревизию прав на землю „с голыми руками", без всяких документов, „жадных твердостей не вказали". Одни из непредставивших документы шляхтичей заявили, что „листов и твердостей не мают нижели держат то з давних давен с предков, дедов и отцов своих". Так аргументировали свои права на землю братья Петр и Сенико Савицкие совместно со своими дядковичами Яцко, Богушем, Михно и Сенико Савицкими, прибавив при этом „иже жадного приданья и выслуги ку имѣнию не мают". Ждан Александрович Имениский указал, что он владеет имением „с прадѣда и дѣда", но что никакого другого „придания и выслуги в имѣнии он не мает" [3]). Другие земяне, также ограничиваясь словесными доказательствами своих прав на землю, тем не менее стремились более конкретно указать на происхождение своего земельного держания. Так, земянин Есько Федорович, владевший частью земли в Бухловичах и Кулине, не представил „твердостей", сославшись на исстаринность своего держания „с прадѣда и дѣда и отца". Кроме того, тот же земянин имел в своем распоряжении ½ жеребья Зарубинского, выслуги их

[1]) Кн. Зап., XVIII, лл. 43—44 и обр.
[2]) Кн. Зап., XVIII, лл. 111—117.
[3]) Кн. Зап., XVIII, лл. 111, 112.

отца на кн. Кобринском, и бортный жеребий Волосковский, полученный от кн. Семена Кобринского, но при этом никакие „твердости“ не были представлены [1]). Иван Моцалович, „с сыном своим Лазарем из братаничи своими Моцаловичи“, заявил, что в селе Востромичи он владеет выслугой на кн. Семена Кобринского, но словесное заявление не было оправдано соответствующими „твердостями“ [2]). Аналогичные доказательства в оправдание своего земельного держания привели Яцко, Есько и Богуш Свербичи, держатели полужеребья Мордовского и полужеребья Конишковского; Яцко, Ожейко и Белко Ивашковичи, держатели трети жеребья Воцинского „в Болотех“ и трех долей жеребья Жиличковского, объявили свои земельные владения выслугой их отца на кн. Иване Кобринском [3]). Словесное заявление не сопровождалось более реальными доказательствами. В общем представители двадцати семи семейств кобринских земян оказались владельцами земель, на которые держатели не могли представить никаких твердостей. Между тем, жеребья земян находились в королевских селах, и такое совместное владение с хозяйственной точки зрения, разумеется, больших удобств представить не могло.

Ко второй категории были отнесены земяне, представившие „твердости“ на земли. Характер представленных оправдательных документов был различный. Так Васко Дробышевич представил лист королевы Боны от 10 июня 1532 г., согласно которому именьице, которым он владел совместно с женой, было оставлено ему „до живота“. Есько Некрашевич „положил лист Жигимонта, короля его милости, от 10 февраля 1519 г.“, подтверждавший пожалование кн. Ив. Кобринского двумя частями Байковичей и двумя частями Именина „на вечность ему самому, и жене, и детям, и щадком“. Станислав Жамбоцкий, приславший вместо себя сына Николая, представил твердости „данину пани Миколаевой Радивиловича, воеводиное Виленское, пани Зофии, которая перед тем за паном Пацом была“, а также и подтвердительный привилей Сигизмунда от 4 августа 1503 г. „на вечность з людьми и з землями“. Останко „с братией и детьми“ представил лист от 24 января 1523 г., выданный паном Венцлавом Костевичем и отдававший в „доживотное“ держание третью часть службы Осташовичов и пустовшину Ходцевщину „с бортным деревом, полями и з сеножатями, и з дубровами со в сим тым што к той земле здавна прислухало“ [4]).

---

[1]) Кн. Зап., XVIII, л. 112.
[2]) Кн. Зап., XVIII, л.л. 116—117.
[3]) Кн. Зап., XVIII, л.л. 111—117.
[4]) Кн. Зап., XVIII, л.л. 118, 119, 120, 121, 123 и обр.

Васко Губининский представил „судовый лист государыни королевы ее милости" по делу его с Иваном Петровичем и его братьями, обвинявшими его в том, что он держал в своих руках после смерти своей жены „их близкость", утверждавший судебное решение судей, признавших, что Васко Губининский держит имение „слушным обычаем по жене своей", так как спорное имение представляло собой вено его жены, предоставленное последней первым мужем [1].

Все представленные документы по их характеру можно разделить на несколько разрядов: 1) на пожалования королевы Боны; 2) подтвердительные листы Сигизмунда; 3) пожалования старосты пана Венцлава Костевича; 4) судовые листы королевы Боны; 5) листы кн. Федоры-Софьи.

Кобринские земяне явились на проверку прав на землю все, за исключением лишь одного Лукаша Лозовицкого, бывшего на господарской службе от пана Горностая „для выбора серебщины". Не явившись в назначенное время вследствие возложенного на него служебного поручения, Л. Лозовицкий, однако, просил отложить ему представление листов на право владения землей „до приехания с той службы господарской", дабы он „права своего не тратил, нжъ былъ на службе господарской" [2]. Не только одни светские землевладельцы подверглись проверке прав на землю. И представители обоих вероисповеданий, римско-католического и восточно-католического, не избежали ее. Они также должны были положить перед королевой Боной листы, оправдывающие их права на владение церковными фундушами. Так, плебан Кобринский кс. Адриан „положил фундат свой костельный", выданный Сигизмундом [3]. Плебан Добучинский кс. Павел представил „фундат" покойного пана Венцлава Костевича. Алтарист Кобринский кс. Марко подтвердил свои права на церковную землю, представив „фундат" Ганки Семеновны. Игумен Кобринский Спасский Васьян представил лист „княгини Ивановое Кобринской Федоры" на монастырь Спасский Кобринский и „твердости" короля Жигимонта на получение церковной десятины и других доходных статей, а также и на село „Корчичи со всими доходы, з гроши, з данию, з полюдьем, со всими тыми доходами", которые поступали от села в господарский скарб. Поп „Пречистое храма" Яков представил лист кн. Ивана Семеновича Кобринского. Аналогичный документ был представлен и по-

---

[1]) Кн. Зап., XVIII, л.л. 131—132.
[2]) Кн. Зап., XVIII, л. 124. обр.
[3]) Кн. Зап., XVIII, л. 133. и обр.

нами Добучинским и Кобринским-Никольским [1]. Разумеется, все эти документы официального происхождения не могли возбудить никаких сомнений в правах держателей фундуша на владение последним.

Проверка прав на землю, предпринятая королевой Боной, дала положительные результаты. Выяснилось, что известная часть местных землевладельцев владеет землей без достаточных юридических оснований. Поэтому, когда королева Бона предпримет грандиозную аграрную реформу в Пинском и Клецком княжествах при непосредственном участии пана Станислава Фальчевского, то проверка прав на землю явится настоятельно необходимой, как один из основных приемов увеличения хозяйственных ресурсов владелицы княжеств за счет земель, незаконным образом оказавшихся во владении шляхты.

В. Пичета.

Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве.

История фамилии Строгановых в XV—XVI в. тесно связана с историей города Сольвычегодска. Этот город, сравнительно, позднего происхождения. Житие Стефана Великопермского, составленное Епифанием Премудрым не позднее первой половины XV в. и упоминающее от Устюга до Усть-Выма все значительные селения, не знает еще Сольвычегодска и смежных с ним Чернигова и Выбора. Эти три города, разновременно возникшие, первоначально представляли не компактные целые, а небольшие, разбросанно-раскинувшиеся поселки, созданные перекрестившейся Новгородской и Суздальской колонизацией на торговых путях с вогуличами и др. инородцами северо-западной Сибири. Ведь, первоначальный путь в Сибирь пролегал через Вычегду на Печору и только позднее этот путь переместился южнее, на Чердынь и Соликамск, через средний Урал. Строгановы появляются в Сольвычегодске во второй половине XV в., не ранее 1472 г., привлеченные сюда возможностью организовать здесь торговое и промысловое предприятие без сильных конкурентов и без большой затраты капитала. Поморье, видимо, было знакомо Строгановым и ранее, если только они не были постоянными жителями этого края,—уже у Луки Строганова были здесь экономические интересы, заставившие

[1]) Кн. Зап., XVIII, л.л. 133, 136—142 обр.

его искать целый ряд земель от новгородцев, принадлежавших прежде ростовским князьям и московскому великому князю. Если Лука Строганов имел крупные дела в Поморье, то управлял ими не без помощи своих свойственников Юровых или Юрьевых: семейные синодики, приведенные в систематический порядок при Анике, упоминают на ряду с женой Луки — Марьей Дементьевной Юрьевой, ее брата Ивана с женой Матроной и их отца Дементия; судя по позднейшим примерам занесения в семейный синодик свойственников, принятых в семью в качестве полноправных ее членов, полагаем, что Иван и Дементий Юрьевы являлись помощниками и участниками в предприятиях Луки Строганова. К сожалению, пока неизвестны документы, могущие осветить положение хозяйства и направление деятельности первых Строгановых, заложивших основы для дальнейшего существования их крупной торгово-промышленной фирмы. Знаем только, что Лука оставил после себя трех сыновей Федора, Семена и Ивана, при чем последние два умерли в малолетстве, и все начатые Лукой предприятия достались его старшему сыну Федору, о котором пока документы хранят молчание. Известной по источникам жизнь семьи начинает быть со времени перехода всех дел к сыновьям Федора. Эти сыновья в 1517 г., „Степанкя да Осиѳька, да Володка Ѳедоровы дети Лукина“, вместе с каким-то Ромашкой Фроловым, получают дикие леса в Вондокурской волости Устюжского уезда. Соль Качаловскую и др. места с широкими льготами: с освобождением их крестьян от дани и пошлины на 15 лет, а от суда наместников и волостелей—бессрочно. Из сыновей Федора выделились предприимчивостью и своей хозяйственной деятельностью Владимир Федорович, родоначальник Циренниковской ветви окрестьянившихся Строгановых, многочисленное потомство которых и теперь еще под своей фамилией крестьянствует около Сольвычегодска, далее—Афанасий Федорович, положивший начало Тотемской ветви, и Аника Федорович, начавший собою Сольвычегодскую ветвь рода Строгановых.

Аника Федорович, родившийся в 1498 году и умерший монахом Иосафом в 1570 году, был любопытной фигурой в рядах купечества своего времени. Расчетливый делец и благочестивый человек, он одинаково ревностно строит храмы и соляные варницы на далекой Коле, Вычегде и Каме; инстинкты крупного капиталиста-предпринимателя, умело использующего промах конкурента и слабость зависимого от него человека, сочетаются в нем с дальновидным расчетом на постоянное содействие и церкви и центральной власти, для чего он умеет оказать услуги двору и Московскому митрополиту; неприхотливый в своих потреб-

[illegible]тях, носящий кафтаны и шубы своих предков, он обнаруживает выдающийся интерес к рукописной и печатной книге и оставляет после себя большую библиотеку: вечно деятельный, приумножающий свои богатства, любитель книжного чтения, образцовый церковник, а под конец своей жизни и монах,—таков внешний облик родоначальника Сольвычегодской ветви рода Строгановых. Аника сумел передать своим трем сыновьям Якову, Григорию и Семену и сильные и слабые черты своей личности, рано привлекши их к своим делам и заставляя их работать самостоятельно, когда они постигали сущность работы и методы ведения торговых и промысловых дел под непосредственным его руководством. И мы знаем, что отцовская выучка пошла в прок и дала отличные результаты. В сыновьях Аники и в их потомстве мы постоянно видим характерную для этого рода черту неустанной, кипучей, практической деятельности людей, энергично увеличивающих отцовские капиталы и в то же время остающихся любителями, а иногда и активными деятелями просвещения и культуры. Все время, на протяжении XVI—XVII в., в роду Строгановых сменяются поколения удачливых купцов и отважных предпринимателей с большой практической цепкостью и сметкой и в то же время ревнителей церковного благолепия, собирателей книг, любителей хорошо нарисованной иконы, иногда и самих выступающих в роли иконописцев художников. Словом, черты отчетливо обнаружившиеся в личности Аники Строганова, оказались характерными чертами и для всего его рода.

Мы не знаем ничего о начальном периоде самостоятельной деятельности Аники, если не считать указания Устюжского летописца, отметившего под 1515 г. о заведении Аникой первым в Соли Вычегодской солеваренного промысла [1]). Характерно, что семнадцатилетним юношей Аника уже является хозяином и начинает свое дело. Его отец, очевидно, уже умер, братья если и живут в Сольвычегодске, то действуют за пределами этого города, по крайней мере, мы знаем, что в 1517 г. три старших его брата получают земли в Устюжском уезде для заведения соляного промысла, и, повидимому, там и остаются, переместившись позже на Тотьму, где в середине XVI в. видим сына Афанасия Федоровича—Григория в роли Тотемского волостеля и крупного солепромышленника. Аника же прочно устраивается в Сольвычегодске, который в это время был не столько посадом,—посад был в семи верстах вверх по Вычегде, в Чернигове, а случайным поселком, возникшим, повидимому,

[1]) Сев. Арх., 1822 г., № 12, сс. 405—406.

для эксплуатации находившегося здесь соляного озера. В этом промышленном поселке и обосновались предки Аники, игнорируя близ расположенные посады Чернигов и Выбор. Строгановы поселились в непосредственной близости у соляного озера, заняв земли на западной половине от речки Солонихи в Сольвычегодске, и постепенно путем скупки соседних дворов и солеваренных угодий распространились на юг, к реке Вычегде. К середине XVI века Строгановым принадлежала почти половина посадской земли Сольвычегодска, главная часть которого находилась на восточной стороне речки Солонихи, впадающей в Вычегду, в то время как на землях западнее Солонихи поместились Строгановские дворы и промыслы, повытеснявшие соседей и составившие особый свой мирок и свой поселок, в общем целом называвшийся Солью Вычегодской.

До нас дошли далеко не все документы, рисующие этот процесс нарастания земельной посадской территории в руках Аники Строганова. Так, известен ряд актов, по которым к Анике с 1526 года переходят промыслы его соседей-солеваров [1]. В 1526 году Аника, в качестве покупателя, совершает две купчие на варницы в Сольвычегодске, которыми для нас начинается документальная история его скупочно-предпринимательской деятельности. 18 февраля 1526 года он покупает „треть варницы без цырѣна и треть места варнишново подлѣ Ондрѣя Теребина“ у Якова Федорова сына Бизимова за две гривны, а 3 июня „у Овдотьи у Максимовой дочери у Степановские жены у Зуевы, да у ее внука у Василья у Онтоманова сына варницу, и с цырѣном, а цырѣн з дугами и с ношками и со всѣмь нарядомь, что в варнице и с колодами“ за большую сумму денег—за 20 рублей. Из купчей, писанной также от имени покупателя Аники Строганова и помеченной 15 июлем 1540 г., мы узнаем, что он, „купилъ есми себѣ и своимъ дѣтемъ [у Василья да Дмитрея] детей Вороницына варни[ца и с цыреном и с дугами] и с ношками и с мѣстом, а варница стоитъ [на речке в межах] с моими же с Оникѣевыми варницами с Ковловскою, да с Лукинскою Кузнецовою, а стоит та варница за двор к озеру“; за варницу с местом уплочено 17 руб. В этой купчей, между прочими обязательствами продавцов, мы

[1]) Истор. Музей, ркп. собр. Е. В. Барсова, № 1819, in 4°, копии XVI—XVII в., л. 1—1 об.—Академия Наук, Шуваловское собр. Строгановских столбцов (неописаны), купчие: 7048 г. июля 15, 7048 г. августа 1, 7070 г. марта 2 (два акта), 7070 г. марта 8. 7089 г. августа 26 и 7090 г. ноября 4; „льготная грамота“, и „данная“, выданная Анике Строганову Сольвычегодским волостелем В. Г. Дровиным от 1550 года на варничное место; все эти акты в списках XVI в., очень ветхи, некоторые приходится подбирать из отдельных истлевших кусочков бумаги.

..водим следующее: „а в оцыщенье нам Васкю да Дмитрею в той варнице і вмѣсте и цырене не отыматись ни полѣтными и слободцкими никоторыми льготными грамотами Великого Князя"... ...и намъ Василью да Дмитрею тоѣ варницу с цырѣна у Аникѣя назад не откупати". По этому поводу заметим следующее: повидимому, в развитии солеварения в возникающем посаде Соли-Вычегодской было сильно заинтересовано Московское правительство, которое раздает здесь всяческие льготы промышленникам, чтобы их сюда привлечь и наладить поскорее промысловое дело. С этой целью в 1545 году, октября 24, посылается на посад к Соли Вычегодской всем промышленникам особая царская поощрительная грамота о размножении соляных промыслов [1]. Здешние солевары, как свидетельствует только что упомянутая грамота, имели „полѣтные и слобоцткіе, льготные грамоты Великого князя", такие же грамоты выбирал себе и Аника. Так например, в 1550 г., „по цареву і великого князя слову Івана Васильевича всеа Русіи... Василей Григорьевич Дровнин, волостель Соли Вычегодской дал... Оникѣю Өедорову сыну Строганову подъ варницу мѣсто пустое, а бывала на томъ мѣсте варница Васильевская Оскентьева, на льготу" на шесть лет, в течение которых Аника не платит „пошлины варничные и оброку до тех урошных" лет, при чем, истечение льготных урочных лет начинается, согласно условиям этой данной, с момента, когда Аника „дойдет росолу и заварит варницею". Эта грамота, данная ясельничим Вас. Григ. Дровниным [2], за своею волостельской печатью, показывает, что волостель имел право и поручение от власти выдавать льготы для поощрения промышленности. Старания правительства не остались бесплодными. На льготу потянулся сюда для работы монастырский и боярский капитал, в лице соловецких монахов и князя Юрия Ив. Токмакова, бывшего видной фигурой при дворе Грозного [3], но прочных корней им не удается здесь пустить. Мы видим, как предприятия этих новоприходцев скоро переходят в руки Аники Строганова, который постепенно, путем скупки, стягивает в своем владении ряд промыслов, конкурировавших с ним. Но если от

[1]) Грамота пока неизвестна, но о ней есть сведения у двух Строгановских историков, которые имели в руках текст акта: см. *Икосов*—„Истор. сведения о богат. и истор. заслуг. Строгановых". Перм. Губ. Вед., 1880 г., № 88 и *Волегов*—„Хронолог. реестр докум. и случ., относ. до ист. Строг.". Перм. край, III, 149 (Пермь, 1895).

[2]) В. Г. Дровнин с 1540 г. ясельничий, умер в том же чине в 1557 г.— см. Др. Росс. Вив., т. XX (М. 1791), с. 31.

[3]) О кн. Ю. И. Токмакове см. у *П. А. Садикова* — „Из истор. опричн. царя Ив. Грозн.", Дела и Дни, 1921, кн. 2), с. 14. *Ю. В. Татищев*—Местнический справочник (Вильна 1909), см. по указателю.

этих крупных капиталистов-солеваров Анике удается скупить их промыслы не без труда и по прошествии некоторого времени, в течение которого эти солевары сами хотели видимо укрепиться в Соли Вычегодской, то сравнительно легче идет процесс подбирания промысловых мест у мелких держателей, которые по несколько человек-складчиков имели в долевом владении солеварни. Так, из купчей и отводной от 1 августа 1540 г. мы узнаем, что Аника купил „за гривну денегъ московскихъ ходячихъ" половину места варничного у вдовы Ульяны Патракеевой, дочери попа, Ермолинской жены Плешкиной и у ее сына Юрия Ермольева. Этот участок, как говорят продавцы в купчей, „у нас то место [с] Ширяевыми вмѣсте, не в разделе по половинамъ". Купив жеребий Плешкиной, несколько позже Аника приобретает и другой Ширяевский жеребий, о чем мы узнаем из деловой братьев Строгановых от 1577 г. 29 декабря [1]). Из этой же деловой мы узнаем, что и все Ширяевское хозяйство, равно как и „Варонцовские путики", вместе с проданными варницами, переходят к Анике. Ширяевское хозяйство состояло из двора с 2 избами с подклетями и сенями, с двумя сенниками, погребом, мыльнею, двумя соляными анбарами, „да в городе... горница с подклетом и с сенями и с повалушею, анбар, погреб со срубом и кузница на полянке". Таких примеров освоения целых хозяйств Аникой мы можем по деловым насчитать целый ряд. Так были скуплены Аникой двор Якова Балакшина с срубами и с промысловыми колодезями, двор Осиповский с соляными анбарами, двор Некраса Кожина с рассольными трубами и с колодезями, Яшинский Плющиев соляной анбар и др. дворы,—все с полным комплектом всех необходимых хозяйственных строений, приблизительно, одинакового типа с перечисленными выше дворовыми строениями. В этих покупках виден хозяйственный расчет и дальновидность: если покупаются промыслы у кого-либо, то через некоторое время, если не удается купить сразу и двора, обязательно покупается и этот двор, не купленный своевременно, и наоборот. Из купчей 1585 года Афанасия Труфанова, узнаем, что последний продал Семену Строганову все то, что в свое время—„взял Семен у брата моего у Ѳонасья насильством" [2]). Таким образом, с территории, занятой Строгановыми в западной части посада,

[1]) Акад. Наук, Шувал. собр. Строг. столб., тетр. № 1, in 8°, деловая под № 3; деловые занумерованы буквенными числами копиистом XVI в., когда были списаны в эту тетрадь; в дальнейшем ссылаемся на эту нумерацию. Нумерация тетрадей сделана почерком XIX в., ею также пользуемся в своей цитации.

[2]) Истор. Музей, рук. собр. Е. В. Барсова, № 181[illegible] л. 5 об.

выбивались соседи конкуренты и промысел все дело сосредоточивалось в одних руках рачительного хозяина Аники. В тех случаях, когда в пределах территории промысловые участки уходили помимо Строганова в другие руки, Аника умел перехватывать из этих рук нужные ему участки. Такой пример видим из двух купчих 1562 года, от 2 марта, по которым приказщики кн. Юрия Ив. Токмакова от имени своего господина продают по отдельности цирен и варницу за семь рублей Өгапиту Еремееву Дудорову, и уже через шесть дней на этих купчих появляется надпись: „по сей купчимъ цырѣнъ і варницу Агапитко Дудоровъ продалъ Якову Аникѣеву сыну Строганова. А взял есми у Якова тѣ же денги семь рублевъ, а подписал Өгапитко своею рукою лета 7070, марта в 8 день“. Обширное хозяйство заставило Анику рано припустить к нему своих сыновей, которые с 20—25 летнего возраста становятся уже деятельными помощниками в сложном деле руководства и управления торгово-промышленными делами фирмы, которая кроме соляного промысла имела железодутный и кузнечный промысел, ярмарочную торговлю по селам Поморья и посадам Московского государства, добывала пушнину и имела оптовую и розничную торговлю всеми товарами, как своего производства, так и скупочного характера—все это обозначилось уже во время Аники. И в зрелом возрасте женившиеся его сыновья не отделяются от отца, а составляют одну большую и дружную семью, которая вместе ведет все дела и в которой, если и бывают семейные нелады и неурядицы, то все они подавляются властным авторитетом старика отца, про которого народное предание сохранило рассказ, где гневный Аника за непослушание свою непокорную дочь бросает в Вычегду и водворяет крутой расправой мир в семье. Единство в семье, конечно, поддерживалось не этими или не только этими способами внутри семейной расправы, чинимой главой семьи,—объединяла всех общая работа в большом деле, ведшаяся по привычным, стародавним, патриархальным образцам. И позже, когда после смерти Аники его сыновья разделились, мы можем наблюдать, что, несмотря на формально раздельное имущество, дела ведутся очень часто и во многих случаях от лица всех братьев, которые входят друг с другом в специальные, иногда письменные договоры, регулирующие общие их выступления. Это понимание общих интересов фирмы, диктуемое общностью экономических интересов, придавало большую жизненность торгово-промышленному делу Строгановых, предохраняло его от измельчания и распада.

Очерченная выше приобретательская политика Аники в конечном своем результате собрала значительное число варнич-

ных угодий и дворов с хозяйственными постройками, в которых разместилась большая семья Аники, так и его дворовые люди, занятые по промыслу, транспорту товаров и торговле. Из деловой от 29 декабря 1577 года, мы узнаем, что после Аники осталось десять варниц на полном ходу с необходимым оборудованием и запасными солеваренными принадлежностями, с трубами, из которых тянулся рассол, колодезями и пр. [1]). Сообщение местных летописцев и историков о 30 и 90 варницах, принадлежавших Анике, не подтверждается документами, и его следует считать творческим вымыслом писавших о хозяйстве Аники.

Тесно связанным с солеваренным промыслом представляется железодутный и кузнечный-железоделательный промысел, о развитии которого также заботился Аника. Железо было дорого и в то же время совершенно необходимо в варничном строении. Старый црен, например, Аника покупает в 1562 году за шесть рублей, в то время как все остальное оборудование варницы, вместе с местом и варничным двором, стоит всего один рубль. Цирены, душки и проч. железные части приходилось время от времени менять или чинить, так как они выбывали из работы из-за пережога, износа, а то и просто из-за поломки. В хозяйстве Аники имелись свои кузницы „на полянке, за дворами", за чертой посада, где его крепостные кузницы или кузнецы холопы занимались ковкой и изготовкой необходимых для промысла железных частей. Но этого мало, железо надо достать, покупка и провоз обходятся дорого, и Аника находит более выгодным для себя иметь своих рудознатцев и самому из болотистых, богатых железистой рудой мест заняться железодутным промыслом. Подыскиваются подходящие для организации добычи железняка болотистые, пустые места и челобитьем к царю выпрашиваются себе на льготу в вотчинное или оброчное владение. Нам известны два таких пожалования. Одно относится к 1556 году, когда 12 апреля Иван Грозный выдал разрешение Анике Федоровичу искать медные и железные руды на Устюге, в Перми и в ряде других мест. Другое пожалование относится к 1577 году, когда уже после смерти Аники была дана царская жалованная грамота Якову Аникиевичу на болотистые земли на Ваге в Содролинской волости, содержащие железную руду, с правом ставить домницы для дутья железа, из оброка по полуполтине с домницы („оброк по большой статье, потому жъ как оброкъ положенъ в Устюжском уезде на Цывозере"). Болота были даны с правом сечь близ лежащие леса для топлива домниц, но в

[1]) Ак. Н., цит. собр., тетр. I, № 3.

просимых льготных годах было отказано [1]). Эта нужда в железе для удовлетворения потребностей солеваренного промысла заставила наладить железодутное дело из болотистых руд и в Пермских вотчинах, где, например, по писцовой книге 1623—24 г. отмечается „да въ слободкѣ жъ въ Слудкѣ двѣ кузницы, а въ нихъ дѣлаютъ кричное желѣзо, руду емлютъ въ своей же вотчинѣ вверхъ по рѣчкѣ по Косьвѣ, на рѣчкѣ на Гниломъ Лугу“ [2]). По деловым 1577 г, мы узнаем, что братья по разделу дворовых людей разной ремесленной квалификации, между прочим, получили: Семен Аникиевич — „Тимошу рудовщика с семьею“ и Максим Яковлевич—„Ивашко Передерня рудовщика с женою“. Полагаем, что уже Аника имел налаженое железодутное дело, для чего у него была соответственная рабочая сила специалистов рудовщиков и кузнецов. Грамота от 13 апреля 1556 г., приведенная выше, определенно на это указывает. Техника производства железа при Анике была самая примитивная, это та техника, которую наблюдал Кильбургер в 1674 г. в крестьянских хозяйствах, где „крестьяне... железо делают ручными раздувальными мехами“ [3]). Но спустя 50—70 лет в Строгановском производстве железа мы видим прогресс: первобытная при Анике железодутная техника сменяется в начале XVII в. кричным („немецким“) способом обработки тех же болотных руд. Возможно, что Строгановы эту улучшенную технику позаимствовали от англичан, которые, как известно, по привилегии, полученной послом Рандольфом в 1569 г., получили право искать руду и строить для ее обработки заводы [4]). Строгановым было поручено грамотой от 8 августа 1570 г. следить за правильностью выполнения англичанами своих обязательств; доводя до сведения Строгановых, что „аглицким нѣмцам“ дано право „ставити у желѣзныхъ рудъ, гдѣ желѣзо дѣлаютъ, домницы“, грамота эта им поручает вместе с тем и наблюдение за этим промыслом [5]). Возможно, что Строгановы, несшие службу государственных

---

[1]) Подлинник в Центр. вотчином архиве села Ильинского, Пермск. губ., по Строганов. описи отд. I, № 3; в настоящее время находится в М. А. М. И. Д. Грамота дана на имя „данныхъ сборщиковъ и старостъ и целовальниковъ“ Содролинской волости на Ваге. Список XVI в., см. в Ак. Н., цит. собр., тетр. 2, лл. 1—1 об.

[2]) *А. А. Дмитриев*. Перм. Ст., в. IV, прилож., писц. кн. Кайсарова, с. 148, См. о других разработках железной руды на землях Строгановых у *Дмитриева*, ор. cit., в. I, с. 9; *Герман*, Истор. начерт. горн. пром. в России (Екатеринбург, 1810) с. 3.

[3]) *Б. Г. Курц*, Соч. Кильбургера (Киев 1915). с. 115.

[4]) *Hacluit*, Principal Navigations, III, 108—118

[5]) *А. А. Дмитриев*, Перм. Ст., в VI, сс. 130—131, впрочем, грамота напечатана в выдержках и искажения, по неисправной Волеговской копии; подлинник см. в Акад. Наук.

контролеров над предпринимателями англичанами, познакомились с их техникой производства выделки железа и эту технику позаимствовали. О том, что Аника имел сношения и постоянный контакт с англичанами, имеются сведения у историка XVIII в. Икосова, который, к сожалению, основательно спутал имевшиеся у него сведения по этому и по другим вопросам в одно целое. Икосов первый беспритязательно изложил историю рода Строганова по хорошим, имевшимся у него источникам, до нас не дошедшим. Проверяя Икосова, там где это возможно, легко убедиться в его добросовестности, он точен в своем пересказе царских грамот, а вся его история и есть собственно только такой примитивный пересказ [1]). Отсюда мы узнаем, что Анике Строганову в 1555 и в 1560 годах были присланы благодарственные царские грамоты за успешное выполнение всякого рода комиссионных поручений по покупке товаров в Архангельске и в др. городах для царского двора. Думаем, что закупка товаров для царской казны происходила и на Коле; так, упоминаемая Икосовым грамота от 1552 года, конечно, не могла говорить о каких-либо сношениях с англичанами в Архангельске, так как торговля с ними здесь началась не ранее осени 1553 года. Быть может, грамота 1552 г. имеет в виду именно торговлю с иноземцами в Коле, так как есть указания, что Аника принимал участие в Кольской ярмарочной торговле.

[1]) *Икосов*, „Ист. о роде и отеч. засл. фам. Строгановых". Перм. Губ. Вед., 1880 г., № 88. О проверке источников Икосова см. *А. А. Дмитриев*—„Забыт. труд Икосова о Строгановых" в „Изв. общ. археол., ист. и этногр. при Казанском У-те", т. XIV, в. 2, с. 148 и сл. Икосов так передает эти грамоты, сливая их содержание в одно целое: „его царское величество, по особливой к нему Аникию милости и знатности его, поручил ему и сыну его Якову в смотрение, чтоб как Англичане, так и другие иноземцы, которые, от порту города Архангельского проезжая с привозными товарами своими в Москву, оными у Соливычегодской и по другим Российским городам и уездам до самой Москвы теми товарами в розпь не торговали и продавали бы оптом, також имели бы смотрение, чтоб те Англичане пеньку не покупали и из оной канатов не спускали, а земские бы люди железоделаемых ручных домниц не имели и железо иноземцам не продавали и о корабельном лесе, который был бран из тех мест в продажу Англичанам, о том, присылали ведомости, поскольку оного в год на корабельное строение в продажу выходит; и какими они Англичане у Соливычегодской товарами торгуют—о всем том особливою грамотою его царского величества велено им, Строгановым, по часту в Москву уведомлять. А из привозных к городу Архангельскому немецких товаров, что надлежало ко двору его царского величества—ему ж (Аникию) велено покупать вольною ценою. Поручены ж были им, Строгановым, и другие комиссии, оное все от его царского величества приказанное и с пользою государственною и во удовольствие его царского величества чинено было без малейшего упущения, что тогда в похвалу, их, Строгановых, и грамотами 7060 (1552), 7063 (1555) и 7068 (1560) годов засвидетельствовано" (Перм. Губ. Вед., 1880 г., № 88, перепечатку см. у *В. Н. Шишонко*, „Перм. лет.",—I, 45—46). В этом изложении соединено вместе различное содержание 3-4, по крайней мере, грамот, до нас не дошедших.

В деловой от 24 января 7086 года упоминается „товар... что привезли к Москве с Мурмансково немецково торгу, товар всякой“. Из этой же деловой узнаем, что у Строгановых „на Мурманском же в Коле варница старая и с цырѣном и з двором“, „на Мурманском в Коле двор со всѣми хоромы и з заплотиною“, который была несомненно и местом склада товаров и торгово-агентурной конторой, того же типа и назначения, какие у Аники были в Москве, Коломне, Калуге, Резани, Переяславле Залесском, в Устюге В. и др. местах [1]). Варницы на Коле, заведенные Аникой, были ликвидированы в 1579 году, когда Семен Аникиевич дал их вкладом в Печенгский монастырь для вечного поминовения его родителей и его рода, впрочем, вынув из этих варниц самое ценное—цирены, которые в этот вклад не вошли. В деловых, писанных семь лет спустя после смерти Аники, находим много указаний, как на деятельность Аники, так и на комплекс хозяйственного фонда, созданного его трудами. Деловые эти, пока не опубликованные, тщательно различают имущество „старое“ и „новое“, при чем под старым всегда разумеется имущество Аники: „две горницы, старые Оникіевские с сѣнми и с комнатами и с подклѣтом“ и т. д., тогда как „новое“—это приобретения, сделанные уже после смерти Аники его сыновьями. Пользуемся этими деловыми 1577 года для определения имущества и характеристики хозяйства Аники, когда у нас не имеется других данных или когда эти данные недостаточны.

О крупной хлебной товговле Строгановых есть известие, к сожалению, относящееся ко времени, когда Аники уже не было в живых, но та картина крупных хлебных операций, ведшихся его сыновьями и внуками, спустя восемь лет после его смерти, говорит о том, что начало этой торговле было положено еще при Анике, его инициативой и предприимчивостью. Из памяти от 16 марта 1578 года, которую дал Никита Строганов своему дяде Семену и двоюродному брату Максиму, мы видим, что они в компании взяли на себя поставку овса, круп, толокна и муки въ Астрахань, на общую сумму в 2000 руб., при чем производили закупку продуктов через „запащиков“—мелких подрядчиков [2]). В первой половине XVI в., когда еще отсутствовала система государевой хлебной монополии, государство в нужных случаях

---

[1]) Ак. Н., цит. собр., тетр. in 8°, № 1, деловая под № 8; здесь же в Коле есть и „варница новая и с цырѣном в Лавне рекѣ и с двором“.

[2]) Ак. Н., цит. собр., тетр. № 1, память под № 14, от 16 марта 1578 г. Никиты Строганова, выданная им Семену и Максиму Строгановым о получении первым следуемых ему за поставку государева хлебного запаса 268 р. с Семена и Максима.

обращалось к частным поставщикам хлеба, из числа которых крупный капиталист Аника занимал не последнее место [1]).

Особенно же крупной статьей дохода в хозяйстве Аники являлась торговля пушниной, которую он вел из своего родового гнезда в Соли Вычегодской с сибирскими инородцами. Еще в начале XIX в. в Соли Вычегодской, а в Чердыни до начала февральской революции, были группы купцов-промышленников, ведших товарообменную торговлю с бродячими вогульскими и остяцкими народами и получавших огромные барыши от промена бус, безделушек, спирта и примитивных железных орудий и вещей на дорогие сорта мехов. Такого же типа товорообменная торговля существовала, без сомнения, и в глубокой старине, когда еще в Поморье была крепка Новгородская суверенная власть. Эта торговля носила явно хищнический характер с постоянным ущербом и насилием над инородцами. Вооруженные ватаги повольницы Новгородской не всегда мирно, чаще с угрозой и прямым примучиванием, производили односторонне выгодный для себя промен пушнины. Аника в первой половине XVI в. был одним из первых купцов, применивших новые методы в такой хищнической торговле, привычной, а потому и обычной. Аника постарался перейти в своих сношениях с инородцами от вооруженного насилия к добровольным сговорам, создавшим видимую выгоду для постоянно притесняемого прежде контрагента сделки. По существу, конечно, эта была та же торговля, эксплуатирующая малокультурного дикаря, но построена была на эффекте иного, чисто психологического подхода к дикарю, который видел теперь в новом купце приятеля и доброжелателя его нужд и потребностей. Сохранилось описание этих способов торговли Аники с сибирскими инородцами у ученого компилятора XVII в. гол-

[1]) По поручению Грозного Аника не раз выполнял крупные операции в пользу государевой казны. Например, Грозный в грамоте от 15 сентября 1566 г. сообщает: „писал к нам ты Оникей Строганов, что ты, по нашему наказу у Вондокурских и у Пачеозерских ключников нашъ оброчный хлѣб обмѣрил весь сполна“ и далее, приказывает:— „и как к вам ся грамота та прйдет і вы б часа того, тот хлѣб рож и овес весь и ячмень продали по тамошнему и по усолской ценѣ, почему у Вычегодцкие Соли меж себя ржи и овса и ячмени четверть купять. А что на том хлѣбе денег возмете, і вы б тѣ денги всѣ сполна привезли на Москву к нашей казнѣ и отдали в четверть діаком Дружине Володимерову да Өедору Рылову сполна“. Однако, эту хлебную операцию Аника проводит не один, грамота адресована „к Соли к Вычегодцкой Оникею Өедорову сыну Строганову, да Клинку Просужему, да Усолских деревень Офоне Князеву, да в Пачеозеро Өедору Пригину, да Калинке Мелентьеву, да в Баскаче село Тимошке Обакумову“. Аника у Грозного еще не „именитый человек“, а один из гостей, наиболее близких ко двору, в данный момент счастливого периода ливонских войн, ставящийся во главе операции, дающей возможность реализировать оброчный хлеб, в котором не нуждались, в деньги, в которых ощущалась острая потребность. Птг. фам. архив Строгановых столб., грамота от 15 сентября 7075 г.

ландца Витзена, который включил в свою книгу „Noord en oost Tartarye“ [2]) рассказ об этой торговле Аники. Это сообщение, сохраненное для нас голландцами Массой и Витзеном, в общем, по нашему представлению, верно передает картину товарообменной торговли Аники с сибирскими инородцами. Смелая предприимчивость, неустанная жажда барышей, уменье организовать сложную экспедицию в далекую Сибирь, наличность в составе дворни Аники инородцев и даже иноземцев, владевших туземными и русским языками, готовность рисковать и в то же время реши-

[2]) Витзен эти свои сведения о сибирской торговле Аники позаимствовал от Исаака Массы, который в свою очередь записал в нач. XVII в. устное предание о факте, бывшем за 50—70 лет до этого. Витзен рассказывает, что „Аника, богатый землею“, наблюдал, что самоеды и др. народы, имевшие особый язык, одежду, религию и нравы, „ежегодно спускались по р. Вычегде со своими товарами, торгуя с русскими в городах Соловычегодске (Osoyl) (что словом Osoyl Витзен называет именно Сольвычегодск, это ясно из дальнейшего текста, где он говорит, что Строгановы, накопив большие богатства, „построили... в Osoyl на р. Вычегде один прекрасный храм, там где они жили“, op. cit, 826), Устюге (Ustaga) на Двине, которые в то время были складочными местами для всего, между прочим и для мехов“. Наблюдая это, Аника, „побуждаемый большою жадностью, пожелал узнать, какими землями и где обитают народы, ежегодно приезжавшие в Московию для торговли вообще или для торговли драгоценными мехами... Этот Аника, полагал, что можно приобресть большие богатства, т. к. прекрасные меха, которые они привозили, представляли большую ценность, Аника тайком подружился с некоторыми из этих народов, а также послал некоторых своих рабов и слуг (Slaven en Knechten) с ними в их страну, приказав им хорошенько присмотреться к местности, через которую они поедут, и старательно отметить все их нравы и жизнь и поведение, чтобы представить точный отчет по возвращении. Это было исполнено, и тех, которые там побывали, он хорошо принял и проявил к ним особенную милость, но приказал им решительно молчать и сам сохранял про себя, никому не говоря про это. В следующем году он послал туда больше народу, а также несколько своих друзей с товарами малой ценности, как-то, немецкие безделушки (kramerye), бубенчики (Bellen) и тому подобное. Эти также, как и их предшественники, основательно пронюхали (doorfnuffelt) и осмотрели и добрались до р. Оби через многие пустыни и различные реки, которых там много, и очень подружились там с самоедами. Узнали, что меха там не имеют большой ценности и что там можно приобресть большое богатство... Так он (Аника) со своими друзьями торговали с ними в течение нескольких лет и стали Аниковичи (Anicony) очень могущественны и скупили повсюду кругом много земли, так что люди удивлялись этому страшному (schrikkelijke) богатству, не зная, откуда оно происходит. Строили они церкви в некоторых деревнях“... и т. д., см. *N. Witsen*, Noord en oost tartarye, etc., tweede deel, Amsterdam, 1785, p. 826—829. Это 3-е изд., напечатано без изменений со 2-го (Amsterdam, 1705) с той же пагинацией; сравнительно с первым (Amsterdam, 1692) второе издание подверглось коренной переработке: первая часть, сильно компилятивная, сокращена, но расширена новыми сведениями часть вторая, где идет речь о Сибири, о ее географии, этнографии и ее археологических древностях и т. д. Тоже см. в Recueil des Voyages de la Compagnie des Indes, I, 157. Ср. перевод с пересказом этого отрывка у Карамзина в „Ист. Гос. Росс.“, IX, прим. 651, со слов которого, всячески отступая от Карамзинского текста и часто фантазируя, давали свои сведения многие из писавших о Строгановых, см., напр., „Бирж. лист.“ 1882, № 57; „Вологод. Губ. Вед.“, 1839 г., № 50—52; „Вологод. Епарх. Вед.“ 1881 г., № 22; „Сев. Арх. 1827, т. 27, № 12, с. 288 и мн. др. Специально о Витзене см. монографии: *Bodel-Nyenhuss*, Verspr. Bysinderheden van N. Witsen etc. (1852) и *Gebhard*, Net Leven N. Witsen (Утрехт, 1881).

тельность, осмотрительность и осторожность в действиях, и, наконец, необходимый для налаживания большого торгового предприятия капитал—все эти характерные черты хорошего хозяина у Аники были налицо. Проложив себе дорогу в Сибирь, познакомившись с нею через своих агентов, Аника, через некоторое время, часть своих хозяйственных рассчетов начинает строить и в других территориальных областях. Разумеем здесь заведение им Пермских вотчин, земли для которых, заранее осмотренные и оцененные, в большом количестве Аника получает пожалованными от царя Ивана Грозного на имя своих сыновей с 1558 года. С этого года внимание Аники начинает двоиться: почасту живя в Пермских вотчинах со своими сыновьями Яковом и Григорием и налаживая здесь хозяйство сразу с широким размахом, заводя ряд соляных и железоделательных промыслов и устраивая пашню и новоприбылое население, Аника на время своих отлучек, оставляет в своем родовом гнезде третьего своего сына Семена и тем не менее не упускает из виду налаженные дела в Соли Вычегодской, постоянно заботясь о их улучшении и расширении. Получив огромные Пермские вотчины, Аника, не оставлял пушной торговли. Наоборот, есть основания думать, что она расширилась. Теперь пушнина получалась не только через Усть Вым, но скупалась и в Пермских вотчинах, склады мехов были не только в Соли Вычегодской, но и во всех городках и острожках Пермских вотчин. Понятно, что когда Грозный имел надобность в получении партии особо ценных шкурок соболей, то он адресовался сразу к Строгановым, видимо, постоянным своим поставщикам, которые из своих товарных запасов могли его удовлетворить. Сохранились отрывки частной переписки Грозного с Строгановыми по такому именно поводу. В грамоте Грозного читаем: „от царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русіи Якову Аникиеву сыну Строганову. Как к тебѣ ся наша грамота предетъ и ты бъ купилъ на нас соболей: сорокъ по осми рублевъ, и девяти рублевъ, и по десяти рублевъ, и по одиннадцати, и по двенацати и по тринатцати рублевъ, да и дорогихъ соболей одинцов купил сколько добудешь, да искупив тѣ соболи и одинцы прислал бы еси к нам часа того на борзѣ. А на которые соболи у тебя денег нѣтъ и ты б соболи поималъ на договорѣ. Да к нам отписал и мы к тебѣ за тѣ соболи денеги пришлем тотчас. Писана в Слободѣ, лѣта 7082 году, декабря в 12 день“. Яков Аникиевич Строганов, бывшій в это время в Москве, немедленно отвечал царю: „и яз, сирота твоя государевя, соболей на Москвѣ напытати не смоглъ. И дорогихъ соболей одинцов на Москвѣ не напытал же. А будет гдѣ скажут, соболи купя и к тебѣ Государю привезем“.

Через некоторое время „сирота государева, Якуш Строганов" опять пишет Грозному, что „в кою пору твоя Государева грамота пришла и в тѣ поры на Москвѣ соболей продажных не мог добыти ни у кого. А привезли, Государь, сорочек соболей не Перми наши на соляных судишках, а цена тому сорочку не нашей Пермской куплѣ десят рублевъ. А в кою пору твоя Государева пришла грамота о соболях, и яз, в те же поры, послал к Вычегде, и на Вым и в Пермь, а велѣл купити соболей сколко добудут" [1]. И действительно, Яков Аникиевич тотчас же послал царскую грамоту со своим письмом в Сольвычегодск к своему сыну Максиму и к своим Пермским приказчикам для экстренной присылки требуемых сортов пушного товара. Этот документ позволяет до некоторой степени подтвердить сообщение Массы и Витзена о торговле пушниной Строгановых с сибирскими инородцами через Вычегду и Усть Вым с одной стороны, и через Каму и Пермские вотчины Строгановых с другой. Конечно, сношения эти, особенно через Вычегду, начались не с 1573 года, к которому относится переписка Грозного с Яковом Аникиевичем, а значительно ранее, со времени Аники и его Сольвычегодского периода жизни.

Как характерную черту для крупного хозяйства Аники, хозяйства, как до сих пор мы видели, торгово-промышленного типа, следует отметить его тесную связанность с земледелием и крупным землевладением. Для XVI в. это, думается, не случайное соединение, а в условиях преобладающего натурального быта страны соединение торгово-промышленного капитала с земельным держанием—явление вполне обычное и об'яснимое. Рост денежного капитала был медлителен, страна жила по преимуществу самообслуживающимися мелкими крестьянскими хозяйствами, которые были единственно прочным фундаментом всей экономики для данного времени. Понятно, поэтому, что несмотря на относительную мощность торгово-промышленного хозяйства, впрочем, выражавшуюся не столько в денежном, сколько в товарном капитале, хозяйство Аники все-таки в некоторой своей части базировалось на землевладельческой основе. Эта основа подчеркивается в сообщениях Массы и Витзена, которые постоянно говорят об „Анике, богатом землею", „страшное богатство" которого выражается прежде всего в факте скупки „многих земель". И, действительно, во владении Строгановых мы видим значительный земельный фонд. Вокруг Сольвычегодска, равно как и в соседнем Устюжском уезде, у них были деревни на Виляди, Лахоме, Пачеозере, на Комарице, на Ватце, на Цы-

[1]) Ак. И., цит. собр.

воозере, ряд островов по р. Вычегде, ряд деревень вниз по р. Вычегде, по обеим сторонам Двины, в станах Ярокурском, Вондокурском в волости Вотложемской, деревни на Нимяди, Яре, Пице, ряд „пожен“, „полянок“, „присад“ и рыбных ловель—„деревни всѣ же и с лѣсами и с угодьи по купчимъ и по порянымъ и по крепостямъ“ [1]). Из сохранившихся земельных актов видно, что Аника и его сыновья приобретали земли не столько покупкой, сколько ссудно-денежными операциями под заклад имущества. Нужда в кредите гнала поморского крестьянина и мелкого промышленника к Строгановым, которые через ссуду и заклад сильно расширили свое землевладение. Эти функции банкирской конторы и ростовщика Строгановы выполняли теми же способами и на тех же основаниях, на которых работал капитал поморских монастырей.

Объединенные единым управлением и сеньеральным оброком, эти деревни входили в обширное хозяйственное целое Аники, отдавая лишь часть своей сельско-хозяйственной продукции, но оставаясь внутри самостоятельными и самоуправляющимися организмами. Собираемые, в виде ли оброка, или в виде других доходных статей, продукты сельского хозяйства частью шли на удовлетворение обширной Строгановской дворни и промыслового рабочего люда, частью же выделялись из хозяйства для продажи на рынок. Известно, что, например, сено, собранное в Сольвычегодских деревнях, большими партиями запродавалось Московским гостям-скупщикам, а в Пермских вотчинах, где не хватало своего хлеба для промысловых рабочих, на хлеб обменивалось сено и соль с промыслов в соседних уездах.

Обширное хозяйство Аники, дававшее большую продукцию промысловую, сельско-хозяйственную и скупочно-торговую, требовала соответствующего аппарата по организации транспорта, складочных помещений и пунктов для промена и продажи товаров в различных хозяйственных районах на территории Московского государства. Повидимому, Аника уже довольно рано не ограничился близь лежащими поморскими рынками сбыта и наладил ряд пунктов для сбыта своих товаров, как в столице, так, главным образом, в Приокских и Приволжских посадах. Деловые 1577 года о разделе судов, дворов, амбаров и проч. в различных городах, учиненные между Семеном, Максимом и Никитой Строгановыми, дают картину хорошо, не со вчерашнего дня, налаженного транспортного и распределительного аппарата в Вологде, Вел. Устюге, Москве, Коломне, Калуге, Переяславле Залесском, а позд-

[1] Ак. Н., цит. соб., тетр. № 1, in 8°, деловые под № 3, 13, 14; тетр. № 2 in 8°, лл. 1—10; М. А. М. Ю. писц. кн. по Устюжск. уезду №№ 506—507; Росс. Пуб. Библ., писц. кн. по Сольвыч. F. IV. 497, 501.

нее и в Рязани, Нижнем Новгороде, Казани и в некоторых других центрах. Из этих пунктов продажи и обмена товаров особую роль играла Калуга, бывшая для Строгановской торговли передаточным местом в Литву. Сюда привозилась не только в большом количестве соль, шедшая за рубеж, но водным же путем доставлялись сюда различные „товары и рухлядь“ с далекого „немецкого торгу в Коле на Мурманском“. В самой СолиВычегодской также были магазины для торговли, но большого значения они не имели, небольшой посад не мог служить местом большого сбыта Строгановских товаров; бо́льшую роль, видимо, играла торговля по селам Поморья, так, напр., в Никольском погосте была соляная лавка, с которой в XVII в. платилось 5 алт. оброку.

Интересно выяснить число Строгановской дворни во время Аники, обслуживавшей его хозяйство. Имеем данные только из деловых 1583 года, от 23 и 25 сентября, по которым Семен Аникиевич и Максим Яковлевич разделили своих людей, с 1577 года находившихся в их общем владении. По этим деловым мы узнаем, что у них было 233 человека в Соли Вычегодской без определенной квалификации и 38 человек с определенно указанной профессией [1]). Если к этому числу прибавить долю Никиты, который в 1577 году на свой „третий жеребий“ получил в половину меньше всякого рода имущества против вместе полученных двух жеребьев Семена и Максима,—то получим цифру в 406 человек. В 1570 — 71 гг., после смерти Аники, его сыновья Семен, Яков и Григорий разделились поровну, по третям. Нами полученная цифра в 406 чел., представляет число людей, пошедших в раздел в 1577 г. после смерти Якова и Григория Строгановых, значит к этой цифре надлежит прибавить еще 200 чел. Семеновской доли по разделу 1570—71 гг. Всего к моменту смерти Аники, следовательно, у Строгановых было приблизительно 606 человек дворни в Соли Вычегодской. По деловым начала XVII в. мы знаем, что это же Сольвычегодское хозяйство имело минимально 750 человек дворни [2]). Если учесть, что за 20 — 30 лет произошло увеличение дворни в 150 чел., и предположить такой же рост и во время хозяйствования Аники, то получим для сере-

[1]) Ак. Н., цит. собр., тетр. № 2, in 8°, лл. 10—16. Указаны следующие профессии из этих 38 человек: дьяков—5 чел., серебренников—2 ч., цренников—5 ч., седельников—1 ч., поваров—1 ч., рудовщиков—2 ч., кожевенников—2 ч., иконников—1 ч., конюхов—1 ч., кузнецов—2 ч., плотников—5 ч., сапожников—4 ч., плужников—1 ч., портных—1 ч., прикащиков-управителей—2 ч., варничных прикащиков—2 ч.

[2]) См. расчеты в нашей работе „Зам. по ист. труда в Росс. в XVI—XVII вв., очерк II. Строгановские иконники“ в „Архиве истор. труда в России“. Птг., 1922 г., кн. 3, с. 68, прим. 4.

дины XVI в. цифру приблизительно в 350—400 чел. для Сольвычегодского хозяйства Аники. В эти приблизительные цифровые расчеты совсем не вошло население Пермских вотчин, которое было довольно многолюдным; так, по деловым 1583 г. в одних Пермских вотчинах мы насчитываем крепостного населения у всех Строгановых до 1200 чел. Эти, хотя и грубо приблизительные расчеты, однако, должны нас заставить сильно заподозрить сообщение Флетчера о 20.000 чел., бывших у Строгановых. О том, что Флетчер давал фантастические цифры о пошлинах платимых в казну Строгановыми уже убедительно показано Середониным,—Флетчер, в данном случае „преувеличил платежи Строгановых ровно в 100 раз“ [1]). Думается, что сообщение Флетчера о людях Строгановых—плод такого же преувеличения. Кроме Соли Вычегодской и Пермских вотчин у Строгановых были люди в ряде городов, там где у них находились торгово-агентурные конторы, которые в приводимые выше цифровые расчеты не вошли. О том, что количество этих людей было значительно, может говорить деловая от 7 января 1578 года, по которой Семен, Максим и Никита Строгановы разделили между собой „полюбовно по третям, что было на Москвѣ кабал“, на общую сумму в 545 рублей. В Соли Вычегодской в этом же 1578 г. по деловой от 10 июня между теми лицами были поделены „кабалы всѣ и порядные и купчи[е] деревенские отписи“, на общую сумму в 541 р. 17 алт. 12 д. Таким образом, предположительная цифра людей, обслуживавших хозяйство Аники в 350—400—600 чел. должна быть еще несколько увеличена. Любопытен процесс собирания рабочей силы крупным хозяйством Строгановых. Попадали в крепостную зависимость к Строгановым „люди русаки по крепостѣмъ и полонские люди нѣмцы и литвяки по купчим... иманные и купленые“. За скупкой полонных людей и тюремных сидельцев Аника откомандировывает своих сыновей в Москву; знаем, например, что здесь „литвяков Яков ис тюремъ покупалъ“. Выкупались тюремные сидельцы и из провинциальных тюрем, так, около 1570 г., из тюрьмы в Ярославле был выкуплен Строгановыми иноземец Оливер Брюнель, Брюссельский уроженец, который впоследствии неоднократно состоял на службе у Строгановых,—он был у них торговым агентом по продаже мехов заграницей (в Додрехте, Антверпене, Париже); во главе разведывательных экспедиций был командируем Строгановыми дважды в Сибирь для обследования побережья рек Оби и Печоры; принимал участие в постройке двух кораблей на Сев. Двине, с помощью которых

[1]) *Середонин.* Соч. Д. Флетчера, как истор. источник (Спб., 1891), с. 209

Строгановы хотели наладить морское торговое сообщение с побережьем р. Оби, и нанимал экипаж для этих кораблей в Антверпене [1]. Особенно значителен был прилив крепостной рабочей силы с момента расширения основного Сольвычегодского хозяйства Пермскими вотчинами. Невежественное инородческое население этих вотчин легко могло быть эксплуатируемо и попадать в кабалу. С этим инородческим населением Строгановы не считались, как не считались и с правом собственности этих инородцев на их земли. Строгановы энергично осваивали их земли, несмотря на протесты и жалобы, которые приносили на Москве ходоки „вогулятники" и др., сбивали туземцев с насиженных мест и отгоняли их дальше, остававшаяся же часть населения попадала в крепостные Строгановых и уже в качестве таковых жила на прежних своих землях. Деловая от 6 декабря 1578 года всех таких инородцев—„вогуличи и остяки и татаров, которые в Пермѣ в Государском жалованье по сей день куплены" передает одному Никите—„и тѣ люди всѣ Никите" [2]). Из общей массы крепостного и зависимого люда в хозяйстве Строгановых должна быть отличена сравнительно небольшая группа, повидимому, вся из полных холопов, бывшая кадрами, из которых Аника, а потом и его сыновья и внуки, подбирали главных своих помощников, управителей, доверенных приказчиков и инструкторов-ремесленников по своему хозяйству. На этих людей в 1583 году, например, была написана особая деловая, когда 22 сентября они были поделены между Семеном и Максимом Строгановыми, в количестве 18 человек, с 1577 года бывших в общем их владении. Таких доверенных своих лиц Никита Строганов, оставшийся на Москве, посылает, вместо себя, с Семеном Аникиевичем и Максимом Яковлевичем в Соль Вычегодскую и в Пермские вотчины, где эти лица, Митя Колужанин, Янка Литвин, Степанка Немчин да Ларка дьячек Ярославец должны были, заступая место Никиты, разделить „всякого живота и скота и соли и хлѣба всяково и сѣна и кабал всяких кабальных и дворы и суды большие" и пр. имущество, в чем бы оно ни заключалось.

После отрывочного и беглого описания отдельных слагаемых, составивших в своей сумме Сольвычегодское хозяйство Аники Строганова, необходимо для полноты характеристики

---

[1]) *Литке*, „Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан", т. I. с. 122; *С. Ф. Платонов*, Иноземцы на русском сев. в XVI—XVII в. в „Оч. по ист. колониз. Сев. и Сибири", в II (Птг. 1922), с. 13.

[2]) Ак. Н., цит. собр., тетр. № 1, in 8°, деловые под №№ 1. 6. 10.

несколько остановиться еще на одной черте деятельности Аники, которая дает немало своеобразных и не менее характерных, чем его организационно-хозяйственная и распорядительная энергия, штрихов для цельного портрета Аники. Разумеем его церковное строительство и меценатство, его книжное коллекционерство и его религиозную настроенность, надевшую на него в конце жизни монашескую рясу. Заботы о церквах занимали всю жизнь Аники. Сольвычегодские храмы и по сию пору хранят в себе вещественные доказательства этих забот. И не они одни. В близ лежащем, например, от Сольвычегодска Коряжемском монастыре по монастырским вкладным „даянія въ монастырь старцы сочли" в год смерти Аники Өедоровича Строганова, и оказалось, что им было всего дано „по вкладной книгѣ двести тридцать восмь рублей семь гривенъ въ домъ въ тотъ же монастырь на Коряжму" [1]). Но церковное строительство Аники развернулось особенно широко с возникновением Пермских вотчин. Сохранились неопубликованные пока жалованные льготные и благословенные грамоты Московских митрополитов Макария и Афанасия на имя Григория Аникиевича, из которых узнаем, что Аника, через своего сына Григория, в 1559 году, т. е. на другой же год, после получения Пермских вотчин, уже обратился с челобитной к митрополиту Макарию, где испрашивал митрополичьего позволения и благословения на постройку церквей в новых своих вотчинах. Макарий удовлетворил это ходатайство и грамотой от 4 апреля 1559 года, разрешив постройку церквей и их устроение, дал вместе с тем и право называть необходимый церковный причт и освободил от всяких пошлин и поборов вновь возникающие церкви „на томъ новомъ мѣсте в царской Великого князя отчине, а въ своей митропольѣ в городѣ и на посадѣ", разрешив Строгановым, кроме того, не давать „митрополичьей дани", „данского корму" и „всяких зборных Петровских и Рожественских никоторых пошлин",—„до урочныхъ лѣтъ, доколе льгота", данная царем „отойдет". По миновании же льготного времени митрополит в грамоте обещает: „и мы к ним тогды пошлем писца своего и велим у них приходы описати, да по приходу на них и дань свою положити с выти по две денги". Такие митрополичие писцовые описания приходов в Строгановских землях, к сожалению, остаются неизвестными, а они бы дали прекрасный материал для характеристики церковного строительства Строгановых. Затем, эта митрополичья грамота, давая право суда по гражданским делам Строгановым, категорически из'емлет из их компетенции

[1]) Отрывки из вкладных приведены у В. Попова в его рукописной „Сольвычегодской старине" (Росс. Пуб. Библ., Q IV, 404), прилож. III, с. 68.

суд по духовным всяким делам—„а в духовных дѣлех Григорию Оникѣеву судити есми их не велѣл, в духовных дѣлех велѣти их Григорью давати на крѣпкие поруки и срочити имъ велѣти перед меня Макарья митрополита всеа Русіи к Москве“.[1]). Соприкосновение с обширным инородческим миром в Пермских вотчинах поставило перед Аникой новую задачу, потребовавшую разрешения Московского митрополита. „Нынѣча деи приходят к нимъ“, читаем мы в митрополичьей грамоте от 4 мая 1565 года, в части, излагающей существо челобитья Строгановых, „иноземцы татарове и вогуличи і югричи некрещеные люди и помышляют креститися в нашу православную христіанскую вѣру и их де и слобоцкие игумены и попы без нашего благословения крестити ихъ не смѣют“. Митрополит Афанасий дает необходимое разрешение на это обращение инородцев в православную веру в церквах Пермских вотчин Строгановых: — „і яз благословил, ослободил слободцких игуменом и попом приходящих иноземцов некрещеных людей крестити по оуставу о святых отець в наша православную христіанскую вѣру греческого закона“[2]). Тот же митрополит Афанасий, грамотой от 24 марта 1575 года, кроме того, подтвердил на свое имя известную уже нам грамоту митрополита Макария. Этими данными и ограничиваются наши сведения о сношениях Строгановых с Московской митрополией за время Аники Федоровича. Устроение вновь построенных церквей и их украшение отняло не мало внимания и средств Аники. Хотя следует отметить, что, повидимому, во времена Аники у Строгановых в Соли Вычегодской еще не возникли специальные иконописные мастерские и число мастеров иконников у него было незначительно. Как мы уже видели, деловые 1577 г. отмечают всего только одного такого ремесленника. Возникновение и развитие таких специально иконных, а может быть и ювелирных мастерских должно быть отнесено на время самостоятельной уже деятельности сыновей и внуков Аники после его смерти. Характерно, что Аника после себя оставил своим сыновьям „яхонту и жемчугу и перстней золотых и алмазов и серег всяких и лапы золотые“, однако, не в таком количестве, которое мы вправе были бы ожидать от такого крупного для своего времени капиталиста, а богатого платья после себя он и совсем не оставил, в то время как от его первой и второй жен Мавры и Софьи остался порядочный гардероб, в котором обычны „лѣтники“, „камчат желтой во швы шиты золотом и серебром на бѣлой землѣ с передцы сплетеными“, или „опашен скорлатной Маврин“,

[1]) Ак. И., цит. собр., тетр. № 5, in 8°, лл. 17—19 об.
[2]) Ibid. лл. 21—22.

ской с пуговицы серебряными“ и т. д. [1]). Конечно „горницы ослюдяные, старые Оникиевские“ были обставлены так, как полагалось большому капиталисту, в домашнем обиходе были и „ковши серебренные винные“ и „чарки серебренные“ и „ковши каповые“ и „часы песочные немецкие“ и т. д., но эта была позволительная роскошь, не переходившая границ. Единственно на что, повидимому, не жалелись деньги, это на покупку книг и украшение горниц иконами в дорогих окладах.

После Аники осталась целая библиотека в 206 книг различного, преимущественно духовного и религиозно-назидательного чтения. Но среди этих книг были и хронографы (2 ex.), летописцы русские (3 ex.), „летописец Троя“ (1 ex.) и летописец литовский (1 ex.). Первое место в библиотеке по своему количественному подбору занимали евангелия печатные, толковые, воскресные, „беседы евангельские Матѳей“, напрестольные, „евангелие Богослов“ и „евангелие Деонисия Ареопагит“ — числом 59 книг, далее, идут псалтыри печатные, писчие разных форматов — числом 21 книга, затем часовники печатные, „Маргарит“ — 32 книги, отдельные книги Ветхого завета „Удифь“, „Исус Навин“, „Есфирь“, „плач Еремеин“, „Исус Сирахов“, „притчи Соломоновы“, „Неемия“, „Ездры“, „Тоѳдея“ и „Еклесиаст“—числом 16 книг, жития святых „Ивана Златоуста“, Саввы Сербского“ „Стефана Пермского“ „Григория Анегранского“, „Паисия Великого“ —5 книг, поучения св. отцев„ Исака Сирина“, „Ѳедора Елесского“, „Вас. Великого“, „Ивана да Максима Ѳилософея“, „Георгия Писидита“, „Григория Богослова“ и „Афонасия Антиохийского“, и „книга св. отцев 8 глав“—8 книг, остальные книги, по 1—2 ex., падают на „каноны толковые“, „потребники поповские“, „правила св. отцев“, „соборнички“, „святцы“, „триоди цветные“, „странник Даниилов“, „Менандр лествица“, „взятье царей градских“, „Зерцало“, „апостольские послания“ и пр. Эта библиотека, собранная Аникой, долго обслуживала род Строгановых, она пополнялась его сыновьями и внуками, такими же книголюбами, и оставалась все время в родовом гнезде в Сольвычегодске, то дробясь по отдельным рукам наследников, то вновь собираясь в одном месте [2]).

Необходимость наличности икон в древне-русском доме у Аники вызвала особые старания по части их собирания и украшения. В иконы он вкладывал значительные капиталы, серебренные и золотые оклады, венчики из драгоценных камней и жемчуга, который добывался на реке Иксе, близ Сольвыче-

[1]) Ак. Н., цит. собр., тетр. № 1, in 8°, деловая 1578 г., янв. 2. под № 4 и деловая 1578 г., янв. 4, под № 5.

[2]) Ак. Н., цит. собр., тетр. № 1, in 8°, деловая 1579 г. июня 5. под № 9.

годска (во главе этого жемчужного промысла, по народному преданию, был „немец доктор и аптекарь“), дорогие киоты и божницы, частицы мощей, приобретавшиеся на Москве от заезжих гречан,—все это требовало расходов и на это не скупился обычно не расточительный хозяин.

Аника имел большую семью, был женат два раз и имел 13 детей, из которых, впрочем, большинство умерло в младенчестве, но три его сына Яков, Григорий и Семен, давшие потомство, составили особую Сольвычегодскую ветвь Аникиевичей, сохранивших фирму, богатство, энергию и предприимчивость своего родоначальника на многие годы. Аника умер монахом Иосафом 2 сентября 1570 года, постригшись в монашество уже на закате своей жизни; еще в 1566 году Аника не был монахом: от 16 августа 1566 года грамота Грозного дана на имя „Оникия Федоровича“ о принятии его с детьми в опричнину [1]. Постриг он принял в основанном им Пыскорском монастыре в Пермских вотчинах, но умер и был похоронен в своем родовом гнезде, в Соли Вычегодской.

Сводя в заключение указанные выше черты хозяйственной деятельности Аники Строганова, отметим, что он, повидимому, был одним из первых Строгановых, осевших основательно и прочно в Соли Вычегодской и развивших здесь многостороннюю и кипучую хозяйственную деятельность. Наблюдения над приращением и постройками дворов Строгановых, оцепивших собою особую западную часть города, показывают, что к 1577 г. они еще находились в периоде отстройки, избы, построенные Аникой, называются „старыми“, более старых, Федоровских или Лукинских построек не упоминается в документах—это может служить признаком того, что Строгановы в Соли Вычегодской появились сравнительно недавно, Аника это первый, или один из первых хозяев, который здесь основательно и прочно осел и начал обзаводиться фундаментальными постройками („каменные анбары“), домашним и промысловым обзаведеньем, на ряду с постепенно расширявшимися прикупками соляных промыслов и мест. Дело Аники продолжено его сыновьями и внуками на этой же территориальной основе. Сравнение деловых 1577 г. и 1610 г. убеждают нас, что дворы Строгановых сравнительно новые, продолжающие жить еще жизнью развивающихся организмов, возникших вряд ли ранее самого конца XV века, вернее же в начале XVI в. [2].

---

[1] Доп. Акт. Ист., т. I, 172: подлинник в Птг. фам. архиве Строгановых, грамота не описана, по старой Волеговской описи № 32.

[2] Деловые 1610 г. см. в ркп. Птг. фам. архива Строгановых, неописаны, по архивной нумерации XVII в. №№ 2, 3, 4—9, 26.

Большое капиталистическое предприятие с широко поставленным соляным, железодутным, скупочно-пушным делом и с хорошо организованным собственным транспортом и торгово-агентурным по различным городам страны аппаратом было, однако, тесно связано с основной экономической стихией Московского государства XVI в.—с земледелием и с крупным землевладением. Натуральное хозяйство в деревнях Сольвычегодских и Пермских, товарное и денежное хозяйство в промыслах уживались вместе, в одно и то же время и постепенно, в соответствии с общей экономической жизнью страны, переходили в денежное. Значение родоначальника Аникиевичей-Строгановых не только в накоплении мощного капитала, заключавшегося в различных, но постоянно отлично функционировавших отраслях его хозяйства, послужившего несокрушимым фундаментом солидному торговому дому Древней Руси,—оно может быть оценено и с точки зрения культурной. Сольвычегодское хозяйство Аники Строганова было одновременно и культурным очагом, распространявшим лучшую технику и знания в окружающей среде; так, долго жившее в Сольвычегодске сканное дело получило свое начало от Строгановских ювелиров; позже возникшие иконописные мастерские выработали особый стиль в иконописи, перенятый всей страной. Книголюб, храмоздатель и церковник, Аника Строганов оказывал и немалые услуги древне-русскому монастырю, тогдашнему центру просвещения, денежном вкладом, художественным украшением и постоянной поддержкой книжников-монахов. Подбирая отдельные черты практической деятельности Аники и его духовного склада, получаем типический и цельный облик древне-русского купца и культурного деятеля, создавшего не только крупную торгово-промышленную фирму, но давшего кое-что и русской культуре.

Андрей Введенский.

Грамоты полные.

История древне-русского частного акта до сих пор еще не написана, и в современной научно-исторической литературе, в которой есть труды по изучению отдельных актовых разновидностей разных авторов и разных направлений, мы не находим даже гипотетической схемы его развития. Одна такая попытка была сделана, но в далеком и забытом прошлом нашей историографии. Под влиянием гегельянских идей (в пере-

даче Ганса) и едва ли не отечественных скептиков (последних хотя бы отчасти) А. Станиславский, устанавливая для каждой эпохи ее „задачу, философски необходимую“, наметил три периода в истории частного акта: периоды символов, формул и, наконец, окончательного его развития, причем первые два периода им были об'единены, как эпоха „баснословной истории“ акта. Господство символов в первом периоде было для Станиславского легко об'яснимо „природою человека“: в „младенчествующем народе“ юридическая мысль только и могла проявиться в виде подобного рода „чувственных образов“. Их дальнейшая судьба явилась обусловленной общеизвестными принципами диалектической философии—они должны были исчерпать себя в своем развитии, чтобы дать место антитетическому состоянию. В полном соответствии с этим мы находим у Станиславского указания на то, что, чем далее, тем символы становятся „многосложнее и многоразличнее“, а подготовляя следующую ступень развития—свое отрицание, именно отрицание „чувственности“—они „очищались постепенно от материальной оболочки“ и стремились „найти для себя выражение более духовное“. Завершив таким путем свое развитие, эти „чувственные образы“-символы „необходимо исчезают“ и сменяются новою эпохою господства формул, которые „чужды совершенно вещественных образов“ и „живут единственно в слове“. Наконец, синтетическим звеном триады явился частный акт. Как и в других построениях гегельянства, и здесь рационализм сочетался с острым наблюдением некоторых моментов исторической действительности—это был такого же рода позитивистический рационализм, каким для некоторых является рационализм XVII в. (напр., для Е. Спекторского). Действительно, Станиславский отыскал элементы символизма, уже имея предшественника в лице Калмыкова (о других он не знал); формализм в праве он сам впервые увидел в выражениях „кратких, энергических“, где могли быть также „мера, созвучие, рифма“, как, напр., в распространенных выражениях наших актов—„куда соха, коса и топоръ ходили“, „купилъ съ лѣсомъ и съ...и со всѣмъ тѣмъ, что къ тому изстари потягло“, которые точно так же могли казаться пережитками формализма, как актовое „одерень“ — пережитком символизма [1]). Однако, состоятельной или несостоятельной является эта попытка сочетать умозрение с наблюдением, она осталась единственною целостною концепциею во всей нашей литературе. Она чужда нам теперь по своим философским пред-

[1]) *А. Станиславскій*, „Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества“, Казань, 1842, стр. 7, 41, 45, 77—79, 88—89.

посылкам, а без них она—рассыпанная храмина, антикварное собрание необъединенных наблюдений. Целью нижеследующих замечаний является дать некоторый опыт решения этой настоятельной дипломатической задачи построения эволюции частного акта. Не привлекая всех соответственных материалов, мы делаем предметом изучения полные грамоты.

I.

Хронологические рамки нашей работы могут быть установлены при помощи нескольких терминологических наблюдений. Различая холопство временное и вечное [1]), мы в истории последнего видим несколько терминологических эпох. Квалифицируя холопство, как холопство вечное, Русская Правда называет его „обельным"—термином, исчезнувшим из жизни уже в удельное время и, если встречающимся, то разве только в таком вообще граждански отсталом крае, как Рязань [2]). Тем новым термином, который в языке заместил для холопства его признак „обельное", было именно интересующее нас „полное". Впервые „полный" человек становится известен по документам середины XIV века. В двух своих духовных, писанных ок. 1356 г., в. кн. Иван Иванович дает людям своим „свободу, куда им любо" и в числе других также „полным"; несколько лет спустя, в 1368 г., договором между в. кн. московским Дмитрием Ивановичем и в. кн. тверским Михаилом Александровичем устанавливается, что „дани на полныхъ холопехъ не взяти, на которыхъ ключники цѣлуютъ". Два текста начала XV века говорят уже непосредственно о полных грамотах. Ок. 1406 г. в. кн. Василий Дмитриевич думает в духовной о княгине своей и закрепляет, что ей „тѣ люди, што есмъ ей подавалъ при своемъ животѣ, и грамоты полные тѣхъ людей у нее", а в 1410 г. кн. Владимир Андреевич, благословляя сына своего Ивана различными разрядами людей—бортниками, бобровниками, псарями и т. д.—допускает, что кто из них „не въсхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойди прочь, а сами сыну Князю Ивану не надобѣ, на которого грамоты полные не будетъ, а земли ихъ сыну Князю Ивану" [3]). От этих двух указаний начала XV в. дозволительно умозаключить, в согласии с их

[1]) *М. Владимірскій-Будановъ*, „Обзоръ исторіи русскаго права", Кіевъ, 1905, стр. 410.

[2]) Русск. Правда, Кар. сп., ст. 73—75, 119; *А. Юшковъ*, „Акты XIII—XVII в.в..." („Чт. М. О. И. и Др. Р.", 1898 г., кн. 1) № 30, где сочетается старое съ новым: „выдал въ польницу обѣль".

[3]) С. Г. Гр. и Дог., т. I, №№ 25 и 26. 28, 39.

содержанием, что начало существования полной грамоты уходит в XIV век.

Если эту начальную для истории полной грамоты дату удалось установить при помощи в достаточной мере элементарного чтения текста, то установить конечную дату ее несколько труднее: нет такого указного распоряжения, которое оборвало бы жизнь полной, и о полных грамотах говорит даже Уложение 1649 г. Однако, чтобы и в этом вопросе стать на твердую почву положительного изучения, нам придется опять прибегнуть к некоторым терминологическим наблюдениям.

В Уложении холопству отведена двадцатая глава: „Судъ о холопѣхъ“. Оставаясь в пределах вечного холопства и не касаясь смягченных его разновидностей, мы в этой главе обнаружим в отношении к нему термин, неизвестный еще первому Судебнику, лишь в одной статье оброненный вторым—„старинное“ холопство [1]). Ни юридическая природа этого состояния—тождество с полным холопством, ни генеалогия его—происхождение старинного холопства от полного, не вызывают разногласий среди историков [2]). И вот именно этому, сравнительно более молодому, термину принадлежит в Уложении очевидное господство. Ряд статей двадцатой главы так формулирован, что содержащиеся в них нормы распространяются либо на людей кабальных, либо на людей старинных, и это дилемма—третьей категории людей, людей полных, они как-будто не находят в современной им обстановке жизни. Так, ст. 11, устанавливая форму расспроса тех, кто не имеет отпускных, требует, чтобы им задавали вопрос, по чему они ранее служили, „по старинному ли холопству, или по кабалѣ“; ст. 13 предусматривает иск о том, что холоп крепок „по старинному, а не по кабальному холопству“; ст. 24, говоря о беглом холопе, расчленяет это понятие в „бѣглыхъ старинныхъ и кабальныхъ людей“. Нет, думается, нужды продолжать список этого рода иллюстраций [3]), и мы предпочтем указать на то, что нормы Уложения, которые по содержанию своему могли быть отнесены к одному только вечному холопству, терминологически отнесены именно к холопству старинному: ст. 31 говорит о тех, которые „написаны кому в духовной и порядной в приданыхъ“—это „старинные холопи“; ст. 29—об иске в отношении к „старинному холопу“; ст. 53—о тех, кто „старин

[1]) Судебник 1550 г., ст. 78; *А. С. Лаппо-Данилевский.* „Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ“, Спб. 1900, стр. 83) указал, что старинное холопство уже известно в XV веке.

[2]) Кажется впервые затронул этот вопрос *В. О. Ключевский* („Опыты и исследования“, Пг. 1919, стр. 210).

[3]) Ср. еще Уложение, гл. XX, ст. 87, 108, 115.

ного своего холопа или рабу отпустить на волю при себѣ, или по смерти его". Взятые во всей своей совокупности статьи эти способны создать впечатление, что время составления Уложения знает одно только старинное холопство [1]). Это впечатление может превратиться в убеждение, когда те пять статей XX-ой главы, которые все-таки упоминают о грамотах полных, вместо того, чтобы подорвать обосновываемый вывод, едва-ли сами не оказываются одним из оснований его прочности. Дело именно в том, что текст этих пяти статей не только не принадлежит к составленным вновь статьям, но имеет своим источником то совершенно очевидно, а то очень вероятно, тексты, среди источников Уложения являющиеся довольно старыми для того, чтобы к тому времени устареть. Очевидность, только что предположенная, может быть обнаружена в отношении трех из пяти этих статей, являющихся ничем иным, как стилистической переработкою статей второго Судебника [2]). Четвертая из статей — ст. 101 — хорошо известна, как камень преткновения для толкующих ее историков. Однако, для нашего вывода достаточно того, в чем они единодушны. И В. И. Сергеевич, и А. С. Лаппо-Данилевский считают вероятным, что эта статья — „казус", „специальный случай судебной практики", а отнюдь не общая норма законодательного характера [3]). Следовательно, здесь мы также имеем на лицо рецепцию, неизвестный источник которой нельзя, правда, хронологически приурочить к XVI веку, но зато сам казус таков, что он вполне согласуется с нашими предположениями: иск о холопстве по ст. 101 есть иск „по полной дѣда своего", и если этот судебный случай имел место даже в первой половине XVII в., то лежавшая в основе иска дедовская полная заходила бы в XVI в. При таком значении четырех статей, оставшаяся пятая, ст. 61, для которой нам не удалось найти источника, едва-ли не имела аналогичного происхождения. Все сказанное о двадцатой главе Уложения разрешает, думается, утверждать, что Уложение и его эпоха знают как об'ект нормативно-юридического воздействия исключительно старинное холопство; полное же холопство и полная грамота являются для Уложения архаизмом, терминологическую наличность которого в Уложении можно об'яснить только кодификационным дефектом — недостаточной

---

[1]) Уложение, гл. XX, ст. 77 и 79, говорит на ряду со старинными холопами также и о купленных: однако ст. 97—100 и 117 дают возможность установить, что последний термин относится исключительно к татарам.

[2]) Судебник 1550 г., ст.76—Улож., XX, 4 (конец ее), 5; Суд., 78 — Ул., 21. Суд., 79—Ул., 32.

[3]) *В. И. Сергѣевичъ*, „Древности русскаго права", Спб. 1909, т. I[3], стр. 149—151, пр. 2; *А. С. Лаппо-Данилевскій*, „Введеніе", Р. И. Б., XVII, стр. XI; пр. 14.

проработкой источников тех или иных статей [1]. Таким образом, конец существования полной мы должны отнести к последним указным упоминаниям о ней, ко времени не позднее начала XVII в. [2]).

Однако, даже в этих хронологических рамках историк полной грамоты захватывает значительный период с конца XIV и до начала XVII вв. Несмотря на это, в распоряжении историков до сих пор еще не было ни одной подлинной полной. Наличностью материала для изучения мы обязаны указу 1597 года, предписавшему „техъ холопей имена, которые у государей своихъ служатъ и которые холопи отъ нихъ побѣжали, и на нихъ крѣпости старые, и полные и купчіе и докладные и всякіе крѣпости и кабалы, записывати въ книги; а тѣмъ всякимъ холопьимъ крѣпостнымъ людскимъ книгамъ быти за діячею рукою, большого для укрѣпленія“. Выдержки из одной такой книги за дьячьею рукою Дмитрия Алябьева были напечатаны А. Б. Лакиером, другая такая книга напечатана по рукописи, не имеющей начала и конца, под редакцией А. С. Лаппо-Данилевского [3]). Давая сокращенный вид документа [4]), а не полную его копию, записные книги тем более теряют в своем значении для нас, чем существеннее для целей нашего изучения является формуляр документа, а не его юридическое содержание. Записывая документы иногда очень далекого прошлого, они заставляют с тем большею осторожностью отнестись к своему тексту, чем древнее сам тип документа, особенности формуляра которого легко исчезали, преломляясь в схеме привычного дьяку современного акта. Наконец, спешность и небрежность записей могут лишь усугубить трудности их изучения [5]). Ближайшее следствие всего отмеченного скажется уже в том, что ни действительное число полных, ни их

---

[1]) Неправильными в связи с этим окажутся те мнения, которые приписывают Уложению запрещение (запоздалое, если бы оно содержалось в Уложении действительно) поступать в полное холопство, как, напр., у того же *Сергеевича*, ук. соч., стр. 150—1.

[2]) Если не ошибаемся, последнее упоминание о полных находится в указе 1597 г. (*Владимірскій-Будановъ*, „Христоматія“, III, К. 1908, стр. 75 сл.). Подтверждение нашего истолкованія XX гл. Уложения можно найти в изучении духовных: среди просмотренного нами довольно значительного их количества в актах XVI в. без большого труда отыскиваются распоряжения о „полных“ людях, и таковых уже нет в актах первой половины XVII в.

[3]) *А. Б. Лакіеръ*, „Акты, записанные въ крѣпостной книгѣ XVI вѣка“. („Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“. М. 1855, кн. II, пол. I); „Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV—XVI в.в., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву“ (Р. И. Б., т. XVII, Спб. 1898). О них: *В. А. Егоровъ*, „Записныя холопьи книги дьяка Алябьева“ („Сборникъ статей, посв. С. Ф. Платонову“, Спб. 1911, стр. 462—470).

[4]) *А. С. Лаппо-Данилевскій*, ук. „Введеніе“, стр. VIII.

[5]) Там же, стр. V—VI, VII—VIII.

хронологическое размещение не совпадают с цифрами и датами книг [1]).

Весь этот наличный материал актов с той ограниченной дипломатической точки зрения, которая нас интересует, должно разбить на три группы—по трем типам встречающихся в них формуляров.

II.

Для характеристики первого типа актов в нашем распоряжении имеется лишь один акт. Алябьев так его записал:

„....Өедор Редров подал...полную за свинчатою печатью, а в полной написано: продалась Настасья Онаньина жена и (с) своею дочерью Татьяницею по своей воли без пристава Василью Борисовичу [2]) дьяку Останку и его жени и его дѣтемъ одерень в полницу, а взяли на собѣ два рубли новгороцкую, новгороцкими денгами. И послуси писаны....“ (Р. И. Б., XVII, № 409).

Нет возможности реконструировать на основе приведенной записи бывшую в руках дьяка полную, и это заранее обрекает наши наблюдения на значительную долю незаконченности. Их надо направить, в связи с задачами нашего изложения, прежде всего на хронологическое и топологическое приурочения акта. Два признака поданного Редровым акта дают определенную хронологическую нить: акт не датирован, а дата становится постоянным элементом в формуляре частного акта уже к концу XV в.; к акту привешена свинцовая печать, и это сфрагистическая деталь равным образом относит акт в XV в., последний век свинцовых печатей, после которого свинец был уже повсеместно заменен воском. Если в своей совокупности оба эти признака анализируемой полной могут склонить нас считать ее актом XV века, то второй из них, свинцовая печать, ведет нас в то же время к определенному топологическому заключению: в том же XV в. свинцовая печать является почти исключительною принадлежностью русского севера, для которого в средние века метрополией был Новгород, в то время как территория северо-восточных удельных княжеств знает для частного акта лишь восковую печать. Каково бы ни было происхождение

[1]) Р. И. Б., XVII, № 549—полная, а не докладная; № 62—не полная, а докладная; должны быть отнесены ранее №№ 350, 351, 353, 511.

[2]) Мы исправляем из „Василья Борисовича“, согласно росписи, указывающей принадлежность имени покупателю, а не приставу.

такого различия [1]), его наличность достаточна для заключения, что перед нами тип древнейшей Новгородской или иначе северной полной.

Переходя от этих предварительных наблюдений над составом удостоверительной части полной к ее тексту, мы остановимся на том существеннейшем из элементов текста, который, в конце концов, ляжет в основу нашей классификации типов не только полной грамоты, но и древне-русского частного акта вообще. Именно, Настасья продалась в полницу „одерень“.

У исследователей „символизма древне-русского права“ термин „одерень“ получал довольно однообразное истолкование. Они шли путем сравнительно-исторических аналогий от реального значения символики дерна на западе к предположениям либо доказательствам того же его значения у нас, но в актовой терминологии „одерень“ большею частью видели своего рода пережиток древности, термин с одним „отвлеченным смыслом“, успевший утерять свое реальное значение [2]). Если последнее мнение и способно возбудить наше сомнение, что ниже увидим, то общая наша ближайшая задача—несколько продолжить этот ряд наблюдений в специально дипломатических интересах. Нам важно установить, что в наличных текстах наших древних источников терминология, связанная с корнем „дерн“, довольно часта. Н. П. Павлов-Сильванский уже указал некоторые из таких словоупотреблений и словообразований. Таков общеизвестный текст Кормчей —„аще се дастъ человѣкъ или женщина у тошна времени, дернъ ему ненадобѣ“; отсюда и название для вечного холопа—„одерноватый“; отсюда же название актов „дерными“; „одерень“ или „вдерень“—распространенный термин для определения характера отчуждения собственности; наконец, реже встречающийся „подеренок“, то в смысле пополонка, то как название акта [3]). Однако, и при обилии и при устойчивости этой терминологии, она при ближайшем изучении получает довольно ограниченное и хронологически и топологически значение. В отношении топологии

[1]) Его надо приписать в известной мере культурным связям и влияниям *Th. Ilgen*, „Sphragistik“ (Grundriss Al. Meister'a I, 2), Leipzig, 1906, S. 327, указывает, что свинец употреблялся, как материал для печатей, в Византии, воск—на западе. Предположение о западном влиянии на удельную сфрагистику могло бы найти себе подтверждение в наличности такого влияния на изображения на печатях.

[2]) *Н. П. Павловъ-Сильванскій*. „Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ“, I прил. к „Феодализму въ Удѣльной Руси“, Спб. 1910, стр. 427 и сл.

[3]) Там же, стр. 433; „дерные“—*А. А. Ивановскій*, „Отчетъ о поѣздкѣ въ Архангельскую губ.“ („Сб. Новг. о-ва любителей др.“, 1911, V), №№ 2, 4, 5/6, 7, 10, 20, 21, также в Р. И. Б., XII. XIV; „подеренок“ — акт, Р. И. Б. XIV, ст. 221—2, „подеренок“—пополонок, Р. И. Б., XIV; 53, 65; *Сибирцевъ и Шахматовъ*, „Нѣсколько двинскихъ грамотъ“, № 121.

наши предварительные наблюдения над Останкиной полной лишь получают дальнейшее подтверждение. Уже Д. М. Мейчик, на основе имевшихся в его распоряжении грамот XIV и XV вв., указывал, что „заявление о том, что имущество куплено вдернь или впрокъ себе и детем без выкупа в актах, писанных вне Новгородских пределов, составляет скорее исключение, чем общее правило“; однако приводимые им иллюстрации исключений таковы, что исключают самих себя, оставляя общее правило уже без исключений [1]). Если в распоряжении Мейчика не оказалось актов XIV—XV в. с термином „вдернь“ вне новгородской территории, то достаточно взять любой сборник актов северного края, чтобы найти искомую терминологию в них без труда и не в малом количестве. Наконец, почти одновременная терминология Новгородской судной грамоты и первого Судебника ведет к тому же заключению: ст. 22 грамоты говорит об „одерноватом холопе“, которому „не послуховать“, —Судебник знает лишь „холопа“ (ст. 17, 20, 23, 40 и др.), специфицируя его „полной грамотой“ (ст. 66), а не „дерной“. Встретить „одерень“ можно разве только в таком удельном тексте, который относится к пограничным с Новгородом местностям, как напр., в Тверском княжении: для Московскаго князя „одерень“ это и есть чуждая ему „пословица новоторжанъ“ [2]). При таком топологическом значении, хронология изучаемого термина возбуждает гораздо менее колебаний. Входя в состав древнейшего частного акта, он исчезает из него в конце XV—начале XVI вв., и исчезновение его подводит нас к вопросу о правовом значении этого термина. Мы думаем, что ошибаются те, кто приписывает этому термину один только „отвлеченный смысл“. Не доказательство, которого нет ни у одного мнения, а косвенное соображение в виде довольно близкой аналогии пояснит, почему можно было бы с большим основанием говорить о реальном значении актового „одерень“, по крайней мере в отношении к древнейшим группам актов. Именно, если среди тех же северных актов мы рассмотрим состав купчих XV в. на землю, то мы в них найдем устойчивую клаузулу, которая читается: „а землю завел....“ [3]). „Завод земли“—это, как выяснено в лите-

---

[1]) *Д. М. Мейчикъ*, „Грамоты и другіе акты XIV и XV вв. Моск. Арх. Мин. Юст.“ (Опис. док. и бум., хран. въ М. А. М. Ю., кн. IV, М. 1884). Из 26 вне-Новгородских актов Мейчик думал найти выражение „вдернь или впрокъ себѣ и дѣтемъ безъ выкупа“ въ шести (стр. 69). Однако два из них прил. VIII, №№ 6 и 8), приводимые им, заключают лишь второе (нас неинтересующее) из этих „или“, тем самым заставляя думать, что Мейчик из-за юридического тождества этих выражений пренебрег их терминологическим различием.

[2]) С. Г. Гр. и Дог., т. I, № 28: также *С. Шумаковъ*, „Тверскіе акты“, Тверь, 1896 г., вып. I, стр. 155.

[3]) *А. А. Шахматовъ*, „Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в.“, Спб. 1903, стр. 26.

ратуре, и есть древняя, обычно-правовая, до-актовая форма укрепления собственности на продаваемый (или вообще передаваемый в собственность по какому бы то ни было юридическому титулу) земельный участок. В XVI веке она исчезает из акта. И понятно, она исчезла именно потому, что акт стал так укреплять сделку, что, вполне удостоверяя ее совершение, он делал излишними какие бы то ни было другие формы ее укрепления, в частности те до-актовые, которые он собою вытеснил. Однако, только что приведенная особенность купчих XV века нас убеждает, что частный акт не сразу стал на место до-актовых процессуальных норм обычного права, и что он пережил две эпохи своей истории: из них первая—переходная от до-актового периода к собственно актовому, и в эту эпоху сам акт об этом свидетельствует наличностью в своем составе указаний на одновременное с совершением акта обычно-правовое до-актовое действование (в нашем случае—„завод"); и только во вторую эпоху эволюция акта (о смысле которой см. ниже) приводит его к исключительному господству. Эти до-актовые элементы в раннем типе акта — налицо не только в истории русского акта, но и западно-европейского в тот момент его истории, когда, подобному русскому, акт начинает заменять собою вековые формы более раннего укрепления сделок [1]).

Возвращаясь к полной и к тому значению, которое мы склонны придать в ней термину „одерень", думаем, что сделку самопродажи в холопство, которая, согласно указанию Кормчей, укреплялась символической обрядностью, ранний акт мог укреплять, лишь сочетаясь до времени с тою древнею формою, которую ему предстояло в процессе своей эволюции заместить. А это ведет именно к реальной интерпретации раннего актового „одерень", даже в том случае, если позднее оно и стало одною отвлеченностью, что, ведь, является общею судьбою целого ряда терминов и слов.

С точки зрения устанавливаемого понимания данного типа акта, как переходного, можно перейти к анализу Алябьевской записи и попытаться дать ей некоторое истолкование. Текст акта состоит из двух клаузул, из которых первая („продалась...") обозначает контрагентов и содержание сделки, вторая („а взяли на собе...") излагает ее условия. Вторая для нас ясна. Первая заключает в себе несколько элементов: продалась (1)... по своей воли (2) без пристава (3)... одерень (4) в

[1]) Ср.: *В. Б. Ельяшевичъ*, „Очеркъ развитія формъ поземельнаго оборота въ Россіи" (Изв. Спб. Политехн. Инст.. т. XVII (1912 г.), отд. наук эконом. и юрид.), стр. 223 и сл.; *H. Brunner*. „Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunde", Berlin, 1880. Bd. I.

полницу (5). Только второй и третий из этих элементов, думается, требуют здесь своего истолкования. „По своей воли“— исключительная принадлежность древнейшего типа полных, как новгородских, так и северо-восточных. Однако, это столь общий и столь распространенный элемент самопродажи в холопство, что его в довольно точном переводе—spontanea voluntate— можно встретить и в западно-европейских варварских правдах [1]. Весьма возможно, что его наличность только в древних типах актов была обусловлена связью между ним и до-актовыми способами совершения сделки: символическая обрядность должна была сопровождаться произнесением известных формул. Труднее с третьим элементом данной клаузулы: „без пристава“... Он, опять-таки, принадлежность древнейшего типа актов, в то время как позднейшие почти всегда включают указание на его приход. И можно именно поэтому предположить, что это вставка, дело рук записывавшего акты в книгу дьяка, знакомого с позднейшим формуляром, ибо как могли бы знать в XV в., что именно станет элементом позднейшего акта, и его отсутствие отмечать.

Вслед за текстом идет удостоверительная часть: „и послуси писаны“. Мы думаем, что значение этой клаузулы в корне различно в древнейшем акте переходного периода, с одной стороны, и в позднейшем—с другой. В то время, когда еще живет либо символистическая либо какая другая форма до-актового укрепления сделки, свидетели должны свидетельствовать именно ее, быть, как говорит один из самых видных дипломатистов —Handlungszeugen [2]), и лишь потом акт ослабляет старое, перехватив свидетелей, и заставив их удостоверять не сделку уже, а себя самого. Если так понимать значение свидетелей в переходном акте, то эта клаузула его составит отдельную вторую часть— удостоверение сделки.

Чем же удостоверен сам древнейший акт? В этом отношении он пережил едва-ли не существеннейшую для себя эволюцию, и начал на новгородском севере с того, что выдвинуло его значение и в Западной Европе, с печати [3]). Одною печатью и ограничивается полная, если записка акта в крепостной книге верна.

[1]) *J. Grimm*, „Deutsche Rechtsaltertümer“, Göttingen, 1881³, S. 327.
[2]) *J. Ficker*, „Beiträge zur Urkundenlehre“, Innsbruck, 1877, Bd. II, § 193, S. 5.
[3]) *Th. Ilgen*, ук. соч., с. 359 сл. и во всех курсах дипломатики. В русской литературе правовое значение печати, кажется, еще не получило освещения. Иллюстрациями придаваемого ей значения могут служить такие тексты, напр., „а на то послухъ печать Св. Спаса“ (*Е. В. Барсовъ*, „Палеостровъ“, стр. 127, ср. там же, № 22), или „а печать к сей грамоте приложил сопчя поговоря с земьскими людьми да и с попомъ...“ (*Федотовъ-Чеховской*, „Акты...“, т. I, № 17), или, наконец, частое в двинских актах „у печати стоял“ (*А. А. Шахматовъ*, ук. соч., стр. 27).

Наши наблюдения над древнейшей новгородской полной закончены и дали, думается, некоторый итог. Акт предстал, как акт переходной эпохи. Он начинает свою жизнь в среде, где сделка укрепляется традиционными символистическими действиями. Не замещая их сразу, он сперва становится на ряду с ними, чтобы лишь затем достигнуть этого вполне.

„Одерень", „свободная воля", послухи, — все это акт был вынужден включить в свой состав в чуждом для себя значении, и одною печатью начал историю удостоверительной своей части.

III.

Вторая группа изучаемых актов состоит из девяти полных. Образцом этой группы может служить запись в книге следующей полной:

„Доложа третника Верейского [имярек]... купил [имярека] собѣ и своимъ дѣтемъ в полницу: а далъ на нихъ..; а продались ему по своей воле без пристава. И послуси писаны. Грамоту писал... У полные печать..." (Р. И. Б. XVII, № 514).

Тем термином, который требует в предлагаемом формуляре ближайшего изучения, является „доложа", потому что именно он обособляет эти девять актов в единую замкнутую группу. Вокруг понимания доклада и оценки его значения сложилась известная научно-литературная традиция. Наиболее четко ее выразил применительно к полным В. И. Сергеевич. Приведя полную без упоминания о докладе, он замечает: „в XVI в. этот старый порядок получил некоторое дальнейшее развитие, заключавшееся в установлении строгого правительственного надзора за сделками об отчуждении личной свободы" [1]), что и сказалось, по его мнению, в докладе. Так, доклад предстает, как позднее явление, как акт правительственного контроля. Можно не отрицать вероятность и даже действительность того, что доклад в XVI в. имел известную долю такого значения, и в то же время решительно отвергать приемлемость такого понимания доклада в применении к документам более древним, в частности к древнейшим полным, а также к другим разновидностям частного акта.

Уже особенности датировки актов заставят нас переставить эти предполагаемые последовательные моменты эволю-

[1]) *Сергѣевичъ,* ук. соч., I[3], стр. 145—146.

ции полной. Вся группа актов, имеющих упоминание о докладе, не датирована, в то время как из 48 актов без такого упоминания не датированы лишь три [1]). Один этот признак мог бы нас заставить поколебаться в верности суждения В. И. Сергеевича. Несколько расширив круг наблюдений в сферу других актовых разновидностей, мы сможем лишь укрепиться в обратном утверждении. Акты из сборника Кирилло-Белозерского монастыря, напечатанные Н. Г. Дебольским, допускают сравнительно точную датировку. И вот, из 27 купчих за 1397—1435 г.г. только в одной нет упоминания о докладе; из 11 купчих 1435—1447 г.г. его нет уже в трех, что составляет четверть актов этой группы; акты позднейшие не носят следов доклада. Наблюдение, аналогичное только что сделанному, имеется в труде М. И. Горчакова в отношении митрополичьих актов: начиная с конца XV века, когда на митрополичьей кафедре находился митрополит Симон, акты предстают в своем позднейшем виде, без доклада [2]). Если принять тот факт, что отметка о докладе присуща древнейшим типам актов, и что она исчезает из текста актов поздейших, то некоторые формальные моменты доклада, думается, помогут об'яснить это его вымирание.

Отнюдь не имея возможности дать здесь ни обзора литературных мнений, ни, тем более, сопоставить значительное количество текстов, укажу лишь, что общепринятое понимание доклада находит себе основание в том общепринятом позднем словоупотреблении XVI в., прецеденты которого можно найти и в XV веке. Когда известный соборный приговор 11 мая 1551 г. говорит, чтобы „впредь Архіепископомъ и епископомъ и монастыремъ вотчинъ безъ царева Великого Князя вѣдома и безъ докладу не покупати ни у кого“, или когда мы находим требования рубить лес, ловить рыбу и т. п. лишь с доклада, то в этом контексте доклад только и может обозначать явку, иногда, быть может, связанную с предварительным разрешением [3]). Однако, доклад раннего времени предстает в более содержательном значении. Лапидарная форма „доложа...“ в немногих актах получает полное свое выражение. В конце XV века Иван Семенович Корабья купил у Васьки Чернеева село Недоходовское и дал на

---

[1]) Р. И. Б., т. XVII, №№ 163, 291, 409.

[2]) *Н. Г. Дебольскій*, „Гражданская дѣеспособность по русскому праву“, Спб. 1903, прилож. А, №№ 41—76: *М. И. Горчаковъ*,„О земельныхъ имуществахъ всероссійскихъ митрополитовъ и т. д.“, Спб. 1871, стр. 96—относит отмеченный факт к распоряжению митрополита, однако эта догадка не основана ни на каких данных.

[3]) А. А. Э., т. I, №№ 227, 112; А. И., т. I, № 91: *Д. М. Мейчикъ*, ук. соч., стр. 106.

нем 15 рублей. Рязанский акт, запечатлевший эту сделку, так излагает процедуру доклада: „Се билъ челомъ Великому Князю Василью Ивановичу... Корабья, а ркучи тако: купилъ есми, господине, собѣ у Васьки у Чернѣева..... село Недоходовское...., а далъ есмь Васьки на томъ селѣ 15 рублевъ; а се г-не, Васько Чернѣевъ предъ тобою. И Князь Великій вспросилъ Васьки: продалъ ли еси село свое Недоходовское Корабьи, а 15 р. у него еси взялъ ли? И Васько Чернѣевъ тако реклъ: продалъ есми Корабьи село свое Недоходовское...; а взялъ есми у него 15 рублевъ. А тогда были у вел. кн. бояре...“ [1]). Совершенно аналогичной только что приведенной форме является форма судебного доклада, хотя некоторыми авторами, и для XV века, думается, не без основания, оба вида доклада различаются. Судебный доклад довольно часто рассматривают, как древний термин для обозначения апелляции, согласно которой дела восходят от низшей инстанции к высшей, или для такого же восхождения по некомпетентности ли судьи, трудности ли дела и т. д. Но уже Н. Л. Дювернуа заметил, что доклад „ничего общего не имеет ни с производством по жалобе, ни с апелляцией“: он — „продолжение процесса, начатого перед судьей“. Вот схема такого доклада на суде: „И судья Великого Князя Иванъ Котена предъ Великимъ Княземъ Иваномъ Ивановичемъ сталъ и списокъ положилъ; и истцы стали же. И Князь Велики, выслушавъ списокъ, спросилъ обоихъ истцовъ: был ли вамъ таковъ судъ? И истцы таки ркли: былъ намъ, господине, таковъ судъ. И Князь Велики Иванъ Ивановичъ велѣлъ Ивану Котенѣ.. оправити... обвинити... А на суде были у Великого Князя Ивана Ивановича...“ [2]). Думается, что очевидное тождество формы этих двух видов доклада—упоминаемого в актах и судебного—позволяет предполагать их единство в более раннее время. Более того, одна из немногих поздних купчих с упоминанием о докладе их прямо сближает своим текстом: „а на докладе были перед выборными судями сотцкой Великосолской... да мужи...“ [3]). Действительно, то же самое явление наблюдается в отношении символики дерна: в одной и той же внешней форме он фигурирует

[1]) *И. Пискаревъ*, „Древнія грамоты рязанскаго края“, Спб. 1854; ср. *С. А. Шумаковъ*, „Угличскіе акты“, № LII.

[2]) *В. Н. Сторожевъ*, Энц. Слов. Брокгауза-Ефрона, т. X, s. v. „Докладъ“, „Докладная грамота“; *Н. Л. Дювернуа*, „Источники права и судъ въ древней Россіи“, М. 1869, стр. 410; А. Ю., № 4 и др

[3]) *Н. П. Селифонтовъ*, „Описи документамъ архива б. Большесольскихъ посадской избы и ратуши XVI — XVIII в.в.“, Спб. 1902, стр. 28, купчая № 7 (1559 г.).

и при совершении сделки, и в судебном процессе [1]). Это сопоставление необходимо продолжить.

Изучая новгородский акт древнейшего типа, мы пришли к заключению, что он носил переходный характер: сохраняя элементы до-актового совершения сделки, он вместе с тем знаменовал его полную замену. Мы видели, что на новгородском севере, и только там, такою до-актовою формою совершения сделки была известная символистическая обрядность. Не подошли-ли мы теперь вплотную и к вопросу о том, какою-же была форма до-актового совершения сделки на удельной территории? И не дает ли нам эта вымирающая форма древнего доклада пути к его разрешению? Думается, что она дает.

П. Н. Павлов-Сильванский уже отметил те средства, которыми церковь боролась с языческим символом дерна, заменяя его иконою. Однако, и хождение с иконою было вытеснено, и один из споров XV века дает возможность установить местную тенденцию этого вытеснения. Когда старожильцам Кириллова монастыря пришлось отводить спорную землю, им было указано—„тѣ земли спорные... отвѣсти Пречистому Кирилову монастырю безъ иконы, а отвѣсти тѣ земли спорные по Великого Князя крестному цѣлованью“ [2]). Власть князя стала в удельной территории на место одного из видов обычного права. Но, вытеснив символизм, она, в до-актовом периоде, остается подчиненной другому виду того же права. Именно, тождество формы двух видов доклада заставляет в этой форме видеть некую постоянную формулу того же древнего обычного права. Такое значение доклада могло бы найти себе аналогии, подобно дерну, и на западе. Однако, сами историки запада жалуются как раз на то, что „специфическая форма рѣчи“ при совершении сделок еще до сих пор не изучена, что и там все внимание уходит на символистические элементы древнего процесса, а не на формалистические. Да, кажется, подобного рода формалистические процессуальные моменты получили свое полное развитие только в гражданском обороте древнего Рима [3]). Итак, наше предположение сводится к установлению на удельной территории свойственной только ей до-актовой формы укрепления сделок: тождественная с формами древнейшего судебного процесса, она требовала совершения сделки в присутствии князя, либо его

[1]) *Н. Н. Павловъ-Сильванскій*, ук. соч., стр. 427.

[2]) Там же, стр. 429; *А. Өедотовъ - Чеховской*, „Акты, относ. до гражд. распр. др. Россіи“, Кіевъ, 1863, т. I, № 14.

[3]) *St. Schwerin*, „Deutsche Rechtsgeschichte“, Leipzig, 1912, S. 138 относительно „verba solemniter concepta“: *A. Heusler*, „Institutionen des deutschen Privatrechts“, Bd. II 1885, § 176, Sollenitäten und Symbole, SS. 68—72; ср. *С. А. Муромцевъ*, „Гражданское право древняго Рима“, М., 1886, стр. 140 сл.

агента совместно с „мужами“, совершения путем наличной в обычном праве формы говорения [1]).

С такой точки зрения нами может быть изучен древнейший тип полной грамоты, некоторыми своими чертами переходящий непосредственно и в позднейший акт. Текст древнейшей удельной [2]) полной дает тот же состав клаузул, что и новгородская полная: первая означает контрагентов и содержание сделки („Доложа..... пмярекъ купилъ нмярека собѣ и своимъ дѣтемъ въ полницу“), вторая — условия последней („а дал на них“...), третья обычно особо выделяет являющийся слитным в записи новгородского акта момент свободной воли и отсутствия пристава („продалися по своей воли безъ пристава“). Однако, в двух актах третья клаузула терпит видоизменение, характерное для позднейшего акта: она опускает слова „безъ пристава“, и тем самым ведет за собою появление обычной в позднейших актах четвертой клаузулы касательно взимания тамги и осмничего („а тамгу и осмничее взялъ отъ...“). Третья клаузула этого типа совсем выпадет в позднейшем акте. Труднее несколько вопрос об удостоверении сделки, и потому, что Алябьевская запись не дает возможности строить прочные выводы. Однако, те немногие другие акты, где доклад развернут, равно как и судебные акты, ссылка на которые выше уже была сделана, с одной стороны, всегда указывают, кто присутствовал на докладе, с другой — никогда не называют их послухами. Среди наших же полных — в четырех Алябьев совсем никого не отметил, в осталь-

[1]) Мы не останавливаемся детальнее на докладе, однако можно указать, что не все виды актов пережили такой момент своей истории. Так, духовные не докладывались, а являлись (*А. Рудневъ*, „О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому гражданскому праву“, К. 1895, стр. 60; *Мейчикъ*, ук. соч., стр. 97, с колеблющейся терминологией); то же можно сказать относительно данных (у Дебольского, напр., из 35 данных только одна доложена, Мейчик же, всегда отмечающий „явочный“ способ совершения сделки, о докладе известных ему данных не упоминает). Возможно было бы также развить положение о территориальной ограниченности (на удельной территории) древнего доклада: среди двинских грамот у А. А. Шахматова находим лишь одну с упоминанием о докладе, но другого значения — покупщик „о торговли докладывает... отчича“(22); сравнивая Судебник 1550 г. с северным Судебником 1589 г., мы заметим, что, заимствуя статьи из Царского Судебника, северный Судебник систематически опускает слова „доклад“, „докладной“, очевидно, местным условиям совершенно чуждые (ср. ст. Царского Судебника 76, 77 и 79 со ст. Судебника 1589 г.—137, 138, 140, 142, 143). Что же до хронологии доклада, то различая древнюю („реальную“) и новую („отвлеченную“) эпохи его истории, приходится последнюю заканчивать XVI веком; переживание его внешних элементов можно видеть в новых формах „роспроса“ при совершении позднейших актов.

[2]) Три акта доложены третнику Верейскому (Р. И. Б., №№ 513, 514, 527), два наместнику Переяславскому (Р. И. Б., №№ 377, 550) и по одному наместникам Верейскому (№ 145), Дмитровскому (№ 411), Костромскому (№ 517), неизвестному (№ 516).

ных назвал их послухами. Мы можем видеть здесь либо употребление дьяком привычного ему термина, вместо архаического „а на докладе были...". которое было в позднейшем типе акта замещено послухами; либо действительное внедрение нового для частного акта термина в неустойчиво-переходной моментъ его истории. Наконец, удостоверительная часть акта состоитъ изъ клаузулы о писце и из печати.

Вторичный итог наших наблюдений по существу тождествен с первым. И этот тип акта носит переходный характер. Однако, отличие до-актовых форм сделки на севере и в удельной Руси произвело столь же значительное отличие и в формах древнейшего акта обоих территорий.

IV.

Третья группа полных—наиболее численная. Самые ранние из них еще не датированы, а первый датированный относится к 1489 (? или 1491) году; последний относится к 1554 г. [1]). Эти позднейшие полные прежде всего характеризуются тем отрицательным признаком, что в них нет элементов до-актового укрепления сделки. Как выразился Heusler в ранее цитированном месте своих институций, было бы „роскошью" сохранять эти до-актовые элементы, раз только акт начал внедряться в обиход гражданского оборота. Однако, вместе с их исчезновением должен был измениться облик частного акта: его удостоверительный аппарат получил теперь исключительное значение, потому что, ведь, только он один, доказывая подлинность акта, тем самым доказывал действительность совершившегося правоотношения. К сожалению, наша разновидность акта—полные грамоты—не дает возможности наблюдений над тем, как частный акт выростал в процессе борьбы за свое существование. Этому естественному процессу эволюции полной помешало правительственное воздействие. Мы видели, что некоторые исследователи уже предполагали наличность последнего, думая найти его в докладе, переносимом ими из начальной истории полной в ее конечную историю. Не следуя за их догматическим и анти-историческим истолкованием доклада, упоминаемого в актах, мы эти меры государственного контроля над полной найдем в явлениях, которые в гораздо большем соответствии будут находиться с культурно-правовыми новообразованиями постепенно выростающего приказного строя.

[1]) Арх. ист.-юр. св., № 4; Р. И. Б., XVII, № 356.

В духовной в. кн. Ивана Васильевича, относящейся к 1504 г., читаем впервые распоряжение о том, что „грамоты полные и докладные на Москвѣ пишетъ дьякъ ямъской сына моего Васильевъ, какъ было при мнѣ; а опричь того, на Москвѣ грамотъ полныхъ и докладныхъ не пишетъ нихто“. То же видим при Иване III в Пскове—там он „въ ямскихъ дьякахъ велѣлъ быти О. М. сыну Волосатаго, писати ему полные грамоты и докладные“[1]). Каковы бы ни были мотивы передачи этого дела именно ямским дьякам, о чемъ едва-ли не тщетно строить свои догадки[2]), сам факт обязательного письма полных правительственными агентами есть лишь первый момент в истории правительственного контроля над совершением полной. Второй, хронологически более поздний, ранее всего становится нам известным в публицистическом обличении Ивашки Пересветова. В своем „Сказаніи о Магметѣ-Салтанѣ“, написанном вскоре после 1547 г., Пересветов рассказывает, как Магмет-салтан вспомнил, что „Фараонъ былъ царь египетскій“, на которого за порабощение израильтян „Богъ... разгнѣвался своимъ неутолимымъ гнѣвомъ“, и вслед за тем Магмет „уставил і иным царем послѣ себя от тѣхъ лѣтъ и до сѣх лѣтъ, а въ своемъ царьствѣ дал вольно служити і у велможъ своихъ“: Магмет „велел перед себя книги принести полныя и докладныя да огнем велѣл пожещи“. Это упоминание о книгах, куда записывали полные и докладные уже в серединѣ XVI в., далеко не единственное. Указ 1558 г. говорит о новокрещенах, которые „похотять кому въ службу бити челомъ, и полную, или докладную, или кабалу, или какую крѣпость нибуди, похотять на себя дати“, и велено на такого новокрещена „крѣпость... взяти съ казначеева вѣдома, да того новокрещена и крѣпость своя въ книги у казначеевъ написати“. В 1571 г., как о факте, уже наличном в жизни, о тех же книгах говорит таможенная грамота, именно, что „таможникомъ писати полные грамоты в книгу самимъ“[3]). Таковы новые условия совершения

[1]) С. Г. Гр. и Дог., т. I, № 144; *Никитскій*, „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“, Спб. 1873, стр. 304, пр. 3.

[2]) *Н. П. Лихачевъ*, „Разрядные дьяки XVI в.“, Спб. 1888, стр. 51—52; *И. Я. Гурляндъ*, „Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ“, Яросл. 1900, стр. 78—79, пр. 7.

[3]) *В. Ф. Ржига*, „И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI в.“ (Чт. М. О. И. и Др., 1908 г., кн. I), стр. 19, 75; *М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, „Христоматія.....“, вып. III, К. 1908, стр. 20, 21 пр. 76. В половине XVI в. записка в книги появляется и в отношении к другим видам актов, напр., в 1559 г. находим челобитье о расписке меновных (*Д. И. Самоквасовъ*, „Архивный матеріалъ“, т. I. М. 1899, стр. 142); то же и относительно купчих, где, по замечанию *Н. А. Рожкова*, обязательство о расписке в их тексте во второй половине XVI в. „становится стереотипным“ („Книги зап. Пом. прик.“ в „Истор. и соціолог. очерк.“, М. 1906, т. II, стр. 318)“.

полной, знание которых позволит нам понять новую дипломатическую структуру полной.

Устанавливая состав удельной полной и не доверяя точности Алябьевской записи, называющей присутствовавших на докладе послухами, мы могли разбить этот тип акта на три части: текст, удостоверение сделки и удостоверение акта. В связи с исчезновением до-актовых элементов этот трехчастный состав терпит изменение. Совершенно очевидно, что раз эти моменты символизма ли, формализма ли отпали, то удостоверять их и незачем, а те лица, которые когда-то выступали в роли свидетелей о совершившейся сделке, теперь будут замещены свидетелями о совершенном акте, т. е. еще одним моментом удостоверения акта. Акт позднейшего типа из трехчастного станет двухчастным—текстом и удостоверительною частью будет исчерпан весь его состав.

Клаузальный состав полной, поскольку он восстановим по записной книге, имеет довольно устойчивый характер,—это можно было бы приписать однообразному схематизму Алябьевского пера, но с гораздо большим основанием можно обусловить его традициями одной и той же ямской канцелярии.

Текст позднейшей полной состоит из трех клаузул: обозначения контрагентов и содержания сделки („Купилъ имярекъ имярека в полницу собѣ и своимъ дѣтемъ"); условий сделки („а далъ на немъ... рубли"); наконец, уплаты пошлин („приставъ приходилъ отъ намѣстнѣка..... а таможницы отъ великого князя тамгу и восмичее взяли"). Именно третьею клаузулою текст полной резко отличается от текста других частных актов — ее нет в последних. И именно эта фискальная особенность поставит полную в большую, чем другой частный акт, зависимость от правительства и должна будет отразиться на удостоверительной части полной. Переходя к этой последней, мы теперь вправе ждать в ней некоторых особенностей в сравнении с типическими формулярами других видов частного акта, и таких, которые сблизят удостоверительную часть полной с удостоверительными частями публичных актов. Тот состав удостоверительной части полной, который можно было бы назвать типическим, определяется двумя клаузулами и указанием на наличность правительственной печати. Первая клаузула указывает на послухов (в пересказе Алябьева: „и послуси писаны"), вторая на канцелярию и дату („полную писалъ... лѣта..."). Однако, послухи налицо отнюдь не во всех полных [1], и едва ли не причиною этого именно то, что акт, имевший правительственную

[1]) Они чаще встречаются в позднейших актах.

печать и писанный в правительственной канцелярии, вовсе не нуждался в других условиях доказательства своей подлинности. Лишь подтвердить это соображение может тот факт, что рукоприкладства находим только в четырех актах [1]: постоянный элемент укрепления частного акта, они однако оказались лишними в полной. Эти колебания позднейшей полной между формами частного и публичного акта не дали нам возможности показать на ней, как на экземпляре, выработки вообще формуляра позднейшего частного акта. Думается, однако, что основное положение наше может быть принято: эволюция полной состояла в освобождении от пережитков до-актового укрепления сделки, и позднейшая полная сумела этого достигнуть [2].

Итог наших замечаний подводит нас к изжитой, казалось, схеме. То, что в начале нашей заметки мы дали в виде рационалистического построения гегельянствующего юриста, обнаружило по проверке позитивную подоплеку действительных наблюдений, для об'единения которых в виде научно-исторического построения сороковые годы не могли дать ничего лучшего, чем принципы диалектической философии. И только потому, что гегельянство нашей историографии было философским созерцанием, основанным на живом историческом познавании, его гибель явилась залогом и длительного воздействия и, думается, в некоторых, по крайней мере, отношениях, его возрождения.

Однако, тот же итог подводит нас и к одной очередной проблеме нашей дипломатики. Все наше построение основано было на изучении тех явлений, которые переживал акт в процессе своего внедрения в правовую жизнь древне-русского общества, но мы ни разу не задались вопросом, откуда вообще появился этот древне-русский частный акт. На ряду с проблемами эволюции этого акта не надлежит ли поставить и проблему его происхождения?

С. Валк.

---

[1] Р. И. Б., XVII. №№ 347, 355, 372, 509. Рукоприкладства сделаны ямскими же дьяками.

[2] Наше изучение полных должно иметь последствием пересмотр вопроса относительно докладных грамот на холопство. И именно, как бы ни судить о юридической природе докладного холопства, его придется признать особым видом холопства, ибо докладная грамота на холопство дипломатически предстанет актом различным и в составе и в судьбах от полной. В перечислении докладных придется прибавить и докладную грамоту на холопство (ср. „Терминологическій словарь частныхъ актовъ Московскаго государства.“ подъ ред. *А. И. Андреева*, Пг. 1922, s. v.).

Былые соседи.

Знакомство со старыми источниками приводит к заключению, что термин „соседи“ имел в былые времена не то значение, какое имеет теперь. Мы знаем по поморским документам, как XV в., так и московского времени, и даже XVIII в., что это слово нередко употреблялось в смысле — сябры, складники. Прежде я полагала, что такое значение термина — вторичное, обусловленное тем, что дележ складников вел их к соседским отношениям [1], но ознакомление с некоторыми новыми для меня данными текстами заставило меня изменить свое мнение. Эти тексты, бросая новый свет на значение соседства-сябринства, ведут к размышлениям об очень важных исторических проблемах. Я почла бы себя удовлетворенной, если бы излагаемые мною ниже соображения могли пригодиться при исследовании этих проблем, о которых впервые заговорила в нашей исторической литературе незабвенная А. Я. Ефименко со свойственными ей научным талантом и блеском литературного изложения.

Отношения соседей между собой в древнейших памятниках полны какого-то большого нравственного священного значения. Новгородская летопись, говоря о безудержном эгоизме населения во время голода, выбирает самые яркие примеры эгоизма, и оказывается, что при перечислении самых близких людей, с которыми не делятся хлебом его обладатели, соседи следуют за ближайшими родными: „братъ брату не съжалеться, ни отечь сынови, ни мати дочери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба“ [2]. В памятниках древне-русской покаянной дисциплины монахам предписывается: „Черньць сваряйся ли братомъ ли съ сусѣдомъ да покоритьея.“ Те же памятники говорят: „ни братъ бы брата не обидѣлъ, ни суседъ бы суседа“ [3]. Старинная легендарная повесть „О нѣкою двою соусѣду шевцю“ явно употребляет наш термин в смысле товарищеского союза. Не ясно при этом, просто ли это союз экономический, или нечто большее, подходящее к только что цитированным памятникам [4]. Чисто экономическое значение придано нашему термину в тексте московского времени, относящемся к Суздальщине: „тѣ

1) М. Островская, „Земельный быть сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вѣкахъ“. Спб. 1913, стр. 52—53.
2) Новг. I лѣтопись, изд. 1888 г., стр. 228.
3) С. И. Смирновъ, „Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины“ (Чт. Моск. Общ. Ист. и Др., 1912 г., кн. 3), стр. 37 и 239.
4) „Памятники старинной русской литературы“ (Костомарова), вып. I, стр. 87, 88.

люди съ ними живутъ на сусѣдстве и пьютъ и едятъ съ нимк вмѣсте"[1]). Но во всяком случае видно, что и там и тут значение термина связано с совместной жизнью, совместной работой, с постоянным общением, с союзом.

Дипломатические памятники XV в. ставят понятие „соседства" наряду с понятиями дружба, братства, одиначества: „въ сусѣдствѣ жили бы есте..."; „а рѣчи его царк таковы, о любви, и о дружбѣ и о сусѣдствѣ и о одиначствѣ, другу его быти другом, а недругу его быти недругом, а на короля и на Ахматовых детей заодинъ"; „и нынѣча съ намь братства и сусѣдства для прикажи брату своему, великому князю Ивану"...[2]). В грамоте Александра Литовского к Менгли Гирею и в словах толмача говорится о дружбе и братстве, а в русском изложении этих заявлений сказано: „а отец мой былъ съ тобою въ дружбѣ и въ братствѣ и въ сусѣдствѣ"[3]). Когда Александр убеждает хана, что этому последнему больше подобает соединиться с Литвой, чем с Москвой, он называет хана соседом не в смысле вблизи, рядом живущего: „А и ты бы, брате нашь, съ нами по тому жъ былъ, занъже ты самъ выдаешь, штожъ мы тебѣ ближший сусѣдъ, нижли великій князь московский." Ханъ „ближшій" сосед вот почему: „а и предкомъ твоимъ и отцу твоему, коли ихъ неверемя бывало, и конь ихъ потенъ, завжды ихъ опочивокъ бывалъ у вотчинѣ нашей, Великаго Князя Литовскаго". Положиться же на великого князя Московского никак нельзя: „а онъ што и братьи своей роженой подѣлалъ также через присягу, и какою ихъ смертію уморилъ, и инымъ сосѣдомъ своимъ то завжды он чинитъ"[4]). Ясно, что „соседи" здесь союзники. Надо думать, что то же значение братства, одиначества, союза, надо влагать в наш термин в таких текстах: „братіа наши старѣйшины, господа польскіе, съ вашими господьствы братское сусѣднее и дружебное во всех уразумѣніе ради имати хотятъ;" „и они говорили такъ, чтобы промежи обоихъ земель по старому любовь и доброе сусѣдство было."[5]) Великий Новгород пишет в Колывань, чтобы колыванцы не приставали к шведам и выражается так: „И вы, наши сусѣди, к нимъ бы ѣсте не приставалѣ, а по нихъ не пособлялѣ, а к намъ бы ѣсте вѣсти слалѣ, а тымъ бы ѣсте намъ издружилѣ. А коли ваше слово придетъ к намъ, и мы такоже хотимъ вамъ дружити, сусѣдямъ своимъ". Гостю новгородскому путь по-

[1]) Акты Федотова-Чеховскаго, т. I, стр. 239.
[2]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 41, стр. 108, 166 и 269.
[3]) Там же, стр. 448—449 и 450—451.
[4]) Там-же, стр. 331.
[5]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 35, стр. 383 и 404.

колыванской земле должен быть чист. „а мы вашему гостю такоже здесе дали путь, куды и преже сего не бывало, а вамъ дружа, своимъ сусѣдамъ“[1]). Повидимому и здесь соседство—одиначство, дружество. Любопытно, что даже в XVIII в. сохранилось еще такое значение термина. В 1748 г. русская власть выражает неудовольствие, что сотник Самур, который играл, повидимому, роль заложника от своих соплеменников, далеко не мирных сибирских инородцев, бежал, и мы читаем: „по точію съ чего онъ бѣжалъ и такъ непорядочно поступилъ *и не по сосѣдству*, о томъ не извѣстно, а съ Россійской стороны всякое *дружелюбіе по сосѣдству* отъ Ея Императорскаго Величества чинить велѣно“[2]).

Псковская Судная Грамота в статье 34 отличает соседей при искáх от „иныхъ стороннихъ людей,“ а в статье 55—прямо от „стороннихъ людей.“ Терминология статьи 55 яснее: она то и показывает, что и в статье 34 соседи не включаются в число людей сторонних, как можно было бы подумать по ее выражениям, а наборот им противополагаются сторонние люди, иные для соседей. Не даром, перелистывая северныя причитания, мы читаем постоянно о „ближнихъ пріятеляхъ“, „милыхъ сусѣдяхъ спорядовыхъ,“ которые могутъ даже заменить в тексте причитания „сродцев и сродников“[3]). Не даром поется в архангельской песне: „сосѣди складники, порядны *приближенные*“—здесь „приближенность“ не территориальная, а приближенность в смысле „ближнего приятельства.“ В этом же смысле выражается фискал начала XVIII в. про крестьянина, который завладел имуществом умершей женщины, „ни будучи ей ни родственный человѣкъ, ни ближній сосѣдъ“. Мы знаем, что у западных славян соседство сохранило еще до сих пор большое нравственное значение: соседи обязаны друг другу взаимною помощью, защитой и имеют даже право перекупа недвижимых имуществ[4]). Это последнее право есть и у русских соседей—складников. Мало того, в XIX в. встречаются известия о выкупе (даже движимости) односельцами в Нижегородской губ.[5]). Одним из проявлений взаимной помощи и защиты со стороны соседского союза можно считать помочь псковских „суседей“ на суде (см. ст. 58, 59 и 70 Псковской Судной Грамоты). „Ближние соседи“ замещают в этом отношении союзы родственные. Эту помощь Нов-

[1]) Чт. Моск. Общ. Ист. и Др., 1897 г., кн. 2., отд. 4, № 3, стр. 3—5 (в учебном издании Памятников Новгорода, отд. III, № XIV, стр. 83).

[2]) Дворц. Арх., Кабинет Его Велич., I стола Горн. Отдел. Разр. № 1, Оп. № 315/476. Карт. № 2400, л. 41.

[3]) М. Островская, op. cit., стр. 69—70.

[4]) А. Я. Ефименко, „Изсл. народной жизни“, стр. 233—234.

[5]) Хлѣбниковъ, „Общ. и гос. в до-монг. пер. рус. ист.“, стр. 82.

городская Судная Грамота называет „пособием“ и ограничивает (ст. 42), а Псковская грамота запрещает, сводя роль соседей к свидетельским показаниям, как это видно из статьи о земельных исках (ст. 9) [1]. Псковские соседи могли быть и местными союзами улиц и сотен, могли быть и союзами „более свободно образованными“, обязанными своим началом „не соседству местожительства, а единственно добровольному согласию“. Эти последние впрочем „приходят в некоторую связь с местными союзами, в области — с волостями, а в городе с улицами“. Такими более свободными союзами являются братчины, освящавшие свое общение чествованием патронального святого. Новгород не отставал от своего младшего брата в сфере братских союзных организаций [2].

Существуют любопытные этнографические сообщения о белорусских организациях слепцов-нищих, у которых есть своя икона, свой праздник, свой громадский обед, свои старецкие старосты, сотские и старецкие судьи. Эти сообщения дают комментарий к постановлению Псковской Судной Грамоты о суде братчины (ст. 113). Известия о старецком суде бросают свет и на известный стих о сорока каликах с каликою, в котором есть эпизод самосуда калик. Стало быть нет нужды объяснять этот самосуд тем, что калики подлежали не гражданской, а церковной юрисдикции, как это делает Аничков. Летописные записи о хождении сорока калик ко гробу Господню в Иерусалим и о принесении ими оттуда священных предметов в дар Киевскому Софийскому собору, на которые обратили внимание сначала Айналов, а потом Аничков, тоже хорошо связываются с данными о белорусских старецких братствах [3].

Я говорила в печати о белорусской „сябрыне“, разновидности искусственного родства, носящего религиозный оттенок,

---

[1]) Никитскій, „Св. Всев. Иванъ на Опокахъ“ — „Ж. М. Н. П.“, 1870 г. № 5, стр. 202—203. Мнение Ковалевского, что „помочь“ — непременно родственная, а соседи выступают пособниками лишь при церковных исках, при которых родственников не было, ошибочно („Совр. обычай и древній законъ“, стр. 339—340).

[2]) Никитскій, „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“, стр. 164—172 и 316; братчины освещены у Ефименко („Южная Русь“, т. I., стр. 285—296); см. о родовых братствах, побратимстве и кумовстве у нее же, стр. 272—283. Псковская лет.: 6692 г. „сусѣди Заплѣсковляне, Богоявленскій конецъ, заложили стѣну отъ Псковы рѣки, свою треть, тоя же весны по Великой дни сусѣди Козьмодемьянскіи заложиша стѣну“; 7015 г. — „а погори отъ Жирковскихъ сосѣдъ да до Богоявленскихъ“. А. А. Покровскій, „Древнее Псковское Новгородское письменное наслѣдіе“, стр. 147: „...и всѣх сусѣдъ святого Георгия“.

[3]) Этногр. Обозр., кн. VII (1890 г., № [illegible]) — ст. Романова „Очеркъ быта нищихъ Могил. губ.“; Этногр. Обозр., 1891 г., № [illegible] — [illegible]скій, „Изъ этногр. набл. в Рѣчицкомъ у. Минской г.“, стр. 149—151; Аничковъ, „Язычество древней Руси“, стр. 208—218.

возвышающий его над кровным родством, им имитируемым. Сведения об этом виде сябринства-соседства особенно хорошо помогают понять, почему одинаково квалифицируются в древних памятниках безжалостность к родным и к соседям и ссоры с теми и другими. Мы знаем, ведь, что помощь в беде такому сябру, божьему свояку,—священный долг, великий грех обидеть сябра или причинить ему зло, ссоры между сябрами—большой позор для обоих. Сябры нередко играют роль советников, защитников перед миром и пр. [1]). Любопытно, что при возникновении аналогичного такому сябринству искусственного родства, побратимства, может происходить обряд, посредством которого побратимы сливаются в один род: хождение под дерном побратимов Александр Веселовский связывает с культом предков, считая, что дерн символизирует их могилы [2]). Верность данного объяснения подтверждается, как кажется, тем фактом, что присяга под дерном требовалась при продаже людей в холопство [3]). Тут дерн является, повидимому, символом принятия холопа в дом, в род.

Чуть ли не в связи с культом предков надо понимать и присягу с дерном при межевых тяжбах. „Мать сыра земля", которая прикроет клятвопреступника навеки, едва ли не символизирует могилы предков. Передача дерна, как символа при отчуждении земли, едва ли не связана с присоединением покупателя к роду продавца [4]). Известны документы о черемисах XV в., которые свидетельствуют о стремлении земельных покупщиков, входящих этой покупкой в товарищеский земельный союз, освятить факт своего нового владения приложением символа его к родовому „моленому" дереву. Поздние потомки покупщиков рассказывали, что при бытности царя Мохамед-хана их отцы и прадеды „купили вотчинной земли и на то землеположили знамены свои к моленому дереву" [5]). Вопрос о моленом дереве осветил известный И. Смирнов. По его словам, весной приносится жертва от деревни самому большому дереву. С этих деревьев, деревенских покровителей, черемисы срезывают ветви, которые хранят до следующего года, как святыню.

[1]) М. Островская, op. cit., стр. 353—356.

[2]) Тот же смысл он приписывает дерну при испытании виновного, см.: „Гетеризмъ и побратимство въ купальской обрядности". Ж. М. Н. П. 1894 г., № 2, стр. 316—317).

[3]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, Сочиненія, т. III, стр. 432—434; ср. В. О. Ключевскій, Опыты и исследования, стр. 362.

[4]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, Сочиненія, т. III, стр. 427—432.

[5]) Н. Н. Ардашевъ. „Татарскія земельныя письма" (оттиск из тома IV, вып. I., Зап. Моск. Археол. Инст.).

Автор пояснял себе неясный черемисский материал о моленом дереве аналогией съ вотяцким „модором“. Говоря о родовом быте черемисов, Смирнов рассказывает, что ему приходилось бывать в деревнях, „где до 30 семей ведут свое происхождение от одного предка и могут доказать свое родство некоторым образом документально—тамгами“, т. е. знаменами наших документов. Наблюдаются и разросшиеся роды из 50—300 человек—„кюмуж“; эти крупные группы получили свое название от громадной чашки, из которой едят во время жертвоприношений. Сочетание нескольких „кюмужей“ составляет, по предположению Смирнова, группу „мар“: он основывает свое мнение на организации молений для жителей нескольких десятков деревень. У черемисов до сих пор хранится культ предков [1]). Прикладывая свои знамена к родовому дереву, покупатели наших грамот как бы присоединяли себя к местному роду. Такое религиозное освящение земельного хозяйственного союза уживается с внедрением в такой союз податного тяглового оттенка: одна из грамот ограждает отчуждаемое имущество от претензий не только рода, но и „старинного человека“, который с продавцом „ясак платит“. Покупщик очевидно войдет по земле в сябринные, соседские отношения с этим „старинным человеком“ [2]).

Интересующий нас термин „соседи“ находит себе применение и в такой крупной организации, как западно-русский копный округ (совершенно так же, как в Полицкой верви и немецкой марке). Члены копного округа твердо помнят, что они „издавна о шкоды внелякія схаживалися“ с такими то, своими соседями. Стало быть соседями называются члены крупной организации для мира и взаимной защиты. Жителей копного округа связывала круговая ответственность, и некоторые указания документов о копных судах являются комментарием к „дикой вире“ Русской Правды. В древней основе копного соседства лежат, повидимому, частью забытое кровное родство, а частью—

[1]) И. Смирновъ, „Черемисы“, стр. 85—86, 171—176, 199—202, 139—143, 162—163. Здесь надо сделать одну оговорку. То обстоятельство, что черемисы наших грамот названы в спорном деле XVIII в. чувашами, об'ясняется позднейшим очувашеньем черемис Цивильского уезда. Как известно, чувашские легенды говорят о черемисах в Цивильском уезде: чувашей же в соседних уездах Ядринском и Кузьмодемьянском, низовые чуваши называют черемисским отродьем; исторические источники и местные названия убеждают в существовании черемисов „от устья Свияги на запад до их нынешних земель“ (см. стр. 12—13 у Смирнова). Попытка Магницкого доказать, что старые документы ошибочно называют верховых чуваш горной черемисой, не имеет научного значения (см. Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Каз. Унив., т. XVII, вып. 2—3, стр. 124—129).

[2]) М. Островская, op. cit., стр. 351—352.

братские искусственные общения. Копные соседи олицетворяют мирское народное правосознание [1]).

Возможно, что старые соседские союзы мира и взаимной защиты, вливаясь в миры-громады севера и юга, вносили в них свою долю освящения и нравственного смысла.

Важная и очень трудная задача—изучение истории братских и мирских организаций, их переплетений и взаимных влияний. Будем надеяться, что начало этого изучения не за горами.

М. Островская.

Площадные подьячие XVI столетия.

В конце 1916 года вышел в свет небольшого об'ема скромно изданный „*Сборникъ статей, посвященныхъ Александру Сергњевичу Лаппо-Данилевскому*“ [2]). Вскоре наступившие бурные времена не дали возможности представителям науки подчеркнуть значение этого издания, замечательного и по необыкновенной целостности содержания, и по тому факту, что это был первый в литературе сборник, посвященный русской дипломатике вообще и русским частным (юридическим) актам в особенности [3]).

Вся книга есть результат и наглядное выражение деятельности „Кружка по составлению каталога частно-правовых актов до-Петровской Руси“, образованного академиком А. С. Лаппо-Данилевским из студентов историко-филологического факультета и его слушателей, работавших с осени 1903 года под руководством своего учителя и на его квартире.

Чтение сборника дает понятие о том систематическом использовании актового материала, какое оказалось возможным после более чем десятилетней коллективной работы над изданиями, содержащими документы до-Петровской эпохи.

Если бы возникла мысль о составлении и напечатании „Перечня изданных документов Московской Руси“, в каковом так нуждаются историки и археографы, члены кружка явятся работниками во всеоружии опыта и знания.

---

[1]) А. Я. Ефименко в I т. „Южной Руси“—„Копные суды въ правобережной Украйнѣ“ и „Народный судъ въ Западной Руси“, особенно стр. 314—319, 320—323, 324—326, 333—335.

[2]) Отмечен в числе книжных новостей в Ж. М. Н. П. в февральской книге 1917 года. Составляет двадцать первый том сборника Исторического Общества при Петербургском Университете, издаваемого под наименованием „*Историческое Обозрѣніе*“ (общий редактор Н. И. Кареев).

[3]) Заслуга, впрочем, инициатора всех этих работ и их несомненного вдохновителя, самого *А. С. Лаппо-Данилевского*, ярко оценена в посвященном его памяти № 6 „*Русского Исторического Журнала*“. На сборник были и рецензии, напр.: „Историческія Извѣстія“, 1917 г., № 1.

Очень обстоятельная систематическая статья в этом Сборнике „*Подьячіе Ивановской площади*“ принадлежит *М. Ф. Злотникову* и касается весьма интересного вопроса истории нотариата Московской Руси.

Когда-то я напечатал в лекциях по дипломатике документ, в котором содержится указание на площадного подьячего *Палку Белозерца*. По вычислению, сделанному М. Ф. Злотниковым, это известие указывает на 1546 год и является наиболее ранним.

М. Ф. Злотников дает свод старейших упоминаний. Относительно Москвы он говорит: „к 60-м годам XVI века относится первое известное нам вполне определенное указание на площадного подьячего в Москве, но мы полагаем, что площадные подьячие существовали там уже несколько ранее. Нам известна одна данная, которую въ 1563 году писал „под(ь)ячей на Москвѣ съ площади Никитка Семеновъ сынъ *Таратинъ*“ (стр. 87). М. Ф. Злотников опирается в данном случае на данную по духовной князя Даниль Федоровича *Засекина*, писанную на Москве 26 декабря 7072 (1563) года [1].

Отмечая сведения о деятельности *Таратина*, как писца и послуха, М. Ф. Злотников высказывает убеждение, что некоторые послухи на документах, написанных Таратиным, и писец мировой 1563 года, на которой Таратин являлся послухом, „были сотоварищами по работе Никитки Семенова Таратина, такими же, как и он, писцами профессионалами“.

Мысль более, чем вероятная. Просматривая частно-правовые акты XVI столетия, возможно подметить таких послухов профессионалов [2]).

В дополнение к датам, собранным М. Ф. Злотниковым, укажем Никиту Семенова сына *Таратина* послухом на данной 7077 (1568—1569) года (Грам. Коллегии Экономии. Бежецк, № 1272/168).

В виду важности вопроса о том, откуда, то есть из какого слоя общества, происходили площадные подьячие, сделаем замечание, что этот вопрос может получить разные решения — для XVI столетия — одно, для XVII другое, для московских подьячих — одно, для провинциальных — другое.

Чем позднее, тем происхождение ниже. В Новгороде в 70-х годах XVI века площадные подьячие из тяглого класса, но для Москвы вопрос еще должен быть разработан систематически.

---

[1]) Грам. Колл. Экон. по Ярославлю, № 14767/19.

[2]) Например, см. заметку мою: „Къ вопросу о послухахъ на актахъ XVI столѣтія“ в „Извѣстіяхъ Русскаго Генеалогическаго Общества“, кн. II.

В частности относительно *Таратина* надо сказать, что фамилия эта не совсем обычная, и потому, не решая ничего, не мешает сделать справку относительно *Таратиных*, современников Никиты.

Между прочим, в 7083 (1574—1576) году Никита да Дмитрий да Иосиф Андреевы дети *Таратины* дали в Троице-Сергиев Махрищский монастырь свою *старую* вотчину в Переяславле Залесском уезде по отце и по матери и по сестрам (Грам. Колл. Экон., Пер. Зал., № 8982/258).

Таратин Михаил Иванов (сын боярский) послух на разъезжей грамоте в 7069 (1560—1561) году (Грам. Колл. Экон., Юрьев, № 14560/10).

Яков *Кузьмин* да Иван *Таратин* с товарищи были *писцами* Вологодского уезда в 7068 (1559—1560) году (Грам. Колл. Экон., Вологда, № 2604/33).

Судя по таким указаниям и Никита Семенов сын едва ли происходил из людей тяглых.

В моих записях находится сведение об одном Московском площадном подьячем, который был раньше Таратина.

В июле 7057 (1548—1549) года „подьячей площадной" Богдашко Иванов сын *Литвинов* писал (в Москве) купчую грамоту (Грам. Колл. Экон., Москва, № 7156/14).

В документах 1525—1529 годов ряд *Литвиновых* является вотчинниками Рузского уезда, грамоты пишет один из *Литвиновых*—Игнатий Андреев сын, послухами стоят *Литвиновы* же (Грам Колл. Экон., Руза, №№ 10248/17, 10249/18, 10251/20, 10252/21).

Литвинов, Степан Тархов сын, послух на меновной в 1555 году (А. И. Ю. Беляева, № 104—7063, по Волоколамску) и на духовной *И. А. Тютчева* в 7067 (1558—59) году (А. И. Ю. Беляева, № 116—по Дмитрову), тоже едва-ли из тяглых людей.

Относительно провинциальных подьячих М. Ф. Злотников говорит: „со второй половины XVI века начинают встречаться сведения о существовании площадных подьячих и в других городах: Новгороде (1567 г.), Твери (1573 г.)[1], Переяславле Залесском (1585—86 г.г.), Пскове (1591—92 г.г.), Ивангороде (1593 г.)".

Ссылка на Шумакова относительно Твери позволяет нам отожествить это показание с текстом Грам. Колл. Экон. по Твери № 12531/38: Тверской площадной *дьячек* Ивашко Наумов сын *Скребле*ва писал грамоту, данную 9 июля 1573 года.

В 7085 (1576—1577) году Тверской площадной *дьячек*

[1] И в примечании ссылка и на 1576 год.

Угримка Иванов сын писал данную *Коряфиновых* (Грам. Колл. Экон., Тверь, № 12545/52).

В 1587 (7095) году 8 мая Тверской „площедной подъячей" Лучка Иванов сын *Ушаков* написал запись данную (Грам. Колл. Экон., Старица, № 11673 33).

М. Ф. Злотников знает (стр. 87) случаи употребления выражения „дьяк" в значении писца и отмечает наименование Нижегородского площадного подьячего Константина *Никитина*, писавшего 3 июля 1599 года мировую („А записи у насъ no противнемъ, одинъ дьякъ и послухи": см. А. Ю. Б., II, 154, I Писец записал себя „Констянтинец").

Уменьшительные изменения в именах площадных подьячих скорее правило, чем исключение.

Отметим еще, например, в Новгороде — 2 мая 1583 года купчую для Вяжицкого монастыря писал *Иванча Семенов* (см. А. Ю., стр. 132); в 1605 году площадной подьячей *Володя Кириллов* (см. Р. И. Б., II, ст. 978); в 1600 году *Ондрюша Федоров* да *Жданко* Иванов сын *Пупынин*; затем *Гаврилко Ортемьев* (он же—„кабалной діячокъ"); см. А. Ю. Б., II, ст. 125, 126, 128.

Отметим еще одного площадного подьячего в городе, пропущенном М. Ф. Злотниковым.

В „Описаніи Тверского музея" Жизневского (М. 1888, 4⁰) значится (стр. 135): „в одном древнем документе—памяти Калининского посадского Андрея Иванова *Вончакова*, писанной *Калининской площади подьячим* Івашкою *Ярышкиным* в 1597 году, означенная местность называется Якиманским берегом".

В русских актовых изданиях существует еще одно указание на площадного подьячего в очень раннее время, думается, оставленное М. Ф. Злотниковым без внимания преднамеренно.

В Актах Юридического быта (т. II, № 134) Н. В. Калачев напечатал „книгу обводную" землям Новгородского Юрьева монастыря. Документ кончается так: „сия ободная мижовая писана въ Великомъ НовѢгородѢ, при посадникахъ при Юрьи Онцыфорови да при Мирони Ивановичи. Писалъ Николской площади на дворищахъ, сидя на съѢжжомъ двори, подьячей Кузимка *Самойловъ*".

Писал он это 25 августа 1391 года. По уверению издателя копия, по которой воспроизведен текст, представляет —„Списокъ XVI-го вѢка, писанъ столбцемъ, на четырехъ листкахъ". На обороте по склейкам идут рукоприкладства (посадников!). Списокъ „изъ архива Новгородской Казенной Палаты".

В „Указателе" к А. Ю. Б., изданном в 1901 году, показан, без оговорок, *Самойлов* Кузьма площадным подьячим в 1391 году.

В „Описаніи Актовъ Новгородской Казенной Палаты", хранящихся в архиве Археографической Комиссии, сделанном М. Г. Курдюмовым [1]), ободная 1391 года совсем не упомянута.

В известном труде И. И. Срезневского: „Древніе памятники русскаго письма и языка" находим под 1391 годом [2]): „Обводная запись о земляхъ Новгородскаго Юрьева монастыря въ Заонежскихъ погостахъ Шальскомъ и Пудожскомъ... Памятникъ этотъ сохранился въ спискѣ XVI в. и изданъ в „Актахъ, относ. до юридич. быта", II, столб. 145—149".

Такой документ, санкционированный авторитетами Н. В. Калачева и И. И. Срезневского, настоятельно требует критического исследования, как относительно интерполяций, так и относительно происхождения самого „списка" [3]).

Н. Лихачев.

Уложение о службе 1556 года.

Среди правительственных мероприятий царя Иоанна Грозного, относящихся к пятидесятым годам XVI стол., военные менее других привлекали внимание исследователей, несмотря на то, что и современники, как Курбский, ставили в особую заслугу советникам царя устройство „стратилатских чинов" [4]) и ближайшие потомки, как князь И. М. Катырев-Ростовский видели „благая" в любви Иоанна к воинству, которому он „от сокровища своего не оскудно подаваше" [5]).

Известно, что реформы половины XVI в. коснулись многих сторон военного быта Московской Руси, но в центре их стоят мероприятия, вызванные „уложением" 1556 г. Смысл и значение этого акта еще не вполне выяснены в нашей исторической литературе, хотя большинство документов, необходимых для его уразумения, уже давно стало достоянием русской исторической науки. Причины этому отчасти нельзя не видеть в том, что „уложение" 1556 г. не дошло до нас в подлиннике, и мы располагаем лишь более или менее удовлетворительным переска-

[1]) См. „Лѣтопись занятій Археограф. Ком.", вып. XXI и отдельно, Спб. 1908. 8⁰.

[2]) См. изд. 2 (Спб. 1882, 4⁰), стр. 268.

[3]) Следует обратить вниманіе и на „ободную" от 13 июля 6883 года, Григорія Семеновича, боярина Челмужского (рукоприкладства послухов). См. Чт. М. О. И. и Д. Р., 1868 г., кн. I, („Палеостровъ"), стр. 139.

[4]) „Исторія о великомъ князѣ Московскомъ"—Русск. Истор. Библ., т. XXXI, стр. 172.

[5]) А. Н. Поповъ, Изборникъ слав. и русск. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хроногр. русск. редакціи, М. 1869, стр. 313.

зом его на страницах Никоновской летописи, где после изложения царского приговора „о кормленьях“ следует: „По сем же государь и сия рассмотри,—которые вельможи и всякие воини многыми землями завладали, службою оскудеша—не противъ государева жалования и своих вотчин служба их,—государь же им уровнения творяше: в поместьях землемерие им учиниша комуждо, что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимущим; а с вотчин и с поместья уложенную службу учини же: со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе в полном, а в далной поход о дву конь; и хто послужит по земли, и государь их жалует своим жалованием, кормленин, и на уложенные люди дает денежное жалованье; а хто землю держит, а службы с нее не платит, на тех на самех имати денги за люди, а хто дает в службу люди лишние перед землею, через уложенные люди, и тем от государя большее жалованне самим, а людем их перед уложенными в полтретиа давати денгами. И все государь строяше как бы строение воинству и служба бы царская безо лжи была и без греха вправду; и подлинные тому розряды у царьских чиноначалников, у приказных людей“ [1].

Легко видеть, что приведенный акт состоит из трех частей: введения, содержащего указание на расстройство военно-поместной системы и на мероприятия к ее урегулированию, центральной, дающей содержание собственно „уложению“, и наконец, заключительной, определяющей порядок регистрации службы.

Еще в 1876 г. И. Н. Жданов указал на связь вводной части „уложения“ с найденными им в рукописном сборнике Волоколамского игумена Евфимия Туркова предложениями и законопроектами, внесенными царем Иваном Васильевичем на рассмотрение Стоглавого собора. Отсюда узнаем о тех безурядицах, которые постигли поместную систему „после великаго князя Василья и после великие княгини Елены до возраста царьскаго“. Оказалось, что „у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детьми ныне втрое, а ино и голоден, а в меру дано натолко по книгам, а сметить, ино вдвое, а инде болши“, а потому предлагалось: „и то бы приговоря, да поверстати по достоинству безгрешно, а у кого лишек, ино недостаточного пожаловати“. И действительно во введении к „уложению“ констатируется тот же самый факт нарушения системы поместных отношений и говорится об упорядочении их „землемерием“. Последнее мероприятие уже предпринято было Грозным и доложено им на том же Стоглавом соборе: „да пригово-

[1] Полн. собр. русск. лѣт., т. XIII, стр. 268—269.

рил есми писцов послати во всю свою землю писать и сметити и мои, царя, великаго князя, и митрополичи, и владычни, и монастырские, и церковные земли, княжеские, и боярские, и вотчинные, и поместные, и черные... И кого чем пожалую, и по книгам жалованые грамоты давати слово в слово... того ради кто чего попросит, и яз ведаю, чем кого пожаловати, и хто чем нужен и хто с чего служит"... [1]).

Действительно, в начале второй половины XVI в. в сошном письме, по наблюдениям исследователей, происходят крупные перемены [2]). Хотя соответственные указы до нас и не дошли, но в сохранившихся от этого времени грамотах, преимущественно в ввозных и послушных, постоянно встречаются указания на ожидаемых в непродолжительном времени в той или иной местности больших писцов и мерщиков [3]). Один из таких указов имел в руках В. Н. Татищев, по его словам „с приложением землемерных начертаний, которой видно некто знающий геометрию с вычетами плоскостей сочинил" [4]).

В результате реформы появились нормальные сохи —для служилых земель в 800 четей, а для церковных и монастырских в 600 [5]); новая перепись наряду с сошным письмом вводила и сошную меру. Такое определение размера сохи давало служилой земле, во-первых, преимущество в окладе перед церковной и монастырской, а во-вторых, делало возможным регулировать службу. До сих пор соха служила лишь раскладочной единицей, определяемой посильностью тягла, теперь она стала выражать собою определенную земельную площадь. Для служилых земель новый порядок вещей был существенно важен, так как, жалуя служилым людям земли в поместье, московское правительство в „отдельных" грамотах обусловливало, „что только бы было не пусто, чтобы великих князей дань и посошная служба не залегла" [6]). Если старая соха, построенная на текучем принципе посильности, не могла гарантировать правильности поступления в казну доходов и, таким образом, сметные соображения финансовые могли быть и не выполненными, то это обстоятельство менее тревожило правительство, чем невыполнение сметного посошного наряда. Применявшаяся же на-

[1]) Н. Н. Жданов ъ, Сочиненія, т. I. Спб. 1904, стр. 171, 174, 177, 178 и 186.

[2]) С. Б. Веселовскій, Сошное письмо, т. II, М. 1916, стр. 346. К. А. Неволин ъ, Собран. сочин., т. VI. Спб. 1859, стр. 468—469.

[3]) П. Н. Милюков ъ. Рецензія на „Организ. прям. облож. въ Моск. Госуд." А. С. Лаппо-Данилевскаго въ „Отчетѣ о 35 мъ присужд. наградъ гр. Уварова", стр. 70—71.

[4]) Продолж. Древн. Россійск. Вивліоѳики, ч. I. Спб. 1786, стр. 207.

[5]) С. Б. Веселовскій, назв. соч., т. I. стр. 97—98. т. II. стр. 348.

[6]) См. отдельные грамоты 1493 и 1502 г. в „Архивномъ матеріалѣ" Д. Я. Самоквасова. т. I, М. 1905. Отд. II, стр. 6, 7 и 9

ряду с последним „разметка“ призыва по дворам, как в 1509 или 1545 г., когда велено было по случаю Казанского похода „нарядити с Новгорода и с пригородов, с белых и нетяглях дворов с трех дворов, а с тяглых с пяти дворов по человеку“ [1]), также не могла, при постоянном движении населения, обеспечить выполнение наряда. Вот почему именно военные соображения и вызвали необходимость прибегнуть к „землемерию“.

Нельзя согласиться с теми исследователями, которые в акте 1556 г. усматривают между прочим и установление обязательной службы с вотчин [2]), так как о службе с последних не возникало никаких сомнений еще при испомещении „избранной тысячи“, почему в 1550 г. и были испомещены под Москвою только те из тысячников, у которых не было там вотчин [3]). В вводной части памятника констатируется просто лишь факт несоответствия службы размерам, как поместий, так и вотчин: „не против Государева жалования и своих вотчин служба их“, и говорится об установлении „уложенной“, т. е. определяемой далее излагаемым законом службы, одинаковой, как с поместий, так и с вотчин, — „со ста четвертей добрые угожей земли“. В интересах упорядочения службы с вотчин Грозный еще на Стоглавом соборе проектировал упорядочить гражданский оборот их, заведением „вотчинных книг“, чтобы было „ведомо за кем сколко прибудет и убудет, и по вотчине и служба знать“ [4]).

Обращаясь к содержанию самого „уложения“, видим, что оно определяет размер службы: „со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне в доспесе в полном, а в далной поход о дву конь“ До „уложения“ служилые люди сами определяли размер своей службы на смотрах в особых „памятях“, где обозначали количество их вотчинных и поместных владений и указывали то число людей, коней и оружия, которое они могут поставить [5]), теперь размер службы определяется законом. „Уложение“ стремится возможно точнее определить и окладную единицу службы, указывая ее размер в определенной земельной площади и нормируя качества земли. Действительно, четь сошного письма в XVI в. постоянно считается равной половине десятины, а последняя всегда исчислялась „ в длину 80 сажен,

[1]) Акты Арх. Экспед., т. I, стр. 48 и 184.

[2]) М. Довнаръ-Запольскій, Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ, т. II. М. стр. 191.

[3]) „Тысячная книга 1550 г.“, изд. Н. П. Лихачева и Н. В. Мятлева, Орелъ, 1911, стр. 1.

[4]) И. Н. Ждановъ, назв. соч., стр. 182 183.

[5]) Архивъ историч. и юридич. свѣдѣній, изд. Н. Калачева, кн. 3, отд. II. Боярская книга 1556 г, со бщ. кн. М. А. Оболенскимъ, стр. 56. В дальнейшем будем называть её „Кормленая книга 1556 г.“.

а поперек 30 сажен", что, при счете земель в трех полях и при окладной единице в 100 четей „в поле да в дву потомуж", давало 150 десятин [1]). Качество земли берется высшее. В терминологии актов писцового дела квалификация земли „доброй и угожей" имела определенный технический смысл, существовала сложная система „одабривания" худых и средних земель [2]) с определением необходимых для данного участка угодий,—усадебной земли, сенных покосов, лесных дач, водопоя, если нужно с прогоном, которые не шли в счет четвертной земли [3]). При таких условиях, по компетентному замечанию С. Б. Веселовского, служилые люди получали в поместье в конечном результате „не чети земли, а участки, представлявшие совокупность земель и угодий, необходимых для земледельческого хозяйства" [4]). Таким образом 100 четей доброй угожей земли было той абстрактной единицей обложения, под которую подводились земли неодинаковых размеров и качеств. Одно только свойство служилой земли считалось необходимым—это её населенность,—„уложение" имеет в виду живущую землю—„пашню", а не „дикое поле".

Какого же человека требует „уложение" со 100 четвертей такой земли? Прежде всего, конечно, самого служилого землевладельца, лично обязанного службою; так, в одной подтвердительной жалованной грамоте того же 1556 г. читаем: „а служат они с тех своих деревень мою, цареву и великого князя, службу сами своими головами" [5]). По общему правилу он шел в счет тех людей, которые требовались по расчету с земли, почему в „Кормленой книге 1556 г." при поместьях и вотчинах, не превышавших 100 четей, значится: „с земли людей взяти не с чего" [6]). Недоумение С. М. Середонина, видевшего противоречие этому принципу в десятнях, находит свое об'яснение в том, что последние в некоторых случаях делают указание на поощряемую „уложением" службу выше нормальной, которая, судя по актам, современным „уложению", совсем не была исключением [7]).

---

1) С. Б. Веселовскій, назв. соч., т. II, стр. 363—364.

2) Н. Н. Загоскинъ, Очерки организац. и происхожд. служ. сословія, Казань. 1875, стр. 85. А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Моск. госуд., Спб., 1890, стр. 234. С. В. Рождественскій, Служилое землевладѣніе въ Моск. госуд. XVI в., Спб., 1897, стр. 273. С. Б. Веселовскій, назв. соч., т. II, стр. 394—395.

3) С. Б. Веселовскій, там-же, стр. 383, 392.

4) Там-же, стр. 379.

5) Акты Арх. Экспед., т. I. стр. 268.

6) „Кормленая книга 1556 г." стр. 45 и 65. С. М. Середонинъ, Сочин. Д. Флетчера, Спб. 1891, стр. 340. С. В. Рождественскій, назв. соч., стр. 333.

7) „Кормленая книга 1556 г", стр. 25—88 и Каширская десятня 1556 г. въ Сборнике Шапошникова „Heraldica", Спб. 1900, стр. 28—44.

Далее небезынтересным представляется вопрос,—кто же должен был наряду с помещиком и вотчинником итти с земли—крестьянин или холоп. Вопреки установившемуся мнению думается, что по общему правилу—крестьянин. Цитированные выше „отдельные" грамоты 1493 и 1502 годов требовали от помещиков хозяйственного наблюдения за их землею, гарантирующего незапустение ее, „чтобы великих князей дань и посошная служба не залегла, а доспеєть пусто и платити великих князей дан и посошная служба самим". Таким образом на помещика возлагалось, во-первых, наблюдение за правильностью отправления живущими в его поместье крестьянами военной и финансовой повинностей, и, во-вторых, личная ответственность в случае невыполнения их последними. Такая ответственность в отношении невыполненной посошной службы могла выразиться со стороны помещика лишь выставлением своего холопа, только в этом смысле и может быть понято выражение документа: „посошная служба самим". Таким образом, уже старая поместная практика ставила служилого землевладельца в особые отношения к отправлению военной службы его крестьянами, „уложение" только регламентировало старину. То же подтверждается и документами XVII стол. Известно, что с поместий и вотчин отставных и недорослей, а также и тех служилых людей по отечеству, которые не несли военной службы лично, а „жили на воеводствах по городам и в приказах удел", или же служили в головах и сотниках у служилых людей по прибору, брались даточные люди [1]), при чем нет сомнения, что преимущественно из крестьян, так как в 1640 г. были освобождены от выставления даточных такие из этой категории московские чины, „за которыми в помесьях и вотчинах крестьян и бобылей по десять и менши" [2]). Тот факт, что даже личное состояние помещика и вотчинника на военной службе в войсках приборных еще не освобождало его от обязанности ставить даточных (крестьян и бобылей), а свободны были от этой повинности лишь те из служилых людей по отечеству, которые лично несли службу с земли, и говорит за то, что последние выходили на эту службу именно со своими крестьянами. В противоречии с изложенным стоит лишь известный „льготный указ царя Бориса", составляющий часть соборного приговора 12 июня 1604 г. [3]) и называющий человека с поместья и вотчины холо-

[1]) Книги разряд., II, стр 476—477; Собр., Государ. Грам. и Догов., т. III, стр. 340.

[2]) Русск. Истор. Библ., X, стр. 271.

[3]) В. Н. Татищевъ. Судебникъ царя Іоанна Васильевича, изд. 2, М. 1786. стр. 233. 238.

пом, но невыдержанность терминологии той серии актов, которые внесены В. Н. Татищевым в дополнительные статьи найденного им Судебника по данным казанского губернатора кн. С. Д. Голыцына, уже давно навлекла подозрение, если не в подлинности этих актов, то по крайней мере в точности передачи их содержания [1]).

„Уложение“ требовало „человека на коне и в доспесе в полном, а в далной поход о дву конь“. Судя по терминологии „Кормленой книги 1556 г.“, конем называлась лошадь среднего достоинства, более исправные дворяне часто являлись на аргамаках, даже имея второго „на поводе аргамака простого“, менее исправные выводили людей на меринах [2]). Конь прост или на поводе был второй строевой заводной лошадью служилого человека, бравшейся в дальний поход, наряду с нею особо упоминаются нестроевые „лошади ючныя“; первые велись обыкновенно сопровождавшими помещика людьми с земли [3]), а ко вторым приставлялся особый человек конный или пеший [4]), Доспехи также отличались разнообразием,—дворяне и дети боярские выходили и выводили людей своих в пансырях, зерцалах, бехтерцах, куяках и юмшанах [5]). Необходимой принадлежностью всякого доспеха был шелом, но который часто заменялся шапкой железной или „медяной“ [6]). С „перехожих четей“ хотя и брался человек „тегиляйный“, но также непременно в шеломе[7]). „Уложение“ спрашивало доспех „полный“, но на практике это не всегда осуществлялось, почему присутствие бармицы, наручей и наколенников обыкновенно отмечалось особо, а в одном случае у помещика, явившегося „в бехтерце без бармицы“ и выведшего „человека в бармице за пансыря место“, последний был принят как „доспешный“ [8]).

Далее „уложение“ говорит о вознаграждении за службу: „и хто послужит по земли, и государь их жалует своим жалованием, кормлении, и на уложеные люди дает денежное жалование“. Здесь мы имеем указание на два вида такого вознаграждения,—на кормление и на денежное жалованье. Последнее не было новостью—имеется ряд свидетельств от первой половины

---

[1]) С. Ф. Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты, Спб., 1899, стр. 350, 611—612. Соборный приговор 12 июня 1604 г. даточных с монастырей и духовных властей также называет холопами. См. Татищевъ, Судебникъ, стат. 171, стр. 239.

[2]) „Кормленая книга 1556 г.“, стр. 30—32, 52, 55, 58 и 75.

[3]) Там-же, стр. 47, 57, 58. С конем простым особый человек., стр, 59—60.

[4]) Там-же, стр. 47, 80.

[5]) Там-же, стр. 30, 31, 34, 43, 44, 46, 56 и 57.

[6]) Там-же, стр. 36, 41, 42.

[7]) Там-же, стр. 29. 43, 53.

[8]) Там-же, стр. 59.

XVI стол. об удовлетворении служилых людей денежным жалованьем [1]), нововведением был другой вид жалованья—„кормление, праведные уроки“, о котором и говорится в Никоновской летописи непосредственно перед „уложением“: „а на грады и на волости (повеле государь) положити оброки по их промыслом и по землям и те оброки збирати к царьским казнам своим дияком, бояр же и вельмож и всех воинов устроил кормлением, праведными уроки, ему же достоит по отечеству и по дородству, а городовых в четвертой год, а иных в третей год денежьным жалованием“ [2]). С. Ф. Платонов первый обратил внимание на то, что „право на этот оброк получили те, которые имели право на кормление“, но теперь это было новое „кормление, праведные уроки“ [3]). Та-же неоднократно уже цитированная нами выше „Кормленая книга 1556 г.“ дает нам возможность проследить, какие старые формы кормления сменились новыми и каковы были пришедшие на смену старому кормлению новые „праведные уроки“. Служилые люди „держали города“, „ключ“, „брали бобровное“, „бражное“, „полавочное“, „писчее“, „получали мех“, „наезжали на правду“, на „пятно“, на „тиунство“, на „ясельничее“, на „стольнич путь“, „имали с чашнича пути“ [4]), причем эти кормления не были постоянными, а давались на срок от года до трех лет, да кроме того и не все служилые люди ими удовлетворялись, и в таком случае последним обыкновенно отпускались денежные пособия „на подмогу“ при отдельных служебных порученнях [5]) и только одному Ивану Хлопову было „велено давати за кормление по 15 руб. в год“ [6]). Новый порядок разделил вотчинников и помещиков, служивших по Московскому списку, на 25 статей „по отечеству и по дородству“ и назначил каждой статье „праведные уроки“. „Кормленая книга 1556 г.“ дает нам сведения лишь о служилых людях с 11 по 25 статью, с окладами от 50 до 6 рублей [7]). Независимо от этого за каждого „уложенного человека“ с земли на коне и в полном доспехе выводивший его помещик или вотчинник получал, согласно „уложению“, особое „денежное жалованье“, причем, по данным „Кормленой книги 1556 г.“, последнее исчисля-

---

[1]) Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI в., Спб. 1888, стр. 451. С. В. Рождественскій, назв. соч., стр. 333—334. Герберштейнъ, Записки о Московіи, перев. Анонимова, Спб. 1866, стр. 26 и 76.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. XIII, стр. 268.

[3]) С. Ф. Платоновъ, Статьи по русской исторіи, изд. 2, Спб. 1912, стр. 87—88.

[4]) „Кормленая книга 1556 г.“, стр. 87—88.

[5]) Там-же, стр. 33, 48 и 49.

[6]) Там-же, стр. 45.

[7]) Там-же, стр. 27—31, 32—35, 36—39, 40—44, 45—57, 58, 60, 64, 66, 67, 69—80.

лось одинаково для лиц всех окладов в 2 рубля за человека в доспехе и 1 рубль за „тегиляйного“. Необходимо заметить, что служилый человек выводил с собою людей „в полк“, „в кош“ и „в стан“; из них только первые брались в рассчет с земли и вознаграждались денежным жалованьем, прочие же, сопровождавшие его в качестве нестроевых, несли службу всецело за счет помещика [1]).

Далее в „уложении“ читаем: „а хто землю держит, а службы с нее не платит, на тех на самех имати денги за люди“; и действительно в „Кормленой книге“, находим, хотя бы, Лущиху Федорова сына Сумина, который „не додал человека в тегиляе“ и определено ему „не додати 2 рублев“, также Ивана Никитина сына Пущина, не додавшего двух человек в доспехах, за что определено и „ему не додать 8 рублев“, т. е. удерживалось ровно в два раза больше того, что полагалось выдать на каждого недоданного уложенного человека [2]). Штрафы за недоданное по „уложению“ взымались и при недостатках в снаряжении людей [3]), при чем исчислялось за каждый недоданный доспех 2 рубля, а за тегиляй и шелом по 1 рублю. В тех случаях, когда служилый человек выходил без доспеха, он, независимо от числа выставленных им людей, совершенно лишался денежной выдачи [4]), что заставляет полагать, что последняя главным образом и предназначалась на доспех; то же самое и на „уложенных“ людей, хотя бы конных, но если они являлись без доспеха, денежного жалования не давалось совсем [5]). Зато если служилый человек выставлял людей „лишних перед землею через уложенные люди“, то предписывалось таким людям „перед уложенными в полтретия давати денгами“, что проводилось и на практике; так, Борису Иванову сыну Шастинскому за такого человека дано было вместо 2 рублей—пять, т. е. ровно в 2½ раза более [6]). „Уложение“ кроме того при этих условиях поощряло и самих помещиков и вотчинников, обещая им „от государя болшее жалование самим“, т. е. перевод на более высокий оклад, назначение которого зависело от усмотрения центральной власти.

---

[1]) Там-же, стр. 31, 56.
[2]) Там-же, стр. 32, 37.
[3]) По Московским понятиям XVI—XVII в. это был тот же неплатеж „службы“, так как под последней разумелась и степень боевой годности служилого человека и степень его вооружения и снаряжения, при чем в этом последнем смысле в десятнях говорилось про то или другое лицо, что „службы у него никакие в заводе нет“. См. В. Н. Сторожевъ, Тверское дворянство XVII в., вып. I. Тверь, 1891, стр. 67.
[4]) „Кормленая книга 1556 г.“, стр. 37, 49, 50, 52, 61.
[5]) Там же, стр. 61.
[6]) Там-же, стр. 37.

На этом собственно и заканчивается „уложение“, далее идет заключительная часть памятника: „и все государь строяше, как бы строение воинству и служба бы царская безо лжи была и без греха вправду; и подлинные тому розряды у царьских чиноначалников, у приказных людей“. П. Н. Милюков путем тщательнейшего анализа состава разрядных книг XVI в. доказал, что именно в 1556 г. была заведена официальная разрядная книга с 1475 г., т. е. за 80 лет назад. Для того, чтобы „регулировать службу и местнические отношения необходимо было иметь официальный канонический текст и за прошлое время [1]). Действительно, за малолетство Грозного поиспаталась „правда“, „ложь и грех“ проникли и в „службу царскую“; так, в одной правой грамоте 1573 г. содержится указание на любопытный факт, относящийся к этому времени: „и то смутил Овчина, написал в том разряде в правой руке в третих князь Семен Гундоров; князю Семену Гундорову мочно ли быти больши князя Михаила Курбского“... Очевидно, пользуясь своим положением, любимец княгини-правительницы повлиял на составление разрядной росписи и „дружа“ Гундоровым поставил их выше Курбских [2]).

Таковы несложное содержание и смысл важнейшего памятника истории русского военного права XVI стол., лежащего в центре не только военных, но и крупнейших мероприятий общегосударственного характера, предпринятых Грозным в первые годы его самостоятельного правления. Недостатки армии, обнаружившиеся в Казанских походах, имели корни в общей системе государственного правления, а потому правительство царя Иоанна и выступает с целым рядом крупных реформ в общегосударственном масштабе: в целях упорядочения системы земельных отношений служилого сословия производится поземельный кадастр и заводятся вотчинные книги, а в целях более правильного и постоянного обеспечения его денежным жалованьем устанавливается та система финансовых операций, которая позже приводит к образованию четей. В этой своей деятельности молодой царь не был одинок, выступавшая на смену уже сыгравшему свою роль старому боярству новая социальная сила была с ним. Публицистическая литература, исходившая из слоев этого рядового служилого люда, подсказала многое из совер-

---

[1]) П. Н. Милюковъ, Официальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги, Чт. О. И. и Др. Р., 1887 г. кн., 2, стр. 13. Его-же. Къ вопросу о составленіи разрядныхъ книгъ Ж. М. Н. П., 1889 г., май, стр. 169—170. Н. П. Лихачевъ, назв. соч., стр. 302—303. В. О. Ключевскій, Курсъ русской исторіи, ч. II. М. 1906, стр. 182—183.

[2]) Синбирскій сборникъ, М. 1845, Разрядная книга, стр. 43, Н. П. Лихачевъ, назв. соч., стр. 304—305.

шенного в это, по словам историографа нашего, „достопамятное время Иоаннова царствования“ [1]). Так И. Пересветов около 1549 г. высказывается против кормления и за обеспечение служилых людей „из казны жалованием государьским годовым“ [2]), а другой анонимный автор того же времени определяет единицу обложения земли службой в 250 четей, предлагая с такого „поприща“ служилому человеку „быти самому и с ним слузе во бронех“ [3]), что дает человека со 125 четей и приближается к окладной единице в 100 четей, принятой „уложением“ о службе 1556 года.

А. В. Бородин.

„Кормленые дьяки“ и вопрос о происхождении приказов-четей в Московском государстве XVI века.

Редко какое из центральных учреждений Московского государства так привлекало к себе внимание исследователей, как „чети“: имеется ряд статей и заметок, трактующих об их значении и происхождении. И, вместе с тем, нельзя не отметить, что до сих пор нет не только более или менее полной истории развития этих приказов, но даже и самый вопрос о том, откуда и как они возникли, остается спорным. Установлено только и окончательно, твердо, закреплено С. Ф. Платоновым, что чети появились в известном отношении в связи с земской реформой царя Ивана Грозного, а далее—выводы изучавших расходятся: одни, как С. Ф. Платонов, считают, что они были подчинены Разрядному приказу, через дьяков которого Боярская дума первоначально и ведала четвертные дела; другие — М. А. Дьяконов и последователи его мнения—предполагают, что четверти возникли из „ведомства казначеев“, но очень рано от него обособились; наконец одиноко стоят некоторые историки-юристы (М. Ф. Владимирский-Буданов и А. Н. Филиппов), придерживающиеся уже безусловно устаревших взглядов А. Д. Градовского о происхождении четей из механического роста территории Москов-

[1]) Н. М. Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, изд. 5, Эйнерлинга, кн. Спб. т. 8, П. 1842, стр. 141.

[2]) В. Ф. Ржига, Сочиненія И. Пересвѣтова, Чт. О. И. и Др. Р., 1908 г., кн. I, стр. 34, 46, 61, 63 и 72.

[3]) П. Н. Милюковъ, назв. рецензия, стр. 198. М. М. Богословскій, Нѣсколько словъ объ одномъ проектѣ реформъ XVI в., Труды археографической комиссіи Москов. археолог. о-ва т. I, вып. I, М. 1898, стр. 7.

ского государства и перенесения в Москву старых удельных центральных управлений [1]).

В задачу этого очерка не входит пересмотр вопроса в его историческом развитии, а тем более—не выражается претензия на завершение его в целом; поэтому в нем почти совсем и не найдут себе места какая-либо полемика или опровержение иных построений; цель предложенного заключается лишь в стремлении дать иллюстрацию к тому *приему* исследования Московских приказов-„четей“, каковой мыслится автору необходимым.

Прием этот можно было бы назвать, если угодно, „методом обратного изучения“; заключается он в том, чтобы, определив основные, характерные, функции данного учреждения в его сложившемся, окончательном виде, затем выяснить, где эти функции проявлялись до того момента, когда начинают уже становиться известными главнейшие черты изучаемого. Применяя этот метод к „четям“, и позволяем себе остановиться прежде всего на их, так сказать, формулировке.

„Четью“, „четвертью“, „четвертным приказом“ или „избою“ в Московском государстве XVI—XVII вв. называлось центральное учреждение с территориально-местным кругом деятельности [2]), собиравшее с населения „четвертные“ доходы (в основе их лежал „окуп за наместничь доход и присуд“, иначе — „кормленый оброк“, „белый корм“), ведавшее это население высшим судом и управою и расходовавшее собранное на содержание особого слоя служилых людей, „емлющих государево жалованье из чети“, так называемых „четвертчиков“ [3]). Момент появления двух функций четей определен С. Ф. Платоновым,

---

[1]) Подробный обзор литературы о четях см. у *Е. Д. Сташевскаго*, „Къ вопросу о томъ, когда и почему возникли чети“? („Кіевск. Унив. Изв.“, 1908 г., № 12, ч. II, стр. 28); также у *С. А. Шумакова*, „Къ исторіи Москов. приказовъ“ („Юридич. Записки“, 1911 г., вв. II—III (VIII—IX), стр. 511—533).—*М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, „Обзоръ исторіи русск. права“, изд. 6, Кіевъ, 1909, стр. 189—190; *А. Н Филипповъ*, „Учебникъ ист. русск. права“, ч. I, изд. 4, Юрьевъ, 1912, стр. 495—496.—Построения *Н. П. Вернера* („О времени и причинахъ образованія Московскихъ приказовъ“, М. 1907—1908, вв. I—II), которому осталась неизвестной работа М. А. Дьяконова, не могут быть введены в научный оборотъ.—Кажется, в научной литературе более всего сторонников выводовъ М. А. Дьяконова—ср.: *М. К. Любавскій*, „Лекціи по древней русск. ист. до конца XVI в.“. изд. I, М. 1915, стр. 282; изд. 2, М. 1918 г. стр. 282; *Н. А. Рожков*, „Русская история в сравнит.-историч. освещении“, т. IV, ч. I, П.—М., 1922, стр. 120—126. На прежней научной позиции остается *П. Н. Милюковъ* („Очерки по исторіи русск. культуры“, ч. I, изд. 6, Спб. 1909, стр. 196; изд. 7, М. 1918, стр. 195), хотя его домыслы разрушены уже *С. Ф. Платоновымъ* („Какъ возникли чети?“, Сочиненія“, т. I, Спб. 1912, стр. 141—144).

[2]) Исключение составляла позднейшая „Новая“ или „Кабацкая“ четь XVII в., имевшая и свои специальные доходы.

[3]) „Четвертчиков“ не имели, по всей видимости, чети Новгородская. и „Кабацкая“.

как упомянуто было выше, совершенно точно: и „окуп за наместничьи доходы“ и „четвертчики“—былые кормленщики, содержавшиеся четью — могли оказаться в Московском прошлом *только* после земской реформы Грозного 50-х гг. Летопись в рассказе об отмене кормлений и говорит, что царь приказал окуп собирать своим государевым дьякам „къ царьскымъ казнамъ“, а служилых людей наградил „праведными уроки“, „по отечеству и по дородству“,—в 4-ый или 3-ий год денежным жалованьем [1]). В этих „дьяках“ с „казнами“ видят совершенно ясно и основательно будущих „четвертных“ дьяков и „четвертные“ кассы. Но ни строго-местное, областное, ведомство чети, ни судебно-административные функции ее дьяка не вытекают из летописного изложения указа.—Позволительно, конечно, думать, что последние обязанности были возложены на дьяков *вновь образованных* касс по сбору „белого корма“—тогда чети являются целиком как следствие земской реформы и плодом, очевидно, сложной теоретической работы правительственной мысли; в таком случае изучение вопроса должно было бы сосредоточиться на анализе изложения летописью указа об отмене кормлений и в бесплодных, наверное, поисках подлинного указа.—Можно, однако, также, следуя предложенному выше методу, повернуть исследование и попытаться поискать, не было ли в Московском государстве *еще до реформы*, в „эпоху кормлений“, таких учреждений или лиц, которым были бы присущи оба интересующих нас признака чети. При подобной точке зрения четверти выросли не в результате реформы местного управления, а в качестве, можно сказать, лишь косвенного ее отзвука: они образовались из некоторых старых органов власти, получивших по отмене кормлений новые черты и функции.

Хорошо известно в русской исторической литературе, что представляло собою местное управление в Московском государстве до 50-х годов XVI века. Выяснено также и то, что власть провинциальных управителей-кормленщиков ограничивалась правительством издавна, задолго до окончательной ее ликвидации, путем установления института губных старост, городовыми приказчиками, уставными грамотами населению—регламентацией взамоотношений управителя и управляемых: все это в целях контроля над деятельностью местного администратора-кормленщика. По уставным грамотам мы почти не можем сказать, кто отправлял такие контрольные обязанности в центре, в Москве; ясно лишь, что все дворцовые волости получали

---

[1]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. XIII, ч. I, стр. 268.

указы из государевых „дворцов“, откуда присылались и пристава-недельщики; для дворцовых волостей дворецкие представляли, по всей видимости, и высшую апелляционную инстанцию [1]). Подобные же обязанности вменялись в некоторых случаях и казначеям [2]). Актовый матерьял дает исследователю при желании достаточно указаний на суд дворецких и казначеев, но для нашей цели важно и достаточно отметить лишь существование контрольных органов по провинциальному управлению кормленщиков, не вдаваясь в подробности вопроса о суде казначеев и дворецких.

Несколько более, чем из уставных грамот, можно извлечь из Судебника 1550 г. Правда, и тут приходится ловить смысл статей законодательства даже в отдельных словах, ставя их, так сказать, на фоне общих условий московского быта и довольствуясь предположениями.—Для нас важны две статьи этого памятника [3]). В статье 72-ой, относящейся к постановлениям о провинциальном судопроизводстве, говорится о праве челобитчика вчинять иски лишь сообразно своему животу, промыслу „и по розмету: сколко кто царевы и великого князя подати даетъ“. Для точного определения этого права Судебник предписывал составить „розметныя книги“, в двух экземплярах, из которых один оставался бы у судных мужей при наместнике, а другой должен был отсылаться в Москву (ежегодно) „къ тѣмъ бояромъ и къ дворецкимъ и къ казначеемъ и къ дiякомъ, у кого будутъ которые городы въ приказѣ“. Первый экземпляр был необходим в провинциальном суде для контролирования прав на иск местными властями; второй—для контроля действий уже этих властей, когда они, найдя иск вчиненным не по праву („будетъ живота его (т.-е. истца) столко нѣтъ“), дадут согласно требованию той же статьи вчинившего на поруку „въ царевѣ государевѣ пенѣ“, возьмут с него, как с виноватого, пошлины „по Судебнику“ и пришлют его в Москву. В Москве книги нужны были еще и для проверки иска посадских на своего бывшего наместника: „а которого году староста и цѣловальники розметныхъ книгъ къ

---

[1]) См. уставные грамоты: с. Высоцкого, 26 янв. 1536 г. („Намѣстн., губн. и земскія уставн. грамоты Моск. госуд.“, подъ ред. А. И. Яковлева, М. 1909, стр. 19—22); с. Андреевского. Звенигор. у., 20 апр. 1544 г. (ibid., стр. 30—32); сс. Афанасьевского и Васильевского, Москов. у., 28 февр. 1554 г. (ibid., стр. 37—39).

[2]) См. уставные грамоты: бобровникам Ильмехотского стана, Владимирского у., 16 іюля 1537 г. (ibid., стр. 22—25); Устьянским волостям, 11 сент. 1539 года (ibid., стр. 25—30); Пермской земле, 26 дек. 1553 г. (ibid., стр. 32—37).

[3]) Судебник цитируется по изд. проф. *М. Ф. Владимирского-Буданова* в „Христоматiи по исторiи русск. права“, в. II, изд. 4, Кiевъ, 1901.

Москвѣ не пришлютъ, и въ томъ году имъ на намѣстника суда не дати". В уезде, у волостеля, роль розметных книг для определения законности иска играл обыск (по требованию ответчика), а в Москву присылался вместе с „ябедником" обыскной список. Таким образом, в руках приказных людей, получавших с посадских ежегодно „розметныя книги", а от уездного администратора—„обыскные списки" повременно, в зависимости от обнаруженного ябедничества, сосредочена была контрольная власть по кормленому провинциальному управлению, власть, не лишенная, по всей видимости, и кассационного характера: именно, лишь желанием Московского правительства проверять правильность постановки приговора в уже вершенном деле можно об'яснить требование присылки к нему истца, ранее обвиненного в неправомерности иска и понесшего уже наказание от местных властей („и тѣхъ истцовъ въ ихъ искѣхъ тѣмъ и винити, и пошлины имати ..., ... ино его обвинити и пошлины на немъ взятии...").

Возможно, что именно эти контролировавшие провинциальное управление приказные люди имели право по статье 75-ой Судебника посылать „записи" по наместникам, волостелям, их тиунам и людям, если становились известны „ведомые розбойные дела" кормленщиков, а также по „приказным делам", т. е. делам по службе.

Наш специальный интерес к изучению подобного рода органов центральной власти в Московском государстве половины XVI столетия усугубляется еще приведенным уже выше известием о территориальной основе распределения между ними контрольных обязанностей—„у кого будутъ которые городы въ приказѣ". Судебник перечисляет все, возможные тогда, категории приказных людей: бояр, дворецких, казначеев и дьяков. Из обзора уставных грамот видно, что у казначеев и дворецких действительно сосредоточивалась контрольная власть над известным количеством местностей; относительно дьяков нам придется еще говорить ниже, но упоминание в этом списке „бояр" едва ли не следует относить к чисто внешней стороне памятника, к редакционным формулам. Участие боярства в это время в приказной администрации (в качестве приказных „судей") не очень велико: „бояре" сиживали, напр., в Разбойной избе [1]), в некоторых специальных „приказах" (1557 г.—„приказ" окольничего Ф. И. Умного, 1558 г.—боярина кн. Дм. И. Немого, бояр кн. Ив. Андр. Булгакова, кн. Ф. И. Шуйского, и эти приказы, можно

[1]) См. губные грамоты и наказы в сборнике „Намѣстн., губн. и земск. уст. грам. Моск. госуд.", стр. 51—78.

думать, — общегосударственные [1]). В более позднее время, когда „приказ“ окачательно стал из личного поручения в. кн. уже „избою“, учрежденнием с более или менее оформленой сферою деятельности, тогда действительно появляются в массе приказные „судьи“ из „боярского“ класса; несколько ранее, в удельную пору, в XV—начале XVI вв., участие думных—„введеных“ бояр было также обширнее, но время Грозного—время господства у власти его „верников“-дьяков, чем так корили его московские политические эмигранты Тетерин и Сарыгозин. Боярин, „у которого городы приказаны“, в сущности, должен был бы быть именно старинным „введеным“ боярином, а таковых к 50-м годам уже сменили, по крайней мере по отношению к привилегированным лицам, тарханщикам-иммунистам, дворецкие государевых дворов. Введеный боярин и дворецкий для этого времени — понятия, кажется, идентичные [2]). Исходя из подобных соображений, мы и решаемся в дальнейшем говорить только о казначеях, дворецких и дьяках, оставляя в стороне „бояр“.

С только что разобранными указаниями Царского Судебника на существование в Московском центральном управлении органов судебно-административного контроля над действиями провинциальных администраторов-кормленщиков очень любопытно сопоставить статью 47-ую того же памятника. Последняя, будучи частью постановлений о недельщиках, предписывает им, после того как их „пустятъ въ недѣли“, приводить своих „ездоков“

---

[1]) *Н. П. Лихачевъ*, „Разр. дьяки. XVI в.“, Спб. 1888, стр. 275—276. Дополнит. указы к Судебнику въ „Христ. по ист. русс. права“, *М. Ф. Влад.-Буданова*, изд. 3, в. III, стр. 15, 16, 19, 20. Кн. Д. И. Немой-Оболенский „съ товарыщи“ обязан был, однако, разослать грамоты *„по городамъ, которые у них“ въ судъ“*. указы о приговоре Думы о делах по долговым обязательствам и закладе вотчин; надо думать, что это был, по всей видимости, один из предшественников будущих областных судебных приказов.

[2]) Ср., напр., любопытную грамоту 1543 г. Стефанову Махрищскому монастырю, где „боярином введеным“ назван безусловно дворецкий великой княгини — „у которого будет матери моей великой княгини *дворецъ* въ приказѣ“ (Этим введен. боярином был по всей видимости кн. П. И. Репнин—Оболенский. *С. А. Шумаковъ*, „Обзоръ Грамотъ Коллегіи Экономіи“, в. IV, М. 1917, стр. 481—482, № 1329). Другой не менее интересный документ, относящийся как раз ко времени Судебника, подтверждает высказанное: именно 20 сент. 1551 г. царь пожаловал своих трех певчих дьяков данным приставством в Троицком и во всех (кроме „Благовѣщенья, что на Кержачѣ“) приписных к нему монастырях, причем пристава обязаны были чинить срок монастыр. людям стать перед царем „и передъ....бояры и передъ....дворецкими тѣхъ городовъ людемъ, которые городы у которыхъ бояръ и у дворецкихъ въ приказѣ будутъ“. Здесь „боярин“ несет одинаковые обязанности с дворецким и, следовательно, опять-таки являлся бы старинным боярином введеным. Терминология акта, изданного сейчас же за введением Судебника 1550 г., без сомнения, взята из него и лишний раз, думается, подтверждает то, что дипломатические „пережитки“ языка документа всякий раз при исследовании должны быть подвергнуты специальному разбору (Акт. Ист., I, № 157; также: *С. А. Шумаковъ*, ibid., стр. 506, № 1396).

и „заговорщиков“ к тем дьякам, „которые діяки у кормленія будутъ“, и записывать их в книги, „чтобъ ся недѣльщики своихъ заговорщиковъ и ѣздоковъ не отпирали“—в случае злоупотребления тех и других. „А которого ѣздока изымаютъ, а тотъ ѣздокъ въ книгахъ у кормленыхъ діяковъ ни у которого недѣлщика будетъ не написанъ“, добавляет Судебник, „и того ѣздока казнити торговою казнію“.

В этих словах памятника наше внимание останавливает прежде всего наименование дьяков, которые ведают недельщиков, *„кормлеными“*,—термин, кажется, не встречающийся более нигде в других источниках применительно к приказным людям того времени. Некоторые считают, что дьяки эти звались так потому, что они „кормились“ в приказе, приказ был их „кормлением“ [1]. Но такое толкование данного места в Судебнике не может быть принято никоим образом. Дело в том во 1-х, что „кормленых дьяков“ никак невозможно отожествлять с дьяками, вообще сидевшими в приказах,—а лишь такое предположение и имело бы некоторое научное значение,—т. к. странно было бы совершенно произвольно выделять каких-то особых приказных людей, специально и исключительно „кормившихся“ *только* при заведывании недельщиками, тогда как другие, вероятно, не менее важные в деловом смысле, оставались бы без подобного „кормления“. Наоборот, Судебник, говоря о дьяках, действующих безусловно в центральных учреждениях, нигде не называет их „кормлеными“ (ср., напр., ст. 7, 28, 29, 34, 75 (в приказе сидит боярин и дьяк), 77 и т. д.); можно, с большой долей вероятности, предположить, что их он именует „полатными“ [2]. Смысл самой 47-ой статьи указывает также, что недельщики должны были записываться не вообще у всех приказных дьяков, а у определенных лиц, которые именно в момент записи „у кормления будут.“ — Во 2-х, термин „кормленый“ не содержит в себе указания на пользование кормлением, как средством вознаграждения за службу. Нам известны случаи употребления

---

[1]) *М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, „Христом. по исторіи русск. права“, в. II, стр. 141—142, прим. 102; впрочем сейчас же признается и формализм терминологии в этом случае для эпохи Судебника.—Взгляд М. Ф. Влад.-Буданова в данном месте по всей видимости находится под влиянием *Ѳ. М. Дмитріева* („Исторія судебныхъ инстанцій и гражд. апелляц. судопр., отъ Судебника до Учрежд. о губерн.“, М. 1859, стр. 122)

[2]) Статья 26: „А дьякомъ *полатнымъ* и *дворцовымъ* безчестія, что царь и великій князь укажетъ“. Здесь очевидно говорится о дьяках государевых Дворцов (Большого и местных) и дьяках других приказовъ; иное предположение делает *В. О. Ключевскій* („Боярская Дума древней Руси“, изд. 4, М 1909, стр 268): „дьяки палатные“—„всего вернѣе думные“. Чрезвычайно странен тогда пропуск в статье о бесчестии всех других приказных дьяков и упоминание почему-то об одних только думных и дворцовых.

этого термина: он определяет те или иные предметы, положения или отношения, связанные с управлением кормленщиков; но нет, кажется, известий, чтобы термин прилагался к самому *суб'екту*, занимавшему кормление. Так были: „кормленые книги", в которых в чети записывалось государево жалованье, получаемое служилыми людьми-четвертчиками (до отмены кормлений имевших на них право); „кормленый окуп" или „кормленый оброк"—деньги, вносимые населением взамен доходов наместника-кормленщика и за право самоуправления; „кормленое верстание"—распределение кормлений между служилыми людьми,—но не было „кормленого" служилого человека, „кормленого" боярина или сына боярского, „кормленого" дворянина, хотя бы эти лица и пользовались каким-либо кормлением.

Такое же значение термин получает и в интересующей нас статье 47-ой Судебника, если только внимательно присмотреться, кем ведали упомянутые там „кормленые дьяки". Недельщик, обязанный записать у них своих вольнонаемных служителей-„ездоков" и товарищей-„заговорщиков" [1]), был второстепенным чиновником при центральных правительственных учреждениях. Его обязанности, регламентированные Судебником (ст. 48—54), заключались в вызове на суд ответчиков, назначении им срока явки и даче их на поруки, также в сыске и поимке татей. Вознаграждением служили „езд" и „хоженое", за прямые обязанности недельщика (вызов на суд), и некоторые судные пошлины: „полевые" и „избные" (или „избойные") пошлины, „вязчее" (статьи 10—12). Недельщики составляли между собою „заговор"—товарищество с круговой порукою—и назначались по собственному челобитью, на тот или иной срок, из дворян или детей боярских. Из документов несколько более поздних, чем Судебник 1550 г., видно, что служилые люди с большой охотой отказывались от денежного государева жалованья и даже от прямого кормления, предпочитая бить челом о „неделях" [2]).

[1]) См. „Христом. по ист. русск. права" *М. Ф. Владимирскаго-Буданова*, в. II, 141, прим. 99. Обязанности недельщика также см. у *Ѳ. М. Дмитріева*, op. cit., стр. 137—140.

[2]) См., напр., у *Е. Д. Сташевскаго*, „Десятни Московскаго уѣзда 7086 и 7094 гг." („Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.", 1911 г., кн. I, отд. I), ряд случаев в 1578 г., когда о „неделях" взамен жалованья били челом служилые люди с довольно значительными поместными и денежными окладами—по 200 четей, по 12 руб. (стр. 6—7, 10, 11: также стр. 13, 14, 15, 18, 19 и т. д.). Таким образом, для служилого человека, даже хорошо обеспеченного, получить „недели" было, видимо, выгодно, да и само правительство рассматривало службу в неделях как вознаграждение за настоящую ратную службу: так, назначая тарханщику монастырю особого „данного" пристава, обычно писали—„доколе он в *нашем жалованьи* в неделех побудет".—Если присмотреться к тем случаям (в цитир. десятне 1578 г.), когда правительственная власть не выдавала служилым людям жалованья, то их можно разбить на 3 категории: 1) „за нѣты, что въ Розрядѣ

Конечно, привлекала служилых людей не самая служба на посылках у приказных дельцов, а „езд“ и „хоженое“ недельщика. Обязанности недельщиков правительство и рассматривало, ограничивая право вмешательства их в действия мирских властей после введения местного самоуправления, как нечто второстепенное сравнительно с получкой вознаграждения за „недели“: „А недѣльщикомъ“, читаем мы в дополнительных статьях к Царскому Судебнику (1556 г.), „съ старостами не обыскивати и никоторого дѣла съ ними не дѣлати, *а возити грамоты для своего ѣзду*“ [1]). Получка „езда“—вот главное для недельщика. Подобная должность, своеобразная синекура, близко стоит по бытовым условиям к старинным кормлениям, именно к той их разновидности, которую знаем мы под именем „пути“ — определенной отрасли управления, отданной в „корм“ служилому человеку. Очень характерно, что в наместничьем провинциальном управлении недельщику соответствовал уже чистый кормленщик—„доводчик“, должность, уничтоженная с отменою кормлений в 50-х гг., за „поборы“ которого население платило „кормленый окуп“ наравне с наместничьим (см., напр., уставные земские грамоты—Важскую 1552 г. и Двинскую 1556 г.).

Итак, „кормленые дьяки“ статьи 47-ой Царского Судебника, ведя записи в книги недельщиков, в действительности записывали чиновников с чисто „кормленым“ в бытовом отношении характером деятельности. Вполне понятно и ясно тогда и наименование дьяков: „кормлеными“ они звались потому, что ведали дела по управлению кормленщиками (сравн. выше, стр. 160). В данном, конкретном случае обязанности их заключались в том, чтобы вести записные книги „ездоков“ недельщика и его поручителей-„заговорщиков“ для *контроля* их деятельности, „чтобы ся недѣлщики своихъ заговорщиковъ и ѣздоков не отпирали;

не живетъ“, „на Москвѣ не живетъ“—дисциплинарное взыскание за проступок по службе (№ 50 (стр. 11), № 73 (стр. 13), № 227 (стр. 26) и др.): 2) в виду служебной командировки получающего (№ 66 (стр. 13), № 87 (стр. 15); 3) когда служилый человек уже получил вознаграждение другим способом. К последней категории нужно причислить детей боярских, которые или а) посылались в провинцию кормиться—„вѣдать на государя черныя волости“, или же б) назначались получать „езд“ и „хоженое“ в качестве недельщиков (о черных волостях см., напр., № 57, (стр. 12), № 81 (стр. 14), № 86 (стр. 15), № 90 (ibid): о неделях—№ 178 (стр. 22), № 187 (стр. 23), № 203 (стр. 24, и др.). И вот из общего количества записанных в десятне 200 с небольшим человек, около 50 сами просили о припуске „в недели“, и не явилось *ни одного* челобитья о даче „черных волостей“. См. также в Коломенской десятне 1577 г. (*В. Н. Сторожевъ*, „Десятни и тысячная книга XVI вѣка“—„Описаніе докум. и бум., хранящ. въ Моск. Арх. Мин. Юст.“, кн. 8, М. 1891, стр. 13 (№ 65), стр. 16 (№ 88), стр. 17 (№ 93), стр. 21 (№ 128), стр. 25 (№ 165)—челобитья о „неделях“ и о „дворском“).

[1]) *М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, „Христоматія“, в. III, изд. 3 (1889 г), стр. 10.

а какову обиду или продажу ѣздокъ кому учинитъ, и уличатъ его въ томъ, и тотъ искъ взяти на недѣлщики, отъ кого тотъ ѣздокъ ѣздилъ...... А что заговорщикъ кому учинитъ какову продажу или обиду, и уличатъ его въ томъ, и тѣ иски всѣ взяти на всемъ заговорѣ..." Таким образом, обязанности „кормленых" дьяков (по Судебнику) очевидно по существу своему те же, что и обязанности таких приказных людей, которые надзирали за деятельностью провинциальных кормленщиков в зависимости от того, „у кого будутъ которые городы въ приказѣ": и у тех и у других сосредоточивалось высшее веденпе по делам кормленого управления, и разница, повидимому, заключалась не в об‘еме и направлении их власти, а всего лишь в количестве и качестве подлежащих последней об‘ектов.

Осуществлять подобный контроль очевидно можно было не одними только указанными в Судебнике способами: уставная грамота населению, как мы уже упоминали выше, также определяла законные взаимоотношения населения и кормленщика; обратно, доходный список кормления обеспечивал кормленщику его права по отношению к населению. Смеем предполагать, что выдача того и другого документа могла быть обязанностью кормленых дьяков. У них должно было, вероятно, сосредоточиться и известное количество других „кормленых" дел: выдать, напр., кормленщику жалованную грамоту на кормление и записать ее в особые книги[1]), вести книги доходов с тех или иных кормлений — чтобы иметь возможность дать с этих книг кормленщику „доходный список" и определить размер, в случае необходимости, „бесчестия" с обидчика служилому человеку (Царск. Судебник, ст. 26: „А безчестія дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія, указывати противу доходу, *что на томъ кормленью доходу по книгамъ*") [2]). Вероятно на основании таких доходных книг составлялись и „списки къ кормленому верстанью", на которые есть глухое указание источников [3]).

---

[1]). Указание на подобного рода книги находится в ссылке на них Вас. Гр. Зюзина в его местническом деле с Фед. Нагим и в ответе д. А. Щелкалова на царский запрос о жалованной грамоте Шетнева; книги эти, как видно из отписки Щелкалова, впоследствии хранились в четвертях („Рус. Истор. Сборн.", М. 1842., т. V, стр 20—21, 23—24).

[2]) Сравн.: Доп Акт. Ист., I. № 53. В данном случае „доходный список" дают провинциальные дьяки (в Новгороде) с своих книг, но по приказанию центрального (д. Ив. Михаiлова). Новгородское управление в Московское время отличалось в значительной мере самостоятельностью и развитым дьячьим делопроизводством. Едва ли возможно отрицать существование таких книг и у Московских приказных; также: *А. С. Лаппо-Данилевскій*, „Предисловіе" к „Кормленой книгѣ Костромской чети 1613—1627", стр. V (Рус. Ист. Биб., т. XV).

[3]) „Боярская книга" 1556 г. стр. 51 („Архивъ историко-юридич. свѣд." *Н. В. Калачова*, 1861 г., кн. III, отд. II).

Высказанные соображения о компетенции дьяков „кормленых“ и дьяков, „у которых городы в приказе“, и сближение их друг с другом—гипотетичны, но гипотезой этой об'ясняется, кажется, многое в начальной истории интересующих нас приказов. Актовый матерьял, правда очень скудный, позволяет наметить несколько конкретных лиц с подобными служебными обязанностями. При этом является уверенность, что *на кормленых именно дьяков Московское правительство и возложило сбор „кормленого окупа“ и заведывание областями, когда решило заменить прежнее кормленое управление новой системой мирского самоуправления.* В дальнейшем наша задача и сведется к тому, чтобы показать на некоторых примерах, как постепенно с реформой местного управления осложнение обязанностей кормленого дьяка сообщало ему новые функции, затем отрывавшиеся от лица определенного приказного человека, чтобы стать уже особым учреждением—„Четвертною избой“. Признаки местной территориальности чети и высшей, контрольной, административно-судебной, деятельности ее дьяка получают обоснование в старых ведомствах „кормленых дьяков“ [1]).

Одним из первых приказных дельцов, которого можно считать „дьяком у кормления“ перед самой земской реформой, был дьяк *Юрий Сидоров.* Он служил в Казне Государевой в 40-х и 50-х гг. XVI столетия, получая там важнейшие государственные доходы, но в то же время исполнял поручения и „по приказу“ государева дворецкого: как можно уловить из чтения документов московского приказного делопроизводства того времени, „государевы дьяки“ еще не вполне дифференцировались в своих обязанностях и несли их часто по разным, как бы сказать, министерствам и департаментам тогдашнего центрального правительственного механизма, были, в сущности, еще „чиновниками особых поручений“, старинное начало личного „приказа“ еще не потеряло

---

[1]) Что касается до дворецких и казначеев, как ведающих по ст. 72-ой Судебника „городы“, то первые, как известно, и после введения самоуправления продолжали быть высшей инстанцией для самоуправляющихся миров в дворцовых волостях; государевы Дворцы („Большой“ и местные) являлись для последних, четвертью, если так можно выразиться. Но история этих, также областных, приказов слагалась иным образом и не входит в круг поставленной нами задачи. — Казначеи, сидевшие в Казне Государевой, где стекались и хранились первоначально все доходы и ценности московских вел.князей, заслуживают также с этой стороны их деятельности особого исследования; у них после замской реформы продолжали ведаться некоторые области „во всем“—так было, напр., с Двиною в 60-х и начале 70-х гг. (см. ниже, стр. 174), но связывать с ними образование четей—нет возможности.

своей силы[1]). О специальных, „кормленых“, функциях деятельности Сидорова, не связанных, по всей видимости, совершенно с его основными служебными обязанностями, дошло до нас несколько свидетельств: именно 25 янв. 1556 г. он запросил новгородских дьяков, дали ли им „счет“ Юрий Манасеин и Иван Тверятинов, кормившиеся от „писчей деньги“ в Старой Русе: „И въ томъ ихъ жалованьѣ и въ счити в наших пошлинах здесе на Москвѣ дьякъ нашъ Юрьи Сидоров с товарыщи поимал поруки з записми, а ныне онѣ съ нашего жалованья из Русы съѣхали и сщет сказываютъ онѣ вамъ въ нашей казнѣ дали“. Если показание бывших кормленщиков о сдаче отчетности не подтвердилось бы, то Ю. Сидоров с товарищами „за тѣмъ счетомъ Ивану Тверитинову записей поручныхъ не выдадуть“[2]). Это свидетельство документа, думается, ярко обрисовывает обязанности кормленого дьяка, намеченные статьей 47-ой Судебника 1550 г.: Юрий Сидоров отбирает поручные от кормленщиков среднего ранга и видимо ведет регистрацию их подобно тому как регистрировались и давали записи поручиков недельщики, чиновники с „кормленым“ характером своей деятельности. Тот же Сидоров является перед нами в другом случае и как дьяк, заведующий контролем уже по провинциальному наместничью управлению: в 1553 году, 5 марта, он по приказу казначея сделал подпись на уставной грамоте 1539 г. Устьянским волостям с применением новых процессуальных и правовых

---

[1]) Сведений об основной службе Юрия Сидорова чрезвычайно много; см., напр.: А. А. Э. I. № 228 (1549 г.—„Архивъ П. М. Строева“, т. I, № 182—Р. И. Б., т. XXXII.; Доп. Акт. Ист., I, № 145; А. А. Э. I, № 230 („Архивъ П. М. Строева“, т. I, № 185); Рукоп. Археогр. Ком., Сборник грамот № 112, отд. IV, № 10, стр. 225 (1549 г.): ibid, № 12, стр. 231 (ямские деньги и тамга в 1551 г.; *Архим. Амвросій*, „Ист. Росс. Іерархіи“, ч. III, М. 1811, стр. 719 (ямские деньги, тамга и мыто в 1551 г.): Рук. Археогр. Ком., Сборн. № 112, отд. IV, № 15, стр. 250 (пищальные деньги в 1551 г.); *А. В—нъ*, „Грамоты и акты Вятскаго архіерейскаго дома“, №№ 1—3, 1551—53 гг. („Труды Вят. Архивн. Комиссіи“, 1907 г., в. II, отд. 2), А. А. Э. I, № 236 (1553 г., ср., ibid., №№ 220 и 226). Ю. Сидоров сидел и в особых специальных приказах: 1) в своеобразной банковой комиссии в 1551 г.—А. А. Э. I. № 155, Доп. Акт. Ист., I, № 45; 2) в „Полавочной избе“—1550—1552 г. (Сборн. Рус. Ист. Общ., т. 59, стр. 334; *П. О. Симсонъ*, „Исторія г. Серпухова“, М. 1880, прилож. II) Указаний на деятельность Ю. Сидорова по дворцовому управлению так много, что *Н. П. Лихачевъ* (op. cit., стр. 271, прим.) *считает его прямо дьяком Б. Дворца с 1551 г.*—см. там же ссылки на документы: непосредственно под началом дворецкого, по его „приказу“, действует Сидоров, напр., в следующих документах: Рукоп. Археогр. Ком., Сборн. № 112, отд. IV, № 20, стр. 271; А. А. Э. I. № 191; *Архим. Амвросій*, op. cit., т. III, стр. 291-294. Грамоты монастырям Сидоров подписывал еще в 1561—62 г. (*С. А. Шумаковъ*, „Обзоръ Грамотъ Коллегіи Экономіи“, в. II, М. 1902, ч. 2, № X, ст. 171). В более позднее время у Сидорова, кажется, сосредоточена была специальная получка (в Казне) пищальных денег (*Н. П. Лихачевъ*, op. cit., стр. 257 и 269—270, прим.).

[2]) *Н. П. Лихачевъ*, op. cit., стр. 270, прим. 1.

норм Судебника к старым привилегиям, дарованным грамотою[1]). Подобное изменение содержания документа, регламентирующего отношения местных общества и управителя, очевидно могло быть произведено лишь лицами, действительно ведавшими высшее управление над населением той области, которой дана была грамота. Юрий Сидоров, как в известной степени казенный дьяк, действовавший „по приказу“ казначея, в последнем примере рисуется лицом, у которого по статье 72-ой Судебника были „приказаны“ определенные области. Таким образом, сделанное нами сближение „кормленных дьяков“ статьи 47-ой Судебника с теми, „у которых городы в приказе“, — 72-ой — получает на примере деятельности Юрия Сидорова известное основание.

Но Юрия Сидорова — по приведенным свидетельствам — можно рассматривать только как „кормленого дьяка“: сведений, чтобы он ведал области, уже перешедшие на самоуправление, кажется, не имеется. Зато другой казенный дьяк, *Истома Ноугородов,* нес двойные обязанности, т. к. часть подведомственных ему областей уже откупилась от наместника; для одних областей он оставался поэтому по старому „кормленым“ дьяком, „у которого городы в приказе“, а для других, вместе с прямыми своими начальниками казначеями, являлся уже предшественником „четвертных“ дьяков. Так, 25 марта 1552 года он подтвердил уставную грамоту 1536 г. Онежской земле (т. е. Каргополю и Турчасову по позднейшей терминологии), еще управлявшейся неместником-кормленщиком [2], а по известной Важской земской грамоте, 21-го марта того же 1552 года, Ноугородову и казначеям шел с важан „оброкъ за намѣстничь доходъ“, присылались важскими излюбленными судьями судные списки и „обыски во всякихъ дѣлѣхъ“, которых „кончать немочно“ без ведома центральных властей, и принадлежало право суда в спорах между важскими жителями и иногородцами [3]). Так как дьяк, ведавший Вагу, Ист. Ноугородов, был „казенным“, то съ этой области к нему поступал не один только „кормленый окуп“,

---

[1]) „Намѣстн. губн. и зем. грам. Моск. госуд.“, стр. 28—29.

[2]) Ibid., стр. 19.—Истома Ноугородов ведал и некоторые другие местности Поморья: он подписал, напр., 24 мая 1552 г., жалованную грамоту самоедам Канина Носа (А. А. Э. I., № 204): точно так же подписана им жалов. грамота 6 февр. 1545 г. Антониеву Сийскому монастырю, ведавшемуся судом и управою у государевых казначеев („Сборникъ Грамотъ Коллегіи Экономіи“, изд. Росс. Акад. Наук, т. I, № 109, стр. 110—112). В издании стоит „Истома Коугородов“ — очевидная описка. С листами означенного издания в корректуре я имел возможность ознакомиться благодаря обычной любезности глубокоуважаемого С. Ф. Платонова, за что и приношу ему искреннюю благодарность.

[3]) „Намѣстн., губн. и зем. грам. Моск. госуд.“, стр. 109.

но и другие подати: от 4 августа 1552 г., напр., дошла до нас отпись дьяка Истомы в приеме „съ Важскіе земли“ денег „за посошные люди“ [1]).

Наблюдая над тем, как области, подчиненные в начале 50-х годов д. И. Ноугородову, затем переходили последовательно к другим дьякам, удается уловить чрезвычайно важный момент образования для этих *именно* областей особой, специально-местной, приказной избы—„Четвертной“. Области, которыми ведал тот или иной „кормленый дьяк“, были, видимо, иногда довольно сплоченными территориальными комплексами; поэтому-то и Вага и Каргополь во второй половине 50-х годов, став автономными волостями, оказались после Ноугородова опять в ведомстве одного лица. Важская земская грамота 1552 г. предусматривала уже возможность заведывания Вагою иным дьяком: так судные списки приказано привозить казначеям и Истоме Ноугородову „или иному діяку, *кому изъ Царь и Великій князь Вагу прикажу*“[2]), причем характерно, что казначеи не предусмотрены в качестве *необходимой* инстанции. Действительно, 8 марта 1556 года важские излюбленные судьи Ил. Фелютин, Ив. Иевлев (избранные еще в 1552 г.) и Тараско Павлов (новый) били челом государю о разных вопросах, касающихся заемных дел по кабалам, в которых они „управы чинити безъ государева вѣдома... не смѣютъ“, т. к. „у нихъ въ ихъ грамотѣ того не написано“—и разъяснение этих вопросов мирских властей было сделано новым дьяком, *Иваном Михайловым*, заменившим, по всей видимости, Ноугородова в обязанностях по сбору наместничья дохода и как „кормленого дьяка“ над определенным кругом областей.—Каргопольская земля (собственно Каргопольский уезд и стан-уезд Турчасовский) стали ведаться тем же д. Ив. Михайловым. До нас дошли несколько оброчных, выданных в 1553—1555 гг. каргопольскими писцами Як. И. Сабуровым и Ив. Анд. Кутузовым на разные угодья в Турчасовской волости Золотице [3]); в них нет еще упоминания о наместничьем окупе, а оброк приказывается привозить „зъ году на годъ въ *цареву и великаго князя казну*“—следовательно до 1555 г. (до мая месяца) [4]) Каргополь не был пока самоуправляющейся общиной и вносил деньги в государеву казну, м. б. все тому же еще д. И. Ноугородову. Более того, еще в феврале 1556 г., когда была выдана сотная грамота Соловецкому монастырю на его владения в

---

[1]) А. А. Э. I., № 233 („Архивъ П. М. Строева, т. I, № 190).
[2]) „Намѣстн., губн. и зем. грам. Моск. Госуд.“, стр. 109.
[3]) Рукоп. Росс. Публичн. Библиотеки, Q IV 113а, стр. 709—710, 710—712, 976—978. См. также указную грамоту этих писцов 1553 г., ibid., стр. 1068—1070.
[4]) Ibid., стр. 976—978.

Каргопольском у., в перечислении налогов точно так же нет оброка за наместничьи доходы и упоминаются по старому „казначеевы пошлины“ [1]). Но в 1560 г., 11 сентября, новые каргопольские писцы, Ник. Гр. Яхонтов с товарищами, выдали золотичанину Григорью Никитину оброчную на места „на морскомъ берегу на Двинской стороне... рѣчку Шидроеву да морскую губу Пушлахту да на морѣ, кругъ острова Жегжилина, корги морскіе“, причем оброк предписано было высылать уже „къ цареву и великого князя діяку къ Ивану Михайлову ежегодъ, *съ намѣстничьимъ съ отку(п)нымъ оброкомъ вмѣстѣ*“ [2]). — Повидимому и каргопольская область получила самоуправление в эти годы, и доходы с нее стали итти вместе с деньгами за наместничий доход новому лицу, д. И. Михайлову, который для обоих областей (Ваги и Каргополя), бывших ранее в ведении дьяка Ноугородова, стал нести функции уже „четвертного“. Однако, тот же Ив. Михайлов для некоторых других местностей отправлял еще обязанности прежнего „кормленого дьяка“: так, в 1555 году им были отправлены две грамоты новгородским дьякам—4 августа, с извещением, что царь пожаловал „яселничим“ в Новгороде Ф. В. Крюкова под кн. Андр. Гагариным, а 21 августа—с приказанием возвратить Ладожскому Васильевскому монастырю корм, незаконно доправленный ладожскому наместнику Ф. Д. Аксакову [3]). 3 февр. 1557 года он также выдал Вас. Конст. Сухово-Кобылину и грамоту на кормление в Кобыльем Городище [4]).

Дьяк Иван Михайлов - знаменитый Иван Михайлович Висковатов, с 1549 года начальник Посольского приказа, в 1553—1554 году, безусловно, также и думный дьяк [5]). Сделавшись преемником казенного дьяка Истомы Ноугородова в качестве „кормленого“ и собирающего оброк за наместничьи доходы

[1]) *С. А. Шумаковъ,* „Сотницы (1554—1557 гг.), Грамоты и Записи (1628—1701 гг.)“, в. III, М. 1904, стр. 18—20.

[2]) Рукоп. Росс. Публичн. Библиотеки, Q IV 113а, стр. 712—713: другие списки: Рукоп. Петроградской Духовн. Академии, А. I.17, лл. 1175 об.—1176; Рукоп. Археогр. Ком., „Акты Белозерские“, коробка I, № 16, докум. I.

[3]) Доп. Акт. Ист., I, №№ 53 и 54.

[4]) *А. И. Юшковъ,* „Акты XIII—XVII ст., представл. въ Разрядный приказъ“, М. 1898, № 181.—Ив. Михайлов подписал в мае 1551 г. цитиров. уже нами грамоту 1545 г. Сийскому мон. (см. выше, стр. 165, прим. 2), но эту подпись—вслед за постановлением Стоглава о монастырских вотчинах—думается нельзя относить к его „кормленой“ деятельности; за его подписью в это время встречаются и другие грамоты.

[5]) *В. О. Ключевскій,* op. cit., изд. 4, стр. 542 *С. А. Бѣлокуровъ,* „О Посольскомъ приказѣ“, стр. 26 („Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.“. 1906 г., кн. III, отд. IV).—Ср. еще: *В. И. Савва,* „О Посольском приказѣ XVI в.“, Харьковъ, 1917. — О думном дьячестве Висковатова—Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. XIII, ч. I, стр. 238, ч. II, стр. 529—532.

дьяка, он, конечно, уже не стоял ни в какой зависимости от казначеев, собирая, вероятно, деньги и ведя дела по управлению „приказанными“ ему областями у себя, в своей особой „дьячьей“ „посолной“ избе, а не на Казенном дворе [1]). Но в 1561 году, в начале февраля, Висковатов получил чин печатника [2]) и во второй половине 1562 года отправился послом в Данию [3]). В Посольской избе его сменил дьяк Андрей Васильев, в 1562-ом году также значащийся думным, но не получивший обязанностей Висковатова по кормленым делам и по сбору наместничьего откупа [4]). Для них была образована особая приказная изба: в 1561 — 62 (7070 году) каргопольские крестьяне обязаны были оброчные волостные деньги за покосы „привозити къ Москвѣ въ Четвертную избу къ цареву великаго князя дьяку къ *Василью Борисову сыну Колзакова* съ намѣстничьимъ откупнымъ оброкомъ вмѣстѣ“ [5]). Другое сведение об этом, только что образовавшемся, приказе еще более уточняет момент его возникновения: именно от 29 мая 1561 г., до нас дошла сотная черных деревень волости Высокой, Коломенского у., выданная писцами кн. Андр. Ив. Елецким с товарищи— волощанам приказывалось „привозити... оброчные денги и с пошлинами... самим к Москве и отдавати в цареву и великої князя казну дьяку Василью Борисову сыну Колзакову, а дати им тот оброк впервые на Петров день и Павлов верховных апостол лѣта 7069 г.“ [6]). Так, механическим путем, выросла, в

[1]) О Посольской избе см. у *С. А. Бѣлокурова*, op. cit., стр. 25.

[2]) Ibid., стр. 29; *Н. П. Лихачевъ*, „Библіотека и архивъ Москов. государей въ XVI ст.“, Спб., 1894, стр. 100.

[3]) *Н. П. Лихачевъ*, „Библіотека и архивъ“, стр. 101. Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. XIII, ч. II, стр. 343

[4]) *Н. П. Лихачевъ*, „Думное дворянство въ боярской думѣ XVI стол.“, стр. 9 („Сборникъ СПБург. Археологич. Инст.“, т. VI).—Однако, А. Васильев впоследствии нес какие-то, подобные „четвертным“ или „кормленым“, обязанности: см. его грамоты в Соль Галицкую в 1567 и 1568 гг. — Москов. Синод. Библ., Собр. рукоп. Симонова мон., Сборн. грамот № 58, л.л. 765—766 об. и л.л. 701 об.—702 об.; также: *Д. Я. Симоквасовъ*, „Архивный матерьялъ“, т. II, М. 1910, стр. 376. См. еще у *Н. П. Лихачева*, „Библиотека и архивъ“, стр. 103, прим., там и ссылка на подлинники означенных грамот.

[5]) *М. А. Дьяконовъ*, „Дополн. свѣд. о Москов. реформахъ XVI в.“ („Ж. М. Нар. Просв.“, 1894 г., № 4).

[6]) *Е. Д. Сташевскій*, „Опыты изученія писцовыхъ книгъ Москов. госуд. XVI в. Вып. I, Московскій уѣздъ“, Кіевъ, 1907, „Приложенія“, стр. LXXXIII—LXXXIV.—По этой сотной крестьяне должны платить оброк не по сошному письму, а с *четвертей*, одну половину (107 р. 20 алт. 5 ден. „да пошлин с рубля по два алтына“) к 29 июня, другую — к 25 декабря каждого года. Очень интересно сопоставить эту сотную с другой, той же волости, выданной в 1553 — 54 (7062) году: в последней исчислена *сошная пашня*, „а оброку им давати с тое волости з земли за посошной кормъ и за мѣлкои доход шестнадцат рублев и четыре гривны, да девет пуд меду, да пошлин *дворецкою и ключники* и записново с пуда по пети денег“ (*С. А. Шумаковъ*, „Сотницы“, в. III, стр. 20—24; также *Е. Д. Сташевскій*, op. cit., „Прилож.“,

промежуток с нач. февраля по 29 мая 1561 г., специальная местная „четь"; поводом к ее превращению из функций „кормленого дьяка" в особый приказ послужило, вероятно, наряду с случайным — уходом Висковатова—и более общее обстоятельство: благодаря переходу волостей на самоуправление прежнее ведомство кормленых дьяков Ноугородова и Висковатова слишком перегрузилось новыми обязанностями финансового характера; орган судебно-административного контроля постепенно приобретал специфические черты органа финансового управления, а прежние его функции, какие выясняются из статей Судебника 1550 г., отступили, с переложением местной власти на самоуправляющиеся миры, на второй план.

К сожалению, мы почти совершенно лишены возможности, по недостатку сведений, сказать, какие области были подчинены этой чети д. Вас. Колзакова. Можно лишь утверждать, что в ней ведалась Каргопольская земля, Коломенские волости и, возможно, Вага (последнею, как мы видели уже, заведывали и Ноугородов и Висковатов). В дальнейшем изложении эту четь мы и будем чисто условно называть „Каргопольской".

Дьяк Василий Колзаков не был крупным лицом в правительственной среде. В декабре 1547 года он значится в числе поручителей по кн. И. И. Пронском, причем, еще не именуется дьяком [1]). В июле следующего 1548 года Вас. Колзаков стал уже приказным человеком: вместе с дьяком Чюдином-Иваном Митр. Карачаровым он (под началом казначеев Ив. Ив. Третьякова и Ф. И. Сукина) действует как ямской дьяк—приводит к крестному целованию выбранных на Тотьму ямщиков и распоряжается выдачею им денег „на ямской рас-

стр. LXI—LXV). Следовательно, ранее волость Высокая находилась в дворцовом управлении и, может быть, отдавалась в „корм" мелким дворцовым чиновникам, в роде ключника, а затем, с отставкой обложения по сохам и установлением системы обора по *четвертям*, стала платить оброчные деньги в *четвертную избу*, причем можно, кажется, не ошибиться, считая, что в этом случае в оброк вошла и сумма „кормленого окупа" за ключничи и дворецкого доходы — слишком возрос оброк за 7—8 лет и не может быть оправдан только увеличением тяглых жеребьев или переводом натуральных взносов на деньги, а не введением нового налога. На последнее указывает, думается, и размер пошлин в 1561 г.—2 алт. с рубля, как раз пошлинный оклад при „белом корме" (ср., напр., устав. зем. грам.: посадским людям Соли Переслав., 11 авг. 1555 г., Переяслав. рыболовам, 15 авг. того же г., Устюж. у. Усецким и Заецким вол., 15 окт, Двин. земле—сент. 1556 г., Царск. подклетных (дворцовых) сел Переяслав. у., 29 апр. 1556 г.— „Памятн., губн. и зем. грам.", стр. 115, 118, 122, 133, 134).—Любопытно, что эта дворцов. волость почему то перешла в четь, а не осталась ведаться во Дворце, как это было обычно (ср., напр., упомян. грамоту подклетн. сел. 1553 г.). Ведал ею во Дворце наверное не Висковатов (на сотной 1554 г,—подпись д. Ишука Бухарина). Может быть это об'ясняется карьерой д. В. Б. Колзакова, служившего в 1549—55 гг. в дворцовых дьяках (ср. ниже, стр. 170).

[1]) Собр. Госуд. Гр. и Дог., I, № 166.

ход" [1]). Этим, повидимому, и окончилось всякое его отношение к казначеям. В походе на Казань 1549 г. он был уже дьяком „у наряду". В последующее время Колзаков нес обычную дьячью службу в качестве „дворцового" дьяка, то отправляясь с царской канцелярией в поход, то исполняя придворные обязанности—походы Грозного на Крымского хана в 1550, 1553, 1555, 1556 и 1557 г., [2]), встречи литовских послов в феврале 1555 г. и в июне 1558 г. [3]). Осенью этого года он был отправлен дьяком с осадным воеводою Ф. И. Бутурлиным во вновь завоеванный Юрьев [4]), а с конца января—начала февраля 1561 года, со времени получения Висковатовым чина печатника, сделался, как мы уже знаем, заведующим новым приказом—Четвертною избой. Но и „четвертной" уже дьяк, Вас. Колзаков, попрежнему, как его предшественники, нес „кормленые" обязанности (для тех областей его чети, которые еще не откупились от кормленщика): в 1561 году, 21 февраля, он, например, выдал по старому грамоту на кормление в Гдове Сухово-Кобылину, в 1562 году разрешив последнему пользоваться кормлением еще один год [5]).

Мы проследили, насколько было возможно, историю образования одной чети, „Каргопольской", из ведомства определенного кормленого дьяка (Ив. М. Висковатова). Другими, насколько можно уловить, современными ему и „четвертному" дьяку В. Б. Колзакову, лицами по сбору наместничьего окупа в конце 50-х и начале 60-х гг. были: дьяк Поместной избы, *Путил-Семен Михайлович Нечаев*, и дьяк нового финансового учреждения, приказа Большого Прихода, *Угрим Львович Пивов*. Известий об их деятельности, как чисто „кормлёных"—„четвертных" дьяков, сохранилось немного; почти нет данных, кажется, и о предшественниках их по заведыванию „приказанными" им областями.

Дьяку Путилу-Семену Михайловичу Нечаеву с 1556 г. пришлось управлять Двинскою землею, по уставной земской

---

[1]) *А. И. Юшковъ*, op. cit., № 163.

[2]) *П. Н. Милюковъ*, „Древнѣйш. разрядная книга", М. 1901, стр. 136, 145, 161, 173, 181, 189; также: *В. В. Вельяминовъ-Зерновъ*, „О касимовскихъ царяхъ и царевичахъ", т. I, Спб. 1861, стр. 344, 417—418. Впрочем в известиях 1555—1557 он уже не назван дворцовым дьяком.

[3]) Сборн. Рус. Ист. Общ., т. 59, стр. 462, 554.

[4]) Рус. Истор. Сборн., т. V, стр. 128. *П. Н. Милюковъ*. „Древнѣйшая разрядная", стр. 203. Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. XIII, ч. 2, стр. 304, 306.

[5]) *А. И. Юшковъ*, op. cit., № 189.—Просмотр „Городовой книги по Каргополю № 1", хранящ. в Моск. Арх. Мин. Ин. Дел, откуда было извлечено М. А. Дьяконовым известие о чети В. Б. Колзакова, не обнаружил каких либо новых данных. Означенные справки дружески были сделаны для меня Н. Ф. Лавровым, за что сердечно его благодарю.

грамоте; сведений о других волостях, которыми бы ведал Нечаев—кажется не имеется [1]. Трудно сказать и кто из дьяков являлся для Двинского Поморья „кормленым“ до д. Путила—кажется таковой и не было, и Двина находилась в непосредственном подчинении у государевых казначеев [2]). Из земской грамоты мы узнаем, что Двиняне обязаны были вносить дьяку „за намѣстничи и за ихъ пошлинныхъ людей и за всякіе доходы“ по 20 р. с сохи „да пошлинъ по два алтына съ рубля, опричь ямскихъ денегъ, и посошные службы и обежные дани и городового дѣла, и иныхъ... пошлинъ“. Путил Михайлов ведал двинян также и судом, непосредственно докладывая царю, получал „излюбленные списки“ выборных властей и приводил последних к присяге. Как видно из только-что цитированных слов уставной грамоты ему платился только „кормленый окуп“ и его собственные пошлины, остальные же подати с Двины должны были бы поступать в соответствующие приказные избы: напр., ямские деньги и за городовое дело по правилу следовало бы платить в специальный приказ — Большой Приход. Однако, в Двинской области наблюдаются в это время некоторые особенности во взносе податей в центральные учреждения, именно все они вносились в Казну Государеву: осенью 1557 г. выборным властям обеих половин Двинской земли и Большой и Малой Пинег было строго приказано собрать и прислать все государевы дани на текущий 7066-ой год к сроку, к 6 декабря

---

[1]) О карьере в Поместной избе дьяка П. М. Нечаева—см. у *С. А. Шумакова*, „Экскурсы по исторіи Помѣстнаго приказа“, М. 1910; *Н. П. Лихачевъ*, op. cit., стр. 262—264. Впрочем, в 7066-ом (1557—1558-ом) году рыбная ловля на р. Яналуксѣ и 3 лука в Островской переваре Никольского-Сердобольского погоста Обонежской пятины были отданы на оброк некоему Ондрейку Маркову—„а платити ему тотъ оброкъ в государеву казну на Москвѣ дïяку Путилу Михайлову“. (*Д. Я. Самоквасовъ*, „Архивный матерьялъ“, т. II, стр. 376). Островская перевара была „за Корѣльскими наместники изстари“, помещалась вероятно на северном краю Ладожского озера, и, т. обр., возможно, что Путил Мих., ведавший Двину, мог давать на оброк земли и в переваре. Или это было обязанностью дьяка, как начальника Поместного приказа? В более позднее время ею ведал думный дьяк Посольской избы А. Васильев—следов., это „четвертные“ функции? (см. выше, стр. 168 прим. 4).

[2]) На ведение Двины у казначеев существует довольно много указаний: см., напр., А. А. Э. I. № 196 (1542 г.), № 385 (1524 г.); „Сборн. Грамотъ Колл. Экон.“, изд. Росс. Акад. Наук, т. I, № 96 (1542 г.), № 97 (1543 г.), № 109 (1545 г.). Возможно, что ведал Двину казенный дьяк Вас.-Ступа Андреев—по крайней мере его подпись на грамоте А. А. Э. I. № 196 (1555 г.) и скрепа на сотной 1554 г. с книг Ив. Заболоцкого („Сборникъ“, т. I, № 138, также у *С. А. Шумакова*, „Сотницы“, в, III, № 1). Ср. также сотную за подписью Вас. Ступы Андреева, выданную 4 февр. 1556 г., (следовательно почти непосредственно перед Путилом Нечаевым) Соловецкому мон. на вотчины в Каргопольском у. (*С. А. Шумаковъ*, op. cit., № IV, стр. 18—20). В этом случае подпись Андреевым была сделана не потому, очевидно, что он ведал Каргопольскими волостями, а в виду того, что вотчинник—монастырь ему был подчинен.

(причем для правильности сбора был послан даже особый агент-недельщик), к государевым *казначеям* Сукину и Тютину и дд. В. Мелентьеву и Др. Лазареву [1]). „Старина и пошлина“— прежнее заведывание Двиной казначеями—сказывалось.

Грамота эта интересна в двух отношениях: во-1-х, она хорошо рисует расстройство финансового хозяйства в Двинской области всего через год после получения земской уставной грамоты Нижней половиной и введения там самоуправления (сент. 1556 г.); во-2-х, важна та подробность, что казначеевы пошлины не имеют определенного оклада, тогда как пошлины Путила Нечаева точно определены уставной грамотой 1556 г. (по 2 алтына с рубля кормленого оброка). Первые нужно было вносить к 6 декабря, а вторые—к 2 февраля („на Срѣтенье Христово“); и те и другие очевидно тесно связывались с соответствующими податями, т. е, если подати должны были поступать в Казну Государеву казначеям—то с ними взимались и „казначеевы и дьячьи и подьячих пошлины“, если дьяку, собирающему „деньги за наместничий корм“—то только „дьячьи и подьячих пошлины“. Отсюда сам собою напрашивается методологический вывод: по упоминанию в документах определенных „пошлин“ приказным людям очевидно можно, за недостатками прямых данных, заключать и о тех приказах, куда вносились подати. тесно соединенные с этими пошлинами (т. е. *казначеям* или учреждению, начальником которого был *дьяк*).

Неокладной характер казначеевых пошлин с Двины, в то время как пошлины д. Путила Нечаева имеют строго определенный оклад, показывает, что правительство придавало первоначально более значения новым доходам и новому финансовому центральному органу, т. е. кормленому окупу, и д. Путилу, чем старой „дани“ казначеев. Несколько далее мы увидим, что это ожидание, если оно было, оказалось преждевременным и старая казна заступила вскоре (для Двины) место особого дьяка по сбору кормленого оброка.

[1]) Рукописи Росс. Академии Наук. „Куростровские столбцы“, № 45. 7. 115. Все подати в грамоте разделены на три группы: 1) 682 р. 6 алт. 5 денег— „за бѣлку и за горностали и обежную дань и ямскіе денги и заморской оброкъ съ рѣкъ съ Терскіе стороны и съ варницъ оброкъ и съ тонь морскихъ и съ пустошей и съ пожень и всякіе оброки“, также вечет пищальных денег и „загубьского оброка“; 2) деньги за 116 четвертей ржи и 232 четв. ячменя „посошного хлеба“ по местной рыночной цене чети; 3) по полтора рубля с сохи (30 = обежной — ср. *С. Б. Веселовскій*, „Сошное Письмо“, т. I, М. 1915, стр. 59 — 60)—„за посошные люди и за городовое и за засѣчное дѣло“, по полтине с той же сохи—„за ямчюгу“, и по полуполтине—„приметных денег“. Въ эти оклады (общий для 1-ой группы податей и посошный для третьей) не вошли, надо думать, „пошлины казначеевы, дьячьи и подьячихъ“, которые упомянуты несколько далее, уже при общем перечислении следуемых податей.

Сохранился ряд платежных отписей в получке разных податей в одной из крайних северных волостей Нижней половины Двинской земли—Лодме: с деревень Борисоглебской церкви („что Борисъ и Глѣбъ на Матигорахъ") и с самих лодомских волощан. По этим документам можно сделать, пользуясь высказанным выше предположением о равноценности упоминаний определенных приказных пошлин с упоминанием о самих приказах, любопытные заключения по истории заведывания получкой кормленого окупа с Двины. В 1558-ом году мы видим, что „Низовский староста" (всеуездный орган мирской власти) взялъ у лодомского сборщика „дань... и отвозъ и заморской оброкъ и за хлѣбъ за посопной деньги и *за намѣстничь доходъ оброкъ* и служебные и пищальные и приметные деньги и за ямчюгу и городовые деньги и Солокоской и загубской и Лойской оброкъ и *діячіе пошлины* и свой старостинъ наемъ и росходъ старостинъ, что ѣздилъ на Колмогоры, и недѣльщиковъ и данщиковъ помшнокъ и прогонные деньги" [1]). В этой отписи все подати перечислены суммарно: и „казенные" и „четвертные" и местные сборы; казначеевы пошлины совсем не взимались, в виду, вероятно, их неокладного характера, зато есть „дьячьи пошлины", по всей видимости собиравшиеся с кормленым оброком (в отписи упомянут). — *Значит, в 1558 г. кормленый окуп можно считать получающимся в Москве еще у дьяка Путила Михайлова.* В 1560 г. „выборная голова" (вероятно „голова излюбленный" Низовской половины) дал лодмянам две отписи: в одной из них он обещался заплатить все подати „на Москвы... царевымъ государевымъ казначеямъ сполна", причем упомянуты с определенным уже окладом и „казначеевы, дьячьи и подьячьи" пошлины („с рубля по пяти денегъ") [2]); по другой отписи он взял с волощан „оброкъ царя государя великого князя по пятидесять алтынъ сошки" (откуп за наместничий доход [3]) и „боярскія пошлины" (вероятно—пошлины Путила Нечаева уставной грамоты) [4]). Отдельно собирались подати, платимые в государеву казну казначеям, еще в декабре 1562 года [5]), но уже в феврале

---

[1]) Рус. Ист. Биб., т. XXV, „Акты Лодомской церкви", № LXXIV.

[2]) Ibid., № LXXV.

[3]) По 60 алтын с сошки составляет 600 алт. с 10-сошечной двинской сохи, т. е. 18 руб.—цифра, близкая к 20 рублевому оброку уставной грамоты 1556 г., а т. к. на Двине в некоторых местностях „большая" соха заключала в себе больше или меньше 10 мелких „сошек" (см. *С. Б. Веселовскій*, op. cit., т. I, стр. 60, 61), то эта приблизительная цифра может считаться нормальным окладом кормленого окупа с Лодмы. Терминология разбираемых „отписей" также заставляет считать „государев царев и вел. кн. оброк"—„государевым царевым и вел. кн. оброком *за наместнич доход*".

[4]) Рус. Ист. Биб., т. XXV, „Акты Лодомской церкви", № LXXVI.

[5]) Ibid., № LXXX.

1563 г. некий Иван Прокофьев сын Ивойлов взялся вести с Лодмы в Москву государев оброк (еще „съ пошлинными з дьячима“) и заплатить „*въ казну з Двинскимъ оброкомъ вмѣстѣ*“. „Казна“ в этом случае — Казенный двор: „А не заплачю язъ, Иванъ, тѣхъ денегъ *въ казну казначеямъ*, не заплачю“, говорится далее в описи, „...ино то на мнѣ, на Иванѣ, пеня царева...“ [1]). Таким образом в 1563 году оброк за наместнич доход поступал уже не в особую „казну“ поместного дьяка Путила Нечаева, а в общую Государеву Казну казначеев. Как дело обстояло с другой стороной его деятельности в качестве высшей инстанции для Двины, именно с административно-судебными функциями — из цитированных документов уловить нельзя. Но по всей видимости и они сосредоточены были в руках казначеев. По крайней мере в более позднее время, когда Двинская земля ведалась уже в опричнине — и следовательно у удельного государева казначея, — на это есть указания [2]).

Смена дьячего управления на Казну Государеву произошла на Двине, нужно думать, именно не ранее 1562 г. и была вызвана, возможно, той неурядицей в податном отношении, какую рисует приведенная выше грамота 1557 г. С Лодмы в марте 1558 г. всеуездный низовский староста собирал между прочим „недѣльщиковъ иданщиковъ поминокъ и прогонные деньги“ — двинянам приходилось и задаривать присланных из Москвы недельщика и даньщика, и вносить за свою неаккуратность в платежах государеву пеню, „деньги из прогонов“. Вероятно поэтому в 1558—59 г. на Двине была произведена новая опись земель писцом Вас. Гагиным; некоторые подати в книгах Гагина положены в том именно окладе, в каком их требовали из Москвы в 1557 г., и притом вновь — по предыдущему письму

---

[1]) Ibid., № LXXXI. Ср. также №№ LXXXII и LXXXIII — отписи 1564 г.

[2]) Указания на ведение Двины в Казне во время опричнины — см. Рус. Ист. Биб., т. XXV, „Акты Лодомской церкви“, №№ LXXXIV, LXXXV, LXXXVIII, XCI. О том, что судебная власть д. Путила Нечаева в это время также перешла к казначеям, думается, можно вывести из следующих слов духовной грамоты некоего инока Арсения, 12 февраля 1567 г., где инок говорит относительно своих оставшихся еще невершеными гражданских дел (иски по заемным кабалам): „...И язъ того на Григорьѣ да на Невѣрѣ (бывш. земск. судьи Нижн. полов. Двин. земли) искалъ и на ихъ товарыщахъ передъ судьями Нижней половины передъ Яковомъ Дмитріевымъ сыномъ съ товарыщи. И Яковъ насъ въ томъ судилъ да далъ дѣло наше въ докладъ къ Москвѣ, и нынечи *тотъ списокъ въ Казнѣ у царевыхъ великого князя дьяковъ...*“ (Рукоп. Архангельского Епархиальн. Древлехранилища, „Списки съ древнѣйшихъ грамотъ Архангельскаго монастыря, XVII в.“, л.л. 102—116, „Списокъ зъ духовной изустной памяти раба Божія инока Арсенія“; цит. место — л. 111, ср. еще л. 112). — О значении казначея в опричнине — см.: „Дела и Дни“, кн. II, 1921 г., „Из истории опричнины царя Ивана Грозного“, очерк I, „К истории управления в опричнине“, стр. 15—16.

Ив. П. Заболоцкого, 1552 — 53 г., эти подати не положены вовсе [1]).

Другой дьяк, ведавший в эти годы по уставным земским грамотам самоуправляющимися мирами, Угрим Львович Пивов, имя которого дало М. А. Дьяконову, между прочим, значительный повод считать чети возникшими из „ведомства казначеев", был довольно видною фигурой в правительственной среде того времени и, вместе с тем, так мало обследован в биографическом отношении, что на подборе известий о его служебной карьере хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Свою службу начал он, повидимому, в качестве дворцового дьяка (1542 г.), а затем в 1549—1551 г.г. мы находим его вторым дьяком в Разряде. В 1553—54 году Угрим сделался начальником важного финансового приказа, „Большого Прихода", будучи и думным дьяком (1555 г.). В этой должности он пробыл до начала 60-х г.г., когда (вероятно в 1561 г., одновременно с И. М. Висковатовым) был назначен вторым печатником. С учреждением опричнины старый испытанный делец оказался в новом „государеве уделе", его опричным казначеем [2]).

---

[1]) По грамоте 1557 г. требовалось: за посошные люди, город. и засечн. дела—по $1^{1}/_{2}$ р. с 10-сошечной „большой" двинской сохи; за ямчужное дело—по полтине с той же сохи, и приметные деньги — по полуполтине. По письму В. Гагина сошка платила по 5 алт. за городов. и засечн. дела, т. е. с 10-сошечной сохи шло $1^{1}/_{2}$ р.; за ямчужное дело 10 денег, т. е. „с большой" сохи— $^{1}/_{2}$ р., „полтина", приметн. денег—5 денег, т. е. с сохи $^{1}/_{4}$ р., „полполтина".— *С. Б. Веселовскій*, op. cit., т. I, стр. 116—117).—*А. И. Андреевъ* („Отступныя грамоты. Къ исторіи крестьян. землевлад. на сѣверѣ въ XVI в., " П. 1916, стр. 39—40) считает письмо В. Гагина связанным почему-то с вопросом об оброчных землях.

[2]) О фамилии и деятельности Угрима Львова—см.: *Н. В. Мятлевъ*, „Челобитная Михаила Татищева" („Лѣтоп. ист.-род. Общ. въ Москвѣ", 1907 г., в. I); Сборн. Рус. Ист. Общ., т. 59, стр. 149; *Н. П. Лихачевъ*, op. cit, стр. 236; *П. Н. Милюковъ*, „Древнѣйшая разрядная", стр. 138; *Н. П. Лихачевъ*, op. cit., стр. 236—239, 553; Древн. Росс. Вивліоѳ., т. XV, стр. 15 — 19; „Опис. актовъ собр. гр. А. С. Уварова. Акты историч., опис. подъ ред. *проф. М. В. Довн.-Запольскаго, А. К. Кабановымъ и П. М. Катаевымъ*", М. 1905, №№ 36 и 37 (Грам. 1555 г.); *С. Б. Веселовскій*, „Акты Писцоваго Дѣла", т. I, М. 1914, № 247 (1561 г.).—После этого года нет упоминания об Угр. Львове, как о дьяке; между тем проверка местнических данных челобитной М. П. Татищева показывает, что печатником У. Л. Пивов мог стать только в начале 60-х гг. — до 1563 г.—Ср. П. С. Р. Л., т. XIII, ч. I, стр. 331 (о смене печати в феврале 1561 г.). Угр. Л. Пивов был по всей видимости думным дьяком и доверенным царя (рассказ о приеме польских послов 1555 г.— Сборн. Рус. Ист. Общ., т. 59, стр. 468 — 469).— О значении Пивова, как опричного казначея—см. „Дела и Дни", кн. II. Спб. 1921 г., „К истории опричнины царя Ивана Грозного", стр. 15, 17—18. Будучи дьяком Б. Прихода, он участвовал и в ряде случайных междуведомственных, так сказать, комиссиях, между прочим возможно по применению Государева уложения о большой сохе. (*М. А. Дьяконовъ*, „Акты, относ. къ ист. тягл. насел. в Моск. госуд.", в. II. Юрьевъ, 1897, № 18; А. Юр., № 209—II „Архивъ П. М. Строева", т. I. № 206); *Л. Воронцова*, „Рукописи Серпух. Высоцк. монастыря" — „Древности. Труды Археогр. Ком. Москов. Археологич. Общ.", т. II, стр. 333—348).

Заведывать откупившимися от кормленщика общинами Угрим Пивов стал, по дошедшим до нас сведениям, еще в 1551 г., когда у него пооброчились крестьяне Плесской волости [1]). По этой „оброчной“ (с элементами земских уставных) грамоте (но не „земской уставной“, как именует ее М. А. Дьяконов) Угриму шел, только кормленый окуп, суд же оставался в руках самого царя [2]). В это время Пивов был, как только что мы отметили, вторым разрядным дьяком и, конечно, не имел поэтому никаких служебных отношений к государевым казначеям и их ведомству. Но вскоре затем он сел дьяком в Большой Приход, только что образовавшийся из разделения ведомств Государевой Казны на отдельные повытья, в приказ чисто финансового характера, находившийся поэтому еще под известным контролем казначеев. В этом последнем случае служебные отношения по основному приказу неминуемо повлекли за собой и известное подчинение в других областях ведомства дьяка—личное подчинение еще не могло разделяться от служебно-ведомственного, „учреждения“-приказы еще во многом, как было уже отмечено выше, носили характер личного приказания. Отсюда и в некоторых земских уставных грамотах (11 авг. 1555 г.—посадским людям Соли Переяславской, 15 августа того же года—Переяславским рыболовам и 15 октября—Устьянским волостям) имя дьяка стоит рядом с именами казначеев Ф. И. Сукина и Хоз. Юрьев. Тютина; им троим идут доклады земских властей по судебным делам [3]). Но уже М. А. Дьяконов отметил, что, повидимому, судными вопросами и ограничивалось участие казначеев в управлении означенными волостями— „избирательные списки и оброкъ предписано было высылать въ Москву на имя одного дьяка“ [4]). 2 марта 1556 года Пивов, уже думный чин, [5]) сделал сам один распоряжение о сборе судных пошлин выборными переяславских рыболовов и о зачете этих

---

[1]) „Намѣстн., губн. и зем. грам. Моск. Госуд.“ стр. 101—102; впервые Плесская оброчная грамота напечатана, с некотор. сокращениями, у *И. Д. Бѣляева*, „Крестьяне на Руси“, М. 1860, стр. 73; издана *вторично* (целиком) *М. А. Дьяконовымъ* в „Журн. М. Нар. Прос.“, 1894 г., № 4.

[2]) Ср.: *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, op. cit., стр. 197.

[3]) „Намѣстн., губн. и зем. грам. Моск. Госуд.“, стр. 113, 116, 120. См. также призывную грамоту Устьянским волостям 23 мая 1555 г. (*М. М. Богословскій*. „Земское самоупр. на рус. сѣв. в XVII в.“, т. I. М. 1909 г., стр. 187, пр. 4). Участие казначеев в суде над Устьян. областью объясняется и тем, что при „кормленом“ управлении им заведывал д. Ю. Сидоров, вершивший дела по приказу казначея Ф. И. Сукина; повидимому здесь играет роль традиция—„старина и пошлина“ („Намѣстн. губн. и зем. грам.“, стр. 28—29).

[4]) „Намѣстн., губн. и зем. грам. Моск. Госуд.“, стр. 118; *М. А. Дьяконовъ*, op. cit., стр. 194.

[5]) См. выше, стр. 175, прим. 2.

пошлин „въ тотъ же оброкъ въ волостелинъ столнича пути" [1].— Если же обратиться к разбору других известий о деятельности дьяка по таким делам, которые подлежали его ведению не как начальника Большого Прихода, не ограничившись одним лишь анализом уставных грамот, то следует признать, что он *на практике* действовал совершенно независимо от казначеев. Так, в Вологду, где самоуправление было введено вероятно не позднее осени 1554 года [2]), Угрим Пивов в апреле 1555 года послал указ выборному старосте Ив. Злобину о размежевании владений Кирилло-Белозерского монастыря: „а списки бъ еси и книги письма своего и отдѣлу и межные и меновные за своею рукою прислалъ на Москву къ діяку нашему Угриму Лвову *с-ыными нашими дѣлы*, а не нарокомъ,"—приказывалось старосте в этой грамоте [3]) Следовательно, у дьяка Угрима сосредоточены были разные дела по управлению Вологодским уездом, а о казначеях нет ни слова. Указ Ив. Злобину дан был Пивовым, конечно, не как дьяком Большого Прихода, учреждения, не имевшего административных функций, а как лицом, принявшим высшее заведывание областью по уничтожении там „кормленого" управления. Видимо одним из подобных „дел" дьяка было, напр., выдать 6 авг. 1555 года послушную грамоту в вотчины, жалуемые в вологодском уезде Кириллову монастырю [4]). Точно так же самолично распоряжался он и сбором белого кормленого окупа с ряда местностей: 3 февр. 1556 г., напр., он отправил грамоту ярославскому выборному старосте Я. П. Сабурову и целовальнику Дружине Никитину о невзимании с вотчины ярославского Спасского монастыря денег „за намѣстничь кормъ и за присудъ и за пятной (sic—очевидно „пятно") и за поголовщину съ сохи по сороку алтынъ..." [5]). Аналогичные грамоты Пивовым были отправлены: 25 янв. 1557 г. тем же ярославским властям, 12 іюня 1558 г.—устюжским земским судьям относительно вотчин Гледенского монастыря [6]). Последнее известие об Угриме Львовиче

[1]) „Намѣст., губн. и зем. грам. Моск. Госуд.", стр. 119.

[2]) Рукоп. Археогр. Ком., „Акты Бѣлозерскіе", кор. I, № 6. Др. списки: ibid., Сборник № 112, отд. IV, № 26 (стр. 299); рукоп. Росс. Публ. Библ., Q IV 43а, стр. 1250—1252.

[3]) Рукоп. Археогр. Ком., Сборник № 112, отд. IV, № 27.

[4]) Рукоп. Петроград. Духовн. Академии, А, I/17, лл. 9об.—11.

[5]) *И. А. Вахромѣевъ*, „Историч. Акты Спасс. монастыря", М. 1895 т. I, № XXII.

[6]) Ibid., № XXIV. Издание это напечатано с весьма неисправных копий XVIII в. и потому грамота № XXII подписана „Діякъ Угримовъ"; относим ее к Пивову, во 1-х), потому, что д. Вас. Угримов был около этого времени в Новгороде (*Н. П. Лихачевъ*, op. cit., стр. 255—256, примеч.), во 2-х—грамота № XXIV подписана просто „дьякъ Угримъ"; в это время другого дьяка с таким именем неизвестно.—Рус. Ист. Библ., т. XIV, Б.—№ VI.

Пивове, как о дьяке, притом ведающем сбор наместничьего откупа, идет от 1561 года: именно в мае этого года он подписал жалованную грамоту посадским людям Соли Вычегодской; по челобитью вычегжан им был убавлен оброк „за волостелин доход" зачетом в него новой пошлины с судных дел и штрафа с тайных шинкарей („у ково продажное питье вымутъ") и с потребителей такого вина—„питухов" [1]). Около 1561 года Пивов стал печатником (см. выше, стр. 175), оставив Большой Приход и „четвертные" обязанности. Последние функции Пивова выросли точно так же, как это было установлено нами для четвертной избы д. Вас. Колзакова—т. е. из ведомства кормленого дьяка; его предшественником в этом отношении по некоторым областям (напр., Устьянским) был, кажется, знакомый уже нам „кормленый" дьяк Ю. Сидоров [2]); сам Угр. Львов, как и другие кормленые дьяки, отправлял обязанности и по „кормленому" управлению, хотя, по всей видимости, большинство „приказанных" ему областей являлось уже самоуправляющимися мирами: 9 авг. 1556 г. он послал указ ведать на государя „конюший путь" в Новгороде, освободившийся за с'ездом кормленщика Г. И. Дмитриева [3]).

Области, над которыми высшую власть имел Угрим Льв. Пивов, разбросаны были на большом пространстве: в Поморье—Устьянскiе волости, Устюг, Соль Вычегодская; близкая к ним Вологда—в северной части Замосковья; в Замосковном крае—Ярославль, Владимирские волости (Плес) и Переяславские. Эти земли не составили, вероятно, территории особой чети, как то можно было наблюсти относительно „Каргопольской" чети Вас. Колзакова, и не перешли к казначеям целиком, как то было с ведомством П. Нечаева. Некоторые из них попали, вскоре после ухода Пивова из Б. Прихода и из дьяков (1561 г.), в опричнину, другие остались в земщине. Различна была поэтому судьба собиравшегося с них „кормленого окупа", в зависимости от того, куда он поступал—на „особный" ли государев двор или в „земскую" часть государства: в первом случае он сосредочивался в опричных приказах-четях, во втором—в „земских" подобных же учреждениях.

Но дальнейшая история четей, как существовавших в „государеве уделе", так и продолжавших оставаться в „в земском" уже выходит за пределы задачи, поставленной в настоящем очерке, посвященном вопросу о *происхождении* этих приказов.

[1]) *С. Б. Веселовскiй*, „Акты Писцоваго дѣла", т. I, № 247.
[2]) См. выше, стр. 164.
[3]) Доп. Акт. Ист., I, № 108.

Позволяем себе лишь сказать, что вполне возможно проследить судьбу „Каргопольской“ чети, попавшей в опричное ведомство, а также и образование особой „Двинской“ чети там же, в начале 70-х г.г.[1]). Несколько хуже дело обстоит с „земскими“ четями — для них пока не улавливаем непосредственных предшественников в лице того или иного кормленого дьяка [2]).

Подводя итоги, можно сказать, что *чети выросли из ведомств тех или иных кормленых дьяков,* как предположительно мы наметили их обязанности, *через осложнение последних новыми задачами при переходе подчиненных им «городов» на самоуправление.* Понятно, что нет никакой научной обязательности связывать этих кормленых дьяков с каким-либо приказом или ведомством определенно — „у кормленія“ действовал одновременно и „казенный“ дьяк (Ю. Сидоров, Истома Ноугородов), и дьяк приказа лишь отчасти, в виду недавнего выделения из этого ведомства, связанного с казначеями (У. Л. Пивов в Больш. Приходе), и самостоятельные начальники особых „изб“ — Висковатов и Нечаев — и второстепенный дьяк другого приказа—тот же Пивов в Разряде в 1549—51 гг. Дьячество в первой половине XVI века еще не распределилось, как было уже нами не раз подчеркнуто, прочно по отдельным учреждениям и личный „приказ“ имел большую силу и обширное распространенное в деловой практике. Судебник сам предполагал, что „у кормленія“ „будут“ может быть и иные лица—вероятно таких лиц было несколько в центральном управлении Московского государства. Как выбирались из общей массы дьячества такие дельцы, как вообще сложился этот институт дьяков, „которые у кормления“ и „которым городы приказаны“, кто персонально они были, на каком основании распределялись между ними „городы“—все это, надо думать, вопросы, с разрешением которых станет многое понятнее и в истории центрального московского управления вообще, и в истории обра-

[1]) „Каргопольская“ четь в опричнине управлялась, повидимому, сначала тем же В. Б. Колзаковым, после него дд. Дружиною Володимеровым и Фед. Рыловым, а затем дд. Ив. Курганом-Лапиным и Ив. Савиным; за ними последовательно—А. Ф. Клобуковым и Вас. Калударовым и А. П. Арцыбашевым и Ал. Исаковым.—Четь „Двинская“ образовалась около 1572 г., ее дьяками были: А. В. Шерефединов и Улан Айгустов. В конце 70-х годов обе чети были об'единены в общую „Дворовую“ четь. В опричнине чети сначала поступили в верховное заведывание опричного казначея У. Л. Пивова. (О последнем обстоятельстве см. „Дела и Дни“, 1921 г., кн. II, „Из истории опричнины Ив. Грозного“, стр. 17—18).

[2]) Первое, кажется, сведение о земской чети идет, пока, от 1573 г.—четь В. Я. Щелкалова (*И. А. Вахромѣевъ,* op. cit., т. I, № XLII); другими „земскими“ четями (конца 70-х и 80-х гг.) были: 1) А. Я. Щелкалова и 2) д. Поместной избы Игн. Зубова

зования „четей“ в частности [1]). Но все это также и иная, особая тема.

Ясно теперь, как следует изучать историю четей, по крайней мере, как следовало бы по нашему мнению. *Во 1-х, необходимо изучить по возможности все ведомства кормленых дьяков начала 50-х годов XVI в., во 2-х, проследить платежные инстанции кормленого оброка с отдельных местностей Московского государства и посмотреть, как местности, ведавшиеся еще кормлеными дьяками, соотносятся с волостями уже вносящими в Москву кормленый окуп:* распространением такого приема во времени мы и сможем определить возникновение для отдельных комплексов волостей четвертных изб, *возникновение очевидно в разные моменты*—в зависимости от того, как скоро отдельные волости кормленого дьяка переходили на самоуправление и он присоединял к своим прежним обязанностям новые по высшему заведыванию уже самоуправляющимися мирами. При таком понимании вопроса „четь“ В. Б. Колзакова в 1561—62 г. перестанет носить для изучающего некоторый налет загадочности: это чисто местная, областная, „казна“—касса одного из бывших кормленых дьяков, теперь, с переходом большинства своих областей на самоуправление, севшего в особой „избе“. — Она была не „единым четвертным приказом“, затем разделившимся на „чети“, как думают некоторые исследователи, но, м. б., пока, до времени, *единственною*. Рядом с нею действуют ведомства таких дьяков, у которых перевеса на „четвертных“ их функциях еще не ощущается, но в дальнейшем и из их круга ведомства могли образоваться подобные же территориальные, местные избы [2]).

П. Садиков.

---

[1]) На происхождение четей из ведомства кормленых дьяков указывает, думается, и то обстоятельство, что архивы кормленых дьяков затем перешли к четвертным дьякам: так старая „кормленая“ жалованная грамота А. Ф. Нетнева, выданная ему задолго до введения земского самоуправления, в 1576 г. оказалась в чети, где ее и искали, по требованию царя, переданному через А. Я. Щелкалова, „четвертные дьяки“. – „Рус. Ист. Сборн.“. т. V, стр. 22—24.

[2]) Сведения, приводимые *Н. П. Лихачевым* (op. cit., стр. 273—274) на основании „Разрядно-родословнаго сборника“ Общ. Люб. Др. Письмен., Собр. кн. Н. П. Вяземского, № XXI, о *Нижегородской четверти* в 1558 г. (точно так же, как и о *Галицкой* чети в 1575 г., из рукоп. того же типа, Собр. гр. А. С. Уварова, № 800—ibid., стр. 147) не могут быть приняты: изданный *Ю. В. Татищевым* подобный „Разрядно-мѣстническій справочникъ“ — поздний по составу (конец XVII в.) и подозрителен по известиям („Лѣтоп. Ист.-Родосл. Общ. въ Москвѣ“, 1910 г., в. 2—3). Оба указания Н. П. Лихачева помещены и в „Справочнике“ Ю. В. Татищева.

Уместно, думается, было бы сказать несколько слов еще о самом названии „четь“ или „четверть“. Первая форма названия приказа, какую мы знаем, есть „*четвертная* изба“, словообразование, которое можно

Вотчинные писцовые книги.

Писцовые книги уже давно стали одним из основных источников, которыми пользуется наука. Целый ряд ученых работ написан на основании этого материала, что несомненно служит доказательством признания за писцовыми книгами важного значения в качестве исторического источника. Третий том, например, классических „Древностей русского права“ проф. В. И. Сергеевича (землевладение, тягло, порядок обложения), построен едва ли не исключительно на материалах Новгородских писцовых книг XV в., изданных в свое время Археографической Комиссией. Говоря о них, проф. В. И. Сергеевич высказал несколько своих соображений и по вопросу о значении писцовых книг в качестве исторического материала. „Писцовые книги проливают яркий свет“ на формы древнего русского землевладения и хозяйства, дают ясное представление о том, что такое деревня, село, погост, из кого состояло население деревень и пр., и пр. „Все вопросы, на которые дают ответы писцовые книги, заключает проф. В. И. Сергеевич, и перечислить нельзя“ [2]. Само собой разумеется, что и другие наши исследователи, отдавая должное содержательности писцовых книг, каждый для себя решал и вопрос о ценности этого научного богатства, но только сравнительно недавно появилась потребность говорить об этом специально. Вопрос этот, нужно сказать, решается не всегда одинаково: можно назвать имена скептиков в отношении оценки научной значимости писцовых книг, равно как и указать на образцы доверия к этому материалу, который в таких случаях иногда приравнивается к данным современной статистики.

было бы сопоставить с старинным прозвищем одного из кн. Рязанских XV в., Фед. Вас.—„Третной“, происшедшим от владений князя, „Трети“ Рязанской. Тогда происхождение названия „*четвертная*“ изба, следовало бы искать в каких-либо чисто строительных распорядках приказн. изб перед царским дворцом в Кремле (от определенного территориального, так сказать, условия—разделения, напр., занимаемой приказами площади на *четыре* части—цифровое наименование). Другое об'яснение, едва ли не более вероятное, кроется в выдаче жалованья служилым людям в „*четвертный год*“ (по летописи, Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. XIII. ч. 1, l. c.). Последнее обстоятельство (определение времени выдачи жалованья служил. людям) требует, впрочем, еще специального исследования (Ср. *С. О. Платоновъ*, op. cit., *В. Н. Сторожевъ*, „Четвертчики“ (Ж. М. Нар. Пр., 1892 г., № 1). *А. С. Лаппо-Данилевскій*, „Предисловіе къ „Кормленой книгѣ Костром. чети“ (Рус. Ист. Биб., т. XV), *Л. М. Сухотинъ*—Предисловие к „Четвертчики смутнаго времени“ („Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.“, 1912 г., кн. 2).—Наконец, возможна связь названия приказа-„чети“ с „четью“, „четвертью“—земельной единицей в Москов. государстве—какая, сказать затрудняемся (на это есть, кажется, намеки: ср. выше, стр. 168, прим. 6).

[2]) В. И. Сергѣевичъ, „Древности русскаго права“, III. Спб. 1903, стр. V—VI.

Работы над изучением писцовых книг в направлении уяснения их ценности в качестве научного материала начались гораздо позже использования самого этого материала в научных целях, и этот на первый вгляд странный факт, конечно, должен иметь свои последствия, и прежде всего, надо думать, он поставит на очередь совершенно естественную задачу пересмотра построенных на материалах писцовых книг выводов. Частично этот пересмотр назрел уже и сейчас, но в общем нельзя не признать, что указанная работа над писцовыми книгами еще не дала тех результатов, которые непременно должны явиться в ее итоге. Автору этой заметки, однако, представляется уже и сейчас доказанным факт неполноты и односторонности писцовых книг, замеченный уже давно, но иногда в той или иной мере все-таки оспариваемый [1]).

В ходе этой очередной работы можно отметить прежде всего попытку классификации писцовых книг по типам. Общее для всех этих книг обозначение „писцовые" в нашей литературе сейчас стало употребляться только условно, причем авторы начинают считаться с индувидуальными особенностями каждого типа так называемых „писцовых" книг [2]). С другой стороны, в подходе к оценке научной значимости этого материала, можно отметить ряд приемов, направленных к тому, чтобы точно уяснить ценность содержания каждого типа писцовых книг. Здесь учитываются прежде всего цели составления данного типа, техника писцового дела и метод работы писцов, в зависимости от чего и строится то или иное отношение к источнику.

Настоящая заметка продиктована желанием автора внести в текущую работу несколько своих наблюдений, нелишних в целях более полного обследования вопроса. Имею в виду особый тип писцовых книг, до сих пор мало известный и во всяком случае в научный обиход еще не вошедший. Это—книги, которые составлялись не царскими писцами, а местной вотчинной властью и предназначались, главным образом, для пользования вотчинной администрации. Назовем их *вотчинными* писцовыми книгами.

Конечно, не мелкий собственник составлял такие книги: у него не хватило бы на это средств, да и надобности особой у него, пожалуй, не было, если он сам мог знать в лицо каждого из своих держателей земли. В другом положении на-

[1]) А. С. Лаппо-Данилевскій. „Организація прямого обложенія", стр. 205 и дальше. Н. А. Рожковъ. „Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ" („Древности". Труды Арх. Ком. Моск. Археол. Общ., I, вып. II, 1898) и пренія на эту тему, в которых принимал участие М. М. Богословский. А. М. Гнѣвушевъ. „Очерки экон. и соц. жизни" I, 1915, стр. 1—25. Б. Д. Грековъ. „Новгородскій домъ св. Софіи", стр 44—47 и др.

[2]) Д. Я. Самоквасовъ. „Архивный матеріалъ", т. I.

ходится крупный вотчинник, ответственный, с одной стороны, перед правительством за исправное исполнение повинностей всего населяющего его вотчину тяглого народа и вследствие этого облеченный некоторой долей государственной власти над этим народом, и, с другой стороны, ставящий и осуществляющий ряд своих собственных хозяйственных задач. Такому вотчиннику государственная писцовая книга была нужна едва ли не только в качестве документа, способного оправдать его в момент платежа податей и восстановить его землевладельческие права в случае каких-либо на них покушений со стороны. Между тем весьма сложные хозяйственные и административные обязанности крупного вотчинника делали необходимым его осведомленность в самых разнообразных сторонах жизни вотчины, чего ни в коем случае не могли дать государственные писцовые книги, ставящие свои особые и, как достаточно выяснено в нашей науке, вполне специальные цели. К тому же, как давно уже отметил акад. М. М. Богословский, вообще „государственной писцовой книге не достает пристальности и чуткости; государственным писцам, редким гостям в местности, более тонкая работа недоступна“ [1], т. е. как раз та работа, в которой больше всего и нуждался крупный вотчинник, если он хотел стоять на высоте пред'являемых к нему хозяйственных и государственных требований.

Все ли крупные вотчинники восполняли для себя эти естественные в государственных писцовых книгах пробелы созданием своих собственных писцовых книг, к сожалению, дать обстоятельный, вполне точный ответ нельзя, так как автор не имел возможности лично обследовать все дошедшие до нас архивы крупных вотчин с относительной хотя бы полнотой, а наша научная литература ничего не дает по этому предмету. Мы можем только сказать, что архивы тех крупных церковных вотчин, которые приходилось автору изучать более или менее внимательно, дают основание для утвердительного ответа на поставленный вопрос, хотя, само собою разумеется, это утверждение будет носить гипотетический характер до тех пор, пока не будет приведено в известность содержание других вотчинных архивов. В архиве Новгородского Дома Св. Софии и в архивах двух монастырей—Соловецкого и Тихвинского Большого—хранятся образчики таких вотчинных писцовых книг различных типов в зависимости от специальных целей их составления. Книг этих дошло до нас меньше, чем сведений об их прежнем существовании, а этих последних в свою очередь меньше, чем было их на самом деле.

[1]) М. М. Богословский, „Земское самоуправление“, т. II, стр. 133.

Относительно Новгородского Софийского Дома имеются сведения о следующих писцовых книгах:

1. „Книга писцовая в тетратех архіепископлих дѣтей боярских, Третьяка Лукьянчикова да Третьяка Пѣшкова, Софѣйского Дому помѣстных дѣтей боярских крестьяном и пашням и Сермажские волости рыбные ловли и Олонецкого погоста крестьяном и пашням 7070 году“ [1].

2. Писцовые книги письма Ѳедора Калитина да Лариона Иванова (середина XVI в.) [2].

3. Писцовые книги письма Михаила Волкова (около 1560—65 г.) [3].

4. Писцовые книги письма Ѳедора Ѳатьянова да Субботы Бухвостова 1575 г. [4]).

5. Писцовые книги письма Ивана Мартьянова да Луки Игнатьева 1585 г. [5]).

6. „Книги письма и дозору митрополича старца Левкѣя да Софѣйских дѣтей боярских Ивана Мартемьянова да Никиты Семенова“ (1592—1604 г.) [6]).

7. „Лѣта 7100 книги Софѣйские отчины письма митрополича старца Левкѣя. А в них писаны митрополичи дворцовые села и деревни и угодья“ [7]).

8. „Книги письма и дозору Софѣйского Дому митрополича дьяка Никифора Ананьина 1624“ [8]).

9. „Книги письма и дозору Софійского Дому и митрополича старца Аѳанасія да сына боярского Василія Тяполкова 7161 года“ [9]).

10. „Лета 7161-го книги Софѣйское вотчины письма и дозору митрополичих старца Афанасія да сына боярского Василія Никифорова сына Тяполкова. А въ нихъ писаны пустоши дворцовые, которые остались за роздачею“ [10]).

11. Книги Софийского конюшаго старца Варлаама да сына боярского Матвея Андреева сенным покосам в Пидебской и Кречинской волостях 1564 года [11]).

[1]) Актовые книги Госуд. Археограф. Комиссии (в дальнейшем сокращено А. К. Г. А. К.) № 37, л. 70—70 об.

[2]) А. К. Г. А. К., № 63. л. 29. Хронологические обозначения, взятые в скобки, есть результат собственных разысканий автора, без скобок—непосредственные данные документов.

[3]) А. К. Г. А. К., № 63, л. 12.

[4]) А. К. Г. А. К., № 63, л. 18 об.

[5]) А. К. Г. А. К., № 74, л. 13.

[6]) А. К. Г. А. К., № 74. л. 165.

[7]) А. К. Г. А. К., № 37, л. 96—192.

[8]) А. К. Г. А. К., № 74, л. 177.

[9]) А. К. Г. А. К., № 56.

[10]) А. К. Г. А. К, № 74, л. 133 и дальше.

[11]) А. К. Г. А. К., № 37, лл. 1—54.

Из перечисленных здесь книг до нас дошло только три— №№ 7, 9 и 11.

Книга старца Левкѣя № 7 заключает в себе описание так называемых „дворцовых" Софийских земель: перечисляются села, деревни, починки, пустоши Софийского „Дворца", приводится количество крестьян и бобылей, отмечаются размеры владычных доходов, указывается собственная запашка „Дома", земля, отдаваемая „из снопа" и на оброк. Писец не только заносит в свою книгу то, что он заставал в том или ином месте, но и отмечает свои собственные действия: то он отдает на оброк дворцовые земли, то отписывает „во дворец" земли у помещиков, то дает в распашку еще совсем нетронутую землю.

Книга № 9—специального назначения. Она заключает в себе описание поместных Софийских земель. Задача писца здесь, по сравнению с описанием дворцовых земель иная: он должен описать наличность Софийских детей боярских с их нисходящими и боковыми мужского пола, т. е. служилые силы Софийского Дома в настоящем и в возможном ближайшем будущем: крестьян и бобылей с их нисходящими и боковыми тоже мужского пола, т. е. платежные и рабочие силы наличные и подрастающие: хозяйственный инвентарь населения и т. п. Параллельно тем же писцом велась книга (№ 10) „пустошам дворцовым, которые остались за роздачею". Эти пустоши нужно оживить. Забота об этом оживлении лежит на администрации Софийского Дома.

Книга № 11 старца Варлаама имеет целью описать у Софийских крестьян и бобылей сенные покосы, „что у которово крестьянина и бобыля имянем поставлено на пустошахъ, и по пожнех, и на полях, и по заполоскам, и в жарах, и на лугах сенного покосу збродовъ и стоговъ, и сколько в которомъ збродe и в стогу сметано копен, и поскольку у которого крестьянина тягла земли"....

Назовем здесь еще несколько книг, хранящихся в архиве Тихвинского Большого монастыря. К категории писцовых следует отнести книги „дозорные" сенным покосам, в которых описываются все имеющиеся в монастыре пожни с обозначением количества получаемого с них сена; в особых книгах ведется опись монастырским „полянкам" и „поляночникам", т. е. крестьянам, обрабатывающим среди леса, быть может, еще ни разу не паханную землю; книги окладные, дворные и огородные оброчные, книги Тихвинского посада тяглым людям, досмотр крестьян и бобылей монастырской вотчины; роспись огородам Тихвинского монастыря слуг и посадских людей, измерение и описание посада особой комиссией по приказу архимандрита и

др.—тоже должны быть причтены к разряду вотчинных писцовых книг [1]).

Из этого самого беглого и поверхностного перечня мы можем легко убедиться в том, что подобного рода книги были действительно совершенно необходимы вотчиннику в деле управления и хозяйственной эксплоатации вотчины, причем делается также совершенно ясным и то, что государственные писцы не шли и не могли идти навстречу этим нуждам вотчинника.

Соловецкий монастырь тоже имел своих писцов и посылал их в разные места и с различными специальными поручениями.

К сожалению, архив Соловецкого монастыря еще не рассмотрен мною настолько тщательно, чтобы можно было точно сказать, какие именно вотчинные писцовые книги там были, и какие из них сохранились до нашего времени. Две из них во всяком случае были у меня в руках. Рассмотреть же и довольно внимательно пришлось только одну из них. На ней я и предполагаю остановиться несколько подробнее, так как она, помимо своего выдающегося научного значения, интересна еще и тем, что еще до поступления своего в научный обиход, так сказать, анонимно была использована архимандритом Досифеем в его „Описании“ Соловецкого монастыря и дала повод проф. В. О. Ключевскому сделать свое определение Новгородской обжи. Архимандрит Досифей, комментируя известную вкладную в монастырь Марфы Борецкой, под термином „лук“ сделал следующее примечание: „Лук по старинному измерению земли содержал в себе две обжи, а обжа имела в себе длиннику 126 и поперечнику 32 сажени“ [2]). Проф. В. О. Ключевский, в статье „Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря“, почти буквально переводит это примечание к себе и помещает в примечании же в следующем виде: „Лук содержал в себе 2 обжи, а обжа имела 126 саж. длиннику и 32 поперечнику“ [3]). Вопрос о том, насколько это признание обжи земельной мерой и выражение ее в приведенных цифрах саженей, соответствует действительному пониманию обжи в старое время, рассматривается мною в специальной работе „Что такое обжа?“, давно ожидающей своей очереди для напечатания. Здесь же я хочу остановиться только на более детальном описании самой книги [4]).

---

[1]) Подробнее о них см. наш „Отчет об осмотре архива Тихв. Бол. монастыря“. Летопись занятий Археогр. Ком., т. XXVI.

[2]) Архим. Досифей. „Географ., ист. и стат. описание Ставр. первокл. Соловецкого монастыря“. I и II. М. 1853, стр. 46.

[3]) В. О. Ключевский. „Опыты и исследования“, т. I, стр. 14, прим. 2.

[4]) Непропорциональность в распределении нашего внимания между упомянутыми вотчинными писцовыми книгами объясняется желанием в небольшой статье дать хотя бы один яркий пример книг интересующего нас типа.

Это одна из вотчинных книг, по своим задачам и их выполнению, не похожая на государственную писцовую книгу, позволяющая на наш взгляд проникнуть, хотя бы отчасти, в те тайны писцовой работы, куда до сих пор тщетно старались проникнуть наши ученые путем изучения государственных писцовых книг.

Книга in 8°. В ней 88 уцелевших листов. Конца не достает, но погибших листов, судя по содержанию книги, едва ли много. Современное ее состояние внушает опасение, что она может рассыпаться, так как края ее сильно истлели, особенно на местах скреп около корешка. Чернила во многих местах настолько выцвели, что трудно прочесть написанное. Внутрь книги вложено несколько бумажек с содержанием, непосредственно связанным с текстом книги. Переплета нет и не было. Заголовок настолько интересен, что считаю важным привести его целиком.

„Лѣта 7119-го июля в 18 день. По благословенію игумена Антонія Соловетцкого монастыря и по приговору соборныхъ старцовъ старецъ Илья да старецъ Спиридонъ дозирали и переписали въ монастырской отчине въ Сумской волости и во всѣхъ монастырскихъ волосткахъ у крестьянъ, хто въ которомъ луку морские пожни косить, и сколько за кѣмъ угодья: полевые пашни и морскихъ поженъ, и црѣнныхъ промысловъ. А переписывали, примѣриваяся къ старымъ книгамъ: по книгамъ дозору старца Мисаила Назимова да старца Архипа, да по книгамъ Соловетцкого игумена Исидора, да по писцовымъ книгам Ондрѣя Плещѣева, да по книгамъ же дозору старца Протасия да старца Моисѣя. И переписывали въ Сумской волости дворы, и пашенную землю, и сенные покосы, и црѣнные промыслы по старымъ лукамъ и по обжамъ, как у нихъ изстари было положено: пашенные земли на обжу въ длину по 126 саженъ, а поперегъ по 32 сажени. А морские пожни и теребы писали имянно, гдѣ которово лука пожни по морскому берегу и по островамъ, и сколько въ которомъ луку станетъ сѣна, и что доведется на обжу. А по старинѣ у нихъ лукъ словетъ две обжи, а теребовово сѣна давано по 6 возовъ на обжу“ [1]).

На поле сбоку этого заголовка рукой архимандрита Досифея приписано: „Зри. Обжа дл: 126 с. ши: 32 с.“: и несколько пониже: „Лук две обжи“. Вот откуда автор описания Соловецкого монастыря взял свои цифры, подкупившие своей внешней убедительностью и проф. В. О. Ключевского.

[1]) Архив Соловецкого мон., Писцовая книга старцев Илии и Спиридона по монаст. вотчине Сумской, лл. 1—2.

Этот заголовок, вернее введение в писцовую книгу, действительно заставляет обратить на себя большое внимание, столько здесь поистине эпической обстоятельности. Разве государственный писец стал бы обращать внимание на все эти детали, из которых складывались хозяйственные и правовые отношения Сумского населения? Мы всегда можем заглянуть в государственную писцовую книгу, где описывается казенным писцом та же Сумская волость. Там мы встретим обычное для государственного письма описание: „в Выгозерскомъ погосте Соловецкаго монастыря волость Сумы“, где вслед за описанием погоста и острога идет обычный перечень Сумских деревень: „Дер. на усть Сумы рѣки Карпинская да Калининская, а въ ней крестьянъ: во дв. Нечайко Васильевъ з детьми, во дв Меньшикъ Ермолинъ, во дв. Посникъ Кожара, во дв. Офонаско Иванов да сын его Корнилко, да 3 двора пусты. Пашни паханые 20 чети, ва перелогу 30 чети в поле, а в дву потому же. Сѣна 300 копенъ. Въ жиле 2 обжи, а въ пусте 3 обжи“ и т. д. и т. д. [1]). Эту книгу Андрея Плещеева знали и Соловецкие старцы Спиридон и Илия, пользовались ею, как видно из „введения“, но монастырские писцы не сочли возможным подражать казенному образцу, и их работа оказалась совсем не похожей на письмо Плещеева. Разница, конечно, зависит от преследуемых разными писцами целей: государство прежде всего желает знать, со скольких обеж в данном месте оно может рассчитывать получить подати, и в связи с этим старается по возможности умножать количество платежных единиц. Задачи вотчинника иные и значительно сложнее: ему нужно знать, кто, где и как живет и, сообразно с этим уже, кто и сколько может платить. И то и другое для него одинаково важно. Монастырь, конечно, отвечает перед правительством в платежах населения своей вотчины, но самые понятные соображения заставляют его входить во все хозяйственные детали каждого жильца: ведь от этих мелочей хозяйственного обихода зависит, как общее состояние вотчины, так и ее платежеспособность, в чем хороший хозяин-вотчинник видит не одну только ответственность, но и свою личную заинтересованность. Здесь естественно вырабатывается и „пристальность и чуткость“.

В самом деле, обратим внимание хотя бы на отдельные подробности упомянутого „введения“, в сущности настоящей программы деятельности монастырских писцов. Писцы переписывают население по *старым* лукам и по старым обжам. Очевидно

---

[1]) М. А. М. Ю., Вотч. № 16823, л. 1140. Книга Обонеж. пят. письма Ондрѣя Васильевича Плещѣева и подьячего Семейки Кузьмина 7091 года.

мыслятся возможными и новые луки и новые обжи; можно, наконец, описывать и не по лукам и обжам, а как нибудь иначе: Софийский старец Варлаам [1]), например, описывает сенные покосы у крестьян Пидебской волости по костям („У Андрюшки Захарова тягла земли подъ нимъ 2 кости, а сѣна у него поставлено... 29 копен"), а у крестьян Креченской волости по вытям („У Никитки Степанова тягла земли подъ нимъ полвыти. А сѣна у него поставлено... 107 копен"), при чем можно утверждать, что разница между этими раскладочными единицами не только лингвистическая. Дальше видим, в чем заключаются эти признаки старой обжи. Оказывается, что „у них (т. е. в Соловецком монастыре) исстари *было положено* пашенные земли на обжу в длину по 126 саж., а поперек по 32 сажени". Новые писцы от этой нормы не собираются отступать. Уважение к старине в данном случае, надо думать, не нарушало пока ничьих интересов, но можно допустить, что старина почему-либо должна будет уступить необходимым нововведениям, тогда и это положение относительно количества пашенной земли на обжу может принять другое цифровое выражение. Так дело обстоит с пашней, более устойчивым ингредиентом в составе крестьянского хозяйства на севере. А вот относительно морских пожен говорится уже иначе: „сколько въ которомъ луку *станет* сѣна", и в зависимости от этого, „что *доведется* на обжу". В заключении прибавка относительно теребового сена, самой незаметной детали хозяйства Сумских крестьян. Здесь просто сказано, что в данный момент „*давано* по 6 возовъ на обжу". Самое описание проделано именно по этой программе, т. е. содержание нашей вотчинной книги наполнено такими сюжетами, которые не интересовали государственного писца.

После общего обзора хозяйственного и податного состояния Сумской волости [2]) идет самое описание: „Волость Сума. А въ волости острогъ, а въ остроге храмъ теплой съ трапезою Успения Пречистые Богородицы. Да туто же предѣлъ Зосимы и Саватия, Соловецкихъ Чюдотворцев, да храмъ холодной Николы Чюдотворца" (л. 2 об.-3). Следует перечень дворов причта, после чего идет описание дворов и пашни, распределяемой между Сумскими крестьянами пропорционально их тяглу, выраженному в цифрах обеж: „Да в Сумской же волости у крестьян волостные жилые дворы и пашенные поля и припашные нивы..." (л. 3). За

[1]) А. К. Г. А. К., № 37, л. 3 и л. 38 об.

[2]) „И во 119-м году въ Сумской волости въ жывущемъ 28 обежъ, а въ пусте 40 обежъ и тѣхъ пустыхъ обежъ пашенную землю и морскихъ поженъ сенные покосы вѣдаютъ старцы, Сумские приказщики, косятъ на монастырь, а иные пожни и пашенную землю крестьяномъ въ наемъ отдают"—л. 2.

этим заголовком следует описание: „во дворѣ Степанъ Лутковъ да братъ его Конанъ. А угодья подъ ними тяглово полобжи. А поле жилое ихъ старое, отцовской слѣдъ, в длину его 75 саженъ, а поперегъ 32 сажени" (л. 3).

Описанию пашен отведено в книге 32 листа. На л. 32 об. идут уже „Пожни морские крестьянские жилые и пустые" и под этим общим заголовком начинается перечень луков: „в дву Парѳеньевых луках жильцов: Игнатей Юрьев, угодья под ним четь обжи; Кузьма Кулак, угодья под ним полдве чети обжи; Семен Бастрачь полобжи; Семен Проскурник полобжи; Яков Терентьев четь обжи; Лука Ѳедотов четь обжи; Одинец Иванов полобжи". Это перечень крестьян, которым полагается получать сено с названных двух луков. Самое описание луков идет непосредственно за этим перечнем: „А пожни они на море косятъ дву Парѳеньевых луковъ; 4 обжи на Вегубской сторонѣ отъ Конoручья пожни рядомъ до Кунокорги. Сѣна станетъ 72 воза; да в Сосновцахъ въ Меньшихъ 10 возовъ, да въ Реболуде 2 пожни 5 возовъ" и т. д., и т. д... „И всего въ Парѳеньевыхъ въ дву лукахъ на пожняхъ сѣна станетъ 148 возовъ. И тѣхъ луковъ въ жиле за хрестьянами пол 3 обжи с осьминою. Сѣна у нихъ станетъ 102 воза, а в пусте пол—2 обжи безъ осьмины. А сѣна станетъ 45 возов. И тѣ пожни имъ же отданы на бразгу косити". С листа 65-го начинается новый отдел: „Да в Сумской же волости сколько хто по угодью своему сѣна теребового коситъ" (лл. 65—77), после чего идет новый отдел книги: „Да в Сумской же волости за хрестьяны в жиле црѣнново промысла" (лл. 77 об—78 об). На л. 79-ом перечислены Сумские бобыли: „Да въ Сумской же волости бобыли жывутъ своими дворы" (лл. 79—79 об), и стрѣлецкіе дворы: „Да в Сумской же волости въ Стрелецкой слободѣ выше мельницы стрелецкие дворы" (лл. 79 об—81). На л. 81-ом упомянуты рыбные ловли: „Да въ Сумской же волости на рекѣ на Сумѣ заборъ. А въ немъ ловятъ рыбу семгу и на монастырь Сумские острожные приказщики старцы емлютъ тое рыбы изъ забора треть. А две доли тое рыбы изъ забора емлютъ крестьяне на свои на жывущие на тяглые обжи; а даютъ имъ ту рыбу изъ забора не по ихъ обжамъ для ихъ нужи. Тѣмъ ихъ пожаловали. Да въ тѣхъ же в ых въ дву доляхъ въ рыбе церковная 3 обжи, да мельничново старца обжа, старице Александре четь обжи, земскому діачку Буянку полобжи" (лл. 81—81об). Лл. 82—86 об. заняты перечнем „лишков" в полевой земле, которые оказались за крестьянами в момент положения их в тягло. На последних страницах помещено описание крестьянских огородов, к сожалению, не законченное. На этом книга и обрывается.

Мы уделили так много места описанию нашей писцовой книги, так как нам хотелось показать, что хотя у государственных и вотчинных писцов об'ект наблюдения один и тот же—те же деревни, починки, пустоши, те же крестьяне и бобыли—но вотчинный писец смотрит на вещи под другим углом зрения, другими глазами и следовательно видит не то, что замечает государственный писец; что вотчинный писец, имея к тому возможность и часто будучи в этом заинтересован, считается больше со старинной, учитывая и индивидуальные явления крестьянской жизни, до которых нет никакого дела писцу царскому. Ясно, что спорные вопросы старой русской жизни, для решения которых государственные писцовые книги дают недостаточный материал, должны быть пересмотрены с непременным привлечением книг вотчинных. Пока их известно немного, в печати нет ни одной, но ни в первом, ни во втором отношениях дело не стоит безнадежно.

Б. Греков.

Соборное уложение 1584 года об отмене тарханов.

Внутренняя политика московского правительства, после смерти Ивана Грозного, в тяжелую эпоху экономического и социального кризиса, уже нашла себе достаточную оценку в русской исторической литературе.

В ряду мероприятий, направленных к поднятию хозяйственной жизни страны, упорядочению финансового управления, улучшению положения служилых людей и тяглого населения, крупное место занимают мероприятия, относящиеся к монастырским вотчинам, вопрос о которых чрезвычайно остро стоял за все продолжение предшествующего царствования. Программа деятельности правительства по этому вопросу дана была еще собором 1580 года, приговор которого был не только подтвержден 20 июля 1584 года, но и дополнен статьями об отмене тарханов „покамѣста земля поустроитца" и о запрещении держать закладчиками тяглых людей.

Целью настоящей заметки является рассмотрение влияния этих последних статей на последующую политику московского правительства, поскольку о нем можно судить по дошедшим до нас грамотам. Характер материала заставляет меня иметь в виду преимущественно монастырские тарханы..

Приговор собора—„до государева.. указу.. тарханы отставити, покамѣста земля поустроитца..., а платить всякіе Царскіе подати и земскіе розметы всякимъ тархановъ.. со всѣми людми ровно

[illegible]... и тамга тарханомъ и всякимъ людемъ въ то время до Государева указу платить, кто ни почнетъ торговать" [1])—понятый буквально, находится, на первый взгляд, в решительном противоречии с рядом жалованных тарханных грамот от времени, непосредственно следующего за собором. Противоречие это, уже давно отмеченное в литературе, давало основание для двух предположений, а именно—одного, что приговор собора, имевший временное значение, был вскоре же отменен, когда состояние страны позволило это сделать [2]), и другого, что приговор остался мертвой буквой закона, столкнувшись с традиционными воззрениями правительства, смотревшего на себя, как на представителя и защитника церкви, тем более, что эта мера не могла содействовать улучшению положения служилых людей [3]).

Это второе предположение, как будто, подтверждается тем, что уже 11 августа 1584 года дана была грамота Соловецкому монастырю об освобождении от податей, пошлин и повинностей, с уплатой взамен их ежегодного оброка [4]), так что, повидимому, невозможно указать даже короткого срока действия приговора.

Рассмотрение ближайших по времени грамот сможет, я думаю, правильно уяснить, как смысл самого приговора, так и его судьбу.

Соборное уложение было, повидимому, понято местными властями в прямом смысле полного уравнения в податном отношении монастырских вотчин с другими землями.

Сохранился целый ряд указных грамот от сентября и октября 1584 года, вызванных челобитьями монастырских властей о том, что „губные старосты и городовые приказщики, „в монастырскую вотчину учали въѣзжати и к денежнымъ сборомъ и к тамгамъ учали монастырскихъ крестьянъ выбирати" [5]).

Правительство всюду решительно становится на сторону челобитчиков, запрещая подобные нарушения прежних жалованных грамот, разрешавших уплату монастырями податей на

1) С. Г. Г. и Д., I, № 202, с. 594—595.

2) *С. Ф. Платонов*, „Очерки по истории смуты", СПб. 1899, стр. 593; „Борис Годунов", П. 1921, стр. 82.

3) *А. Я. Шпаковъ*, „Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Учрежденіе патріаршества въ Россіи", Одесса, 1912, стр. 85-86. В другом месте тот же исследователь считает, повидимому, предоставление льгот и тарханов, противоречивших соборным постановлениям, проявлением личной воли царя Федора—там же, стр. 39.

4) А. А. Э., I, № 323.

5) *Н. М. Катаевъ и А. К. Кабановъ*, „Описаніе актовъ собранія графа А. С. Уварова. Акты историческіе", М. 1905, № 58, стр. 66 (от 21 октября 1584 г. на Бѣлоозеро). Ср. еще: *С. А. Шумаковъ*, „Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи", вып. IV, М. 1917, № 1398; *И. А. Вахрамѣевъ*, „Историческіе акты Ярославскаго Спасскаго монастыря", т. I, М. 1896, № LIX с. 71, LVIII, LX; Рук. Гос. Публ. Библ., Q IV 113а, л. 1670.

Москве, грамот, нередко уже подписанных на государево имя [1]. Что эти нарушения могли быть следствием соборного уложения, показывает подтверждение выданной 25 июня 1584 года грамоты в январе 1585 года припиской: „и послѣ уложенія сеѣ жалованные грамоты рудити у нихъ не велѣлъ" [2].

Таким образом правительство совершенно не было склонно нарушать жалованные грамоты, устанавливавшие особый порядок податного обложения монастырских земель. Такой порядок, ограждая вотчину от произвола местных властей, всегда давал возможность увеличивать ее обложение, сообразно с местными нуждами [3].

Эти наблюдения позволяют выяснить действительное значение соборного приговора. Выражение „земли Митрополичи, и Архіепископли, и Владычни и монастырскіе никакіе царскіе дани и земскихъ розметовъ не платятъ, а воинство служилые люди тѣ ихъ земли оплачиваютъ", может относиться лишь к тем землям тарханщиков, которые не были выделены из других земель в особый податной округ. Вотчинники и помещики, находившиеся в одном сошном письме с тарханщиками, конечно, прежде всего страдали от освобождения последних от всех или некоторых податей и на них ложилась вся тяжесть обложения [4].

Между тем, процесс выделения монастырских земель в особый податной округ далеко не был закончен к этому времени [5]. Поэтому существование жалованных грамот на такие

[1] Грамота Троице-Сергиеву монастырю 1578 года была подтверждена 3 мая 1584 года. Сборн. грам. Троице-Серг. лавры № 528, гр. № 231.

[2] *И. А. Вахрамѣевъ*, назв. соч., I, № LVI, с. 67.

[3] „А что с монастырскихъ вотчинъ довелось взяти ямскихъ денегъ или охотникомъ и полоняничникомъ въ помогу и иныхъ какихъ податей, и вы бъ о томъ отписали в приказъ дьяку Андрею Щелкалову, и мы на нихъ тѣ денги съ ихъ монастырскихъ вотчинъ велимъ имати на Москвѣ и къ вамъ отсылати". Рук. Рос. Публ. Библ., Q IV 113а, с. 1672—73: гр-та 2 сентября 1584 г. на Кимру об освобождении вотчин Кириллова м-ря в Угличском и Бежецком у. от въезда рассыльщиков.

[4] В 1-ой половине XVI в. в таком положении находились даже некоторые земли Троице-Сергиева монастыря. В 1558 году власти монастыря били челом о том, что тверские городовые приказчики „прикладываютъ къ монастырскимъ крестьянамъ въ посошную службу, и въ городовое дѣло, и въ ямскую гоньбу, и въ мелкую тягль сохи пустые и грамотчики, которые ни во что не тянут, и монастырскіе крестьяне те пустые сохи и грамотчики оплачивают собою". Сборн. грам. Троице-Серг. лавры, № 528, гр. № 28. Тем более могли страдать от подобного положения мелкие служилые люди при быстром росте привилегированного монастырского землевладения за счет служилых земель.

[5] Об отписке частновладельческих и в частности монастырских земель см. у *С. Б. Веселовского*, „Сошное письмо", т. I, М. 1915, гл. VII с. 212 и след. и выше с. 301. Из писцовых книг 1593—4 гг. земель Троице Сергиева монастыря узнаем, что многие из его владений, приобретенных еще до 1580 года и даже подтвержденных жалованными грамотами, не были еще формально закреплены записью в книги. *С. В. Рождественскій*, „Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ" Жур. Мин. Нар. Просв., 1895 г. май, стр. 75).

земли могло быть источником целого ряда злоупотреблений. Приговор об отмене тарханов и был, думается, направлен главным образом на прекращение действия жалованных грамот на те земли, особое положение которых в податном отношении не было закреплено писцовыми и платежными книгами.

Это соображение подкрепляется одной указной грамотой, которой дается представителю местной власти такое предписание „и ты бы... сыскалъ прежними платежными книгами, да будетъ по сыску прежъ того Спаскаго монастыря с вотчинъ кормовыхъ денегъ не имывали а были будетъ не въ тарханѣхъ, и ты бы Спаскаго монастыря с вотчинъ по прежнимъ нашимъ жалованнымъ грамотамъ и по сей нашей грамотѣ и нынѣ за намѣстничь доходъ кормовыхъ денегъ не ималъ" [1]). Действие приговора должно было прекратиться после урегулирования отношения тарханщиков к местному податному миру, что было связано с описательными работами, особенно усилившимися в начале царствования Федора Ивановича [2]). В тесной связи с таким пониманием приговора стоит его постановление о закладчиках, так как это явление выхода тяглецов за сильных людей наносило такой же ущерб государственным интересам, как произвольное распространение действия тарханных грамот на черные и служилые земли при переходе их в руки тарханщиков. Первые же шаги московского правительства были направлены на борьбу с этими злоупотреблениями.

От конца 1584 года сохранилась выпись с подробного наказа в Двинскую землю, которым предписывалось обыскать, сколько на Двине земельных владений и промышленных угодий

[1]) *Н. А. Вахрамеевъ*, назв. соч., I, № LVIII, с. 71 - грамота в Ярославль по челобитью архимандрита Спасского из Ярославля м-ря. Источники сохранили указание и на другой розыск подобного рода при подтверждении жалованной грамоты Важтскому монастырю на безоброчную рыбную ловлю. А. А. Э., I, № 327, гр. 5 апреля 1585 года. „Были будет не в тарханѣ" можно понимать в том смысле, что освобождение вотчины от уплаты кормовых денег не было вызвано временной льготой.

[2]) *С. Б. Веселовскій*, „Сошное письмо", т. II, М. 1916, стр. 184. В связи с ходом описательных работ могло стоять подтверждение, а также появление вновь некоторых тарханных грамот в конце 80-х годов. Так, во время описания Соли-Вычегодской в 1588 году была отписана от посадских и волостных земель вотчина Коряжемского монастыря. Тогда же была, повидимому, выдана на монастырскую слободу жалованная тарханная грамота, на которую ссылаются власти монастыря в 1590 году. А в 1589 году были отписаны от посада монастырские дворы, с разрешением платить подати обычно посадских людей А. А. Э., I, №№ 343 и 349. В 1589 году была послана в Тверь воеводе Меркурию Александровичу Щербатому, описывавшему в эти годы Тверской посад и уезд, указная грамота о ненарушении жалованной грамоты Воскресенского Новоторжского монастыря. Срав. еще тарханную подтвердительную грамоту 1588 года Федоровскому Переяславскому монастырю: *С. А. Шумаковъ*, назв. соч., вып. IV, № 1456; подтверждение грамоты 1576 года Троице-Сергиеву Казанскому монастырю в 1588 году: Сборн. грам. Троице-Серг. лавры № 528, гр. № 371 и др.

за отдельными монастырями, платят ли монастыри за них деньги и нет ли за ними закладчиков. К выписи приложен „снимок с речей слово въ слово, что говорили Ненокшане в обыску про Кириловъ монастырь“. Он отмечает обычную картину роста земельных владений и угодий монастыря за счет черных тяглых земель, поступление в закладчики лучшего человека из тягла, уклонение монастырских властей от уплаты податей с угодий и пошлин с торгов за 90, 91 и 92 год, при чем Ненокшане прибавляли: „а во государевыхъ в жалованныхъ въ ихъ грамотахъ въ Кириловскихъ тѣхъ Ненокоскихъ промысловъ нѣтъ, не написаны, а стоять на государеве землѣ на черной“. Далее указывалось, что владения других монастырей „изначала были въ черныхъ сохахъ во всякихъ тяглехъ и изъ тягла, изъ черныхъ сохъ не выведены“, в виду чего „черные тяглые остальные людишка съ тѣхъ промысловъ государевыхъ податехъ въ земскихъ розмѣтехъ в конецъ загибли, платячи за тѣхъ сильныхъ людей“. Результатом наказа было привлечение монастырских земель к несению тягла, а затем, возможно, и выделение их из тяглых земель [1]. Этот наказ и обыск открывает собою ряд подобных же мероприятий, проводимых правительством во время описательных работ. Писцы и специальные „стройщики“ сбирали на посад или в черные слободы с монастырских, княжеских и боярских дворов дворников, отписывали к посадам монастырские дворы и слободы [2].

---

[1] Археограф. Ком. „Новые бѣлоз. стб.“, I кор. (отрывки из обыскных речей Ненокшан напечатаны у *Н. К. Никольского*. „Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“, в. II, Спб. 1910, стр. 122, пр. 5). Наказ и речи упоминают еще о торгово-промышленной деятельности в Двинской земле вологжан Федора и Михаила Ковелевых.

В тех же столбцах хранится „список с мировые записи“ 16 января 1585 г. Ненокшан с властями Кириллова монастыря в том, что они „в государевыхъ податехъ и в земскихъ розметахъ за 90, 91 и 92 г. со старцами счлися“, при чем впредь старцы монастыря обязались с ними „межъ собой считатися и животомъ и по промысломъ и по угодьямъ вправду во всякихъ государевыхъ податехъ“. Несомненно, что обыск относится к концу 1584 года и являлся подготовкой, а может быть послужил поводом к описательным работам в Двинской земле, начало которых *С. Б. Веселовский* относит к 7095 (1587) году („Сошное письмо“, т. II, стр. 178). Окончательное выделение монастырских земель на Двине относится, однако, уже к более позднему времени. (Там же, т. I, стр. 301).

[2] *С. Б. Веселовскій*, назв. соч., II, стр. 181. Здесь перечислены подобные мероприятия в Калуге, Твери (в 1585 году), Вологде (в 1591), Арзамасе (1595), Переяславле-Рязанском и Зарайске (1600). Кроме того, *И. А. Дьяконовым* приведена грамота о сыске закладчиков в Свияжске в 1586 г. („Очерки изъ исторіи сельскаго населенія в Московскомъ Государствѣ“, „Лѣтопись Занятій Арх. К.“, в. XII, стр. 6) и *Е. Д. Сташевским* в Соли Галицкой в 1593 году („Очерки по исторіи царствованія Михаила Федоровича“, ч. I, Киев, 1913, стр. 139). К отмеченным случаям прибавлю указание об отписке монастырского двора в Костроме в 1594 году, упоминаемой в грамоте 1603 года Троице-Сергиеву монастырю и об отписке монастырской слободы в Казани, упоминаемой в грамоте

Ведя энергичную борьбу против закладничества, как незаконного явления, правительство не препятствовало переходу тяглых людей на монастырские дворы, если это не наносило ущерба государственным интересам и происходило при участии представителей власти. Так, в 1588 году в Твери, по государевой грамоте, воевода князь Меркурий Александрович Щербатый, которому в эти годы было поручено строить тверской посад и свозить беглых тяглецов из соседних уездов, отдал в Кириллов монастырь в дворники посадских людей [2]). Это разрешение выхода отдельных тяглецов из посадского мира вполне аналогично выделению земель из волостной организации. Не самый факт такого выделения, а злоупотребления, связанные с ним, являлись предметом преследования правительства.

Таким образом, приговор собора об отмене тарханов до урегулирования взаимоотношений с тяглыми мирами, направленный против злоупотреблений тарханщиков своим положением, нашел вполне последовательное применение в правительственной практике.

Так же последовательно проводилось другое постановление собора — о сборе тамги со всех людей, „кто ни почнеть торговать". Тарханные грамоты, освобождавшие от беспошлинного провозу, а иногда и продажи определенного количества запасов „для монастырскаго обиходу", являлись источниками целого ряда злоупотреблений, отмечавшихся в самих жалованных грамотах. Монастырские власти приобретали запасы не только для обихода, но и для торговли, провозили с собой торговых людей, произвольно увеличивали количество провозимых запасов.

Уже в середине XVI века была сделана общая попытка уничтожить таможенные тарханы; затем вводился целый ряд ограничений, временно отменялось действие грамот, наконец, устанавливался контроль над монастырскими властями путем

тому же монастырю от 1597 года. Сборн. грам. Троице-Серг. лавры № 528, гр. №№ 400 и 392. (В Казани в 1593 году воевода строил черную слободу из новокрещенов. А. А. Э., I, № 358). Я думаю, что подобные указания могут навести на мысль о повсеместном сыске закладчиков.

В связи с борьбой против закладничества в жалованных грамотах на монастырские дворы правительство предписывало жить въ дворникахъ крестьянамъ неторговымъ людямъ, а торговыхъ людей в дворниках не держати". Гр. 1586 г. на огородное место в Москве Троице-Сергиеву монастырю.— Сборн. грам. Тр.-Серг. лавры № 528, гр. № 361, л. 602.

[2]) „Бѣлев. Стб." Археогр. ком., 1 кор. „Тверскiе крѣпости 1582—1606 года". Другая запись об отдаче из сотни посадского человека посадским старостою по приказу того же воеводы напечатана у *П. К. Никольского*, цит. соч., I, стр. 26, прим. Сохранился также список с указной грамоты царя Бориса Годунова в Ростов городовому приказчику, о разрешении посадскому человеку быть в купчинах на монастырском дворе Троице-Сергиева монастыря. Сборн. грам. Тр.-Серг. лавры № 532, по Ростову гр. № 30.

[illegible] точного списка людей и запасов, посылаемых с монастырскими судами и возами [1]. Соборное уложение 1584 года полной отменой таможенных тарханов до государева указа решило положить конец этим злоупотреблениям.

Таможенные уставные грамоты, появившиеся в первые же годы царствования Федора Ивановича, совершенно не считаясь с жалованными грамотами, содержат обычно статьи о взимании пошлины „со всех людей безъ омены, чей кто ни будет и с тарханных и съ грамотчиков" [2]. Из некоторых грамот Кирилло-Белозерского монастыря узнаем, что этот монастырь действительно уплачивал пошлины со своих товаров. Так, в 1586 году монастырские власти сообщали, что по челобитию каргопольских таможников „велено на прошлой 93 годъ [illegible] на нихъ съ монастырской соли взяти пошлину да и впередъ велено съ нихъ имати большую пошлину, что и съ ноугородцевъ" [3]. В Твери монастырь в 1588 году платил за монастырскую соль „тамгу мыт и явку большую, какъ и пріѣзжіе люди торговые пошлину платят" [4]. Поэтому вполне справедливы слова челобитья кирилловских властей в 1590 году, что „ныне (т. е. после смерти Ивана IV) на нихъ по всѣмъ городомъ и по рѣкамъ почали съ тое соли имати пошлину всякую" [5]. К этому году относится восстановление жалованной грамоты на торговлю этого монастыря. Несколько ранее в 1588 году было особой грамотой подтверждено Троице-Сергиеву монастырю право беспошлинного провоза рыбы и соли. А в 1592 году получает грамоту и Соловецкий монастырь [6].

---

[1] А. А. Э., I, №№ 228, 252, 272. *Е. Д. Сташевскій*, назв. соч., стр. 188.

[2] Грамота от 1586 года в Новгород. А. А. Э., I, № 332. См. еще там же, №№ 331, 342, 356. Одна грамота 29 мая 158[illegible] года [illegible] таможенным головам на Колмогоры прямо предписывает „съ Троицкихъ Сергіева монастыря, и съ Кирилловскихъ и съ Соловецкихъ и съ иныхъ монастырскихъ судовъ, имати иногородная пошлина", пресекая этим злоупотребления названных монастырей плативших двинскую пошлину на том основании, что у них в уезде промыслы. Там же, № 338.

[3] Власти далее указывали, что это [illegible] нарушением их прежней жалованной грамоты, по которой они платили меньшую пошлину по каргопольской уставной грамоте. Каргопольскому наместнику приказано было проверить это показание властей, и в случае его справедливости удовлетворить. „Белоз. Стб." Археогр. ком. Кор. I, грам. 23 декабря 1586 г. Однако, лишь в 1600 году монастырь получил жалованную грамоту на прежнюю льготу. *А. А. Гера-симов*. „Грамоты Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря". Саратов. 1914. № 8, стр. 16.

[4] Рук. Гос. Публ. Библ., Q IV, 1130, с. 557—558.

[5] Рус. Истор. Библ., т. II. № 40.

[6] А. А. Э., I, № 335. Правда, в сборнике грамот монастыря находится копия подобной же грамоты от 1585 года; однако, вероятно, она до 1588 года не имела силы, раз потребовала нового подтверждения (А. А. Э. I, № 335 и *архим. Досифей*, „Описаніе Соловецкаго монастыря", ч. III. М. 1836, стр. 59). В подтвердительной грамоте от 22 сентября 1591 года монастырю предписано

Не случайно поэтому появление в Каргопольской уставной грамоте, относимой издателями к 1598 году, кроме обычного указания на взимание пошлин „со всехъ безъ омѣны“, также добавления: „а которымъ монастыремъ и всякимъ людемъ... даны государевы... жаловалные грамоты, и с тѣхъ монастырей и со всякихъ людей... всякихъ таможенныхъ пошлинъ съ ихъ промысловъ не имати... и ничѣмъ ихъ не рудити, опричь тѣхъ пошлинъ, съ которыхъ промысловъ велено государевы... таможенные пошлины имати“ [1].

Рассмотрение судьбы жалованной грамоты Кирилло-Белозерскому монастырю показывает, какой характер имело это восстановление прежних грамот. Самой грамоты до нас не дошло. Об ее существовании узнаем из целого ряда указных грамот, посланных в разные города приказным людям, которыми предписывалось не только впредь не взимать пошлин с монастырской соли и с [illegible] на монастырский обиход, но и [illegible] пошлин, взятых в 1590 году. Сверх обычной статьи о том, чтобы „Кирилова монастыря старцы и слуги с чужих людей с собою товара не провозили и чужими бы товары сами не торговали“, грамота указывает и способ контроля над монастырской торговлей, приказывая писать подлинно в книги, сколько пошлин приказные люди отдадут монастырю и сколько впредь не будут взимать [2]. Общий характер льгот был все же ограничен. При подтверждении грамоты в 1592 году количество провозимой беспошлинно соли было определено в 40 тысяч пудов [3].

уничтожать тамгу [illegible], грамотой монастырь освобождался только от проезжих пошлин. Там же, с. 4—[illegible]. В 1592 году монастырь освобожден и от рублевой тамги. В 1585 году дана также грамота о беспошлинном провозе товаров Костромскому Ипатьевскому монастырю. С. А. *Шумаков*, назв. соч. в. IV, № 187.

Правда, от более раннего времени сохранились подобные же грамоты, но они не отличаются особой щедростью и вызваны исключительными обстоятельствами: в мае 1584 года [illegible] Богородицкому монастырю дано право беспошлинного провоза запасов вместо годовой руги (А. А. Э., I, 322) и в июне того же года Спасскому Ярославскому монастырю, ввиду запустения его вотчины — *И. А. Вахрамеев*, назв. соч. т. I, № LVI, стр. 66—67 (грамота подтверждена в 1585 г.).

1) С. Г. Г. и Д. II, № 69, с. 143. [illegible] Каргопольского уезда ведению дьяка Ивана [illegible], припись которого находится в грамоте, относится к 1596—7 гг. *К. А. Докучаев-Басковъ*, „Сорокина пустынь и ея чернецы. Опытъ изслѣдованія жизни монашествующихъ“, стр. 65 и 68. („Извѣстія общества изученія Олонецкаго края“, 1914 г., № 8, прил. 1).

2) *А. А. Гераклитов*, назв. соч., № V, стр. 9. Другие указные грамоты напечатаны в Рус. Ист. Библ., II, № 46 и у *И. М. Катаева* и *А. К. Кабанова*, назв. соч., № 71, стр. 79.

3) *Н. К. Никольский*, назв. соч., в. II, стр. 237. В этом же году, по видимому, в некоторых местах эта грамота была частично отменена. По крайней мере, когда с монастырского судна, шедшего в Тверь с солью и обратно, была два раза взята на Мологе мытная пошлина, то по государевой указной грамоте

Кроме того, освобождение от пошлин на местах не избавляло монастырь вообще от уплаты торговых пошлин. Из одной грамоты, отправленной 11 сентября 1593 года на Двину в Новый Холмогорский город, узнаем, что воевода должен был отписывать на Москву, сколько с монастырской соли доведется взять проезжих пошлин, с тем, чтобы они были взысканы с монастыря на Москве [1].

Таким образом, восстановление тарханных грамот не лишало казну ее таможенных доходов, устанавливая такой же порядок их поступления, какой существовал при взимании податей с монастырских вотчин, при чем монастыри ограждались от произвола местных властей.

Соборный приговор коснулся также тарханных грамот, освобождавших от оброков и пошлин монастырские промыслы. В связи с общими описательными работами стояли описания промышленных угодий. Источники сохранили указание на существование езовых книг Белозерского уезда 1585 года [3], книг езового прикащика Муромского уезда 1589 года [4], конюшенных оброчных книг 1587 года того же уезда [5], новгородских поженных книг 1598 года [5], целью которых было поднятие доходов с разных угодий.

Забота эта, конечно, не прошла бесследно для монастырских промыслов. Так, Кириллов монастырь в 1601 году уплачивал с своих рыбных ловель в промышленной рыбной Умбской волости ежегодный оброк [6], между тем, как с этих ловель по жалованной

потребовано было возвращение монастырю только пошлин, взятых до назначения новых таможенных голов и целовальников, может быть получивших наказ с отменой некоторых статей этой грамоты. Рկп. Рос. Публ. Библ., Q IV 113а, с. 1583—1589.

[1]) „А что с той их монастырской соли и съ судовъ доведется нашiе проѣзжiе пошлины взяти и ты бъ велѣлъ смѣтити целовальникомъ да о томъ къ намъ отписалъ въ приказъ дьяка нашего Андрея Щелкалова и мы тѣ пошлины съ ихъ монастырской соли и съ судовъ велимъ взяти на Москвѣ“. Рկп. Рос. Публ. Библ., Q IV. 113а, с. 351—352.

Подобное же указание на уплату пошлин на Москве находим в грамоте Костромскому Ипатьевскому монастырю от 18 июля 1595 года, „а емлють съ того ихъ монастырского судна за всякiе пошлины въ нашу казну на Москвѣ въ приказѣ д. нашего Ивана Нарматцково на годъ по сту рублевъ“. *П. А. Шумаковъ*, назв. соч., вып. IV, № 486.

Оброк за пошлины с монастырской соли уплачивал и Соловецкий монастырь. *Досифей*, назв. соч., стр. 71.

[2]) *С. Б. Веселовскiй*, назв. соч., II, стр. 182; *Н. К. Никольскiй*, назв. соч., в. II, стр. 114—116, прим.

[3]) Сборн. грам. Троице-Серг. лавры № 528, гр. № 375.

[4]) Там же, № 373.

[5]) *А. М. Гнѣвушевъ*, „Новгородскiй Дворцовый приказъ въ XVII в.“. М. 1911, стр. XVII.

[6]) *Н. К. Никольскiй*, назв. соч., в. II, стр. LVIII

грамоте царя Ивана IV 1578 года „никакихъ царскихъ податей и пошлин имати не велено" [1].

Уже от времени царствования Бориса Годунова дошел подробный наказ 1603 года о сборе в волости Умбе десятинной рыбы, как со всяких торговых людей, так и с монастырей [2].

Рассмотренная нами правительственная деятельность, проникнутая стремлением уничтожить злоупотребления сильных людей и оградить интересы государевой казны, целиком руководствуется соборным уложением 1584 г., которое может поэтому по справедливости считаться программой этой деятельности. Не вполне удачная его формулировка, вызвавшая нарушение грамот, подтвержденных в начале царствования Федора Ивановича, после первых же недоразумений потребовала соответствующих разъяснений.

Жалованные грамоты, освобождавшие тарханщиков от участия в податях и повинностях на-ряду с прочими людьми были отменены всюду, где это могло дать повод к злоупотреблениям и нанести ущерб интересам государства, а именно там, где такое привилегированное положение в податном отношении не было закреплено писцовыми и платежными книгами.

Описательные работы, во время которых были урегулированы отношения тарханщиков к местному тяглому обществу (отписка от тяглых земель и сыск закладчиков), могли дать возможность начать восстановление прежних жалованных грамот и даже выдачу новых. Поэтому отмену приговора в отношении к этим тарханам нельзя приурочивать к одному определенному сроку. Что касается до таможенных тарханов, то их восстановление в начале 90-х годов в крупнейших монастырях, после временной отмены, могло быть вызвано заботой о развитии монастырской торговли и стремлением оградить ее от произвола местных властей. При этом усиливался правительственный контроль над этой торговлей и устанавливался способ получения с нее доходов в государеву казну, путем сосредоточения уплаты пошлин за нее в центральных московских учреждениях.

Наконец, значительное число тарханных грамот на промышленные угодья так и не было восстановлено в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова.

Таким образом, московское правительство, не нарушая слo-

[1] Там же, с. 113; указание на отмену этой грамоты при Борисе Годунове сохранилось в челобитьи властей монастыря Димитрию Самозванцу. Там же, с. 120, пр. 4. Встречаются и другие указания на отмену грамот на промышленные угодья. При подтверждении грамоты 1577 года, на монастырский промышленный двор на Шексне в августе 1599 г. прибавлено: „а наши денежные всякие доходы платить по книгамъ сполна" („Бѣлоз. стб." кор. I, гр. 14 апреля 1577 г.).

[2] „Бѣлоз. стб.", кор. I, гр. 25 июня 1603 года.

...вшегося порядка, сумело упорядочить финансовое управление страны. Общее установление нормального порядка податного обложения к началу 90-х годов, когда были произведены описания значительной части Московского государства, могло дать некоторые основания, конечно, в значительной степени преувеличенные, представителям правительства утверждать в 1591 году, что „Борисъ Федоровичъ Годуновъ начальной человѣкъ въ землѣ... всѣ сохи въ [illegible] учинилъ, во льготѣ“ [1].

Мы затронули лишь одну из сторон большой строительской работы, предпринятой московским правительством в духе соборного приговора 1584 года. Для полного выяснения его значения необходимо осветить поземельную политику этого времени.

В. Петров.

О происхождении и значении Судебника 1589 г.

Найденный С. К. Богоявленским в поступившем в 1899 г. в б. Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дел собрании рукописей Мазурина т. наз. судебник царя Федора Ивановича 1589 г. и при своем опубликовании в 1900 г. и позже возбудил и продолжает возбуждать несомненный интерес. Еще недавно по поводу повторного комментированного издания этого памятника в известной „Хрестоматіи по исторіи русскаго права“ М. Ф. Владимірского-Буданова (выпуск второй, изд. 5-е, Киев, 1915., с. 169-268) появились очень ценные заметки, принадлежащие М. М. Богословскому („Еще къ вопросу о Судебникѣ 1589 г.“ — ЖМНПр. 1915 г., дек., с. 353-379). И ранее того М. М. Богословский сделал очень много для истолкования Судебника 1589 г. и в своей первой работе, посвященной этому памятнику — „Къ вопросу о Судебникѣ 1589 г.“ (ЖМНПр. 1905, дек., с. 265-275), и в своем капитальном и драгоценном для историка Севера „Земскомъ самоуправленіи на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“ (т. I, М. 1909; т. II, М. 1912), а равно и в некоторых других своих трудах.

Результаты изучения Судебника 1589 г. суммированы самим М. М. Богословским в следующих кратких положениях: „Можно считать вполне и бесспорно установленным, что Судебник 1589 г. возник в северной крестьянской среде, в Поморье, с его не знавшим крепостного права черным крестьянством, с его земским самоуправлением, земским судом, волостной организа-

[1]) *Карамзинъ.* т. X, пр. 196.

цией"... Перечислив свидетельства и признаки северного происхождения Судебника 1589 г., М. М. отметил, между прочим, и самые приемы обработки составителем его основного источника — Царского Судебника. „Именно, привнося в свой текст то, что касалось волостного устройства, земского суда, социальных отношений и экономического быта северного крестьянства, причем эти добавления иногда, может быть, изобретаются самим составителем, но в значительной мере представляют собою заимствования из крестьянского обычного права на севере, составитель Судебника поверхностно и небрежно излагает или и совсем опускает нормы Царского Судебника, не подходившие к северному быту". Эта мысль М. М. Богословского высказана была еще ранее, при первом издании Судебника, но только им в его указанных выше трудах обставлена доказательствами. М. М. сделал далее попытку определить ближе, в какой именно местности Севера возник Судебник 1589 г. и пришел на основании ряда наблюдений, рассеянных еще в его большом труде о „Земском самоуправлении", к заключению, по моему, также бесспорному, что этой местностью были т. наз. Устьянские волости, административный самоуправляющийся округ по верхнему течению р. Ваги и ее притокам: Вели и Пуйме и правому р. Устье с ее притоками. „В этой-то, по преимуществу, волостной атмосфере и возникла попытка *приспособить* (курсив мой. А. С.) Царский Судебник к потребностям волостного строя и быта черных крестьян". Не имея прямых доказательств этого последнего положения, М. М. привел, однако, несколько косвенных соображений в его пользу и среди них на первом месте отысканное им же еще в 1905 г. среди „приказных дел" Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дел известное дело 1640 г., когда в земском суде Устьянского Введенского стана при разборе спора о землях обе стороны ссылались на ст. ст. 159 и 174 Судебника 1589 г. [1].

Положения М. М. Богословского находят, как кажется, новое подтверждение в тех списках Судебника 1589 г., которые почему-то не вошли до сих пор в научный оборот.

И первому издателю, и исследователям этого памятника, и последнему издателю его М. Ф. Владимирскому-Буданову, а также М. М. Богословскому, осталось неизвестным, что, кроме списка Судебника в собрании Мазурина, сохранился еще другой список его в собрании рукописей П. И. Савваитова, поступившем в Российскую Публичную Библиотеку и описанном И. А. Бычковым в „Каталогѣ собранія рукоп. П. И. Савваитова...".

[1] ЖМНПр. 1915, окт., с. 377—379; ЖМНПр. 1905, сент., с. 269 и след.

в. I, Спб. 1900, с. 190—191. Сличение Саввантовскаго списка, писанного, по мнению Н. А. Бычкова, „почерком начала 1840-х годов", с печатным изданием приводит к убеждению, что он снят с полного списка Судебника 1589 г.; в нем имеются недостающие или отчасти сохранившиеся в Мазуринском списке статьи 218, 219, 221—223, напечатанные в полном виде в упомянутом „Каталогѣ", причем в ст. 77, 95, 107, 141, 142, 202, 208 Савантовского списка те же описки, как и в Мазуринской рукописи; ст. 93 в Саввантовском списке также не дописана, а ст. 178 в Саввантовской рукописи имеет тоть же пропуск. Отмеченное почти буквальное сходство и более поздняя датировка Саввантовского списка позволяет сделать очень вероятное предположение, что Саввантовский список является копией Мазуринского, снятой еще тогда, когда последний был в целом виде и с утерянными ныне листами. Косвенно это подтверждается и такими наблюдениями. На л. 30-об. Мазуринского (печатного) списка почерком XIX века сделана надпись о принадлежности рукописи „Ростовской Вознесенской церкви". Священником той-же Ростовской Вознесенской церкви в 20-х г. г. XIX в. был Павел Соболев [1]), подпись которого имеется на л. л. 68—69 Мазуринскаго списка Судебника. Если же относить Судебник к Устьянским волостям, то здесь имеется в виду Вознесенская церковь Ростовского погоста Пежемского стана Устьянских волостей, как это уже отмечено М. Б. Едемским [2]).

Но и место, где снята Саввантовская копия Судебника 1589 г., повидимому, тот же Ростовский погост Пежемского стана Устьянских волостей. Тем же почерком, что и Судебник 1589 г., в Саввантовском сборн. по каталогу Российской Публ. Библиотеки Q. XVII, № 61, на л.л. 1—10 которого переписан интересующий нас памятник, непосредственно за ним, на л.л. 11—12 приводится копия с копии богомольной грамоты 1695 г. июля 26 архиепископа Холмогорского Афанасия на Вагу Шенкурского острога закащику духовных дел Благовещенского собора протопопу Прокопию и старосте поповскому

---

[1]) Ср. Н. Бычковъ, „Каталогъ собр. рукоп. П. И. Саввантова", в. I-й, с. [illegible] сын Павла Соболева—протоиерей Ростовской Вознесенской церкви Стефан Соболев представил в 1852 г. в Вельский уездный комитет истор.-статистич. описание и реестр хранящихся при церкви документов (Р.П.Б., QXVII № 229, л. 12).

[2]) Зап. Отд. русск. и слав. археол., т. IX, с. 50—51, прим. В дополнение к сведениям о Ростовском Пежемском погосте, собранным М. Б. Едемским, необходимо указать на писцовое описание этого погоста („погост на Ростове на реке на Вели), повидимому, 1645 г., напечатанное в „Изв. И. Археолог. Общ.", т. V (1863), с. 150—151 (на погосте упоминаются церкви пророка Ильи и Святителя Николая). Древний антиминс церкви Ростовского погоста 6903 г. отослан был в 1852 г. в Вельский уездный комитет (см. рукоп. Р. П. Б., QXVII, № 229, л. 12).

священнику Иову о совершении в Шенкурском соборе молебнов о даровании победы по случаю Азовского похода и о почтке по монастырям и церквам Важского уезда и Устьянских волостей списка с этой богомольной грамоты [1]. Копия этой грамоты, оказавшаяся в Савваитовском сборнике, была снята со списка, в конце оборота котораго, после скрепы десятского Успенской Шенкурской церкви Григория Иосифова, находилась, между прочим, надпись: „с Ростовского погоста". Надо думать, что и здесь имеется в виду Ростовский Пежемский погост Устьянских волостей, состоявший в „десятке" „Верховажского посада десяцкого Успенского священника Григория Іосифова" [2].

Другой характер и более важное значение для решения вопроса о происхождении Судебника 1589 г. имеет тот список его, который еще в 1905 г. указан М. М. Богословским, как „список Барсова" [3]), т. е. принадлежащий известному собирателю рукописей Е. В. Барсову, собрание которого ныне поступило в Российский Исторический Музей; интересующий нас памятник имеет в Музее шифр Б. XIII, № 3. Надо думать, особенности владельца рукописи не позволили М. М. Богословскому подробнее изучить этот список Судебника 1589 г., хотя в своей работе 1915 г. он вновь ссылается на него и приводит из него несколько статей [4]). Между тем, этот список вполне заслуживает того, чтобы на нем остановиться несколько подробнее. Дошел он до нас в рукописи, которая и по почерку, и по водяным знакам [5]) современна Мазуринскому списку (конца XVI в.) и во всяком случае не позже первой половины XVII в. В рукописи в 8° было первоначально сто листов; ныне сохранилось только 96: не хватает в начале двух листов, от листа, который был между л. л. 9 и 10 по современной пагинации, остался лишь обрывок; кроме того, утерян и лист, находившийся между л.л. 53 и 54. Писанная одним почерком рукопись заключает в себе текста Судебника 1550 г. (л. л. 1—70 об.) и составляющего непосредственное продолжение его Судебника 1589 г. (л.л. 71—96 об.); недостающие листы относятся, т. обр., к тексту Царского Судебника; в начале его находится оглавление, главы 1 — 4 которого в рукописи не сохранились. В Судебнике 1550 г.

[1]) Ср. А. И., т. V, № 245. с. 454—455.

[2]) Р. И. Б., т. XXV, „перепис. книга часовень въ Важск. у. и въ Устьянск. волостях", с. 147, 476 - 477.

[3]) ЖМНПр. 1905, дек., с. 267.

[4]) ЖМНПр. 1915, дек., с. 369, 371—375.

[5]) Бумага рукописи имеет четыре водяных знака: первые листы имеют знак кувшинчик с буквами N B; вполне сходных знаков в известных трудах Тромонина и Лихачева найти не удалось.

по нашему списку 98 статей; при переписке, однако статья 19-я по обычному (А. И., I. № 153) тексту была пропущена, отсюда нумерация статей Барсовского списка разнится от обычной на единицу; пропущенная же статья 19-я вписана позже, как статья 97-я; ст. 98-я соответствует обычному тексту.

Вслед за Судебником 1550 г. в той же тетради рукописи, где оканчивается Судебник 1550 г., начинается Судебник 1589 г. таким предисловием (л. 71): „Государева Судебника новой приговоръ. В лѣта 7097-го июня въ 14 день царь и великии князь Феодеръ Ивановичъ всеа Росии приговорилъ и уложилъ сеи судебникъ со отцемъ своимъ духовнымъ святѣйшимъ Московскимъ Иовомъ патриархомъ да съ митрополитомъ Ноугородцкимъ Александромъ и со всѣми князи и з бояры и со всѣмъ селенскимъ соборомъ по прежнему же уставу, по уложению отца своего благовѣрнаго царя и великаго князя (л. 71 об.) Ивана Васильевича всеа Росии и его братьи и его прежнихъ властей новыи сии главы к прежнему жъ уложению“. Так читается это введение в Барсовском списке Судебника 1589 г., как очевидно после сличения сильно отличающееся в заключительной своей части от предисловия Мазуринского списка: перед нами не проект нового судебника, как думали исследователи, основываясь на введении и ст. 200 Мазуринского списка, а дополнение к старому, новые дополнительные главы... И дальнейшее изложение, разделенное на 55 глав, ведется в Барсовском списке по этому плану: приводятся лишь новые или измененные статьи Судебника 1550 г.; в тех же случаях, когда „новый приговор“ повторяет статьи старого судебника, в Судебнике 1589 г. по Барсовскому списку делается прямая ссылка на Судебник 1550 г.: так, в главе 7-й Барсовского списка (л. 74), повторяющей с изменениями главу о безчестии Царского Судебника, между прочимъ, читаем: „А безчестье боаромъ и дiакомъ и гостемъ болшим писано назади въ 25 главѣ“; упоминаемая здесь 25 глава соответствует 25 главе Барс. списка Судебника 1550 г. (по обычному счету гл. 26), находящагося в той же рукописи (л. 21), но, вопреки указанию, не назади, а впереди. В других случаях в Судебнике 1589 г. выписывается только измененная часть той или иной статьи, в отношении же остальной части делается ссылка на Царский Судебник: „а досталь писано в (такой то) главе“, соответствующей указанной главе Судебника 1550 г.; подобные ссылки находим в главах 9 (ст. 103 Мазуринского списка со ссылкой на 51 главу Царского Судебника), 10 (ст. 110, 111 и 112 того же списка со ссылкой на 57 главу Царского Судебника), 16 (ст. 148 со ссылкой на 82 главу), 17 (ст. 149 — на главу 83) и др.

Переходя к сличению текста статей, приводимых в обоих списках Судебника 1589 г., Мазуринском и Барсовском, необходимо прежде всего отметить, за немногими исключениями, лучшую обработку и в зависимости от этого лучшую редакцию их в Барсовском списке. В результате сличения всех статей получается впечатление, что в Мазуринском списке Судебник 1589 г. дошел до нас в черновом, первоначальном виде (в особенности, в первых статьях), в Барсовском списке ему придан более или менее окончательный вид, и прежде всего со стороны грамматической формы (в Барсовском списке, напр., почти все статьи, за немногими исключениями, начинаются с „А“). Некоторые примеры разных редакций одинаковых статей обоих списков были уже приведены М. М. Богословским в его статьях, посвященных Судебнику 1589 г. [1]). Количество их можно увеличить едва ли не в отношении всех сходных по содержанию статей. Приведу некоторые. Статья 1-я Судебника 1589 г. по Мазуринскому списку, как известно, предписывает, между прочим, „в суде другу не метити“; очевидная здесь описка в соответствии с обычной клаузулой северных выборных судейских протоколов исправляется в гл. 1-й Барсовского списка: „в суде другъ другу не дружити, а недругу не метити“. В ст. 24, которой соответствует часть гл. 4-й Барсовского списка, читаем: „просить ответчикъ суда на iсца въ пересмъныхъ деньгахъ, ино судъ дати; а будетъ истецъ иного уезду или иные волости, ино тамъ на него не бити челомъ, чей судъ“; указанное место в Барсовском списке приводится в более ясной и понятной редакции, опущением ненужного „не“ между словами „на него“ и „бити“: „а попроситъ отвѣтчикъ суда на истца в перeѣмъныхъ денгахъ, ино судъ дати; а будетъ истецъ иного уѣзду или иной волости, ино тамъ на него бити челомъ, чей судъ будетъ“. То, что напечатано в Мазуринском списке как ст. 70-я, в полном несоответствии с оглавлением, в Барсовском списке относится совершенно правильно к предыдущему постановлению—ст. 69-й, которая и читается там так: „а выблядку, которые не от венчалные жены родились, безчестия две денги для материнхъ промысловъ“, т. е., такое малое безчестие объясняется характером промысла матерей этих детей (ср. ниже о безчестии блядям и ведьмамъ). Лучшую редакцию дают и главы 32 (ст. 185), 34 (ст. 191), 37 (ст. 202), 39 (ст. 205), 41 (ст. 208), 46 (ст. 217), 47 (ст. 218), 48 (ст. 219) и др. В редких случаях, впрочем, эти редакционные изменения не способствуют лучшему пониманию смысла статей. Так, ст. 33 (гл. 6-я в Барсовском списке), не имеющая соответственной в

[1]) ЖМНПр. 1915, дек., с. 369, 372, 373; там же, 1905, дек., с. 267.

Судебнике 1550 г., устанавливает, что иски на судей могут пред'являться „после его году" (т. е. по окончании его полномочий) „доколе и живъ будет" (т. е. давности жалоб не полагается вовсе), с оговоркой, что государь может кого-либо из них (судей) и вовсе сделать безответственным; в этой последней части в Барсовском списке имеется, однако, дополнение, явно запутывающее смысл статьи („кромѣ того, кого царь государь пожалуетъ, не велитъ на кого суда *и после сроку* дати"). Такой же пример неудачного редактирования — попытку соединения ст.ст. 151 и 154 в одну — представляет гл. 17 Барсовского списка (опущен конец ст. 151 со слов: „а своего не поставит"....); в той же главе в части ее, соответствующей ст. 155, вместо „родъ и племя оставя обоихъ исцевъ" читаем: „отнюдь отставя обоихъ исцевъ", что едва ли можно признать удачным изменением [1]).

Барсовский список Судебника 1589 г., как уже сказано, относит к новым не только те статьи, которых нет в Царском Судебнике, но также и те, которые подверглись изменениям (ср. по Мазуринскому списку ст. 73, 94, 108, 110, 112, 132, 148, 166, 168, 171, 173, 183, 184, 190, 202). Впрочем, многие статьи Судебника 1550 г., подвергшиеся изменению и дополнению в Мазуринском списке, с точки зрения приспособления их к условиям северной жизни, не вошли, однако, в таком измененном виде в Барсовский список; таковы, напр., ст. 7, 71, 75, 89, 105, 106, 178, 179 и др. В некоторых случаях эти пропуски касаются и тех измененных статей Царского Судебника, которые, кажется, вполне отвечали условиям северной жизни. Так, в части гл. 17, повторяющей, между прочим, ст. 157 Мазуринского списка, опущена, однако, первая часть ее, в которой в отличие от ст. 84 Царского Судебника требуется, чтобы, в отмену прежнего порядка посылки для межевания выбранных сторонами судей на нем присутствовал не один только судья (назначенный), но с ним вместе целовальник верный, староста волостной и люди добрые. Иногда, впрочем, только часть такой измененной статьи опущена в Барсовском списке: так, напр., ст. 94 в конце со слов: „а от поруки...." опущена в гл. 8-й Барсовского списка; в ст. 162 и 205 опущено указание, что изложенные в них постановления являются „новым приговором". Есть, наконец, две новых статьи Мазуринского списка, не имеющиеся в Царском

[1]) См. также ст. 204 и гл. 38 (сокращ. ст. 100 Судебника 1550 г.): „а взыщеть москвитинъ какова дела нибуди на селецкихъ (опущено: „волостелехъ" Мазур. сп.), *которые сельцо волостели Московьскаго ж* [illegible], ино судити великому князю",—получается еще больший анахронизм, чем в Мазуринском списке.

Судебнике, но которые не попали, между тем, в Барсовский список, — это статьи 152 и 153.

Опустив некоторые новые и измененные статьи Мазуринского списка, редактор Барсовского списка в отношении остальных проделал большую и сложную работу. Кроме тех чисто редакционных исправлений и дополнений, о которых речь шла выше, в Барсовском списке находим по сравнению с Мазуринским списком и новые и измененные статьи. Но дополняя и изменяя редактор Барсовского списка Судебника 1589 г. не производит, однако, новой группировки статей, а следует тому порядку их, который он находит в Мазуринском списке, хотя его не всегда можно признать удачным[1].

М. М. Богословский уже указал на одну из статей Барсовского списка, не имеющуюся в Мазуринском списке[2]. Но кроме нее можно отметить еще несколько подобных же статей. Так, невписанная в текст Мазуринского списка, но известная по его оглавлению ст. 76-я читается здесь так: „А блядямъ и вѣдьмамъ безчестья нѣт, деньги по ихъ промыслом"; также [illegible] бесчестья [illegible] Барсовский список в другой новой по сравнению с Мазуринским списком статье зерньщику, [illegible] ярыжкам и бражникам: „а зерньщиком и кабацким ярыжкам и бражником [illegible] кабацким безчестья [illegible] деньги: зерньщику [illegible], а ярыжке и бражнику [illegible]". И, наконец, после статьи 226 — об ответственности человека, убившего без вины собаку другого, читаем в Барсовском списке новую главу (53-ю): „А у кого на дворе или под окном [illegible] человека, [illegible] тот [illegible] кормить и поить, а рана [illegible] тому, чья собака, потому что [illegible] у себя собаку [illegible] на дорогу за человеком, а кто [illegible] на смерть, тому [illegible]".

[1] Барсовский список повторяет расположение следующих статей Мазуринского списка: гл. 1 — ст. [illegible]; гл. 2 — [illegible] — ст. 23, 24; гл. 4 — ст. [illegible]; гл. 5 — ст. 26; [illegible]; гл. 9 — ст. 103; гл. 10 — ст. 110, 111; гл. 11 — ст. 112; гл. 12 — ст. 130; гл. [illegible] — ст. 131; гл. 14 — ст. 132; гл. 15 — ст. [illegible]; гл. 16 — ст. 149; гл. [illegible] — ст. [illegible], 15[illegible], [illegible], 155, 157, 158; гл. 18 и 19 — ст. 159; гл. 20 — ст. 160; гл. 21 — ст. 161, 162; гл. 22 — ст. 166; гл. 23 — ст. 168, 169; гл. 24 — ст. 170; гл. 25 — ст. 171; гл. 26 — ст. 172, 173; гл. 27 — ст. 174, 175; гл. 28 — ст. 176; гл. 29 — ст. 177; гл. 30 — новая; гл. 31 — ст. 183; гл. 32 — ст. 184, 185, 186, 187; гл. 33 — ст. 188; гл. 34 — ст. 190, [illegible]; гл. 35 — ст. 192; гл. 37 — ст. 202, 203; гл. 38 — ст. 204; гл. 39 — ст. 205, 206; гл. 40 — ст. 207; гл. 41 — ст. 208, 209, 210; гл. 42 — ст. 211, [illegible], 213; гл. 43 — ст. 214; гл. 44 — ст. 215; гл. 45 — ст. 216; гл. 46 — ст. 217; гл. 47 — ст. 218; гл. 48 — ст. 219, 220; гл. 49 — ст. 221; гл. 50 — ст. 222; гл. 51 — ст. 223, 224; гл. 52 — ст. 225, 226; гл. 53 — новая; гл. 54 — ст. 227; гл. 55 — ст. 228, 229, 230.

[2] ЖМНПр. 1905, [illegible], с. 571: [illegible] статьи [illegible] читать [illegible].

Барсовский список не только вводит новые статьи, но и дополняет статьи Мазуринского списка новыми постановлениями. Так, в главе 7-й Барсовского сп., соответствующей, между прочим, ст. 62-й Мазур. сп., устанавливается вновь безчестие женам дьячков и пономарей; в списке церковников упомянут и трапезник [1]); двойное же безчестие против дохода их мужей назначается тамъ для женъ „каликъ, которые и с кусомъ ходятъ".

Вводя в состав Судебника 1589 г. новые статьи и делая дополнения к уже имеющимся статьям, редактор Барсовского списка иногда изменял также постановления, вошедшие в состав Судебника. Иногда эти изменения заключаются только в замене одного непонятного термина другим, более ясным. В ст. 53 и 54 Мазур. сп. говорится, напр., о безчестии „повоскому человеку" [2]), Барсовский список дает здесь (гл. 7-я): городскому человеку; в ст. 111 речь идет, между прочим, о „чистой поруке" на тех, которые солгали, в Барс. сп. здесь стоит „на крепкую поруку на чистую" [3])—термин известный по актам, и др. В других же случаях Барс. сп. дает более точные определения понятий. Так, ст. 168 Мазур. сп. изложена в нем (гл. 23) в такой редакции: „а потрава *с лѣта в году* до Семена дни *Столпника,* а послѣ Семена дни потравы нѣтъ"; более отчетливое представление о способе огораживания полей дает продолжение той же главы, соответствующее ст. 169 Мазур. сп.: „а огородъ ставити около поля семь жердей добрая *да два кола,* а около гумна девять жердей добрая; а осекъ семь хлудинъ добрыхъ же ставити". Гл. 24 (= ст. 170) говорит определеннее о количестве взыскиваемого („гибель") с лица, умышленно выпустившего животину в поле или за осек: „...и которая незгода учинитца *над скотомъ и сыскивати того в гибель,* а на немъ взяти гибель вся, а его бити кнутомъ, что лихо творитъ, *и колько животинъ за осекъ утерянетца и на немъ доправити по цене*". Равным образом, и в ст. 175 (Барс. сп. гл. 27) более точно указаны возможные границы земледелия в лесу: „а черной лѣсъ суземъ пахати без делу, где не молодь *и не угодье,* и хто

[1]) Едва ли убедительно раз'ясненный комментаторами Судебника 1589 г., упоминаемый в ст. 62-й Мазур. сп., „строй" не является, кажется, названием разряда церковных людей, а появился как результат неправильного чтения статьи: надо читать не „и строю", а „ис трою" (втрое), т. е. безчестья дьячку, пономарю и проскурнице втрое больше против их годового церковного доходу; эта поправка к печатному тексту была предложена еще А. В. Лонгиновым в его статье „Значенiе Судебника царя Θеодора Іоанновича"—Вѣстн. Права 1900, ноябрь, с. 72.

[2]) В Саввапт. сп.: поповскому человеку.

[3]) Но в гл. 13-й Барс. сп. заменяет „крепкую поруку" Мазур. сп. (ст. 131) на „чистую поруку".

сколко можетъ; тотъ лѣсъ царя и великого князя (вм.: то лесъ вопчей царевъ і великаго князя)“. Сомнительное чтение ст. 176: „а что за которою деревнею угодья есть, путики или іное что, ино про то сыскивати старыми жилцы. И сыщутъ, *в которои деревне или въ судной приписати*...“, в гл. 29-й Барс. сп. читается так: „и сыщутъ в которой деревне или в сотнои приписано“ [1]).

Но нередко изменения касаются всего содержания той или иной статьи. Так, в главе 10-й, соответствующей ст. 110 и 111 Мазур. сп., которые повторяют с отличиями ст. 58 Царск. Суд., между прочим, уменьшается число свидетелей, которое необходимо для обвинения человека в краже и воровстве; в Барс. сп. находим, однако, дальнейшие изменения в сторону отмены более или менее определенного числа людей—обвинителей: „а кои люди взмолвили (в Царск. Суд.: а на кого взмолвятъ дѣти боярскіе человѣкъ 10 и 15 добрыхъ, или черныхъ людей человѣкъ 15 или 20 добрыхъ же крестьянъ...), и на техъ на всехъ дати судъ тому, на кого взмолвили“... Кроме этого случая и уже приведенного выше (ст. 38 Мазур. и гл. 6-я Барс. сп.), можно отметить и другие примеры того, как Барс. сп. изменяет постановления, приводимые в Мазур. сп. Так, в главе 7-й о безчестии—городскому молодчему человеку устанавливается безчестия рубль (по Мазур. сп.—ст. 54 — полтина), десяцкому деревенскому—полуполтина (в ст. 58 Мазур. сп. — полтина), жене скомороха описного, которой по Мазур. сп. (ст. 65) безчестия „ничего“, Барс. сп. устанавливает двойное безчестие против ее мужа; в конце той же главы (см. ст. 73-ю по Мазур. сп.) Барс. сп. делает общее постановление: „а за увичье (не только „крестияномъ“, но) всякому человеку указывати по человеку и по увичью смотря“. С существенными дополнениями и изменениями читается и гл. 11-я Барс. сп., соответствующая ст. 112 Мазур. сп.: „а хто на *каменщике взыщетъ* или на мошеннике или на оманщике и хотя и *двою* (в Мазур.: строю) днемъ изымаешь и доведетъ, ино бити кнутомъ *каменщика* и оманщика и мошенника, а исцова иску на нихъ нѣтъ и не править: потому одинъ оманываетъ, а другой догадывайся, не давайся на оманъ и не утекайся на дешевое“. В гл. 20-й, повторяющей ст. 160, в начале: „а кои складникъ захочетъ на *новое* место дворъ ставити“ слово „новое“ в Барс. сп. заменено другим „каково“,—и полу-

---

[1]) Ср. также М. М. Богословский, назв. ст. в ЖМНПр. 1915, дек., с. 372—373: замена в ст. 188 - „в волосте“—„в погостех“ (гл. 33),—чтение, по связи со ст. 184, бесспорно более точное, а также гл. 35 и ст. 192, гл. 42 и ст. 212: „а тѣхъ людей лживыхъ изо 100 человѣкъ, выбравъ прикащикомъ лутчихъ крестьянъ человѣкъ пять или шесть, бити кнутом“.

чается совсем иной смысл статьи: если складник захочет поставить на *каком-либо месте* двор....; и речь здесь идет, конечно, не о всяком складнике, а лишь, по связи с постановлениями гл. 18 и 19 Барс. сп. (=ст. 159 Мазур. сп.) о новых складниках или о „новоприезжихъ жильцахъ", как указано в заголовке этих статей. Значительно переработан, наконец, в соответствии с предшествующим текстом статьи, и конец ст. 225 (со слов: „а будетъ онъ куря убилъ петуха") (=гл. 52-й Барс. сп.): „а будетъ не почнетъ давать з доброй воли, ино взять за петуха сорокъ алтынъ, за курицу две денги, а иные животину чемъ люди ценятъ". В конце той же главы, передающей ст. 226, странная ответственность за человека, убившего без вины собаку („а в томъ по немъ порука взяти крепкая, чтобы его тати не покрали, чтобъ онъ стерегъ двора") заменена здесь более понятным постановлением: „а в томъ порука по немъ взять, хто убилъ собаку, что стеречи двора неоплошно". Значительно переработана и ст. 227; в Барс. сп. она читается так: „а которои человекъ умретъ, а у него останутце дѣти, и захотятъ оне промежъ собя дѣлитись, и колько ихъ братовъ и сестеръ, ино имъ всѣмъ животъ дѣлити повытно, поровну, и дочере та жъ выть, что сыну, *толькс духовной нетъ*; а по отцѣ же ихъ дѣлу, а по матере ихъ межъ ихъ дѣлу нѣтъ и во вѣки; *и дѣтямъ ихъ и з дядьею дѣлъ по отце, толке дѣлныхъ нѣтъ*"; подчеркнутый текст совершенно изменяет смысл этой статьи по сравнению с Мазур. текстом [1]).

Таковы главнейшие особенности списка Судебника 1589 г., попавшего в собрание Е. В. Барсова. Из сличения двух списков можно сделать заключение, что редактор его, следуя в расположении своего материала тексту Судебника 1589 г. в Мазуринском или сходном списке, выбирал из него лишь статьи новые или измененные по сравнению с Царским Судебником, причем подвергал их не только редакционной отделке, но нередко и дополнял и изменял их, введя в нескольких случаях и совершенно новые статьи. Помимо всего сказанного по этому поводу выше, указанием на переработку в данном случае текста не Царского Судебника, а именно Судебника 1589 г. по одному из списков, где были все статьи, встречающиеся в Мазур. сп., с теми дополнениями к нему, которые имеются в Саввантовском сп., может служить и еще одно наблюдение. В тексте Барс. списка в числе статей, неимеющихся в Мазур. сп., находится гл. 30, совершенно неожиданно раз'ясняющая, что разуметь под копной

[1]) Если признать правильной поправку А. В. Лонгинова к ст. 62-й Мазур. сп., то к числу статей, измененных в Барс. сп., необходимо отнести и эту статью (= гл. 7-й).

сена; гл. 30 помещена между главами 29 и 31; никакого отношения к содержанию гл. 30-й не имеющими. Между тем, гл. 30 является естественным дополнением и разъяснением ст. 179-й Мазур. сп., для которой нет аналогичной в Барс. сп. и которая озаглавлена в Мазур. сп.: „хто за кем живет год и *какова мерная копна сена*“; эта статья, в сущности, представляет приспособление к условиям северной жизни ст. 88 Царского Судебника о переходе крестьян; в статье указывается, что уходящий с своего участка—в конце статьи оказывается, что это—лицо, продавшее свой участок—обязан передать новому жильцу, между прочим, „пожилую копну сена две сажени с локтемъ, одинова топтати“; в Барс. сп. и находим более точное определение этой „копны сена“: „а сѣна мѣрная копна две сажени с локтемъ; а печатная сажень ручная с локтемъ да два перста поперегъ“.

Но если можно не сомневаться в том, что редактор Барсовского списка, вопреки своему утверждению в предисловии к тексту, дополнял и изменял не текст Судебника 1550 г., а именно Судебник 1589 г., то есть основание предполагать также, что в его распоряжении был другой список его, а не тот, который известен в печатном издании. За это говорит большее сходство гл. 18, 19 и 27 со ст. 159 и 174 Судебника 1589 г., бывшего в распоряжении судей Введенского стана в 1640 г. [1]), чем с печатным текстом Судебника 1589 г., относящимся, как сказано выше, к другому судебному округу Устьянских волостей—Пежемскому стану; эта близость особенно заметна в гл. 18 и ст. 159: и в Барсовском списке и в Судебнике, который был у судей Введенского стана, и две статьи из которого приведены в упомянутом судебном деле 1640 г. [2]), помимо общей близости текста, повторены одни и те же описки в фразе: „а с полосъ сназму нѣ лести“, этих описок, однако, нет в той же 159 ст. Судебника, бывшего в употреблении в Пежемском стану („а о полосъ назму не вести“).

Примечательна и еще одна подробность Барсовского списка, позволяющая высказать предположение, что его редактором был человек, хорошо знакомый с судебной организацией именно Введенского стана Устьянских волостей. Как известно, в судебном отношении Введенский стан отличался от прочих станов Устьянских волостей более сложным составом своего суда (два земских судейки, два земских целовальника, один или два сотских и пятидесятский [3]), совсем не похожим на ту судебную

[1]) Ср. М. М. Богословского, в назв. ст. в ЖМНПр. 1905, дек., 274.
[2]) Ср. пред. прим.
[3]) М. М. Богословскій, Земск. самоупр., т. I, с. 291; т. II, с. 177, 179.

организацию, которая имеется в виду ст. 157 Мазуринского списка [1]); ст. 157, как известно, соответствует сильно измененному концу ст. 84 Царского Судебника и в этом смысле может быть названа новой. Барсовский список, в гл. 17, приводит лишь конец ст. 157 Мазуринского списка (со слов: „а пошлины имать...“), и опускает самую существенную часть статьи о составе суда, надо думать, в виду ее несоответствия хорошо известной редактору Барсовского списка судебной организации Введенского стана,—единственного суда в Устьянских волостях, где состав суда был иной чем тот, который указан в ст. 157 Мазуринского списка.

Кажется, возможно высказать предположение и о том, кто именно был редактором интересующего нас списка Судебника 1589 г. На л. л. 27—31 его, вверху листов, над текстом Царского Судебника, являющегося, как сказано (хотя и не точно) в предисловии к Барсовскому списку Судебника 1589 г., его основным источником, к которому вносятся дополнения и изменения, почерком отличным от почерка остальной части рукописи, кажется более поздним по времени, но несомненно еще первой половины XVII ст., сделана такая надпись: *„изложенье Кирила Юрьева сына Рычкова“*; на л. л. 41, 43-45 47 та же надпись повторена [2]); на л. 54 приводится начало этой надписи („изложенье“ [3]).

В словаре Срезневского „изложити, изложу“ имеет значение: рассказать, раскрывать, открывать; Даль дает сходные толкования: „об'яснять, из'яснять, толковать, описывать устно или на письме“; изложенье, по Далю, не только действие это по качеству своему, но и самый предмет, что изложено и написано [4]).

Из приведенных значений этого слова в приложении к нашему памятнику более подходящим, кажется, следует признать последнее значение: изложенье Кирилла Рычкова,—это то, что Кирилл Рычков „изложил“. Для правильного же истолкования самого термина необходимо обратить также внимание

[1]) „А по государеву приговору двумъ судьямъ на землю не ехати—одному судье да целовальнику с нимъ верьному и старосте волосному и людемъ добрымъ. А пошлины имать на ищее за боранъ 2 алтыны, целовальнику 2 денги со обехъ исцевъ, а діяку 4 денги, с-ынсцевъ пополамъ“.

[2]) На л. 41 первое слово „изложенье“ можно, кажется, прочесть „уложенье“.

[3]) На листе Барсовской рукописи, который находился между л. л. 9 и 10 (по новой нумерации) и от которого сохранился только небольшой обрывок, тем же почерком, что и надпись на л. л. 27—31, 41, 43—45, 47, 54, было сделано, повидимому, заглавие ко всему тексту; от него остались лишь слова: „Ры(чков) . . . стати“.

[4]) Срезневскій, Матер. для слов., т. I, стб. 1062; т. 3, в. IV (доп.) под словом „изложить“. Даль, Толк. слов., т. 2 (Спб. 1881), с. 19; изд. 3, стб. 49.

на одну любопытную подробность той же рукописи. Известное предисловие Царского Судебника в Барсовском списке приводится несколько в иной против обычной редакции (л. 16): „лета 7058-го июня... *изложенъ* сiи судебникъ как судити“... и далее, как и в печатном тексте: „царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Росии с своею братьею и з боляры своими сии судебникъ *уложилъ* какъ судити“; сопоставляя эти два места можно утверждать, что *изложить* и *уложить* употребляется в нашей рукописи безразлично; это наблюдение подтверждается и надписью на л. 41-м: как уже сказано выше, здесь вместо „изложенье“ можно прочесть „уложенье“. Значит, термин „изложенье“ необходимо толковать в связи с другим современным термином „уложенье“. Кирилл Юрьев сын Рычков, несомненно, автор этого „уложенья“. По известному мне актовому материалу не удалось пока установить, где и когда жил этот древнерусский законоискусник; надо думать, однако, что он был крестьянином одного из станов Устьянских волостей, едва ли не Введенского, в виду отмеченного выше большого сходства нашего списка Судебника со статьями Судебника, находившегося в суде этого стана. На место происхождения Барсовского списка, кажется, должна указывать еще одна помета нашей рукописи, к сожалению, лишь отчасти сохранившаяся. На л. 1-м рукописи вверху имеются буквы: „ЦѲЕ . . .“, причем „Ѳ“ написана по зачеркнутому „Д“; продолжение же надписи вырвано; не имеем-ли мы здесь надпись, подобную той, которая находится в Мазуринской рукописи на л. 30 об. (печатн. изд., с. V) и не указывает ли она на одну из церквей Устьянских волостей, в трапезе которой хранилась наша рукопись?

В предисловии к Барсовскому списку находится, как уже отмечено, заглавие: „Государева Судебника новой приговоръ“, причем „уложенье“ „новыхъ сихъ главъ“ Судебника отнесено, как и в Мазуринском списке, попрежнему к 1589 г... При наличии в настоящее время двух списков Судебника, столь сильно отличающихся друг от друга не только в редакционном отношении, и вероятного характера работы над Барсовским списком упомянутого выше Кирилла Рычкова, едва ли возможно настаивать на том, что в 1589 г. был издан и притом в обстановке „вселенскаго собора“, как это отмечено в предисловии к обоим спискам, новый судебник, по содержанию столь же определенный, как положим, Судебник Царский.

Но при невозможности признать таким образом за нашим памятником официальное происхождение необходимо отметить, что образцом для его составителя был все же памятник строго официальный—именно, Судебник 1550 г. Работая над дополнением и

изменением последнего, авторы—редакторы Мазуринского и Барсовского списков,—в расположении материала и в прочих внешних подробностях, строго следовали этому образцу. С такой точки зрения и введение к Судебнику 1589 г. можно рассматривать лишь, как распространенное предисловие к Судебнику 1550 г.; отсутствующее в последнем указание на участие в деле составления Судебника духовных властей могло быть взято автором Судебника 1589 г. из другого памятника, небезизвестного книжнику XVI в., именно Стоглава, из речи царя к Собору 1551 г.; в ней есть указание, что царь „благословился“ у духовных особ в 1550 г., „судебник исправить по старине... и по вашему благословению, читаем там же, судебникъ исправилъ... се судебник перед вами... прочтите и рассудите...“ [1]). Сходство между предисловиями к обоим Судебникам дополняется и еще одним наблюдением: оба Судебника были изданы в июне; что касается числа его, то, как известно, в разных списках Судебника 1550 г. оно обозначается различно: 1, 18 или 19; в Барсовской рукописи число и совсем отсутствует; таким образом, не исключена возможность, что первый составитель Судебника 1589 г. имел перед собой список Судебника 1550 г., в дате которого стояло „июня 14“. Но если, таким образом, считать предисловие к Судебнику 1589 г. известной формой, необходимой для произведений такого рода, то все таки в нем есть одна подробность, требующая раз'яснения, именно год сочинения или издания памятника: почему взят 7097-й год, а не какой либо иной?

Как известно, Судебник 1589 г. применялся в суде—по крайней мере в одном из судов Устьянских волостей, и пока все наши данные говорят за то, что только там он и был в употреблении. Значит, разрешение вопроса о происхождении этого памятника можно искать также в истории этих волостей. К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом для того, чтобы представить себе вполне отчетливо историю Устьянских волостей в конце XVI—начале XVII в., т. е. времени, к которому относится возникновение нашего памятника.

---

[1]) Стоглавъ, изд. Кожанчикова, гл. 14. Приведя это место из речи царя, М. Ф. Владимирский-Будановъ (Христоматия, вып. 2-й, изд. 4-е, с. 117, прим.) почему-то полагает, что исправлению подвергся *судебник вел. кн. Василия Ивановича*, теперь потерянный для нас, причем ссылается на „Законы великаго князя Іоанна Васильевича и Судебникъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича съ дополнит. указами“, изд. К. Калайдовичем и П. Строевым, М. 1819, предисл., но автор предисловия (с. XVI—XVII) пишет, что „только малые слѣды свидѣтельствуютъ объ его существованіи“—и ссылается на известный указ 1 мая 1557 г., в котором говорится лишь об „уложеньи в. кн. Вас. Иван.“ о вотчинах (А. А. Э., I, № 229).

Уже отмечено М. М. Богословским, что в административном отношении во 2-й половине XVI в. Устьянские волости входили в разное время то в состав Устюжского, то находились в составе Тотемского уезда. После 1583 г., уже при царе Федоре, Устьянские волости были отделены от Устюжского уезда и приписаны вновь к Тотемскому и вместе с последним пожалованы „в кормленье“ Дмитрию Ивановичу Годунову [1]). Этому пожалованию предшествовало писцовое описание 7096 г., Мих. Пушкина и подьяч. Петра Афанасьева, охватившее весь Тотемский уезд и, должно быть, и входившие в состав его Устьянские волости [2]). Когда произошло пожалование, в точности неизвестно; но по некоторым косвенным данным можно заключить, что Дмитрий Годунов получил Тотемский уезд в „кормленье“ именно в 7097 г. [3]). По словам С. Б. Веселовского, „хозяйничанье его (Годунова в Тотемском уезде) так перепутало обложенье, что в нем не могли разобраться дозорщики 128 г. и писцы 131 г.“; в конце своих книг последние писали: „прибыль на примѣрныя выти и на сошное письмо немногая учинилась потому: которыя были в волостяхъ накладныя деньги Дмитрия Годунова сверхъ государева указа, какъ Тотьма была за нимъ в кормленье, и то положено было на волость неровно, и по государеву указу, по челобитью тотмичъ волостныхъ крестьянъ, тѣ накладныя деньги сложены...“. Подобные же порядки были и в Устьянских волостях; так, в челобитной посыльщиков Устьянских волостей крестьян Юшки Широкого с товарищи 1608 г., между прочим, читаем: „Дмитрей (Годунов)... накинулъ на нихъ лишка своимъ насильствомъ сверхъ прежнего окладу и мимо сотные грамоты и писцовыхъ книгъ наддаточныхъ денегъ по десяти рублевъ с сохи: да Дмитрей же Годунов накинулъ на нихъ мытныхъ денегъ по штинадцати рублевъ на соху... и ихъ волости от тѣхъ наметныхъ лишнихъ податей запустѣли и достальные крестьяне бредутъ розно“ [4]). На следы тех же порядков, заведенных в уезде Дмитрием Годуновым, указывает и одна челобитная 1628 г. Дмитриевской Устьянской вол.: в ней эта волость жалуется на соседние: Введенскую, Никольскую и

---

[1]) М. М. Богословскій, назв. соч., I, с. 25-26; С. Б. Веселовскій, Сошное письмо, I, с. 112—113.

[2]) Акты писц. дѣла, II, № 102, с. 241; косвенное указание на описание ими Устьянских волостей см. М. А. М. Н. Д., Прик. дѣла стар. лѣтъ 1628 г., № 72 (ср. у М. М. Богословского, назв. соч., II, с. 86).

[3]) Тогда же, повидимому, ему была пожалована Чаронда и Чарондская округа вместе с Вещеозерской вол. Белозерского уезда, бывшая за ним до 1610 г. (М. М. Богословскій, назв. соч., I, с. 28; Новые акты Смутн. времени, М. 1911, № 72).

[4]) С. Б. Веселовскій, Сошн. письмо, I, с. 112—113. Прик. дѣла стар. лѣтъ 1647 г. № 30, л. 43, 46.

Шангальскую волости, обвиняя их в том, что они не производят переверстки податей, „дани не перерубают“, и вследствие этого крестьяне Дмитровской волости „зарублены данью“, т. е. отягощены не по промыслам и не по животам, и от такого притеснения оскудели; в челобитной указывается и начальная дата таких ненормальных отношений волостей одного и того же Введенского стана— по словам челобитчиков, „преже сего перерубали по животу и по промыслу до *97-го* году“ [1]). Едва ли, думается, здесь только случайное совпадение и не правильнее ли связывать этот факт с новыми порядками в волостях, возникшими со времени пожалования их в „кормленье“ в 7097 (1589) г. Дмитрию Годунову...

Пожалование Устьянских волостей в „кормленье“ Дмитрию Годунову, надо полагать, сопровождалось некоторыми переменами не только в их податном обложении. Состояние той или иной области под рукой сильного человека, каким был при царе Борисе дядя его—боярин и конюший Дмитрий Иванович Годунов, оказывало нередко большую помощь в деле подтверждения старых областных прав и преимуществ, а равно и испрошения некоторых новых. Таким путем находившаяся одновременно с Устьянскими волостями в кормленье за тем же боярином Д. И. Годуновым Чаронда с ее округой получила в 1595 г. подтверждение прежней губной грамоты, данной при царе Иване: „и намъ бы боярина своего Дмитрея Ивановича Годунова пожаловати, читаем в этой новой губной грамоте, в его Дмитреевыхъ Ивановича в селѣхъ и в волостяхъ в Чаронской и в Вещезерской волости велѣти у нихъ быти... в губныхъ старостахъ выборнымъ головамъ да с ними цѣловальникомъ, кого имъ велитъ выбрати бояринъ нашъ Дмитрий Ивановичъ“ [2]). При том же Годунове (ранее 1592 г.), на Чаронде и на Коротком был устроен „торгъ... по вся дни“ [3]),—нововведение едва ли невыгодное для чарондцев, иначе они не стали бы просить в 1646 г. подтверждения данной по этому поводу грамоты [4]). Равным образом, состояние и соседнего с Устьянскими волостями Важского уезда „в кормленье“ сначала за боярином и конюшим Борисом Федоровичем Годуновым, а позже при Шуйском—за Дмитрием Ивановичем Шуйским позволило Важанам сохранить многие права и преимущества, приобретенные издавна. Так, старый вопрос о дороге на Двину через Важский уезд, не раз служивший пред-

---

[1]) Прик. дѣла стар. лѣтъ 1628 г., № 72, л. 586.
[2]) С. Шумаковъ, Губн. и земск. грам., с. 117—118.
[3]) „Жаловальная уставная грамота“ 1592 г. о сборе в пользу Д. И. Годунова торговых пошлин на Чаронде и Коротком—А. А. Э., I, № 356.
[4]) М. М. Богословскій, Земск. самоупр., II, с. 74.

метом споров между уездами, был разрешен в интересах Важан именно тогда, когда Вага была за Дмитрием Шуйским; при нем же и несомненно по его „челобитью“ Важане получили подтверждение своих старых привилегий на торговлю на Двине, которыми они пользовались при царях Иване Васильевиче и Фёдоре Ивановиче [1]).

У нас нет пока для этого точных данных, но не исключена возможность, что и Устьянские волости в эти же годы (1589—1606) не только добились подтверждения своих старых прав и преимуществ, но получили и некоторые новые пожалования. В челобитной волостей, поданной в 1622 г., указывалось на то, что до Смуты в Устьянских волостях не бывало приказных людей, а судили их мирские выборные судейки, т. е., повидимому, существовала та организация земского самоуправления, которая была введена в волостях уставной земской грамотой 1555 г. [2]). Грамота 1555 г. не определяет точно юрисдикции выборных волостных судей, но выделяет, однако, из круга их компетенции в ведомство губных старост разбойные дела: волостям была дана, должно быть, после 1555 г. [3]) и губная грамота, до сих пор, к сожалению, не отысканная

В 1622 г. Устьянские волости получили новую жалованную грамоту, повторяющую, без существенных изменений, уставную грамоту 1555 г. М. М. Богословский уже указал на несомненные анахронизмы грамоты 1622 г. [4]). И пользуясь только этой грамотой едва ли возможно сказать что-либо определенное об организации земского самоуправления в Устьянских волостях в конце XVI—начале XVII в. К сожалению, и сохранившийся актовый материал, касающийся этого вопроса, относится уже ко времени после 1622 г.; изучение его приводит, однако, к заключению, что уже в ближайшие годы компетенция Устьянских судов иная, чем та, которая предусмотрена уставной грамотой 1622 г.: наряду с юрисдикцией по искам, земские судейки почти всех станов Устьянских волостей, вопреки грамоте 1622 г., соединяют в своих руках и губное право. Но когда же был введен этот новый порядок? Ответ мог бы быть определенный—именно, что эта компетенция была изменена после 1622 г., если бы уставная этого года, действительно, точно описывала ту организацию самоуправления, которая существовала в волостях к 1622 г. Не имея уверен-

[1]) См. грамоты 1609 г. ноября 27, 1609 г. декабря 10 и 1609 г. декабря... в Рукоп. Отдел. Рос. Публ. Библ.

[2]) А. А. Э., I, № 243.

[3]) М. М. Богословскій, назв. соч., I, с. 184—185.

[4]) М. М. Богословскій, назв. соч., I, с. 289—290.

ности в этом, возможно и другое предположение, что „мірскіе выборы“ земских судей второй четверти XVII в., наш основной источник по этому вопросу, указывают лишь „старину“, подчеркивая, что земские выборные судьи должны судить крестьянъ „по челобитнымъ в татиныхъ и в разбойныхъ дѣлахъ, и по кабаламъ и по записямъ *во всякихъ дѣлахъ*“. Возникновение этой „старины“, может быть, относилось еще к XVI в., к периоду после 1555 г., но когда именно и каким путем установился новый порядок мы пока не знаем.

В XVII в. Устюжская четверть, в ведомстве которой были Устьянские волости, не раз подтверждала Устьянским судам о необходимости не только судить, но и постановлять определенные решения и притом в окончательной форме, лишь в редких случаях отсылая дело для доклада в Москву. Практические надобности особенно настойчиво требовали именно здесь, где до Смуты и после 1622 г. не было приказных людей, составленния понятного и приспособленного к местным условиям законодательного руководства. Считаясь с юридической подготовкой здешних судей, людей нередко малограмотных и даже совсем неграмотных, та же Устюжская четверть должна была признать законным существование приноровленного к пониманию этих судей Судебника 1550 г.—в той его редакции, которая носит название Судебника 1589 г., памятника, конечно, неофициального происхождения. К числу подобных руководств должно быть отнесено „изложенье“ или „уложенье“ Кирилла Рычкова — Барсовский список Судебника 1589 г. На основании указанных выше отличий этого списка от списка Мазуринского, бывшего в делопроизводстве судов двух станов Устьянских волостей—Пежемского и Введенского, очевидно, что список Барсовский является дальнейшим шагом —и по времени, и по характеру своему—в приспособлении к условиям северной жизни Судебника 1550 г. уже на основании ранее переработанной его редакции, каким можно считать т. наз. Судебник 1589 г. по Мазуринскому списку.

А. Андреев.

К вопросу о смерти царевича Димитрия.

В русской исторической литературе, трактующей вопросы прошлого до-Петровской Руси, едва ли есть эпоха, более останавливавшая на себе пытливое внимание ученых исследователей чем та, которой усвоено название Смутного времени Московского государства. С разработкою подробностей этого, одного из зна-

менательнейших, моментов исторической жизни русского народа до наших дней неизбежно связывались попытки установить происхождение и выяснить личность того, кому под именем царевича, впоследствии царя Димитрия Ивановича было суждено сыграть роль первого толчка в страшном катаклизме, столь основательно потрясшем русское общество. Можно без преувеличения сказать, что весь XIX век и первое десятилетие XX-го эта, представлявшаяся полною жгучего интереса, тема соблазняла русских историков, как профессионалов, так и случайных диллетантов, испробовать на ней свою способность научного прозрения. Дошедший до нас не слишком обильный материал вопроса:—следственное производство об угличских беспорядках 1591 года, немногочисленные летописные и литературные показания, несколько свидетельств иностранцев, наблюдателей событий и собирателей слухов и сплетен, как всегда, взаимно исключающих друг друга, наконец, актовый материал—продукт административного и дипломатического творчества слишком заинтересованных правительств—все это много раз наново переворачивалось, пересматривалось, освещалось с самых различных и подчас неожиданных точек зрения, но тем не менее и в настоящее время мы не знаем, кто же именно сидел на Московском престоле с 10 июня 1605 по 17 мая 1606 года.

Из сказанного отнюдь однако не следует делать слишком поспешного вывода, что затраченные усилия были безплодны. Если наслоенія гипотез и более или менее правдоподобных догадок осложняли и порою затемняли вопрос, заставляя научную мысль тревожно биться в усилиях отделить в главном вероятное от достоверного и возможности от фактов, зато исследовательская ее работа постепенно, но неуклонно выясняла на первый взгляд казавшиеся второстепенными, но в сущности весьма важные подробности: менялся фон картины, исправлялись неверности, ненужное отодвигалось в тень и из за него выступало существенное, и, если истина еще не добыта, то подход к ней во всяком случае намечается по правильным и, может быть даже, по кратчайшим путям.

По определению С. Ф. Платонова вопрос и происхождении названного Димитрия до сих пор вызывает четыре следующих ответа: „1) самозванец был действительно Отрепьев; 2) самозванец был не Отрепьев, а какое то неведомое лицо, руководимое Отрепьевым; 3) самозванец был не московский человек, а зарубежный—из Литвы или Польши, и, наконец, 4) тот, кого обыкновенно называют самозванцем, был истинный царевич Димитрий, спасшийся от покушения на его жизнь в Угличе“ [1]).

---

[1]) С. Ф. Платоновъ, Сочиненія, т. I, Спб. 1912, стр. 274.

Оставив пока в стороне первые два ответа, остановимся на двух следующих. После найденного и изданного о. Павлом Пирлингом собственноручного письма названного Димитрия к папе Клименту VIII от 24 апреля 1604 г. и в особенности после авторитетного обследования этого письма, которому подвергли его С. Л. Пташицкий и П. А. Бодуэн-де-Куртенэ, установившие великорусское происхождение лица, его писавшего и подписавшего, предположение о зарубежном происхождении царя Димитрия Ивановича можно считать отпавшим. Окончательный удар этой гипотезе нанес С. Ф. Платонов, доказавший путем исследования мельчайших деталей, что „корни самозванческой интриги были скрыты где то в недрах дворцовой знати, враждебной Борису, и скорее всего в кругу Романовых и родственных им или близких по свойству семей“ [1]). Московские оппоненты Годунова не за рубежем, конечно, наметили и подготовили лицо, нужное для поставленной ими цели.

Несравненно более внимания привлекает к себе давно может быть смущавшая исследователей, но только в 90-х годах прошлого столетия начавшая робко и неуверенно пробиваться наружу мысль о том, что преемником Годуновых на престоле был истинный сын Грозного Димитрий. Наводила на эту мысль и самая личность загадочного царя, повидимому твердо верившего в свое царственное происхождение. Казались соблазнительными неполнота и многозначительные умолчания Углицкого розыска. Создавали надлежащее настроение и лошади, взятые в день катастрофы с конюшни Битяговского, и рассказ Горсея о приезде к нему в одну из майских ночей 1591 года дяди царевича, Афанасия Нагого. Благодарный материал в определенном направлении давали показания Маржерета, Томаса Смита, Товіанского и др. Все это в связи с туманными намеками различных документов давало пищу научному романтизму, находившему себе желанную опору и в поведении царя Димитрия, в его отношении к кн. Василию Шуйскому и к царице Марфе. „Легче было спасти, чем подделать Димитрия“, вырвалось у Н. И. Костомарова [2]), не сделавшего, однако, этого положения своим окончательным выводом.

Один из наиболее ярких сторонников приведенного мнения, светлой памяти гр. С. Д. Шереметев выдвинул в качестве веского довода в пользу подлинности царя Димитрия указание на то, что смерть Углицкого царевича не повлекла за собою цер-

[1]) С. Ф. Платонов, Борис Годунов, Пгр. 1921, стр. 146.

[2]) Н. И. Костомаровъ, Кто былъ первый Лжедмитрій, Спб. 1864, стр. 60.

ковного его поминовения и заупокойных по нем кормов [1]). Этому соображению нельзя отказать в основательности. Московские люди верили, что в загробных молитвах нуждаются не одни много нагрешившие на своем веку взрослые люди, но и умершие в младенчестве. Известные нам монастырские вкладные и кормовые книги пестрят записями о вечном поминовении грудных и малолетних и даже о кормах по их душам. Припомним вклады Грозного царя по своим умершим маленьким детям, или царя Федора по царевне Феодосии [1]). Бросается резко в глаза и полное равнодушие Федора к памяти трагически погибшего брата и к его могиле, не удостоившейся места в родовой усыпальнице, в Москве, в Архангеле, тогда как менее „во благочестии сияющие“ предки его вплоть до отца хоронили там всех своих однородцев, скончавшихся не только в уделах, но и в тюрьмах, куда так любили они спроваживать представителей боковых ветвей мощного ствола рода Калиты. Но с другой стороны, если принять во внимание жестокий разгром семьи матери царевича и ссылку ее в убогий северный монастырек, сопряженную, конечно, со строгим ограничением средств содержания, то легко допустить, что поминание погибшего могло ограничиться одною обителью, где царице-инокине Марфе, казалось, суждено было доживать свои скорбные дни.

Как увидим ниже, покойный гр. С. Д. Шереметев на этот раз ошибся, но ошибку его следует признать вполне извинительною, если взять в соображение, что до нас дошло сравнительно очень немного монастырских вкладных книг, и из них, к крайнему прискорбию, пущено в научный оборот уже совершенно ничтожное количество, измеряемое единицами. Внимание русской археографии совершенно обошло этот важный исторический источник, богатый интереснейшими и подчас совершенно неожиданными сведениями не только генеалогического и археологического характера. Не говоря об общей массе провинциальных монастырей рядового типа, мы совсем не знаем вкладных книг таких крупных центров каковы, например, монастыри Троице-Сергиев, или Кирилло Белозерский, или Соловецкий. Нет изданных вкладных ни одного из московских и подмосковных монастырей, кроме Новоспасского, сохранившейся в отрывке, и Иосифова Волоколамского, изданной также в отрывках А. А. Титовым. Бесполезно продолжать этот печальный перечень, красноречиво свидетельствующий о еще неосознанной необходимости

---

[1]) Гр. С. Д. Шереметевъ, Царевна Θеодосія Θеодоровна—„Старина и Новизна“, 1902 г. и отдельно, стр. 15.

[2]) См., напр., вкладную книгу Московского Симонова монастыря, рукопись Росс. Публ. Библ., F. IV, № 348, л.л. 12, 13, 19 и сл.

использовать огромный разносторонний материал, даваемый источниками этого рода.

В виду сказанного не представится удивительным, что осталось незамеченным следующее показание неизданной вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря: „лѣта 7100-го мѣсяца маія въ 15 день пожаловала государыня великая княгиня старица инока Марѳа по сынѣ своемъ царевичѣ князѣ Дмѣтріи Ивановичѣ, дала въ домъ Пречистыя Богородицы и чудотворца Кирилла при игуменѣ Маркѣ, и при старцѣ Леонидѣ Ширьшевѣ, и при всѣхъ старцѣхъ соборныхъ покровъ камка вишнева, на ней шитъ образъ Кирилла чюдотворца, вѣнецъ шитъ золотомъ, падъ главою шита живоначальная Троица, около слова, шито серебромъ, тропарь и кондакъ, 3 чаши большихъ серебряныхъ, столовыхъ, да сутки столовые серебряные не велики, мишурка уксусная, да перешница, да росольникъ, да блюдечко невеличко, да стопу серебряну“ [1]).

Необходимо обратить внимание на дату вклада. Углицкое событие имело место 15 мая 7099 года (по московскому летосчислению). Ровно через год, в так называемый годовой день царица-инокиня (вкладная запись титулует ее только великою княгинею) делает вклад по безвременно погибшем сыне. Вклад невелик и не слишком ценен: кое где лишь шитый золотом и серебром покров и немного столовой частью лишь серебряной посуды—лучшая характеристика степени благосостояния бывшей царицы.

Смысл и значение этого документального свидетельства для интересующего нас вопроса категорично определенны и в раз'яснении не нуждаются. Царевич Димитрий несомненно погиб тою или иною смертью 15 мая 1591 года; московские следователи не были введены в заблуждение подмененным трупом, полулегендарный для нас доктор Симеон не спас мальчика, и занявший впоследствии Московский престол царь Димитрий Иванович был вольным или невольным самозванцем.

Можно однако и в данном случае предвидеть возражения против приведенной записи со стороны любителей „старой и безнадежной полемики“ [2]). В записи этой действительно останавливает на себе внимание отсутствие обычного перечисления принимаемых на себя монастырем обязательств по отношению к душе умершего. Нет обещания внести его имя в синодики, совершать заупокойные богослужения и кормить кормы. Является

---

[1]) Вкладная книга Кир.-Белоз. м-ря, рукоп. библ. СПБ. Духовной Академии, № 78/1317, л.л. 23 об., 24. Список этой книги любезно сообщен мне Н. К. Никольским.

[2]) С. Ф. Платонов, Борис Годунов, Пгр. 1921, стр. 94.

вопрос, кое для кого соблазнительный, не имеем ли мы здесь дела не с заупокойным, а как раз наоборот, с заздравным кормом? Против возможности такого предположения красноречиво говорит многозначительность даты вклада, и кроме того недомолвку или упущение вкладной пополняет келарский обиходник монастыря, в котором читаем: под 15 мая „по князѣ Дмитреѣ Ивановичѣ по углецком послѣднем кормъ съ поставца", а под 26 октября (день его ангела, св. вмч. Дмитрия мироточивого солунского; „прямое" имя царевича было Уаръ, память этого святого празднуется 19 октября)—„по царевиче по Дмитрее кормъ съ поставца" [1]). Следовательно вклад был сделан не о здравии царевича, а по душе его и был признан монастырскими властями достаточным для совершения кормов,—правда, даже не меньших, а с поставца, но последнее обстоятельство обусловливается незначительными размерами материальной цѣнности вклада.

Среди свидетельств о таких событиях, как углицкое 1591 года, в сбивчивости и противоречивости которых безнадежно путались и продолжают путаться и современники, и потомки, получают особую, я бы сказал, в известных случаях преимущественную силу убедительности те из них, которые совсем не предназначались для осведомления о событии, его освещения или истолкования и в то же время помимо своего прямого назначения и вне воли их источника льют неожиданный яркий свет на это событие. К более чем ограниченному числу таких свидетельств пишущий эти строки склонен отнести приведенную выше вкладную запись и в связи с нею не менее значительное, случайно оброненное современником слово, решающее, казалось бы, и вопрос о роде смерти, постигшей царевича. Я разумею известную уже в литературе изустную память дяди царицы Марии Федоровны, Андрея Александровича Нагого, датированную 19 ноября 1617 года [2]). В этом акте Нагой, перечисляя свои долговые обязательства, упоминает о коне, взятом им у брата Михаила (меньшого): „и тот у меня конь былъ, и взяли ево с моими животы в опале на государя, на Углече, как царевича Дмитрия убили". Чтобы оценить по достоинству это свидетельство, необходимо остановиться на обстоятельствах, его вызвавших, и, если будет позволено так выразиться, на обстановке, его сопровождающей. В акте, выражающем волеизъявление завещателя и предназначенном служить

[1]) Рукопись СПБ. Духовной Академии, № 68/1307, л.л. 5 об. и 20. Сообщением мне текста обиходника я обязан доброму вниманию С. Ф. Платонова.

[2]) И. С. Бѣляевъ, „Слѣдственное дѣло объ убіеніи Димитрія царевича... Его разборъ въ связи съ новооткрытымъ завѣщаніемъ А. А. Нагого..." —Чт. О. И. и Др. Р., 1907 г.

крепостным документом для монастыря, получающего вклад по душе, Нагой берет момент смерти царевича, как случайно понадобившееся ему хронологическое определение, и трактует этот момент так, как он был ему действительно известен. Единственным содержанием разбираемого пункта изустной является утрата Нагим подлежавшего, конечно, возвращению собственнику братняго коня, с указанием на воспрепятствовавшую этому возвращению force majeure в виде государевой опалы, постигшей Нагого в Угличе, когда „царевича Дмитрия убили". Трудно заподозреть здесь желание или намерение исказить событие, имевшее место 28 с лишним лет тому назад, не в специальном о нем повествовании, а при случайном упоминании по поводу конфискованной лошади. Привлеченный к углицкому розыску Андрей Нагой показал, что он не был очевидцем убийства, но... „прибежал тутожъ к царице, а царевичь лежит у кормилицы на рукахъ мертвъ; а сказываютъ, что ево зарѣзали, а онъ тово не видалъ, хто его зарѣзалъ... а онъ былъ у царевичева тѣла безотступно, и тѣло онъ царевичево внесъ в церковь" [1]. Готовясь стать перед Верховнымъ Судіею, Нагой в рассматриваемом случае не разошелся с данными им прежде показаниями. Разница между обоими его свидетельствами та, что тогда он не назвал убийц потому, что говорить о них было, может быть, слишком опасно, — теперь же он не упомянул о них, так как это было бы и бесполезно и некстати. Во всяком случае правдивость слов изустной памяти Нагого получает полное подтверждение в записи Кирилло-Белозерской вкладной книги. Если же это так, то мы получаем серьезную возможность говорить, что 15 мая 1591 г. Димитрий углицкий умер не от собственной руки, а насильственно умерщвленный, кем, — может быть откроет будущее, если не доверять установившейся, но сильно колеблемой традиции.

В заключение, может быть, уместно будет отметить здесь одну любопытную деталь: в том же 1617 году (кажется, в феврале) другая подневольная монахиня „государыня великая старица Марфа Ивановна" сделала вклад в тот же Кирилло-Белозерский монастырь по душе „благоверной и христолюбивой царицы и великой княгини иноки Марфы Федоровны", дав на этот предмет 100 руб. [2]. Еще при жизни великой старицы кончили свои дни в монастырях царица инока Дарья Колтовская (1626 г.) и жены царевича Ивана Ивановича инокини Александра Сабурова и Прасковья Соловово (обе в 1620 г.), но мы

[1] С. Г. Гр. и Дог., II. 108.
[2] Вкладная кн. Кир.-Белоз. м-ря. № 78 1317. л. 24.

не знаем вкладов Марфы Романовой по их душам, может быть, впрочем по той же причине, о которой говорилось выше. Интересно, что вклад по Марфе Нагой сделан матерью царя Михаила через пять почти лет после ее кончины (умерла 20 июля 1612 г.). Что побудило к этому суровую вообще старицу? Существовала ли некогда между этими двумя женщинами близость, более тесная, чем мы это знаем? Их могла соединить общая обоим нелюбовь к царю Борису, и, может быть, завязку самозванческой интриги следует искать на женской половине Романовских хором? Наличные источники молчат об этом, а неведомо куда девавшийся личный архив первых царей Романовых, повидимому, до нас не дошел.

Круг догадок и предположений, создавшийся вокруг личности первого Лжедимитрия, как кажется, склонен к с'ужению. Факт его самозванства можно считать установленным без особой боязни стать жертвою досадного заблуждения. К этому выводу, впрочем, еще в 1904 г. пришел С. Ф. Платонов, указавший, что „тщательное изучение всех документов, касающихся кончины истинного царевича Димитрия, убеждает в том, что он действительно умер в 1591 году“ [1]). Остается однако во всей своей неразрешенности раздумье над тем, кому была нужна смерть царевича, и сидел ли на Московскомъ престоле Отрепьев или другое неведомое пока лицо. Вопросы эти не представляются праздными: чтобы покончить с ними и поставить на место произвольных построений цепь незыблемо установленных фактов, пытливому уму и научному интересу предстоит увлекательнейшее и необходимо нужное детальное обследование той среды и обстановки, которые создали и выдвинули на страницы истории более чем незаурядную личность, ярким трескучим метеором пролетевшую по русскому историческому горизонту.

Ю. В. Татищев.

Новая редакция „Сказания“ Авраамия Палицына.

(К литературной истории „Сказания“)

„Сказание“ Авраамия Палицына до сих пор известно в двух видах. В окончательной форме, законченной обработкою, по указанию самого автора в 7123 г., оно очень скоро стало одним из самых популярных произведений XVII в., дошло до нас в большом количестве списков XVII, XVIII и даже XIX в., было

---

[1]) С. Ф. Платоновъ, Соч [illegible] стр. 27..

напечатано еще в XVIII в. (1784 г.) и вновь в 1822 г.; впрочем, научного издания дождалось оно лишь в 1909 г.—во втором издании XIII т. Русской Исторической Библиотеки Археографической Комиссии (и отдельно). Использованное еще в XVII в., вскоре после окончания авторской работы, для компилятивных исторических обзоров (обоих разрядов хронографа III редакции, по А. Н. Попову), творение троицкого келаря в XVIII в. и частью в XIX-м служило рядом с „Новым Летописцем“ главнейшим источником при изложении событий эпохи Смуты.

Кроме этого широко распространенного вида, „Сказание“, хотя только частично, сохранилось и в другом; еще в 1842 г. А. В. Горским было указано на рукопись, содержащую первые 6 глав „Истории“ Палицына в особой, отличной от печатного и обычного рукописного текста, редакции. Позже появилось описание этой интересной рукописи (у архим. Леонида в „Чтениях в Об-ве Ист. и Древн. Росс.“ за 1884 г., кн. 3), были опубликованы отрывки из нее с новым текстом (в статье С. И. Кедрова в 1886 г.) и, наконец, в 1891 г. этот текст шести глав был целиком издан в XIII т. Русской Истор. Библиотеки. Прошло уже много лет со времени появления статьи Горского, но и до сих пор „древнейшая рецензия“, по его выражению, первых 6 глав известна лишь в единственном и очень неисправном, указанном Горским, списке в рукописи Троице-Сергиевой обители, позже принадлежавшей (с 1747 г.) Троицкой Дух. Семинарии, затем—Москов. Дух. Академии (№ 175).

Более 10 лет назад в одной, правда, специальной и далекой по теме от „Сказания“ Палицына, работе был указан еще один список только 6 первых глав исторической работы старца Авраамия. Разумею труд А. С. Орлова—„Домострой по Коншинскому списку и подобнымъ. Книга вторая“, появившийся в „Чтениях в Об-ве Ист. и Древн. Росс.“ за 1911 г., кн. 1 (и отдельно в 1910 г.). Описывая здесь сборник № 641 из собрания И. Е. Забелина, А. С. Орлов, между прочим, указывает на лл. 78—107 этого сборника „Сказание Авраамия Палицына“ в 6 главах „начальной“ редакции, что видно из сопоставления автором найденного им текста с Русск. Истор. Библ., т. XIII, 1891, ст. 473—520, 38. По этому указанию и стремился я увидеть Забелинский сборник, чтобы познакомиться со второй, как казалось, рукописью так мало распространенной редакции части „Сказания“. Но ближайшее изучение рукописи [1]) неожиданно обнаружило, что она счастливо сохранила нам, кроме „доселе

---

[1]) Я имел возможность ознакомиться с рукописью в Москве в августе 1921 г., получив командировку для научных занятий от Факультета Обществ. Наук Саратовского Университета, которому и приношу свою благодарность.

неизвестного в литературе" списка Домостроя, и новую, неизвестную еще исследователям, редакцию первых шести глав „Сказания" Палицына. Забелинский сборник, ныне принадлежащий Историческому Музею (№ 446), подробно описан в работе А. С. Орлова (гл. VI, стр. 96—112), и мне остается здесь воспользоваться некоторыми данными из его труда. „Цветник Стефановской", как назван этот сборник на корешке переплета, составлен из двух рукописей, заключенных в переплет в конце XVII в. [1]). Вторая из рукописей, содержащая и интересующий нас текст, искони составляла единое целое, что видно и из филиграней и из общности почерков, напр., на лл. 108—140 и 312—373. „Сказание" Палицына занимает второе место в рукописи. Его предваряет „Рукописание Магнуша", за ним следуют статьи о Смуте по 1610 г., известные из Хронографа 1617 г., и др. произведения. К этому мнению специалиста в области древне-русской письменности хотелось-бы предложить только в виде предположения небольшую поправку. Большая измазанность лицевой стороны первого листа „Сказания" Палицына, чем начала „Рукописания Магнуша", ставит естественный вопрос: не начиналась-ли раньше рукопись „Сказанием"? Впрочем, это имеет отношение скорее к истории рукописи. Для оценки текста гораздо существеннее, что вся эта рукопись, по определению А. С. Орлова, писана во второй четверти XVII в.

Таким образом пред нами текст весьма близкий хронологически к автору и времени создания его знаменитого произведения.

Другая драгоценная для исследователя черта новой рукописи „Сказания"—это большая внимательность писца ее к бывшему в его руках оригиналу, желание сохранить переписываемый текст в неприкосновенности. Текст Забелинского сборника не только вообще довольно исправен, но сохранил несколько случаев исправлений писца, видимо, не раз по поводу каждого места обращавшегося к оригиналу. Так на л. 84—14 [2]) „меченосцев" исправлено из „смертоносцев", л. 91—21 об. „священный"—из „священнический"; в других случаях зачеркивалось ошибочно написанное, напр.—на л. 87—17 об. в фразе—„егда же время бысть..." зачеркнуто „бысть", взятое механически из предыдущей строки („ни во что же таково величание бысть"), и заменено в строку поставленным „прииде"; лл. 97—27 и 103—33 имеют зачеркнутые „не"; на л. 85—15 вставлено над

[1]) В том же сборнике, в первой из его рукописей, на лл. 32—71, имеется „Сказание о Гришке Отрепьеве" без начала — ср. Р. И. Б. XIII, ст. 713—754.

[2]) Листы сборника перенумерованы в правом верхнем углу арабскими цифрами; в правом нижнем углу статьи пометы—только во второй рукописи—славянскими буквами (мои вторые цифры).

строкой пропущенное ранее „его“. Еще интереснее случай, когда, не разобрав соответствующего слова в своем оригинале, переписчик не решался восполнить текст догадкой и оставлял пустое место: на л. 80—10—для имени „Ираклий“, на л. 86—16 об. —для слов „в чрева“; или когда он, не восполняя и не оставляя пробелов, выписывал, очевидно, оборванные в оригинале слова—„едлагаху“ (л. 98—предлагаху), „нози“ (мнози) в фразе „мнози бо от них...“ (л. 98 об., печатн. текст списка Моск. Дух. Академии ст. 505); или когда, неправильно прочитав „тел“ вместо „тех“, повидимому, неясно написанное, он запечатлевал свое чтение, хотя и получались неудобо-разумеемые места—л. 86—16 об. „ногами тел скверных попираемы бываху“, или еще разительнее на л. 106—36—„не прямым серцем тел любляще...“ Последний пример дает нам уже ошибки писца. Есть в рукописи и другие ошибки и отступления от оригинала. Ошибки орфографические свидетельствуют, что переписчик Забелинской рукописи „Сказания“ не „навык учения грамматического“ и что внимание его не всегда преодолевало его некнижность. Он часто в письме следовал выговору и писал: „фторому“ (л. 82 об.), „нат“ (л. 92) и „прет“ (л. 95 об.) вместо „над“ и „пред“; вообще с „д“ перед глухими согласными он справлялся плохо и писал постоянно „тщерь“—дщерь (л. 86 об. дважды, л. 91 об., л. 104 об., л. 106), „слаткое“, „слатко“, „потстрекаеми“ (все на л. 100) и т. д.; не выдерживал и сочетаний „зс“ и писал „праворассуделных“ (л. 88 об.), „рассужением“ (л. 89 об.), но и „разсядеся“ (л. 81 об.), и т. п. „Простоту“ свою выдает он и написаниями в роде „постреде“ вместо „посреде“ (л. 92), „страмной“ (л. 103 об.), „стретают“ (л. 105 об.) или „храбрьсьтвом“ (л. 94), „уготшими“ вместо „угождшими“ (л. 99 об.). Иное и правильное написание отмеченных слов в других рукописях „Сказания“ Палицына, большая выдержанность единообразия в них заставляет рассматривать отступления Забелинской рукописи, как особенности писца ее. Они же, очевидно, выступают и в более частом употреблении живых в говоре окончаний и форм вместо книжных—„в полях“, „в церквах“, „по улицам“, „уведан“ вм. „уведен“ (лл. 81 об., 89, 94, 93 об.), хотя в подобных случаях и другие рукописи не вполне ригористично книжны; „на сухе“ (л. 102, в акад. сп. „на сусе“), „бит“ (л. 106, в акад. сп. „биен“), „тинпаном“ (л. 103 об.), „сев“ (л. 83 об.; в др. рук. „сеятва“), „собе“, „тобе“ (л.л. 84, 89, 92, 106; в др. рук. „себе“, „тебе“) и т. п. Однако уважение к книге и книжности и почтительное желание сохранить в неприкосновенности „премудрое творение“ были в переписчике Забелинской рукописи сильнее стихии живого слова и не позволили последней вторгнуться в область „плетения словес“—в синтаксис

книжной речи; напряженное внимание даже в словаре и этимологии сохранило безусловное преобладание книжности, и рукопись употребляет „город“ и „град“, в предложн. мн. „ах“ и „ех“, в родит. мн. „ий“ и „ей“, дает формы „корабльми“ (л. 89), „сторожми“ (л. 102 об.), в искажении сохраняет „геону“ (л. 99 об.), „леобарды“ вм. „алебарды“ (л. 92), „яздяше“ вм. „ездяше“ (л. 92) и т. п.

Отмеченные свойства переписчика позволяют признать Забелинскую рукопись очень ценной для попыток восстановления и установления писательских приемов Авраамия Палицына особенно в отношении этимологии и частью словаря, более страдающих от переписки, и заставляют считать эту рукопись в общем довольно хорошо передающей свой оригинал.

Оригинал Забелинского списка и сам отличался, сколько можно судить по этой копии, интересными для нас чертами. Во первых, он, очевидно, был написан на отдельных листах, использованных лишь с одной стороны, и притом несколько пострадал от времени или небрежного хранения. Только таким предположением, кажется, можно об'яснить одну особенность нашего списка. В двух местах (л. л. 79-9 и 85-15) части страниц писаны, отступя значительно от обычного начала строки вправо. При чтении выясняются дефекты текста, а внимательный переписчик и графически означил отсутствие в его оригинале рядов слов. Он не взял на себя восполнить даже части слов, хотя иногда с первого взгляда ясно, чего не хватает,—напр., л. 85—„мышляюще“, т. е. „помышляюще“, „одовании“, т. е. „негодовании“, „ко“—вместо „тако“. Очевидно, в оригинале листы были оборваны, но это не могли быть листы, исписанные и на обороте. Если бы был один такой лист, то первые дефектные строки находились-бы на лицевой, вторая группа—на обратной страницах листа. Однако уже разное количество строк—6 в первом случае и 11 во втором [1]),—едва-ли согласуется с такою возможностью, а затем прямо нельзя себе представить такого формата листа, чтобы на части его оборотной стороны уместился весь текст, отделяющий одно дефектное место от другого: в рукописи Моск. Дух. Академии —в четвертку—он занимает более 11 страниц скорописи, в Забелинской—тоже в четвертку—также 11 страниц. Предположить два листа, писанных с обоих сторон, с оборванными углами

[1]) В изд. Археогр. Комм. текст, соответсвующий первым дефектным строкам, занимает конец 475 и первые две строки 476 ст. со слов „от многих же правление держащих...“; второе место на ст. 483 (с четвертой от низу строки) и 484 ст. (кончая словами „место скончевахуся“; слова „зле распыхахуся и та“ отсутствуют).

нельзя, по отсутствию необходимых в таком случае еще двух дефектных мест. Итак, остается предположить, что дефектные листы с оборванными вверху углами были писаны только с одной стороны [1]). Приведенные случаи не единственные показатели некоторой дефектности оригинала нашего списка. Очевидно, неважною сохранностью листов оригинала нужно об'яснить отсутствие в списке букв в начале или в конце некоторых слов: напр. „лежащу" (надлежащу — л. 83 и ст. 481), „несвойстве" (несвойственнаго—л. 93, ст. 497), „такове" (таковей — л. 84, ст. 498), „едлагаху" (предлагаху — л. 98, ст. 504), „нози" (мнози—л. 98 об., ст. 505). Если для об'яснения последних четырех случаев предположить парность их, т. е. нахождение на лицевой и обратной сторонах листов с оборванными частями, то неизбежно признать, что листы эти были разного формата, что в первом случае между выписанными словами примерно вдвое меньше текста, чем во втором. Оборванностью или утратой листа об'ясняется, очевидно, отсутствие сказуемых в предложении: „понеж вся Росия смотрения Божия и строительства его к себе" (л. 94, ср. печ. ст. 498); и опять при первом предположении — параллельного места для другой стороны листа нет. Кроме того, в оригинале Забелинского списка, очевидно, не хватило конца. Наш текст кончается на лицевой стороне л. 107-37, заняв менее полстраницы, словами: „не словом ли моим вся создана суть". В списке Моск. Дух. Академии следует далее еще свыше 5 страниц текста. Не будем здесь гадать, чем кончался оригинал Забелинского списка, но можно и теперь указать, что он, повидимому, заключал результат исканий „о строении святых церквей, и который глас восходит на небеса", т. е. по крайней мере имел окончание абзаца ст. 520-21 печатного текста.

Другою интересною чертою, которую можно предположительно усвоить оригиналу Забелинской рукописи, являются добавления на полях. Одно связано с знаменитым местом о Никитичах-Юрьевых. Наш писец передает его таким образом: непосредственно за словами, кончающими 1-ю — по счету окончательной обработки—главу, он в строку продолжает: „и яко сих ради Никитичев Юрьевых вскоре того же лета", и, не заполнив всей строки, ниже выделяет в особой строчке заглавие: „О начале беды во всей Росии"; в следующей строке большим вырисованным „И" начинает текст этого отдела: „И за всего мира безумное молчание...". Такая графика заставляет

[1]) Я говорю об оборванных углах вверху так как сохранившийся текст можно представить в виде трапеции с более короткой линией вверху.

предполагать, что в оригинале шел сплошной текст, а на поле, между двумя строками: выделенной переписчиком к предыдущему отделу и начавшей у него новый,—стояло заглавие, которое в Забелинском списке попало в текст, разорвав фразу. Аналогичная история с этим же заголовком и в рукописи Моск. Дух. Академии, только со вставкой еще и года приводит, к предположению, что заглавие это появилось после текста [1]). Забелинский список укрепляет в более общей мысли о позднейшем в сравнении с текстом происхождении и других заглавий: в нашей рукописи, при большой бережности писца к тексту, совсем отсутствуют заглавия: „О совете Розстригине, како было ему погубити московских боляр" и „О царе Василии Шуйском" (гл. 5 и 6 по окончательной редакции), а два других короче заглавий рук. Моск. Дух. Академии: „О начале разбойничества во всей Росии" (в акад. рук. есть тут еще „и о ворех") и „О Ростриге" (в др. рук.—„О Розстриге Григории") [2]). Зато список Забелина имеет одно заглавие, отсутствующее в других рукописях „Сказания", но явившееся здесь по недоразумению. Главу 4-ю—по обычному счету—переписчик Забелинской рукописи закончил так: „И егда рекохом мир и удержание", пишет он в одной строке подряд с предыдущим текстом и, не дописав этой строки, в следующей выделяет в средине в качестве заглавия, очевидно, вставленные в оригинале на поле слова, игравшие роль дополнения к гл. „рекохом": „О управлении Бориса", и с новой строки продолжает: „И по апостолу гласу...". Естественно было эти слова на поле принять за заглавие: все до одного заглавия нашей и академической рукописей даны в предложном падеже с предлогом о. Третья вставка осталась на поле же и в нашем тексте против шести строк, следующих за заглавием „О управлении Бориса". Ее нельзя было принять за заглавие („зело худшее своих жителств") и некуда было вставить в текст, как совершенно неподходящую. Впрочем, может быть, эта вставка оригинала удвоена случайно в нашей рукописи: перенеся ее с поля в текст, где ей и надлежало быть, выше своего „заглавия", писец чисто механически вновь прочел ее и, затруднившись вставить в текст ниже заглавия, воспроизвел на поле [3]). Если же нет, если же эти слова „зело худшее своих жителств" дважды, в тексте и на поле, были писаны и в оригинале, то

---

[1]) См. Русск. Ист. Библ., т. XIII, ст. 479, прим. 1.

[2]) Два посл. заглавия на 84-14 и 90-20 нашей рук. и на ст. 482 и 490 XIII-го тома Русск. Ист. Библ.

[3]) Заголовок „О управлении Бориса" и приписка на поле на л. 89-19 об., печатн. текст на стр. 490.

не след-ли это недоконченной правки автором (или кем-то за автора) текста? Это предположение не покажется совершенно невероятным, когда мы познакомимся еще с одною чертою нашего нового текста и его оригинала.

Историю Ростриги наш список излагает сначала сходно с рукописью Моск. Дух. Академии, кончая планом его „вся Росия привести к стрьеви антихристову под благословение“ (в печ. ст. 490—491). Далее 22 строки—по изданию Археогр. Комиссии—отсутствуют в Забелинском тексте (от слов „И аще бы не Господь“ и кончая „от многих тя знаем, яко Григорий чернец“ ст. 491—492). Потом тексты вновь совпадают за незначительными, большею частью, вариантами, но целый абзац о цесарском титле и крымских планах Самозванца отсутствует в Забелинской рукописи, как и заголовок „О совете Ростригине“, и после слов „сребро любезно собирающе“ прямо следует: „Враг же той Рострига...“ [1]). Абзац о радости московского народа в нашей рукописи оборван механически в средине фразы на словах: „понеж вся Росия смотрения Божия и строительства его к себе“. Нет и следующего далее в тексте Моск. Дух. Академии абзаца благочестивых размышлений, а взамен того здесь появляется помещенный в рук. академической значительно ранее текст со слов: „И аще бы не Господь“, весь целиком с немногими разночтениями. Конечно, эти различия текстов, особенно при предположении, что оригинал нашего списка был писан на отдельных листах, было-бы легко об'яснить тем, что один лист был утрачен, другой попал не на свое место. Но если первое предположение и можно принять, то второе едва ли приемлемо. Дело в том, что непосредственно за опущенным ранее местом (последние слова „яко Григорий чернец“) следует отсутствующая в обоих печатных текстах фраза: „Увы, увы. И к браку присягнутел быстъ“, а потом второй раз „По десяти же днех несвойственного брака...“ с иными словами о бесах: ранее было, как и в печатном, „но друзи его беси не придаша много лет жития“, а здесь „не возрадовашася на много лет жития тому быти“ [2]). Пред нами, как будто, особая трактовка темы. Тогда и помещение части текста в другом месте может оказаться совсем не случайным.

Сделанные сейчас и ранее—о заметках на полях—наблюдения ведут к предположению, что оригинал Забелинского списка, поскольку он восстановляется из этой копии, имел

[1]) Отсутствующее в нашем тексте занимает в печатн. части 496 и 497 ст.

[2]) Текст о браке Ростриги в первый раз на л. 93 об. (печ. 497-498 стр.), второй раз—на л. 94 об.; отсутствующее совсем в Забелинском тексте место на ст. 498-499 изд. Археогр. Комис.

черты не вполне завершенной работы по установлению текста и размещению материала. А если мы припомним, что оригинал этот был, повидимому, писан на отдельных листах и с одной только стороны, то не можем-ли мы думать, что оригиналом Забелинского списка „Сказания" служил черновик автора? Как будто черновику скорее, чем законченному обработкой и перебеленному экземпляру, приличествует и довольно небрежное хранение оригинала нашего списка, отмеченное выше. Для черновика понятнее, чем для отделанного труда, наличие единственного, по крайней мере пока, списка этой редакции „Сказания" при большом количестве рукописей того же „Сказания" в окончательной редакции.

Этому выводу не противоречат, а скорее подкрепляют его и данные о составе рукописи и о времени ее возникновения. Мы уже видели, что исследовавший „Цветник Стефановской" А. С. Орлов относит написание части его, содержащей „Сказание", ко второй четверти XVII в. Первые статьи этой рукописи, повидимому, переписаны в Москве. И „Сказание" Палицына и, очевидно, статьи о Смуте (по начало 1610 г.), внесенные в Хронограф, и особенно два слова Антония Подольского, жившего в 20-х годах в Москве,—все связаны в своем происхождении со столицей или ближайшим Сергиевым монастырем. Недавно возникув (одно из слов Антония датируется 1626 г.), эти произведения едва-ли успели получить широкое распространение помимо столицы и ближайшего к ней района за короткий срок до написания рукописи[1]). Как кажется, и писец „Сказания" в этой рукописи был москвич или уроженец и житель ближайших к столице мест. Сколько можно судить человеку, не искушенному в лингвистике, по следам его говора в рукописи, писец в своем произношении стоял на грани оканья и аканья. Если цитированные уже написания „собе", „тобе", и, может быть, „сотоны" (л. 91)[2]) свидетельствуют о первом, то „усаветова" (л. 91 об.), „изгараху" (л. 98 об.), „укланяющеся" (99 об,) говорят о втором[3]). Не проявилось в письме других резких особенностей ни северно-великорусского, ни южно- великорусского говоров, хотя, конечно, здесь могла действовать нивеллирующе сама письменность.

Таким образом, если даже согласиться не со всеми выводами и предположениями, предложенными выше, все же нужно

[1]) Цит. раб. А. С. Орлова и „Библиолог. Словарь" Строева, стр. 22. О датировке нашего списка „Сказания" Палицына см. ниже.

[2]) Впрочем „сотоны" не явилось-ли в результате желания сохранить „мудреную" книжность?

[3]) Приведены те случаи, когда в тексте Моск. Дух. Акад. вместо „а"—„о"—см. в печ. ст. 493, 505 и 506.

как-будто признать большую ценность нового списка „Сказания“. В каком-же отношении стоит он к известным уже редакциям первых шести глав работы Палицына?

Уже А. С. Орлов, впервые указавший этот список, сблизил его, как я отметил в начале, с рукописью Моск. Дух. Академии. Действительно новый список вместе с академическим дает ряд мест, совершенно отсутствующих или иначе редактированных в окончательной обработке. Такие места составляют в общем около 1/5 нашего нового текста. Мало этого. В случаях общего для всех редакций первых глав „Сказания“ текста, Забелинский список обычно ближе к академическому, чем к другим, а в случаях расхождения с академическим в вариантах он далеко не всегда, правильнее сказать—реже, совпадает с известными по изданию Археогр. Комиссии списками окончательной редакции, чем остается одиноким [1]).

Однако и в отношении списка Моск. Дух. Академии Забелинский оказывается самостоятельным и своеобразным. Сравнение частей текста, совпадающих в обоих списках, обнаруживает большое количество вариантов и не всегда только словесных. Укажу более существенные в этих частях расхождения. По акад. списку Рострига „всю Европию в два лета посланми своими прелсти“ (ст. 491). по Забелинскому—„во едино лето“ (л. 90 об.);—в окончательной ред.—также „в два лета“ во всех списках (ст. 988). Мнишек—по сп. акад. и всем окончательной редакции—привел с собою „на брак беззаконный пиршественников 6000 избранаго воинства“ (ст. 494 и 991),—по нашему списку „с 10000 избранаго воинства“ (л. 91 об.). Момент вступления на престол Шуйского в списке акад. опять в согласии со всеми окончательной редакции изображен так: Шуйский стал царем, „никим же от велмож не пререкован, ни от прочего народа умолен, и устроися Росия вся в двоемыслие“ (ст. 500 и 999—здесь несущественные варианты); в Забелинском—конец передан иначе: „и устроися сам. Росия ж вся во двоемыслие“ (л. 94 об.).

Более интересным является вариант рассказа о глумлениях над Филаретом со стороны захвативших его тушинцев. Соответственное место в изданных текстах уже обратило на себя внимание исследователей; отмечены и отличия в этом отрывке обоих редакций. Наш новый список дает и новый текст. „И того

[1]) На 50-60 случаев совпадения в вариантах с текстом окончательной редакции можно насчитать до 200 случаев, когда наш текст остается одиноким, а два других—Моск. Дух. Акад. и окончательной редакции—совпадают между собою. Да и из 50-60 случаев совпадения с текстом последней редакции около половины, если не более, таких, когда текст Дух. Акад. имеет явные описки, ошибки, пропуски.

(в др. сп. „сего убо митр. Филарета") исторгше силою, яко от пазухи матерни (в др. сп. прибавлено „от церкви Божия") и ведуще путем нага и боса (в оконч. ред. „нага и„ нет) токмо (в ост. сп. прибавлено „во единой свите и") вси (этого слова в др. нет) ругающеся, облекоша в ризы страчински (в др. „язычески") и покрыша главу черкаскою (в др. „татарскою") шапкою и позе обувше в кривые сапоги" (в акад.—„в несвойственны сапоги", в оконч. ред.—„во своя сандалиа"). Дальнейших слов академ. и всех списков оконч. ред.: „приведену же бывшу... да им инех прелстят"—в Забелинском списке совсем нет. Наконец, очень важным нужно признать небольшое отличие в неменее известном месте о хлебных запасах: „во время же пленения... обретеся безчислено расхищаемо всякого хлеба... гумна же пренаполнены одоней и копен и взородов и за 14 лет от смятения во всей Руской земле и питахуся вси отпол старыми труды" (л. 83—13 об.—во всех др. сп. „до 14 лет"—ст. 481 и 980). Кроме этих есть еще несколько разночтений стилистического, скорее, характера в роде выше цитир. места о бесах—друзьях Ростриги, свидетельствующих об особой обработке, чаще худшей, нашего текста [1]).

Лишних по сравнению с акад. списком мест в нашем списке немного. Собственно для редакции, представляемой акад. списком, а не для списка, новой является только выше приведенная фраза: „увы, увы; и к браку присягнутел бысть" (л. 94 об.). Другие же только восполняют отсутствующие в акад. списке места, выпавшие, очевидно, чисто механически при переписке. Если не считать пропусков в акад. сп. отдельных слов („телесы" при „светлы" ст. 483; „горских" при„ черкас" ст. 486), то можно отметить три таких места и из них в двух Забелинский список дает текст сходный с текстом окончательной редакции. Об Урусе акад. сп. невразумительно сообщает: „той же лукав, царь же Борис" (ст. 487); в Забелинском и др. „той же лукавствуя и обещеваяся служити ему. Царь же..." (л. 87 об. и ст. 985). Совсем изолированным оставшееся в акад. сп. „бысть" (тот же ст. 487) оказывается по нашему и остальным спискам конечным в фразе: „Но в то время ни во что же таково величание бысть" (л. 87 об., ср. ст. 985). Третье место исправляет непонятную фразу акад. сп. „и в женскоподобных образех любящеи бровити" (ст. 487); в Забелинском „издавна иже суще в женскоподобных образех любящеи царей веселити..." (л. 88).

---

[1]) Приведу еще примеры: о количестве умерших во время голода по акад. сп.—„никтоже исповести может" (ст. 481), по Забел.—„всяк да молчит" (л. 83); грех „иже на конех играющих", какого не было в Русп—по акад. списку „от начала благочестия" (ст. 484), по Забел. „от начала миру" (л. 85 об.).

Гораздо разительнее расхождение списков академического и Забелинского проявляется значительною краткостью последнего в сравнении с первым. Отсутствующие в нашем списке места от 1—2 строк печатного текста академ. списка до целых отделов в 22, 36 и 43 строки составляют в общем около 1/8 списка Дух. Академии. Но некоторые из этих „недостатков“ являются именно недостатками Забелинского списка или его оригинала, а совсем не характерными для их редакции чертами. Одни из них об'ясняются механическими пропусками переписчика, как пропуск „Урусу“ в фразе „Яту же бывшу Урусу“ (л. 87 об., печ. ст. 487); или в описаньи голода пропуск упоминанья третьего лета, хотя сейчас же далее прямо содержится указанье на него: „в тая лета паче перваго“ (л. 82, ср. печ. ст. 479); или понятное в виду повторения опущение части текста: „Аще кто растлит храм Божий, растлит сего Бог“. Кто же растли храм Божий?“ (печ. ст. 517; в нашем сп. только первое, придаточное, предложение—л. 104 об.). Отсутствие конца фразы: „И того ради гнев Господень не преста, понеже вся Росия смотрения Божия и строителства его к себе“ (л. 94; в печ. далее „не смотряюще, иное разсужающе“— ст. 498) нужно об'яснить, очевидно, дефектом оригинала, как дефектностью листов его выше об'яснялись оборванные в частях строки и недописанные слова [1]).

Гораздо интереснее другие, органически связанные с новым текстом, его „пробелы“ в сравнении с текстом типа Моск. Дух. Академии. Одни из них явно обнаруживают более позднее происхождение этого последнего, другие в связи с заглавием указывают на особые устремления автора в его первоначальном наброске.

Обратимся к не раз уже использованному месту об Урусе. Царь Борис, „хотя славою своею, а не яростию... укрепить того врага“, повелел показать ему сокровища, которыми „царие Росийстии величаются; и еже что годно ему, то невозбранно все емляше. Но в то время ни во что же таково величание бысть“. Так передает это место восстановленный в целости текст акад. сп. (ст. 487). И довольно ясно чувствуется, что фраза „еже что годно...“ разорвала так хорошо без нее построенную речь. Текст Забелинский и не имеет неуместной здесь фразы. Впрочем данный случай может показаться не вполне убедительным, так как приходится восстанавливать часть текста, утраченную в академическом списке. Другие примеры более наглядны.

---

[1]) Если мы примем, что здесь не дефектность, а утрата листа, тогда этой же случайности нужно приписать и отсутствие длинного—около 40 строк в изданин Арх. Комм.—абзаца благочестивых размышлений, непосредственно следующих далее.

Изложив надругательства тушинцев над святынями, автор — по акад. списку—заключает нравоучением: „а иже сице обругаемии, тииназнаменующе нам, яко имеем грехи неоцыстимыя и пребывающия в нерассуждении нашем до дне пришествия Господня“; потом вдруг дает справку, годную в примечание: „О них же хотяй уведати, да прочтет вся законная правила св. апостол и 7 вселенских соборов и с прочими в них“, и несовсем ловко возвращается к прерванному нравоучению: „и той разумей боязнь отриновения: яко же жидом и еретиком за невнимание, тако и нам за непокаяние!“. „И не един человек всего Росийскаго языка не избысть от бед тех!“—констатирует он в конце (ст. 510). Гораздо лучше в отношении стилистическом и без всякого разрыва звучит это место в Забелинском списке: „А иже сице обругаемии, тии назнаменующе нам, яко же жидом и протчим еретиком, тако и нам отриновение: ни един человек всего Росийскаго языка не избысть от бед тех!“ (л. 101 об.).

В изображении бедствий мирного населения от повсюдной войны автор указывает на отсутствие безопасных убежищ даже в лесах. И одна из фраз, заключающая—по акад. списку—неловкую тавтологию („не бе покоя и места ко скрытию и к покою“) и неидущие к месту картины пожаров, и с повторением конца ее (об охоте на людей) в следующей фразе (ст. 511—512), гораздо элегантнее, с отсутствием всего излишнего, построена в нашем списке: „и не бе покоя. Оставиша бо тогда злодеи за зверми гонбу и женуще за своею братнею» (л. 102). А далее прямое продолжение и пояснение слов: „И звери убо едину смерть дающе, сии же и телесную и душевную“ в фразе „но звери убо со птицы“ поедали лишь плоть, а люди „з бесы и душа и телеса погубляаху“, оторвано явно вставленными позже четырмя длинными предложениями (ст. 512). Отсутствие этих вставных фраз и более правильная связь („звери бо со птицы...“) делают более естественным текст Забелинской рукописи (л. 102) и доказывают его хронологическое первенство.

Наконец, и без всякого сопоставления с Забелинским текстом определенно чувствуется, что гнев „мужественных сердцем“ сыновей, не могущих „зрети рождьших их ложесн... претерзаемых“, и братьев „за сестр своих ради красоты и нерушимаго девства“ (ст. 515) вызван насилиями над „красными женами и девицами“, отданными „на мног блуд“ (ст. 514). Разорвавшие эти два тесно спаянных стилистически и по смыслу места фразы о самоубийствах поруганных, о детоубийствах матерей и о вынужденном пустынничестве (ст. 514—515) связаны еще началом с предшествующей, но не вызывают концом приведенных слов о „мужественных сердцем“. И текст Забелинского

списка всецело подтверждает эти предположения о вставке, ставя рядом фразы о насилиях жен и девиц и о настроении сыновей и братьев.

Приведенные случаи, как кажется, достаточно обосновывают мысль, что бо́льшая краткость Забелинского текста явление не случайное, а закономерное, что список Моск. Дух. Академии дает нам ряд вставок в более ранний текст, представленный Забелинскою рукописью.

Некоторые другие случаи, повидимому, должны быть поставлены в связь с целью произведения. У такого, во всяком случае, одаренного, умелого и чувствующего стиль автора, каким был Авраамий Палицын, должны были сказываться на составе произведения, если не вполне определять его, намерения автора. Они выявляются нам из заглавия работы, в нашей новой редакции более короткого, но и более выдержанного. Оно тождественно со второй частью заглавия списка академического. „Сказание, киих ради грех попусти Господь Бог наш праведное свое наказание...“ и далее соответственно тексту Моск. Дух. Академии. Итак, автор хочет указать, за какие грехи страждет „от конец до конец“ вся Россия. Сообразно такому намерению построен и план произведения. Рассказав в самом начале гибель царевича Димитрия в самых кратких чертах, он сейчас начинает свой счет грехов: „се первый грех да разумеется“ и сейчас же прибавляет: „та же по сем и другий—ни во что же положиша сю кровь неповинную вся Росия“ (л. 79 об.). Отметив ужасы голода и проявившиеся тогда жадность и жестокосердие, вновь подчеркивает автор-обличитель: „се убо да разумеется грех всей Росии“ (л. 83 об.). Разорения Тушинские—следствие за „всех нас грех“ (л. 100 об.). В других случаях иными словами подчеркивается та же мысль: „бяше же и се зло везде излиянно“ (л. 98 об.), „не гордости ли се исполнено и небрежения о Бозе?“ (л. 86 об.), за которые должно последовать возмездие; или „двигнут бысть той образ нелепо, двигнута же и Росия бысть нелепо“ (л. 80)[1]. Отмечаются и грехи отдельных лиц—царя Бориса, Самозванца, Шуйского. При такой выдержанности обличения, естественно, задача целостного исторического изображения пережитых лет и не ставилась автором. Он берет не весь комплекс ему известных событий и явлений, а производит отбор материала, и не подробно излагает факты, а выдвигает нужную ему сторону. Отсюда понятны „пробелы“ в его изложении. Могли казаться не нужными сведения о домо-

---

[1]) Все означенные места имеются в тексте Моск. Дух. Акад.—ст. 475, 481, 508, 505, 485 и 477.

гательствах со стороны Ростриги императорского титула и о планах его в отношении Крыма (ст. 496—497), подробности в указании послов „от священного чина“ к Севере в начале царствования Шуйского (ст. 500), некоторые данные о Петрушке (ст. 501), подробности о действиях татар (ст. 509—510), перечень мест, где шла рать в эпоху Тушинской смуты (ст. 510), и, может быть, кое-что другое [1]). С другой стороны эти и иные подробности могли не прийти на мысль, могли позже оказаться желательными и нужными при переработке первоначального наброска.

Этим продолжением литературной работы и можно объяснить появление в тексте Моск. Дух. Академии ряда вставок и дополнений, фактического и нравоучительного, а иногда чисто стилистического характера, отмеченных выше и еще других. Их можно насчитать, оставляя в стороне механические и случайные пропуски писца или дефекты оригинала, свыше 20.

Мы познакомились с основными чертами новой редакции „Сказания“ и установили, думается, ее хронологический приоритет в отношении редакции, представленной списком Моск. Дух. Академии. Нам нужно еще попытаться определить время появления нашей редакции.

Смущавшее некоторых исследователей своим хронологическим указанием место о хлебных запасах по тексту Забелинского списка („за 14 лет“) имеет отношение к прошлому, а не к будущему, и не может быть использовано в отыскании термина, не раньше которого [2]). Едва-ли можно опереться в наших разысканиях и на выставление „неповинными“ страдальцами Никитичей Юрьевых. Ведь и без предположения у автора „политичного“ желания подделаться к власти—в правление Михаила Федоровича—можно удовлетворительно об'яснить эти сильные фразы. Из всех опал Бориса, повидимому, только заточение Никитичей могло казаться современникам „неповинных погибелью“, а последовавшие именно вслед за делом Романовых дожди, сгубившие урожай, голод и другие бедствия приводили к такой мысли или укрепляли в ней силою небесных доказа-

---

[1]) Может быть неуместным в учительном произведении было сочтено автором приведение метких, но грубых слов о Шуйском: „хотя бы нам чорт, только бы нам не тот“ (ст. 508); они не воспроизведены и в оконч. ред. (ср. ст. 1007).

[2]) Параллельное цит. месту „Сказания“ указание на запасы „прошлых лет старые пахоты и закупу и привозу ржаного и ярового молоченого и в кладях немолоченого всякого хлеба“ ко времени неурожая имеется в грамоте 3 ноября 1601—„Сборник кн. Хилкова“, № 62, стр. 165 и сл. Ср. преувеличенные данные о запасах у Бера-Буссова—„Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“, изд. 3, 1859, стр. 35.

тельств. Отказываясь от использования этих двух мест, обратимся к другим намекам и указаниям нашей редакции.

Хронологически и по месту последним изображено в нашем „Сказании“ царствование Шуйского, а Тушинская смута дала особенно много материала для целей Палицына в этом его произведении. Все насилия и „беззакония“ тушинцев описаны в прошедшем времени, как уже минувшее, но бедствия смуты еще терзают страну, и никаких успокоительных перспектив не чувствуется в этом творении старца Авраамия [1]). Да только в эпоху продолжающихся прещений Божиих и можно было писать, „киих ради грех попусти Господь... праведное свое наказание“, в расчете на покаяние нагрешившего населения. С другой стороны не использовано благодарное для трактовки его, как „гневобыстрого наказания... за премногия и тмочисленныя грехи наша“, событие 19 марта 1611 г.—„разорение царствующего града Москвы“. А именно так и приведенными здесь словами оценено это печальное происшествие в окончательной редакции „Истории“ Палицына (ст. 1197 и заглавие 65-ой главы на ст. 1193 XIII т. Р. И. Б.). Впрочем заключения от молчания автора всегда неизбежно носят более или менее гипотетический характер, ибо чрезвычайно трудно учесть намерения и соображения автора. Так, почему-то не счел нужным Палицын в этой работе отметить ни бегства Вора из Тушина, ни вообще падения Тушинского стана, хотя всю Тушинскую смуту описывал, как прошлое, и хотя писал, как можно видеть из отношения к царю Василию, по низложении Шуйского. Уже в самом начале опорочено воцарение Шуйского: „малыми некими от царских палат излюблен бысть..., и никим же от вельмож не пререкован, ни от прочего народа умолен, но устроися сам“ (л. 91 об.). В другом месте царь сравнивается с гонимым зверем, „хаплющим обсюду, не ведая что“, и обличается, как и Борис, в казнях „несогрешших“ заодно с виновными (л. 100—100 об.). Эти отзывы получают особые для нашего „Сказания“ значение при сопоставлении с холодным, правда, но официально-почтительным отношением к тому же Шуйскому, даже и при неодобрении его поведения, в „Сказании“ об осаде и избавлении Троице-Сергиевой обители (напр. ст. 1022, 1025, 1026, особенно 1032, 1109), очевидно, писанном

[1]) Кроме места, уже отмеченного С. Ф. Платоновым („Древне-русскія сказ. и повѣсти о смутномъ времени XVII, какъ историч. источникъ“, 1888, стр. 177) по списку акад. „и до днесь вся Росия не может от выя своея разрешити того ярма“ (печ. ст. 491, Забел. л. 99 об.) можно указать продолжающееся греховное состояние: „и мнози убо мы и доднесь в скверне лихоимства живуще“ (л. 104 об.—105 и ст. 517) и ожидание дальнейших бед: „уже потреби нас Господь..., и еще имать до конца искоренити за неразсуждение наше“ (л. 89, ст. 489).

в царствование Шуйского по освобождении столицы от Тушинской осады [1]). Наше же „Сказание" отодвигается ко времени по низложении царя Василия. Этот вывод в совершенно категорической форме подтверждается словами об известном автору „предании" царя Василия на предпоследнем листе списка Моск. Дух. Академии (ст. 522). Но этих слов нет в нашем списке. Были-ли они в оригинале его при его составлении? Разрешение этого вопроса может дать нам еще кое-какие соображения по части хронологии нашей редакции.

Мы уже видели, что оригинал Забелинского списка, вообще дефектный, не сохранил и конца произведения. Меж тем последние фразы списка академического дают хорошее стилистически и гармонирующее с замыслом автора завершение его работе. Они, указав ряд всем памятных исторических примеров возмездий царю Ивану за разгром Новгорода, царям Борису и Василию за их грехи, останавливаются и на наказании всему народу, и, рядом риторических вопросов, касающихся претерпенных бедствий, доведя до высшего напряжения настроение читателя, заканчивают кратким и энергичным призывом к покаянию. В праве-ли мы предположить их в оригинале Забелинского списка?

Обратим прежде всего внимание на то, что риторические вопросы Палицына почти дословно совпадают с частью текста июльской 1611 г. грамоты Сергиевой обители (А. Э., II, № 190) и еще ближе стоят к ее мартовской того же 1611 г. грамоте, судя по изложению этой грамоты у Палицына же в его „Истории" (ст. 1198—99). Кто у кого заимствовал? Так как у Палицына подобный литературный прием очень обычен и так как он был одним из составителей мартовской грамоты, сколько можно заключить по его указанию своей персоны рядом с архим. Дионисием, то без особых колебаний вопрос решается в пользу авторства красноречивого келаря. А в таком случае заключительные строки списка академического были выработаны до средины марта 1611 г. (грамота писана сейчас же по получении вести о Московском разорении 19 марта). Очевидно, при правильности сделанного наблюдения наша редакция, были-ли в ней или нет цитированные вопросы, создана до 19 марта 1611 г. И этот вывод вполне совпадает с ранее сделанными предположениями. Таким образом, из двух с половиной последних лет Смуты для датировки новой редакции „Сказания" более определенно с большою степенью вероятия выделяются 8 месяцев,

[1]) Считаю нужным указать здесь, что и Пл. Гр. Васенко, сколько мне известно по его письму ко мне, это, как он выражается, „ядро" „Истории" относит написанием к 1610 г.; аргументация мне неизвестна.

от 17 июля 1610 г. до 19 марта 1611 г. Из этого периода около 3 месяцев Авраамий Палицын провел в пути под Смоленск и обратно и в составе посольства в лагере под Смоленском, т. е. в обстановке мало или совсем неблагоприятной для литературных работ [1]). Из остающихся месяцев вторая половина августа и первая сентября после договора с Жолкевским о Владиславе, а также февраль и март в связи с заявившим себя национальным движением не давали почвы для беспросветного, еще с ожиданием „искоренения до конца“, пессимизма, отлившегося в нашем „Сказании“, а были временем известных надежд (первый период) и заметного под'ема (второй). Наоборот, по низложении Шуйского наступили дни неизвестности и тревог; Палицын, несмотря на нерасположение к царю Василию в последнее время, считал, судя по его „Истории“, низведение царя с престола незаконным и опасным. По возвращении из-под Смоленска Палицын находился как-будто вовсе в настроении безнадежности; надо думать, что свои личные „отчаяние до конца“, признание „бездельности“ посольства и неумение найти выход приписал он потом непосредственно послам вообще [2]), и состояние страны не внушало, очевидно, ничего доброго не посвященному в тайны активных деятелей скорого выступления троицкому келарю. Именно этой поре временного политического бездействия и тягостных размышлений больше всего и хочется усвоить работу надъ сохраненной нам в „Цветнике Стефановском“ редакцией „Сказания“.

К этому же периоду ведут как-будто и некоторые намеки текста „Сказания“ в несохранившемся в Забелинском списке конце его. Известное автору „предание“ царя Василия („и не предан же еще“—ст. 522), как кажется, должно быть истолковано или как выдача его Жолкевскому, или как увоз его Жолкевским в Польшу. Но и то и другое совершилось после от'езда под Смоленск великого посольства [3]). Другой намек нельзя-ли увидеть в осквернении „божиих образов“? Не указание-ли это на выстрелы Блинского в икону Богоматери над Сретенскими

[1]) Посольство выехало из Москвы 12 сент., приехало в королевский лагерь 7 окт., а 12 дек. Авраамий Палицын получил от короля „отпускную грамоту“ в Москву—Забелинъ, Мининъ и Пожарскій, 3 изд. 1896, стр. 215 и 228.

[2]) Его настроение проявляется в мемуарных по характеру главах „Истории“, см. ст 1184—1187 и 1188—1191.

[3]) См. Дневник Маскевича во II т. „Сказ. соврем. о Димитріи Самозванцѣ“, 3 изд. 1859 г., стр. 46; Записки Жолкевского, 2 изд. 1871 г., стр. 80 и 98; Р. И. Б., т. I, стр. 211—212; „Изборник“ А. Попова, стр. 199—200 и 346—347. Даты передачи бывшего царя в руки Жолкевского нет, но совершилось это, кажется, по занятии поляками Кремля, а это было и по Маскевичу, и по Будиле по от'езде посольства.

воротами? А это событие, хотя мы и не имеем точной даты его, произошло во всяком случае уже при Гонсевском, по от'езде Жолкевского, состоявшемся не ранее октября 1610 г., и до 25 января 1611 г., когда москвичи уже жаловались на оскорбление святыни польскому военачальнику [1]). Таким образом, если можно согласиться с нашими предположительными раскрытиями цитированных мест (особенно гипотетично второго), мы опять приходим к концу декабря 1610 г.—январю 1611 г. Наша редакция с известною вероятностью может быть признана современной „Новой Повести“, от которой резко отличается своими настроениями и призывами.

При предложенной датировке новой редакции „Сказания“ Палицына может встать вопрос: почему же не использовал автор трагической гибели Вора (11 дек. 1610 г.) в качестве поучительного примера возмездия Божия? Ведь счел же он нужным посвятить этому событию, небольшую, правда, главу в окончательной редакци своего произведения! Но мы не знаем, когда весть об убийстве царика дошла до кельи Авраамия Палицына. А самое главное, мы не можем проникнуть в авторские соображения; выше было уже отмечено, что почему-то не счел нужным он говорить о падении Тушина, хотя и этот факт можно былобы хорошо обработать с точки зрения освещения в ней печальных следствий тяжких прегрешений его обитателей.

Но если высказанные выше предположения более или менее соответствуют действительности, то становится в известной мере понятной и судьба нашей редакции „Сказания“. Наступившие вскоре события, вовлекшие в свое течение в качестве участников и коллектив Сергиевой обители и лично старца Авраамия, помешали последнему обработать до конца свое произведение и сделали ненужным и несвоевременным его распространение.

Остается еще выяснить вопрос о конце текста нашей редакции. Но для этого надобно определить время появления второй, сохранившейся в списке Моск. Дух. Академии, редакции творения Палицына.

Изложенное как-будто с самого начала приводит к предположительному выводу, что эта вторая редакция появилась позже марта 1611 г., иначе говоря к выводу, что риторические вопросы, использованные мартовской, а затем июльской грамотами Троице-Сергиева монастыря, были уже в авторском экземпляре нашей редакции. Но у нас есть и некоторые данные для определения

---

[1]) Маскевич говорит об этом случае без даты и в том месте, где излагает сразу события „нескольких недель“—стр. 47—48 цит. изд.; в „Летописи“ Бера-Буссова датирована лишь жалоба—стр. 131—132 того же Устрялов. сборника, т. I.

времени переработки Забелинского текста в текст академический. При этой переработке автор между прочим в фразе о хлебных запасах во время знаменитого голода 1601—1603 гг. обратил ее хронологическое указание на будущее: „во время же пленения от всех окольных язык, наипаче же от своих, то обретеся безчисленно расхищаемо всякого хлеба... и поля скирд стояху, гумна же пренаполнены одоней и копон и зародов до четырехнадесять лет от смятения во всей Русской земле..." (ст. 481). Начало же „смятения" автор связывает с обстоятельствами избрания Бориса. Тогда „двигнут бысть нелепо" образ Богоматери, писанный евангелистом Лукою, на умоление смертного и лукавого, даже преступного Бориса, „двигнута же и Росия бысть нелепо" (ст. 477) [1]. 14 лет от 7106 года приводят нас к 7120 году, к которому без труда могут быть приложены все отмеченные в тексте признаки („пленение от всех окольных язык, наипаче же от своих", „орание бо и сеятва и жатва мятяшеся, мечю бо на выи у всех всегда (за предшествовавшие годы) належащу"). А если так, если редакция списка акад. возникла лишь в 7120 г., то отмеченные слова могли быть взяты в мартовскую и июльскую грамоту Сергиева монастыря только из предыдущей, „Забелинской" редакции „Сказания". А этим разрешается и вопрос о завершающих произведение абзацах и право использования выше взятых мест для необходимых по части нашей ранней редакции изысканий.

Наша тема о новой редакции „Сказания" Палицына в главной сущности исчерпана. Но хотелось бы сказать еще несколько слов об открывающихся теперь перспективах по изучению истории текста труда Палицына, приемов его работы.

Новое затишье, по крайней мере под Москвою, зимою 7120 г. позволило Палицыну, а вновь наступившие мрачные дни, может быть, побудили его вернуться к литературной работе. Потребность высказаться по поводу прошлого в назидание настоящему и будущему была, очевидно, очень настоятельна. И имея уже под руками два сказания: об осаде и освобождении Троице-Сергиева монастыря и наше обличительно-поучительное, автор задумал теперь создать более обширное целое. Он стал писать „Историю в память сущим предъидущим родом". Неловкое двойное заглавие свидетельствует читателю, что главной частью нового произведения должно было стать повествование о „благодеяниях, еже показа нам Мати слова Божия..." и како со-

[1]) С особым удовольствием я должен засвидетельствовать, что к такому же истолкованию „смятения" пришел и Пл. Гр. Васенко в своей новой, ближе мне неизвестной, работе об Авраамии Палицыне.

верши обещание к преп. Сергию, яко неотступно буду от обители твоея" [1]), а наше сказание (это слово выпало в заглавии) „киих ради грех" заняло место обширного вступления. Заглавие акад. списка свидетельствует также и о том, что или работа автора вновь не доведена была до конца, или рукопись Моск. Дух. Академии сохранила нам только часть его труда.

Для „Истории" Палицын внимательно пересмотрел ранее составленный текст обличительного „Сказания". Для исторической работы он вставил год (и неверно) начала голода, внес ряд отмеченных выше фактических дополнений и изменений, привел в лучший порядок (и значительно пополнил) историю Ростриги, но сделал ряд и чисто стилистических исправлений, хотя в других случаях и ухудшил построение неудачно введенными вставками.

Может быть, бурные события вновь нарушили покой кельи всегда бывшего активным (но не всегда „прямым") деятелем своего времени Палицына. А когда через несколько лет он вновь вернулся к своему труду, его, уже весьма опытного в писании, не удовлетворила сделанная в 7120 г. переработка нашего „Сказания". Он взял и старый и новый тексты и иногда, отбрасывая изменения 7120 г., возвращался к более старому изложению. Он восстановил старое, более краткое заглавие—ныне уже занумерованной — третьей главе (ср. л. 84, ст. 482 и 980), выпустил вставленную в редакцию 7120 г. бытовую картинку, как три-четыре чарочки приводили в рабство (л. 84 об., ст. 483 и 981). Иногда вставка редакции 7120 г. сокращалась, хотя целиком текст 7119 г. и не восстановлялся; так в изображении корыстных поступков Бориса выпущено о грабеже боярских имений и оставлено о кабаках и откупах (ср. ст. 487 и 986; в Забелинском сп. дело ограничивается одними кабаками—л. 88), или выпущена неумело сделанная ссылка на соборные постановления, отмеченная выше, но сохранена часть вставки против текста 7119 г. (л. 101 об., ст. 510 и 1010) и др.

Сокращаясь главным образом за счет благочестивых размышлений и обличений, „Сказание" наше в составе „Истории" 7128 г. сохранило все фактические вставки (кроме отмеченного грабежа Борисом бояр) и поправки редакции 7120 г., и вновь приобрело некоторые фактические подробности и ряд датировок, почти в начале каждой главы и кое-где в средине. В соответствии с историческим уклоном и в заглавии нашего „Сказания" обличительное „киих ради грех" заменено более эпическим

[1]) Эта часть заглавия целиком передает первые строки вступления в „Сказании, что содеяшася в дому пресв. и живон. Троица"—ср. ст. 473 и 1021.

„како грех ради наших“ (л. 78, ст. 473 и 969). Этими переменами все более приобретало оно (хотя и не приобрело до конца) вид исторического произведения.

Рядом с этим струя книжности, давшая торжественные формы с „а“ вместо „я“ после гласных („приалп“, „злаа“, „всеа“, „сіа“, „нарицаа“ и пр.) и „шя“ вместо „ша“ в глаголах, вводившая симметричное „шуе“ вместо „левое“ при „десно“ [1]), придавала произведению характер надуманности исторического рассуждения и лишала непосредственности повести. Очевидно, стиль книжности не позволил сохранить грубую поговорку о Шуйском: „хотя бы нам чорт, толко бы нам не тот“ и ввел приличное, но мертвое: „злаа, их же несть возможно ни писати, ни глаголати“ (ст. 508 и 1007), привел к выпуску очень реалистического описания некоторых мучений тушинцами женщин (л. 103 об., ст. 515 и 1016) и даже безобидной, но народной („глас просторечие!“) пословицы: „кто убо в деле, той и в ответе“ (ст. 475 и 970, л. 79 об.) [2]).

Книжность мертвила стиль, „политика“ заставляла кривить душою. Неудобно было в 7128 г. говорить о „нелепом движении“ иконы на умоление Бориса, как это показано давно, но неудобно было и осудительно писать о строении церквей в эпоху значительного храмостроительства при первом Романове (л. 88—89 об., ст. 488—490 и 986—987). Неловко было сказать про митрополита, а в это время уже патриарха, что его „нагим“ привели в Тушино и в „кривых“ сапогах, и вот первое выпущено, а на нозе святителя одеты книжные „сандалиа“ (л. 102 об., ст. 513 и 1013—1014).

Так, под разными воздействиями и в результате работы более длительной и более сложной, чем представлялось доселе, слагалась „История“ Палицына. Впрочем, сложность и длительность работы должна быть углублена за пределы нашей новой редакции. Уже С. Ф. Платонов показал использование в „Сказании“ и „Истории“ некоторой части „Иного Сказания“ в описании избрания Бориса [3]). Можно указать на большую близость заглавия редакций 7120 и 7128 г. к заключению „Иного Сказания“: „История в память сущим предъидущим родом“ и „написах прочитающим на ползу и в предбудущая времена по нас будущим человеком на память“ (Р. И. Б, XIII, 64—65). Слова

---

[1]) В описании поведения Филарета в Тушине — ст. 513 и 1014; Забел. сп. л. 102 об.

[2]) Я не хочу сказать, что работа в этом направлении проделана до конца даже в первых 6 главах с их длительной литературной историей; тем более в других.

[3]) Назв. соч., стр. 179—180.

о кончине Федора Ивановича в Забелинском списке напоминают из „Иного Сказания“ фразу о смерти Грозного: „Потом же и царю святому Федору преминувше земное царьство, на небесное отиде“ и „оставив земное царство и отъиде в вечное блаженство небесного царствия“ (л. 79 об. и ст. 3). Встает вопрос, не с „Иного-ли Сказания“ началась литературная история труда Палицына, не в смысле только авторства, а и постепенной переработки „повести 1606 г.“? И тем более естествен этот вопрос, что, кажется, до редакции 7119 г. „Сказание“ имело уже некоторую историю по крайней мере в первых главах. Выше уже указывалось на странный вид истории Самозванца в нашей редакции: точно плохо об'единены в спешной незаконченной работе две редакции. Слова „И яко сих ради Никитичев...“ какбудто оторваны вставленным позже местом о гонении на других бояр от фраз о Никитичах же. Наконец, не раз цитированное место о корыстолюбии Бориса в нашей редакции изложено несовсем гладко: „Помаза ж злосмрадным прибытком вся дани своя“, а далее речь только о кабаках. В тексте 7120 г. другая неловкость: к чему здесь, где речь о данях царских, грабление бояр, тем более, что об этом уже сказано ранее? (ср. ст. 487 и 480). Но лучше построенный текст 7128 г. — о кабаках и откупах—не восстановляет-ли первоначальный до нашей редакции текст этого места?

Конечно, это все только намеки и вопросы: связь „Иного Сказания“ с Палицыным, кажется, прочнее. И, может быть, дальнейшие изыскания и изучения представят с ясностью литературную историю произведения Палицына. Моя же главная задача состояла в том, чтобы познакомить с новым списком и с новой редакцией „Сказания“.

П. Любомиров.

Заметки к статьям о Смуте, включенным в хронограф редакции 1617 года.

I.

Элементы поэтической стихии в статьях о Смуте.

Статьи о Смуте, помещенные в Хронографе редакции 1617 года, давно уже пользуются значительным вниманием в русской научной литературе. Они были пересказаны и до известной степени оценены в замечательном труде покойного А. Н. Попова „Обзоръ Хронографовъ русской редакціи“. Автор

названного сочинения отметил начитанность составителя статей Хронографа, а равно и его умение „излагать красно, витиеватым слогом“. Попов указал также на „попытки“ автора изучаемого произведения „постоянно представлять общую характеристику исторических лиц“. Он указал также и на то, что „нельзя не признать в авторе этих характеристик замечательной сдержанности в суждениях и приговорах“ [1]).

Остановился на разбираемом произведении и академик С. Ф. Платонов в своем классическом исследовании „Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутѣ... как историческій источникъ“. Он познакомил читателей с содержанием „Хронографа“, определил его отношение к так называемому „Иному Сказанию“ сделал над интересующим нас памятником ряд любопытных и метких наблюдений и, между прочим, отметил „изложение автора, богатое метафорами и эпитетами, выразительное и вместе с тем сжатое при всей своей вычурности“. Обратил С. Ф. Платонов внимание и на характеристики исторических лиц, сделанные автором Хронографа, а одну из них даже широко использовал для своего художественно-яркого отзыва о патриархе Гермогене, данного им в „Очерках по истории Смуты“ [2]).

И в капитальном труде по русской историографии академика В. С. Иконникова уделено внимание занимающим нас статьям Хронографа. Иконников излагает взгляды Попова и вносит в них поправки на основании изысканий и наблюдений академика Платонова [3]).

Наконец, в позднейшее время нами отмечено, что в названном произведении мы встречаемся с попытками стихотворчества [4]). Тогда же мы высказали утверждение, что автор статей о Смуте, внесенных в Хронограф редакции 1617 года, равно как и Авраамий Палицын, обладал большим поэтическим дарованием. Он мыслил образами и умел художественно излагать свои мысли. Задачей настоящей нашей заметки и является изучение Хронографа с указанной только что стороны. Конечно, при этом мы совершенно обходим тот элемент интересующего нас памятника, который должен быть назван

[1]) А. Н. Поповъ, „Обзоръ Хронографовъ русской редакціи“, выпуск II, М. 1869, стр. 117—121. В дальнейшем изложении мы для краткости часто будем обозначать эти Статьи одним словом Хронограф.

[2]) С. Ф. Платоновъ, „Древнерусскія повѣсти и сказанія о Смутѣ“, издание 1-е стр. 63—80; его же „Очерки по исторіи Смуты“, изд. 1-е, стр. 476 и сл.

[3]) В. С. Иконниковъ, „Опытъ русской исторіографіи“, т. 2-й, кн. 2-ая, стр. 1373—1375.

[4]) П. Г. Васенко, „Несколько примечаний к истории древневеликорусского стихосложения“, Летопись занятий Археографической Комиссии, выпуск XXXI.

риторическим и который тоже занимает в Хронографе весьма значительное место [1]). Автор очень искусно распоряжается своей речью и, действительно, умеет „красно" излагать свои мысли. Однако, мы минуем все то, что по нашему впечатлению не относится к поэзии, хотя иногда и чрезвычайно трудно провести грань между риторическим и поэтическим элементами литературного произведения.

Начиная изучение Хронографа под указанным нами углом зрения, прежде всего невольно обращаем внимание на тот прием, который имеет чрезвычайное распространение в поэзии и в частности охотно и удачно применяется автором статей о Смуте. Это—сравнения и уподобления, во множестве попадающиеся в Хронографе [2]).

Так в первой же статье, в самом начале ее, мы встречаем сравнение царицы Анастасьи Романовны с „свѣтлымъ бисеромъ" или „афраксомъ, камнемъ драгимъ". Немногим далее автор Хронографа отмечает, что Иван IV „варварская страны, аки молнія, борзо обтече". Рассказывая же о перемене в характере этого государя, разбираемый писатель говорит: „потомъ, аки чюжая буря веліа припаде къ тишинѣ благосердіа его". Поэтому царь „царевича Ивана, аки несозрѣлый грозд дебелым воздухомъ отрясе, отъ вѣтви житіа отторгну". И личность царя Феодора Ивановича в свою очередь вызвала оригинальное сравнение: он был, по словам Хронографа, „ограда... многыхъ благъ, яже водами Божіими напояема, или рай одушевленъ, иже храня благодатная садовія".

Несколько красочных сравнений находим мы также в статье „Царство Феодора Борисовича Годунова", который „зрака благолѣпною красотою, аки кринъ въ терніи паче всѣхъ блисташеся". Однако, юный царь пал жертвой мятежа, поднятого Ростригой, который „въ Руси тишину житіа, аки лютая буря возмути". Мятежники „отрока Феодора Борисовича, аки недовозрастшаго красноцвѣтущаго финика немилосердно руками отторгнуша". Это случилось потому, что „Рострига... аки вепрь изъ дубравы многодревныя на Московское государство... борзыми ногами наскочи". В рассказе о царствовании Василия

---

[1]) Наше изучение, само собой разумеется, имеет в виду лишь статьи о Смуте, не касаясь летописных заметок, не имеющих художественного значения.

[2]) Мы не станем приводить здесь всех сравнений. Для этого пришлось бы переписать чуть ли не весь Хронограф. Мы отметим все же многие из них, выбирая на наш взгляд наиболее удачные или характерные. Конечно, это может повести нас к опасности впасть в некоторые ошибки. Все же из двух зол избираем меньшее.—Для своих наблюдений мы пользуемся текстом, помещенным во втором издании XIII т. Р. И. Б., стр. 1273—1322.

Шуйского автор Хронографа говорит, что „мятежницы сердце Василія царя, аки лодію многомутныя волны восколебашя“. Немногим далее идет превосходное уподобление: „царь бо, неимый сокровища многа и друговъ храбрыхъ, подобенъ есть орлу бесперу и не имущу клюва и ногтей“. Сравнивая Шуйского с бесперым орлом, автор Хронографа далее сравнивает и его, и Гермогена, захваченных врагами, с птенцами: и того и другого, „аки птенца“ забрали в неволю враги.

Интереснейшее сравнение встречается в статье „О владѣніи Москвы Литовскими людми и паки о взятіи ея“. Там рассказывается, что Минин „благимъ доброправіемъ своимъ, аки солнечнымъ любовнаго луча свѣтомъ военачяльники совокупи, во едино собра“.

И в последней статье Хронографа мы находим два образных и художественных сравнения. Речь идет о России и Москве при и по воцарении Михаила. Описывая его, автор отмечает: „Аще бо и отъ прежде царствовавшихъ держава отечественная его пресечеся, аки доброрастное и красноцвѣтущее древо, еже тѣснотами лютыя зимы увядши смирися, по нынѣ паки при лѣтнѣй теплотѣ свѣтлостію усмѣхнувшися и процвѣте, преславное же и великое мѣсто и многонароднаго христіянства селеніе, еже есть мати Русскимъ градовомъ Москву, юже отъ невѣрныхъ Латынъ плененіемъ запустошенную и отъ Русскихъ мятежниковъ тяжкимъ озлобленіемъ состарѣвшуюся и осиротѣвшую, младозрачну тогда, аки предобрую отроковицу и предукрашеную невѣсту сотвори“.

Обилие сравнений, а равно и эпитетов, что легко будет заметить при изучении любопытных характеристик, данных в статьях о Смуте, делает изложение Хронографа чрезвычайно ярким и красочным, несмотря на то, что автор его не стремится к подробному рассказу о событиях. Некоторое и примечательное исключение составляет одна лишь статья „О соньмище мятежниковъ на царя Василія Ивановича Шуйскаго“. В ней речь идет о том, как „мятежницы тишины“ пытались произвести возмущение в народе, говоря: „Царь нашъ князь Василей Шуйской, согласився съ потаковники своими, и сѣлъ на Московское государство сильно, а нынѣ его ради кровь проливается многая, потому что онъ человѣкъ глупъ и нечестивъ, піяница и блудникъ и всячествованіемъ неистовенъ, царствованія недостоинъ“. Однако, большинство народа не пошло за бунтарями. Многие стали возражать им: „Государь нашъ, царь и великій князь Василей Ивановичъ, сѣлъ на Московское государство не сильно, выбрали его быти царемъ большія бояре и вы, дворяне, и всѣ служивые люди и піяньства и всякого неистовства мы въ немъ

не вѣдаемъ. А коли бы таковому совѣту быти, ино бы тутъ были большія бояре, да и всякихъ чиновъ люди". Все же мятежники „суровства своего не оставиша" и толпой устремились к дворцу. Здесь встретил их сам царь, который „въ лице имъ ста, рече: „Что пріидосте ко мнѣ съ шумомъ. Аще мя убити хощете, то готовъ есмь умерети. Аще ли отъ престола царства меня изгоняете, то не имате сего учинити, дондеже снидутся большія бояре, да и всѣхъ чиновъ люди, да и азъ съ ними. И какъ вся земля совѣтъ положитъ, тако и азъ готовъ по тому совѣту сотворити". После этого посрамленные крамольники бежали в Тушино. Приведенный только что рассказ очень жив и ярок. Он производит впечатление, что автор был очевидцем рассказанных событий. В то же время рассказ этот показывает большое искусство изучаемого писателя в области драматизированного изложения и заставляет сожалеть, что в других случаях он почти не прибегает к такому способу повествования.

Впрочем, автор Хронографа, скупой на подробности изложения событий [1]), вознаграждает читателя теми характеристиками исторических лиц, которыми статьи о Смуте несомненно выделяются из ряда им подобных произведений и на которые было уже обращено внимание исследователей.

Автор Хронографа чрезвычайно умело делал эти характеристики, не одинаковые по об'ему, но почти всегда удачные в художественном отношении. Его характеристики и отзывы очень образны и живы. Читая Хронограф, как будто видишь перед собой ряд живых лиц и представляешь себе их духовный облик.

Чтобы не быть голословным, следует обратиться к отзывам и характеристикам, данным в интересующих нас статьях о Смуте. Прежде всего отметим краткие отзывы Хронографа. Так, говоря о Заруцком, автор мимоходом отмечает: „сей бысть не нехрабръ и сердцемъ лютъ, но нравомъ лукавъ". Поэтому „онъ и чести позавидѣ Прокопіевѣ и злую крамолу нань состави". И Дмитрий Шуйский, заменивший князя Михаила Скопина-Шуйского, заслужил у изучаемого нами писателя нелестный отзыв. Автор Хронографа видел в нем „воеводу, сердцем не храбраго, но женьствующими обложена вещьми, иже красоту и пищу любящаго, а не луки натязати и копія приправляти хотящаго".

[1]) Это, пожалуй, может найти себе объяснение. Автор Хронографа, повидимому, в своем произведении останавливался более подробно на том, чему он сам был свидетелем. По крайней мере дальше мы увидим, что он по всей вероятности писал по памяти.

Зато краткое замечание об Иове и небольшая характеристика Кузьмы Минина проникнуты другим, теплым чувством и рисуют этих лиц светлыми чертами. Автор Хронографа с укоризной сообщает, что Расстрига „блаженнаго же и смиреномудреннаго, медоточныя сладости источника, Іова патріарха, ругательно отъ престола великіа церкви отринути повелѣ“ [1]).

О Минине в статье о Смуте говорится следующее: „Господь воздвизаетъ... мужа отъ рода неславна, но смысломъ мудра“, который „молвъ бесчисленныхъ печалей на ся пріятъ“ „аще и неискусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ“. Онъ „самъ же никогда отлучаяся, аки древній Гедеонъ всѣмъ сердця на супротивныхъ укрѣпляя“. Минин, по словам Хронографа, „благымъ добронравіемъ своимъ, аки солнечнымъ любовнаго луча свѣтомъ военачальники совокупи“.

Уже эти четыре отзыва показывают, с каким мастерством обрисовывал автор Хронографа людей, умея выбирать наиболее существенные черты, их характеризующие. Знакомство с другими более подробными характеристиками еще более подтверждает наше наблюдение. А изучаемый писатель подарил нас целым рядом таких отзывов. Прежде всего он постарался изобразить читателю „предоброе сокровище“ „всечестную отроковицу и блаженную въ женахъ“ царицу Анастасию, которая была „аки свѣтлый бисеръ или афраксъ, камень драгій“. Она „благоугодное житіе не точію въ дѣвственичествѣ, но и во брацѣ“ „поживе“, Анастасия не гордилась своим высоким положением, но проводила жизнь украшаясь „смиреномудріемъ“, любя пост и молитву и являясь щедрой благотворительницей. Мало того она оказывала благотворное влияние на своего мужа, „на всякія добродѣтели наставляя и приводя его“.

Вслед за этим, быть может идеализированным, но все же выдержанным и стильным, образом Хронограф искусно переходит к Ивану IV. Он отмечает прежде всего большой ум названного государя, говоря, что при этом он был и „во бранехъ на супротивныа искусенъ“. Иванъ „великъ бѣ въ мужествѣ и умѣа на рати копіемъ потрясати, воиниченъ бо бѣ и ратникъ непобѣдимъ, храбосердъ же и хитръ конникъ“. Этим свойствам соответствовали и интеллектуальные дарования царя, который „бысть же и въ словесной премудрости риторъ естествомъ сло-

---

[1]) В отношении Хронографа к Иову вообще чувствуется известная теплота и любовная почтительность. При другом упоминании об этом патриархе мы читаем, что он „не возвратися на свой престолъ, понеже доброзрачная зѣница потомнеста и сладостный свѣтъ отъ очесн его взятея отъ него“. В передаче такими словами сообщения о том, что Иов ослеп, Хронограф как бы подчеркивает свое отношение к нему..

весенъ и смышленіемъ быстроуменъ“. Ко всему перечисленному Иван IV „еще и житіе благочестиво имый и ревностію по Бозѣ присно препоасаяся“. Однако со смертию Анастасии в царе произошла печальная перемена: „превратися многомудреный его умъ на нравъ яръ“. Автор Хронографа отказывается понять, как и почему произошло такое изменение в характере Ивана, вызвавшее жестокие опалы и казни многих людей, но цитатой из Писания сообщает, что „пареніе похоти премѣняетъ умъ незлобивъ“. Этими словами он как бы намекает, что отсутствие нравственной сдержки и развратная жизнь оказали пагубное влияние на царя, который „крамолу междусобную возлюби и во единомъ градѣ едины люди на другія поусти“.

И другой царственной чете, Феодору и Ирине, уделяет свое внимание изучаемый писатель. Ирине он, правда, не дает особой характеристики, ограничиваясь крайне лестным для нее уподоблением императрице Евдокии, жене Феодосия II. Зато Феодора он рисует в самых привлекательных чертах. Этот государь „не точію въ тѣлесныхъ добротахъ сіяще, но и душу мужествену являа и благодатьми свѣтящуюся“. Он был правдив, целомудрен, чист душой и смиреномудрен. Избегал и не любил „льсти же и лукавства и всякого зла“. При этом Феодор был не только незлобив и не гневлив, но даже наоборот „ко всем бысть всегда тих, милостивъ и кротокъ“. Этот царь по восторженному отзыву Хронографа „ограда бысть многыхъ благъ, яже водами Божіими напояема, или рай одушевленъ, иже храня благодатная садовія“. Нельзя не отметить здесь того искусства, с каким автор статей о Смуте обошел вопрос об умственных способностях Феодора, распространившись за то об его прекрасных душевных свойствах. Нельзя не отметить также и того теплого чувства, каким проникнут этот отзыв. Мы, несомненно, имеем в данном случае дело с идеализацией, но очень тонкой и, весьма вероятно, искренней. И смерть Феодора отмечена в Хронографе в чрезвычайно образных и проникнутых чувством скорби словах: „угасе свѣща страны Русскіа, померче свѣтъ православіа, государь... Феодоръ Ивановичъ... пріемлетъ нашествіе облака смертнаго оставляетъ царство временное и отходитъ въ жизнь вѣчную“.

Все вышеприведенные отзывы, как бы ни смотреть на них, позволяют определить отношение автора Хронографа к характеризуемым им лицам. Не такое впечатление оставляют те сообщения, из которых слагается в изучаемом произведении характеристика Бориса Годунова. С одной стороны он, хотя и с оговорками („глаголютъ же нѣцыи“, „мнози глаголаху“) как будто склонен приписать удаление царевича Дмитрия в Углич

совету, а смерть его там—повелению царского шурина и московского боярина [1]). В тоже время автор Хронографа скорее сочувственно, чем отрицательно относится к замыслам Шуйских добиться пострижения Ирины. Так можно судить по его словам: „таковый совѣтъ увѣдавъ, шуринъ царевъ Борисъ Годуновъ и привосокупи къ себѣ многыми дарми змiеобразныя льсти злыхъ совѣтниковъ и люто, аки звѣрь, растерзаетъ сихъ совокупление“. Далее Хронограф обстоятельства, поведшие к опале Романовых, приписывает Годунову, опять таки не без оговорки („желанiемъ же и повелѣнiемъ царя Бориса Феодоровича глаголютъ быти сему составлению, понеже издавна царь Борисъ нося язвы въ душѣ лукавыя, аще и образомъ коварнымъ являшеся къ нему (т. е. Филарету Никитичу) свѣтлодушенъ и любительствователенъ, внутрь же юду имый великъ огнь ненависти. Бѣ бо ему мысль отъ сѣмени своего воцарствовати... и сего ради царьскiа породы вѣтвь сокрушити помысли“) [2]).

И несколько ранее и при этом безоговорочно в Хронографе помещено известие, что царь Феодор предназначил себе преемником Феодора Никитича Романова, который „козиiю лукавою и предкновенiемъ Московскаго боярина и конюшева Бориса Годунова таковаго дара получити не сподобился“. Благодаря этому Борис „хитростными пронырствы престолъ... восхити“.

Все же, несмотря на все приведенные факты, нельзя утверждать, что автор статей о Смуте отрицательно относится к Борису Годунову. Он даже как будто бы склонен до известной степени смягчить свое обвинение Бориса во властолюбии тем соображением, что „не бываетъ же убо никто отъ земнородныхъ беспороченъ въ житiи своемъ“. В то же время Хронограф чрезвычайно высоко ставит правительственные дарования Годунова. Он „зѣло прорасудительное къ народомъ мудроправительство показа“. Правда, Борис не имел особых воинских доблестей. Он был „оруженосiю же не зѣло изященъ, во бранѣхъ же неискусенъ“. Однако и этому была уважительная причина: „время бо тому не настояше“. Зато созидательная работа характеризуемого автором статей о Смуте царя, выразившаяся в

---

[1]) Сообщив о смерти царевича, автор разразился даже филиппикой против властолюбия.

[2]) И в рассказе Хронографа о Лжедмитрии упоминается о том, что „Ростригa возвращаетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ царь Борисъ Феодоровичъ многозавистныа ради злобы изгна и заточи... и пещеваще бо хитрокозньствованiемъ воцарствоватися“.

основании „въ Россійскомъ государствѣ градовъ и монастырей и прочихъ достохвальныхъ вещей“ встречает полное сочувствие в Хронографе. Там же с видимым одобрением отмечается, что Борис „ко мздоиманію же зѣло бысть ненавистенъ, разбойства и татьбы и всякого корчемства много покусився, еже бы въ свое царство таковое неблагоугодное дѣло искоренити“. К сожалению только эти упорные старания оказались тщетными.

Высоко ставя Бориса Годунова как правителя, Хронограф находит в нем и много прекрасных личных качеств. Борис был „естествомъ свѣтлодушенъ и нравомъ милостивъ, паче же рещи и нищелюбивъ“. Щедроты государя распространялись не только на своих: он „неоскудно даяніе простираше... и страннымъ дальнимъ и иноплеменнымъ“.

Последний факт отнюдь не вызывает осуждения со стороны Хронографа, потому что непосредственно за сообщением его следует замечание: „и тако убо цвѣтяся, аки финикъ листвіемъ добродѣтели“. Но так как „никто же похвалится чистъ быти отъ сѣти непріятельственнаго злокозньствіа врага“, то и Борис, увлекаемый славой „суетнаго сего свѣта и властолюбіемъ отъ клеветящихъ нѣкія извѣты нечистиваго совѣта на неповинныхъ въ ярости суетно прінимаше“, что и вызвало Смуту, погубившую и „доброцвѣтущую его царства красоту“.

Трудно сказать, какие причины заставили изучаемого нами писателя несколько раздвоиться в своих суждениях о Борисе. Искренно ли он обвинял этого царя во властолюбии, повлекшем с его стороны „великъ огнь ненависти“ к неповинным людям, если и не прямое преступление в Угличе, и в то же время находился под обаянием личности Годунова? Или автор Хронографа был связан в своих суждениях обстоятельствами появления своего труда: он писал при Романовых и, быть может, как увидим далее, мог расчитывать, что труд его будет им известен? [1]).

Итак, автор Хронографа оставляет читателя в некотором неведении о том, как он относится к Борису. Этого никак нельзя сказать о том впечатлении, какое производит характеристика царя Феодора Борисовича. Хронограф относится к этому несчастному юноше с величайшим и нескрываемым сочувствием. По его отзывам шестнадцатилетний Феодор „аще убо и юнъ сый лѣтними числы бысть, но смысломъ и разумомъ многихъ превзыде сѣдинами сверщенныхъ“. Он был прево-

[1]) Мы имеем во всяком случае известие, что Хронограф уже в первой трети XVII века получил большое распространение; см. Р. И. Б., т. XIII, стр. 1308 и 1310: „занеже во многыхъ се неправое писаніе распростреся“.

сходно образован и в то же время „о благочестіи же присно упражняшеся“, являясь ненавистником „злобы же и мерзости и всякого нечестія“. Душевным свойствам соответствовала и выдающаяся красота многообещавшего юноши, который к великому и, повидимому, непритворному сожаленію автора Хронографа стал неповинной жертвой разразившейся политической бури. Феодор по смерти „отца своего Бориса вмалѣ царскія державы насладися“, после чего„ блаженный, аки тихъ овенъ, на ничто же злобу имущъ, скончася“. По свидетельству Хронографа „о немъ же мнози отъ народа тайно въ сердцахъ своихъ возрыдаша за непорочное его житіе“, хотя никто не осмелился встать на его защиту.

Рисуя Феодора Годунова и его судьбу, Хронограф не щадит красок и образов. Юный царь, „блаженый, и премудрый отрокъ“, представляется автору статей о Смуте, то прекрасным цветком, погубленным от внезапно наступившего „тартарнаго мраза“, то „недовозрастшимъ красно-цвѣтущимъ финикомъ“, сломленным лютой бурей. Внимательно изучая характеристику младшего Годунова, невольно приходишь к мысли, что автор Хронографа лично и близко знал его и питал к нему теплое чувство, не прошедшее и с годами. Не даром он „мнилъ бы бѣ убо быти того плоду потребна всячественному добру“.

И Лжедмитрий I не был безразличен для автора разбираемых статей о Смуте. И его рисует он совершенно определенными чертами, но с диаметрально противоположным чувством. Прежде всего Самозванец был пронырливым и лукавым интриганом. Он был „человѣкъ зломыслостенъ, реченіемъ же многословесенъ“. Правда, Лжедмитрий был „ко книжному прочитанію борзозрителенъ, но не на благо“, „такъ какъ Рострига былъ лукавъ и скверноуменъ“, а „сердцемъ лютъ и свирѣнодушенъ“, чему соответствовал и внешний облик малого ростом и чрезвычайно невзрачного Самозванца. Короче сказать, Расстрига был „ядовитъ злобою, аки смертодыхательная скорпіа, яже зрѣніемъ уморяа многіа“. Неудивительно, что такой царь причинил величайшие беды государству и подданным. Он навел с собой поляков и литовцев, от которых было „всѣмъ Русскимъ людямъ великое гоненіе и насильство и поруганіе всяко“. В тоже время он безрассудно истощал царскую казну, раздавая разным людям, полякам и литовцам „многобогатное дарованіе златомъ и сребромъ и многоразличными вещьми драгими“. Такие же щедрые подарки делал Самозванец и „сопгрецемъ и всякимъ гнуснотворцемъ и женамъ гнусодѣлательнымъ“. Одно только „благотворимо“ дело совершено было Расстригой, но и то по

особым политическим побужденням: „хотя убо къ народамъ во льсти своей показатися, иже онъ есть царскій сынъ, имъ же и пронаречеся, и сего ради вси благородныя и великородныя отъ заточенія и исъ темниц изводитъ“ и осыпает их почестями, как, например, Романовых.

Особенно осуждает в Лжедмитрии Хронограф его гонение на православие, говоря, что он „искнити хотя въ земли Рустѣй Христово благочестіе“. При этом „сей мерзоядный вепрь... вѣру православную, юже утвердишя седмію Святыми Вселеньскими Соборы богоносивыа отцы, сію поноси“. Далее Хронограф сообщает: „Глаголаше же: „А что то за Соборы, Соборы. Ино то, Соборы!“ „Мощно,—рече, — быти и осмому Собору, или девятому Собору“. Также и о Латынахъ глаголаше, яко нѣсть порока в нихъ. Единако все: яко же вѣра Латынскаа, тако же вѣра и Греческая“.

Вышеприведенные слова Расстриги, дошедшие до нашего времени, насколько мы уследили, только благодаря Хронографу, переданы в нем таким образом, что позволяют видеть в них дословную или почти дословную передачу лично их слышавшего человека. А если это так, то и весь отзыв о Расстриге приобретает значение характеристики, сделанной на основании личных впечатлений, правильных или нет—вопрос другой и мало нас в данный момент касающийся.

В дальнейшем изложении Хронографа нам предстоит остановиться на отзывах автора его о царе Василии, князе Михаиле Скопине-Шуйском и патриархе Гермогене. Довольно любопытно, что статьи о Смуте не вполне выясняют отношение их автора к Василию Шуйскому. С одной стороны он говорит про Шуйского, как про „доброцвѣтущаго благовѣріемъ“ царя и указывает, что Василий по усмирении движения Лжепетра „безлобиво пастырство благочестія своего показа“. Кроме того он отмечает мужество Шуйского, проявленное им во время одного из московских возмущений. С другой стороны Хронограф приводит, как мы уже отметили выше, хульные отзывы о Василии его врагов — крамольников. Сверх того вообще Хронограф, кстати сказать, не давший нам нигде сколько-нибудь подробного личного отзыва о Шуйском и ограничившийся лишь вышеприведенными, мимоходом брошенными словами, очень сдержан по отношению к царю Василию. Его отношения к названному государю можно определить, как учтиво холодные, не более. Автор Хронографа как будто считал необходимым соблюдать приличие, говоря о Шуйском, выразить ему, где это было неизбежно, сочувствие, но все это делалось в чрезвычайно сдержанных выражениях, чему примером может служить статья

о „Плѣненіи царя Василія и о смерти его“ [1]). Холодность Хронографа к царю Василию особенно заметна, если сравнить замечания о нем с тем отзывом, какой мы находим в названном произведении о князе Михаиле Скопине-Шуйском. Он рисуется автору Хронографа, как „воевода храбръ и мужественъ: бѣ бо во бранѣхъ лютъ на враги и стремленіемъ зѣло искусенъ и ратникъ непобѣдимъ“. Поэтому он „добрымъ благопріятельствомъ ко всему народу Русскому себе показалъ“. Князь Михаил с молниеносной быстротой разбил врагов, навел на них панику и освободил от них Москву. Он совершил бы, кажется Хронографу, и еще более великий подвиг освобождения от врагов всей России, если бы Бог за наши грехи не отнял бы от нас „такого звѣрогонителя бодраго“. В этом отзыве ясно преклонение Хронографа перед князем Михаилом, который обрисован ярко, сильно и выпукло.

Не скрыл своего отношения к характеризуемому им лицу автор статей о Смуте и о своем отзыве о Гермогене. „Тонкая характеристика“, как справедливо определил ее академик Платонов, данная в Хронографе этому патриарху такова, что из нее видно, по мнению того же исследователя, с какой „плохо скрываемой враждой относится он к Гермогену“ [2]). Мы не вполне согласны с тем, что вражда эта „плохо скрываема“, но все же считаем ее обнаруживаемой. Впрочем, обнаруживается она лишь после сопоставления отзывов Хронографа о Гермогене и других лицах, например, об Иове. Начинается же характеристика с некоторой похвалы Гермогену, которая, впрочем, тут же несколько ограничивается. Патриарх определен в Хронографе, как „словесенъ мужъ и хитрорѣчивъ“, однако „не сладкогласивъ“. Далее, опять автор Хронографа как бы с одобрением замечает, что Гермоген „о божественныхъ же словесѣхъ присно упраздняшуся“ и был весьма сведущ в Священном Писании, Церковных уставах и Законных правилах. Однако в тоже время патриарх был „нравомъ грубъ и къ бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ къ разрѣшеніемъ“. При этом ему недоставало проницательности и умения разбираться в людях, его легко было обойти лестью и лукавством; кроме того Гермоген был „и слуховѣрствователенъ“.

Такие свойства патриарха имели самые печальные последствия. Он невольно поддался влиянию „мужей зміеобразныхъ“, которые поссорили Гермогена с царем Василием. Это вызвало

---

[1]) Р. И. Б., т. XIII, ст. 1308 и сл. Холодность Хронографа к Шуйскому отметил уже С. Ф. Платонов, „Древнерусскія повѣсти и сказанія...“, стр. 78.
[2]) „Очерки“, изд. 1-ое, стр. 477 и „Сказанія“, стр. 78.

сначала падение Шуйского, а затем „мятежницы и святительскую красоту злѣ поруганіемъ обесчестиша". Дело в том, что Гермоген по занятии Москвы врагами пожелал показать себя, как „по народѣ пастыря непреборима", но было уже слишком поздно: „како непостоянному стояти вознепщева и среди лютыя зимы клянышу процвѣтати хотя". Поэтому тщетны были гневные обличения патриархом клятвопреступных мятежников. Его взяли враги, и как птицу „въ заклѣтѣ" „гладомъ умориша". „И тако ему скончавшуся". Говоря так, Хронограф ни единым звуком не выражает своего сожаления или сочувствия к мученической кончине святителя. А между тем даже смерть Шуйского, к которому автор Хронографа в общем холоден, вызвала указание, что он „къ вѣчному царству невечернему свѣту преселися". Известия же о смерти Феодора Борисовича и Феодора Ивановича или сообщение о слепоте, постигшей Иова, переданы с нескрываемыми теплыми чувствами скорби или сожаления.

Мы не можем после наших наблюдений над характеристикой Гермогена счесть ее беспристрастной и в свое время не раз высказывали свое к ней отношение [1]). И в тоже время мы невольно восхищаемся ей, как художественным очерком, с которым можно и должно спорить, но которого нельзя не ценить и которым нельзя не любоваться.

Обзор статей о Смуте, как нам представляется, показал справедливость нашего утверждения о поэтических или, другими словами, художественно-литературных дарованиях их автора. Его отзывы и характеристики доказывают нам это. В то же время Хронограф обличает в авторе его выдающегося, можно сказать, исключительного по мастерству стилиста. Он умеет передавать оттенки своей мысли и путем подбора фраз и выражений не только сообщить и пересказать свои впечатления, но и внушить их другим. В то же время стиль его имеет чрезвычайно большой размах от передачи вульгарным образом слов Расстриги, или речей на московских площадях и неприкрашенного известия, как патриарх „ять бысть немилосердными руками, аки птица въ заклѣтѣ гладомъ умориша, и тако ему скончавшуся", до элегических причитаний „объ угасшей свѣче православія", или смерти блаженного премудрого отрока, „иже непорочное житіе проводи" и даже до грозных филиппик против властолюбия и против врага рода человеческого [2]).

[1]) П. Г. Васенко, „Новыя данныя къ характеристикѣ патріарха Гермогена", „Патріархъ Гермогенъ" и другие работы.
[2]) Р. И. Б., т. XIII, ст. 1301, „Плачеве и рыданіа".

Итак в статьях о Смуте мы имеем дело с произведением первоклассного художника слова. И невольно хочется проникнуть в тайну, кто же был этот художник и какую фактическую цену могут иметь его превосходные в литературном отношении характеристики и писания. Они во всяком случае несвободны от некоторых, довольно крупных на первый взгляд, неточностей, что в свое время отметил академик Платонов [1]). Рассмотрению этих неточностей мы посвятим следующую нашу заметку.

II.

Фактические неточности в статьях о Смуте, внесенных в хронограф редакции 1617 года.

Уже давно в русской научной литературе отмечено, что в Хронографе мы встречаем „несколько грубых фактических неточностей“ [2]): не верны даты смерти Бориса, свержения Шуйского, избрания Михаила. Кроме того рассказано, что Петр именовал себя сыном царевича Ивана, неточен строй рассказа о перенесении мощей царевича Дмитрия в Москву, участником перенесения мощей назван вместо Филарета Геналий. При этом московский мятеж на масленице 1609 года датирован 1610 г.

Указанные неточности подрывают на первый взгляд значение Хронографа, заставляя видеть в авторе его человека, недостаточно осведомленного о судьбе тех лиц, о которых он судил так определенно и характеристики которых в то же время обличают в нем близкое знакомство с этими лицами, и путающегося в рассказах о событиях, которые тогда были хорошо известны москвичам—а автор Хронографа был таковым [3]).

Поэтому необходимо разобраться в этих неточностях, определить, так ли они велики, как представляются при первом знакомстве с ними и об'яснить себе, как они произошли и чем были вызваны.

Детальный пересмотр всех указанных неточностей Хронографа приводит нас к некоторым довольно интересным результатам. Так выясняется во-первых, что дата 14 марта 1613 года, помещенная в статье „Царство Михаила Феодоровича“ относится не к избранию этого государя, а к прошению его на престол, которое имело место, действительно, в названный день. Это видно из текста. В Хронографе читается: „Въ лѣто 7121 марта в 14 день... паки наста весна благодатнаго бытія... пріидоша

[1]) „Древнерусскія повѣсти и сказанія...“, стр. 79 и др.
[2]) Ibid., стр. 79 и 76.
[3]) Об этом ниже, в следующей заметке.

тогда (курсив наш) всея Русскія земля вельможи... во град глаголемый Кострома"...

И другая неточность статей о Смуте устраняется до известной степени чтением одной из исправнейших рукописей, их содержащих, где участником перенесения мощей правильно назван Филарет [1]).

При том же и в строе рассказа о перенесении мощей нет той неточности, на какую указал С. Ф. Платонов: автор Хронографа вовсе не сообщал нам того, что перенесение мощей царевича Дмитрия имело место „лишь тогда, когда мятежники стояли под Москвой". Он только рассказал, что уже после этого перенесения войска, направляющиеся на борьбу с осаждавшими Москву врагами, получали благословение от мощей царевича.

И неверные даты смерти Бориса (13 мая 1604 года вместо 13 апреля 1605 года) и свержения Шуйского (18 июля 1611 года вместо 1610 года) не показывают незнакомства автора с данными событиями. Дело в том, что Хронограф ошибочно показавший год и месяц смерти Бориса, скончавшегося 13 апреля 1605 года, совершенно правильно указывает год смерти царя Феодора Ивановича под 7 января 1598 г., а время царствования Годунова определяет в 7 лет 6 месяцев, вместо 7 лет 3 месяцев. Если к 1598 прибавить 7, то получится 1605. Таким образом, Хронограф, неверно показав год смерти Бориса, в то же время довольно точно помнил, сколько времени тот царствовал. Далее в Хронографе точно указывается, что Феодор Годунов царствовал два месяца, Лжедмитрий 11 месяцев, а Василий Шуйский 4 года два месяца. Если к 13 апреля 1605 года прибавить 13 месяцев, то получится май 1606 года, а прибавка еще 4 лет двух месяцев даст июль 1610 года. Тогда воцарение Шуйского по Хронографу придется на май 1606 года, а свержение его на июль 1610 г. В Хронографе же воцарение Шуйского указано под 1606 годом, свержение—под 18 июля 1611 года. Из всех этих выкладок видно, что автор Хронографа довольно точно сосчитавший продолжительность царствования Годунова и совершенно точно знавший год смерти царя Феодора Ивановича и продолжительность царствований Феодора Годунова, Лжедмитрия и Василия Шуйского, допустил обе указанные неточности, повидимому положившись на свою память, которая в данных случаях ему изменила, если не видеть в них следствия простых описок. Впрочем, вероятнее первое предположение, так как, допуская его, можно понять и неточную датировку московского

---

[1]) Там все же есть неточность: архиепископ Астраханский Феодосий назван Арсением.

мятежа 17 февраля субботой на сырной неделе 1610 года, тогда как этот мятеж имел место в субботу же на сырной неделе, но годом ранее, т. е. он произошел в субботу 25 февраля 1609 года. Другими словами, автор Хронографа повидимому твердо помнил, что мятеж был годом ранее, чем произошло свержение Шуйского, и что он имел место в субботу на сырной неделе. Допустив же lapsus memoriae, т. е. приурочив в своей памяти свержение Шуйского к 1611 году, названный писатель неверно датировал и год мятежа.

Нам остается рассмотреть лишь одну неточность Хронографа, а именно известие, что Лжепетр именовал себя сыном царевича Ивана. Впрочем мы лично должны сознаться, что все наши усилия понять, чем была вызвана такая неточность, оказались тщетными. Дело в том, что по указанию С. Ф. Платонова рассказ о появлении и первых действиях Лжепетра заимствован автором Хронографа из первого продолжения повести 1606 г. В нем же сказано, что Лжепетр назвал себя сыном царя Феодора, а по словам других сыном царевича Ивана, при чем последнее сообщение носит характер позднейшей вставки [1]). Во всяком случае автор Хронографа имел в своем распоряжении известие, соответствующее официальной версии, а предпочел ему другое. Чем это об'яснить?

Подводя итоги нашему обзору наиболее крупных неточностей Хронографа мы видим, что их не так много, как это кажется по первому впечатлению, и что в них нужно видеть скорее промахи памяти, чем недостаточное знакомство с предметами изложения. Поэтому эти неточности, сами по себе очень досадные, все же не имеют решающего характера при окончательной оценке Хронографа, как исторического источника.

III.

Кто был автором статей о Смуте, внесенных в хронограф редакции 1617 года?

При чтении Хронографа невольно приходит в голову вопрос, кто же написал это интересное во многих отношениях произведение. Между тем ответа на этот вопрос мы до сих пор не имеем. Одно только обстоятельство принимается согласно исследователями: автор Хронографа был москвичем. И действительно, он не только знал хорошо Москву, что справедливо заметил С. Ф. Платонов [1]), но и обнаружил в своем труде свой-

[1]) С. Ф. Платоновъ, „Древнерусскія повѣсти и сказанія...", стр. 55—56 и др.

ства писателя столицы. У автора Хронографа нет никаких местных интересов, исключая столичных, он занят лишь важнейшими событиями, а главным образом—представителями верховной власти или фактами московской жизни: бунтом против Шуйского, чудесами, имевшими место в Москве, некоторыми деталями разорения столицы врагами [1].

Менее согласны между собой исследователи по вопросу о том, был ли автор Хронографа духовным или светским лицом. С. Ф. Платонов не высказал своего мнения по этому поводу. Он отметил лишь то, что в Хронографе „почти вовсе нет библейских цитат, нет и стремления давать решающее значение въ человеческих делах небесным силам и диаволу, религиозная точка зрения не исчерпывает его мировоззрения, а духовенство не поставлено у него на таком высоком пьедестале, как в Ином Сказании“ [2].

Повидимому на основании этих указаний академик Иконников утверждает, что автор Хронографа был светским лицом.

Однако мы не разделяем такого мнения. Наблюдения над слогом статей о Смуте показывают во-первых, что автор их был мастером риторической речи, которой тогда писали по преимуществу духовные лица, а во-вторых, что он был очень сведущ в литературе такого рода. Самые цитаты из Священного писания, правда, немногочисленные (мы насчитываем их пять), сделаны в Хронографе так, что обнаруживают большое знакомство изучаемого писателя с библейскими текстами и привычку с ними обращаться. Конечно, в виде исключения можно насчитать и в XVI и в XVII веках несколько светских писателей, владевших риторической речью, но такие писатели были крайне редки. Поэтому мы лично всегда были склонны предполагать, что автор Хронографа был духовное лицо, жившее в Москве. Отсутствие же в названном произведении указаний на обитель—местопребывание автора, отсутствие в его труде исключительно конфессиональной точки зрения, сравнительная широта кругозора при несомненной религиозности, прославлении христианской веры и ее добродетелей приводят нас к мысли, что автором Хронографа был какой-нибудь представитель белого столичного духовенства. Здесь же следует упомянуть, что два места в Хронографе: филиппика против властолюбия и „Плачеве и рыданіи“ представляют собой отличный образец витийственного красноречия духовных проповедников.

[1]) Р. И. Б., т. XIII, „Статьи о Смутѣ“, passim.
[2]) С. Ф. Платоновъ, „Древнерусскія повѣсти и сказанія...“, стр. 76.

Решающее значение для нас в этом отношении представляет отзыв Хронографа о патриархе Гермогене. Во-первых, об'ем познаний святителя в Священном писании, Законных правилах и Церковных уставах оценить скорее всего могло лицо духовного звания, специально ими интересующееся. Во-вторых, такое же лицо скорее всего на себе могло испытать, что Гермоген был „нравомъ грубъ и къ бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ къ разрѣшеніемъ“.

Если стать на такую точку зрения и поискать, не было ли среди нам известных московских духовных лиц того времени человека, который мог считать себя изобиженным патриархом Гермогеном и в то же время быть причастным к писательской деятельности, то невольно наше внимание привлечет давно известный в научной литературе протопоп Благовещенского собора Терентий. По изысканиям академика Платонова, он после 1606 года был смещен с своей должности, на которую вернулся лишь 30 ноября 1610 года по указу Сигизмунда III [1]).

Протопоп Терентий был несомненным автором трех, дошедших до нас с его именем произведений: Послания к Лжедимитрию I, Челобитной к нему же и Повести о видении некоему мужу духовному. Последние два произведения давно уже напечатаны, а первое, неизданное, известно нам по Погодинской рукописи Публичной Библиотеки, где оно занимает несколько листков (от 10 по 14 включительно), и производит впечатление некоторой незаконченности [2]).

В послании после и среди похвал Сигизмунду, а отчасти и патриарху Игнатию, после крайне лестного для них уподобления Давиду и Самуилу, Константину Великому и папе Сильвестру, проводятся осторожно две главные мысли: 1) все церковные уставы и предания надлежит выполнять царям не менее строго, чем лицам священного сана; 2) „еста два дара Божия от высшего даровани человеколюбия священство и царство, священство убо Божественная служа и промышляя и пекийся, царство же человеческим промышляя и пекийся“ [3]).

---

[1]) С. Ф. Платоновъ, op. cit, стр. 59.

[2]) Ibid., стр. 56 — 61; оговариваемся, что мнение о некоторой незаконченности послания в названном списке принадлежит нам.

[3]) Из похвалы Самозванцу отметим следующее: „в сихклитских же советах и царских и во управлениях вселетных, еже о подвластных и во урядех воинских, кто бы от нынешних или древле бывших обрящется о таковых рассмотрети лучше Димитрия Ивановича, великого царя“... Эти цитаты и цитаты в тексте приводятся нами по новой орфографии, сообразно нашей записи; привести же орфографию рукописи мы лишены возможности, так как ее в нашем распоряжении уже не находится и для сверки с ней потребовалось время, которого нет у автора заметок в виду срочности его работы.

Это то ли послание Терентия, как совершенно справедливо догадывается С. Ф. Платонов [1]), или какое-либо другое обстоятельство послужило поводом к неудовольствию Самозванца, но только можно думать что „на Терентия пало подозрение в какой-то провинности политического характера". Тогда он написал свою литературно составленную челобитную Расстриге. Слог этой челобитной отличается большими литературными достоинствами: он изобразителен и, несмотря на витийственность, силен и краток. Повидимому челобитная возымела свое действие, и Терентий не был смещен со своего места. Во всяком случае осенью 1606 года он был еще протопопом Благовещенского собора и тогда написал или записал „Видѣніе нѣкоему мужу духовну". Это произведение Терентия обратило уже на себя внимание С. Ф. Платонова, оценившего и его литературную сторону [2]). И действительно, „Видение" имеет очень большие художественные достоинства: оно написано образно, сильно, красиво. Драматическая форма, приданная ему, жива и естественна, а настроение выдержано до конца. Поэтому оно читается даже теперь с значительным интересом, который позволяет судить, какое впечатление „Видение" должно было производить в той аудитории и в той обстановке, для каких предназначалось. В то же время оно показывает в Терентии человека, который не побоялся написать, правда, передавая якобы слова самого Господа: „нѣсть истины ни в царѣ, ни в патріархѣ". Не эти ли слова или, быть может, им подобные стоили впоследствии места Терентию?

Сводя в одно целое впечатления и наблюдения над тремя произведениями протопопа Благовещенского собора, приходим к выводу, что он отличался склонностью к витийству, был мастером стиля, а язык его отличался большой гибкостью. Язык его Послания уклончив и очень осторожен. Стиль челобитной при всей изобразительности и показной искренности почтителен. Наконец, „Видение" написанное в драматической форме, в то же время видимо приноровлено к народному пониманию, хотя и имеет нужные по тогдашним понятиям риторические украшения.

Подобное свойство языка Терентия, т. е. приспособляемость к темам и обстоятельствам, роднит его с автором Хронографа, тоже обнаруживавшим необыкновенное мастерство слова и чрезвычайную гибкость слога. Таким образом, произведения, несомненно принадлежащие протопопу Благовещенского собора, до извест-

[1]) С. Ф. Платоновъ, op. cit., стр. 58 и сл.
[2]) С. Ф. Платоновъ, op. cit., passim и „Очерки...", стр. 338.

ной степени подтверждают наше предположение об авторстве его в деле составления статей Хронографа о Смуте.

Подтверждает это предположение и быстрое распространение статей о Смуте „во многих", о чем свидетельство приведено нами выше. Положение Терентия могло способствовать распространению его труда. Вспомним хотя бы Книгу Степенную митрополита Афанасия и ее большую читаемость и распространенность, или популярные писания келаря Троицкого монастыря Авраамия Палицына. Конечно, литературные достоинства всех трех трудов могли играть роль в деле распространения их. Но, с другой стороны, человек исключительных литературных дарований, вряд ли мог занимать незначительное положение среди того класса, к которому по всей вероятности он принадлежал.

Однако наиболее сильным доказательством справедливости предположения об авторстве Терентия в изучаемом нами произведении являются те характеристики, какие в нем помещены. Прежде всего чуждая об'ективности, проникнутая „заметным несочувствіем" и даже „плохо скрываемой враждой", характеристика патриарха Гермогена показывает, что автор Хронографа мог быть очень суб'ективным в изображении тех или иных лиц.

В то же время эта характеристика действительно очень тонка. Автор ее необыкновенно искусно изобразил, как Гермогена, так и его деятельность таким образом, что заставил нас много лет тому назад заявить: „с внешней стороны прав Хронограф" [1]).

Изобразить так кого-либо можно, лишь близко зная лицо, которое характеризуется. И вот, если принять во внимание это обстоятельство, то предположение, что автором Хронографа был протопоп Терентий совершенно просто об'ясняет многое в отзывах статей о Смуте. Этим об'ясняется идеализация Феодора Ивановича, который при своей доброте и благочестии, конечно был приятен протопопу Благовещенского собора. Этим об'ясняется и некоторое расположение автора статей о Смуте к Борису Годунову, который был чрезвычайно щедр ко всем, по отзывам Хронографа, и несомненно не обошел и своего придворного протопопа, почтительного и искреннего сторонника патриарха Иова. Об'ясняется авторством Терентия и отзыв о Феодоре Годунове: естественно было придворному протопопу любить многообещавшего юного царя, оплакивать его насильственную смерть и сохранить о нем теплую память спустя много лет после его кончины.

[1]) П. Г. Васенко, „Новыя данныя для характеристики патріарха Гермогена" (Ж. М. Н. Пр., 1902 г., март).

И резкость отзывов о „мерзоядномъ вепрѣ“ и „кровоядномъ львичномъ щенкѣ“ Расстриге будет легко понятна, если вспомнить, что его пытался, правда очень робко и прикровенно, обличать протопоп Терентий, испивший затем горькую чашу писанья униженной челобитной. Понятной делается при авторстве Терентия и холодность отзыва о Шуйском: „благовѣріемъ цвѣтущій царь“ не воспрепятствовал опале на Благовещенского протопопа и не смог, или не хотел, добиться его прощения.

Предположение об авторстве Терентия об'ясняет нам также и следующие обстоятельства: особый интерес к правившим и правящим государям [1]), широту кругозора, осведомленность при составлении характеристик и отзывов о Феодоре Ивановиче, Борисе и Феодоре Годуновых, Расстриге и Гермогене. В этом отношении особенно интересно то место, где автор Хронографа передает сообщенные уже выше слова Самозванца о соборах и об одинаковости вер, греческой и латинской. Сообщение имеет характер дословной передачи и нигде, ни в каком другом источнике, не встречается. Не из за таких-ли или им подобных рассуждений Расстриги Терентий написал к нему свое обличительное Послание?

Итак, ряд данных заставляет нас думать, что автором статей о Смуте был протопоп Терентий. При этом мы не упускаем из виду и двух обстоятельств, которые на первый взгляд как будто могут идти в разрез с этим предположением: анонимность Хронографа, в то время как остальные произведения Терентия им, так сказать, подписаны, и невключение „Видения“ в состав Хронографа. Однако первое обстоятельство легко могло иметь место и потому, что сотрудничая до известной степени в произведении анонимного автора, т. е. в большом Хронографе, составитель статей о Смуте не счел нужным и удобным назвать в нем себя. Невключение же „Видения“ находит себе об'яснение хотя бы и в следующем обстоятельстве: автор, вообще писавший кратко, не имел здесь потребности вставлять своего довольно подробного рассказа о чудесном знамении уже по одному тому, что предписанное там покаяние было выполнено при торжественной обстановке, но не спасло Москву от занятия неприятелями, а Шуйского от плена.

Признавая, таким образом, хотя бы и предположительно, но с большой долей уверенности в верности нашего предположения, протопопа Терентия автором статей о Смуте, мы должны

---

[1]) Романовых он не характеризует, но и Филаретом и Михаилом очень интересуется и говорит о них с нескрываемым почтительным сочувствием и показной или искренней любовью.

будем отказаться от мысли, что в этом произведении „встречаемся с мнениями не одного лица, а всей той среды, которая ему внушила его взгляды“ [1]). Зато возрастает „ценность его показаній“ и взглядов, как взглядов одного из руководителей общественного мнения той эпохи [2]).

Пл. Васенко.

Павел Хмелевский.

Смутное время привлекло в пределы Московского государства большое количество иноземцев, которые по окончании смуты не смогли вернуться на родину и остались в России. Гости Лжедмитрия, герои Тушина, остатки оккупационной армии,—поляки, черкасы, лифляндские немцы,—шляхтичи и пахолики, пестрый сброд, привлеченный в Москву надеждами на легкую наживу,—все они теперь, когда прилив начал опускаться, оказались покинутыми на произвол судьбы в чуждой им стране, подобно случайным корабельным обломкам, занесенным волнами на далекий и негостеприимный берег. Многие остались в качестве пленников. Одни томились в тюрьмах, „в тошном и тяжком будучи вязенье“. „Из товарищества никто не страчен“, писал из Москвы осенью 1613 года один поляк, „только тюрьмы наполнены и ожидают отыскание от короля его милости и от рыцарства“. „А тому уже полтора года, как мы в тюрьме сидим без вины своей“, жаловались заключенные в тюрьме на Унже поляки, „и уж, сидя, едва чуть живы как от голоду, и от великой наготы, и от кручины, и от болезни великой, и, помня старинную сказку: Бог высоко, а приятели далеко, смотрим направо и налево, а никто ся нам не ставит ласково“. Другие, более счастливые, сидели за приставами в ожидании „перемены“, т. е. размены пленных, примиряясь с мыслью, буде перемены скоро не будет, остаться в Москве, поверстаться и обзавестись семьей. Немалое число было и таких, которые, вроде Андрея Просовецкого, в последнюю стадию смуты успели примкнуть к ополчению Ляпу-

[1]) С. Ф. Платоновъ, op cit., стр. 79 и сл.

[2]) Наши заметки оставили без рассмотрения один важный вопрос: представляют ли статьи о Смуте оригинальный целый рассказ (мнение покойного Попова), или Хрестоматию (вывод С. Ф. Платонова)? Этот вопрос можно, по нашему крайнему разумению, окончательно разрешить лишь после тщательного изучения Хронографа в его целом.

Здесь считаю уместным указать на настоятельную необходимость для нашей науки пересмотра вопросов о Хронографах русских редакций. Имея в виду несколько других работ, я лишен надежды заняться Хронографами. Зову к этой работе других.

нова или Пожарского и принимали участие в освобождении Москвы; достаточно напомнить, что одно время сам Сапега с своим товариществом вел переговоры о вступлении в ряды Ляпуновской рати. Последние, в качестве верных слуг новой династии, в первые моменты были осыпаны щедрыми наградами, но не пользовались доверием русских людей, которые не могли не относиться подозрительно к вчерашним „губителям и кровопролителям неповинных новоизралтеских кровей“, еще недавно сражавшихся в рядах „бесовского воинства“, и сами они тяготились своим фальшивым положением на новой родине. При ликвидации смуты правительство Михаила Федоровича из естественного чувства самосохранения большую часть этих иноземцев, добровольно или недобровольно осевших в Москве, удалило постепенно в дальние Сибирские города. Так, в 1619 г. в Сибирь было сослано сразу 75 человек литовских людей; в 1620 г.— Антон Добрынский с товарищами поляками, литвою, немцами и черкасами, всего 36 чел., 8 немецких пахоликов, пытавшихся бежать в Литву, и 8 черкас; в 1621 г.—„литовские люди, поляки Лисовского полку“, новокрещен Самсон Навацкий, впоследствии прославившийся экспедицией на Енисей и на Лену, с женою, и с ним 11 человек [1]) и т. д. Знаменитый Андрей Просовецкий был сослан в Соль-Вычегодскую, откуда в 1623 г. он вместе с братом Иваном, женою и двумя людьми был отправлен в Томск; очевидно опасались предприимчивого авантюриста: в Томске предписано было поставить для него и его семьи двор и огородить и быть при них „в приставстве“ „добрым“ служилым людям [2]).

Иноземный элемент играет, поэтому, крупную роль в жизни Сибири XVII в.; более культурные, чем русские, эти ссыльные „литовские люди“, черкасы и немцы, завоевывают себе почетное положение на дальней окраине Московского государства, и из их среды выходят выдающиеся администраторы и завоеватели неведомых „немирных“ землиц.

Среди иноземцев, сосланных в первые годы царствования Михаила Федоровича, находится и тот Павел Хмелевский, имя которого неразрывно связано с освобождением Москвы от поляков. До нас дошло дело, по которому Хмелевский был приговорен к ссылке в Сибирь [3]), а среди документов, хранимых в бывших архивах М-в Юстиции и Иностранных Дел, сохрани-

---

[1]) Арх. М-ва Иностр. Дел, Портф. Миллера, № 541, лл. 59, 69 об., 116, 149 об.

[2]) Там же, л. 214 об.—218 об. Арх. М-ва Юст., Сибирск. прик. ст. № 159, л. 79. В 1631 г. на содержание Просовецких выходило в год более 100 руб.

[3]) Рус. Архивъ 1863 г., изд. 2, с. 42—84„ Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго“.

лось много данных, касающихся его пребывания в Сибири. Это позволяет довольно полно восстановить судьбу этого польского выходца в России. На его примере можно, поэтому, конкретно представить себе характер иноземной, преимущественно польской, иммиграции, отмечаемой в результате смуты, и роль, которую она сыграла в жизни возрождавшегося после анархии государства.

Ротмистр Павел (иначе Балцер) Павлов Хмелевский [1]) был одним из многих польских искателей приключений, которые в первые годы XVII в. ринулись на войну в Московию, „как на мед", по выражению Маскеевича, в поисках добычи и счастья. Сперва мы находим его среди „рыцарства", служившего Тушинскому вору. В 1607 г. он ходил с Каширы „со многими литовскими людьми и русскими воры" под Коломну, но был отбит от города царскими воеводами [2]). Когда, в связи с избранием королевича Владислава и заключением мирного договора между Польшей и Москвой, поляки стали уходить из Тушина в армию Жолкевского, Хмелевский тоже оказался в рядах польского гарнизона, оккупировавшего Кремль, и в 1612 году сидел в осаде. В осажденном Кремле, среди «товарищества», не получавшего жалованья, тяготившегося бесцельным пребыванием в чужой стране и утратившего веру в успех, господствовало неспокойное и нервное настроение. У Хмелевского пошли нелады; он поссорился «невеликим делом» с Гонсевским; по его словам, их ссорил Руцкий, полк которого был настроен враждебно к нему и на него „доводил"; наоборот за него стали тушинцы, весь полк пана Зборовского, и хотели Руцкого и Гонсевского убить. В результате этих интриг и ссор, Хмелевский перебежал на сторону русских и выехал из Кремля к „боярам", стоявшим под Москвою. Перебежчика щедро наградили: „за выезд и за службу" ему был учинен оклад в 1000 четей и денежное жалованье из чети 150 руб. [3]). Он спешил выслужиться перед своими новыми друзьями и тогда же, вероятно, принял православие. Когда Хоткевич, идя на выручку осажденному гарнизону, пробовал войти в сношенья с Заруцким, то Хмелевский открыл Трубецкому эти переговоры, и по его доносу был замучен на пытках другой польский перебежчик Бориславский, будто-бы служивший посредником при этих переговорах [3]). Во время

---

[1]) Имя „Балцер" устанавливается сыскным делом (Рус. Арх.), отчество как „Записками къ исторіи Сибири служащими", напечатанными в Древн. Росс. Вивл., так и документами Арх. М-ва Иностр. Дел (Прик. дела ст. лет, 1630 г., № 71).

[2]) „Лѣтопись о многихъ мятежахъ", изд. 1788 г., стр. 142.

[3]) С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи (изд. Общ. Пол.), II, стр. 1026.

боя, решившего судьбу Москвы, когда Хоткевич пробовал пробиться в Кремль, Хмелевский мужественно сражался против своих соотечественников под знаменами Пожарского. В решительный момент Кузьма Минин и он перешли с тремя дворянскими сотнями за Москву реку и стали против Крымского двора. Под Крымским двором и был ими нанесен окончательный удар польской армии, заставивший ее отступить [1]. Хмелевский, таким образом, явился одним из главных героев освобождения Москвы, и выдающаяся роль, которую ему привелось при этом играть, сулила ему блестящую карьеру при новой династии. „Служба его государю известна“, говорил он с гордостью в 1614 году. Он утверждал, будто поляки сами приписывали ему свою неудачу под Москвою: „то-де все Хмелевский делал, и его промыслом и указанием русские люди побили“. „И как Хоткеева отбили“, говорил он с самохвальством, свойственным его нации, „и как Хоткеев пошел прочь, и у гетмана в полкех и у короля было трожды коло. И Хоткеев-де спрашивал в коле всего рыцарства, коим обычаем Хмелевского от себя отогнали... И Хоткеев за то Гасевского и Руцкого бранил и с сердца Руцкого ударил: поднял-де ты короля под Волок и меня под Москву, и я, тебя послушав, пришел под Москву, только людей потратил и славу свою потерял“. Далее он уверял, будто „черкасам приказ есть от короля, чтобы его, Хмелевского, голову принесли“ и что при набеге на Белоозеро черкасы расспрашивали про него, „где его с'ехать“.

По восшествии на престол Михаила Федоровича Хмелевскому с товарищи было пожаловано 2000 четей в Вологодском уезде [2]). Кроме того, он получил поместья на Костроме и на Рязани; в Москве он приобрел двор на Арбате у Антипья. „Ты у государя пожалован и живешь при его Царской светлости и во всем пожалован“, писали ему из Унженской тюрьмы польские вязни. Но искателю приключений, вышедшему из состава „упрямого, своевольного, дерзкого“ [3]) тушинского „товарищества“, привыкшему к случайностям войны и к азарту сражений, было тесно и скучно в условиях мирной жизни, и трудно было ужиться в московской обстановке человеку польской крови и культуры, особенно с неуравновешанным характером и склонностью к авантюре, какими отличался Хмелевский. Его начинает тянуть обратно в Литву, тем более, что до него доходят слухи, что из-за него „король неложил на

[1]) „Лѣтопись о многихъ мятежахъ“, стр. 261.

[2]) Л. М. Сухотинъ, „Первые мѣсяцы царствов. Михаила Федор.“. М. 1913, стр. 164.

[3]) Выражение Жолкевского (рукопись Жолкевского, стр. 136).

его Павлова отца Хмелевского и на все племя опалу"; и что его враги называют его „изменником и зрадцею". Все это нервировало польского шляхтича. Окончательно лишили его душевного равновесия неудачи в личной жизни: от него бежала девка литовка, в которую он был влюблен и которая ушла от него в Вязьму; он сильно по ней тужил, по словам его знакомых, и посылал за ней, „чтоб ее привесть к Москве для венца". Он писал ей с необычайной нежностью (письмо сохранилось в нескладном русском переводе): „я у ножек твоих, братесеньку, упаду, коли того доступишь, есть-ли для меня и ты для матушки своей, чтоб нам обоим вместе быть; за тем сердцем твоим можешь кровне служить; а нужной смерти своей и в мочные руки твои, Софьюшка, поручаюся; а я не запомню милости твоея и слов твоих в том не отчаюсь, а от тебя желаю всего добра, Софьюшка, сердце мое". Были и другие неудачи: казаки отгромили у него летом восемь лошадей, и это его так расстроило, что он готов был наложить на себя руки. В таком настроении он начинает поговаривать об от'езде в Литву; об этом он беседует с своими друзьями панами Скоповским и Староховским. Пан Томаш Скоповский был в числе сидевших в осаде в Москве поляков и по взятье Кремля был отдан за пристава, он жил у Ив. Ив. Пушкина и ждал размена пленных: „что у меня", говорил он, „в Литве много родителей, и его-де не покинут, будет за него обмена; чаю-де обмена и идет": в случае, если „перемены" до весны не будет, и он готов был жениться и повенчаться на Москве. Что касается до Ивана Староховского, то он в свое время был у Маринки в Коломне, ходил с Ив. Заруцким под Переяславль, попал в плен и сидел за приставом у Ив. Н. Романова; он был слишком скомпрометирован, чтобы думать о возвращении в Литву, и говаривал, „что ему в Литву не езживать, потому и появиться ему в Литве нельзя, служил-де вору, да Маринке; учну-де жить здесь и поверстаюсь". С ними Хмелевский при свиданиях и обсуждал возможность побега и уговаривал их присоединиться к нему, но не встречал особенно горячего сочувствия: „будет-де нам перемена", говорили они в ответ, „а не будет, и они с ним поедут". „И как они станут про от'езд меж себя говорить, и они говорят на двое, иногда они захотят, ино он не похочет; а коли он захочет, ино они не похотят; а говаривали они про то во пьянстве, а, как проспятся, и они опять раздумают". Хмелевский не ограничился одними разговорами. Он попробовал подготовить почву для своего возвращенья и сделал попытку послать в Смоленск письмо „всему рыцарству его милости гетманову полку ротмистрам и поручикам", в котором старался

оправдать свое поведенье... „И еще челом бью“, писал он, „меня, слугу верного, во всем радетельного королю, его милости, и всей земли и всего войска и всей братьи моей, не имите меня ослушна своей ласки и во время у короля его милости и у всего рыцарства милосердие вины своей раденье: Бог ведает сердце и душу мою...“ „А о том жалею и скорблю сердечно“, писал он далее, „что, не видев никакого страху, потеху неприятелям дали и всем ордам по сторонам не слуду; а у того неприятеля преж сердца столько николи не бывало; только бубен славен за горами, а струн на нем мало, и того всего Бог похотел. Мочно тому вперед пособить, только похотеть и смелым быть, а вскоре чтобы зима даром не прошла, чтоб вам достального не потерять. Сами все потеряете: своего нутреннего неприятеля больше надобно остерегатись (Хмелевский намекал на своего личнаго врага—Руцкого). Мудрый разумей: аз-же больше писать не могу: живый посланец тот вам все скажет“. Письмо было анонимное и подписано только инициалами. Замысел Хмелевского и посылка им в Смоленск открылись благодаря доносу его человека, немчина Александра Карпова. Александр Карпов тоже не лишенная интереса личность: уроженец Лифляндской земли, он пришел к Москве в войске гетмана Хоткевича в 1612 году, был в городе и из города перебежал в таборы в полк кн. Трубецкого, за что бояре поверстали его поместьем в 500 четей и учинили ему денежное жалованье в 20 руб. и корм ему давали. Новоиспеченный помещик не воспользовался, однако, боярским пожалованьем, пошел жить к немецкому попу и вместе с ним с'ехал в Ярославль, где добровольно поступил во двор к находившемуся там Хмелевскому; тяготясь тяжелым нравом нового хозяина, он „многажды“ у него отпрашивался на волю, и Хмелевский не без основания опасался, что он от него сбежит. Когда из-под Тихвина были доставлены в Москву пленные „немцы“, Александр Карпов виделся с ними и, узнав от них, что его дядя в Новгороде и зовет его, заговорил о том, чтоб ему самому ехать под Новгород с казаками. Хмелевский „лаивал“ его за это и грозил, „что велит его за то повесить...“ Услыхав, что Хмелевский собирается в свое Вологодское поместье, Александр в пьяном виде учал говорить: „Яз-де с Павлом в поместье ехать не хочу, мне-де самому поместье дано!“ Хмелевский со свойственной ему вспыльчивостью „с сердца“ посек его саблею, а затем „велел было его лечить“. Того же дня Александр сбежал от Хмелевского и немедленно, 17 января 1614 года, явился к боярам с доносом на своего господина, что он хочет изменить, от'ехать к литовским людям, с каковой целью он заложил свой

двор и едет в Вологодское свое поместье, чтоб, „разоря и выграбя“ его, пробраться к литовским людям, которые воюют за Вологдой; одновременно он донес и о посылке осенью в Смоленск человека с грамотками; в соучастии он обвинял Скоповского, Староховского и человека Хмелевского литвина Якушка Протоцкого. Немедленно начато было следствие, которое подтвердило главные пункты доноса; удалось даже разыскать и самые грамотки, не дошедшие до назначения. Уже 19 января думный дьяк Сыдавной Васильев сделал доклад обо всем деле государю, который приказал пытать Хмелевского. Чашник князь Афанасий Вас. Лобанов-Ростовский и Сыдавной Васильев, которым было поручено „ехать к пытке“, уговаривали Хмелевского сознаться, „чтоб он сказал правду непорчен, а государь милосерд, портить тебя не велит, а только правды не скажешь, и тебе порчену правду сказать-же“. Хмелевский, несмотря на уговоры, запирался; приступили к пытке, и он сознался, что хотел ехать летом в Смоленск с Скоповским и Староховским. В оправдание он прибавил басню, будто „ехать было им для того, как-бы им митрополита Филарета выкрасть“. Результаты допроса с пристрастьем были доложены боярам, которые приговорили отписать на государя двор и все имущество Хмелевского. 20 января был пытан Староховский, который признался, что говорил с Хмелевским про от'езд, „и то не прямым сердцем, и что была его говорка, а умысла не было“. Томаш Скоповский на пытке отрицал свою вину совершенно и утверждал, что „про от'езд с ним в Литву мысли и говорка (у него) никак не было“. 24 января состоялся указ о ссылке Павла Хмелевского, Ив. Староховского и Якушка Протоцкого „за измену“ в Сибирские города [1]).

---

[1]) Ср. царскую грамоту в Пермь об отправке на Верхотурье Хмелевского и Староховского в III т. Актов Исторических. Из дела о конфискации имущества Хмелевского (Рус. Арх., loc. cit.) мы узнаем любопытные подробности об обстановке жизни служилого человека в Москве начала XVII в. Двор Хмелевского у Антипья состоял из горницы на подклети белой, которая рублеными сенями соединялась с прирубленым сзади чуланом, все на одном подсени, дубовой избенки и погребной у ворот. Внутренняя отделка не отличалась роскошью: стол огибной, дощеной, для которого предназначались две скатерти, хранившиеся в коробке новгородской, ящичек липовый, замочек медяный козликом, постеля с кожаным тюшаком, подложенным сукном рудожелтым, с пуховой подушкой под ветхой бархатной наволокой и с одеялом холодным—из выбойки кизылбашской на бумаге хлопчатой, подложенной червчатой зенденью. Из посуды было только самое необходимое: два блюда и тарелка оловянные, два котлика медные маленькие с дужками железными, сковородка блинная железная, да таган железный поварской о четырех ногах. Зато было много служилой рухляди, как русского изделья („сабля московское дело“), так и старые польские вещи, и даже произведенья иностранного искусства (замки ружейные „свицкие“, узды с немецкими удилами, два самопала свицких и т. д.). Ходил Хмелевский, повидимому в польском платье: упоминаются епанча настра-

Павел Хмелевский был отправлен в Тобольск в качестве серьезного государственного преступника; его, Староховского и Якушка везли скованными. Царской грамотой от 25 января 1614 года, тобольским воеводам кн. Ив. Петр. Буйносову-Ростовскому с товарищи предписывалось их „посадити в крепкую тюрьму и... в тюрьме беречи накрепко, чтобы они никуда не ушли никоторыми делы“; „И одноличнo-бы есте велели к ним держати береженье великое, чтоб они не утекли“. На содержанье повелевалось давать „по две деньги человеку на день... из Тобольских доходов“. Доставлен был Хмелевский с товарищами по несчастью на место назначенья 23 марта; в Тобольске их посадили в „крепкую“ тюрьму и приставили к ним приставов; содержанье, назначенное им в Москве, оказалось, однако, не соответствующем тобольским условиям, и воеводы „для хлебной дорогови“ до государева указу „прибавили им всем 4 деньги на день“ [1]).

Судьба Хмелевского не должна была, однако, замкнуться в стенах тобольской тюрьмы. При недостатке в людях в тогдашней Сибири, администрация всегда нуждалась в сотрудничестве каждого более или менее способного и энергичного ссыльного. Вскоре мы не только находим его на свободе и зачисленным на „государеву службу“ с званием тобольского сына боярского, т. е. в наиболее высоком разряде сибирских служилых людей, но и исполняющим ответственные административные поручения тобольских властей [2]). В 1622 г. он был назначен управлять вновь основанным Енисейским острогом, но, впрочем, был вскоре сменен присланным из Москвы воеводою Яковом Хрупуновым [3]). В 1625 г. его посылают „обыскать про мангазейских прежних воевод“, в частности про Дмитрия Погожего; вчерашнему колоднику и государственному изменнику поручалась

фильная на подкладке из зеленого сукна рословского, а на ней „кляпуши и строка светлозеленый шолк а ожерелье большое“, бешмет и однорядка; к туалету относился и „мешок тафтяной цепинный“, в котором хранилось зеркало, да гребешок изломан и т. п. На дворе у Хмелевского стояло семь лошадей, двое саней „пошевни“, телега двоеколка, запасных четыре колеса, две оси тележные. У него было много дворовых людей. Кроме Александра и Якушка, упоминаемых в деле, при ликвидации его двора у него оказалось еще пять человек людей, из них трое несомненно литовцы. Позднее в Тобольске Хмелевский обзавелся тоже двором и имел несколько человек людей, в том числе был один крещеный „самоедин“ Ивашко. В чем и как он ходил в Сибири дают понятие рассказы о том, что он ходил в Туруханскую церковь в „однорядке“ или „полукафтанье“ и с саблею; из Тобольска он ездил за город на лошади „с саблею, и на луке-ж у него пищаль“ (А. М. И. Д., Прик. дела ст. лет, 1632 г., № 46 и др.).

[1]) А. М. И. Д., Портф. Миллера, № 541, „Списки съ государевыхъ грамотъ объ опальныхъ людяхъ“, л. 4 об.—5 об., 311 об.

[2]) В 1621 году освобожден и Якушко Протоцкий (там-же, л. 141).

[3]) Древн. Росс. Вивл., III, „Записки къ исторіи Сибири служащія“.

ревизия деятельности воеводы одного из богатейших Сибирских городов. Он хвалился впоследствии, что ему удалось доказать „налоги и насильство... многое“ Погожего и целый ряд злоупотреблений с его стороны [1]). Однако, во время ревизии он сам попользовался; попользовались через его посредство и тобольские власти. Мангазея, „златокипящая государева вотчина“, с ее, казалось, неистощимыми пушными богатствами, шедшими с Енисея и его притоков и с „великой реки“ Лены, представляла из себя такое золотое дно, мимо которого не мог проехать ни один представитель тобольской администрации без того, чтобы не поживиться.

Отправляясь на ревизию, Хмелевский захватил с собою четыре бочки большие вина, частью купленного, частью ссуженного, и котлы винные для куренья вина на месте; трубы он делал на Турухане, и ведро самогонного вина обошлось ему в 15 рублей. В Мангазее государева кабака не было, и операция с торговлей вином, особенно на Турухане, где бывал „с'езд большой“ торговых и промышленных людей, принесла Хмелевскому большие выгоды. Он вывез из своей командировки около 15 сороков соболей, 25 недособолей, 724 выимка собольих, более 900 пунков, более сотни белых песцов, 6 песцов голубых, 15 бобров и кошлоков, 162 заечины, несколько одеял, кафтанов и шуб пунчатых, песцовых и бельих, 4 шапки хвостовые собольи, 16 пластин собольих, много всякого лоскута и более дешевой рухляди, всего приблизительно на 1140 руб. [2]). На обратном пути, в августе 1626 года, на Обдорской заставе к Хмелевскому на судно явился таможенный голова, но он учинился силен и не допустил осмотра своих пожитков. Таможенный голова послал о том „особную“ грамоту в Тобольск воеводе кн. Андрею Андр. Хованскому. Павел Хмелевский в это время занимал настолько видное административное положение в Тобольске, что известье о совершенных им злоупотреблениях всполошило всю тобольскую высшую администрацию, тем более, что некоторые лица из ее состава были в них до известной степени замешаны. Во всяком случае дело было настолько важно, что воеводы сочли его одним из таких, когда надлежало, по наказу, „советовать“ с архиереем. По приезде Хмелевского, воеводы кн. Хованский и Мир. Андр. Вельяминов вместе с дьяками Ив. Федоровым и Степ. Уготцким 25 сентября пришли к преосв. Макарию, и кн. Хованский сообщил ему о

[1]) А. М. И. Д., Прик. дела ст. лет, 1630 г., № 79.

[2]) А. М. Ю., Сибирск. прик. ст. № 11 и № 15. Конфискованная мягкая рухлядь Хмелевского была оценена в 1177 р. 2 а. 2 д. (ст. № 11, л. 28), но в эту сумму входила стоимость его носильного платья.

подозреньях, которые падают на Хмелевского. Тут вскрылась неожиданная подробность; Мир. Андр. Вельяминов повинился: „дал-де и я Павлу Хмелевскому вино, ведр 5 или 6“; затем выяснилось, что вином ссудил его также письменный голова, Семен Чаплин. Вызванный на допрос к архиерею, Хмелевский сознался во всем. По распоряжению из Москвы, он был бит кнутом нещадно, и рухлядь его была конфискована. Вельяминов отделался выговором: „то делаешь негораздо“, писали ему из Москвы от имени государя, „что с Павлом Хмелевским ссужаешься и в Мангазею вино возить даешь“ [1]).

Однако, в XVII в. на злоупотребления при исполнении служебных обязанностей смотрели в Московском государстве чрезвычайно просто. Хмелевский не только был оставлен „по прежнему в государевой службе“, но и нисколько не потерял своего значенья в Тобольске. В 1630 году, по его челобитью, он снова посылан в Мангазею с государевыми хлебными запасами. Из года в год отправлялся морем из Тобольска хлебный караван в Мангазею для снабжения продовольствием гарнизона, заброшенного в этот дальний „беспашенный“ и „бесхлебный“ город; во главе экспедиции всегда ставился сын боярский, так как провезти хлеб было делом далеко не простым, в виду частых бурь на Тазовской губе и опасности со стороны „немирных“ иноземцев,—„кровавой Самоеди“, кочевавшей по берегам моря и реки Пура. В Мангазею Хмелевский прибыл в тот момент, когда там разгоралась серьезная „смута“. Отношенья между двумя мангазейскими воеводами Григ. Ив. Кокоревым и Андр. Федор. Палицыным, враждебные с самого начала их совместной службы, принимали характер, грозивший безопасности вверенного им города. С каждым днем эти отношенья все обострялись, и развертывавшиеся события приближали ход дела к тому, что и случилось в марте следующаго года, т. е. к открытой войне между обоими воеводами. Хмелевский быстро сошелся с А. Ф. Палицыным. Сравнительно образованный, начитанный, говоривший по-польски, Палицын любил общество ссыльных поляков и черкас, и в Мангазее к его сторонникам принадлежали служившие в гарнизоне ссыльные черкасы, между тем как прочие служилые люди оставались верны Кокореву. Хмелевскому предстояло пробыть всю зиму в Мангазее, в ожидании навигации. Он поехал на Турухань, „по обещанью к Николе чудотворцу помолиться“, имея в виду повторить свой неудачный опыт с винной продажей; с собою он привез из Тобольска 20 ведер вина, да меду 10 пудов, а в Мангазее вое-

[1]) А. М. Ю., Сибирск. прик. ст. № 11.

воды дали ему: Кокорев—„бочечку“ вина ведер в 5, Палицын—„бочечку“ ведер в 7. На Турухане он ставил „братчины медовые“, продавал вино по полушке за склянницу, а мед по 5 и 6 руб. за бочку. Сам он говорил впоследствии, что купил на Турухане 10 сороков соболей, из них 7 послал продать к Руси и выручил 400 руб.; это был, очевидно, доход от винной продажи [1]). Находясь на Турухане, молясь и торгуя вином, Хмелевский не порывал завязавшихся дружеских отношений с мангазейским воеводою А. Ф. Палицыным, с которым он был в переписке, и, когда в Туруханское стали доходить слухи о начавшихся в Мангазейском городе военных действиях между воеводами, а затем и сами воеводы стали обращаться с прокламациями к „мирским людям“ на Турухань, при чем каждый старался обеспечить себе их поддержку, то Павел Хмелевский принял сторону Палицына и привел Туруханское на его сторону. По его настоянию, был смещен туруханский приказный человек Федор Игнатьев Момот, считавшийся сторонником Кокорева. Когда Игнатьев попытался отправить сообщенье о случившемся к Кокореву, то Хмелевский послал за гонцом своих „воровских погонщиков“, перехватил отписки и, „распечатав те отписки“, „вычитал воровски, без государева указу, неведомо почему“, самого Федора Игнатьева он „не по одно время“ бил в церкви, приходил к нему на подворье и выбивал окна у избы. Немногочисленных в Туруханском сторонников Кокорева из мирских людей он грозил „пометать в воду“. Терроризовав партию Кокорева, он образовал своего рода временное правительство в Туруханском. Он собрал в трапезу церкви Преображенья, служившую местом собраний туруханского мира, всяких людей и говорил им: „кому-де будет до кого дело, и те-б де люди о том извещали ему, и яз-де иного в воду, а иного на кол посажу“. Собранье это носило необычайный характер: своим людям он велел с ружьями стоять за трапезою; сам он вошел в трапезу в зипуне с саблею в руке, „и на лавку посторонь Николина образа саблю клал“ и говорил, придя в церковь: „Мирские люди, не осудите; не для вас, мирских людей, хожу с оружьем — блюдяся от сына боярского Федора Момота“ [2]). Деятельность Хмелевского была оценена по заслугам Палицыным. Он писал мирским людям в Туруханское, убеждая их действовать во всем, „посоветовав с Павлом Хмелевским“. „И вам-бы, господа“, говорилось в одной из его грамоток,

[1]) А, М. И. Д., Прик. дела ст. лет, 1632 г., № 62.

[2]) А. М. И. Д., Прик. дела ст. лет, 1634 г., № 23 и № 78, 1632 г., № 46, 1631 г., № 10, 1632 г., № 62 (12 статья изветного письма, 14 и 15-я).

„поговоря с Павлом Хмелевским, а велеть того Федора Момота, взяв, отдать за пристава, а на (его) место велеть-бы вам быть у государева дела Павлу Хмелевскому да Роману Дмитрееву“ [1]). Наоборот, Гр. Кокорев в своих прокламациях не щадил красок, чтобы его опорочить. „А тому я вашему благоразумию дивлюсь“, писал он запальчиво туруханскому миру, „что вы, ведая его Павликово воровство, не вкинете в тюрьму по государева указу... А наперед того он, Павлик, бит кнутьем в Тобольске за соболи, а не за винную и табачную продажу и не за такое воровство, что было ему воровски отнять без государева указу отписки, а ныне за такое воровство велят его, Павлика, по государеву указу повесить, а отпущен он, Павлик, для должишков своих, а не для винные и табачные продажи и не для торгу, воровства и воровского заводу и туруханского сиденья; да и про то ему, Павлику, скажите, что он, воруючи, хочет меня без государева указу повесить за ногу, и за мое службишко, и кровь, и раденье ко государевым делам не токмо за меня, и за сапог мой велит государь... таких воров, как Павлик Хмелевский, повесить десять. А как Павлик Хмелевский бился за короля своего литовского, и я, господа, как сидел на коне противу литовских людей и бился тогда за церкви Божии и за государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и за православную веру, и тогда бривал хохлы по плеч лучше того Павлика; а тому-бя Павлику за его воровство и винную продажу положил шингаркин чюпрун на хохол и бочку с вином на горло; а добрые люди и в Польше вином и табаком не торгуют, а торгуют бабы шингарки!“ [2]). Туруханское осталось верно Палицыну не только благодаря энергии Павлика Хмелевского, но вследствие связей самого Палицына с мирскими людьми и симпатиям, которыми он пользовался среди них. Война обоих воевод кончилась ни в чью; Палицын отступил из-под осажденного им Мангазейского города на Енисейский волок к Туруханскому, а затем проехал в Тобольск. Поехал в Тобольск и Павел Хмелевский. Здесь в его отсутствие произошла смена воевод, и он нашел в этой должности приехавших только что из Москвы кн. Фед. Андр. Телятевского и Фед. Ив. Погожего. Последний приходился родственником тому Дмитрию Погожему, деятельность которого в Мангазее в свое время была изобличена ревизией Хмелевского; поэтому в его лице он встретил врага. Хмелевский жаловался, что Федор Погожий, „рьясь“ на него за то, что он по его брате

[1]) А. М. И. Д., Прик. дела ст. лет, 1630 г., № 71, л. 504.
[2]) Там же, л.л. 415, 416—417.

„не покрывал", всячески мстит ему „недружбу". Зато старший воевода, кн. Телятевский, бывший не в ладах с своим товарищем, относился к Хмелевскому очень благосклонно; говорили, что он его „жалует и бережет", и когда в марте 1632 года на него стали поступать первые доносы, он грозил доносчику „пыткою и огнем", принуждая его „свести" обвинение с Хмелевского [1]). Однако, положенье самого Телятевского не было прочно. Против него об'единились, чтоб его погубить, такие влиятельные лица, как его товарищ по воеводству Ф. Погожий, сам архиепископ Макарий, и живший в Тобольске, пока шло предварительное следствие о Мангазейской смуте, опытный и тонкий интриган А. Ф. Палицын, подозревавший, что Телятевский „дружит" его противнику Кокореву, и некоторые второстепенные члены тобольской администрации—сын боярский Герасим Обольянинов и другие. Затеяна была сложная и хитросплетенная интрига, душой которой был Федор Погожий, и составлен был обширный донос на Телятевского. Предприятие было очень рискованное, и сам преосв. Макарий рисковал остаться „без пестрой рясы", а Погожий „без головы"; поэтому все было обставлено так, чтобы высокопоставленные вдохновители интриги были в стороне. Погожий воспользовался случаем, чтобы свести счеты и с Хмелевским. В „изветное письмо" были внесены четыре статьи, направленные против ссыльного поляка. Помимо доноса о винной продаже и самоуправстве в Туруханском, его обвиняли в неблагочестии (что он в Туруханском, „ходил к церкви в одном полукафтанье и поругался местному образу Николы чудотворца и носил с собой саблю и ставил за образы"), и в „государеве деле". Последнее заключалось в том, что Хмелевский распускал слухи про неспокойное состоянье Москвы—будто „делается на Москве негораздо"; такие известия он сообщал, по словам доносчиков, А. Палицыну в письме, посланном из Туруханского в Мангазейский город [2]). Эти два обвинения были особенно тяжки в отношении к ссыльному литовцу. Впрочем, это не был первый подобный донос. Еще зимою 1625—1626 года на него извещал его человек Федька Митрофанов „про литовскую ссылку, как он, Павел, писал с племянником своим с литвином Дроздовским грамотки", а другой его человек Гришка Федоров доносил на него про государеву чашу, будто он про государево многолетнее здоровье пил недостаточно „честно", на землю лив [3]). Теперь Федор Погожий,

---

[1]) А. М. И. Д., Прик. дела ст. лет, 1632 г., № 46, 1630 г., № 79.

[2]) А. М. И. Д., Прик. дела ст. лет, 1634 г., № 78, 1632 г., № 60 (статьи 12—15 изветного письма).

[3]) А. М. Ю., Сибирск. прик. ст. № 13.

воспользовавшись новыми доносами, отдал Хмелевского и его людей за приставов. Хмелевский бил челом государю и подал две челобитные преосв. Макарию, жалуясь на пристрастное отношенье Погожего, и просил взять его к Москве, а если этого нельзя, то „отпустить на свою государеву службу в новую землю на великую реку Лену или в Мангазейский уезд, поискать тебе, государю, прибыли“. Из Москвы последовал указ на имя преосв. Макария, чтоб Хмелевского дать на поруки и жить ему в Тобольске и „никуда не с'езжать“ [1]).

Донос на кн. Телятевского кончился ничем. Расследование показало очень явно нити интриги, но, как всегда бывает, когда эти нити приводят к лицам, стоящим близко к правящим кругам, дело было потушено. Что касается доноса на Хмелевского, то следствие по нему велось в июне 1634 года. Факт винной продажи был установлен [2]); что касается прочих пунктов обвинения, то они подтвердились лишь в слабой мере, и „грамотка“ Павла Хмелевского, представленная А. Палицыным, оказалась совершенно невинной по содержанию [3]). Окончательный результат следствия мне неизвестен; во всяком случае дальнейшего влияния на служебную карьеру Хмелевского оно не имело, и в 1638 году было даже удовлетворено его ходатайство об отпуске его к государю к Москве [4]).

Возвратиться в Москву ему все-таки не удалось. Его своевольный дух, его ничем не сдерживаемая буйность погубили его окончательно в тот самый момент, когда царская опала была с него снята, и ему открывались новые возможности. Он, повидимому, оказался жертвой той борьбы, которую повел тобольский воевода кн. Мих. Мих. Темкин-Ростовский против влиятельных в Тобольске ссыльных иноземцев. Кн. Темкин-Ростовский не долюбливал „немцев“ и тяготился их выдающимся и самостоятельным положеньем в Тобольске, может быть, их преимуществом знаний и талантов. Когда один из таких ссыльных иноземцев, „Савва француженин“ [5]), обратился и нему с просьбой

---

1) А. М. И. Д., Прик. дела ст. лет, 1632 г., № 46.

2) Там-же, 1634 г., № 23, 1632 г., № 60.

3) Там-же, 1634 г., № 78 (перевод грамотки—л. 328), 1632 г., № 60.

4) А. М. Ю., Сибирск. прик. ст. № 571.

5) Савва француженин не менее любопытная личность, чем Хмелевский. Сам он пишет про себя: „Je suis gentilhomme françois envoyé du païs de Holande de la part du compte Morice. Le métropolite Rostosqui m'a baptisé et m'a donné le nom de Saba“ (Сибирск. прик. ст. № 571). В Сибирь он сослан был в 1615 (Портф. Миллера, № 541, л. 14); причина его ссылки неизвестна. В качестве тобольского сына боярского он исполнял ряд административных поручений: ходил во главе экспедиции по соль на Ямыш-озеро (Рус. Ист. Библ., VIII, стр. 339), дозирал Тобольский уезд (Н. Н. Оглоблинъ, „Обозрение столбц. Сибир. прик.“, I, стр. 301), собирал ясак с Кодских волостей (Сибирск. прик. ст. № 27) и т. д.

отпустить его в Верхотурский уезд для поисков железной руды, то он резко ему ответил: „Государь потерял казну под Смоленском, немцам... (он прибавил ругательство) роздал, а после того в медной руде потерял казну немцам-же, а я так терять не хочу!" и прогнал его. Это и послужило началом открытой борьбы, которую в течение более года пришлось вести тобольскому воеводе с ссыльным французженином. В борьбу вмешались младший воевода Андрей Вас. Волынский и оба дьяка, враждовавшие с кн. Темкиным-Ростовским и потому принявшие сторону Саввы; в нее сам Темкин вовлек русских служилых людей и пробовал вовлечь весь город, кончая юртовскими татарами и бухарцами. В этой борьбе лишь как эпизод входит столкновенье Хмелевского с преосв. Нектарием, сторонником кн. Темкина-Ростовского. Нектарий мало был похож на своего предшественника, умного и энергичного Макария; по собственному признанию, он был „человек пустынной—всякие дела не за обычай"; он с трудом справлялся с буйной дворней Софийского дома и совершенно растерялся в той сети интриг и „заводных доводов", в которую он попал в Тобольске; он во всяком случае неспособен был на «toutes les méchancetés», которые приписывал ему, правда очень глухо, в своих речах „немецким письмом" Савва французженин, но он поддерживал кн. Темкина-Ростовского, потому что он был начальным человеком в Тобольске. Столкновение с этим недалеким и слабым человеком, сильным своею слабостью, завершило карьеру Хмелевского. 24 января 1638 г. к архиепископу прибежало двое ребят Павла Хмелевского, один весь в крови, а другой жжен огнем, с жалобой на разврат и жестокое обращенье своего господина. Отец духовный Хмелевского подтвердил их показанье. Архиепископ велел дать обоих ребят за приставов. Павел Хмелевский со свойственной ему необузданностью „учинился силен, к сказке не пошел", а подал в с'езжей избе явку на архиепископа, „будто тех ребят велел дать за приставы, по наученью, напрасно". С этого момента начинается борьба между ним и высшими тобольскими властями: он не только „опозорил" архиепископа своей явкой и его „оглашает напрасно", но и „безчестит и оглашает неделом" самого кн. Темкина-Ростовского, и эта борьба совпадает с той „смутой" в Тобольске, которая была вызвана недоразуменьями между тем-же Темкиным-Ростовским и Саввой французженином. Как раз в это время пришла царская грамота об отпуске Хмелевского к Москве. Хмелевский торжествовал победу. „А ныне", писал преосв. Нектарий государю: „того Павла Хмелевского по твоей государеве грамоте велено отпустить из Тобольска к тебе, государю, к Москве, и он... на меня похваляется всяким дурном". Робкий

преосвященный испугался и стал бить челом государю об обиде и об обороне как от Павла Хмелевского, так и от Саввы француженина, обвинявшего его в том, что он заодно с Темкиным-Ростовским. В Москве челобитье архиепископа, затравленного собственною дворнею в Софийском доме, вызвало сочувствие. Осенью 1638 г. на имя Андрея Вас. Волынского и дьяков была послана царская грамота с повеленьем, чтоб они „богомольцу нашему Нектарию, архиепископу Сибирскому и Тобольскому, наше жалованье сказали, что мы его, богомольца своего, пожаловали, велели на тех тобольских детей боярских на Павла Хмелевского да на Савву француженина дать оборонь, Павла Хмелевского посадить на неделю в тюрьму, а Савву француженина бить батоги и посадить на неделю-ж... да и стольнику и воеводе кн. Мих. Темкину-Ростовскому наше жалованье потому-ж сказали, что мы его жаловали, на тех тобольских детей боярских за его безчестье потому-ж велели оборонь дать... а, из тюрьмы выняв, их разослать по городам“. Савва француженин был сослан в Кузнецкий острог, где он занял попрежнему довольное видное положенье. Что касается Павла Хмелевского, то его назначено было отправить в Томск, с тем, чтоб ему служить там с детьми боярскими, и за ним было сохранено денежное, хлебное и соляное жалованье, тот-же оклад, что ему был в Тобольске [1]). По пути в Томск Павел Хмелевский умер.

Так закончилась карьера этого странного человека. Авантюрист, случайный сподвижник Пожарского и Минина, колодник, заброшенный в тобольскую тюрьму, администратор и ответственный исполнитель воеводских поручений, он в конце концов безвестно погубил свою полную приключений жизнь в пустынях Сибири. В нем было мало привлекательного. Заносчивый, несдержанный, дерзкий, он вызывал и страх и раздражение. Характерной чертою его была неуравновешанность, граничившая с истерией: когда черкасы отгромили у него лошадей, он „было мало не зарезался“; приводимый к пытке, он начинал плакать; с ним бывали порывы бешенства, когда он был в состоянии ударить саблею своего человека, а потом, опомнившись, приказывал его лечить. Он был жесток; в его устах постоянно звучала угроза: повесить, посадить на кол, утопить; своих людей он „бил и увечил“, и они неоднократно подавали на него доносы, стремясь „избыть холопства“; когда в одном случае ему возвратили доносщика, наказав батогами, то „по Павле Хмелевском в том велено взяти поручную запись того Гришку не убить и не изувечить“. Несдержанный в своих

---

[1]) А. М. Ю., Сибирск. прик. ст. № 571.

порывах, он не стеснялся в средствах достижения своих целей; в Сибири были „многие на него Павла челобитчики в насильствах“; у своего соотечественника тобольского служилого литовца Яна Кучи он отнял землю и сенные покосы, самого его бил так, что тот был „едва жив“; грабил и бил он и других тобольских служилых людей [1]). Так-же несдержан был он и в своих страстях. Его разврат, по свидетельству его духовного отца, превосходил всякие грани [2]). При всем том, этот необузданный, развращенный и жестокий человек головою стоял выше остальных сибирских дельцов того времени, и этим об'ясняется то выдающееся положение, которое он занял на своей новой родине.

С. Бахрушин.

Сергей Кубасов и Строгановская летопись.

(Новые мысли по поводу „Старыхъ сомнѣній“).

„Не трудился ли Кубасовъ и надъ сибирскимъ лѣтописаніемъ, разъ онъ потрудился надъ хронографомъ?“

С. Ѳ. Платоновъ, „Старыя сомнѣнія“, Сборникъ въ честь М. К. Любавскаго. П., 1917, стр. 180.

Ответ на поставленный С. Ф. Платоновым вопрос полагаю может быть только один: вне всякого сомнения.

В моей большой работе, посвященной анализу всех Сибирских летописей [3]), я, на основании тщательного сличения всех известных мне редакций различного вида Сибирских летописей, пришла к таким выводам относительно Строгановской летописи: Строгановская летопись есть фальсификат, написанный около 1673 года, с весьма определенной целью: утвердить мнение об участии (хотя бы и косвенном) в покорении Сибири Семена Строганова.

Я не буду приводить всех аргументов из указанной выше моей работы, а выскажу свои положения в догматической форме. Составными частями Строгановской летописи, по моему мнению, являются: 1) подлинные акты, *весьма умело обра-*

[1]) А. М. И. Д., Прик. дела ст. лет, 1632 г., № 46 (л.л. 306—309).
[2]) А. М. Ю., Сибирск. прик. ст. № 571.
[3]) Работа принята 2 года тому назад Археографической Комиссией для напечатания в одном из ближайших выпусков „Летописи занятий А. К.“.

ботанные (включен Семен Строганов, отсутствующий в подлинных актах, вставлены небывалые награды, опущены места, несовсем лестные для Строгановых); 2) протограф, схожий с протографом Есиповской летописи; 3) местные предания и летописи; 4) риторическое плетение словес, ничего нового не вносящее. Делая прогноз относительно автора, я высказывала предположения, что это был дьяк, быть может, ранее служивший в Посольском приказе. В окончательных выводах о всех Сибирских летописях придя к заключению, что ни одна из Сибирских летописей не является в полном смысле слова летописью, а каждая из них носит на себе следы литературных современных влияний и, таким образом, является позднейшей переработкой ранних протографов, я очередной своей задачей поставила изучение этих влияний, которые предполагала, между прочим, поискать и в повестях о Смуте. Вопрос, поставленный С. Ф. Платоновым, направил меня в известную сторону, а результат работы и убедительность аргументации выводов, к которым я пришла, я предлагаю в настоящей заметке.

Все части Строгановской летописи были найдены мною с точностью буквальной (в полном смысле этого слова), и, таким образом, на долю Кубасова приходится отнести очень немногое, но зато сличение этих небольших вставок Строгановской летописи [1]) и риторических мест повести из хронографа Сергея Кубасова, приписываемой в последнее время кн. Катыреву-Ростовскому [2]), дает поразительные результаты.

Прежде всего сходство находим только в том, что не является ни актом, ни протографом, а внесено красоты ради, но зато, какое бы риторическое место мы ни взяли, все это, так сказать, „кубасовское". Все, начиная с внешней напевности и ритма речи, тех, в сущности говоря, почти необ'яснимых свойств и качеств ее, которые делают речь каждого из нас именно нашей индивидуальной, говорит за то, что так называемая „Повесть Катырева-Ростовского" и Строгановская летопись написаны одним лицом. Обилье же тех образов, которые впервые создали Кубасову литературную славу в „Повести", особенно поражают нас в Строгановской летописи, когда мы начнем читать подряд те места, которые приходится отнести на долю Кубасова, и которых, в сущности, не так много. Здесь я только намечу некоторые наиболее характерные вставки.

---

[1]) Сибирскія Лѣтописи, изд. Археограф. Ком., Спб. 1907, списокъ Спасскаго, с. 1—46.

[2]) „Повѣсть князя И. М. Катырева-Ростовскаго"—Рус. Ист. Библ., т. XIII, Спб. 1891, с. 559—624.

Автор обнаруживает себя с самого начала своим любимым выражением: „вниде въ слухъ“ (Строг. Лет., с. 1, стр. 9)—ср. „Повесть“ (Р. И. Б., с. 567, (стр. 17 снизу) „вниде слухъ во уши его“; (с. 570, стр. 3 сверху и с. 600, стр. 18 сверху) „вниде же сія во уши“. Кажущаяся разница произошла, несомненно, по вине переписчика позднейшего, так как список Спасского Строгановской летописи весьма неисправен, сличение же с другими списками только усиливает впечатление сходства.

Далее, как известно, Строгановская летопись приводит акты, к которым Кубасов по виду исключительно корректен, чем, как известно, он сумел ослепить не только своих современников, не особенно гораздых грамоте, но и „наблюдательных“ ученых, защитников Строгановской летописи.

Только через 12 страниц он опять обнаруживает себя тремя выражениями: „но всемогій Богъ не попусти окаянныхъ“ (С. Л., с. 12, стр. 15); „Богъ попусти“ (Р. И. Б., с. 562, стр. 6 сверху). „Тоя жъ годины“ (С. Л., с. 13, стр. 4)—Повесть, passim. „Много множество отъ обою странъ падоша“ (С. Л., с. 13, стр. 17)—Повесть: „много паденія бысть, на обѣ страны падаютъ трупія мертвыхъ“. (Р. И. Б. с. 601, стр. 16 сверху).

Далее в Строгановской летописи опять акт, который Кубасов искажает только затем, чтобы вставить Семена.

Со страницы 17-ой, когда Кубасов переходит к использованию протографа, он уже чаще выдает себя. Он видимо ясно сознавал, что тут ему нечего соблюдать даже и для видимости „нотариальную точность“.

Вот он буквально списывает с протографа главу „о посланіи царя Кучюма сына своего Маметкула на рускіе воиратію“, и не может не вставить: „но краткимъ словомъ реку“ (С. Л. с. 9, стр. 17; Повесть, passim).

Но протограф дошел до конька Кубасова — описания битв, и он широкой кистью рисует эту картину, делая вставку в десять печатных строчек, в которых мы встретим тожественные с Повестью выражения: «копейнымъ пораженіемъ и острыми стрелами казаковъ уязвляютъ велми“ (С. Л., с. 20, стр. 3) „копейнымъ пораженіемъ и острыми стрѣлами смертнѣ уязвляютъ и смерти предаютъ“ (Р. И. Б., с. 597, стр. 15 сверху), „бысть брань жестока“ „паденіе ото обѣихъ странъ многое“ (С. Л., с. 20, стр. 8, 9; Повесть, при описаниях битв—passim).

Далее опять рабское следование протографу до того места, в котором начинается рассказ о размышлении казаков пред боем с неравными силами. Тут уж Кубасов не знает удержу и его богатая палитра превращает избегнувших виселицы разбойников в героев, совершающих подвиги по „ура-патриоти-

ческой" программе: „за веру, царя и отечество" (С. Л., с. 21, стр. 18—с. 23, стр. 18). И опять в казацкие речи вкраплены любимые образы и обороты Кубасова: „уже осени достигши; и въ рекахъ ледъ смерзается" (С. Л., с. 22, стр. 4). „І всѣмъ совѣтъ имъ бысть благъ" (С. Л., с. 23, стр. 11). Повесть— „подайте ми совѣтъ благъ" (Р. И. Б., с. 594, стр. 16, сверху). „И уже нощи прошедши, свитающу дневи и солнцу просиявшу, просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаниемъ" (С. Л., с. 23, стр. 12, 13). „Уже просіявшу солнцу свитающу дневи, просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ" (Р. И. Б., с. 597, стр. 7, 8 сверху). Через несколько строчек протограф приступает к описанию битвы и опять Кубасов его сухой рассказ оживляет красками своей яркой палитры: „овѣхъ уязвляютъ, а иныхъ смертно убиваютъ" (С. Л., с. 24, стр. 1, 2), „овыхъ убивая, овыхъ уязвляя, овыхъ связанныхъ во градъ отсылая" (Р. И. Б., XIII, с. 585, стр. 11—12 сверху). „Составишася брань велия" (С. Л. с. 24, стр. 6)—Повесть, passim. „Казацы же поля приобретаютъ и одолѣваютъ ихъ и безчисленно поганыхъ побиваютъ" (С. Л., с. 24, стр. 12, 13). Повесть—„поляцы же поля обрѣтаютъ и усты меча гонятъ и безчисленно людей царевыхъ побиваютъ" (Р. И. Б., с. 589, стр. 18 снизу).

На странице 27 Кубасов опять в протограф вкрапливает свои словечки: „Слышано же бысть" (С. Л., стр. 3; Р. И. Б., с. 586, II-ой абзац). „И брань спускаютъ" (С. Л., стр. 9). „И повелѣ имъ брань спущати" (Р. И. Б., с. 585, стр. 9). „Падают трупія мертвыхъ ото обою странъ. Уже бо нощнѣй тмѣ нашедши, и брань преста" (С. Л., стр. 11—13). „На обѣ страны падаютъ трупія мертвыхъ" (Р. И. Б., с. 601, стр. 16—17). „И ночнѣй тмѣ пришедши" (Р. И. Б., с. 590, стр. 4 снизу).

Можно было бы привести еще целый ряд примеров, но я думаю, что и этих достаточно—отсутствие в некоторых случаях буквальной точности служит только лишним доказательством единого автора обоих произведений—так поступает только тот, кто настолько свыкся с образами, которыми мыслит, что не стесняется, облекая их в словесную форму, переставить слова или заменить одно другим.

Чувствую, что меня могут упрекнуть в том, что я не читала статьи А. С. Орлова: „Повѣсть кн. Катырева-Ростовскаго и Троянская Исторія Гвидо де-Колумна" [1]. Но я не только читала, но тщательно взвесила и обдумала все параллели, которые приводит А. С. Орлов. На мой взгляд эти параллели осо-

[1]) Сборникъ въ честь М. К. Любавскаго, П., 1917, стр. 73—98.

бенно подчеркивают единство автора в параллелях, приводимых мною. В них единый автор чувствуется в одинаковом ритме, в одной и той же напевности, тогда как небольшие отступления, находимые в „Троянской Истории“, меняя ритм фразы, лишают ее легкости и напевности Кубасовских произведений.

Возьмем наиболее точные параллели. Их А. С. Орлов приводит на стр. 86: К. 614—„Москвичи же вслѣдъ женуша немало, даже и до шатровъ; нашедши нощи преста брань“; Т. 111—„Превозмогающимъ бо во мнозѣ силѣ Трояномъ, Греки *нужею* дати хребетъ *понудишася*, они же ихъ бѣжащихъ даждь ихъ до шатровъ женутъ убивая и смертию уязвляя, дню тогда къ *нощной тмѣ* уклоняющуся; сего ради, нашедши *нощной сѣни*, брань преста“ [1]).

Сила художественной изобразительности, несомненно, в речи Кубасова—он краток, у него нет тяжелых, нудных повторений, его речь подобна стихотворению в прозе; она мерно и плавно течет, тогда как переводчик Троянской истории постоянно запинается языком и мысль его теряется и путается в словах.

А. С. Орлов на стр. 94 приводит сопоставление описаний времен года. Оно для нас особенно характерно. Вот описание Кубасова, его хочется читать и перечитывать, заучить наизусть. Каждое слово нужно, оно усугубляет полноту картины оживающей природы—это красивый словесный аккорд, где одно слово только усиливает впечатление от другого и впечатление от целого волнует и поражает. К. 588—589—„Юже зимѣ прошедши, время же бѣ приходитъ, яко солнце творяше подъ кругомъ зодѣйнымъ теченіе свое, въ зодѣю же входитъ Овенъ, въ ней же нощь со днемъ уровняется и весна празнуется, время начинается веселити смертныхъ, въ воздусѣ свѣтлостію блистаяся. Растаявшу снѣгу и тихо вѣющу вѣтру, и во пространные потокы источницы протекаютъ и плододателя Бога на помощь призываетъ; растутъ желды, и зеленѣютца поля, и новымъ листвіемъ облачаютца древеса; и отовсюду украшаютца плоды земля, поютъ птицы сладкимъ воспѣваніемъ, иже по смотрѣнію Божію и по Его человѣколюбію всякое упокоеніе человѣкомъ спѣетъ на услажденіе“. Цитату из „Троянской Истории“ ни в коем случае нельзя назвать *картиной* природы, а тем более картиной художественной. Это просто пояснение времени года, витиеватое и мало вразумительное. Т. 188 об.—„Въремя же бѣ, яко солнце уже възыде ячномъ гугрѣ свершити течение свое, и уже въніде во здѣю рака, въ ней же по божію строенію звѣздъ празднуетъ ся возвратъ солнцу лѣтней, тогда убо суть *большие*

[1]) Везде курсив мой. А. С.

дни, въ 16 день мѣсеца июня, егда *больши дни* въ году, яко речено есть, да въ десятую смертну брань трояне и греки поставъляютъ"[1].

Художественность замысла Кубасова особенно ясна в целом. Приведенная выше цитата полна [illegible] чего глубокого смысла — она должна оттенить гнусность польских замыслов. В тексте непосредственно за ним следует такая художественная антитеза: „Въ сiе же время красовидные година прежереченный хищный волкъ собрався со множествомъ воинъ Полсково народу и съ казацы Сѣверскiе страны, и поидоша на воеводъ Московскихъ и на все воинство" (Р. И. Б., с. 589, стр. 2—7).

Резюмирую свой вывод. На основании статьи А. С. Орлова вполне можно признать, что Сергей Кубасов знал „Троянскую Историю", что она оказала влiянiе на его творчество, но не большее, чем „Повесть о Еруслане Лазаревиче" на Пушкинского „Бову", или мотив „Во поле березанька стояла" на пятую симфонию Чайковского. И первый, и второй, и третий черпали свой художественный материал, но он сделался их достоянием, и они в своем претворении сделали его художественным. Тем более, что, вероятно, некоторые обороты „Троянской истории" были во времена Кубасова ходячими и их можно подметить и у других авторов XVII века.

В Строгановской летописи также имеется картина оживающей природы, но она нужна для другой цели и Кубасов, как истинный художник, берет другие краски. С. Л., 32—„И по семъ убо зимняя година прейде, мразу и студени облегчѣвшу отъ солнечныя теплоты и на тогда настающимъ i звѣриной ловлѣ, лошьей, оленьей приспѣвши, и тѣмъ людемъ питающимся и гладу облегчевающу. И егда веснѣ пригрѣвши и отъ теплости воздуха снѣгу растаявшу i всяка тварь бытѣюще, и древесамъ и травамъ прорастающимъ, и отверзение водамъ бысть, тогда убо всяко животне веселяшеся, и птицамъ прелетающимъ в тѣ мѣста плодовъ своихъ ради, i въ рекахъ рыбамъ плоду ради ходящимъ, и рыбной ловлѣ и птичьей бывшу много множество, и тою ловитвою питающеся, и гладу людемъ не бысть".

Так не подражают, это подлинное творчество. Особенно характерен язык, не удержанный русской речью пленительно певучий, [illegible] самостоятельный.

Кубасов так сроднился со своею образною речью, что слова выливаются из-под его пера как бы непроизвольно, как только дан подходящий толчек. Вот он буквально списывает свой протограф, в котором идет такой рассказ: „бѣ бо тогда ужъ осень

[1] Курсив мой. А. С.

и ледъ по рецѣ смерзается" (С. Л., с. 10, стр. 11). Для Кубасова это неприемлемо, и он делает такую вставку между словами „осень и ледъ": „и наста година зимняя, і воздухъ небесный пременися на студень, и бысть снѣгове".

Итак, литературные приемы, несомненно, свидетельствуют о том, что так называемая „Повесть кн. Катырева-Ростовского" и Строгановская летопись написаны одним лицом. Что таким лицом является Кубасов, для меня это также несомненно. Он как раз действует в те годы, ко времени которых я отношу составление Строгановской летописи. В 1654—1657 годах Кубасов участвовал подьячим в китайском посольстве Ф. И. Байкова [1]. В 1659—60 году он назначен из Казанской приказной палаты „подьячим с приписью" в Енисейск [2]). В том же году он ездит из Тобольска в Сибирский приказ с вестями [3]). Последний документ, который известен в литературе о Кубасове, помечен 202 (1693—94) годом [4]). Кубасов прекрасно знает Сибирь; в служебных поездках в Москву он мог не раз проезжать через владения прикамских вотчинников. Его дьячество позволяет думать, что он мог быть нанят для такой услуги, как составление фальсификата, который мог служить доказательством заслуг Строгановых, происходящих от Семена, в деле покорения Сибири. Ибо впервые в 1673 году в официальном акте [5]), являющемся ответом на челобитие Строгановых, появляется указание на участие Семена в призвании Ермака, тогда как подлинная опальная грамота его не знает [6]), и Семен вставлен в текст опальной грамоты только в Строгановской летописи.

Труднее как будто примириться с авторством Кубасова, когда дело касается „Повести". Но трудность эта только кажущаяся. В самом деле, уже С. Ф. Платонов в своей магистерской диссертации определил повесть таким образом: „Повѣсть о смутѣ, приписанная къ Кубасовскому хронографу, есть совершенно самостоятельное и цѣльное *литературное* произведение" [7]). Далее, на стр. 283 того же труда он принимает выводы А. А. Кондратьева, который „многочисленными примѣрами и соображеніями доказывает... что Рукопись (Филарета) есть простая передѣлка труда Катырева, иногда довольно неумѣлая и неловкая"...

[1]) С. Ф. Платоновъ, „Древне-русскія сказ. и пов. о смутн. врем. как истор. источ.", изд. 2-ое, Спб. 1913, стр. 263.
[2]) Н. Оглоблинъ. „Опис. столб. Сиб. Приказ.", М. 1902, г. IV, стр. 34.
[3]) Доп. къ А. И., т. V. № 63.
[4]) Н. Оглоблинъ, назв. соч., стр. 173.
[5]) Н. Г. Устряловъ. „Именитые люди Строгановы", Спб. 1842, стр. 15.
[6]) Доп. къ А. И., т. I. № 128.
[7]) С. Ф. Платоновъ, назв. соч., с. 259. Курсив мой. А. С.

Собираясь не согласиться с С. Ф. Платоновым, я нахожу себе ободрение в том, что сам он признался в том, что у него имеются „старые сомнения“, одно из которых он формулировал так: „Не онъ ли (Кубасовъ) на самомъ дѣлѣ авторъ „Повѣсти?“, и хотя далее С. Ф. Платонов и „склоненъ отвѣтить отрицательно“ [1]) на этот вопрос, но я позволю себе возразить.

Труды А. А. Шахматова произвели крупный переворот в наших представлениях о дошедших до нас памятниках письменности. Если уже летописи являются весьма сложными по своему составу, то как же отнестись к памятнику, „литературность“ которого так очевидна? Опыт работы над Сибирскими летописями только убеждает меня в том, что необходимо искать протограф „Повести“ Кубасова и рукописи Филарета.

В самом деле, много было потрачено сил в спорах о том, кто у кого заимствовал, автор ли Строгановской летописи у Есипова, или обратно. Тщательное сличение выявило наличность протографа, который был переделан каждым составителем по своему.

Точно так же и здесь ясно, что автор обоих произведений не мог быть деятелем или очевидцем Смуты. Откуда-то он должен был черпать свой фактический материал. Он его и черпал, видимо, из хороших источников. Наоборот, все объективные данные говорят за то, что дьяк, хорошо осведомленный в посольских делах и делах сибирских, написавший одинаковым с „Повестью“ языком Сибирскую летопись, должен быть Сергеем Кубасовым, трудам и тщаниям которого издавна приписывалась „Повесть“.

Для меня не показательны ни год, помещенный в 1-ой редакции „Повести“ после заглавия (он может принадлежать протографу), ни вирши со словами „ярославского“, „ростовского“ вместо этих слов можно вставить что угодно: „московского“, „вологодского“ и т. д. Искать в них намек на происхождение автора „Повести“ мне кажется безнадежным делом.

Одно только несомненно: это то, что место о Катыреве вставка, как доказывает это С. Ф. Платонов, и Катырев мог и не знать о существовании приписываемой ему „Повести“.

На вопрос же: каков был протограф Кубасова? я не могу ответить теперь — не позволяют размеры статьи и намеченная мною тема, полагаю, что выяснить его можно из сличения „Повести“ в ее многообразных списках и рукописи Филарета, т. е. заново переделать работу, проделанную А. А. Кондратьевым

[1]) Сборникъ въ честь М. К. Любавскаго, стр. 179—180.

в 1878 году [1], вооружившись новыми методами и данными, приобретенными русской исторической наукой за этот период.

Это я и ставлю своей ближайшей задачей. Своевременна она уже потому, что А. А. Кондратьев не знал некоторых хронологических данных о Кубасове, именно того, что тот еще служил в 1694 году, а следовательно, не мог быть современником событий 1606—1613 годов, а последнее обстоятельство разрушает одно из основных положений А. А. Кондратьева, что хронограф Кубасова есть труд, составленный очевидцем событий Смуты.

Выяснение же того, что именно составляет сущность Кубасовской речи, опровергает и другое его основное положение о том, что хронограф Кубасова служил источником для Дворцовых Разрядов.

Самое поверхностное сравнение вступительного рассказа о Минине и Пожарском в I т. Дворцовых Разрядов (с. 2—3) с подобным же местом Кубасовского хронографа (Р. И. Б., XIII, с. 699—705) делает очевидным, что типичных „кубасовских" словечек нет в рассказе Дворцовых Разрядов, — рассказе, наоборот, изобилующем фактическими подробностями, неизвестными Кубасову. Опровержение же этого аргумента А. А. Кондратьева позволяет окончательно не считаться с тем его положением, что хронограф Кубасова является произведением, принадлежащим первой четверти XVII века, а этим самым мы получаем больше оснований приписывать составление „Повести" Кубасову, деятельность которого, как мы видим, падает на вторую половину XVII столетия.

Александра [illegible]

К вопросу о колонизации старообрядцами Олонецкого края в конце XVII века.

Проведенное патриархом Никоном исправление церковных книг и обрядов возбудило против новшеств умы не в одной Москве: споры, возникшие в столице, нашли себе отклик во всей Руси, особенно, когда к концу XVII в. к противникам новшеств стали применять наказания по градским законам и ссылать их в заточение и просто рассылать с родины по всей земле Русской. Многие из таких приверженцев старины, опасаясь преследований и не ожидая гонителей, сами покинули

[1] А. А. Кондратьевъ. „О такъ-называемой Рукописи патріарха Филарета" (Ж. М. Н. Пр., 1878 г., сентябрь).

свои жилища и побежали в леса, если такие находились вблизи у них на родине, а если таких не находилось, покинули родные места.

Упорное сопротивление Соловецкой обители, восстание старцев Палеостровского монастыря, многочисленные случаи самосожжения отметили существование приверженцев старых обрядов на севере. В Поволжье, на Керженце, кроются последователи Капитона; в Новгородских пределах странствует игумен Тихвинского Николы-Беседного монастыря Досифей. в Новгородских же лесах ищут Федора Токмачева с его последователями; в всех украйнах, на Дону, на Кубани, в Сибири, а позднее за Шведским и Польским рубежами, встречаем мы бежавших туда старообрядцев. Любопытно отметить, что все они, несмотря на столь широкое расселение, постоянно поддерживали между собой сношения. Эти сношения происходили путем переписки. [illegible] посылки разного рода посланий при помощи [illegible] кочевавших, не стесняясь ни расстоянием ни временем года.

Так известно, что протопоп Аввакум, получив послание с единоверцем [illegible], писал, что прислал послание [illegible] [1]; он [illegible]: „Въ Соловки [illegible] хотя бы [illegible]; письма [illegible], въ монастырь [illegible], какъ хочешь тайно бы, письма тѣ дать [illegible], буде нельзя, ино бы и опять назадъ [illegible]“ [1]. Он же писал Морозовой: „И серебряну у Бердышъ въ [illegible] дѣлать [illegible] своими бѣдными руками [illegible] въ Бердышѣ. И дай отъ себя ему шубу и денегъ близко полтины, и поклонися ему низко, [illegible] отнесетъ, Богомъ хранимъ, [illegible] моего свѣта, [illegible] серебряну дѣлалъ старецъ Епифаній“. И далее: „[illegible] пишешь ты ко мнѣ в своихъ грамоткахъ про Федора“ [3].

Княгиня Урусова переписывалась с детьми из Боровска, заточенная в тюрьме [4]. Инок Ефросин писал послание к Онуфрию с обличением самосожигательной ереси; послание это несет к Онуфрию Мина. Ефросин писал: „Жестоко ты рыкнулъ (на севере) аже здѣ азъ услыхалъ“ [5].

Мы видим, следовательно, что рассеянные по всей Руси старообрядцы были между собой в переписке. Это обстоятельство может служить подтверждением того, что и выбор мест для поселения беглецов как из Новгородских пределов, так и

---

[1] Н. И. Субботин, Материалы для истории раскола, т. VIII, стр. 40.
[2] Я. Л. Барсков. Памятники первыхъ лѣтъ старообрядчества. Спб. 1912, стр. 45.
[3] Там же, стр. 42.
[4] Старина и Новизна, т. XX, М. 1916, стр. 20—40.
[5] Х. М. Лопаревъ, Отразительное писаніе, Спб. 1895, стр. 612, 4, 11.

из Соловецкого монастыря в бассейн р. Выга не был случайным. Малая населенность этой местности и отдаленность ее от административных центров подсказывала беглецам о своем для них гостеприимстве; но малая ее населенность не свидетельствует еще о малой ее известности среди ревнителей старины: через Олонецкую губернию пролегала большая дорога, по которой издавна богомольцы направлялись из Новгородских пределов в Соловецкий монастырь, а торговые люди — к Белому морю. Путь их шел по р. Свири на Онежское озеро и далее волоком до р. Выга, а по этой реке на Сумский острог [1]).

Он описан подробно академиком Озерецковским, посетившим этот край в 17[illegible] г. Он говорит, что „Повѣнецъ передъ всѣми городами, вокругъ Онежскаго озера лежащими, имѣетъ то преимущество, что каждое лѣто видитъ въ оный множество православныхъ христіанъ, которые, отправляясь изъ разныхъ городовъ, селъ и деревень, проѣзжаютъ на судахъ все Онежское озеро и пристаютъ къ Повѣнцу, откуда предпріемлютъ путь свой къ Соловецкому острову, на Бѣломъ морѣ лежащему. Путь сопряженъ со многими трудностями“. От Повенца направлялись на Рембалгубу деревню, от нее [illegible] верст по озерам до горы Масельской; оттуда на дер. Масельгу, оттуда [illegible] верст по Маткозеру до дер. [illegible]; по р. [illegible] на Выгозеро до дер. Койкиницы и до Черного волока, далее на дер. Воренжей, от нее по Сумозеру до дер. Сумостровья и дер. Лапиной и до Сумского острога, а с него по Белому морю в Соловецкий монастырь. Обратный путь был тот же [2]).

По этой же дороге шли торговые люди с товарами из Новгородского, Олонецкого и Каргопольского уездов к побережью Белого моря, с которого везли домой вымененные на товары рыбу и соль. Купцы ходили по этой дороге издавна и эта была единственная для Олонецкого края дорога к морю, так что, когда воевода Мещеринов, осаждая Соловецкий монастырь, „для своей бездельной корысти“ понаделал заставы на этой дороге и обирал купцов, то они перестали ездить с товарами к морю, и это вызвало царскую грамоту от 11 января 1675 г. с приказанием снять заставы [3]).

[1]) А. С. Николаевъ, Краткій историческій очеркъ водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ Россіи. Спб. 1900, стр. 25.

[2]) Озерецковскій, Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому. 2-е изд., Спб. 1812, стр. 261.

[3]) Доп. к А. И. т. V, № 67, стр. 365.—Есть известие, что инок Кирилл пользовался этой дорогой. „Блаженный же Кириллъ, страхомъ гонителей гонимъ, и любовію древлеотеческаго благочестія оперяемъ, бѣжаше чрезъ непроходимыя пустыни, по Корельскимъ селеніямъ и тако къ сѣверной странѣ дошедъ на мѣсто, зовомое Повѣнецъ, и оттуда же на морскую дорогу, къ нѣкоторым

Местному населению пустыни эти не были чужды. Обычай селиться в необитаемых местах был издавна распространен среди иноков северных монастырей: они колонизовали Поморье. Берег Белого моря тянул благодаря насельникам его к Соловецкому монастырю; побережные поселки—Сумский острог, Колежма, Кемь, Шуя-река, Нюхча, Шижма, Пурнема, Нижмозеро, Кушерека Воца, Керета, Сегозы, Варзуга, Унежемское усолье и Усолье Примской волости были вотчинами монастыря [1]). Вотчины эти естественно поддерживали связь с обителью, но вместе тем имели сношения со всем Поморьем по причине торговли солью и рыбой.

Вся остальная часть нынешней Олонецкой губернии в церковном отношении и связанном с ним экономическом тяготела к Новгороду, к Новгородскому владыке и его Софийскому дому [2]). По ней были рассеяны вотчины дома св. Софии и целая сеть обителей. Многие из них были основаны выходцами из Кирилло-Белозерского монастыря и тяготели к нему [3]).

И вот зависимость этой области от Соловецкого монастыря с севера и от Новгорода с юга оказала свое влияние на колонизацию ее старообрядцами. По возникновении раскола старообрядчества с севера пошли в Поморье и Олонецкие пределы с пропагандой выходцы из Соловецкого монастыря, облеченные авторитетом этой обители. Один из первых проповедников вероучения о неправильности четырехлитерной титлы на кресте Господнем (І. Н. Ц. І., ратовавший за восстановление более древней (Ц. С. І. Х.), дьякон Игнатий, покинув Соловецкую обитель ради принятого ею этого новшества, пошел скитаться по Поморью, проповедуя среди населения о погибели веры и наступления царства антихриста и укрепляя в своих слушателях уверенность в необходимости держаться этой старой веры для получения вечного спасения и опасение принять новую веру, с которой связана была погибель в загробной жизни. Из Новгородских пределов появился с подобной же проповедью известный игумен Тихвинского Николы-Беседного монастыря Досифей, тоже обходивший Олонецкие пределы, при помощи которого

вѣсь, именуемую Слободу, яже прилежитъ ведущему въ поморскія страны пути; пришедъ же ту обрѣте нѣкоего страннолюбца, именемъ Өеодота и обита у него нѣколько дней въ тайнѣ", Житие пр. Кирилла. ркп. нашего собрания, № 18, л. 123 об. Для сокращения, мы будем впредь обозначать рукописи нашего собрания литерой Д. с № рукописи.

[1]) Акты Софийского Дома, хран. в Археограф. Ком., т. IV, № 172, л. 140. Отписка Соловецкого архим. Иосифа от 12 февраля 1675 г. о причитающихся с 33 вотчин монастыря платежах в пользу Софийской Новгородской казны.

[2]) Б. Д. Грековъ, Новгородскій домъ св. Софіи, I, Спб. 1914, стр. 252—267.

[3]) Н. К. Никольскій, Кирилло-Белозерскій монастырь и его устройство, Т. II, Спб. 1910. прил. I—XVII.

враг рода человеческого диавол сеял среди населения тот „куколь душевредный“, о котором заявлял царь Алексей Михайлович на соборе 1667 г. в слове, обращенном к отцам собора на втором его заседании, бывшем 29 апреля: „Насѣя бо Домовитъ Небесный благоплодовитую ниву православныя державы нашея“, говорил царь, „чистого благочестія пшеницею, но врагъ завистный, спящимъ намъ, имъже Богомъ врученъ стражъ ея, всѣя куколь душевредный, егоже аще ревность ваша умедлитъ исторгнути и искоренити бѣдство будетъ, и пшеница да не подавится“ [1]. Большое влияние на местное население оказал и епископ Павел Коломенский, сосланный в Палеостровский монастырь. Население было подготовлено к принятию беглецов этими проповедниками: оно укрывало бежавших сюда ревнителей старой веры, оберегало их от преследования властей и указывало им безопасные места для поселения, предупреждало их в случае угрожавшей им опасности от гонителей. Это были те христолюбцы, о которых повествуют официальные документы и житие северных подвижников-старообрядцев.

Игумен Палеостровского монастыря Кирилл в жалобе на нападавших на монастырь раскольников, поданной 11 января 1700 г. Олонецкому воеводе стольнику В. Н. Зотову, сообщает о том, что они живут „великим скопом и заводом“, разумея их скиты и поселки на Выге, пишет, что они в Шуньской, и в Толвуйской, и в Челмужской погосты и на Повенецкий рядок „выезжають почасту и всякіе припасы въ техъ погостехъ себѣ онѣ воры промышляють, а жилецкіе люди ихъ воровъ въ домъ къ себѣ пропущають и всякими припасы ссужають, а в городехъ воеводамъ и приказнымъ людемъ онѣ вышеписанныхъ местъ жилецкіе люди на нихъ воровъ и раскольниковъ не извещаютъ, а чинятъ имъ ворамъ и раскольникамъ поноровку, потому что въ техъ погостехъ многіе люди тому раскольничьему ученію верятъ и отъ церкви Божіей отщепилисъ и стоятъ въ великой противности“. Тоже подтвердил обельный Коземка Исаков на допросе по поводу предыдущей челобитной в приказной избе перед воеводой: „А в Шуньской де и Толвуйской погосты и на Повѣнецъ они воры изъ тѣхъ лѣсовъ выѣзжаютъ по часту и всякіе припасы въ тѣхъ мѣстахъ промышляютъ и жилецкіе люди, которые съ ними въ совѣтѣ, ихъ воровъ въ домъ къ себѣ пропущаютъ и всякими припасы ихъ ссужаютъ“ [2].

---

1) Доп. к А. И., № 102, стр. 445. — Соборныя дѣянія, изд. Братства св. Петра, М. 1881, л. 10 об.

2) Судное дело о разорении Палеостровского монастыря. Олонецкія губернскія ведомости 1849 г., № 8 и № 9.

А вот как повествуют об этих христолюбцах сказания о Выговской пустыне и особенно жития скитальцев [1]).

Инок Виталий, живя в пустых кельях Матозерского монастыря „кормился от христолюбцев“ [2]).

Когда Кижский поп Симеон хотел схватить инока Корнилия, живущего на Белом острове, то „священник Вадлозерский Павел и другие боголюбцы известиша Корнилію о прочиих, да яко же можеть уклонится, аще ли не уклонится, то [illegible] ять будеть“ [3]).

Христолюбец Мануил прибегал к иноку Кириллу в 1684 г. и предупреждал его о том, что его ищут гонители [4]).

Тот же инок Кирилл шел из Повенца в сел. Слободу и там поселился, скрываясь от гонений, у некоего страннолюбца Федота, который провел его в лес и указал место для поселения. Но здесь он опасался остаться; тогда Федот „сказа ему о дальней пустыни Выгореціи, еже отстоить отъ Выгозера яко 50 поприщъ, и проводи его тамо. Федоть же приведе его въ пустыню ту и постави ему тамо келію малу, еже полукопану вкопа въ землю, да не скоро обрѣтена будетъ ловящими по пустыни той христоборцы“ [5]). Тот же Кирилл вернулся из пустыни в свой монастырь на Сугу тайно через христолюбца. „Оный же христолюбецъ по усердію его отведе тайно куда овъ повелѣваше“ [6]). Уведенному из Пильмой пустыни „Корнилію и тайно по домамъ христолюбцевъ преходя крыющуся, внидѣ въ предѣлы града Олонца... да ему покажутъ мѣсто въ пустыни“ [7]).

Мы не будем злоупотреблять приведением лишних примеров: они нашлись бы в изобилии.

Местным людям эти пустыни были отчасти знакомы: по ним, как мы видели выше, ходили звероловы. Они проторили тропы, и этими тропами пользовались беглецы. Условия передвижения были очень тягостны и не лишены опасности, но тем не менее отшельники их преодолевали. Летом топи и болота были мало проходимы и в лесах нападала на человека так

[1]) Для нашей задачи жития эти дают обильный бытовой материал, и в этой час и известия житий могут считаться достоверными, так как бытовая обстановка жизни скитальцев была хорошо известна как составителям житій так и читателям, для которых предназначались жития, и потому писателям не было надобности прибегать к особым риторическим приемам при изображении ее, к тому же неправильное изображение могло подорвать доверие к литературному произведению.

[2]) И. Филиппов, Исторія Выговской пустыни. Спб. 1862. стр. 18.

[3]) Житие ин. Корнилия. Д. № 18. л. 99.

[4]) Житие ин. Кирилла, Д. № 18, л. 116 об.

[5]) Там же. л.л, 123 об.—124.

[6]) Там же, л. 130.

[7]) Житие ин. Корнилия. Д. № 18. л. 24.

называемая „гнусь“ т. е. мошки и комары [1]), кроме того, летом надо было наблюдать за посеянными в огородах овощами, поэтому передвижения иноков происходили преимущественно зимой. Они шли по снегу и по льду на лыжах [2]). Если странникам не удавалось находить для ночлега келий или избушек звероловов до ночи, им приходилось ночевать под открытым небом, спасаясь от мороза при „нудяхъ“ т. е. кострах [3]). Но и эти путешествия были далеко не безопасны: когда некий Семеон шел в Богоявленскую обитель „внезапу премѣнися воздухъ, и буря велія воста и снѣга множество просыпася и вихры зѣло суровые сокрушашу старческое лице; тойже яростію бури сгоняемъ, совратися со обычнаго пути и не видяше, камо идеть, и едина ему точию надежда бяше лыжи, яже подъ ногами бяху“ [4]). Василий Кенозерец заблудился на Соловецком острове, зимой, проплутал три дня и выбрался только благодаря найденной стезе к пещере старца Андрея [5]).

И все таки иноки часто переходили с места на место. Для примера приведем сведение о передвижениях некоторых иноков. Инок Корнилий жил сначала на р. Водлѣ, оттуда пошел на Кяткозеро, оттуда на Нигозеро, на Водлозеро, на Белый остров, на Немозеро, на Машезеро, на Гавушезеро и уже оттуда на Выг, где и провел остаток жизни [6]). Инок Виталий жил сначала на р. Свири, оттуда прошел в Машезерский монастырь, прошел к иноку Корнилию, от него в Москву, оттуда на р. Водлу, опять поселился на р. Свири, у Остречинского погоста, вернулся в Машезерский монастырь, через Шуйское село ходил на р. Суну

[1]) Вот как описывает эту „гнусь“ известный этнограф Рыбников, ехавший по дороге из Данилова, в Повенецком уезде „Итак, мы двинулись, кто верхом, кто в санях, кто пешком. Был удушливо-жаркий день, тропа приходилась как раз против лучей солнца; мириады оводов, мух и мошек носились около лошадей, но в сумятице садились и на людей и, вероятно, по ошибке пробовали кусаться, и если кто-нибудь не успевал принять предосторожности то мгновенно бывал укушен до крови... отбывши невольную дорожную повинность, усталые и искусанные гнусом, мы добрались кое как до берегов Лижмозера... приходилось для отдыха людям и лошадям делать привалы посреди леса с грустным сознанием, что вместо покоя ожидает перспектива надеванья куколя (полотняного шлема с забралом из волосяной сетки, сермяжки или толя) для защиты от тьмы комаров“. Рыбниковъ, „Изъ путевыхъ замѣтокъ по Петрозаводскому и Повѣнецкому уѣздамъ“, Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1867 г., Петрозаводскъ 1867, стр. 45, 46, 51.

[2]) И. Филипповъ, Исторія Выговской пустыни, стр. 117; Житие ин. Кирилла, Д. № 18, л. 136.

[3]) И. Филипповъ, назв. соч., стр. 99.

[4]) Житие ин. Кирилла, Д. № 18, л. 144 об.

[5]) Житие Диодора Юрьевой горы, Д. № 220, л. 133—133 об. Диодор подвизался в Каргопольском уезде и преставился в 1633 г.; условия передвижений по пустыне были те же, что и во второй половине XVII в., почему мы и воспользовались его житием.

[6]) Житие ин. Корнилия, Д. № 18, л.л. 24 об.—32.

к иноку Кириллу, от него вернулся в Шуйское село, откуда прошел к иноку Корнилию и там умер [1]).

На месте, где такой скиталец останавливался на более продолжительное время, он строил себе келью, если не находил себе готовой, и покидал ее для таких же как он скитальцев. „Ту поставп съ нимъ инокъ Корнилій“, как мы видали выше, „себѣ келью малую, половину которой вкопалъ въ землю“ [2]). Инок Епифаний сложил себе келью деревянную о пяти стенах „межъ углы сажень съ локтемъ одну, а другую полсажени поперекъ, а вдоль бѣлую книгъ ради и моленія; а другая большенная вышеписанная черная покоя ради и рукодѣлія. И егда соверши келійцу помощію Христовою, покры добрѣ досочками и стѣнки вытесалъ и опечокъ здѣлалъ, все добрѣ зоготовилъ и лѣсъ весь зготовилъ на сѣни“ [3]). В житии инока Корнилия келия описана так: „и присмотрѣ нигдѣ мѣсто отъ трехъ сторонъ каменемъ остѣнено, съ четвертой точію входъ древесы устворивъ и верхъ помостивъ, покры землею“ [4]).

Андрей Соловецкий ископал себе пещеру, чтобы в ней спасаться в уединении, вне монастыря. В горе была скважина, в которую еле мог пролезть человек; это был вход в пространную пещеру совершенно темную. Другая пещера имела окно с юга и была светлая; в ней, на земле, были поставлены четыре „сошки“ на них положены две дощечки и два корытца; в одном лежала моченая трава для пищи, а в другом была вода для питья [5]).

Многие иноки гибли в кельях от угара. В рукописных поморских тетрадках встречаем следующее предостережение инокам. „О уединенный жителю пустыни. Нагрѣвая келію свою, доколѣ угліе вонъ не печи, и чадъ добрѣ спущай, самъ же въ томъ часѣ не ложися спати огнюдь, а водою не заливай, ни снѣгом ни засыпай углія, понеже паки разгорается и окраваетъ. Таковъ бо есть угаръ. Егда обниметъ спящаго человѣка, тогда сердце его зайдется и смерть бываетъ. Аще и возстанетъ, но не имать памяти камо изыти и паки разитъ о землю. О человѣче, внимай себѣ, да не како смертію безвременно скончаешися“ [6]).

Келии часто горели [7]), а иноки их вновь строили без ропота. Если избранное иноком место было достаточно безо-

[1]) И. Филиппов, назв. соч., стр. 117—120.
[2]) Житие ин. Кирилла. Д. № 18, л. 124 об.
[3]) Житие ин. Епифания, Д. № 17, л. 89 об.—90.
[4]) Житие ин. Корнилия, Д. № 18, л. 24 об.
[5]) Житие Диодора Юрьевой горы. Д. № 220, л. 133 об.—136.
[6]) Д. № 319, л. 2.
[7]) Житие ин. Епифания. Д. № 18. л. 174.

насно и удобно, то к нему сходились новые беглецы и рядом с его кельей ставили свои. Выростал таким образом скит. Иноки выбирали места для селитвы по берегам рек и озер, чтобы иметь возможность ловить рыбу, которая водилась в них в изобилии. Вокруг келий поселенцы жгли суки, разрабатывали лесные целины под пашни мотыком, сеяли хлеб, репу, а если скит разростался, строили мельницы для своей потребы: пашницы подавали приходящим скитальцам [1]). Питались обитатели скитов частью подаянием христолюбцев, но главным образом собственными средствами [2]). В свободное от молитвы время они занимались и рукодельем: Епифаний [3]), Кирилл и Варлаам [4]) резали из дерева кресты и посуду и выменивали их христолюбцам на пищу. Кроме того, Епифаний умел рисовать картины назидательного содержания: в числе их дошли до нас рисунки изображающие крест Христов, правильное перстосложение со свидетельствами о нем из божественного писания. Такие картины были помещены им в часовне Колостровской деревни и в Копонежской церкви [5]).

Кроме хлеба и овощей иноки питались рыбой; драли луб, сушили его, толкли и пекли из него хлебы [6]); ели они также нарубленную траву, которую вымачивали в воде, имея для того корыта [7]). Летом иноки странствовали в лаптях, а зимой шли на лыжах [8]): за спиной носили они кошель для пищи, который, ради умерщвления плоти, набивали также каменьями и чурками [9]). Если был какой скарб, то везли его на кережах, т. е. лопарских санях.

Иноки и беглецы, бежавшие из Соловецкого монастыря, носили следующие одежды: рубашки и портки белые; штаны суконные, бумазейные, ропдужные (т. е. из овечьих и оленьих шкур), выбойчатые; чулки сермяжные и вязаные; сапоги сафьянные и нерпячьи; каньги оленьи и ветчаные; однорядки вишневые простые и с пашивкой фомьяншиной, темно-зеленые с серебряными пуговицами; ряски китаешные, кумачные, краше-

[1]) Житие ин. Кирилла. Д. № 18, л.л. 77 и 135; Житие ин. Епифания. Д. № 18, л. 168

[2]) Житие ин. Корнилия. Д. № 18. л. 21 об.

[3]) Житие ин. Епифания. Д. № 18. л. 182.

[4]) Житие ин. Кирилла, Д. № 18, л. 87.

[5]) Это картины, акварели, которые изображают отличие церкви старой от новой: на одной стороне перечислены и изображены особенности старой а на другой—после Никоновской, новой, дошли до нас. Житие ин. Епифания Д. № 17, л. 193 об.

[6]) Житие ин. Кирилла. Д. № 18, л. 125 об.

Житие Диодора, Д. № 220. л. 135 об., 138.

[8]) Житие ин. Епифания. Д. № 18, л. 215 об. и 217 об.

[9]) И. Филиппов, назв. соч., стр. 117.

линные, бумазейные, из сукна чернического, мухохрные, таусинные на белках; ферязи дорогильные, красные на беличьих черевах, киндяшные, на песцовых черевьях; кафтаны бумазейные, киндяшные лимонные, кумачные, камчатные, лазоревые с шелковым шнуром, суконные: черного Торопецкого сукна, вишневые, зеленые, синие: подбитые зайцем, сурком; шубные кафтаны под желтым сукном, под бумазеей и под крашениной; шубы: песцовыя, бараньи, овчинные, заячинные под киндяком, чернические овчинные под черным сукном, бараньи, крытые сукном зеленым с ожерельем (т. е. воротником) куньим с шелковой нашивкой; кошульки (кошули) т. е. шубы овчинные, и заячьи под синей крашениной, кожаны, шапки пуховые, крытые сукном, красным, черным, темновишневым, темнозеленым, темносиним, подбитые лисой, соболем, куницей, рассомахой, оленем; каптуры (шапки) суконные темнозеленые и черные старческого сукна, иногда подбитые куницей; треухи овчинные, суконные черные на лисьем меху; рукавицы суконные черные, вишневые, и подбитые мехом овчинным, лисьим, волчьим с вязенками, рассомаховым; иногда сукно на них было красное и вишневое; рукавицы лопские [1]).

Мы уже видели, что передвижения иноков по лесам зимой были связаны с большими опасностями, и многие странники гибли: их находили другие, шедшие случайно по их следам. Покинутые иноками кельи давали приют новым пришельцам, которые иногда находили в келиях усопших в них прежних посельников и предавали их земле с подлежащими молитвами, завернув тело их берестой, если не было ткани [2]), а имена их заносили в свои синодики для поминания. Если же невдалеке жили христолюбцы, иноки оповещали их о кончине почитаемых отцев, и тогда на погребение сходились почитатели и дети духовные. „Въ годъ той“, пишет автор жития инока Кирилла, „во время великого поста, егда уже начинаше весна, зимние снѣга груды поядати, два нѣкая мужа поидоша на рѣку Выгъ ради рыбныя и звериныя ловли. Бывшима же има въ прежде-помянутой избѣ, яже нынѣ Кириллогъ именуется, узрѣша отъ

[1]) Сведения об одежде заимствованы нами из подлинной описи зданий и имущества Соловецкого монастыря, составленной стольником и воеводой князем В. А. Волконским и дьяком Алматом Чистого, в 1676 г., после подавления в нем мятежа, хранящейся в Московском Архиве Министерства Иностранных дел в Монастырских делах за 1676 г., № 35. В ней на л.л. 508—523 писана опись рухляди, найденной в монастырской „казенной верхней палатѣ Соловецкаго монастыря старцевъ и служекъ иконъ и книгъ и платья“, здѣсь поименованы владельцы рухляди—старцы, попы, служки и, повидимому, беглецы, и при каждом имянинке переписано его имущество. Бежавшие из монастыря, очевидно, носили подобные же одежды.

[2]) Житие ин. Кирилла. Д. № 18, л. 134.

рѣки въ гору слѣдъ лыжный по снѣгу исправный, по немуже шедше мало обрѣтоша келію. Толкнувше же, не получиваже отвѣта: въ нюже вшедше, обрѣтоша старца (инока Кирилла) сѣдяща на лавицѣ, обратившагося ко святымъ иконамъ, единою страною о стѣну опершася, псалтирь же лежащу предъ нимъ отверсту и кадильницу со угліемъ и фиміамомъ и кратиръ съ бѣліемъ пустыннымъ стоящи близъ него, въ руцѣ же держа четки. Приступльше же близъ его и видѣвша уже умерша, не смѣюще же прикоснутися ему, изыдоша вонь изъ келіи" [1]. Далее описывается его погребение при участии местных христолюбцев.

Тяжкие условия странствий по северной пустыне и жизни в ней первых ее колонизаторов нашли на себе яркое отображение в северных поморских синодиках, сохранившихся в множестве списков, благодаря тому, что поминание усопших было распространено во всех старообрядческих поморских скитах. В них, в общих статьях, составленных в Поморьи, мы читаем: „Помяни Господи души рабъ твоихъ за благочестіе пострадавшихъ въ нынѣшняя послѣдняя времена на Москвѣ, и въ Новѣградѣ и въ Псковѣ и въ Казани и въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Пустоозерѣ и на Колмогорахъ и на Олонцѣ и на Каргополѣ и на Дону и въ Сибири и во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ и мѣстѣхъ и пустыняхъ нашея Русскія земли за провославную вѣру различными смертьми отъ жизни сея истребленыхъ и другихъ рабъ твоихъ за благочестіе отъ насилія мучителей во многихъ странахъ въ различныхъ мѣстѣхъ огнемъ згорѣвшихъ и въ водахъ утопшихъ, и въ бѣгствахъ гладомъ и жаждою исчавшихся и многоразличнѣ и многоскорбнѣ отъ житія сего отшедшихъ" [2].

„Помяни Господи пострадавшихъ Тебѣ ради Христа Бога нашего... пустынныхъ жителей, скончавшихся уединяяся въ особыхъ мѣстѣхъ въ горахъ и въ вертепахъ, въ столпѣхъ и затворѣхъ, и въ пещерахъ и въ пропостѣхъ земныхъ и въ расѣлинахъ каменныхъ, во всякомъ вѣдомомъ и невѣдомомъ мѣстѣ, скончавшихся великою скорбію и тѣснотою и всякими различными напастьми представльшихся отъ сего свѣта земного къ Тебѣ, милосердому Богу и Отцу" [3].

„Помяни Господи, души, иже въ лѣсахъ и блатахъ и въ горахъ непроходимыхъ и въ дебрѣхъ заблудящихъ и въ вертепахъ и въ пещерахъ и въ клачезяхъ и въ ровъ впадшихъ умершихъ, и въ пропостѣхъ земныхъ и во всякихъ мѣстѣхъ

[1] Житие ин. Кирилла, Д. № 18, л. 136 и след.
[2] Синодик Выгорецкой обители. Д. № 635, л. 291 об.
[3] Там же, л.л. 264 об.—265.

вѣдомыхъ и невѣдомыхъ скончавшихся и безъ покаянія умершихъ" [1]. „Помяни Господи, работныхъ рабъ и рабынь, послужившихъ отцемъ и братіямъ нашимъ, ихъ же нѣсть кому помянути. Ты Самъ, Господи, вѣси имена ихъ" [2].

И вот, когда читали перед неугасимой лампадой многочисленные имена, записанные в синодик, в памяти читающих и молящихся восставали воспоминания об „отцѣхъ и братіяхъ" им лично известных и не им [illegible] погибших в пустыне одною из указанных выше смертей при странствии по пустыне ради спасения души. И вся северная пустыня в отдельных ее скитальцах, рассеянных в скитах и отдельных разбросанных повсюду кельях, [illegible] этими воспоминаниями, была ими как-бы связана, несмотря на дальность расстояния этих поселков друг от друга.

Читая жития своих отшельников и страдальцев ближайшие их последователи также вспоминали то, что происходило на их глазах, на их памяти, или о чем узнали из повествований старейших. И писатели житий сумели прекрасно изобразить это стремление верующей души, ищущей спасения от антихристовой прелести в бегстве от мира в пустыню для единения с единомышленными ей пустынножителями.

Так, инок Кирилл [illegible] застать инока Варлаама и [illegible] его умершими и лежащими в заранее приготовленной близ келии могиле. „И абіе", пишет агиограф, „неудержанымъ стремленіемъ низпустился долу и паче на отеческія перси, обоихъ иноковъ лице и устнѣ цѣлуя, вопіяше: Что оставляете мя едина, отче мой любезный? Что отходиши отъ мене сладкое души моея веселіе? Что можемъ убѣжати не явися ми крѣпкій молитвенниче пустынный! О моего сиротства послѣдняго! Епифаній, оставивъ мя, вѣнца (т. е. страдальческого) ищет, и Варлаамъ, не указывая мнѣ, въ невѣдомый путь убѣжа. Но чего ради тако сотвористе отцы святіи, еда прозорливое ваше око усмотрѣ нѣкоторыя хотящія мнѣ быти напасти, но тако же странствія вашего да не оставите мя молитвами вашими, но присно осѣняйте мя покровомъ заступленія вашего, да возмогу и азъ постигнути васъ и съ вами купно насладитися уготованныхъ праведнымъ благихъ" [3].

При многих таких отдельных кельях выросли новые, образовались скиты, а при них поселки бельцов, возникли пашни, частобища, выросли деревни. Расположенные в бассейне

[1] Там же, л. 267-268.
[2] Там же, л. 289.
[3] Житие ин. Кирилла, Л. № 18, л. 103-104.

[illegible] Выга скиты объединились около Данилова Выгорецкаго скита, образовали так называемый суземок; к средине XVIII в. их было в нем до 30. Это была знаменитая Выгорецкая обитель. Множество других келий и скитов было разбросано по всему Поморью. Такова обстановка, при которой происходила колонизация севера старообрядцами.

В. Дружинин.

Один из бумажных водяных знаков XVII века [1].

Просматривая сборники филиграней невольно поражаешься необычайным разнообразием встречающихся в них изображений. В поисках за сюжетами для метки своих произведений бумажные фабриканты использовали, кажется, все царства природы: в качестве знаков мы встречаем и плоды, и цветы, и животных; нередко фигурируют светила небесные; не забыта мифология, широко использована геральдика и т. д.

Но за то очень редко найдем мы на бумаге изображения, представляющие жанровые сцены. По поводу одного из таких изображений мне и хотелось-бы сказать несколько слов в настоящей заметке. Бумажный знак, о котором сейчас идет речь, изображает даму и кавалера, стоящих лицом друг к другу. Между ними цветущий розовый куст; дама протягивает кавалеру цветок, а он подымает бокал, по всей вероятности, за ее здоровье. Под изображением обычно надпись, более или менее искаженная, *à la mode papier*. Эта надпись может служить и самым удобным названием для нашей филиграни.

Не пытаясь разбирать здесь вопрос о происхождении или идее занимающего нас изображения, я все же полагаю уместным упомянуть, что приведенный сюжет встречается не только на бумаге, но и на некоторых других произведениях промышленности. Так, сюжет кавалера с дамой в положении, весьма напоминающем описанную филигрань, не редок в качестве узора на старинных русских набойках. Исследователь набойного производства в России Н. Н. Соболев полагает, что этот сюжет навеян лубочными картинками, изображающими Королевну Дружневну со славным витязем Бовой Королевичем [2].

[1] Настоящая статья является частью задуманного автором и подготовляемого к печати сборника, состоящего из ряда заметок по методологии и технике собирания и научного использования бумажных водяных знаков, а также небольших монографий об отдельных филигранях.

[2] *Н. Н. Соболев.* Набойка в России. М. 1912. стр. 71 (ссылка на *Собко*, стр. 195—196).

У нас пока еще нет монографических исследований относительно отдельных филиграней и исследователи, имеющие дело с бумагой, вынуждены довольствоваться трудами общего характера в данной области, гл. обр. сборниками бумажных водяных знаков. Между тем, как кажется, пришло время, когда чувствуется настоятельная надобность именно в работах монографического характера, детально освещающих вопрос о хронологии и территории распространения по крайней мере наиболее обычных филиграней. Дипломатист и палеограф уже не могут в настоящее время удовлетворяться суммарными указаниями вроде того, что кувшинчик характерен для русских документов XVI в., а изображение Ярославского герба встречается в бумаге выделки пол. XVIII—нач. XIX ст. На вопрос о времени и месте написания документа, поскольку такой вопрос может быть разрешен на основании показаний, даваемых самой бумагой, требуется по возможности точный ответ. А такой ответ возможен лишь путем подробного и мелочного изучения отдельных, наиболее распространенных и типичных знаков.

Для примера могу указать на попытку проследить эволюцию и установить таким образом хронологию столь обычного у нас знака в виде Ярославского герба, сделанную покойным проф. В. Н. Щепкиным в его учебнике русской палеографии. Те несколько строк, которые он посвящает этому вопросу, явятся для многих настоящим откровением и будут служить руководящим указанием не для одного исследователя. С этой точки зрения я считаю нелишним поделиться и своим небольшим опытом, вынесенным из обращения со старой бумагой.

Филигрань „A la mode papier“ фигурирует уже в старейшем русском сборнике Лаптева; есть она и у Тромонина, но лишь Н. П. Лихачев впервые обратил внимание на ее особенности и сделал (правда, попутно и в виде примечания) попытку приурочить происхождение бумаги, помеченной этой маркой, к определенной стране и установить время ее обращения в русских документах. По его предположению бумага с таким знаком—французской выработки и нередко встречается в русских актах конца XVII ст., причем, как на пример, указывает на писцовую книгу М. А. Ю. № 54—7200 года[1]). В вопросе о происхождении бумаги предположение Н. П. Лихачева стоит как будто в некотором противоречии с им-же самим установленной схемой смены разных сортов бумаги на московском рынке. По этой схеме уже к пол. XVII в. французская бумага окон-

[1]) *Н. П. Лихачевъ*. Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ, стр. 297—298, прим. 6.

чательно вытесняется у нас из обращения фабрикатами других стран. Это не значит, конечно, что во второй пол. XVII в. французская бумага совсем не попадала в Россию. Кильбургер, напр., сообщает существовавшую в его время цену в Москве на „французскую почтовую бумагу малого формата“ [1]), но о массовом употреблении ее в приказах, как будто-бы, не может быть уже речи [2]).

Попытаюсь, поэтому, выяснить по возможности территорию распространения бумаг со знаком „A la mode papier“, а также на основании полученных таким путем данных установить ее происхождение и хронологические пределы ее употребления.

В альбоме, приложенном к труду Н. П. Лихачева „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы“, сделана сводка всех опубликованных до того времени снимков филиграни „A la mode papier“. Два из них заимствованы из сборника Лаптева (№№ 685^1 и 685^2) и два взяты у Тромонина (№№ 683 и 684). По словам Тромонина он срисовал свои знаки из книги киевской печати 1697 г.; Лаптев, указывая на 1690 г., ничего не говорит о том, где он нашел зарисованные им филиграни. Но внимательное рассмотрение его сборника приводит к убеждению, что, начиная с № 41, подавляющее большинство знаков заимствовано им из книг западно- и южно-русской печати. За время моих занятий, мне также несколько раз приходилось встречаться с филигранью, о которой сейчас идет речь. Так, знак этот зарисован мною из книги „Трубы словесъ проповѣдныхъ...“ Лазаря Барановича, напечатанной в типографии при Киево-Печерской лавре в 1674 г.; разновидность знака встречена затем в книге, тоже киевской печати 1676 г. „Огродекъ Марiи Богородицы“ Антония Радивиловского. Несколько лет тому назад А. А. Лебедев [3]) подарил для моей коллекции старинных бумаг полулиста с тем-же знаком; по его заверению бумага извлечена им из принадлежавшей Киевской духовной академии рукописи, относящейся к концу XVII в.

[1]) *Б. Г. Курцъ*, Сочиненіе Кильбургера о русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Кіевъ, 1915, стр. 116—117.

[2]) Лично мне представляется, что вопрос о распространении у нас с XVII ст. французской бумаги следовало-бы пересмотреть с привлечением всех доступных данных о состоянии во Франции бумажной промышленности и торговли бумагой. Известный лексикон Савари, сведения которого относятся именно к концу XVII в. и б. м. началу XVIII в., рисует перед нами и ту и другую настолько в цветущем состоянии, что, по-видимому, Франция и в это время поставляла значительное количество бумаги для севера Европы, а в Леванте весьма успешно вытесняла с рынка продукты итальянского происхождения.

[3]) Автор описания рукописей церковно-археологического музея Киевской духовной академии.

В марте 1920 г. в Саратове мною приобретен сборник на латинском и русском языках. По листам рукописи идет следующая запись: „Hic liber qui vocatur praecepta Rhetoricae Dictabat Rhetoricis Discipulis In Collegio Kiiwomohilensio Reverendus Pater Antonius Kovkzinsky anno Xti 1732 Scriptus autem a servo Dei Basilio Ioannis filio Fedorow eodem anno cujus ille liber est subscriptus est ille liber anno D-ni 1735 Mense septembri 11 die rure Paulowka". На оборотной стороне листов перевод этой записи: „Сія книга, которая называется Правила Риторическіе Подавалъ Риторики ученикамъ въ Коллегіи Кіевомогилянской честный отецъ Антоній Кувѣчинскій году Х-ва 1732 Писана жъ сія книга рабомъ Божіимъ Василіемъ Іоанновымъ сыном Федоровым Тогожъ году егожъ сія книга есть Подписанаж сія книга року Гдня 1735 Мця Септемврія въ 11 день в селѣ Павловкѣ". Кроме лекций по риторике Кувечинского в сборнике имеется и второй курс ее, читанный для студентов Киевской академии в 1732 г. Сильвестром Кулябкой, а также ряд проповедей и других статей. Все это писано рукой того же Василия Федорова или „Theodorowskj", как он называет себя в других местах.

Приведенная выше запись, типичный южно-русский почерк, язык сборника и статьях, писанных по-русски, с несомненностью указывают на место происхождения рукописи. Бумага на всем ее протяжении совершенно однородная и, судя по внешнему виду, приобретена вся сразу, переплетена в книгу, куда студент Киевомогилянской коллегии Федоров с 1732 г. записывал лекции своих профессоров и другие, интересующие его статьи.

В отделении рукописей и старопечатных книг Саратовского университета имеется рукопись, поступившая сюда из собрания покойного проф. И. А. Шляпкина [1]. Сборник представляет в главной своей части письмовник на латинском языке. Эта часть, поскольку можно судить по почерку, составлена в начале XVIII в. За ней следуют письма Феофана Прокоповича, очевидно включенные в сборник как образцовые в эпистолярном отношении, а затем несколько стихотворных произведений того же автора. Эту часть можно датировать 1710-ми г.г. При переписке в одну книгу письмовника и творений Прокоповича сзади, по всей вероятности для окончания дальнейших записей, было приплетено несколько тетрадок чистой бумаги, помеченной интересующим нас знаком. Время переплета определяется довольно точно с одной стороны датами писем, включенных

[1] По каталогу И. А. Шляпкина № 265; временный № рукописного отделения — 310.

во вторую часть сборника, а с другой—имеющейся записью. А именно, последнее по времени из датированных писем помечено декабрем 1754 г. и, следовательно, оно не могло попасть в сборник раньше 1755 г. Принимая во внимание тот промежуток времени, который должен был пройти, прежде чем частное письмо знаменитого стилиста сделалось достоянием публики, мы вправе и даже обязаны отодвинуть на несколько лет вперед указанную выше границу. Затем на задней крышке переплета читается запись одного из владельцев рукописи: „1758 года апреля 29 день“. Сопоставив обе даты, мы, кажется, без боязни впасть в ошибку, можем утверждать, что наш сборник произведен в промежуток времени между 1750 и 1758 гг. Этим, насколько возможно точно, определяется и хронология части бумаги с филигранью „A la mode papier“ в конце книги. Любопытно, что при переплете оборванные уголки во второй части сборника заклеены бумагой с тем же знаком. К сожалению, на переплетных страницах только незначительная часть его, но и по ней мы с уверенностью можем сказать, что рисунок его значительно отличается от рисунка филиграни на чистых листах. Здесь не безынтересно отметить также то обстоятельство, что и первая часть сборника писана на бумаге со знаком, очень близким по сюжету с разбираемым нами. Вследствие тонкости линий и их расплывчатости мне не удалось уловить всех подробностей рисунка. Однако несомненно, что и здесь мы имеем дело с изображением двух человеческих фигур, обращенных лицом одна к другой. Но, как кажется, обе фигуры женские и стоят они так близко друг к другу, что между ними едва ли есть место для какого-либо третьего предмета. Нет также и следов традиционной подписи.

Что касается вопроса о месте написания сборника, то в этом отношении мы находим достаточно ясные указания в записях разного рода, рассеянных по книге. Так, на задней крышке переплета мы читаем: „Сия книга от числа книг г-на Константина Олоровского“. „А подписалъ из iеродiаконъ ст-ыя Кiево-печерския лавры Венедиктъ Дедрацкiй“. Запись на передней крышке гласит: „Ex libris Constantini Olorowsky“. На переднем форзаце имеется длинная хозяйственная запись следующего содержания: „Годуется на жрѣвъ десятеро Г: Гусовъ одинацетеро: Г: Утовъ тринадцятеро дворовихъ. Г: Курей всѣхъ тридцятеро. Свиней котерихъ кормятъ брагою шестеронадцетеро Подсвинков надвернихъ двадцетеро. В сажѣ пятеро на сала. Коней старихъ пятеро. Воловъ шестеро. Коровъ с телятками пятнадцетеро. Телятъ трое“. Далее, другою рукою: „Хибъ неврагъ (?) буде щобъ олоровскому руки остачней не укрутивъ

за недоброхотство". Язык этих записей, их почерк, равно как фамилии, в них упоминаемые, ясно указывают на Малороссию и несомненно, что, по крайней мере, часть записей сделаны в самом Киеве. Полагаю, что в южно-русском происхождении сборника не может быть сомнения.

Гораздо реже филигрань „A la mode papier" встречается (по крайней мере, по моим сведениям) в документах, относительно которых можно с большей или меньшей вероятностью предполагать, что они написаны в пределах Великороссии. Мне известны пока следующие случаи. Половина этого знака, содержащая только нижнюю часть его, попалась мне в одном из столбцов, хранящихся в Историческом Архиве Саратовского Общества Истории, Археологии и Этнографии; документ относится к 1700 г. На бумаге с тем-же знаком, но особого рисунка, черновик или копия челобитной Выдомских о возврате отписанных на государя отцовских поместий; даты нет, но из того, что нам известно о судьбе Выдомских из труда генеалога Н. Н. Кашкина, время составления челобитной падает на 1692 г. [1]. Обрывок занимающей нас филиграни встречен и в разрозненных и недатированных столбцах, относящихся к роду Плещеевых вероятнее всего конца XVII в. [2]. Документы, о которых я сейчас упомянул, находятся в рукописном отделении Саратовского университета [3]. Этот скудный перечень можно, пожалуй, пополнить указанной Н. П. Лихачевым писцовой книгой 7200 г., хранящейся в Московском Архиве Юстиции, хотя при этом необходимо еще выяснить, к какой именно местности относится данная книга.

Сопоставляя имеющиеся в нашем распоряжении показания о территориальном распространении филиграни „A la mode papier", мы необходимо должны притти к заключению, что бумага с таким знаком употреблялась главным образом в Малороссии и что в Великороссию она попадала редко и в небольших количествах. В Киеве и прилегающих областях на ней печатаются и пишутся целые книги; потребление ее, таким образом, имеет массовый характер. Что же касается областей великорусских, то здесь она, за весьма редкими исключениями, встречается лишь в отдельных документах. Время, к которому относится употребление данного сорта бумаги, и территория, где это упо-

[1]) Н. Н. Кашкин, Родословные разведки, т. I, Спб., 1913.

[2]) Кроме того, могу еще указать на приходо-расходные книги Богословского монастыря близ Рязани за 7197 г. Бумага этих книг выгодно отличается своим, сравнительно, весьма высоким качеством.

[3]) Временные №№ 32—1921 и 34—1921.

Книги Богословского монастыря в рукописях И. А. Шляпкина (его № 118, № отделения 166).

требление наиболее обычно, уже сами по себе делают весьма сомнительным предположение о французском происхождении ее. Если вообще северо-восток Европы к концу XVII в. был, как уверяет Н. П. Лихачев, потерян для продуктов французских бумажных мельниц, то по отношению к Малороссии это особенно применимо. Пересмотр изданий, выходивших в XVII в. из типографий Киева и других центров южно- и западно-русского книгопечатания, убеждает, что в большинстве они печатались на бумаге разного происхождения: польской и немецкой вперемежку, с преобладанием первой. После присоединения Киева к Москве в киевских изданиях (напр., „Мечъ духовный", 1666 г.) начинает попадаться и голландская (или та, которую мы привыкли называть голландской) бумага и также вперемежку с польской и немецкой. Знаков, характерных для бумаг французских, в киевских изданиях мне пока не попадалось.

Не говорит в пользу французского происхождения и самое качество бумаги „A la mode papier". За весьма немногими исключениями она очень плохой отделки, грубого помола, с ясно видимой на свет кострой. Даже самые низкие сорта французской книжной бумаги XVII в. во всех отношениях стоят выше ее. Невозможно передать на словах того впечатления, которое бумага производит на осязание исследователя, да, быть может, такие впечатления и нельзя приводить, как доказательство. Но все же попутно позволю себе заметить, что в этой бумаге при перелистывании не чувствуется той своеобразной нежности и шелковистости, которые так характерны и до настоящего времени для бумаги французской выработки.

Третье обстоятельство, заставляющее меня отвергать предположение о французской выработке заключается в подписях, имеющихся под филигранью, в их поражающей безграмотности. На снимке, приведенном у Лаптева, подпись читается (насколько возможно разобрать) Al mod paper; на снимках у Тромонина— All mod papier и Al mode papier; в бумаге, на которой напечатан „Огродекъ" подпись дана в форме All mode pappier; в рукописи Шляпкина, описанной выше, - Al mod pappier и т. д. Встречается даже A lo modo bapir. Все эти искажения ясно указывают, что мастера, изготовлявшие формы для отливки бумаги с этой филигранью, не были знакомы с французским языком, были не французами, а повторяли, как умели, фразу, служившую отличительной маркой ходового в то время товара.

Я не считаю нужным тратить время на доказательства в пользу того, что бумага „A la mode papier" не обязана своим происхождением ни голландским, ни итальянским фабрикам. Голландская бумага конца XVII—пол. XVIII вв. слишком хорошо

известна, чтобы ее можно было смешать с какой бы то ни [illegible] другой. Что же касается итальянских фабрикатов, то [illegible] приложимости и к ним только что сказанного. Нельзя [illegible] что уже с XVI в. они не проникали на восток дальше Балканского полуострова.

Остается, следовательно, только Польша и Германия. [illegible] ни низка в общем по своим качествам [illegible] бумага XVII [illegible] она все же имеет свои особенности, [illegible] ее с бумагой немецкой. Несомненно, [illegible] состояния техники на качестве бумаги [illegible] свойство самого тряпья, идущего на [illegible] Еще Кильбургер заметил, что на московских мельницах не могут выра[illegible]ться хорошие сорта по недостатку [illegible] тряпья [illegible] мании очень рано почувствовался недостаток тряпья, что [illegible] к установлению так наз. Lumpenrevier'ов. [illegible] XVII—XVIII вв. сказывалась на грубости [illegible] шихся жителями, а косвенно и на грубости бумаги. Польские сорта, как они ни плохи по сравнению с современными им французскими или голландскими, все же гораздо [illegible] вистее и нежнее на ощупь, чем немецкие. [illegible] бумажная масса как будто более мелкого, тщательного помола. [illegible] бумага „A la mode papier" по качеству ближе всего подходит [illegible] современным ей немецким сортам. И, действительно, [illegible] ее происхождение имеются указания в самих филигранях.

У Н. П. Лихачева [2]) приведен в уменьшенном виде рисунок нашей филиграни, заимствованный из книжки E. Marabini „Die Papiermühlen im Gebiete der weiland freien Reichsstadt Nürnberg" (Nürnberg, 1894), извлеченный яко-бы из документа 1618 года. По поводу этой даты я позволю себе сказать несколько слов потом. Выше филиграни читается „Nurmberger", т. е. как место производства указывается Нюренберг. Затем, на знаке, имеющемся на бумаге книги „Огродокъ Марiи Богородицы", надпись, состоящая из слова „Bilaw".

В „Geographisch-Historisch-Statistisches Lexikon" von Wolfgang Täger (Nürnberg 1805) мне удалось найти сведения о населенных пунктах, носящих имя Bielau. Таких поселений три, все они находятся в Силезии и, кроме того, там же две деревни носят название Bielawe. Про одно из Bielau в словаре говорится: „Bielau.—Pfarrdorf mit 511 Einwohnern und 3 *Papiermühlen* in Schlesien. Neisseres Kreis. Gehört dem Grafen Pückler". Более чем вероятно, что это и есть то Bilaw, которое читается при одном из вариантов нашей филиграни.

[1]) *Б. Г. Курцъ*, op. cit., стр. 116—117.

[2]) *Н. П. Лихачевъ*, Палеографическое значение etc., т. I, Спб. 1899, стр. [illegible]

Итак, наблюдения над филигранью „A la mode papier“ приводят нас к выводу, что бумага с этим знаком производилась не во Франции, а, вероятнее всего, в Германии. Время ее употребления падает на последнюю четверть XVII в. и продолжается до 40-х г.г. XVIII ст. Бумага эта особенно характерна для памятников, писанных или печатанных в Малороссии. Случайное попадание ее в документах великорусского происхождения может указывать на то, что и в конце XVII в. часть употребляемой Московским государством бумаги доставлялась через сухопутную границу из польских владений.

Здесь не место входить в рассмотрение того, как эти выводы могут быть использованы для целей дипломатики или палеографии. Скажу только, что для полноты использования мы обязаны были бы проследить не только вопрос о происхождении и распространении разбираемой филиграни, но и выяснить периодические изменения в рисунке изображения, установить смену разновидностей. В отношении подобного упущения могу сослаться лишь на скудость имеющегося пока в моем распоряжении материала. Позволю выразить надежду, что лица, в этом отношении поставленные лучше меня, произведут эту необходимую работу. До завершения ее, полагаю, полезные указания может дать знакомство с историей костюма XVII - XVIII в.в.

Выше я упомянул о знаке, зарисованном Н. П. Лихачевым у Marabini и взятом будто бы из документа 1615 г. Слишком резкое несоответствие этой даты с тем, что мы знаем о хронологических границах распространения филиграни „A la mode papier“, делает ее подозрительной. Я знаком с работой Marabini лишь по ссылке на него у Н. П. Лихачева. Возможна даже и простая опечатка. Мог быть введен в заблуждение и сам Marabini, приняв позднейшую копию за подлинник. Иначе трудно понять, почему знак, возникший в начале века, регулярно начинает встречаться лишь с последней четверти его, ни разу не попав на глаза никому из исследователей в течение целых 60 лет. Особенно бросается в глаза искажение подписи на знаке у Marabini. Уже одно это указывает на очень позднее происхождение зарисованной им филиграни, на такое время, когда смысл фразы окончательно утратился и мастера, не понимая надписи, имитировали ее, как умели, заботясь лишь об отдаленном созвучии и не обращая внимания на смысл.

А. Гераклитов.

Заградительные отряды XVII века.

В ноябре 1698 г. именитый человек Григорий Дмитриевич Строганов и многие разных чинов купецкие люди били челом великому государю о том, что во многих городах им приходится нести крупные убытки и разорение в торгах и промыслах по причине насилий от местных воевод, и самое тяжелое из этих насилий состоит в том, что воеводы произвольно ставят заставы на сухих путях и по рекам и на тех заставах задерживают возы и струги с товарными грузами, а приказчиков, кормщиков, водоливов и работных людей, сопровождающих те возы и струги, берут под караул, и сажают в тюрьмы, и отнимают у них таможенные выписи, и для пропуска возов и стругов в дальнейший путь требуют с них немалые взятки деньгами, и солью, и хлебом.

Челобитчики указывали на то, что деятельность таких заградительных отрядов, самовольно устанавливаемых воеводами, вопреки многим запретительным указам, вносит величайшее расстройство в торговые промыслы купецких людей. Такие заставы появились в Юрьевце-Повольском, в Муроме, в Касимове, в Елатьме, в Серпухове, в Тарусе, в Алексине, в Калуге, в Перемышле, в Лихвине, во Мценске, в Белеве, в Кашире, в Орле.

Изложенному челобитью дан был надлежащий ход и 10 ноября 1698 г. состоялся указ о назначении строгого расследования всех указанных в челобитьи злоупотреблений. Стольнику Ивану Ильичу Давыдову повелено было об'ехать поименованные выше города, отобрать у воевод об'яснения по жалобам челобитчиков и сыскать о том всякими сыски накрепко, вправду, служилыми и приказными и посадскими людьми, а затем доправить о тех кормщиков, работников и приказчиков, которые сидели под караулом и у которых воеводы вымогали взятки. Заставы, установленные воеводами по рекам и по сухим путям, Давыдов должен был немедленно снести. На время розыска местный воевода должен был высылаться в какой либо соседний город, чтобы своим присутствием он не мешал следствию и не оказывал давления в свою пользу на допрашиваемых. Наказ о производстве розыска выдан был Давыдову из Новгородского приказа и в этот же приказ Давыдов должен был представить розыски за руками сыскных людей и перечневые выписи с тех розысков с подлинною очисткою за своею рукою.

В делах Новгородского приказа сохранились „доезды“ Давыдова [1], по которым и можно восстановить картину этой своего

[1] Моск. Арх. Мин. Иностр. Дел, Приказные дела №№ 429. 430. 432. 434.

рода „сенаторской ревизии“ XVII века. В последующем изложении я приведу из этих доездов данные, рисующие конкретную обстановку заградительных отрядов XVII ст., а также указывающие отчасти на некоторые подробности товарного движения того времени по Окскому краю.

Розыск Давыдова продолжался с ноября 1698 и до конца мая 1699 г. 1 мая 1699 г. Давыдов прибыл в Каширу. Выслав каширского воеводу кн. Алекс. Иван. Волконского в Венев Давыдов приступил к розыску. Первым был допрошен земский староста каширского посада и затем трое десятских. Все они согласно показали, что в 1696 и 1697 г.г. стольник и воевода кн. Волконский держал под Каширой на реке Оке заставу. В 1696 г. на той заставе стояли каширцы—стрелецкий сын, да пушкарский сын, а в 1697 г. караулы на заставе держали прихожей человек Ульячка, прозвищем Пеньтюх и люди самого воеводы. Как только сверху Оки подъезжали к заставе струги именитого человека Григория Дмитриевича Строганова и купецких всякого чина людей, нагруженные солью, их останавливали у заставы и находившихся на стругах кормщиков, подрядчиков, водоливов и работных людей отводили в город к воеводе. Для чего все это делалось они не ведают, точно так же им неизвестно, брал ли воевода с тех людей взятки и была ли застава под Каширой на сухом пути и производилось ли задержание прогонного скота и товарных обозов. Про взятки пусть-де скажут сами те люди, с кого взятки брались, а про сухопутную заставу следует расспросить перевозчика каширского перевоза каширянина Артюшку Беляева. Точь в точь такие же показания дали 19 посадских людей каширского посада.

Затем Давыдов приступил к допросу потерпевших. Прежде всего были допрошены три кормщика, все крестьяне дворцового села Дединова Коломенского уезда. Состояли они кормщиками на подрядных соляных стругах именитого человека Григория Дм. Строганова, а один из них кроме того состоял кормщиком у гостя Григория Федорова сына Шустова. Во главе этих судов стояли *подрядчики*, тоже все крестьяне дединовцы. Очевидно, дворцовое село Дединово Коломенского уезда специально промышляло обслуживанием торговых судов, возивших товары по Оке.

Все эти кормщики сказали, что струги их были останавливаемы на заставе под Каширой, а самих их держали в тюрьме и водили к воеводе, который и взял с них: с одного два рубля с гривною, с другого—два рубля с полтиною, с третьего—семь алтын, да соли два пуда. Караул на заставе держали каширяне—служилые люди, а с ними на заставе были

и люди воеводы. Струги, подходившие сверху реки, уже без клади, тоже подвергались задержанию, и за пропуск их в дальнейший путь с них брали по гривне и по семи денег а иных два алтына и по десяти денег с каждого струга, а без взятки стругов не пропускали.

Затем перед следователем прошел ряд кормщиков и водоливов, работавших на стругах Строганова и на подрядных стругах крестьян дворцового села Ловец Переяславль-Рязанского уезда. К крестьянам того же села принадлежали и сами кормщики и водоливы этих стругов. Вели они струги с солью от Нижнего-Новгорода вверх по Оке. Все без исключения вынуждены были дать взятки каширскому воеводе кн. Волконскому. Размеры взяток с человека варьировали от 20 алтын до 2 р. с лишком. Один из допрошенных кормщиков прибавил, что такие же взятки приходилось давать воеводам и других городов по Оке; так, ему пришлось уплатить на заставах в Переяславле-Рязанском—4 алтына, в Касимове гривну, в Елатьме 4 алтына, в Муроме 5 алтын.

Розыск был дополнен допросом представителей некоторых групп населения Каширы, составлявших свои особые сотни, отдельные от каширского посадского мира, а также допросом некоторых подьячих.

Каширские рыбные ловцы и стрельцы дали показание во всем сходное с речами посадских людей: застава была, людей со стругов к воеводе водили, но брал ли воевода с них взятки, того они не ведают. К допросу были призваны и ямщики Коломенского яма на том основании, что они были сведены на Коломну из Каширы. И они дали точно такое же показание. Наконец, то же самое показали и каширские пушкари и воротники, но один из них кроме того воспользовался случаем, чтобы кстати принести на кн. Волконского жалобу и в личной своей обиде: взял его воевода в 1697 г. под караул, держал в тюрьме две недели безвинно, отобрал у него 50 языков говяжьих мяс, а так как во время его задержания в тюрьме у него в лавке погнило мяса на шесть рублей, то за это воевода и лавку его запечатал своим перстнем.

Подьячий приказной избы и двое подьячих губных дел показали, что застава действительно существовала, но относительно вымогательства воеводою взяток отозвались незнанием. Стрелец Титка Зеновин, несший караульную службу у заставы, показал, что работных людей со стругов к воеводе водили, но взяток с них воевода не брал ни деньгами, ни солью, а только давали они ему, Титке, в честь по две и по четыре деньги. Но пушкарь Мартинка Помело, тоже стаивавший у заставы,

ноябре удостоверил, что и взятки воевода брал, но только ему неизвестно поскольку, а относительно размера взяток, по его словам, должны быть осведомлены воеводские люди Ивашка Шляхта, да Исачка Непылиха. Однако, показаний этих воеводских людей в „доезде" как раз и не находим и были ли допрошены Давыдовым Шляхта и Непылиха, остается неизвестным.

Ранее, нежели в Кашире, а именно в ноябре 1698 г. Давыдов произвел розыск в Серпухове и Тарусе. Оба эти города были подчинены одному воеводе—Василию Володимеровичу Шемякину. Здесь прежде всего был допрошен сам воевода Шемякин. Он во всем заперся. Отвергая все обвинения челобитчиков, он объяснил, что по его приказанию подьячие стерожили идущие по Оке вверх и вниз струги—вверх к Орлу и к другим верховым городам струги везли соль, а вниз к Москве везли хлеб—и водили к нему, воеводе, с тех стругов работных людей вовсе не для задержания стругового ходу и не для вымогательства взяток, а совсем для других целей: по распоряжению из Поместного приказа ему было предписано сыскивать беглых людей и крестьян среди работников, ездящих на торговых стругах, ибо в заручном челобитьи, которое было подано в Поместный приказ серпуховскими, тарусскими и оболенскими помещиками и вотчинниками, прямо указывалось на то, что многие их люди и крестьяне бегают от них вниз и вверх по Оке на стругах.

Допросив воеводу Шемякина, Давыдов отослал его на время розыска в Тулу, а сам приступил к дальнейшим допросам. И допросы эти отнюдь не подтвердили правильности объяснений воеводы.

Всего по этому розыску было допрошено 112 человека. Никто из допрошенных, за одним только исключением, не обмолвился ни словом о том, что дело тут шло о выслеживании беглых владельческих крестьян и людей. Да мы ведь уже и знаем из предшествующего, что струги, ходившие по Оке, обслуживались исключительно крестьянами двух *дворцовых* сел, а не владельческими.

Единственное исключение на допросах составил подьячий Серпуховской приказной избы Кирьяков, который показал, что будто он—также подьячий приказной избы—вместе с денщиками по наказной памяти за рукою воеводы Шемякина действительно осматривали струги, ходившие по Оке, розыскивая, нет ли на них беглых людей и крестьян. Однако же показание Кирьякова оказалось, в сущности, наиболее убийственным для Шемякина. Ибо Кирьяков прибавил, что *по наказной памяти воеводской*

брат его сыскивал на стругах беглых людей и крестьян, а *по словесному приказу* воеводы он в то же время взимал с тех стругов деньги и соль, а кормщиков и водоливов гонял к самому воеводе.

Что касается посадских людей Серпуховского посада, то они в своих показаниях разошлись. Земский староста Серпуховского посада и 60 рядовых посадских людей дали показание дипломатическое: существование на Оке под Серпуховым воеводской заставы они признали, признали и то, что с останавливаемых у заставы стругов водили к воеводе работных людей, но как и для чего это делалось объяснить отказались, отговариваясь полной неизвестностью и ссылаясь на то, что сами они струговым делом не занимаются, а река Ока от Серпуховского посада отстоит на значительное расстояние, и им всего того знать непочему. Впрочем, трое из этой группы указали, что воеводские люди и пристава имали насильно со стругов посуду и рыбу, а платил ли воевода за ту посуду и рыбу деньги им неизвестно.

Зато другая группа серпуховских посадских людей (61 ч.) показала определенно, что воевода брал взятки со стругов, а в добавление к этому показанию многие из этой группы не преминули принести жалобы и на собственные свои обиды, понесенные ими от того же воеводы: жаловались на то, что воевода берет у них из лавок свежую рыбу и деньгами по шести и по десяти денег с места; указывали на то, что и приезжающие на серпуховской рынок иногородние продавцы подвергаются воеводским притеснениям и поборам, берут с них на воеводу безденежно лук и чеснок вместе с решетами, а также отбирают и телеги, колеса, бочки, рогожи, соль, а один жалобщик показал, что Шемякин взял с него нападками своими пять рублев под страхом отсылки его под Азов в кирпичники.

Решительно засвидетельствовали о воеводских взятках со стругов на Оке и тяглецы Серпуховской конюшенной слободы и серпуховские кузнецы. Любопытно, что и у этих двух групп серпуховского населения оказались свои собственные претензии на воеводу. Тяглецы конюшенной слободы показали, что в 1697 г. в Серпухове была получена грамота о том, чтобы тяглецов этой слободы ни в какой иной чин не писать, и ни в какие посылки не посылать, и к пушкарской службе не определять, а воевода тою грамотою пренебрег, и посылал их во всякие посылки, и взял с них за освобождение от тех посылок по четыре рубля с человека. Кузнецы же жаловались на то, что воевода заставляет их безденежно делать на себя кузнецкое дело.

Серпуховской циезд Давыдова вскрывает, между прочим любопытную черту в социальном составе Серпуховского посада. Там оказалось не мало „людей гостинной сотни серпуховских жителей". Среди допрошенных встречаем девять людей Гостиной сотни. Любопытно, что люди этой группы все решительно и смело свидетельствовали против воеводы, категорически удостоверяя справедливость всех жалоб, заявленных в челобитьи владельцев товарных стругов. Все они сами принадлежали к классу оптовых торговцев и на собственном опыте изведали воеводские вымогательства при проезде их собственных стругов по Оке и при прогоне по дорогам их скота. В своих показаниях они распространились и об этих личных своих невзгодах и нарисовали такую выразительную картину самоуправств, обрушившихся на товарное движение того времени, что мы считаем не лишним поподробнее передать содержание некоторых из этих показаний.

Берем для примера сказку „гостинные сотни серпуховского жителя" Шилова. В 1698 г. после Семенова дня, читаем в этой сказке, послал он, Шилов, с братом своим Юрьем, два струга из Серпухова для хлебной покупки на Орел. В Алексине воевода взял с тех стругов на заставе с гривною полтора рубля, в Калуге воевода взял с гривною 60 алтын, в Перемышле воевода взял с гривною полтора рубля, в Лихвине на заставе пришлось уплатить воеводе 2 р. 10 алт., в Белеве на заставе воевода взял 2 рубля, „а на заставе под Белевым положен канат для задержания стругового ходу"; на Орле пришлось заплатить 40 алтын, на Коломне 16 алтын 4 деньги, на Кашире — 20 алтын, все местным воеводам на заставах. А когда струги Шилова пришли обратно в Серпухов, то воевода Шемякин бил его, Шилова, и увечил, драл на нем платье, грозился бить батоги, взял с него четыре гривны, да на тулупе у него пуговицу серебряную сорвал, а тулуп взял себе и держал с неделю, пришлось тот тулуп выкупить за четверть овса. К сожалению, в сказке не об'яснено, за что серпуховской воевода распалился таким гневом на Шилова.

Возьмем теперь сказку гостинной сотни серпуховского жителя Медведева. Это повесть о злоключениях при прогоне продажного скота. В 1697 г. Медведев гнал из малороссийских городов купленный там скот. В Рыльском уезде натолкнулись на заставу, установленную уже не воеводой, а местным помещиком Акинфием Тургеневым. За пропуск пришлось уплатить людям и крестьянам Тургенева 13 алтын 2 деньги. В Курске Медведева продержали сутки под караулом в приказной избе и за освобождение воевода взял с него четыре рубля, да подьячему пришлось дать 6 алтын 4 деньги, да приставу гривну. На Туле мо-

гонщики у моста чрез р. Упу взяли „на воеводу и на себя" три рубля 20 алтын, да по прибытии в Серпухов пришлось заплатить воеводе 20 алтын. А в нынешнем году в Курске у заставы воевода взял с его прогонного скота со 300 голов по деньге со скотины всякой, а „тот же его скот из малороссийских городов по 20 лет в Серпухове в прогоне не бывал".

В качестве потерпевших здесь выступают перед нами опять дворцовые крестьяне сел Дединова и Ловец, и показания их точно такие же, как и с [illegible] „[illegible]". Размер взяток, уплаченных воеводе, определяется здесь от 20 алтын до трех рублей с человека, а с некоторых брали сверх того еще по два пуда соли и многих при том били „смертным боем".

Подьячие Серпуховской приказной избы и Серпуховской площади тоже подтвердили существование заставы, но относительно всего прочего отговорились незнанием, ссылаясь на продолжительные служебные отлучки из Серпухова. Один из них объяснил, что он долгое время жил по служебным делам в Москве, а до возвращения в Серпухов отправился в уезд к межевым делам; другой ссылался на то, что он все время находился на [illegible] дворе близ Серпухова для записи проезжающих.

Зато совершенно убийственными для воеводы оказались показания пяти пушкарей, по распоряжению воеводы стоявших у заставы. Они прямо показали, что работных людей со стругов [illegible] водили к воеводе, и воевода взятки с них брал от алтына и по полтине с человека, да солью по пуду и по пол-пуда, а иных [illegible] и без дач, не отпускали они струги от заставы не иначе, как по письменным распоряжениям от воеводы.

Наконец, очень любопытное показание дал перевозчик большого перевоза чрез Оку под Серпуховым. Из этого показания, подтвержденного некоторыми другими допрошенными людьми, узнаем, что в прежнее время при прохождении чрез тот перевоз прогонного скота всяких чинов людей к Москву [illegible] водили погонщиков к воеводе, который брал с них [illegible], но затем перевозчик вступил с воеводою в договор, чтобы не делать остановки прогоняемому скоту, [illegible] от привода к нему погонщиков с перевоза в город, но с тем, чтобы сразу получать определенную сумму за известный срок с самого перевозчика; так, в 1697 г. перевозчик дал от себя воеводе 23 р., в 1698 г. за первое полугодие — 15 р. и за второе 8 р. Это не что иное, как отдача воеводою перевозчику на откуп сбирания с погонщиков [illegible] поборов. Конечно, перевозчик с своей стороны покрывал с лихвою те уплаты воеводе и погонщикам приходилось платить [illegible]

прежнего, но за то расчет делался с ними тут же, на самом перевозе, погонщики выигрывали драгоценное время, а воевода тоже был не в проигрыше, ибо он получал с перевощика сразу вперед круглую сумму.

Среди рассматриваемых документов имеются еще два „доезда“ Давыдова — лихвинский и белевский.

Я уже не буду излагать их с такой же подробностью: картина в общем развертывается здесь та же самая. Отмечу лишь некоторые отдельные черточки.

Лихвинский воевода также во всем заперся и задержанию стругов на заставе дал об'яснение, сходное с об'яснением серпуховского воеводы, хотя и не тождественное: он сослался на то, что по грамоте из Розряда должен был розыскивать на стругах бежавших из Москвы в 1698 г. восемнадцать стрельцов, хотя тут же добавил, что ни одного стрельца на стругах им обнаружено не было. Запирался во всем и белевский воевода и тоже об'яснял выставление заставы необходимостью выслеживать и ловить беглых стрельцов, крестьян и людей. Работных же людей со стругов, по его словам, к нему водили только для того, чтобы разбирать их споры и ссоры по их же словесным друг на друга челобитьям, в тюрьму же он сажать их не мог, потому что в Белеве и тюрьмы не имеется.

И на этот раз воеводские об'яснения были опровергнуты сказками многих людей, привлеченных к розыску. Многие лихвинские посадские люди показали, что вымогательство взяток на заставах постоянно практиковалось и при настоящем и при прежних воеводах. В Лихвине, судя по распросным речам, взятки воеводские доходили до 5 р. с человека, да до двух пудов соли. В Белеве земский посадской староста об'явил даже, что однажды человек Григория Дмитриевича Строганова подавал ему, старосте, явочную челобитную на воеводу в том, что воевода присылал на их струги своих людей, которые били струговых работников смертным боем и вымучивали у них многие деньги.

Подьячие белевской приказной избы отрицали задержание стругов у Белева и заявили, что струги стоят тут в осеннее время собою многие дни, потому что в это время здесь производится расплата с работными людьми солью и при этом многие из них „запиваются“ на кружечном дворе и бывают у них в пьянстве драки и хозяева приходят к воеводе с просьбами унять работников от пьянства, для чего воевода и сажает их под караул, но не иначе, как по челобитьям их хозяев.

При розыске в Белеве особое внимание было обращено на канат, протянутый под Белевым чрез Оку. Одни на допросе

говорили, что канат протянут для задержания ходу, но другие указывали на то, что канат служит для перевозу, который устроен от Белевского Спасского монастыря, потому что без каната на одних шестах переезжать реку в этом месте затруднительно.

Любопытно еще отметить указание одного из белевцев на то, что на воеводской заставе под Белевым начинается особенно усиленная деятельность воеводских людей по задержанию стругов и вымогательству с них взятков в то время—„как торговые люди едут к *Свинской ярмарке* и назад от ярмарки с товары".

Совокупность всех данных, заключающихся в „доездах" Давыдова, не оставляет сомнения в том, что товарное движение по Оке подвергалось тяжелым препятствиям по причине беззастенчивых воеводских самоуправств. Вся Ока была усеяна воеводскими заставами; торговым стругам на каждом шагу грозила остановка, которую можно было предотвратить, только задарив воеводу, его людей и караульщиков, дежуривших на заставах. А неудовлетворение требований, пред'являвшихся воеводами и людьми их, вызывало тотчас самую решительную расправу с работной командой торговых стругов. Работных людей сажали в тюрьму, били их смертным боем и задерживали их суда впредь до того момента, когда воевода признавал себя, наконец, удовлетворенным.

Как мы уже знаем, Давыдов должен был немедленно снести все воеводские заставы. К сожалению, мы не узнаем из архивных документов, какие кары были наложены на виновных воевод в результате произведенного Давыдовым расследования и насколько это расследование предотвратило возобновление таких же самоуправств на будущее время.

Ал. Кизеветтер.

Состав Московского слободского схода.

История Московских слобод с их внутренним устройством и бытом совершенно не затронута в исторической литературе в виду того, что архивный материал по этому вопросу крайне скуден. Тем большую ценность приобретают сохранившиеся дела XVII в. Мещанской и Кадашевской слобод, первые в Московском Архиве Министерства Иностранных Дел, вторые в Московском Отделении Дворцового Архива. Хотя мы тут не найдем де-

лопроизводства с'езжих изб, которое вскрыло бы повседневную, будничную жизнь слободы, но и дела приказов, ведавших эти слободы, могут дать представление об устройстве слободы и ряд картин ее жизни. Предлагаемый очерк касается одного только узко поставленного вопроса—организации мирского схода в Мещанской слободе во второй половине XVII века, при чем на основании ряда отрывочных указаний источников можно утверждать, что сказанное о Мещанской слободе относится и к другим Московским слободам.

Наиболее авторитетным выразителем воли мира был мирской сход или мирской совет. Сохранилось 17 протоколов мещанского схода, по которым можно составить понятие о составе участников схода и его работах, но рассмотрение этих протоколов затрудняется тем, что имена участников далеко не всегда можно приурочить к определенным жителям Мещанской слободы, как вследствие обилия одинаковых имен и отчеств, так и слишком краткого обозначения некоторых участников схода только по именам.

Первое наблюдение, которое бросается в глаза, это немногочисленность мещан, составлявших сход. В марте 1676 года при наличности в слободе 559 тяглых дворов на должности головы и ларечного к винному приему сход избирал в составе только 11 мещан. По книге 1684 года в Мещанской слободе было в 692 дворах 659 человек муж. пола, да у них детей, взрослых и малолетних, внучат и племянников 754 чел. и кроме того бездворных зарегистрировано 206 чел. с 159 чел. детей, т. е. всего 1779 чел. мужского пола. В том же 1684 году в выборе купчины на Малороссийский двор приняли участие только 31 мещанин, а в выборе старосты—70 человек, т. е. незначительная часть мужского населения слободы. Об'яснять такое явление недостатком интереса среди мещан к осуществлению своих прав, что, конечно, понижало число участников схода, не приходится, потому что только один сход, выбиравший старосту на 203 год, был опротестован, но без результатов, стольником Ив. Таракановым на том основании, что мещане произвели выборы, „собрався малолюдствомъ“ [1]. Причина заключается в том, что только немногие имели право собираться на сход, говорить и действовать от лица всего мира. На сходах 183, 184 и 185 г.г. принимали участие только выборные люди, сходы имели аристократический характер, что доказывается тем, что почти половина вы-

[1]) Моск. Арх. Мин. Иностр. Дел. Нов. разб., № 1355. л. 15. Заметим, что на челобитной, которую подали в 1682 году от всего мира жители Барашской слободы, насчитывавшей 157 тяглецов, подписались только 12 чел. (Ibid., Прик. Дела Ст. Лет., 1682 г., № 64).

борных этих годов были взяты в Гостинную и Суконную сотни. В мирской челобитной, поданной царю в октябре 1682 года, мещане пишут: „А въ указехъ васъ, в. г., и въ памятяхъ написано, чтобы выбирать въ службы старостѣ и лучшимъ людемъ лучшихъ же и пожиточныхъ и добрыхъ людей“ [1]). Когда эти лучшие люди в том же году собрались на сход для выбора старосты, то явились на выбор „не противъ своей мѣры“ и произвели беспорядок ведомые озорники и затейщики Петр Красовский с товарищами. В протоколе схода участники названы „лучшими выборными людьми первой статьи“. Во всех протоколах до 1682 года перечисленные в них участники сходов называются выборными людьми. В тех же протоколах говорится о выборах всеми мещанами, лучшими, средними и молодшими, но это указывает, может быть, на двухстепенность выборов: мир намечал выборных, которые фактически выбирали мещанских должностных лиц и несли ответственность в случае негодности или недобросовестности своих кандидатов: „и на насъ, выборныхъ людехъ, пеня великаго государя“ [2]). Характерен небольшой штрих, показывающий, как Посольский приказ оценивал формулу выбора всеми мещанами. Препровождая в Новгородский приказ вновь избранного на мещанский кружечный двор целовальника, Посольский приказ составил сопроводительную память, в черновике которой слова „Новомѣщанскіе слободы староста Савка Алексѣевъ и всѣ мѣщаня со всего мірского совѣту в цѣловальники выбрали...“ заменены таким выражением: „Новомѣщанскіе слободы староста Савка Алексѣевъ съ товарищи выбрали...“ [3]).

Список участников схода 1682 года показывает, кто были эти лучшие выборные люди первой статьи. Естественно предположить прежде всего, что лучшими людьми, из которых выделялись выборные, были наиболее зажиточные мещане, платившие высшие оклады слободского тягла. Действительно, средний раз-

---

[1]) Нов. разб., № 1327, л. 48.

[2]) Нов. разб., № 1312, л. 78.

[3]) Нов. разб., № 1323, л. 147. О выборных в Московской Конюшенной слободе в П. Д. С. Л., 1698 г., № 277: „доправить тѣ деньги 10 р. 20 ал. на выборныхъ людехъ“ и „доправить тѣ начетныя деньги 11 р. 30 ал. на выборныхъ людехъ, которые его къ тому сбору выбрали“. В Устюге в 1673 г. выбор таможенного и кружечных дворов головы заканчивается такими словами: „и сыщется про то допряма, и на насъ, выборныхъ людехъ, в. г. пеня“ (П. Д. С. Л., 1673 г., № 213). В Арзамасе таможенного голову выбирали земский староста и выборные (П. Д. С. Л., 1675 г., № 161). О выборных упоминается в челобитной, поданной Архангельским миром в 1696 г.: „Архангельскаго города жители посадскіе люди, соцкой Сенька Черепановъ и выборные Митка Поваровъ съ тов. да Митка Филатовъ и всѣ посадскіе людишки“ (П. Д. С. Л., 1696 г., № 224). В Коломне поп Иоанн жалуется на своих притеснителей, которые пришли к нему „сказався выборными людьми“ (П. Д. С. Л., 1679 г., № 313). Выборные в Арзамасе—П. Д. С. Л., 1687 г., № 168.

мер тягла выборных 1682 года, о которых удалось собрать сведения (около $^3/_4$ всех участников схода), был 49 к., тогда как среднее тягло со всей слободы было 27 к. Однако, перебирая имена отдельных мещан, найдем среди выборных немало таких, которые платили тягло ниже среднего. Можно с несомненностью установить, что более десяти выборных 1682 года платили в 1684 года тягло в 25 к., 20 к. и даже 15 к. Нельзя представить себе, чтобы эти мещане так обеднели за два года, что из высших разрядов попали в низшие по тяглу. Если возьмем список участников схода 1684 года, т. е. года составления книги, то получим такую же картину.

В августе 1684 года старосту выбирал сход в составе 77 мещан [1]) со средним тяглом в 57 к., но среди избирателей находим 14 таких мещан, которые платили тягло от 10 до 20 коп., т. е. принадлежали к числу беднейших жителей слободы. Следовательно, зажиточность не была непременным условием, чтобы попасть в число лучших выборных людей. На сходах 1682 и 1684 г.г. половина мещан, обложенных высшими окладами, от 80 к. до 1 р. 50 к., не принимала участия на сходах. Отпадает также предположение, что лучшими считались те, которые когда либо несли слободскую выборную службу, так как из тех же 77 мещан только 34 были почтены широким доверием, но последняя цифра показывает, что прежняя служба, особенно, в должности старосты, давала лишнее основание, чтобы сделаться участником мирского схода. Выборные не были представителями десятков, мелких полицейских единиц, подобно тому, как северный волостной сход состоял из выборных от деревень, потому что, рассматривая состав схода 1684 года, найдем среди участников 24 жителей Большой улицы, имевшей только 169 дворов, да и вообще на некоторых сходах число участников было больше, чем возможное число десятков по всей слободе.

Из очень интересного дела о споре на Вологде между лучшими, с одной стороны, и средними и молодшими, с другой [2]), можно составить себе представление, кто были в этом городе выборные люди. Чтобы разобраться в бесконечных пререканиях, Новгородский приказ послал на Вологду грамоту с предписанием выбрать изо всех трех разрядов посадских людей по два доверенных и прислать их в Москву. Лучшие люди постарались расстроить этот план и били челом об отсрочке высылки в Москву доверенных до зимнего времени, потому что „у них де очередные выборные люди, которымъ довелось быть по очереди,

---

[1]) Нов. разб., № 1341, л. 16.
[2]) П. Д. С. Л., 1680 г., № 209.

выбраны къ нынешнему ко 189 году въ службы прежъ той грамоты и поруки по нихъ взяты: а которымъ де очереднымъ людемъ по выбору мірскихъ людей довелось выбраннымъ быть по той грамотѣ къ Москвѣ, и тѣ де посадскіе лучшіе и середніе и молочшіе люди съѣхали къ Архангельскому городу для своихъ торговыхъ промысловъ". В приказе доводы лучших людей показались убедительными и „велѣно тѣмъ выборнымъ людемъ дать сроку до зимняго пути". Из приведенной выписки можно вывести такое заключение: мирские люди выделяли из своей среды по трем разрядам, из лучших, средних и молодших, выборных людей, которые по очереди исполняли службы, приуроченные к каждому разряду [1]). Следовательно, если предстояло исполнить какое либо мирское или казенное поручение, то уже был готов очередной посадский человек без новых выборов. В связи с этим понятна жалоба посадских людей Юрьева-Польского, которые указывали, что „земскій староста Дмитрій Вихоревъ, уговорясь съ шурьями своими съ Микитой да Иваномъ Меньшиковыми и съ родичи ихъ и съ друзьями, выбрали должнаго ихъ человѣка въ первую статью изъ послѣдней статьи въ земскіе старосты Филиппа Уварова, что онъ Филиппъ и средней службы не служивалъ" [2]). Приложить пример Вологды к Мещанской слободе и тем об'яснить появление среди выборных маломочных людей, однако, не удалось, так как многие из выборных мещан не занимали никаких государственных и общественных должностей. В 184 году 18 мещан несли различные службы, но из них на трех известных нам сходах этого года принимал участие только занимавший должность старосты и кроме того относительно одного мещанина с очень употребительным именем—Иван Иванов, ничего не можем сказать. Если предположить, что выборные на 184 год намечены были в 183 году и в этом году должны были появляться на мирских советах, то найдем только одного, который, будучи выборным в 183 году, нес мирскую службу в 184 году, а относительно другого, Ивана Исаева, с каковым именем было два мещанина, суждения иметь не можем. То же самое получим, если переберем имена участников схода в феврале 1677 года.

В приведенной выше Юрьевской челобитной говорится, как влиятельные в городе лица провели на высокий пост старосты

---

[1]) В декабре 1681 г. царь дал инструкцию чердынцам, как им разверстать оклад стрелецких денег: „А окладъ положить на дворы по тому новому окладу чердынцомъ посадскимъ людемъ и крестьяномъ межъ себя, выбравъ земскихъ старостъ и выборныхъ лучшихъ людей, кому межъ себя вѣрять, изъ первой и изъ середней и изъ меньшой статьи, сколько человѣкъ пристойно" (А. И., т. V, № 77, стр. 121).

[2]) П. Д. С. Л., 1679 г., № 133.

„должнаго“ им человека из последней статьи. Можно думать, что и в Мещанской слободе местные заправилы проводили в число выборных в небольшом числе покорную им клиентелу и таким образом создавали фикцию постановлений от лица представителей всех слоев мира—лучших, средних и молодших людей.

В марте 1691 года стольник Родичев пригласил в с'езжую избу из мещан лучших людей, чтобы допросить их о необходимости обложения посаженными деньгами тех, которые поделили между собою под дворы новопримежеванную к слободе землю. На приглашение явились из лучших людей 103 лица, перечисленные поименно. Если, пользуясь этим списком, рассмотреть протокол схода, состоявшегося в ноябре 1688 года, то окажется, что из 35 его участников 25 значатся в упомянутом списке лучших людей. Из остальных 10 человек два не поддаются определению по краткости наименования, напр., Федор свечник, а другие 8 несомненно также лучшие люди, так как они избирались на самые ответственные мирские должности. Следовательно, и в этом году сход имел чисто аристократический характер, но после приговора 1682 года в протоколах схода выражения „выборные люди“ уже не находим [1]).

В нашем распоряжении имеются платежные списки за 203 год, в которых отмечен размер слободского тягла [2]). Хотя эти списки сохранились не полностью и многие мещане обозначены только именами без отчеств и фамилий, однако можно составить некоторое представление о составе сходов, относящихся ко времени сбора тягла по указанным платежным спискам. В январе 1695 года на сходе присутствовало 22 человека; из них для 16 мещан можно установить оклад слободского тягла. Сравнительно с прежним сход принял более аристократический характер, так как среднее тягло для всей слободы 51 коп., а 16 участников схода платили в среднем 1 р. 69 к. В выборах старосты на 204 год приняли участие 31 мещанин, среднее тягло можно было определить только для 19 лиц—1 р. 51 к. В августе 1696 года на сходе было 32 человека, из коих среднее тягло 15 мещан было 1 р. 66 к. Таким образом можно установить известное засилие на сходе более зажиточных жителей слободы, но в то же время надо отметить прежнее положение: некоторые

[1]) В числе лиц, ожидавших в апреле 1695 г. в Мещанской с'езжей избе стольника Тараканова, находим таки двух „выборных“, Федора Григорьева и Афанасия Самойлова, подписи которых встречаем и в протоколах мирских сходов того же года. Из дела не видно значение слова „выборный“, были ли упомянутые мещане выбраны для участия на сходах, или несли какую-либо выборную службу (Нов. разб., № 1355, л. 70).

[2]) Нов. разб., № 1342

из мещан, правда, в очень небольшом числе принимавшие участие в мирских сходах, не могут быть причислены к самым богатым мещанам; а платили тягло, близкое к среднему по слободе, именно четверо участников сходов платили только по 60 к. тягла. Следовательно, участие в мирском совете обусловливалось не исключительно высшим окладом тягла, что соответствовало высшей ступени зажиточности.

Среди участников мирских сходов не находим ни женщин, хотя бы владевших дворами и плативших тягло, ни малолетних, ни беломестцев. Не находим также бездворных мещан, исключая двух сомнительных случаев. В выборах старосты на 193 год принимал участие мещанин Анисим Яковлев, показанный в книге 1684 года в числе бездворных, причем указано, что он поселился в слободе еще в 1674 году. Однако, в списке 1678 года, в который внесены все мещане, в том числе и бездворные, такого имени не находим. В тех же выборах участвовал мещанин Родион Иванов, который по книге 1684 года значится бездворным, жившим по жилой записи у Гостиной сотни Иова Тележникова: другого Родиона Иванова в книге нет. Но тут возникает такое недоумение: выборы происходили в конце августа или в начале сентября 1684 года, а записан Родион Иванов в слободу в январе 1685 года.

Среди участников сходов не находим также неотделенных взрослых сыновей дворохозяина, но за одним исключением. С первого же года существования слободы в ней поселился выходец из г. Дубровны Андрей Лукьянов Гиря, торговавший в Польском ряду и ездивший с пенькою в Архангельск, староста 1672—73 г., взятый потом в Гостинную сотню. Он записан в книге 1676 года с семейством из 4 сыновей, из которых старший Семен, значится среди выборных на сходе в августе 1676 года, т. е. до составления переписной книги. Может быть, во время поездки отца в Архангельск сыну предоставлялось право замещать его, становясь в ряды выборных. Семен Гирин участвует на сходе и в феврале 1677 года, при чем имени его отца в числе выборных не значится, тогда как в марте 1676 года на сходе видим самого Андрея Гирю, а сына Семена не находим [1]). Других случаев участия на мирском сходе неотделенного сына заметить не удалось и, где можно точно установить, находим только дворохозяев, плательщиков мирского тягла, и это вполне понятно, так как несамостоятельный человек не мог нести той имущественной ответственности, которую брали на себя участники мирского схода, выбирая „добрых“ людей не только на слободскую, но и

[1]) Нов. разб., № 1318, л. 58, 202; № 1312, л. 78.

на государеву службу. Если же двор принадлежал совладельцам, то они могли одновременно участвовать в мирском совете, так, на сходе 1688 года видим двух братьев Наумовых, владевших одним общим двором [1]).

Число выборных, имевших право участвовать на мирских сходах, не поддается определению. 30 августа 1684 года происходили выборы старосты и купчины. В первых участвовали 70 мещан, во вторых—31, причем совпадают 21 имени, купчину выбирало 7 человек, не явившихся на выборы старосты. Следовательно, число выборных в 1684 года было не менее 77 чел. На бурном сходе в августе 1682 года, когда выборные, надо думать, мобилизовали все свои силы, число участников достигло небывалой цифры в 90 человек. Выборные пользовались своим правом довольно неаккуратно. От 184 года сохранились протоколы трех сходов: в сентябре происходили выборы таможенных целовальников, в марте—головы и ларечных к винному приему, в августе—купчины и целовальников в Посольский приказ. Всего на сходах участвовало 21 человек, из которых только 5 отмечены на всех трех собраниях, 7—в двух и 9—в одном. Имена некоторых мещан мелькают в приговорах за много лет, образовалась небольшая группа общественных деятелей, часто принимавших участие в обсуждении мирских дел, и среди них выделяются те, которые когда либо были почтены выбором в старосты и, вероятно, в силу своей прежней службы получали право принадлежать к числу тех нотаблей, которые приглашались на мирские советы. Участие их придавало сходу особый вес и отмечалось в целях бо́льшей убедительности: „И противъ твоего, в. г., указу“, пишет мещанский староста, „я чинилъ совѣтъ о той сказкѣ по многіе дни, и мѣщаня многіе, будучи на совѣтахъ, и прошлыхъ годовъ старосты сказали...“ [2]).

Таков, в общих чертах, состав слободского схода. Анализ этого вопроса осложняется другим, еще не получившим достаточного освещения, вопросом, какое мерило применялось к разделению посадского населения на лучших, средних и молодших, когда постоянно встречаем случаи, что капитал представителя высшего разряда меньше капитала, зарегистрированного у представителя низшего, или средний несет более тяжелое тягло, чем лучший и т. д.

С. Богоявленский.

[1]) Нов. разб., № 1345, л. 17. „Мещ. сл.“, стр. 37.
[2]) Нов. разб., № 1327, л. 48.

Заговор Цыклера.

23 февраля 1697 года был назначен увеселительный вечер у Лефорта; но веселое настроение присутствующих было нарушено полученным известием о заговоре на жизнь царя. „Вечером я был у генерала Лефорта", пишет в своем дневнике шотландец Гордон, „где собрались повеселиться, но это было расстроено открытием заговора против его величества" [1]). Пятисотный Стремянного стрелецкого полка Ларион Елизарьев сделал донос на думного дворянина Ивана Цыклера в намерении убить государя, что подтвердил и пятидесятник того же полка Силин [2]). Тотчас же арестованный Цыклер оговорил на допросе окольничего Соковнина, а Соковнин — своего зятя, стольника Федора Пушкина. Открылся таким образом заговор, во главе которого стояли окольничий и думный дворянин — два члена боярской думы, государственного совета, как бы мы сказали языком нашего времени. Началось следствие.

Вокруг Петра было немало преданных ему людей, готовых поддерживать его во всяком его новом начинании, во всяком деле, как бы необычно оно ни казалось. Но такое отношение к царю было далеко не всеобщим. Далеко не всем его предприятия были ясны и понятны и потому не могли находить к себе сочувствие, а кроме того стали давать себя знать своею тяжестью. Два следовавшие один за другим похода на Азов 1695 и 1696 гг., из которых первый сопровождался большими потерями и кончился неудачею, потребовали больших жертв от общества, вызывая новые, неведомые до тех пор повинности. Постройка судов в Воронеже для этих походов падала тяжелым бременем на южные города, обязанные доставлять материалы и рабочую силу, а затем повинность кораблестроения приняла еще более широкие размеры и упала новой тяжестью не только на южные города, но и на все государство. В частности, для высших классов общества морские планы Петра создали неслыханную раньше новую личную повинность: обучение навигацкой науке и притом обучение в чужих странах, за-границей. Все эти явления, инициатором которых был Петр, были не таковы, чтобы воз-

---

[1]) Posselt, „Tagebuch des Generals Patrick Gordon". III. 92.

[2]) Соловьевъ (XIV. 223. по изд. 1879 г.) неправильно называет Елизарьева пятидесятником. Ларион Елизарьев еще в 1689 г. был пятисотным стремянного стрелецкого полка, в котором Цыклер был тогда подполковником. Елизарьев и тогда еще был близок к Цыклеру. В августе 1689 г. он в числе 50 стрельцов полка вместе с Цыклером перешел к Петру к Троице. Поэтому надо полагать, что Елизарьев хорошо знал Цыклера. Он, очевидно, продолжал с ним знакомство и впоследствии, когда Цыклер стал думным дворянином.

буждать к нему расположение, а многое и в его личном поведении должно было вызывать удивление и осуждение среди современников, у которых мысль о царе соединялась с иными представлениями, выработанными XVII веком. Все это и питало в обществе чувства недовольства и раздражения, и с проявлениями этих чувств Петру пришлось теперь встретиться. Признаки такого настроения в обществе вскрываются для нас из дел, сохранившихся от учреждений тогдашней политической полиции, с которою соприкасались люди, не обладавшие достаточной сдержкой, чтобы не выражать недовольного настроения открыто. Но надо при этом заметить, что, конечно, далеко не все проявления недовольной мысли и раздраженного чувства могли стать политической полиции известны, и в тех случаях, когда такие проявления до сведения полицейских органов не доходили, они остаются для нас незаметны.

В конце 1696 или в самом начале 1697 г. был арестован кружок лиц, собиравшихся в подмосковном Андреевском монастыре, близ Воробьевых гор, в келье строителя монастыря старца Авраамия, бывшего ранее келарем Троице-Сергиева монастыря. К этому кружку принадлежали: стряпчий Троице-Сергиева монастыря Кузьма Руднев, двое приказных: подьячий Владимирского судного приказа, на который была взвалена новая работа по кумпанскому кораблестроению, Кренев и подьячий Преображенской приказной избы Бубнов и, наконец, крестьяне подмосковного дворцового села Покровского братья Роман и Иван Посошковы. Из показаний арестованных видны предметы их разговоров и причины их недовольства. Это прежде всего некоторые общие непорядки московской администрации, особенно живо задевавшие членов кружка из приказных. Жаловались на чрезмерное умножение приказного персонала, на то, что развелось слишком много перед прежним дьяков и подьячих, что дьяческие и подьяческие места добываются куплею, что приказной среде является конкуренция со стороны священников и посадских людей—членов черных слобод, которые сажают детей своих в подьячие. Высказывались также сетования на злоупотребления высшего приказного персонала, начальников приказов—судей, которые без взятки никаких дел не делают, и происходили рассуждения, как эти злоупотребления устранить: говорилось, что взяточничество можно бы уничтожить, положив судьям достаточное жалованье: „лучше было бы, если бы им дано было жалованье, чем бы им сытым быть, а мзды не брать и то было бы добро“. В обсуждении подобных вопросов в келье Авраамия начинала, быть может, работать реформаторская мысль будущего писателя-публициста Ивана Посошкова.

позже нашедшая себе выражение в его книге „О скудости и богатстве". Недостатки в администрации можно бы исправить, и такого исправления ждали от молодого государя с тех пор, как правление перешло к нему в руки. Но эти ожидания не сбылись: нрав и поведение государя отняли надежду на какие-либо улучшения. Поведение Петра было также темой особенно оживленных разговоров в келье Авраамия и подвергалось осуждению. Из показаний видно, что́ именно не нравилось и осуждалось в поступках Петра: покинул Кремль, не живет с царицею и потому „перестало быть чадородие" в царском доме, а к обильному чадородию в доме Романовых московское общество уже привыкло в XVII в.; упрям нравом, никого не слушает; возвышает любимцев незнатных людей—„нововзысканных, непородных людей"; при торжественном входе войск в Москву, после взятия Азова, унижал царское достоинство, шел пешком за Лефортом, который ехал. Особенно резкое неодобрение возбуждали тяжелые для народа потехи; говорили „о потехах непотребных под Семеновским и под Кожуховым для того, что многие были биты, а иные и ограблены; да в тех же потехах князь Иван Долгоруков застрелен, и те потехи людям не в радость". Не оставался неизвестным даже и широкой публике странный и оскорбляющий религиозное чувство современников род потехи—все более развивавшаяся кощунственная игра в церковную иерархию, из которой вырастал будущий всепьянейший собор: „слова смехотворные и шутки, и дела, Богу неугодные". Отмечалась также и жестокость государя, проявлявшаяся в необычном для царского сана слишком близком и непосредственном участии в пытках и казнях: в Преображенском у розыскных дел сам пытает и казнит. Беседы, на которых все эти предметы обсуждались, привели хозяина кельи старца Авраамия в такое сильное возбуждение, что он не выдержал и выступил с открытым обличением против царя, составил какие то „тетради", в которых между прочим писал: „В народе тужат многие и болезнуют о том: на кого было надеялися и ждали, как великий государь возмужает и сочетается законным браком, тогда, оставя младых лет дела, все исправит на лучшее; но, возмужав и женясь, уклонился в потехи, оставя лучшее, начал творити всем печальное и плачевное". Это выступление и повлекло за собою арест всего кружка. Авраамий был сослан в Голутвин монастырь; Руднев, Кренев и Бубнов были биты кнутом и сосланы в Азов в подьячие. Посошкову, к счастию для русской публицистики, удалось оправдаться. Он показал, что с Авраамием он знаком третий год; Авраамий призывал его к себе по делу устройства станков для отливки мо-

неты, которые должны были быть поднесены государю; никаких слов против государя он не говорил, что и было подтверждено Авраамием [1]).

Людей, выступающих перед нами в деле монаха Авраамия, можно по их положению отнести к средним общественным слоям; это—монах строитель монастыря, монастырский стряпчий, приказные чиновники и зажиточные государственные крестьяне. Возбужденное недовольство в этом кружке вылилось в форму смелого и открытого, но довольно наивного письменного протеста. В раскрытом вслед за этим делом замысле Цыклера, о котором Петру было донесено 23 февраля, проявилась вспышка недовольства в более высоком служебном кругу; здесь обнаружены были планы гораздо более угрожающие и опасные. В этой чиновной и развитой среде также недовольны были Петром, порицали его намерение ехать за-границу, старались угадать и предсказывали ход событий в том случае, если бы с государем приключилось в этой поездке что-либо недоброе, высказывали свои политические предположения, в особенности же были раздражены посылкой знатной молодежи в чужие края для неведомой науки. Помимо этого общего недовольства распоряжениями и поступками Петра у лиц, привлеченных вместе с Цыклером, можно заметить еще и чисто личные мотивы раздражения против царя, которых в кружке монаха Авраамия, очевидно, более идейно настроенном, не было заметно,—это неудача в карьерах, неудовлетворенное честолюбие, обманутые надежды, тягостные служебные назначения. И у Цыклера, и у каждого из его родовитых знакомцёв непременно есть такая личная обида, которая и вызывает в нем чувство злобы к Петру. Сам Цыклер—тип честолюбца-неудачника. По происхождению сын „полковника из кормовых иноземцев“, но совсем уже обрусевший, он начал службу в 1671 г., следовательно, ко времени заговора был уже человеком немолодым, имел не меньше 40 лет от роду. Стряпчий с 1677 и стольник с 1679 г., он принимал деятельное участие в стрелецком движении 1682 г., соединяя с придворным чином стольника также и должность подполковника Стремянного стрелецкого полка, пользуясь большим влиянием у стрельцов и действуя в пользу Милославских, с главою которых, боярином Иваном Михайловичем, он был близок. Он был хорошо известен царевне Софье и пользовался в ее глазах по своему влиянию на стрельцов большим авторитетом. Его, после боярских убийств в мае 1682 г., она призывала и просила унять расходившихся стрельцов. Когда взошла звезда Шакловитого, он в своих че-

[1]) Соловьевъ, XIV, 220—222.

столюбивых рассчетах подлаживается к нему, и Софья, если только верить данному Циклером последнему перед казнью показанию, настолько считала его своим и надежным человеком, что перед первым Крымским походом часто призывала его к себе и подговаривала вместе с Шакловитым убить Петра. Это не помешало ему, однако, когда началась распря между братом и сестрой в 1689 г., почуяв, на чью сторону склонится перевес, первым по зову Петра перейти с пятьюдесятью стрельцами Стремянного полка, которым он командовал в чине полковника, к Троице, и есть известие, идущее от такого достойного доверия свидетеля, как Гордон, что Цыклер сам же тайно просил Петра вызвать его к себе, чтобы иметь благовидный предлог для перехода. В награду Циклер получил прибавку к окладу. Весной 1692 г. он был из стольников и полковников произведен в чин думного дворянина, т. е. сделан членом боярской думы [1]), а вскоре затем был назначен воеводою в отдаленное, но доходное Верхотурье, которым правил до 1695 г. На этом и закончились его служебные успехи. Перейдя на сторону Петра, он не сумел приобрести его доверия, как приобрел его П. А. Толстой, также когда то приверженец Софьи, и Петр не мог забыть в Цыклере смутьяна 1682 г., человека близкого к Ивану Михайловичу Милославскому. Цыклер жаловался, что государь называет его бунтовщиком и „собеседником" Ивана Милославского, и высказывал обиду, что Петр, бывая в домах у других, ни разу не посетил его дома. Последней каплей, переполнившей чашу его недовольства и раздражения, было назначение его 12 ноября 1696 г. в Азов к постройке Таганрога, серьезное деловое поручение, на которое он, однако, взглянул, как на тяжелую ссылку. Злоба против Петра породила в голове его страшные умыслы, и он стал давать волю языку, срывая раздражение и подыскивая послушные руки для исполнения своих планов. Сохраняя, видимо, влияние в своем бывшем Стремянном полку, Цыклер начал вести возбуждающие разговоры с офицерами этого полка, касался предстоявшей заграничной поездки Петра, указывал на неуместное назначение Лефорта послом, на разорительность посольства для казны. „Ныне великий государь идет за море", говорил он 2 декабря 1696 г. [2]) пятисотному Елизарьеву, „и как над ним что сделается, кто у нас государь будет?" На ответ Елизарьева: „У нас есть государь-царевич", Цыклер, проводя идею избирательной

[1]) Дворцовые Разряды, IV, 659.

[2]) Госуд. Арх., VI, № 12, карт. 3.—„Дѣло о заговорѣ Цыклера, Соковнина и др."

монархии, возразил: „В то время кого Бог изберет, а тщится (старается) и государыня, что в Девичьем монастыре“. В беседе с стрелецким пятидесятником Васильем Филипповым он говорил: „В государстве ныне многое нестроение для того, что государь едет за море и посылает послом Лефорта и въ ту посылку тощит (тратит) казну многую, и иное многое нестроение есть, можно вам за то постоять“. Вызывая возбужденье в стрельцах, он не удержался от похвальбы поднять бунт среди донского казачества, когда будет в Азовском краю. В разговоре с тем же пятидесятником Васильем Филипповым по поводу приезда в Москву донских казаков—зимой 1696-97 г. в Москву приезжал донской атаман Флор Миняев—и по поводу слов Филиппова, что казаки, как он слышал от одного из них, недовольны выданной им за взятие Азова наградой, что их прельщает на свою сторону, подсылая к ним грамоты, турецкий султан и что они подымутся, как и при Стеньке Разине, Цыклер сказал: „Как буду на Дону у городового дела Таганрога, то, оставя ту службу, с донскими казаками пойду к Москве для ея разорения и буду делать то же, что и Стенька Разин“. Это было, если только действительно такие слова были произнесены, пустое бахвальство, в котором сказавший их срывал злобу на назначение в отдаленный Азовский край. Цыклер не мог, конечно, не понимать, к каким социальным последствиям привело бы движение казаков! „Будет от того разоренье великое“, говорил он тому же собеседнику, „и крестьяне наши и люди (холопы) все пристанут к ним“. Казацкое движение было бы гибелью прежде всего для того класса, к которому принадлежал сам Цыклер. Наконец, переходя от слова к делу, он подговаривал стрельцов покончить с виновником всех этих нестроений, убить государя: „Изрезать его ножей в пять“, говорил он пятидесятнику Силину. „Как государь поедет с посольского двора, и в то время можно вам подстеречь и убить“, подстрекал он Василья Филиппова, поручая ему про то убийство и другим стрельцам говорить. О таком же убийстве он толковал и с третьим пятидесятником Федором Рожиным.

Думный дворянин и бывший верхотурский воевода был брачным союзом—он был женат на дочери боярина Якова Степановича Пушкина—связан с русскими боярскими домами и настолько сумел стать близким к их хозяевам, что мог себе позволять там интимные и весьма рискованные беседы. Мы видим его в доме окольничего Алексея Прокофьевича Соковнина, который и выступает в процессе, как сообщник Цыклера. Алексей Прокофьевич Соковнин, брат известных упорных раскольниц Федоры Морозовой и княгини Авдотьи Урусовой, приятельниц

протопопа Аввакума, в свое время причинивших столько досады и огорчения царю Алексею Михайловичу. В доме Соковниных, из которого вышли такие стойкие защитницы старой веры, твердо держались предания старины. Вспоминая в своих записках об участии Алексея Прокофьевича в заговоре, граф Андрей Артамонович Матвеев называл его „потаенным великой капитонской ереси раскольником“, а со времени трагедии с боярынями в этом доме, конечно, гнездилось оппозиционное отношение к новшествам. Эта оппозиция теперь, при виде стольких и столь решительных отступлений от обычаев старины, должна была принять еще более резкий характер. Могло быть, что несочувствие новым порядкам и явлениям, надо полагать, плохо скрываемое, вызвало остановку в служебной карьере: окольничему А. П. Соковнину не давали боярства, и это его раздражало. „Причина оного Соковнина к той злобе самая внутренняя и неукротимая в нем была та, что он, Соковнин, до боярства не допущен“, пишет тот же гр. А. А. Матвеев [1]). Легко себе представить, как в преданной старине благочестивой семье Соковниных взглянули на назначение двух детей Алексея Прокофьевича, стольников Василия и Федора, в числе других стольников к отправке за-границу для навигацкой науки. „Посылают нас за море учиться, неведомо чему“, сорвал в таких резких словах свое раздражение старший сын, стольник Василий. При таких обидах, при таком настроении у Соковнина для разговора с Цыклером существовала общая почва: они могли понимать друг друга. И Соковнину приходили в голову те же мысли, что и Цыклеру, те же замыслы и те же средства. „Каково стрельцам?“, говорил Алексей Прокофьевич Цыклеру при одном из его посещений, выражая досаду на бездеятельность стрельцов, „где они переделались? знать спят! где они пропали? Можно им государя убить, потому что ездит он один и на пожаре бывает малолюдством и около посольскаго двора ездит одиночеством! Что они спятъ, по сё число ничего не учинят!“. На замечание Цыклера, что стрельцы, должно быть, опасаются потешных, Соковнин возразил, что, должно быть, они, жалея царевича, не поднимают руки на царя: „Чаю в стрельцах рассуждение о царевиче, для того они того учинить и не хотят“. После этого разговора Соковнин при других двух свиданиях с Цыклером у себя в доме говорил опять об убийстве государя и о стрельцах—„ведь они даром погибают и впредь им погибнуть же“. Соковнин выражал в беседах с Цыклером

[1]) Записки гр. А. А. Матвеева у И. П. Сахарова—„Записки русскихъ людей“. Спб., 1841, стр. 65.

огорчение по поводу посылки детей за-границу и на слова последнего: „И тебе самому каково сказываешь тошно, что с детьми своими разлучаешься“, ответил: „Не один я о том сокрушаюсь!“ Собеседники развивали политические планы относительно будущего, если замысел убить государя удастся привести в исполнение. На вопрос Цыклера: „Если то учинится, кому быть на царстве?“, Соковнин, также сторонник избирательной монархии, указывал своего кандидата, подходящего по отсутствию родства и по личным качествам — боярина Шеина: „Шеин у нас безроден, один у него сын и человек он добрый“. Когда Цыклер указал другого кандидата, заявив, что у стрельцов пользуется большою любовью Борис Петрович Шереметев, Соковнин стал предсказывать такой ход событий: „Чаю, они стрельцы возьмут по прежнему царевну, а царевна возьмет царевича, и как она войдет, и она возьмет князя В. В. Голицына, а князь Василий по прежнему станет орать“. Как бы желая ярче подчеркнуть мысль об избирательной монархии, о том, что бояре могут избрать на царство, кого хотят, Соковнин прибавил Цыклеру: „Если то учинится над государем, мы и тебя на царство выберем“. Мысль об избирательной монархии вообще в то время, может быть, под влиянием Польши и Империи, является распространенной. Мятежные стрельцы, двигавшиеся на Москву с польской границы летом 1698 г., высказывали намерение, придя в столицу, бояр побить, немецкую слободу разорить, государя в Москву из за-границы не пропустить, а на царство „обрать“ царевича или царевну Софью, и если бы эти кандидаты не захотели принять престола, то они, стрельцы, „хотели мыслить с народом, кого им выбрать на царство“. Среди них носились также слухи, что в Москву едут донские казаки также с намерением выбирать на царство царевича. Говорилось и о кандидатуре князя М. Я. Черкасского [1].

С домом Соковниных был тесно соединен родственными связями дом боярина Матвея Степановича Пушкина, сын которого, стольник Федор Матвеевич, был женат на дочери Соковнина. И эта семья Пушкиных, близкая с Соковниными не только родством, но и взглядами, не пользовалась расположением Петра; и здесь то же недовольное и раздраженное настроение. В разговорах Федора Пушкина с тестем идет речь о гневе царя на Матвея Степановича. Назначение воеводой в Азов, об'явленное ему 20 февраля [2], совершенно по его понятиям несовместное с его боярским чином, было Матвеем Степановичем, занимавшим ранее пост товарища

[1] Госуд. Арх., VI, № 12, карт. 3, № 36, лл. 231, 144—145, 280 и passim.
[2] Дворц. Разр., IV, 1041.

на воеводствах в Смоленске и Киеве, понято, как признак царской немилости. Отец озлобился на обидное назначение в Азов воеводой; сын, сам не назначенный в ученье за-границу, не желая задетый назначением братьев жены, Соковниных, и, видимо, человек горячего темперамента, не сдерживался в разговорах с тестем, говорил: „Государь погубил нас всех, гневается на отца. И за тот гнев, и за то, что за море их посылает, надо его, государя, убить“. На заявление Соковнина, при свидании 24 декабря 1696 г., что государь собирается на святках отца его Матвея Степановича ругать и убить, а дом Пушкиных разорить, Федор сказал, что, если так над отцом его учинится, и он, Федор, государя убьет при встрече, а в разговоре с упоминавшимся выше стрелецким пятидесятником Василием Филипповым по показанию последнего говорил: „Как бы ему, Федьке, где нибудь с ним, государем, съехаться, и он бы с ним не разъехался, хотя б он Федька ожил или пропал“ т. е. жить ему или умереть, а убьет государя при встрече.

По уцелевшим документам неясно, дошло ли дело до составления между названными лицами настоящего заговора в смысле соглашения осуществить намерение общими средствами; вернее, что дело ограничилось разговорами, о которых они показали на следствии и в которых нельзя не видеть признаков сильного раздражения против Петра. Замыслы против него теперь в 1697 г. имеют уже иной характер сравнительно с 80-ми годами. Тогда жизни Петра грозила опасность из за политической борьбы партий; его личность была тогда не причем; вопрос шел о власти Милославских или Нарышкиных. Теперь раздражение направлено именно против его личности, против его поступков, его мер, его предприятий; он является виновником испытанных обид, а испытанные обиды, служебные неудачи и вообще мотивы личного характера в этой верхней служилой среде стоят на первом плане. Затем уже идут отягощение сословия повинностью учиться за морем и недовольство заграничным путешествием государя, как поступком опасным для государства. Здесь на первом месте лицо, затем сословие и наконец уже государство, и весь этот замысел Цыклера с его собеседниками можно рассматривать, как мысль о мести озлобленных неудачников. В этом отношении куда шире политический размах служилых низов, соприкоснувшихся в настоящем случае с чиновными верхами, вступавшими с ними в сношения, как с орудиями для исполнения своих планов. Стрелецкий пятидесятник Василий Филиппов и знакомец его, донской казак Петр Лукьянов, сообщивший ему в Москве о настроении казачества, беседовали не много, ни мало—о том, как бы с двух концов

тряхнуть всем Московским государством: „Меж себя о бунте и о московском разорении говорили: а как к их воровству иной кто пристал бы, и им было такой бунт Московскому государству и разорение чинить: казаком было Москву разорять с одного конца, а им, стрельцам, с другого конца[1]".

Петра ожесточил открывшийся умысел. Может быть, он вспомнил при этом о недавнем также открытом заговоре против его любимца Вильгельма III английского, и разговоры Цыклера получили в его глазах также значение заговора. Он ответил необычайной жестокостью, приняв самое живое участие и в следствии над обвиняемыми и потом в казни их. Есть известие, передаваемое цесарским резидентом Плейером, находившимся в то время в Москве, что главные замешанные лица, надо полагать, Цыклер и Соковнин были арестованы самим Петром[1]. Следствие велось в Преображенском, и царь посвящал ему много времени, так что, дав на 24 февраля обещание быть к ужину у Гордона, он, чего раньше не бывало, не сдержал обещания и не приехал „за множеством дел", перенеся визит на 26 февраля. 26 февраля он опять заставил Гордона прождать себя понапрасну, не мог и на этот раз приехать, был занят. На 2 марта было созвано заседание боярской думы для суда над заговорщиками, точнее для постановления над ними приговора. Цыклер, Соковнин, Федор Пушкин, стрелецкие пятидесятники Филиппов и Рожин и казак Лукьянов были приговорены к смертной казни. Приговор над злоумышленниками, из которых двое, Соковнин и Цыклер, были членами думы, Петр предоставил произнести их же братии, людям того же круга, чтобы отклонить от себя нарекание в несправедливости; но в устройстве казни он проявил все свое озлобление против них. Казнь была обставлена подробностями, в которых жестокость соединялась с кощунственным поруганием. В Цыклере Петр не перестал видеть „собеседника" Ивана Милославского; корень же замысла, основного виновника, он видел в Милославском. И вот, гроб Ивана Михайловича Милославского, двенадцать лет тому назад погребенного при церкви св. Симеона Столпника, что на Покровке, был теперь вырыт из могилы и привезен в Преображенское в санях, запряженных свиньями. Там он был открыт и поставлен под помостом, на котором стояла плаха, так что, когда палач рубил головы осужденным, кровь их лилась на труп Милославского. Это был также грозный жест по адресу „государыни, что в Девичьем монастыре", имя которой

---

[1]) Донесение Плейера от 8 июля 1697 г. у Н. Г. Устрялова. „История царствования Петра Великаго". т. III, Спб, 1858. 637. Ср. ibid., 387—388.

произносилось в разговорах осужденных. Сам Петр при этой казни, состоявшейся 4 марта, едва ли присутствовал. В этот день он был на похоронах дяди—Мартемьяна Кирилловича Нарышкина. Казнь в Преображенском была только первым отделением кровавого зрелища. В Москве на Красной площади построили и 4 марта доделывали каменный четырехсторонний столб, в который были вделаны „пять рожнов железных". Вокруг этого столба были положены привезенные в тот же день из Преображенского трупы и части трупов казненных, а головы их насажены на рожны. На столбе были прибиты с четырех сторон жестяные листы с перечислением их преступлений. Еще в июле 1697 г. столб с воткнутыми на железные шесты головами виднелся на Красной площади, как сообщал в Вену цесарь очевидец Плейер.

По обычаю того времени ответственность за преступление падала и на родню виновных, которую разметали по дальним местам. Два сына Цыклера были написаны в городовую службу в Курск. Трое сыновей Соковнина, в том числе и два не хотевшие ехать за-границу учиться стольника, а также три его внука, посланы на городовую службу в Белгород. Брат Соковнина, боярин Федор Прокофьевич, сослан в дальние деревни, дети его написаны в городовую службу. Боярин Матвей Степанович Пушкин был лишен боярского чина и сослан с детьми в Сибирь, в городовую службу в Енисейск. Брату его, боярину Якову Степановичу Пушкину, велено было быть на Белоозере у строения Кириллова монастыря и без указа великого государя к Москве ему от того дела не ездить [1]. Вместо боярина Матвея Пушкина воеводою в Азов был назначен боярин князь Алексей Петрович Прозоровский, с ним думный дворянин Иван Семенович Ларионов; для строения Таганрога командирован думный дворянин Ив. Ив. Щепин. Стрелецкий пятисотный Ларион Елизарьев был вознагражден за свой извет: возведен в дьяки и назначен заведывать Житным двором, что у Мясницких ворот [2].

М. Богословский.

[1] Дворц. Разр., IV, 1046.

[2] Дворц. Разр., IV, 1045. Н. Г. Устрялов, op. cit. II. 61. Ср. также Ө. О. Туманскій, „Собраніе записокъ и сочиненій о Петрѣ Великомъ", Спб. 1787—1788. V. 45—48, 289—298; Древняя Россійская Вивліоѳика, XV, 254—[illegible].

Петр Великий и художник Иоганн Купецкий.

Многие художники писали портреты Петра Великого: насчитывается до 25-ти „типов“ изображений русского государя. Но в большинстве случаев совершенно неизвестно, когда и при каких обстоятельствах были исполнены оригиналы; относительно некоторых же несомненно, что писаны они не с самого Петра, а по каким то другим его портретам. Так, знатоками отвергнута всякая возможность признать, чтобы портрет Петра, приписываемый Гиацинту Риго, был написан действительно этим художником; нет никаких оснований утверждать, чтобы Петр позировал для Ван-Гельдера; наверно, не с самого государя писал и Матвеев, потому что за-границею этот художник видеть его не мог, а в Россию вернулся уже после кончины государя [1]. С достоверностью известно, что непосредственно с государя писали: Кнеллер в 1697 г., Купецкий в 1711-м, Каравак в 1716-м и 1722-м, Моор и Натье в 1717-м; писал с него еще Никитин в 1716 г., но что сталось с портретом работы этого последнего художника—совершенно неизвестно [2]; работы же Кнеллера, Купецкого, Каравака, Моора и Натье сохранились, и разные их воспроизведения широко распространены. Очевидно, что только относительно их может быть уверенность, что они верно передают черты великого императора, и потому они наиболее интересны. По некоторым особым обстоятельствам специальный интерес представляет портрет Петра Великого, писанный Купецким.

Оригинал работы Купецкого находится в Брауншвейгской галлерее; он был многократно гравирован, но эти воспроизведения его представляют собою, за одним исключением, работы посредственные и даже прямо плохие; художественно гравирован он черною манерою Бернардом Фогелем, но оказывается, что и Фогель недостаточно точно передал оригинал: на оригинале овал лица круглее и изящнее, нос меньше, брови не так сильно очерчены, а, главное, выражение глаз гораздо добрее, можно сказать даже,—прямо ласковое [3].

---

[1] Ровинскій, Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. т. III, ст. 1580, 1584, 1590.

[2] Ровинскій, т. III, ст. 1557, 1565, 1567, 1572, 1584, 1590, 1595.

[3] Очень хороший снимок с оригинала дан в журнале „*Старые Годы*“, октябрь 1910 г., в приложении к статье А. Трубникова: „Петръ Великій и „Страшный Суд“ Мемлинга“. По словам Шарри Купецкий написал только лицо, а все остальное исполнил Д. Гойер (Hoyer), довольно известный в свое время художник; он писал, между прочим, портрет короля прусского и его жены. Точный снимок с гравюры Фогеля—в издании „Галлерея Петра Великаго въ Публичной Библіотекѣ“, 1903.

Иоганн Купецкий родился въ 1667 г. въ г. Бёзинге (Bösing) въ Венгрии, умер въ 1740 г. въ Нюрнберге[1]. Он был сын ремесленника чеха, бежавшего с родины от преследований, которым он подвергался за принадлежность к секте „чешских братьев". Родители Купецкого были люди совершенно бедные и не могли дать мальчику никакого образования: он отдан был в ученье к ткачу. Чувствуя непреодолимое влечение к живописи, пятнадцатилетний Иоганн Купецкий бежал от своего хозяина и некоторое время буквально нищенствовал; затем он нашел приют в имении гр. Чобора, владелец которого, заметив способности юноши, дал ему возможность поучиться у живописца, хотя и весьма посредственного. В 1688 г. Купецкий, не убоявшись трудностей жизни, без всяких определенных средств, ушел в Италию, чтобы там учиться на произведениях старых мастеров. Опять в обстановке крайне бедной, почти на границах нищеты, он неутомимо изучал произведения великих художников и работал над развитием своих способностей. Благодаря выдающимся дарованиям и необыкновенному усердию, Купецкий быстро сделал огромные успехи и в самом начале XVIII в. уже обратил на себя внимание, как первоклассный художник; конечно, преувеличены отзывы о нем его современников, что он обладает силою Рубенса, изяществом Вандика и умеет пользоваться световыми эффектами, как Рембрандт; но Купецкий был художник, действительно, выдающийся. В 1709 г., предшествуемый громкою славою, он прибыл въ Вену; скоро он был буквально завален заказами; несколько владетельных князей приглашали его на службу, но Купецкий отклонил такие предложения: он отличался характером слишком независимым и прямым, чтобы жить при дворе какого-либо немецкого государя XVIII в.; он умел быть свободным, независимым тогда, когда в буквальном смысле голодал, желал сохранить такое же положение и теперь, когда пользовался всеми удобствами жизни, даже роскошью. Эти черты характера Купецкого отмечены многими его современниками и делают особенно интересными его сношения с Петром Великим.

Русский царь в 1711 г. был в Карлсбаде. С присущею исключительным умам способностью во всем обращать внимание на лучшее, выдающееся, он оценил Купецкого по некоторым, ставшим ему известными, его работам и пожелал, чтобы Купецкий

---

[1] Биография Купецкого была написана лично знавшим его художником И. Кас. Фюссли (J. C. Füssli, „Leben Georg Philipp Rugendas und Johannes Kupezki", Zürich, 1758); Купецкому же посвящена небольшая книжка Zsilinszky. „Kupeczky János". Budapest, 1876, и более обстоятельное жизнеописание A. Nyari. „Der Porträtmaler Johann Kupetzky. Sein Leben und seine Werke". Wien. 1889.

написал с него портрет. Желание государя было сообщено Купецкому, и тот на-отрез отказался. Биографы Купецкого говорят, будто основания своего отказа он прямо высказал русскому представителю, который передал ему приглашение царя; возможно, что Купецкий руководствовался такими соображениями, о каких нам говорят, но наверно, он их не высказывал: он будто бы сказал, что не поедет к царю, так как слишком дорожит своим достоинством, чтобы быть при дворе государя, который обращается с окружающими тиранически. Очевидно, что такого ответа нельзя было дать даже представителю могущественного государя, не говоря уже о том, чтобы сообщить его государю; и исполнить желание царя было признано, так или иначе, необходимым. Купецкий к нему поехал, хотя и с некоторыми предосторожностями: ему дана была грамота, в которой он был именован придворным живописцем императора Карла VI и получал разрешение ехать к русскому царю, но с приказанием вернуться чрез 6 месяцев. Звание придворного живописца Купецкий не носил, оно приписано было ему лишь для вида; повидимому, таким титулом имелось в виду обеспечить его положение у русского государя, а якобы отпуск на 6 месяцев должен был гарантировать Купецкому свободу возвращения.

Итак, Купецкий отправился к Петру в Карлсбад, отправился, чего не скрывал ни в то время, ни после, крайне неохотно, почти против воли; впечатлениями своими от сношений с русским государем он потом охотно делился с близкими [1].

На первых же сеансах Петр вступил в самую простую беседу с живописцем, расспрашивал его о его родителях, о его детстве, путешествиях и работах; узнав, что Купецкий — чех, государь заговорил с ним—по словам Купецкого—по чешски: возможно, что Петр мог несколько говорить и по чешски; не невероятно, что собеседники понимали друг друга, говоря каждый на своем языке. Купецкий—он сам это передавал Фюссли, своему ученику—с удивлением увидал, что „московиты люди, что они тоже имеют душу", а скоро почувствовал к своему, прежде представлявшемуся ему столь антипатичным, собесе-

[1]) Ниари, повидимому, ошибается, относя эту встречу Купецкого с Петром к 1716 г. Она произошла в 1711 г. Петр был в Карлсбаде в 1711 и 1716 г.г., портрет писан, повидимому, в 1711 г.: А. Зубов гравировал этот портрет уже в 1711—1713 г.г. (Ровинскій, т. III. №№ 101—104); гравюры Зубова, правда, очень плохи, и можно бы допустить, что гравировал он с какого-нибудь другого оригинала, если бы все аксессуары не совпадали у него с аксессуарами на портрете Купецкого. Возможно, но уже слишком мало вероятно, такое предположение: так как все, кроме лица, писано Гойером, то мог быть и другой какой-нибудь оригинал с такими же аксессуарами, каковые приписаны здесь Гойером не с натуры.

вику глубокое и самое искреннее уважение, какого, по его собственным словам, никогда не испытывал ни к какому другому государю. Он подумывал даже, не принять ли предложение Петра и не поехать ли с ним в Россию, впрочем, сам он не пожелал, все-таки, оставить Германию, но рекомендовал вместо себя художника Таннауера, который, действительно, поехал в Петербург, где и умер в 1737 г. (это Танауер русских документов; он тоже написал и портрет Петра, впрочем, посредственный).

Этот небольшой эпизод лишний раз свидетельствует о глубоком впечатлении, какое производила личность Петра на тех, кому приходилось вступать с ним в сношения. Нельзя вместе с тем не остановиться на том, что Купецкий написал Петра с симпатичным, даже ласковым выражением лица, с каким не писали его другие художники. Наверно, не пытался этим Купецкий льстить Петру: не только неизвестно было, угодна ли русскому государю такая лесть, но Купецкий, по всему своему характеру, был к лести не способен. Купецкий придал Петру ласковое выражение, наверно, потому, что таково оно и было у государя, когда он с ним беседовал: ведь это был славянин, даровитый и твердой воли человек, не боявшийся трудов и невзгод, когда стремился он к высокой цели; таково было, вероятно, выражение Петра и вообще тогда, когда он не был ни раздражен, ни угнетен, когда он был сам собою, предоставленный своему духу и своим великим помыслам.

Заговорив об одном портрете Петра, скажу и об изображениях этого государя вообще.

Портреты Петра не особенно похожи один на другой; даже писанные приблизительно в одно время отличаются один от другого более, чем обыкновенно различаются портреты одного и того же лица, исполненные разными художниками,—достаточно сравнить работы Каравака, Моора и Натье, писанные на пространстве всего двух лет [1]. Понятным является часто раздающийся вопрос: „какой портрет Петра наилучший, наиболее похожий“? Представляется вместе с тем нелегким дать на него определенный ответ. Петр, как многие очень нервные люди, был, вероятно, что называется journalier, имел лицо значительно менявшееся: в разные моменты оно могло быть очень различным. Но одно, кажется, несомненно: лицо Петра Великого было круглое, он был, наверно, типа крупных, круглолицых людей, часто

[1] Ровинскій, т. III, или изданіе „Галлерея Петра Великаго в Имп. Публичной Библіотекѣ“. Спб., 1903, табл. IX, XII, XVI, XVII, XX.

встречающихся и теперь. Круглое лицо у Петра в изображении его ребенком на портрете, писанном акварелью, в рукописной книге XVII в. „Корень россійскихъ государей“ [1]); круглолицым представляют Петра все гравюры, изображающие его до поездки за-границу и исполненные почти несомненно по рисункам, которые были сделаны или на память, по общему впечатлению, или по рассказам, передающим общее впечатление (среди них только один представляет его длиннолицым); определенно впечатление круглого лица дает и маска, снятая с Петра после кончины. Круглолицым представляют Петра и Кнеллер, и Моор, и Натье; несколько удлиненное лицо дал ему Каравак, да таким же — и еще длиннее — казалось оно у Купецкого, сколько приходилось судить по гравюре Фогеля. Оказывается, однако, что это ошибка или отступление гравера, и что Купецкий написал царя круглолицым. Типы, изображающие Петра длиннолицым — Таннауера, Леруа-Бауэ [2]) и других, которые, сколько известно, с самого государя не писали, должны быть почитаемы более или менее фантастичными. В. В. Стасов утверждал, что „лучший и наиболее сходный из всех существующих портретов Петра — это портрет, работы неизвестного мастера, привезенный из Великой Реметы в Сербии“. Ровинский совершенно верно находил выражение лица на этом портрете „безобразно зверским“, и самый портрет считал не оригиналом, а только дурным переиначением с Караваковского оригинала; Стасов, и не пытаясь установить, когда и где мог писать Петра с натуры какой то неизвестный и посредственный художник, стоял на том, что этот портрет — наиболее похожий, так как „вполне воспроизводит в живописи именно тот тип лица который у Петра I находили многие современники царя, видевшие его собственными глазами“, — и в подтверждение приводит слова Сен-Симона: „Взгляд Петра был величественный и приветливый, когда он сдерживал себя, иначе суровый и строгий... Вся наружность его выказывала ум, размышление и величие, и не лишена была прелести“ [3]). Трудно утверждать, чтобы слова Сен-Симона подходили бы особенно к портрету из Великой Реметы: ни „прелести“, ни тем более „приветливости“ — тут и следа нет, гораздо скорее есть они у Купецкого. К портрету, писанному Купецким, как нельзя более подходят замечания нескольких лиц, видевших Петра в Англии в 1697 г., говорящих о его приветливой улыбке и несколько татарском, оче-

[1]) Гравировано пишущим эти строки, отпечатано в 15 оттисках, воспроизведено в „Галлереѣ Петра Великаго“, табл. I, и затем в разных изданиях.
[2]) Ровинскій, т. III, ст. 1603 и след., № 187.
[3]) „Галлерея Петра Великаго“, стр. IX—X, табл. XV.

видно, небольшом приплюснутом носе [1]. Описание той или другой физиономии имеет очень малое значение, рядом с портретом писанным художником; описания могут передать лишь общее впечатление — лицо умное, доброе, привлекательное, веселое, или т. п., — но не черты лица; одно и то же выражение могут иметь лица с самыми разными чертами, совершенно не похожие друг на друга. Писанный же портрет дает именно черты, должен и может передать он и общее впечатление. На портрете из Великой Рометы, — оставляя даже в стороне выражение, приданное тут государю — нельзя не видеть таких черт, каких не придавал Петру ни один художник, писавший с него непосредственно: тут необычайно густые и резко очерченные брови, очень большой нос, лицо чрезвычайно длинное, общий тип — южно-славянский. Это есть изображение Петра, но никак не портрет: художник писал не живое лицо, он представлял по какому то понравившемуся ему изображению, не стесняясь от него отступать — человека с характером энергичным и суровым, каким был Петр по сведениям автора портрета, но черты лица государя у него не уловлены. Не решаясь высказаться совершенно определенно по вопросу, какой же портрет Петра самый похожий, я думаю, что наиболее приблизится к истине тот, кто сумеет представить такое лицо, которое могло бы послужить оригиналом для портретов Кнеллера, Купецкого и Натье, которые, имея и значительные между собою различия имеют между собою еще более общего.

Н. Чечулин.

Происхождение собственной е. и. в. канцелярии.

Техника личной работы Екатерины II по управлению государством до сих пор недостаточно выяснена. Более того, несмотря на то, что мы располагаем богатым и ценным материалом, сюда относящимся, вопрос о том, как протекала правительственная работа Екатерины, почти вовсе не затронут, несмотря на всю его важность, как для личной характеристики императрицы, так и для знакомства с действием центрального государственного механизма того времени. Царствование Екатерины II есть время образования у нас личной канцелярии государя, как высшего фактического органа управления страной. Такое положение вещей обычно сопутствует определенной ступени развития государ-

[1] Маколей, Исторія Англіи, ч. VIII, гл. XXIII.

ственного механизма. Личная канцелярия государя или „тайный совет", в котором председательствует сам государь, а движущую силу составляют исполнители его непосредственных велений, очень часто имеет значение первенствующего органа управления в самодержавной монархии, принимающей облик и внешнее устройство полицейского государства, такой монархии, в которой древние формы участия сословий в управлении отжили уже безвозвратно, между тем как до новых форм, близких к парламентаризму, еще далеко, а более усовершенствованные разветвленные органы неограниченной власти, вроде министерств и правильно организованных совещательных собраний, еще не успели получить полного развития. Такой порядок вещей имел место в Швеции при государях Пфальцского дома, особенно при Карле XI, и в немецких государствах XVII и XVIII столетий, например, в Баварии, Пруссии и наследственных австрийских владениях Габсбургов [1].

Подобный порядок управления, при котором личная канцелярия государя стала получать особенно большое фактическое значение, начал исподволь устанавливаться в России примерно с царствования Алексея Михайловича. Я думаю, что можно считать выясненным, что именно такой характер личной канцелярии государя, через которую осуществлялась на деле царская власть, был „приказ великого государя тайных дел", довольно долго бывший загадкой для историков русского государственного строя [2]. Кабинет Петра Великого по нынешним понятиям мог бы называться собственной его величества канцелярией в самом широком смысле этого слова [3]. Руководимый самим Петром и его верным сотрудником А. В. Макаровым, кабинет был органом наиболее прямо и непосредственно осуществлявшим волю царя. В царствование Анны преобразованный кабинет постепенно сделался и с формальной стороны первенствующим учреждением империи. Указ 12 декабря 1741 г. восстановил значение кабинета в том виде, как он был при Петре [4], однако инертность Елизаветы Петровны помешала кабинету получить в ее время то фактическое значение, какое он имел при преобразователе

[1]) Schulze, Das Staatsrecht des Königreich Preussen. Handbuch des öffentlichen Rechts, II, 2, § 2, 3; Seydel, Das Staatsrecht des Königreich Bayern, ebd. III, 1, § 4; Ulbrich, Das österreichische Staatsrecht. ebd. IV, 1, §§ 2, 3, 4, 5; Aschehoug, Das Staatsrecht des Königreich Schweden und Norwegen, ebd. IV, 2. § 1; Carlson, Sveriges historia under Konunge of Pfalziska huset, 5 delen, Carl XI, B. 3, 142—143.

[2]) Истинное значение приказа тайных дел вполне выяснено исследованием А. И. Заозерского—„Царь Алекеѣй Михайловичъ въ своемъ хозяйствѣ", Игр. 1917, гл. VII.

[3]) „200-лѣтіе Кабинета Е. И. Величества, 1704—1904". Спб. 1911. стр. XIV

[4]) П. С. З., XII, № 8480; „200-лѣтіе Кабинета", стр. 309—311.

ние возвращается к нему только по восшествии на престол энергичной и ставившей себе широкие задачи Екатерины. Однако, уже в первые годы ее царствования внутри самого кабинета происходят очень существенные изменения. 1 апреля 1763 г. для отправления собственных е. и. в. дел повелено состоять при государыне д. с. с. Теплову. Кроме того, ему и д. с. с. Елагину, согласно указу 11 июня 1763 г., было поручено принимать подаваемые на высочайшее имя челобитные [1]. Это было началом выделения административных дел из кабинета. 2 марта 1764 г. управляющий кабинетом Ад. Вас. Олсуфьев был освобожден от принятия челобитных [2]. С этого момента и до последнего времени своего существования кабинет его величества остается учреждением, которое ведает только материальные дела государя [3]. По отделении кабинета все другие дела, в которых верховная власть получает свое прямое и непосредственное осуществление, сосредоточиваются в особых канцеляриях. Канцелярии эти не объединены; точнее это несколько статс-секретарей, каждый из которых работает под непосредственным руководством и при непосредственном участии императрицы, имея в своем распоряжении несколько человек для исполнения письменных работ. Несколько позднее отдельные подобные канцелярии стали развиваться за счет других. Так было, например, с канцелярией А. А. Безбородко. „К началу 1780 г. в канцелярии Безбородко сосредоточились почти все дела, восходившие на утверждение или решение императорской власти. Исходящие книги этой канцелярии свидетельствуют, что через его руки проходили дела всех учреждений, составлявших государственный механизм, а что через него государыня переписывалась со всеми лицами, которым были вверены в управление какие-либо части“ [4]. Сам Безбородко писал около этого времени отцу: „Меня вся публика и двор видит яко первого ее (т. е. императрицы) секретаря, потому что через мои руки идут дела сената, синода, иностранной коллегии, не выключая и секретнейших, адмиралтейские, учреждения наместничеств по новому образцу, да и

¹) 200-летие Кабинета, стр. 351.

²) Спб. Вѣдомости, 1764 г., № 32. Вместо Олсуфьева к принятию прошений было назначено еще одно новое лицо — Сергей Матвеевич Козьмин.

³) Фактическое изменение деятельности кабинета наглядно видно по делопроизводству кабинет-секретаря Ад. Вас. Олсуфьева, остававшегося во главе кабинета в течение 25 лет — с 1758 г. по 1783 г. Среди прошений, которые все еще продолжали ему подавать, встречаются только прошения о денежных вспомоществованиях, которые Екатерина удовлетворяла в той или иной степени. Гос. Арх., разр. X, дело 450.

⁴) Григоровичъ, Канцлеръ А. А. Безбородко, въ связи съ событіями того времени, т. II, стр. 327 (С. Р. И. О., том XXIX, и отдельно).

большая часть дел собственных“ [1]). В канцелярии статс-секретаря Безбородко уже чувствуется постепенное стягивание отдельных канцелярий в одно целое. Окончание этого процесса падает на последние годы царствования Екатерины и на царствование ее преемника. Вот как описывал правительственный механизм времени Павла Д. П. Трощинский, один из видных деятелей того времени, сам в свое время бывший статс-секретарем Екатерины II. „Наблюдение за исполнением законов и за производством дел по установленной форме производились двояким образом: во-первых, генерал-прокурором, во-вторых, самим е. и. в., при котором на сей конец находилась особенная канцелярия. В сию канцелярию стекались все дела, кои заслуживали особого внимания все мемории правительствующего сената, входившие к государю императору посредством генерал-прокурора и все прошения и жалобы на верховные правительственные места и лица. Государственный чиноначальник, управлявший сею канцелярией, был действительным министром е. и. в. по всем общим делам государственного управления. Генерал-прокурор и вышеописанный министр-секретарь е. и. в. были единственные каналы, через которые высочайшая власть нисходила на все части государственного управления, исключая малого числа случаев, в коих государь император сносился непосредственно с имевшими главное управление над коллегиями“ [2]).

Всеоб'емлющая канцелярия государя с секретарем-министром во главе, соперничающим с генерал-прокурором, есть завершительное звено процесса, начавшегося в 60-х годах. Отдельные канцелярии отдельных статс-секретарей, выделившись из кабинета, были ядром, из которого выросло в течение Екатерининского царствования собственная его величества канцелярия. В 60-х годах „каналов, через которые высочайшая власть нисходила“ на государственное управление, было несколько; позднее они слились в одно большое мощное русло; еще позднее значение собственной е. в. канцелярии как будто несколько с'узилось в связи с появлением при Александре I более сложной системы государственных учреждений. Тем не менее и при этом государе, в управление Аракчеева, и при Николае I собственная е. и. в. канцелярия, постепенно образовавшаяся при Екатерине II, оставалась одной из самых важных пружин русского государственного механизма [3]).

[1]) Там же, т. II, стр. 325.

[2]) Записка Д. П. Трощинского о министерствах. С. Р. И. О., т. III стр. 27—28.

[3]) К аналогичным выводам относительно происхождения собственной его величества канцелярии и ее отношения к канцеляриям Екатерининского вре-

Возвратимся к первым годам Екатерининского царствования, к тем отдельным канцеляриям, которые были зародышем будущей единой канцелярии государя. В 60-х годах статс-секретарями Екатерины и начальниками отдельных канцелярий, осуществлявших прямую волю императрицы, были, кроме А. В. Олсуфьева, остававшегося во главе кабинета, Григорий Николаевич Теплов, Иван Перфильевич Елагин, Сергей Матвеевич Козьмин, Григорий Васильевич Козицкий и Степан Федорович Стрекалов. Следует остановиться на этих лицах, которые были постоянными участниками личной правительственной работы Екатерины в первые годы ее царствования. Г. Н. Теплов, бесспорно способный и одаренный человек, настоящий делец, далеко не всегда чистоплотный, осторожный и хитрый, сыграл заметную роль в перевороте 1762 г. Почти не спотыкаясь, он умел сохранить свое значение и силу и при Елизавете, и при Петре III, и при Екатерине. Воспитанник заграничных университетов, действительный член академии наук, Теплов должен быть, конечно, причислен к числу очень развитых и образованных людей своего времени. И. П. Елагин,—умный и просвещенный человек, более тонкого, чем Теплов, типа,—один из первых воспитанников сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Он был близок к Екатерине еще со времени ее трудных дней 1758 года; писатель и литературный сотрудник императрицы, Елагин был человеком с нравственными запросами; они то вероятно и привели его к масонству, в котором Елагину принадлежит видное место. Воспитанник Киевской духовной академии и Лейпцигского университета, Г. В. Козицкий был ад'юнктом академии. Он переводил Наказ на латинский язык; сам литератор и переводчик, он сотрудничал в то же время с императрицей по части сатирических журналов. О С. М. Козьмине известно гораздо меньше, однако, и его имя встречается среди авторов литературных и научных переводов, и его деятельность при Екатерине, продолжавшаяся около 20-ти лет, убеждает, что он был в числе довереннейших ее сотрудников. Менее других интересен ленивый и беспечный барин С. Ф. Стрекалов; будучи приставлен к театрам, Стрекалов почти вовсе не был сотрудником императрицы в ее правительственной работе [1]).

Таковы были ранние статс-секретари Екатерины II, повседневные помощники и участники в ее государственной работе в 60-ых годах. За малыми исключениями они все могут быть

мени пришел, повидимому, В. Н. Строев (Столѣтіе Собственной Е. В. Канцеляріи, Спб.. 1912, стр. 1—4). К сожалению, затрагивая этот интересный вопрос в введении, в главной теме своей работы автор касается его только мимоходом.

[1]) Подробности о всех этих лицах см. „Русскій Біографическій Словарь".

отнесены к числу действительно образованных и просвещенных людей своего времени. Название „секретарь“, „кабинет-секретарь“, или более употребительное „статс-секретарь“, которое обычно давалось состоявшим при императрице лицам, было, повидимому, названием бытовым, неофициальным. Официальное их положение определялось как служба по принятию прошений: „определяем к принятию на имя наше челобитных“, гласит указ о назначении Козицкого и Стрекалова [1]). Состав канцелярий, которыми располагали статс-секретари, был очень невелик. „Канцелярия Безбородко по личному составу своему была больше чем канцелярии всех других секретарей, взятых вместе. Но и в ней находилось всего от 4 до 9 человек. Этим и объясняется, что он своеручно писал большое число исходящих бумаг“ [2]). Если так приходилось делать Безбородко, то естественно, что его предшественники, статс-секретари 60-ых годов, должны были нести тяжесть всей работы на самих себе; служащие их канцелярий были только вспомогательными орудиями, несшими часть механического труда. Богатый материал, имеющийся в распоряжении исследователя, позволяет набросать картину занятий статс-секретарей Екатерины. Прежде всего секретарям Екатерина поручала составление набросков и черновиков тех бумаг, иногда очень важных, которых не писала она сама. Знакомство с документами так называемого кабинета Екатерины убеждает, что наряду с собственными работами императрицы, к числу которых относится, например, текст наставления губернаторам 1764 года, ее секретари участвовали своим пером в составлении важнейших актов первых лет ее правления. Так, Теплов приложил свою руку к манифесту о восшествии на престол; Елагин имел, повидимому, близкое отношение к проектам реформ Н. И. Панина и кн. Я. П. Шаховского и к составлению губернаторского наставления 1764 года. Козицкий ведал дела Уложенной комиссии. Постоянно встречаются указания, что данное дело взято из бумаг того или иного секретаря [3]).

Делопроизводство канцелярий и переписка секретарей достаточно обрисовывает облик их повседневной разнообразной работы. Уже в 60-х годах через статс-секретарей восходили к Екатерине мемории правительствующего сената, о которых для

---

[1]) 24 июля 1768 г., П. С. З., т. XVIII, № 13150.
[2]) Григоровичъ, Канцлеръ А. А. Безбородко. II, 332.
[3]) Из бумаг Теплова: Гос. Арх. разр. X, д.д. 33, 34, 54, 97, 126, 142, 166, 170, 204, 255, 455; Козицкого—д.д. 15, 446; Безбородко—д. 259; Елагина—д. 21, 455; под этими номерами дел стоит в описи соответственное обозначение „из бумаг такого-то“. Очень много указаний и обозначений такого же рода есть и в самих делах, причем упоминаются как названные сейчас, так и другие статс-секретари.

более позднего времени говорил Троцинский. Такие мемории, или точнее краткие извлечения из них, в немалом числе находятся среди переписки Г. В. Козицкого по делам, касавшимся исполнения повелений Екатерины. Входящие и исходящие журналы канцелярии того же Козицкого показывают, что через последнего шли далеко не одни челобитные, подаваемые императрице. Это настоящая канцелярия самодержавной императрицы по всевозможным внутренним делам, среди которых можно найти, например, переписку по делу переселения серпуховских удельных крестьян в Лиски на Дону, или переписку с князем М. М. Щербатовым о его ученых трудах. Тот же Козицкий ведет сношения о доставке Екатерине нужных ей книг и собирает разного рода сведения, предназначенные для осведомления государыни [1]. Обратимся къ переписке И. П. Елагина. В ней мы найдем сношения о недозволенной карточной игре, которую вели придворные, письма к епископу тверскому касательно плана устройства семинарий, справки о различных судебных делах, письма к самым разнообразным лицам, стоявшим наверху тогдашней социальной лестницы—например, с князем Н. Ю. Трубецким, И. И. Неплюевым, А. И. Глебовым, графом А. Г. Разумовским, наконец, повседневные сношения с ближайшими товарищами, вроде Теплова, Олсуфьева, Козьмина и других, касающиеся различных дел, доверенных Екатериной кому-нибудь из ее секретарей. Такие сношения ясно показывают, что все секретари составляли круг, тесно-об'единенный служебными отношениями и постоянной работой с государыней; канцелярии не были учреждениями разрозненными, но уже тогда составляли сроставшиеся звенья будущей единой и общей императорской канцелярии [2]). Статс-секретарь Козьмин ведет дела о посылке молодых людей за-границу, об астраханских купцах, жаловавшихся на местного губернатора, о посылке переводчиков иностранных языков, которых требовал архангелогородский губернатор. Он переписывается с графом А. С. Строгановым по делу предполагавшегося тогда устройства в столице публичной библиотеки [3]). Столь же разнообразными и многооб'емлющими являются бумаги Теплова. У него мы найдем справки и сведения о предполагаемых новых штатах учреждений, переписку

[1]) Гос. Арх., разр. XI, д. 1039.
[2]) Гос. Арх., разр. XI, д.д. 1003 и 1009.
[3]) Гос. Арх., разр. XI, д. 1031; в переписке Козьмина, также как и в переписке Елагина, много следов текущих сношений статс-секретаря с его товарищами по должности; сношения эти также свидетельствуют о том, что работа отдельных канцелярий была частью одного целого; д. 1031, часть 2, л.л. 157—198.

с различными особами, касательно предпринятых теми перед императрицей ходатайств, переписку с Мордвиновым по военным делам, с Сиверсом о болезни последнего, мешающей ему являться ко двору и т. д. [1]).

Особое и видное место занимает в бумагах статс-секретарей их сношения с генерал-прокурорами, Глебовым и кн. Вяземским. Переписка эта в высшей степени разнообразна и затрагивает все вопросы управления. По повелению императрицы Теплов, например, пишет Вяземскому о скорейшем понуждении к выезду членов сената, назначенных в Москву, сносится с ним по делам печатания указов, запрашивает о некоторых делах, находящихся в производстве в правительствующем сенате, словом, нет того дела или вопроса, который не мог бы быть затронут перепиской доверенных секретарей императрицы и ее „ока и уха"—генерал-прокурора [2]).

Сделанные наблюдения, как бы кратки они ни были, достаточно, думается мне, убеждают в важности, ответственности и разнообразии работы, которую вели Екатерининские статс-секретари. Остается только решить, какова была доля этой работы, падавшая лично на императрицу, и каковы были внешние формы ее участия в занятиях и трудах ее секретарей.

Собственноручные записки и черновики Екатерины достаточно многочисленны, чтобы убедить исследователя, что императрица лично работала очень много, что она во всяком случае принимала живое личное участие в работе того государственного механизма, который она должна была приводить в движение. Один из поздних секретарей ее, А. М. Грибовский, оставил ясное и картинное описание внешней обстановки, в которой протекала совместная работа Екатерины и ее секретарей. Хотя рассказ Грибовского относится к последним годам ее жизни, я все же приведу его здесь, так как есть полное основание думать, что внешний и внутренний облик правительственной работы Екатерины II сложился еще в дни ее молодости и в существенных своих чертах оставался неизменным во все ее долгое царствование. „В зимнее время императрица имела пребывание в большом зимнем дворце. Собственных ее комнат было немного. Взойдя на малую лестницу, входишь в комнату, где на случай скорого отправления приказаний государыни стоял за ширмами для статс-секретарей и других деловых особ письменный стол

[1]) Гос. Арх., разр. XI д.д. 992, 993, 994, 995, 998, 999, 1001; последнее дело содержит переписку Теплова с товарищами по должности, носящую тот же характер, что и соответственная переписка Елагина, Козьмина и др.

[2]) Гос. Арх., разр. XI д. 996 (Теплова с Вяземским) 997 (Теплова с Глебовым), 1031, ч. II, л.л. 199—303 (Козьмина с Вяземским).

с прибором. Из нее вход был в уборную. Отсюда были две двери: одна на-право в бриллиантовую комнату, а другая налево в спальню, где государыня дела слушала. В Царском Селе государыня имела пребывание в покоях довольно просторных и со вкусом убранных. Время и занятия императрицы распределены были следующим порядком: она вставала в восемь часов и до девяти занималась в кабинете письмом, в девять часов переходила в спальню, где у самого почти входа из уборной подле стены садилась на стул, имея перед собой 2 выгибные столика, которые впадинами стояли один к ней, а другой в противуположную сторону, и перед сим последним поставлен был стул. Государыня, заняв вышеописанное место свое, звонила в колокольчик и стоявший безотходно у дверей спальни дежурный камердинер входил и, вышед, звал, кого приказано было. В сие время собирались в уборную ежедневно обер-полицеймейстер и статс-секретари; во 11-м же часу приезжал граф Безбородко... Первым по позыву являлся к государыне обер-полицеймейстер. По выходе обер-полицеймейстера, статс-секретари через камердинера докладывались и поодиночке бывали призваны. Государыня занималась делами до 12 часов" [1]).

Биограф Безбородко следующем образом говорит о работе его при императрице: „В одном сенатском архиве хранится 387 указов, писанных собственноручно гр. Безбородко на имя этого учреждения; как кажется, все они были написаны в секретарской комнате за ширмами, о которой говорил Грибовский, на лету, тотчас по изъявлении монаршей воли" [2]).

Но может быть за тридцать лет до назначения Грибовского статс-секретарем Екатерина работала иначе. Пусть ответит она сама: „Я встаю аккуратно в 6 ч. утра", писала она 6 ноября 1764 г. г-же Жофрен, „читаю и пишу одна до 8-ми, потом приходят мне читать разные дела. Всякий, кому нужно говорить со мною, входит поочередно один за другим. Так продолжается до 11-ти часов. Потом я одеваюсь. На другой день продолжается то же самое, как по нотам" [3]).

Слова Екатерины, писанные за много лет до мемуаров Грибовского, наглядно и убедительно свидетельствуют о том, что ее работа с Елагиным, Тепловым, Козицким и Козьминым

[1]) Грибовскій. Записки объ Императрицѣ Екатеринѣ Великой. Изд. 2-е. М. 1864, стр. 23—27.

[2]) Григоровичъ. Канцлеръ А. А. Безбородко. т. II. стр. 328.

[3]) Je me lève regulièrement à 6 heures du matin, je lis et j'écris seule jusqu'à huit, puis on vient me lire des affaires. Chacun qui a a me parler entre un à un, les uns après les autres. Cela dure jusqu'à onze heures, puis je m'habille... pour faire la même chose le lendemain et cela est reglé comme un papier de musique"... С. Р. И. О., т. I. стр. 261—262.

проходила в общих чертах так-же, как она текла при сотрудничестве Безбородко, Завадовского, Попова, Трощинского, Храповицкого и Грибовского. Самодержавная государыня хотела править сама, она всю жизнь была большой и усердной работницей, а тогдашний, сравнительно несложный аппарат управления позволял ей быть постоянной и деятельной участницей правительственной работы.

Ю. Готье.

Княгиня Е. Р. Дашкова за чтением Кастера.

„Мне хотелось приобрести некоторые новые заграничные издания... но ввоз иностранных книг был почти совершенно прекращен, хотя был открыт свободный пропуск всем памфлетам, клеветавшим на Екатерину II, но друзья не считали возможным присылать их мне. Я достала все, что можно было найти в Москве и я не положу пера без того, чтобы не прибавить к этой работе... нескольких примечаний, которые, я надеюсь, докажут лживость этих утверждений, придуманных ненавистью“.

Такую запись встречаем в мемуарах княгини Дашковой приблизительно около 1798 года [1], т. е. после возвращения ее из глухой ссылки в свое любимое Троицкое. В русском переводе мемуаров сделано примечание: „это намерение Дашковой никогда не осуществилось“. Ей не удалось осуществить его до конца, но принялась она за него со свойственным ей увлечением и энергией. Начала она, естественно, с труда Рюльера [2], о котором так много слышала и автора которого знала лично. Ее примечания на Рюльера вполне закончены и напечатаны в VII кн. Архива кн. Воронцова (стр. 455-457). Серьезным разбором Дашкова эту книгу не удостоила, но свои 17 резко отчеканенных замечаний закончила так: „надеюсь он заслужит весьма малое доверие у людей рассудительных (sensées)“.

Нужно отметить, что, хотя Дашкова в своих мемуарах несколько раз упоминает о злостных памфлетистах и грозит им критикой, до сих пор, за исключением этих давно известных примечаний на Рюльера, никакой другой ее работы в этом роде не было найдено.

[1] Архив кн. Воронцова, XXI, стр. 356.

[2] Rulhière, Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762.

Ее мемуары помечены 27 октября 1805 г. [1]. Если принять эту дату, то, так как, по собственным словам Дашковой, она собиралась приняться за критику по окончании записок, приходилось предполагать, что критика памфлетов осталась незаконченной за ее смертью (1810 г.), тем более, что последние годы Дашкова много времени уделяла литературной работе вообще, или же, что этот труд Дашковой погиб для потомства. Счастливая случайность дает нам теперь возможность показать, что княгиня не прекратила на Рюльере составление примечаний, а взялась за другие и во всяком случае еще за один труд, отнесясь к делу основательнее и серьезнее, чем в первый раз: в библиотеке Академии Наук сохранился экземпляр „Vie de Catherine II“ Castera, изданный в том же 1797 году, что и сочинение Рюльера [2]. На нем имеются собственноручные пометки и примечания княгини Дашковой [3]. Экземпляр этот находится в хорошей сохранности, за исключением исчезнувшего последнего листа I-го тома. Переплет конца Александровского или начала Николаевского времени; обращаю внимание на это потому что княгиня, несомненно, делала свои примечания на книге без переплета: при переплете некоторые буквы оказались обрезанными или вплетенными в корешок. В двух-трех местах книга была чем-то залита и чернила расплылись; по счастью, за исключением нескольких сомнительных слов, все написанное поддается удовлетворительному прочтению.

Работа Дашковой, повидимому, не вышла из своей черновой стадии, и она не успела перенести свои замечания из книги на отдельные листы. На 416 страницах I-го тома 211 и на 462 страницах II-го—9 примечаний. Последние с внешней стороны различаются между собой по чернилам, по характеру почерка и даже по транскрипции некоторых слов, откуда создается впечатление, что Дашкова принималась за работу не менее 3-х

[1]) Н. Д. Чечулин в „Русском биографическом словаре“ дает дату окончания мемуаров 1808 г., что еще более подтверждало бы наше предположение.

[2]) Шифр библиотеки $\frac{\text{ХУД}}{78}$. Книга Кастера в первом издании напечатана без имени автора, и из примечаний Дашковой не видно, чтобы имя его было ей известно, т. к. она неоднократно подчеркивает, что автор, судя по его изложению, никогда не бывал в России. В действительности же Кастера, один из политических агентов Людовика XV, долго жил в Польше, в Ливонии, побывал в Петербурге и иногда гораздо лучше осведомлен о придворных сплетнях и событиях, чем сама княгиня.

[3]) Надписи о принадлежности книги Дашковой или ее подписи под заметками не имеется, но по почерку и содержанию их не остается никакого сомнения в подлинности автора. В некоторых деталях, как увидим ниже, подделка была бы решительно невозможна.

раз.[1] Первоначально она делала только лаконические отметки, преимущественно к тем строкам, которые относились к ней лично или к ее семье, без особого обдумыванья и цели: княгиня реагировала на то, что ее особенно задевало: „это вздор“, „моя репутация не заслуживает этой лжи“, „этого никогда не было“ и т. п. При втором чтении заметки делались особенно тщательно. Это уже работа для потомства. Дашкова вносит определенную тенденцию в свои заметки, она исправляет и фактическую сторону, и заботится о национальном самолюбии, и о поддержании высокого авторитета императорского титула, и о своей личной славе. Наконец, при третьем чтении внесены еще некоторые дополнительные поправки. В результате все заметки представили собой нечто цельное и потому нет необходимости характеризовать их особо.

Все примечания сделаны на французском языке. При беглом взгляде поражает их безграмотность как грамматическая, так и синтаксическая: полное отсутствие знаков препинания и произношения, несогласованность слов (существительное во множественном числе, прилагательное в единственном и наоборот), фантастическая орфография с частым удвоением букв где не нужно и с пропуском их где нужно, неправильное употребление глагольных форм и проч. Вместе с тем свободные и оригинальные обороты, употребление довольно редких слов указывают, что дух языка вполне ею постигнут.

Содержание заметок по существу касается личности самой Дашковой, разных государственных и общественных деятелей, в том числе членов императорской фамилии, и, наконец, государственных, общественных и придворных событий. Попутно критикуется степень знания России и тенденции автора.

Как уже сказано выше, Дашкова стремится оградить свою честь. Самолюбие и тщеславие этой незаурядной женщины были глубоко уязвлены, хотя она и считала естественным, что ей отводилась первая роль в происходивших событиях. Нам сразу станет ясным тон ее самозащиты, если мы припомним письмо княгини к мисс Уильмот, помещенное вместо предисловия к лондонскому изданию ее записок: „когда уже было мне 60 лет, мой взор в первый раз обратился к прошедшему; и я увидела всю ложь и пристрастные обвинения, распространенные некоторыми французскими писателями против Катерины Большой; но с тем вместе они не пощадили по дороге своего

[1] Впечатление это подкрепляется сличением работы Дашковой над I-м и над II-м томами: примечания II-го тома она не успела разработать и они резко отличаются от I-го, как по количеству, так и по бедности содержания.

злословия и ее друга Катерину Маленькую. В этих памфлетах наша Дашкова очернена всеми пороками, совершенно чуждыми ее характеру: у одних она является женщиной самого преступного честолюбия, у других грубой развратницей... самая нравственная жизнь, проведенная большею частью вдали от света.... не могла укрыться от пера злонамеренного памфлетиста... они боялись могущества великой и страшной царицы, но, вероятно, думали отметить за себя, с озлоблением нападая на женщину, не имевшую влияния на правление, и старались отнять у нее то, что для нее всего дороже—чистую репутацию".

Здесь вся Дашкова. Хотя она и не имела влияние на правление, но Европа и она сама не сомневаются, что после императрицы княгиня Дашкова первое лицо в России.

Она никогда в глаза не видала тех английских эмиссаров, от имени которых ведется первая часть рассказа Кастера. Энергичную, деловитую натуру возмущает изображение ее в виде увядающей светской красавицы, вытянувшейся на софе в рискованном deshabillé и ведущей разговоры о скандальных анекдотах лондонского двора, или произносящей в Академии бесконечные речи, будто бы преданной наукам и искусствам, но всем ученым на свете предпочитающей невежественного, но рослого преображенца. На самом деле ее deshabillé — камлотовый или суконный капот, она никогда „не вытягивается" перед мужчинами, да и вытягиваться не на чем, т. к. у нее в будуаре и софы-то нет. Она последняя узнает скандальные анекдоты даже Петербурга, не то что Лондона [1]). Застенчивость (?) мешала ей выступать публично, и в своей жизни она произносила речи в Академии не более трех раз.

Нельзя не присоединиться к княгине в защите ее нравственности: в этом отношении она представляла собой одно из немногих исключений екатерининского двора. Любовь к мужу и невероятная гордость помогали ей удерживаться на стезе добродетели. Конкретных любовников Кастера приписывает Дашковой только двоих: Гр. Орлова и Н. И. Панина. Сплетня об Орлове явно нелепа. Княгиня утверждает, что увидела Гр. Орлова впервые за 15 дней до переворота, и все версии рассказа о событиях 28 июня также представляют Орлова едва знакомым с Дашковой. Последняя задета особенно потому, что смотрела на Орлова как на существо низшего порядка („comme un inférieur bien bas"). На сообщение Кастера о привлечении к заговору К. Разумовского, через Гр. Орлова, она презрительно замечает,

[1]) Ниже будут приведены факты весьма плохой осведомленности княгини в придворных интригах и сплетнях.

что последний был существом слишком незначительным („trop insignifiant“), чтобы иметь малейшее влияние на графа. Сплетню о Панине сообщает Рюльер и усиленно подчеркивает Кастера. Он не был ее возлюбленным, „он не испытывал страсти ко мне и никогда ее не из'являл“. Эта реплика нуждается в поправке, т. к. страсть Панина к Дашковой была общеизвестна: в самой семье Воронцовых говорилось, что Панин ей „слепо раболепствует“ [1]).

Об отношениях Дашковой с родственниками Кастера также передает несколько сплетен. Как и Рюльер, он говорит, что Дашкова ревновала свою сестру к славе, которая ту ожидала, и даже ненавидела ее. Обоим Дашкова отвечала решительно и резко, что завидовать было нечему, ненависти к сестре не существовало и, если бы она хотела, то могла иметь влияние через сестру, но, как и все родные, относилась отрицательно к связи Елизаветы Романовны с великим князем [2]). „Она горделиво пренебрегла гневом своей семьи“, говорит Кастера. „Я им так мало пренебрегала, что только в день восшествия на престол мои родные узнали, что я была во главе заговора“, парирует Дашкова.

По поводу своих личных отношений с Екатериной Дашкова делает ряд поправок. Несмотря на решительное заверение, что она не была интимной приближенной императрицы и никогда не добивалась этой чести, Дашкова, тем не менее, везде подчеркивает исключительное внимание к себе: она ехала на коронацию в Москву в одной коляске с Екатериной, которая неоднократно говорила и перед всем двором, и перед Бестужевым, и перед иностранными представителями, „что она мне обязана короной“. Возмущается княгиня сообщениями о ее высылках и удалении от двора: она добровольно предпочитала частную жизнь в деревне придворным почестям. Если эта „добровольность“ несколько подозрительна, то нетрудно опровергнуть, что президентство в Академии не было наградой за участие в перевороте, а получено 20 лет спустя (в 1783 г.)

Замечания об отношениях Дашковой к Екатерине заканчиваются сообщением Кастера, что она мстила за неблагодарность императрицы, разоблачая заговоры, в которых сама же играла главную роль. „Я ничего не разоблачала, я никогда не

[1]) Архив кн. Воронцова, кн. XXXI.

[2]) Из переписки княгини с братом А. Р. Воронцовым (Архив кн. Воронцова, V) мы усматриваем, что Дашкова пыталась себе через сестру выхлопотать какие-то блага, но безуспешно, почему и к ее участи относилась довольно безучастно.

составляла заговоров против императрицы, я ее нежно любила до самой смерти и даже после нее", восклицает княгиня.

Таковы замечания, относящиеся к самозащите Дашковой: они пересыпаны патетическими фразами, вроде: „эту ложь я предаю на суд публики!"; или: „это чрезмерно по сравнению с тем, что позволяли себе мои самые закоренелые враги" и т. д. Основная ее тенденция — показать безупречность и безошибочность поведения княгини.

Количественно самая большая группа примечаний относится к разным лицам: Петру Великому, Ивану Антоновичу, Елизавете, Петру III, Екатерине II, Понятовскому, Бобринскому, И. И. Шувалову, К. Разумовскому, Нарышкиным, Салтыкову, Чоглоковой, кн. Потоцкой, Бестужеву, Н. Панину, Трубецкому, Шаховскому, бр. Орловым, Волконскому, Глебову, Измайлову, Пассеку, Потемкину, Одару, Чоглокову, Гудовичу, Мировичу, всей семье Воронцовых. Часть этих заметок простые поправки в титулах, чинах, происхождении и проч. Следует отметить как характерную черту дворянское самосознание Дашковой, в силу которого она защищает благородство происхождения даже врагов своих Орловых, не говоря уже о Панине. Но она ярко отделяет вельмож от простых дворян, равными себе считает только первых и еле снисходит ко вторым с высоты своего величия. Сердится, если Кастера приписывает титул кому-либо не имеющему на него права, напр. Нарышкиным, И. И. Шувалову, но очень отстаивает недавно созданный титул Воронцовых, на семью которых титул распространен только в 1760 г. Вероятно, зная о последнем, Кастера высказывает предположение, что титул „графини" дарован Елизавете Романовне Петром III. Дашкова строго поправляет: „она носила титул графини, потому что ее отец был графом".

Своих родных княгиня старается всячески превознести и за их благородство, и за моральные качества, словом, относится к ним в литературе так, как заведомо не относилась в жизни. Не имея никакой возможности отрицать самый факт фаворитизма Елизаветы Романовны, Дашкова старается оградить достоинство последней. Когда Кастера фамильярно называет ее „Romanowna Woronzoff", княгиня придирается: „почему Романовна, а не графиня Елизавета Романовна, как все ее называли". Сестра скромна, она никогда не хвасталась обещанием будущего императора жениться на ней. Несмотря на такую честь, родные относились с порицанием к этой связи и никак ею не пользовались. Отец не посещал совершенно великого князя, который не имел ни доверия, ни уважения к нему. Дядя канцлер высоко держал знамя чести и принес присягу императрице только по смерти Петра III. Ни отец, ни брат, никто другой из родствен-

ников княгини не падал к ногам Екатерины с мольбой о прощении, и Дашкова не умоляла о великодушии к ним и т. д. Все это заведомо неправда. Воронцовы открыто составляли партию Петра и интриговали против Екатерины. По вступлении Петра на престол они были осыпаны милостями, денежными подарками, орденами и проч., хотя Елизавета Романовна обманула ожидания родных и не умела или не хотела стараться в их пользу, как они того ожидали [1]). Отец княгини был доверенным лицом императора, неизменным его собутыльником, получил орден св. Андрея и другие милости [2]). Справедливо лишь то, что княгиня увиделась с сестрой и отцем только через три дня после переворота в доме последнего, где оба содержались под арестом, и сцена с коленопреклонением Воронцовых в Петергофе не могла иметь места в действительности.

Отзывы о других лицах в значительной степени зависят от личных или даже семейных Воронцовских отношений. Дашкова явно старается принизить как личность, так и политическое значение Бестужева. Кастера обрисовывает его довольно верно: интриганом, но глубоким политиком, весьма влиятельным человеком, игравшим видную роль в общем управлении страной. И этот человек, одно слово которого заставляло дрожать всю Россию, вдруг был низвергнут из могущества в состояние рабства. Дашкова возражает: „автор никогда не бывал в России, иначе, без сомнения, он слыхал бы о гр. Бестужеве совсем другие отзывы“, и тут же иронически об'ясняет, что канцлер—министр иностранных дел, а не внутренних, и не мог ни одним словом, ни двадцатью заставлять дрожать Россию. Правда, дядя вице-канцлер М. Л. Воронцов был открыто в дурных отношениях с Бестужевым и с ним не встречался. Она была еще ребенком, когда Бестужева сослали, и потому не могла быть с ним в заговоре, однако же знакома с веденными им интригами. Решительно не было у Бестужева и следа проекта лишить великого князя престола, но возмутительно его старание содействовать браку императрицы с Гр. Орловым. Версия Кастера о плане Бестужева находит себе подтверждение в записках Екатерины, которая упоминает даже о составленном им манифесте [3]). О браке же с Орловым оба, и Кастера и Дашкова, дают неправильную версию, как будет показано ниже.

Дашкова берет под свою защиту И. И. Шувалова, которого Кастера явно путает с его двоюродным братом Петром. Иникак[illegible]

[1]) Арх. кн. Воронцова, V, стр. 106.
[2]) А. Суворинъ, „Кн. Е. Р. Дашкова“. Б[illegible]. „[illegible]“ [illegible] стр. 18[illegible].

богатств он у Елизаветы не выманивал, идею написать русскую историю ему внушила наклонность к меценатству, а не желание урвать какие-то суммы. Несправедливо утверждение, что жадность Шувалова заставляла дрожать русских купцов: его скорее можно упрекать в малодушии, чем в наглости.

Относительно кн. Трубецкого, Дашкова, возражая Кастера, который изобразил Трубецкого смело выступившим против Панина в защиту самодержавия, подтверждает общеизвестный факт, как в затруднительные минуты тот об'являл себя больным и ложился в постель впредь до выяснения обстоятельств.

Заступается она за Шаховского, об удалении которого Петром III рассказывает Кастера, „потому что он был тверд, неподкупен, просвещен и трудолюбив“, точно также и за Волконского: он не интриган, наоборот человек честный, откровенный и добрый патриот.

Панина Дашкова весьма почитает как вельможу, старшего родственника и доброго патриота. Она упорно отрицает участие его в придворных интригах, его план ограничить власть Петра с помощью сената, его попытки отстранить от Екатерины Орловых и др.—„все это ложь“. Неправда, что Панин предался всецело Екатерине; он согласился занять место, указанное его повелительницей, но абсолютно не был близок с великой княгиней. Не отрицая планов Панина о регентстве (и даже разделяя их), Дашкова утверждает, что он о них никогда не говорил Екатерине. Если Кастера и выдумал речь, произнесенную Паниным на эту тему, на собрании заговорщиков, то не подлежит сомнению, что Екатерина была прекрасно осведомлена об этом.

Заметки, относящиеся к высочайшим особам, естественно переплетаются с сообщениями о придворных и политических событиях и с обрисовкой народного настроения и отношения к ним. Дашкова высоко держит знамя патриотизма, православия, народности, уважения к императорской фамилии, хотя иногда и различает интимную характеристику от политической.

Начинаются примечания с Петра Великого. Но брать последнего под защиту, задача непосильная для Дашковой. „Он самолично отправился в Голландию изучать строение кораблей“, говорит Кастера. Все дворянское миропонимание Дашковой задето этим сообщением: „русский император имел средства пригласить изо всех стран строителей и артистов и не мог быть вынужден прятаться и терять время в маленькой голландской деревушке, чтобы изучать ремесло плотника“. Этой репликой княгиня наивно выдает себя: она знает, что Петр в маленьком

Соч. Екатерины II, изд. Ак. Наук, XII, стр. 408.

местечке изучал ремесло плотника (у Кастера об этом ни слова) и ее гордость, высокое понятие об императорском достоинстве и представление о могуществе русского царя чрезвычайно страдают, а потому вопреки общеизвестному и даже превозносимому в ее время факту—как с высоты престола (Екатерина II), так и в обществе и в русской поэзии (Державин) она желает скрыть истину во что бы то ни стало. Чрезвычайно характерный для Дашковой прием. Петру Великому приходилось бороться „не только с обстоятельствами, но и с яростью суеверия и бесчисленными предрассудками варварской науки“ восклицает Кастера. „Я не знаю о какой ярости суеверия хочет сказать автор, но совершенно неоспоримо, что религия греческая гораздо терпимее католической, священники Франции и Германии создавали зрелища гораздо более ужасные“, заступается за православие княгиня. Любовь русских к распущенной Елизавете Кастера об'ясняет тем, что в ее жилах кровь Петра В., тем, что велика сила инерции, данная законодателем России, и тем, что русские вообще созданы для послушания и раболепства. Дашкова парирует: „русский человек, от природы воинственный, любил в Петре I славу его побед, но не преклонялся ни пред его деспотизмом, ни пред пристрастием к иностранцам“. Как видим чувство уважения к нации в Дашковой сильнее даже поклонения монархическому принципу.

Замечания о Елизавете, Петре III, Екатерине часто переплетаются, и их характеры иногда противупоставляются друг другу, при чем, по возможности, ограждается их высокий сан. Там, где княгиня не может отрицать слишком общеизвестные, но неприятные факты, она старается их смягчить и набросить тень недоверия, представить в виде сплетни. Так, относительно брака Елизаветы с А. Разумовским и рождения князей Таракановых она сначала решительно пишет: „это ложь“. Потом, перечитывая заметки, предпочитает оговориться: „большинство верит, не имея вместе с тем достоверных доказательств, что этот брак был заключен; но совершенно неоспоримо, что императрица Елизавета не имела детей“. Если гордость Дашковой возмущалась при мысли об этом браке и если ей хотелось, чтобы ему не верили, то вполне справедливо княгиня считает абсурдом сплетню о подмене сына Екатерины сыном императрицы от Разумовского: Елизавета в момент рождения Павла „перешла уже возраст, в котором женщина способна быть матерью“.

Слухи о невоздержанной жизни Елизаветы Дашкова считает злостной клеветой. Она подчеркивает любовь подданных к Елизавете и отвергает все слухи о предосторожностях, которые императрица принимала против Петра III, как против своего

соперника: неправда, что Петру не давали хорошего образования, предоставляли придворным развращать его, пополняли голштинский отряд солдатами, преданными императрице; подданные ее любили, а наследник, имевший вид безобразного немецкого капрала, никому не старался нравиться и не хотел говорить хорошо по-русски, что совсем не было лестно для нации. Там, где интересы Елизаветы и Петра сталкивались, Дашкова не задумываясь приносит в жертву последнего в противуположность Кастера, который хочет придать Петру облик невинно пострадавшего. С возмущением отвергая сообщение о пьянстве Елизаветы, Дашкова удивляется, что этот порок Петра Кастера считает инсинуацией придворных. „Это признавали даже те, кто восхищался его добрым сердцем“, соглашается смягчить она. Примечания относительно первого времени правления Петра III особенно интересны, т. к. выше было указано на близость семьи Воронцовых к его двору. Дашкова, забывая, как только что старалась оградить отца от „обвинений“ в близости к Петру, подхватывает фразу Кастера: „первые дни царствования этого государя отмечены несколькими благожелательными указами“ — „которые продиктовали мой отец, Глебов и Мельгунов“. Перечитывая еще раз свои пометки, она вносит корректив: „Это может быть единственное деяние моего отца, в котором выразилось его соучастие в подаче добрых советов“.

Вопрос о том, кому мы обязаны рядом существенных распоряжений и указов (в том числе пресловутым указом о вольности дворянства) первых недель царствования Петра — до сих пор не разрешен вполне удовлетворительно, а потому указания Дашковой нельзя не принять к сведению.

Петр III не занимался государственными делами, в большинстве коллегий он не был ни разу, т. к. вахт-парад занимал все его утро. Обидна форма похвалы Петру за возвращение из ссылки 17.000 пострадавших: „это число сильно преувеличено, как и все, что может привести автор к невыгоде нации“. Петр выказывал презрение к русским нравам, обычаям, религии — отчасти это правда, но слишком оскорбителен для православия приказ о выносе икон из церквей: „хотя я не восхищалась Петром III, но во имя истины должна засвидетельствовать, что вынос икон — одна из миллиона выдумок, которыми эта книга переполнена“. Кастера почерпнул свое известие из донесений иностранных послов. Решительное отрицание Дашковой заставляет осторожнее отнестись к этому известию, чем это сделали Соловьев и Бильбасов. Любопытно, что княгиня не отвергает известия о том, как, в наиболее торжественных и священных для русских церемониях, Петр предоставлял Екатерине показываться обле-

ченной всеми знаками императорского достоинства, а сам следовал за процессией „в образе простого полковника, как будто хотел показать своему народу, что она создана, чтобы царствовать, а он—повиноваться“. Дашкова только поясняет, почему Петр так поступал: „у него не было иной цели, как только нести обязанности капрала“.

Дашкова подтверждает ряд общеизвестных фактов об отношении Петра к Фридриху II („король—мой господин“), о раздражении духовенства и проч.; опровергает несколько мелких сплетен, вроде того, что Петр хотел развести всех красивых придворных дам с их мужьями. Думая все время о самолюбии русских, княгиня не хочет задевать и самолюбия иностранцев: бранили Петра за введение новой военной формы не потому, что она немецкая, а потому, что наши войска, так переодетые, походили на иностранные и в пылу сражения могли быть приняты по ошибке за саксонцев, пруссаков или австрийцев. Дашкова отвергает рассказ Кастера о смерти Петра III и дает ту же самую версию о письме Алексея Орлова, найденном в шкатулке после смерти Екатерины, которая находится и в ее записках [1]. На сообщение Кастера, что похороны Петра для всего Петербурга „были днем скорби и отчаяния“—княгиня возражает: „за исключением нескольких голштинцев не было ни одного русского, который бы пришел в отчаяние“.

К Екатерине II относится, разумеется, наибольшее количество примечаний. Прежде всего Дашкова старается оградить репутацию Екатерины, как женщины. Не имея возможности отрицать фаворитизма Орлова, ей лично неприятного, но слишком очевидного, соглашаясь на Понятовского, Дашкова отрицает все остальные сведения о возлюбленных Екатерины и, признавая факт рождения Бобринского, другие подозрения в том же роде считает злостной клеветой. Она не уверена даже в роли Салтыкова.

Мы уже говорили, что часто Кастера бывает лучше осведомлен о придворных сплетнях, чем Дашкова (ср. заговор Бестужева): так, несмотря на то, что близкие отношения Екатерины с английским послом Уилльямсом держались в большой тайне, Кастера был в курсе дела, и связь между Бестужевым, Уилльямсом и Понятовским для него ясна, как и их влияние на Екатерину. „Уилльямс не мог давать советов, как существо слишком ограниченное; иностранец, высказавший, что Россия плохо руководилась этими тремя людьми, сказал глупость, т. к. великая княгиня, роль которой в управлении была слишком

[1]) Архив кн. Воронцова, XXI, стр. 94.

ограничена, и Россия — две вещи слишком различные". Кастера не отожествляет Екатерину с Россией и хочет сказать, что не Россия дурно управлялась этими тремя людьми, а сама великая княгиня. В реплике Дашковой мы опять видим задетое национальное самолюбие, которому в жертву приносится даже сама Екатерина [1]).

Для гордости Дашковой не переносима мысль, что великокняжеской чете, и Екатерине в частности, приходилось постоянно занимать деньги, как у иностранных послов, так и у банкиров, факт, которого не скрывает сама Екатерина [2]). Но Дашкова решительно отвергает все подобные сообщения. Заем 6.000 дукатов у гр. Брюля „мог казаться соблазнительным автору этих мемуаров, но не мог быть предложен их императорским высочествам: поднести им деньги в случае нужды не доставило бы ничего, кроме удовольствия, богатым русским купцам и фабрикантам". Одар не просил у французского посла бар. Бретейля денег взаймы от имени Екатерины, Бретейль лично Дашковой предлагал деньги на совершение революции, но она их отвергла, т. к. иностранные деньги не могли поддерживать дела чисто патриотического.

Относительно самого переворота Дашкова делает ряд фактических поправок, иногда мелких и придирчивых. Кастера очень тонко и верно разбирается в той роли, которую играла Екатерина в заговоре, и обрисовывает, как искусно она создавала себе сторонников в разных кругах так, что они и не подозревали о существовании друг друга до последнего момента. Дашкова знала меньше других: ее опасались из-за ее родства, из-за молодости и пылкой неосторожности [3]). Но она до конца жизни осталась в заблуждении относительно своей первенствующей роли и непонимании роли Екатерины. Дашкова возмущенно записывает на полях о заговоре: „Не императрица, но я его создала!" Как и в записках, так и в примечаниях на Рюльера, Дашкова категорически отрицает посредническую роль Одара и приписывает только себе честь привлечения Панина, Разумовского и др. вельмож. По существу здесь Дашкова не дает ничего особенно нового — не 30 солдат, а 500 окружили Екатерину; не часть петербургских обывателей, а все обитатели столицы и т. д. Ловит она Кастера на незнании русских обычаев: не могло быть коронации в Казанском соборе, т. к. там не было

[1]) Влияние Уильямса — факт не подлежащий сомнению после опубликования интимной переписки с ним Екатерины (под ред. Горяинова, Москва, 1909).

[2]) Сохранились ее расписки, по которым она платила деньги после своего воцарения (С. Р. И. О., VII, стр. 73 и др.).

[3]) Соч. Екатерины II, X, стр. 491.

короны и вообще русские цари коронуются в Москве. Кастера рисует картину, как „сбежавшаяся толпа падала на колени и клялась Екатерине в верности“. Дашкова с иронией замечает: „верноподданная присяга дается только в церкви или в сенате, для чего необходимы священники, евангелье и распятие“. Отвергает рассказ о фальшивых похоронах Петра (который есть и у Рюльера). Утверждает, что манифест о восшествии на престол Екатерины напечатан не Одаром где то секретно, а в сенате, хотя и с большой поспешностью—как оно и было на самом деле. Кастера указывает, что когда офицер читал этот манифест толпе и крикнул — „да здравствует императрица Екатерина II“, то солдаты и народ угрюмо молчали. Дашкова возражает: „наоборот, никогда всеобщая радость не обнаруживалась более явно“. Тоже относительно встречи Екатерины в Москве, которая, по словам Кастера, произошла без всяких приветствий: „никогда еще радость не проявлялась более полно“. Эта поправка об отношении народа к императрице делается неуклонно. Горделиво отвергает Дашкова сообщение Кастера о том, что сторонники Екатерины распространяли слухи, что царь назначил день, в который жена и сын должны погибнуть. Слух этот поддерживался самой Екатериной.

Относительно предполагавшегося брака императрицы с Орловым Дашкова столь же не в курсе истинного положения дел, как и Кастера. Бильбасов хорошо раз'яснил [1]), как ловко Екатерина сумела отклонить навязываемый ей брак, и как Бестужев и М. Л. Воронцов явились ее орудиями. Дашкова дает, очевидно, семейную версию: услыхав от Бестужева предложение поддержать этот брак, М. Л. Воронцов, несмотря на болезнь, отправился к императрице и говорил с твердостью и патриотизмом, преисполнившими ее величество уважением к нему (Екатерина терпеть не могла Воронцова, считая его продажным интриганом): „доказательством плохой информации автора служит его незнание того, о чем знает вся Россия: гр. Воронцов не только не был подстрекаем в данном поступке Паниным, но только после этого события они сблизились, не имев раньше никакой связи друг с другом“. Вся Россия интересовалась родственными отношениями Воронцовых! Только Дашкова могла сказать это.

Отвергает или смягчает Дашкова все сообщения о заговорах против Екатерины, в том числе правильно отмечает, как преувеличил Кастера дело Гурьева и Хрущова.

---

[1]) Бильбасовъ. „История Екатерины II“. II. стр. 256 и сл.

Она дает большой интересный вариант к рассказу Кастера о покушении на жизнь Екатерины молодого офицера Чеглокова (мало известный и почти забытый эпизод), который, якобы, из патриотических чувств хотел отмстить за смерть Петра III. Дашкова сообщает, что это был честолюбивый мальчик 15 лет, который хотел застрелить Екатерину из пистолета (а не убить кинжалом) за то, что он до сих пор оставался сержантом. Выдал его не товарищ, а собственный гувернер, отчаявшийся отговорить мальчика от его намерения. Екатерина лично его допросила и сослала в один из сибирских гарнизонов с приказом дать ему повышение в случае хорошего поведения.

Много места, как в книге Кастера, так и в примечаниях, отводится Ивану Антоновичу и делу Мировича. Кастера утверждает, что об Иване часто вспоминали, как на престоле, так и в народе, и неоднократно шли толки о его восстановлении в правах; свидание Петра III с несчастным принцем об'ясняется желанием устранить от престола Павла и усыновить Ивана. Дашкова утверждает, что свидание вызвано любопытством придворных, и у Петра, в лучшем случае, было намерение выслать Ивана в Германию. Дашкова неоднократно настаивает, что он был помешан, и потому не мог возбуждать ничьих надежд; она знала это от сестры Елизаветы, которой Петр со смехом передавал бессмыслицу речей Ивана; от очевидцев, присутствовавших при свидании с ним Елизаветы Петровны, а также от Панина и Теплова, посетивших Ивана вместе с Екатериной II. Эта ссылка на очевидцев имеет значение, так как нельзя считать установленным в исторической литературе помешательство Ивана [1]). Что касается Мировича, то Дашкова решительно противится версии Кастера, по которой тот был подкуплен по приказанию императрицы. Этим объясняет Кастера дерзкое поведение Мировича относительно судей, которые как-будто боялись углублять допрос. Дашкова характеризует Мировича, как человека неумного, неспособного, без образования [2]), но утверждает, что он ни с кем не был дерзок, кроме Гр. Орлова; что его процесс был публичным и гласным, и судьи углубляли вопросы сколько могли, но сообщников не открыли [3]). Заканчивает Кастера восклицанием: „смерть принца Ивана заставляла думать, что это не последнее покушение, которое Екатерина осмелится себе позволить". И получает в ответ: „в России

---

[1]) Ср. сомнения Бильбасова — „Исторія Екатерины II", II, стр. 302 и сл.

[2]) Ср. Бильбасовъ. „Исторія Екатерины II", II, стр. 322.

[3]) „Публичность и гласность" были, конечно, относительными. На процессе присутствовало 48 человек по особому назначению императрицы (ср. манифест 17 авг. 1764 г.).

никто не думал о преступлениях, к которым привычно воображение автора".

Вообще в противовес таким выпадам Дашкова всячески подчеркивает гуманный характер правления Екатерины: вся Европа, как и Россия, знает, что ни единой капли крови не пролито при Екатерине из-за религиозных убеждений... Неправда, что преследовалась иностранная печать—французские, немецкие и английские газеты свободно обращались в Петербурге и Москве. Клевета, будто в России нельзя не только говорить, но и слушать что-либо о государственных делах, так как русская полиция хуже св. инквизиции: русская полиция менее бдительна и подозрительна, чем парижская, особенно в царствование Екатерины II; при ней доносчики не наживали состояний, так как на всякую сатиру или клевету, направленную против нее, она отвечала: „все это слова, и те, кто так говорят, сами меня пожалеют"...

Таково общее содержание этих примечаний. Сами по себе они интересны для характеристики личности Дашковой, ее политических и общественных убеждений, ее положения при дворе, ее отношений с разными лицами, наконец, ее литературной манеры. Отдельные замечания имеют значение для уяснения некоторых исторических фактов (ср. о письме А. Орлова, указ о выносе икон, помешательство Ивана Антоновича, влияние Мельгунова, Глебова и Р. Воронцова на законодательную деятельность Петра и др.)[1]). Но особенно любопытны столкновения Дашковой с книгой Кастера, при чем, как уже показано выше, истина далеко не всегда на стороне княгини.

Эти столкновения наводят на мысль о необходимости пересмотра труда Кастера под новым углом зрения и выяснения его источников. Ряд весьма интимных случаев придворной жизни, неизвестных в широком кругу и решительно отвергаемых Дашковой, сообщается у Кастера и находит себе подтверждение в таком источнике, как записки Екатерины II. Особенно любопытный пример, это рассказ Кастера о секретном свидании Екатерины с Елизаветой, во время которого великая княгиня просила отпустить ее в Германию, при чем подчеркивается ее твердая уверенность, что просьба исполнена не будет. Тут знание не только факта, но и затаенной мысли Екатерины.

[1]) Нельзя не отметить с некоторым изумлением, что Дашкова обошла полным невниманием рассказ о таких крупных политических событиях, как: пугачевщина, турецкая война, польские дела и проч. Об'ясняется ли это ее полной неосведомленностью, или мелочностью ее ума, отсутствием интереса к государственным делам? Мы не решаемся произнести категорически суровый приговор.

Дашкова дважды повторяет: „c'est faux, c'est faux". Екатерина, повествуя об этом эпизоде [1]), упоминает и присутствующих при свидании: великого князя, А. Шувалова и, возможно, И. И. Шувалова, скрытого за ширмой. Это сообщение делает вопрос об источнике информации Кастера весьма интересным. Таких мест в его книге, получающих особый интерес при отрицании Дашковой и при сопоставлении с записками Екатерины, можно отметить несколько. Рассказ Кастера о похищении английским комиссаром записок Екатерины, на основании которых якобы составлена книга, разумеется, простой литературный прием. Дашкова справедливо назвала его абсурдом. Но, сочиняя это литературное введение, Кастера сам не подозревал, как в некоторых отдельных случаях он был близок к истине...

О. Корнилович-Зубашева.

Учение об основных законах в русской юридической литературе XVIII и первой трети XIX века.

Хотя свод основных государственных законов в системе русского положительного права появился лишь в 1832 г. в качестве 1-й части I тома Свода Законов Российской Империи, представление о законах, определяющих основные начала государственного устройства, отнюдь не было чуждо русскому юридическому мышлению XVIII и первой трети XIX в. [2]). Предметом настоящей статьи, представляющей собой отрывок из посвященной истории основных законов в России работы моей, еще не напечатанной, является обзор учений об основных законах в отечественной юридической литературе до Свода.

В двух направлениях развивалась эта литература — в направлении теоретическом и в направлении практическом. Первое строило теоретические схемы по принципам школы естественного права, второе, пытаясь догматизировать положительное отечественное право, выливалось в форму прикладного законоискусства. Несамостоятельность всей нашей юридической литературы до Свода, сравнительно очень бедной к тому же коли-

[1]) Соч. Екатерины II, XII, стр. 423.

[2]) См. бар. Б. Э. Нольде, Законы основные въ русскомъ правѣ — „Труды Юридическаго Общества при Имп. С.-Петербургскомъ Университетѣ", т. VII, СПб. 1913 г., с. 4 сл.

...ственно, — факт неоспоримый. Изучение ее сводится поэтому, в значительной степени, к выяснению в ней тех или иных течений западно-европейской научной мысли, достижения которой приходится неослабно держать на учете.

Первым автором, затронувшим проблему основных законов в русской юридической литературе был В. Т. Золотницкий. Учение Золотницкого построено на типичных для всей школы естественного права началах: государство созидается договорным путем, причем, согласно принимаемого нашим автором варианта договорной теории, идущего от Пуфендорфа, для образования государства требуется не один, а два договора — договор соединения и договор подчинения; только последний создает реально государственное властвование, потому что им определяется конкретная его форма. Согласно, опять-таки, естественно-правовому трафарету, представление об основных законах тесно связано у Золотницкого с этим договором подчинения, pactum subjectionis. Представление это носит у него двойственный характер: „основательные" законы — акты безусловно договорного порядка[1]), но с одной стороны — это самый договор подчинения, pactum subjectionis, со всем возможным многообразием его конкретного содержания[2]), с другой — те ограничительные записи, капитуляции, которые присущи ограниченной монархии[3]), а, по допу-

[1]) Золотницкій. „Сокращеніе естественнаго права выбранное изъ разныхъ Авторовъ для пользы Россійскаго Общества", СПб. 1764, с. 84—85: „Договоры, по которымъ гражданство и его форма или видъ составляется, называются *договорами основательными* (гражданскими). И когда договоръ обязываетъ граждански договаривающихся къ взаимному исполненію обѣщаннаго: то и договоровъ основательныхъ въ гражданствѣ сила обязывающая есть столько же дѣйствительна. Сіе состоитъ въ законахъ основательныхъ, и нѣтъ такого гражданства, которое бы оными утверждено не было: въ нихъ изображается какъ персона владѣющая, такъ и способъ владѣтельнаго употребленія. И понеже законы основательные по силѣ договора всѣхъ, какъ народъ такъ и владѣтеля обязываютъ, то перемѣнить ихъ или уничтожить безъ согласія на то обѣихъ сторонъ, никогда не можно".

[2]) Помимо предыдущей цитаты сказанное подтверждает и учение Золотницкого о соединении государств: см. назв. соч., с. 116—117: „§ 231. Гражданство сложенное или составленіе гражданствъ (systema civitatum) есть, въ которомъ каждыя гражданства составляющія цѣлое имѣютъ въ разсужденіи себя порознь полную власть и управляются основательными своими законами; однако же въ употребленіи нѣкоторыхъ своихъ частей относятся къ цѣлому составленію одного какого государства".

[3]) Н. с., с. 103: „§ 201. Монархія есть либо *совершенная*, которая управляется государемъ по его единственной волѣ; либо *ограниченная*, въ которой способъ правленія особливымъ договоромъ опредѣленъ, который называется *законами основательными*". — Ср. по отношению к избирательной монархии н. с., с. 110: „...Народъ при такомъ избраніи совершенно можетъ составить новые законы, по которымъ будущій государь имѣетъ управлять государствомъ. Сіи законы въ отношеніи государства новоизбранному государю предписанные называются *капитуляціями* или *договорами*... Новоизбранный государь... государство подъ такими договорами... ежели принялъ, то тѣмъ самымъ есть государь, но къ наблюденію капитуляціи какъ основательныхъ законовъ обязанъ".

скаемой Золотницким аналогии, и ограниченной аристократии [1]. Повидимому, Золотницкий мыслит pactum subjectionis, как акт, определяющий не только форму государственного устройства, но и некоторые его детали: так, в наследственной монархии „основательные законы“ определяют порядок престолонаследия [2]), в избирательной монархии—порядок управления государством во время междуцарствия и самый порядок избрания монарха [3]), в аристократии—порядок определения решения сената при разделении в нем голосов поровну [4]). Признавая основные законы договорами, Золотницкий не останавливается и перед логическим следствием такого воззрения и признает, правда, в очень осторожных выражениях и с существенными оговорками, нарушение монархом основных законов поводом к прекращению лежащих на народе по отношению к нему обязанностей [5]). Пламенный тезис монархомахов в обезвреженной немецкими трактатами естественного права форме оказался, таким образом, воспринятым и русской юридической мыслью Екатерининского царствования.

Научную несамостоятельность своего труда Золотницкий подчеркивает самим его названием—„Сокращение естественного права, выбранное из разных Авторов для пользы Российского Общества“. В интересующем нас вопросе выборка эта была произведена из Пуфендорфа и Неттельбладта.

---

[1]) И. с., с. 115: „...Сенатъ въ аристократическомъ правленіи... имѣетъ право употребленія своея власти... или *ограниченное* или *неограниченное*. Въ ограниченной аристократіи не можетъ сенатъ противъ основательныхъ законовъ ничего перемѣнить безъ согласія явнаго или тайнаго на то народа“.

[2]) И. с., с. 106—107: „...законы наслѣдственнаго вступленія по единому натуральному народа согласію составлены, и въ отношеніи государства первому монарху учиненномъ, отъ его самаго приняты, обязываютъ взаимно народъ, монарха и всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ право къ престолу государства, и силѣ договора; и надлежатъ до основательныхъ договоровъ и законовъ“.

[3]) И. с., с. 109: „Какимъ способомъ монархія во время междуцарствованія должна быть управляема и новое избраніе производимо? законами основательными должно быть опредѣлено“.

[4]) И. с., с. 114: „...когда обѣихъ не соглашающихся между собою сторонъ равное число будетъ: то дѣло остается подъ сомнѣніемъ, когда то сомнѣніе основательными законами опровержено быть не можетъ“.

[5]) И. с., с. 118—119: „...ежели монархъ такія дѣлаетъ беззаконія, которыя основательнымъ законамъ противны: то при семъ случаѣ надобно прежде разсмотрѣть, болѣе ли есть сіе зло отъ того добра, которое изъ другихъ монаршихъ дѣйствій происходитъ, и когда большую часть добра гражданство отъ него получаетъ, то величеству его наблюдается святость; но ежели худыя его дѣла столько уже усилятся, что всю общую пользу и совершенство искореняютъ, и монархъ на прошеніе подданныхъ склониться не хочетъ, чтобъ наблюдать основательные законы: то кажется, что величеству уже болѣе мѣста не будетъ, поелику нарушается польза и совершенство. Ибо отнявши съ какой либо стороны согласіе, какъ существенную часть договора, перестаетъ быть дѣйствительнымъ и договоръ, а когда онъ уничтоженъ, то и обязательства уже перемѣняются“.

Родоначальник самой теории „договора подчинения“ [1]) Пуфендорф уделяет понятию основных законов очень узкие пределы применения: основные законы отнюдь не совпадают у него с pactum subjectionis. Они являются специфическим атрибутом лишь ограниченной монархии, будучи ни чем иным, как теми „обещаниями“, которыми монарх может ограничить полноту своей власти и которые наделяют подданных правом требовать строгого их осуществления [2]). Основные законы—это договор между rex и regnum, связывающий в равной мере обе договаривающиеся стороны. Вне ограниченной монархии в конструкции Пуфендорфа основным законам места нет. У вольфианца Неттельбладта пределы применения понятия основных законов более широкие. Автор этот применяет категорию основных законов не только к государству, но и ко всякого рода союзам, которые он делит на societates inaequales и aequales, с подразделением последних в свою очередь на societates aequales cum potestate и sine potestate [3]). Leges fundamentales seu publicae в отличие от non fundamentales seu privatae он определяет, как законы, относящиеся к публичному статусу союза, причем для тех видов союзов, в которых власть принадлежит не безраздельно всем его сочленам (а это имеет место в societates inaequales и societates aequales sine potestate), он конструирует эти основные законы, как договоры (pacta fundamentalia) между властвующими и подвластными в отличие от обыкновенных законов, устанавливаемых односторонним волеизъявлением властвующих; и лишь в societates aequales cum potestate основные законы, как и все вообще другие законы, конструируются Неттельбладтом как leges conventionales [4]).

Золотницкий сочетал конструкцию Пуфендорфа с несколько упрощенной конструкцией Неттельбладта: проводимое последним различение societates aequales и inaequales воспринято им не было и он ограничился позаимствованием у Неттельбладта только понятия pacta fundamentalia, конечно, органически связанного с договором

[1]) У Пуфендорфа, собственно, для создания государства необходимы три акта: 1) договор соединения, 2) decretum, определяющий форму государственного устройства и 3) договор подчинения, облекающий полномочиями предусмотренного этой формой властителя. см. Pufendorf, Le droit de la nature et des gens. trad. par Barbeyrac. Amsterdam, 1712. Liv. VII, ch. II, § VII и § VIII.

[2]) Ibid., Liv. VII, ch. VI, § X; ср. Liv. VII, ch. X, § III.

[3]) D. Nettelbladt, Systema universae jurisprudentiae naturalis. Editio quinta, Halae Magdeburgicae. 1785, §§ 354, 355. Курс Неттельбладта появился в 1770 г. в русском переводе—„Начальное основанiе всеобщей Юриспруденiи, приуготовленное къ употребленiю основанiя положительной Юриспруденцiи. соч. Г. Неттельбладта“, переводъ съ латинскаго. М. 1770.

[4]) Ibid., §§ 398—399.

подчинения. Но внутри этого более широкого, чем у Пуфендорфа, понятия основных законов у него оказалась не растворенной и конструкция последнего: „основательные“ законы — и самый договор подчинения, как у Неттельбладта, и ограничительные капитуляции, как у Пуфендорфа. Основные законы ограниченной монархии он мог счесть одним из элементов подлежащего pactum subjectionis, но не счел, и двоякая конструкция основных законов оказалась у него не спаянной воедино. Заимствование Золотницким именно у Пуфендорфа и Неттельбладта нас не удивит, если мы вспомним, что, поступив в Московский Университет в 1760 г., он мог слушать Дильтея, излагавшего свой курс по Винклеру, Пуфендорфу и Неттельбладту [1]).

Хронологически следующими авторами, затронувшими проблему основных законов в русской естественно-правовой литературе были Цветаев и Куницын. Около 50 лет отделяет трактат первого из них от „Сокращения“ Золотницкого, но по интересующему нас вопросу Цветаев всецело пребывает в плоскости высказанных еще Золотницким взглядов. Цветаев говорит об основных законах очень мало: отождествив коренные законы с договором подданства [2]), т. е. с pactum subjectionis, он никаких дальнейших деталей в своем руководстве не затрагивает, упоминая лишь, что договор подданства, как и всякий другой, может быть изменен не иначе, как по взаимному согласию договаривающихся, если, конечно, народ не уполномочил на такие изменения государя [3]).

Позже, в 20-х годах, в эпоху гонения на лжемудрствования естественного права, Цветаев на словах отошел от договорной конструкции государства, но не сумел отойти от нее по существу, что явственно проявилось в его представлениях

---

[1]) Н. М. Коркуновъ. Исторія философіи права. Спб. 1908, с. 247. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московскаго Университета. М. 1855, ч. I, с. 302. — Биографические сведения о Золотницком даны в посвященной ему статье в „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ томъ „Жабокритскій—Зяловскій“. Птг. 1916, с. 441, а также у Г. С. Фельдштейна. „Главныя теченія въ исторіи науки уголовнаго права въ Россіи“ 1909, с. 96.

[2]) Левъ Цвѣтаевъ, Первыя начала права естественного, изданныя для руководства учащихся, М. 1816, с. 51: „... соединеніе всѣхъ условій договора подданства называется конституціею или постановленіемъ правленія“; там-же, с. 64: „Конституція или образъ правленія есть составъ тѣхъ измѣненій, которыя сдѣланы бываютъ въ разсужденіи правъ естественныхъ чрезъ договоръ подданства. Коренные законы суть точные опредѣленія оныхъ или самые договоры, существующіе между верховною властью и гражданами“.

[3]) Н. с., с. 67—68: „По заключеніи договора подданства ни государь ни народъ отдѣльно перемѣнить не могутъ образъ правленія, развѣ по взаимному согласію, или первый къ тому уполномоченъ“.

об основных законах: „Конституція или образъ правленія“, говорит он [1]), „есть собраніе тѣхъ измѣненій, которыя дѣлаются въ первобытныхъ правахъ людей, въ качествѣ граждан и подданныхъ. Коренные законы суть точныя опредѣленія оныхъ измѣненій“. Следовательно, основные законы связаны с переходом людей из „первобытного“ в государственное состояние, они определяют те изменения, которые с этим переходом связаны: так сказал бы и любой представитель договорной теории, но он дал бы и конструкцию договора. Цветаев же вынул из договорной теории договор, описав лишь показательно его последствия. Получилось нечто весьма бледное и лишенное резкой конструктивной четкости.

В рамках немецкой теории естественного права вращается и „русский кантианец“ профессор Лицея Куницын. Конструкция его в основных своих очертаниях тесно примыкает к конструкции того же Неттельбладта [2]). Подобно Неттельбладту, и Куницын выводит понятие основных законов за пределы государственного права, связывая его с более широкой категорией права общественного. Вслед за Неттельбладтом Куницын говорит об обществах равных и обществах неравных [3]). „Въ равномъ обществѣ“, говорит Куницын, „ни одинъ членъ не имѣетъ власти общественной, она принадлежитъ всѣмъ вмѣстѣ“. Но вместе с тем общее благо требует, чтобы установлен был некоторый постоянный порядок отправления общих дел: постановления, определяющие этот порядок, Куницын и называет коренными законами, добавляя, что содержащие в себе эти законы договоры называются основными [4]). Далее Куницын поясняет: коренные законы определяют, какие дела подлежат „к исполнению“, как они исполняются и как созидается формально „общая воля“. Вывод, к которому он приходит—безукоризненный: коренные

[1]) Л. Цвѣтаевъ, „Первыя начала права частнаго и общаго съ приложеніемъ основаній народнаго права“. М. 1823, с. 55.

[2]) Эта связь Куницына с Неттельбладтом решительно ускользнула от внимания В. М. Гессена, который отмечает влияние на Куницына лишь Канта и Руссо (см. В. М. Гессенъ, „Наука государственнаго права въ Россіи“. Труды Юридическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ, т. VII, Спб. 1913, с. 199 сл.).

[3]) Куницынъ, Право естественное, ч. II, Спб. 1820, § 250 сл., с. 15 сл.—Неиспользованной остается лишь категория Неттельбладта „societates inaequales sine potestate“.

[4]) Н. с., § 204 (с. 17—18): „...благо общее требуетъ, чтобы дѣла, совершаемыя для цѣли общей постоянно и единообразно, были опредѣлены общимъ согласіемъ въ то же время, когда учреждается общество. Сего рода общественныя постановленія называются *коренными законами*. Договоры, содержащіе въ себѣ коренные законы, называются основными“.

законы определяют образ правления [1]). Договорный характер основных законов в этой конструкции бесспорен, притом характер договора нормативного [2]). В обществе неравном власть принадлежит не всем вместе, а одному лицу—либо физическому, либо, как Куницын говорит, „нравственному", т. е. юридическому (§ 266). Если для образования равного общества достаточен один договор соединения, то для образования общества неравного требуется еще и второй договор—договор „подданства" (§ 267), которым властитель наделяется властью. Но властитель, будь он неограниченный или ограниченный, обязан соблюдать коренные законы, содержащиеся в договоре соединения и в договоре подданства (§ 276). Больше об основных законах в „праве общественном" Куницын ничего не говорит. Включение их, помимо договора соединения, в договор „подданства" дает основание предположить, что в этом последнем они могут приобрести характер двустороннего договора. Этот характер и проявляется в полной мере в той части трактата Куницына, которая посвящена праву государственному. В праве государственном основные законы—это pactum subjectionis, договор подданства, взаимно обязывающий обе договаривающиеся стороны [3]). При ограниченных формах государственного устройства в состав основных законов входят, в частности, правила, определяющие порядок из'явления властителем общей воли [4]); к основным же законам принадлежат в наследственных монархиях — законы о порядке наследования

---

[1]) II. c., § 255 (c. 18): „Коренные законы опредѣляютъ: 1. Главнѣйшія и постоянно къ исполненію предлежащія дѣла, 2. Способъ отправленія ихъ, и, наконецъ, 3. Признаки, по которымъ воля общая во всѣхъ случаяхъ можетъ быть познаваема. И такъ коренные законы опредѣляютъ образъ правленія".

[2]) Этот договорный характер присущ, по утверждению Куницына, всем законам равного общества; и в этом отношении Куницын вплотную примыкает к Неттельбладту, который говорит о leges conventionales.

[3]) II. c., § 463 (c. 114—115): „Условія договора подданства, опредѣляющія отношеніе между подданными и Властителемъ, суть коренные законы. Они обязываютъ равно обѣ договаривающіяся стороны, т. е. подданныхъ и Властителя. На основаніи договоровъ двустороннихъ, ни которая сторона не можетъ ихъ нарушить и перемѣнить самопроизвольно. Когда Властитель нарушаетъ коренные законы государства, то воля его въ семъ случаѣ не есть верховная, но частная и кто ей не повинуется, тотъ не нарушаетъ правъ Величества. Подданные имѣютъ право требовать отъ властителя, чтобы онъ не нарушалъ коренныхъ законовъ государства; ибо чрезъ каждый двусторонній договоръ обѣ стороны пріобрѣтаютъ одна противу другой право принужденія. Однакожъ только справедливыя средства принужденія взаимно употребляемы быть могутъ. Для избѣжанія злоупотребленій въ семъ случаѣ въ договорѣ подданства именно означаются средства принужденія".

[4]) II. c., § 475 (c. 120): „Ограниченный властитель есть тотъ, которому положительными коренными законами государства предписывается способъ изъявлять общую волю".

престола [1]), в избирательных монархиях—„избирательные условия“ [2]), определяющие об'ем вручаемой избираемому монарху власти.

В том же круге идей вращается профессор Петербургского Университета Лодий, курс которого „Ѳеорія общихъ правъ“, появившийся в 1828 году, должен почитаться безнадежно для своего времени устаревшим. Некоторым новшеством в русской литературе было предложенное Лодием понимание основных законов прежде всего как некоторых политико-этических принципов, подлежащих осуществлению в государственной организации [3]): новшество это, не представлявшее никакой научной ценности, было опять-таки заимствовано из немецкой естественно-правовой литературы [4]). Лодию не чуждо, однако, и понятие об основных законах, как положительно-правовых нормах, определяющих форму государственного устройства [5]). Конкретно, в качестве составных частей основных законов Лодий упоми-

[1]) И. с., § 505 (с. 134): „Въ Монархіи наслѣдственной учреждаются законы которыми опредѣляются лица способныя къ наслѣдованію и самый способъ наслѣдованія, дабы не могли возникнуть несправедливыя притязанія и споры объ ономъ. Таковые законы установляются согласиемъ народа и по избраніи перваго Монарха, имъ самимъ подтверждаются. Они обязываютъ народъ, Монарха и всѣхъ тѣхъ, которымъ въ послѣдствіи времени по силѣ оныхъ принадлежать будетъ право наслѣдства. Потому законы сіи называются коренными“.

[2]) И. с., § 503 (с. 132—133): „Избраніе есть договоръ, въ которомъ договаривающіяся стороны суть: 1) народъ, предлагающій верховную власть, 2) лица приемлющія оную... во время избранія народъ можетъ постановить правила для избираемого вновь Монарха. Сіи правила называются избирательными условіями; избираемому можно принять и непринять верховную власть на таковыхъ условіяхъ; если принимаетъ оную, то получаетъ владычество и условіями избирательными обязывается, какъ ко енными законами“.

[3]) В главе „О коренныхъ или основныхъ законахъ и связи гражданского общества“ мы читаем (Лодій, Ѳеорія общихъ правъ, Спб. 1828, с. 40—41): „поелику... цѣль Государства, вообще, есть безопасность, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, то посему основной или коренной законъ Всеобщаго Государственнаго Права можно выразить практически слѣдующимъ образомъ: Старайся по возможности силъ твоихъ споспѣшествовать повиновеніемъ Верховной власти достиженію какъ внѣшней, такъ и внутренней безопасности своего Государства. Въ случившемся сраженіи общаго благоденствія съ частнымъ полагается второй основной законъ слѣдующій: каждый гражданинъ совершенно обязанъ предпочитать общее благодѣнствіе народа, частному своему благодѣнствію“. Помимо этих двух основных законов, Лодий намечает и „менѣе основные законы“, определяя их как „тѣ, коими предписываются ближайшіе средства къ достиженію первоначальной цѣли“ (с. 41—42).

[4]) См. напр. H. G. Scheidemantel, Das Staatsrecht nach der Vernunft and Sitten der vornehmsten Völker betrachtet, Iena, 1770, Bd. I, §§ 35—38.

[5]) И. с., с. 30: „Образъ правленія познается изъ основныхъ или коренныхъ законовъ государства, и есть такое учрежденіе, или постановленіе между народомъ и Верховнымъ Правителемъ, коимъ опредѣляется образъ правленія. Если не будетъ такого постановленія, то образъ правленія назначается изъ дѣйствія подверженности, или покоренія, поелику, по различности того подлежащаго, которому народъ покорился, опредѣляется также и разный образъ правленія: однакожъ не по большинству, но по единодушію голосовъ“.

наст—постановления, определяющие права подданных [1]), затем, в наследственных монархиях—закон о наследии престола [2]) со всеми его деталями [3]), закон об опеке и, как он выражается, о „наместничке“ на случай малолетства монарха [4]); в избирательных монархиях те ограничительные условия, на которых происходит само избрание монарха [5]). Если мы спросим себя, как юридически мыслит себе основные законы Лодий, то на этот вопрос мы четкого ответа в его „Өеоріи“ не найдем, но отдельные детали его изложения позволяют утверждать, что договорный характер основных законов принимался и им. Он называет основные законы „учреждением“ или „постановлением“, но постановлением „между народом и Верховным Правителем“ [6]), затрагивая же вопрос о нарушении монархом коренных законов [7]), а затем трактуя о законах, определяющих порядок престолонаследия [8]), признает договорную природу основных законов expessis verbis. Это признание ведет к серьезному испытанию того духа консерватизма, которым проникнут весь труд Лодия: раз основные законы — договор, то не ведет-ли нарушение их одной стороны, т. е. монархом, к освобождению другой стороны, т. е. народа, от лежащих на ней по отношению к контрагенту обязанностей? Лодий дает ответ отрицательный, мотивируя его тем, что нарушающие коренные законы распоряжения могут быть народом не исполнены, но не освобождают его от обязанности повиновения в установленных коренными законами пределах. Единственным правом народа реагировать на исходящие от монарха нарушения основных законов является право всеподданнейших представлений [9]).

Мой обзор конструкций основных законов в русской естественно-правовой литературе был бы не полон, если-бы я не указал на русский перевод латинского трактата профессора Московского Университета (с 1803 по 1812 г.) Ф. Хр. Рейнгарда „Естественное право.“ Назвав этот трактат нужно, впрочем, тотчас же оговориться, что основным законам в нем посвящена буквально одна строчка: перечисляя законы, которые должны

---

1) Н. с., с. 338.

2) Н. с., с. 359, 378, 395.

3) Н. с., с. 391, 392.

4) Н. с., с. 402, 409.

5) Н. с., с. 361.

6) Н. с., с. 300.

7) Н. с., с. 424—425: „Изъ нарушенія коренныхъ законовъ слѣдуетъ только то, что народъ обиженъ въ правѣ договорномъ“.

8) Н. с., с. 378: „Въ Невотчинномъ Наслѣдственномъ Государствѣ долженъ непремѣнно существовать основной законъ, в силу коего... наслѣдникъ Престола можетъ быть признанъ законнымъ. Сей законъ основывается на договорѣ, сдѣланномъ между первымъ пріобрѣтателемъ правленія и между народомъ...“. Ср. н. с., с. 395

9) Н. с., с. 424—425.

быть установлены в государстве, Рейнгард упоминает и о законах „относящихся к самой конституции государства“ [1]). Как он себе мыслит их юридическую природу, об этом можно только догадываться: если принять во внимание, что законы „относящіеся къ самой конституціи государства“ перечисляются Рейнгардом в качестве законов, которые должны быть установлены в государстве рядом с законами гражданскими и уголовными, можно предположить, что и основные законы Рейнгард считал продуктом суверенной воли законодателя.

В других русских трактатах по естественному праву проблема основных законов вовсе не затрагивается [2]).

В итоге приходится признать, что в русской естественно-правовой школе отразился сравнительно очень узкий круг известных Западу представлений о сущности и юридической природе основных законов. Юриспруденция наша питалась исключительно немецкими учебниками естественного права, а в учении об основных законах они принесли ей один из вариантов этого учения, конструктивно связанный с договорной теорией происхождения государства, но отнюдь не единственно возможный. Даже приняв исходные положения договорной теории Пуфендорфа, можно было лишить основные законы того характера двустороннего договора, который закреплен был за ними как самим Пуфендорфом, так и его ближайшими последователями: свидетельством тому служит конструкция столь авторитетного в свое время Хр. Вольфа, признававшего основные законы уже не договором, а законом, устанавливающим ограничения в осуществлении врученной суверену власти [3]). Ближайший же последователь Вольфа, автор столь популярного в XVIII в. трактата по международному праву швейцарец Ваттель, лишив основные законы будто бы непременно присущего им элемента ограничения суверенной власти, дал конструкцию, сохранившую свое значение до наших дней. [4]) Основные законы.

[1]) Ф. Хр. Рейнгардъ, Естественное право. Перевелъ съ латинскаго подлинника Иванъ Сычуговъ. Казань, 1816, с. 110.

[2]) Не говорит об основных законах, в частности, значительный и интересный юридико-философский трактат профессора Харьковского Университета Шада, стоящего в общем на той же точке зрения договорной теории: см. Ioannes Schad, Institutiones juris naturae, Charkoviae, 1814, p. 333—334; не говорят о нихъ и все незначительные dii minores русской естественно-правовой школы, как — Филимоновъ, Система естественного права, Спб. 1812; Чиляевъ. Начертаніе права природнаго, Спб. 1811; Ив. Наумовъ, Начертаніе естественнаго права, ч. I. М. 1808; ч. II. М. 1809.

[3]) См. Chr. L. B. de Wolff, Ius naturae methodo scientifico pertractatum, pars VIII, Halae Magdeburgicae, 1748, §§ 77, 78.

[4]) De Vattel, Le droit des gens ou principes de la loi naturelle appliquée à la conduite et aux affaires des Nations et des Souverains. T. I. A Leide, 1758, Liv. I, ch. III, § 29.

писал Ваттель,—это законы, в которых запечатлена конституция государства, те законы, которыми определяется форма правления, самый порядок осуществления публичной власти. Такая широкая конструкция основных законов в русскую школу естественного права не проникла и дальше Неттельбладта ей пойти не удалось.

Наряду с течением естественно-правовым в русской юридической литературе тянулось изучение положительно-правового материала, вылившееся в форму так называемого законоискусства. В области изучения правовых основ государственной организации это законоискусство дало исключительно мало: в лучшем случае оно воспроизводило тезисы о русском государственном строе Екатерининского Наказа [1]. Представление этого памятника о коренных законах отражало французскую доктрину традиционалистов в редакции Монтескье. Традиционалистами назвал Lemaire [2]) тех французских политиков исторического направления, которые в незапамятной давности искали основ для своих построений об „умеренном" характере французской королевской власти. Власть эта мыслилась связанной основными законами королевства, пусть не записанными и не сведенными воедино, но все же издавна с ним сросшимися, освященными традицией. Традиционалистами были протестовавшие против неограниченности королевской власти парламентарии [3]), традиционалистом был через их посредство в учении об основных законах и Монтескье [4]). Эти основные законы в качестве одного из необходимых элементов „умеренной" монархии проникли и в Екатерининский Наказ, III и IV главы которого упоминают о законах „основание державы составляющих". Представление Наказа о коренных законах не нашло себе, однако, отражения в работах законоискусников и тут для изучающего историю понятия основных законов в русской юридической литературе—пустое место. Оно не может считаться заполненным противопоставлением законов коренных, как „всегдашних"

[1]) Ив. Наумовъ, Практическое правовѣдѣніе для граждань, ч. I, М. 1808, с. 2—3; З. Горюшкинъ, Руководство къ познанію россійскаго законоискусства, переплетъ 4-й, М. 1816, с. 1427 сл.; Павелъ Соколовъ, Систематическое руководство къ познанію россійскаго практическаго законовѣдѣнія, ч. I, М. 1819, с. 1.

[2]) A. Lemaire, Les lois fondamentales de la monarchie française d'après les théoriciens de l'ancien régime, 1907.

[3]) Ѳ. В. Тарановскій, Догматика положительнаго государственнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ, 1911, с. 469 слл.

[4]) A. Lemaire, o. c., p. 212; Ѳ. В. Тарановскій, н. с., с. 492.

законам временным, противопоставлением П. Соколова, который в состав коренных законов помещает—уложение Царя Алексея Михайловича, дворянскую грамоту, городовое положение и какие-то указы и манифесты „как до прав, так и до нарушения законов принадлежащие“ [1]). Отнесение Соколовым этого положительно-правового материала в рубрику коренных законов свидетельствует лишь об одном—о полной беспомощности автора в теории публичного права.

Конец XVIII и начало XIX в. были в западной Европе и в Америке временем создания целого ряда конституций и в материальном, и в формальном смысле. Невольно напрашивается вопрос: неужели эти осуществления конституционного законодательства на Западе не нашли себе вовсе отражения в современной им русской юридической литературе? На этот вопрос приходится дать ответ отрицательный. Обозреватели заграничной политической жизни в русских периодических изданиях затрагивали, во внимание к цензурным условиям, вопросы конституционного законодательства редко и осторожно [2]), но юристы-теоретики данных этого законодательства в своих работах совершенно не использовали. Не составляет исключения в этом отношении и Куницын, статья которого „О конституции“, напечатанная в „Сыне Отечества“ за 1818 г. [3]), может вызвать некоторые на этот счет сомнения. Содержание этой статьи—всецело политического характера; в очень робких, в очень сдержанных выражениях пытается в ней Куницын подготовить почву к возможному осуществлению произнесенных Александром I при открытии сейма в Варшаве слов о введении представительного строя в России, слов, которым суждено было остаться словами.

А. Н. Макаров.

[1]) П. Соколовъ. н. с., с. 2.

[2]) См. „О новой конституціи во Франціи“—„Политическій журналъ“ 1802 г., ч. I, с. 57; „Нѣсколько словъ о новой французской конституціи (изъ нѣмецкаго журнала)“—„Вѣстникъ Европы“, 1802 г., № 6, с. 52—62; „Конституція Французскаго Королевства (Выписка изъ засѣданія Блюстительнаго Сената въ Апрѣлѣ (25 Марта) 1814 года)“—„Сынъ Отечества“, 1814 г., ч. XIII, с. 193—197; „Смѣсь“—тамъ же, с. 283—287; П. Свиньинъ, „Взглядъ на республику Соединенныхъ Американскихъ Областей“—„Сынъ Отечества“, 1814 г., ч. XVII с. 253—270, ч. XVIII, с. 3—16, 41—57, 81—96; американской федеральной конституции, как таковой, посвящены в этой статье всего на всего следующие строки (ч. XVII, с. 258): „Тринадцать областей, составлявшихъ въ то время республику, заключили между собой федеральный союзъ и дали себѣ конституцію, которая доказала въ послѣдствіи, что была избрана и начертана людьми обширныхъ свѣдѣній и великихъ добродѣтелей“.

[3]) А. Куницынъ. „О конституціи“—„Сынъ Отечества“, 1818 г., ч. XLV с. 201—211.

Из истории идеи народного просвещения в Александровскую эпоху.

Манифест 8 сентября 1802 г. об учреждении министерств утвердил и ввел в официальное употребление термин „народное просвещение“ для обозначения той отрасли государственного управления, для которой впервые, в общей схеме этого управления, выделялся и особый орган—министерство народного просвещения.

Как в этом внешнем факте, так и в самом понятии народного просвещения, находила себе выражение очередная проблема начала XIX века—связать в одно органическое целое разрозненные доселе пути политики просвещения. Узкие задачи профессионального обучения петровской эпохи и резко отделенные друг от друга круги сословного образования второй половины XVIII века покрывались теперь широкой идеей „народного просвещения“, сначала поставленной в виде утопического идеала в первых просветительных планах Екатерины II,—„создания совершенного человека и гражданина“, или „новой породы отцов и матерей“. Реальная жизнь быстро низвела этот выспренний идеал на почву окрепшей в XVIII веке традиции профессионального и сословного образования. Заведенные в 1780-х годах „народные училища“ рассматривались одно время, как основание для построения цельной системы просвещения, от сельских школ до университета, для всех классов общества. Но вопрос этот поставлен был очень шатко, положительного разрешения не получил и „народные училища“ по уставу 1786 г., наиболее зрелый плод школьных реформ Екатерины II, по своему практическому значению отлились в тип „городских“ школ, не возвышавшийся над образовательным уровнем „среднего рода людей“, по терминологии второй половины XVIII века, мещанства в широком смысле.

В обстановке первых лет царствования Александра I проблема народного просвещения отразила на себе некоторые характерные черты общего плана государственного обновления России, задуманного в интимном кружке друзей молодого императора, так называемом „Негласном Комитете“. Высшим заданием этого плана было создание „конституции“, увенчивающей ряд предварительных частных реформ по государственному управлению и социальному строю.

Рассуждая „о существе нашей конституции“ (de l'état de notre constitution) граф П. А. Строганов так определял ее: „кон-

ституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может осуществлять эти свои права". В России, по мнению Строганова, уже существовали некоторые элементы такой конституции: две жалованные грамоты—дворянству и городам,—и Сенат, как учреждение, наблюдающее за исполнением законов. Идя далее в историческом развитии русской конституции, следует обеспечить конституционные блага за народной массой, оставшейся вне рамок жалованных грамот 1785 г. „Класс, который должен в России привлекать к себе особое внимание—это крестьяне". Строганов дает далее выразительную характеристику русского крестьянства, стараясь показать, что оно достойно быть обеспеченным незыблемыми правами. „Большинство крестьян, говорит он, одарено и большим умом и предприимчивым духом, но, лишенные возможности пользоваться тем и другим, крестьяне осуждены коснеть в бездействии и тем лишают общество трудов, на которые они способны. У них нет ни прав, ни собственности. Нельзя ожидать ничего особенного от людей, поставленных в такое положение; даже те небольшие проблески ума, которые они проявляют, уже удивляют нас и заставляют предвидеть, на что крестьяне наши будут способны, получив известные права. Но задача в том, чтобы предоставить им эти права без всякого потрясения, так как в противном случае лучше ничего не делать. Тут предстоит щадить интересы помещиков, тут необходим целый ряд таких узаконений, которые, не нарушая прав помещиков, вели бы к такому улучшению положения крестьян, которое, в конце концов, привело бы их к главной цели—к освобождению. При этом необходимо избегать таких выражений, которые могли бы волновать умы крестьян, что повело бы к самым прискорбным последствиям".

Обеспечение состояния крестьян должно было опираться на те же принципы „свободы и собственности", на которых зиждилось положение высших сословий, обеспеченное жалованными грамотами. Тогда только крестьяне получат то благо или счастье, которое для всех вообще людей „состоит в уверенности в своей собственности и в свободе делать все то, что не вредит другим" [1]).

Так в представлении П. А. Строганова намечался оригинальный путь разрешения вопроса о конституции: к двум конституционным актам, жалованным грамотам дворянству и городам, надлежало присоединить аналогичный акт, основанный на тех же принципах свободы и собственности, для крестьян. В этом

[1]) Вел. кн. Николай Михаиловичъ. Графъ П. А. Строгановъ, II. Спб. 1903, стр. 40—44.

своем предположении Строганов не пошел дальше общих рассуждений и не представил какого-либо конкретного проекта. Но в истории идеи народного просвещения мысль Строганова получала принципиальное значение.

Как известно, начатая в XVIII веке сословная разверстка старых общественных классов происходила при непременном условии наделения каждого вновь организуемого сословия известным кругом профессионального образования. И во второй половине XVIII века, когда сословная организация русского общества достигла своего завершения, каждое сословие получало определенный круг не только технического, но и общего образования. Идейное существо каждого сословия и его организация должны были строиться на известном принципе: дворянство на принципе „благородства", средний род людей—„трудолюбия и добронравия". Каждый из этих принципов указывал направление идейной активной силы, жизненной энергии данного сословия как в сфере его социальных интересов, так и в строе государственных отношений. Построенный на таком специальном принципе круг образования и практически воплощающая его школа должны были создавать определенную преемственность культурных интересов и настроений, традицию, столь характерную для сословного строя. Благодаря этой традиции сословия выступают не только экономическими об'единениями и юридическими лицами, но и духовными организмами, создававшими вокруг себя более или менее широкий круг духовной атмосферы, в которой как бы излучался и преломлялся идейный принцип сословия.

Наиболее законченные культурные организмы и наиболее яркие их образы удалось создать в России XVIII века только дворянству и духовенству. Настойчиво пыталось законодательство второй половины XVIII века подойти тем же путем к вопросу о „среднем роде людей". Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества 12 марта 1764 г. прямо утверждало, что если „Россия до сего времени произвести не могла людей такого состояния, которое в других местах третьим чином или средним называется", то причина тому в недостатке средств просвещения. По словам И. И. Бецкого, для заведения среднего чина народа „надежнейшего средства нет, как токмо стараться отменное завести воспитание". Так отчетливо поставленная цель достигнута не была. „Средний чин", составленный из самых разнородных социальных элементов, не удалось сковать в единообразное культурное целое [1]).

[1]) С. В. Рождественскій. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ, т. 1. Спб. 1912, стр. 356.

Принципиально трагически стоял вопрос о крестьянстве. Как только в 1730—40-х годах определились основы дворянской идеологии, так тотчас же получил свое выражение взгляд на крепостного крестьянина, как на существо, в самой природе которого нет той самостоятельной энергии жизни, того активного, движущего начала, которым должно было определяться самосознание и направление культурных интересов каждого сословия. Первый дворянский публицист средины XVIII века, В. Н. Татищев в „Экономических записках" дал очень выразительный образ крепостной массы, пассивной, инертной, не проявляющей даже в узкой сфере своего домашнего обихода никакой разумной активности, массы, без руководства и мелочной регламентации со стороны власти приближающейся к состоянию скота [1]). И с дворянских уст не раз срывается по адресу крепостного крестьянства это слово „скот", не как выражение злобного презрения, а как образное выражение того пассивного, низшего психического состояния, какое противополагалось активному „благородству" дворянства. Некоторый элементарный круг образования признавался дворянскими публицистами необходимым для крестьянства только для того, чтобы приподнять его над животным состоянием и сделать доступным той невысокой сознательности, с какой оно должно было исполнять свои обязанности.

От такого взгляда, обрисовавшегося в 1730—40-х годах, в первую пору сословной организации русского общества, недалеко ушел и век просвещения Екатерины II. Характерно, что отчетливо намечая в Большом Наказе принципы сословного строя дворянства и среднего рода людей, Екатерина как бы споткнулась на XI главе, в которой должна была говорить о крестьянстве. Она не нашла даже заголовка для этой главы, ибо терялась в выборе термина из числа тех, какие употреблялись для обозначения крепостной зависимости: рабство, неволя, подданство, холопство. Эта растерянность в терминологии очень показательна для момента окончательной сословной кристаллизации русского общества. В такой момент особенное значение получала точность, отчеканенность терминологии, отражающей идейную сущность сословной организации. И в богатом выборе просветительных проектов екатерининской эпохи крестьянству продолжал отводиться тонкий слой элементарного обучения, польза которого измерялась не активным принципом собственной социальной природы крестьянства, а практическими интересами помещичьей и государственной власти. Эта власть заинтересована лишь к

[1]) Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос., кн. XII.

том, чтобы крестьянин, „зная, кто он и для чего создан, с большей ревностью старание, труды и попечение приложил“. Одиноко и безответно прозвучало мнение депутата законодательной комиссии графа Александра Серг. Строганова, известного мецената, отца Павла Александровича, что в просвещении крестьяне найдут и свою собственную пользу: „достойными себя сделают пользоваться собственностью и вольностью“ [1]).

Такова была, на почве окрепших к концу XVIII века сословных воззрений, трудность вопроса о вовлечении крестьянства в общую схему сословного просвещения. Для крепостного крестьянства невозможно было найти такого твердого принципа, на котором можно было бы построить особый круг образования, параллельный дворянскому, духовному, среднего чина людей. Приведенное сейчас мнение гр. А. С. Строганова и утопический план его сына об обеспечении правового положения крестьян особым конституционным актом связывали две стороны крестьянского вопроса. Если необходимо вывести крестьян из крепостного состояния, то новое их положение надо основать на принципах собственности и вольности. Рассматриваемое сквозь призму сословных воззрений века, это положение идейно должно было обеспечиваться соответственным кругом образования. Но мог ли он быть сословно замкнутым подобно образованию дворянства, духовенства, среднего чина людей? Это было бы возможно, если бы освобожденное крестьянство сорганизовано было в особое сословное целое, с особым, присущим ему принципом, раскрывающим активность его природы, подобно благородству дворянства, трудолюбию и добронравию среднего чина. Но освобождаемое крестьянство неминуемо должно было слиться и в экономическом и в правовом отношениях и в отношении духовной культуры с средним чином. Оставаясь же в состоянии крепостном, крестьянство также неизбежно удерживалось на уровне элементарного образования, оправдываемом владельческими и полицейско-государственными интересами.

Но соображения П. А. Строганова „о существе нашей конституции“, стремившиеся сочетать высший порыв социального либерализма с глубокой сословной традицией, были слишком утопичны, чтобы хотя отчасти претвориться в действительность. Мечта о широкой социальной реформе должна была спешно уступить место реформе „безобразного здания управления Империей“ [2]). Настоятельно выдвигаемая обстоятельствами на первую очередь, административная реформа также требовала себе идей-

[1]) Рождественскій, назв. соч., стр. 362—365.
[2]) Вел. кн. Николай Михайловичъ, назв. соч., стр. 91.

ного обоснования и обеспечения, через которое она также связывалась с проблемой народного просвещения. Главной идейной целью административной реформы поставлялось насаждение законности. В проекте наказа Совету при императоре, в устройство которого полагались „великие политические предположения“ Наказа Екатерины II, в пункте 7-м говорилось: „закон без нравов не может иметь другого действия, кроме принужденного, насильственного и потому всегда слабого. Нравы же укореняются и обращаются в общее народное свойство просвещением большей части граждан“ [1]). Итак, моральное обоснование административной реформы поднимало проблему народного просвещения над уровнем сословных систем и требовало их синтеза в высшей задаче превращения добрых нравов, создаваемых просвещением большей части граждан, „в общее народное свойство“.

В плоскости такого именно высшего задания и развернулись прения в Негласном Комитете по вопросам народного просвещения. Практическим к ним мотивом было решение учредить министерство просвещения, необходимость точно определить его компетенцию и характер деятельности.

Тогда как предстоящая реформа просвещения должна была отличаться строгим единством цели, действительное положение этого просвещения являло, по словам П. А. Строганова, „картину крайней пестроты“ [2]). По поводу полученной императором записки Лагарпа с предложением устроить „комитет общественного образования“ (comité de l'instruction publique), с министром во главе, Строганов выступил горячим защитником строгой систематичности реформы. Поддержанный Новосильцовым и Чарторыйским, он резюмировал свое мнение в перечне вопросов, подлежавших рассмотрению в Негласном Комитете. На первом месте здесь поставлен именно вопрос о народном просвещении: „instruction publique—ne point faire de réformes partielles, mais se former un système général pour son organisation“.

Выдвинутые Строгановым основания новой „системы“ просвещения были не очень оригинальны. Строганов говорил, что общественное образование должно обнимать все области просвещения (toutes les parties de lumière), что нужно различать несколько ступеней образования, из коих на первой должно сосредоточить общую сумму знаний, подлежащих усвоению всеми гражданами, вторая ступень должна доставить обществу людей, углубленных в специальные области знаний, наконец, завершением всей системы являются высшие специальные школы,

[1]) Там же, стр. 250, 252.
[2]) Там же, стр. 146.

военные, юридические и друг. Строганов указывал, что такая система удивительно устроена во Франции и заслуживает быть распространенной повсюду. Стыдно, прибавлял он, имея перед глазами столь хорошие образцы, не воспользоваться ими. На возражение императора, что порядки, хорошие во Франции, по различию обстоятельств, не могут быть применимы у нас без изменений, Строганов, смягчая свою мысль, ответил, что он имел в виду заимствовать из Франции „дух системы“, который, дав хорошие результаты там, должен дать таковые же и у нас [1]).

Возникший, сначала в заседании 23 декабря, спор повторился 12 мая следующего года, когда весь вопрос перенесен был на практическую почву при обсуждении замечаний, поступивших от графа Александра Воронцова. Последний предлагал из'ять из ведения министра просвещения школы, подведомственные императрице-матери, а также специальные военные школы. Это мнение поддержал Чарторыйский, предлагавший оставить министру просвещения только общее образование. Строганов в подкрепление своего прежнего мнения дал новую ссылку на Францию, где специальные школы распределены по разным ведомствам, но воспитанники этих школ получают предварительное образование в общих школах. Император, казалось Строганову, соглашался с его мнением.

Судя по изложению Строганова, общее настроение было в пользу заявленного им „духа системы“, строгого единства реформы в основании и высшей цели. Но самая идея нового министерства, основная линия его деятельности намечалась далеко не так ясно, как первоначально казалось. В том же заседании 12 мая 1802 г. возгорелся оживленный, видимо, спор, как наименовать новое министерство: министерством общественного образования или воспитания (instruction ou éducation publique).

В. П. Кочубей высказался за термин éducation на том основании, что он меньше поразил бы общество, а что термин instruction произвел бы дурное действие в виду широко распространенного предрассудка об опасности чрезмерного распространения источников просвещения (les lumières). Другие полагали, что термин instruction правильнее, что éducation совсем другая вещь, о которой нельзя было и думать. Они же полагали, что термин instruction не произведет никакого дурного действия, и что просвещение, насаждаемое самим правительством, не может казаться подозрительным. С своей стороны Строганов высказался за термин éducation, который казался ему более общим, обнимающим и понятие instruction. Строганов выражал уверенность

[1]) Там же, стр. 146—148, 156.

в возможности осуществить éducation publique, но возражал против смешения его с éducation nationale, которое было неосуществимо. Если мы верно понимаем мысль Строганова, она заключалась в противоположении „воспитания общественного“, основанного лишь на принципиальной возможности каждому гражданину получать его, „воспитанию народному“, предполагающему обязательность распространения его на народную массу, что практически невыполнимо. Если такова, действительно, была мысль Строганова, то в ней скрывалась возможность опасного отступления от „духа системы“, возможность нарушения ее единства. Переведенная на практическую почву, мысль Строганова вела к тому, что „воспитание общественное“ открывалось только тем общественным классам, которые могли использовать его, как свободную возможность, и оставалось недоступным для народной массы. „Система“ теряла, таким образом, свою социальную всеоб'емлемость и единство высшей цели—воспитать добрые нравы, как „общее свойство народа“. Прозвучавшая в голосах других членов Комитета нота политической опасливости перед предрассудками о вреде излишне широкого распространения просвещения также предвещала мало хорошего. Проведенный в таких минорных тонах, спор закончился решением императора присвоить новому министерству термин instruction publique, что официально было переведено: народное просвещение [1]).

Во что воплотился теперь „дух системы“, основной формальный принцип реформы? Назначение в состав Главного Правления училищ, руководящего органа министерства и на посты попечителей учебных округов Новосильцова, Строганова и Чарторыйского являлось гарантией, что принципы Негласного Комитета осветят, по крайней мере, первые пути реформы народного просвещения. Заявленные открыто и гласно принципы Комитета за его пределами не встретили сколько-нибудь серьезных возражений со стороны высшего правительственного круга, со стороны же ближайше заинтересованной среды, на которую ложилась обязанность выработать конкретный план новой системы просвещения, эти принципы могли вызвать только полное сочувствие.

Когда Строганов ознакомил с проектом указа об учреждении министерства графа Семена Воронцова, последний по адресу министерства народного просвещения воскликнул: „для чего это?“ Но дальше он не обосновал своего отрицательного отношения к новому учреждению и предложил только распределить

[1]) Там же, стр. 225—226.

специальные школы и цензуру по разным ведомствам. Бюрократу старого закала остался непонятным „дух системы", которым так дорожил Строганов [1]).

В рамках настоящей статьи я не буду подробно излагать вопрос о разработке нового плана системы просвещения, выраженного в общей схеме в „Предварительных правилах народного просвещения" 24 января 1803 г., а затем подробно разработанного в уставах университетов (Московского, Харьковского и Казанского) 5 ноября 1804 г. [2]). Я остановлюсь на принципиальной проблеме, какую должны были разрешить эти законодательные акты: параллельные и замкнутые круги сословного образования XVIII века перестроить в единую, органически цельную систему, направленную к высшей моральной цели— воспитанию добрых гражданских нравов, превращению их в „общее народное свойство", необходимое условие общей конституционной реформы.

„Предварительные правила" 1803 г. так определили конкретное содержание новой системы просвещения: „для нравственного образования граждан, соответственно обязанностям и пользам каждого состояния, определяются четыре рода училищ, а именно: училища приходские, уездные, губернские или гимназии, университеты". Подробный устав 1804 г. провел через эту систему две параллельных тенденции: 1) расположить все четыре рода училищ в иерархической постепенности, как последовательно восходящие ступени единого, общего, „нравственного воспитания граждан" без различия сословий, 2) поставить каждую ступень, как некоторый законченный круг, отвечающий „обязанностям и пользам" определенного сословия. Всматриваясь в учебные планы гимназий, уездных и приходских училищ, можно заметить в них характерные черты соответственных кругов сословного образования, именно—дворянского, с его поверхностной энциклопедичностью, мещанского, с уклоном в сторону технического образования, приспособленного к местным условиям промышленности, наконец, крестьянского, исходящего из идеи всесторонней опеки над физической и моральной личностью крестьян, дабы „сделать их в физических и нравственных отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки, действия коих столь вредны их благополучию, здоровью и состоянию".

Итак, исходившая из первых конституционных мечтаний Негласного Комитета и разработанная в законах 1803—04 г. ре-

[1]) Там же, стр. 276.
[2]) Сборникъ Постановленій по М-ву Нар. Просв., т. I. №№ 7, 61—64.

форма народного просвещения выразилась в новой системе, представлявшей компромисс между традиционным принципом сословного образования и идеей единого по духу и высшей цели гражданского воспитания, как морального обеспечения конституционной реформы. Была ли жизненна в условиях данного момента эта система? Ясно, какой опасностью грозило противоречие между обоими сплетенными в ней принципами для дальнейшей судьбы каждого из этих принципов. Но, с другой стороны, не следует и преувеличивать значение этой опасности. Надо помнить, что если в первой половине XVIII века сословное разграничение образования исходило из признаков профессионализма в узко техническом смысле, и разверстанные между сословиями круги профессионального образования, действительно не должны были иметь ничего общего между собою, то во второй половине века возобладало новое обоснование сословного образования, покоившееся на присущем каждому сословию особом принципе духовной активности. При этом условии в каждом сословном круге образования выступали некоторые общечеловеческие элементы, из специфической комбинации которых складывался общеобразовательный фундамент каждой сословной системы. В системе уставов 1804 года эти то элементы и оказались заново скомбинированными, как иерархически расположенные ступени общегражданского нравственного образования. Вот почему, на наш взгляд, основное противоречие, проникавшее систему уставов 1804 г., не повлекло за собой того последствия, какого вскоре можно было ожидать, именно, разрыва между обоими сплетенными в ней принципами и, следовательно, разрушения всей системы. Она не распалась и с течением времени показала себя действительным фундаментом, из которого органически вырастали в течение XIX века новые типы общеобразовательных школ.

Самым слабым местом системы 1803—04 гг. была ее первая, низшая ступень, выраженная в типе приходского училища. Являясь действительным фундаментом всей системы общегражданского образования, эта ступень оказалась практически оборудованной, как круг образования для одного крестьянского сословия. Государство не взяло на свой счет содержания приходских училищ и не приняло прямых мер к обеспечению их учительским персоналом. Приходские училища в казенных селениях „вверялись" местному духовенству, при содействии почетнейших граждан, в помещичьих „предоставлялись просвещенной и благонамеренной попечительности самих помещиков". Но духовенство и помещики стояли вне зависимости от министерства просвещения и не могли быть его надежными органами. Приходский священник и крепостной человек в роли учителя не могли слиться в единый

органически тип народного учителя. Это был, действительно, коренной недостаток системы: в отношении практической осуществимости ее фундамент отрывался от средних и высших ступеней и оказывался построенным на песке.

Был замечен и осознан этот недостаток уже в следующую эпоху, так называемой реакции, далеко отошедшую от конституционных мечтаний Негласного Комитета. Хорошо известно, что ни к одной области политики второй половины царствования Александра I нельзя так полно приложить понятия „реакции", как в области просвещения после учреждения в 1817 г. министерства духовных дел и народного просвещения с князем А. Н. Голицыным во главе. И как раз на это время внешнего торжества самого мрачного мистицизма и обскурантизма пришлась энергичная реформаторская деятельность молодого попечителя Петербургского учебного округа С. С. Уварова. Занимая в чуждом ему по духу министерстве Голицына сравнительно второстепенный пост, Уваров проводил свои реформы по частям, не подвергая принципиальной критике системы 1803—04 гг. в целом. При учреждении в 1819 г. Петербургского университета он хотел отрешиться от обветшалых, „готических" форм и поставить его, как рассадник высшего „классического" образования". В том же году, по его инициативе, проведено было общее изменение учебных планов гимназий и уездных училищ, проверенное предварительно на опыте одной петербургской гимназии. Из курса гимназий исключались: философия и изящные науки, политическая экономия, коммерция и технология, из курса уездных училищ—естественная история и технология. Курсы той и другой школы концентрировались теперь на общеобразовательных предметах, „полезных и нужных во всяком звании и известных под именем litterae humaniores". Особенно знаменательно было изменение курса гимназий, усиление преподавания языков, особенно древних, расширение преподавания истории и географии. Как прямо объяснял Уваров, это было сделано с целью поставить гимназию, как „средоточие между нижними училищами и университетами". Без изменения остался курс приходских училищ в виду „двоякой цели сих заведений: приготовления юношества для уездных училищ и доставления детям земледельческого и других состояний сведений, им приличных" [1].

Проведенная в скромной форме административного распоряжения, реформа 1819 г. в действительности в корне подры-

[1] Сборникъ Распоряженій по М-ву Нар. Просв., т. I, изд. 2, № 174. Рождественскій. Историческій обзоръ дѣятельности М-ва Нар. Просв., Спб. 1902, стр. 133.

вала основной принцип системы 1803—04 гг., принцип компромисса между традицией сословного образования прошлого века и высшей государственной задачей, выраставшей из конституционной мечты 1801—02 гг. Концентрируя курсы гимназий и уездных училищ на элементах „ученого" или „классического" образования, Уваров стремился плотнее и ближе подтянуть средние звенья системы к высшей цели образования университетского, которое также расценивалось им, как образование классическое или чисто научное в противовес тенденции XVIII века совмещать в высшей школе задачи общего и профессионального образования. Вместе с тем в образе научного классического образования Уваров конкретно воплощал расплывчатую, утопически выраженную в конституционных планах 1801—02 гг. идею „нравственного воспитания граждан".

Реформа 1819 г. стремилась дать перевес принципу общего научного образования над традицией сословности. Но после восстановления жалованной грамоты дворянству и крушения мечты о крестьянской реформе сословный строй оставался в полной силе и сословные интересы в области просвещения не теряли своей жизненности. Вопрос и заключался теперь в том, втянутся ли дворянство и мещанство всецело в область чистого научного, классического образования, не потребуют ли они новых средств удовлетворения своим сословным образовательным интересам, сохранит ли низшая ступень приходского образования после реформ 1819 г. свое значение фундамента всей системы?

Полный ответ на эти вопросы пришлось дать с течением времени никому иному, как тому же Уварову, но уже в более ответственной роли министра просвещения в 1830—1840-е годы. Но тогда умудренный опытом, осторожный политик, к концу своей государственной карьеры быстро катившийся по наклонной плоскости безнадежных компромиссов с возраставшими требованиями охранительной политики Николая I, Уваров должен был возрождать дворянские пансионы и приспособлять общеобразовательные школы к практическим потребностям мещанства. Теперь же, в годы своего попечительства, Уваров—молодой энергичный инициатор, романтик, член Арзамаса, не боявшийся принимать вызов на борьбу со стороны таких опасных противников, как Магницкий и епископ Филарет, будущий столп официального православия. Теперь он также пытается подойти к вопросу о социальной базе для системы просвещения, но не со стороны сословной традиции, а со стороны романтического увлечения идеей народности, которую впоследствии он так своеобразно поставит во главу угла своей министерской программы.

„Народное воспитание, т. е. в теснейшем смысле воспитание простого народа, сделалось одним из главных предметов общего попечения в Европе. Доколе мы не обратимся к сему единственному началу просвещения, дотоле мы не должны ласкаться надеждою, что семена, случайно бросаемые в непредуготовленную землю, могли бы принесть желанный плод. Я смело скажу: без хороших народных училищ мы никогда не будем иметь хороших университетов и академий. Если бы за полвека перед сим, прежде основания академий и университетов, учреждено было скромное безвестное училище для образования народных учителей, тогда, может быть, наши академии не были бы теперь в развалинах, а наши народные училища на бумаге". На такой принципиальной и четко формулированной мысли Уваров построил свой проект создания при Главном Педагогическом Институте „Второго разряда" для приготовления народных учителей [1]).

Будучи претворены в конкретные мероприятия, мысли Уварова о воспитании простонародной массы должны были восстановить равновесие социальной базы в системе просвещения, не достигнутое реформою 1803—04 гг. Но в тот момент, когда Уваров высказывал такие светлые мысли, меньше, чем когда либо, можно было помышлять о широкой социальной реформе, а без нее эти мысли представлялись почти утопической мечтой. Но мы наблюдали в системе 1803—04 г. два специальных, вполне конкретных недостатка, разрывавших связь просвещения народной массы с высшими ступенями системы. Это просвещение не было взято на иждивение государства и не было принято мер к созданию нового типа народного учителя. Этот последний пробел и призван был выполнить Второй разряд Главного Педагогического Института, вызвавший довольно резкую критику архим. Филарета, назвавшего новое учреждение „чуждым членом в целом организме народного просвещения".

Глубоко задуманный опыт специальной педагогической школы для подготовки народных учителей не удался. Второй разряд Главного Педагогического Института был открыт только в январе 1820 г., под названием Учительского института при Петербургском университете, и уже через два года закрыт. В другой работе я намерен подробно изложить интересную для истории педагогической мысли борьбу, разыгравшуюся вокруг Учительского Института. Сейчас остановлюсь лишь на общих, принципиальных причинах постигшей проект Уварова неудачи.

---

[1]) Архив М-ва Нар. Просв., карт. 98, дело 472. Сборник Постановлений М-ва Нар. Просв., т. I, № 377.

Выдвинутая скорее как романтическая идея, чем как конкретная политическая проблема, мысль Уварова о просвещении народной массы не преодолевала уже ясно обрисовавшихся трудностей при разрешении этой проблемы, и оставалась неясным, как собственно понимал он сущность просвещения народной массы, с точки ли зрения сословной традиции, или с точки зрения того единого, общего образования, какое он утверждал на верхних ступенях просвещения. А это обстоятельство делало неясным и существо задуманной Уваровым педагогической школы. Сам он открыто признавал, что „в заведении сем образ учения и метода преподавания не могут быть ныне (при первом его устройстве) определительно назначены“. Потому то, вероятно, он неосторожно связал свое предприятие с планом распространения в России методы взаимного обучения Беля-Ланкастера. Он именно полагал, что в новой педагогической школе эта метода „обретет применение к народному духу, обычаям и другим местным обстоятельствам“. Но скоро все дело о ланкастерской методе попало в руки злейших врагов Уварова, Магницкого и других, не замедлививших скомпрометировать Учительский институт, в котором они не нашли „ни сносного ученья ни доброго духа“. За последовавшим вскоре, в 1821 г., разгромом Петербургского университета ушел в отставку Уваров, и при его преемнике Руниче был упразднен в марте 1822 г. Учительский институт [1]).

Но если бы даже внешние условия оказались благоприятны для проекта Уварова, то выяснилась другая трудность, которая должна была воспрепятствовать его широкому применению в общегосударственном масштабе. Возникал сначала частный вопрос, откуда будут набираться ученики для Учительского института. С течением времени этот частный вопрос должен был развернуться в более общий: какая социальная среда должна питать рассадник народных учителей? При развитом сословном строе, в условиях которого осуществлялась система народного просвещения, педагогический труд приходилось так или иначе связывать с определенной социальной средой. По мысли Уварова, воспитанники Учительского института должны были набираться преимущественно „из бедного состояния людей“ и притом из детей народных же учителей, „дабы звание, к коему они готовятся, представлялось им тем уважительнейшим и приличным в лице родителей своих“. Возможная на первый раз, когда предполагалось набрать всего 30 человек, эта мера не могла полу-

[1]) Рождественскій, Истор. обзоръ дѣятельности М-ва Нар. Просв., стр. 145—148.

чить широкого распространения по причине численной ничтожности самого кадра, от которого должно было пойти образование особой социальной группы народных учителей.

Слишком кратковременная история Учительского института была, хотя и мелким, но показательным заключительным эпизодом в цепи тех, через которые прошла история идеи народного просвещения в первой четверти XIX века. За два десятилетия, протекших от конституционных планов Негласного Комитета до торжества реакционного мистицизма, чистая идея народного просвещения, взращенная педагогическим движением XVIII века, преломилась чрез призму основной политической проблемы этого времени—создания конституционного порядка. Построение новой системы народного просвещения признавалось непременным условием разрешения этой проблемы, и, с другой стороны, успех реформы просвещения оказывался в зависимости от противоречий, о которые разбились конституционные замыслы. В эпоху Александра I перед новосозидаемой системой просвещения открывалась сразу вся широта ее положительных перспектив и обнажились все основные препятствия на путях ее развития. Следующая эпоха - императора Николая I - только обострила до последней возможности эти препятствия. И лишь с эпохи реформ Александра II, в процессе сложного общественного движения и длительной политической борьбы, стала подготовляться новая почва для достижения конечных целей, поставленных перед системой просвещения в начале XIX века.

С. Рождественский.

Декабрист Шаховской.

Его записная книжка¹).

Дело „декабристов“ искалечило и совсем разбило не один десяток молодых человеческих жизней, не говоря уже о пяти казненных; среди этих жертв большею частию юного увлечения было много талантливых, высокообразованных и высокоодаренных людей; крушение каждого из них было трагедией, судьба большинства—крайне печальна; лишь немногие сравнительно легко пережили катастрофу личной жизни и сумели приспособиться к новым условиям существования и быта,—то были или наиболее сильные характеры, или люди зрелые, искушенные опытом и

закаленные испытаниями, вроде Оболенского, Якушкина, Фонвизина, Батенькова, Пущина, люди с пылким темпераментом, как Кюхельбекер, Муханов, Якубович. Но таких, особенных людей было немного, большинство же из привлеченных и осужденных декабристов были люди не исключительные, а рядовые, которым не было чуждо ничто человеческое, которые и во время заключения под следствием, и во время суда, и после осуждения жестоко томились и страдали, падали духом, унывали и отчаявались. Припомним драматическую фигуру Поджио, несчастную судьбу Фаленберга, переживания Волконского и Голицына, трагедию Булатова и многих, многих других узников Петропавловской крепости конца 1825 и первой половины 1826 года... Переживания каждого—сложный психологический клубок, сцепление удивительных, всегда своеобразных и грустных обстоятельств...

Одною из наиболее драматических фигур всей декабрьской эпопеи, драматических по своей безмолвности, молчаливости, но в то же время и по вопиющей несправедливости, с какою отнеслась к этой жертве Судьба в лице деятелей Следственной Комиссии и Верховного Уголовного Суда, был молодой князь Федор Петрович Шаховской. Его биография и этапы его краткой жизни, сулившей одни радости, но вместо того завершившейся сумасшествием и смертию в заточении в Спасо-Евфимиевом монастыре, рассказаны в очерке П. Е. Щеголева, напечатанном им в журнале „Былое" 1907 г. (август) и включенном затем в сборник его „Исторических этюдов" (С.-Пб. 1913, стр. 367—393). Таким образом, нет нужды повторять здесь подробности его жизнеописания и историю его осуждения,—„одного", по выражению Щеголева, „из самых неправосудных эпизодов суда над декабристами"; мы хотели бы только сообщить в настоящей заметке содержание замечательного „человеческого документа" находящегося в наших руках,—записной книжки Шаховского; она начата им за полтора года до вовлечения в процесс декабристов, а закончена в ссылке, в далеком Туруханске, через год после осуждения. Записи этой книжки дорисовывают перед нами чрезвычайно симпатичный облик Шаховского, точнее указывают круг его интересов и сообщают ряд фактических указаний, касающихся периода суда над ним, ссылки и жизни в этой ссылке. В конце ее мы находим черновик письма Шаховского, от 29-го июня 1826 г., писанного из крепости на имя А. Х. Бенкендорфа; письмо это в печати не появлялось, а между тем оно интересно: в нем Шаховской подчеркивает тот факт, что он *добровольно* отдался в руки следователей.

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь.

Въ присутствіи Вашемъ производилось дѣло мое въ Комитетѣ Высочайше утвержденномъ, и наконецъ при Вашемъ Превосходительствѣ взята съ меня послѣдняя росписка о точной и добровольной подписи бумагъ. Вспомнивъ, что дѣло сіе имѣло заглавнымъ листомъ первый допросъ, сдѣланный мнѣ Г-мъ Генералъ-Адъютантомъ Левашевымъ, полагаю, что до свѣдѣнія Комитета не доведено было обстоятельство прибытія моего въ С.-Петербургъ; оно достойно вниманія тѣмъ, что, по содержанію отношенія Г. Нижегородскаго Гражданскаго Губернатора [1]) къ Его Высокопревосходительству Г. Военному Министру, котораго при дѣлѣ не было, видно, что требованъ я былъ для объясненія въ Нижній-Новгородъ по перехваченному въ Арзамасѣ письму отъ шурина моего л.-гв. Гусарскаго полка поручика Слепцева [2]), подавшему на меня подозрѣніе; а въ Петербургъ отправленъ былъ по настоятельной просьбѣ моей, дабы имѣть случай скорѣе оправдать поведеніе свое предъ лицемъ Правительства и съ чистою откровенностію объяснить все, что мнѣ извѣстно было по дѣйствіямъ Союза Благоденствія; въ семъ намѣреніи утверждало меня то, что въ началѣ Февраля мѣсяца въ отдаленномъ краю жительства моего получено уже было припѣчатанное въ Вѣдомостяхъ объявленіе какъ о составѣ всѣхъ тайныхъ обществъ, такъ и о покушеніи на жизнь покойнаго Государя Императора; а какъ Комитетъ Высочайше утвержденный для изложенія всѣхъ подробностей, руководствовался показаніями и сознаніемъ членовъ, то до 9-го Марта,—дня прибытія моего въ Петербургъ, Правительство подозренія, а Комитетъ показаніи на меня не имѣли [3]); ибо, въ противномъ случаѣ, послѣдовало бы Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе объ арестованіи меня и представленіи къ отвѣту.

По послѣдней подпискѣ заключая, что дѣло мое поступило въ Судъ, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство допол-

[1]) Александра Семеновича Крюкова: он вызвал Шаховского из его имения Ореховца, Ардатовского уезда, Нижегородской губернии, в Нижний-Новгород (см. ниже, записки Шаховского); два сына А. С. Крюкова оказались также в числе декабристов.

[2]) Николай Сергеевич Слепцов († от ран, полученных при взятии Варшавы 25-го августа 1831 г.); был женат на княжне Екатерине Петровне Шаховской (А. Н. Норцовъ. Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ. Тамб. 1904, стр. 240)

[3]) Въ этом Шаховской ошибался: см. в статье П. Е. Щеголева, стр. 38[illegible].

нить дѣло мое бумагами, полученными на сей предмѣтъ отъ Г. Крюкова приложивъ и сіе показаніе, которое, основанъ бывъ на изложеніи случая, начавшаго дѣло мое, подлежитъ свѣденію того мѣста, гдѣ оное производится.

С истиннымъ почт., и сов. пред. и. ч. б...

*

Записная книжка Шаховского (в кожаном желтом переплете, с изящною бронзовою застежкою) писана прекрасным бисерным почерком, чернилами и карандашом: она начата 1-го сентября 1824 года и в начале содержит хозяйственные распоряжения по имениям; из статьи П. Е. Щеголева уже известно, что Шаховской был хорошим сельским хозяином; книжка его вполне подтверждает это, наглядно свидетельствуя, что он был разумным и деятельным, хоть и несколько прижимистым помещиком, вел дела серьезно и обдуманно, не теряя из виду своих выгод и закрепляя на бумаге даваемые им распоряжения старостам и другим агентам управления несколькими поместьями. Перед отправлением своим в поездку в Москву из деревни, он записывает, например:

Данъ приказъ при отъѣздѣ отъ 4 Сент. 1824.

1. Объ уборкѣ овса, греч. конопли; крестьянамъ дать цѣлую н[illegible] уборкѣ: поднять подъ яровое.
2. Для плотины употребить мальчиковъ и платить имъ по копѣйкѣ.
3. Привезти 40 четв. извѣсти для дома.
4. Обжигать кирпичь: привезти къ домъ 15 т., остальные оставить въ [illegible]
5. Якова слушать по нарядамъ для каменной и кирпичной работы, [illegible] дей брать изъ нашей конюшни.
6. Выделать по требованію Василья плотника людей съ заступами [illegible] щей очереди съ имѣній..
7. Въ концѣ Сентября вывезть изъ К[illegible]-го лѣс. 50 бревенъ для риги [illegible] гумно.
8. Если не возвращусь къ 1-му Окт., то начинать молотьбу, а къ концу сего м-ца молотить Парф. въ Кузьминѣ.
9. Парфену вмѣстѣ съ Гаврилою смотрѣть за уборкою и повѣркою [illegible] молотьбой.
10. Орѣхи доставлять Марьѣ Григорьевнѣ.
11. На маслобойну отправить макъ, коноплю и орѣхи и обо всемъ [illegible] вать записки Марьѣ Григорьевнѣ и по требованію ея наряжать по[illegible] и рабочихъ.
13. [тщательно зачеркнуто].
14. Каждую почту писать обо всемъ подробно.
15. Караульнымъ быть съ топорами и являться къ Гаврилѣ.
16. Выборному замѣчаніе о старухѣ, матери Максима рекрута.
17. По предложенію Папкова размѣняться землею.
18. Собрать остальной холстъ.
19. Собирать, что розданъ овесъ и ячмень и дѣлать крупу.
20. Засѣвать овесъ.

Из приведенных далее записей о том, что надобно сделать в Москве, видим, что Шаховской, помимо хлопот в Ломбарде и других учреждениях, намерен был купить белых кафлей и других приборов для камина и печей, в Аптекарском саду приобрести кустарников, плуг-распашник, нарциссов, тюльпанов, сирен (sic) белых и акаций; должен был распорядиться отвозом померанцевых дерев из оранжереи К. Д. М. [1]), у графа Сухтелена взять книги: „Annuaire Universel de 1821“, „Précis des Evénemens de la Grèce“ par Raffenel, „Histoire de Napoléon durant les 100 jours“ par Fleury de Chaboulez [?], „Cours de Littérature dramatique“ de Schlegel, „De la Richesse des peuples“ (Адама Смита), „Ondine“ [2]), „Le Cathéchisme d'Economie politique“ par Say; кроме того, он намеревался „взять с собой книги Паскевича“ [3]): „Les Lettres d'Euler“, „Wellington“ и „Recherches Asiatiques“, должен был отдать графу Федору Ивановичу Толстому (знаменитому „Американцу“) „Manuel du Libraire“ и, на случай, если удастся быть в Петербурге, записал для памяти, что нужно выписать через книгопродавца Грефа: „Revue Encyclopédique“, „Annuaire Universel“, la Continuation du Conversations-Lexicon, „Le Mémorial de St.-Hélène“ par Las-Cases, Omeïra [4]), „Histoire de la Peinture et de la Musique“ par le Comte Gr. Orlow, „L'Alphabet hieroglyphique Egyptien“, что следует „Никите Муравьеву отдать 50 руб.“ за „Journal de la R. E.“, через квакеров выписать Астрономию Кларка и „The Wonders of Heavens“. — Эти записи, свидетельствуя о разносторонности интересов Шаховского, дополняют данные о составе его деревенской, Ореховецкой библиотеки, приведенные В. И. Семевским в его книге „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“ (С.-Пб. 1909, стр. 678—679).

Уже выехав из деревни по направлению к Москве, он в дороге заносит в книжку ряд хозяйственных заметок вроде следующих:

Гороху до моего отъѣзда намолочено 57 четвертей. Гаврилъ съ Станціи приказано объявить приказчику:

1-е. Чтобы, бравъ конопли, снопы не обивать, а обрубать лавку.

2-е. Луцерну усыпать алебастромъ.

3-е. Въ Кузьминѣ и Слизневѣ [5]) поднять съ осени подъ яровое.

4-е. Остальную труху отъ сѣмянъ дятловинныхъ разсыпать на дурные луга.

Путь Шаховского на Москву из Арзамасского уезда лежал через станции Голядкину, Теплую, Кулебяки, Саваслейку (на

[1]) Т. е., отца своей жены, князя Дмитрия Михайловича Щербатова (ум. 15-го мая 1827).

[2]) Поэма Ламотт Фуке, в 1837 г. переведенная Жуковским.

[3]) С конца 1819 г. Шаховской состоял адъютантом при И. Ф. Паскевиче, впоследствии фельдмаршале и князе Варшавском.

[4]) Т. е. сочинение доктора O'Meara: „Napoléon en exil“ 1822).

[5]) Имения Шаховского в Арзамасском уезде Нижегородской губернии.

границе Нижегородской и Владимирской губернии) [1]), Муром, Драчево, Мошково, Судогду, Владимир, Ворту, Липки, Покров, Плотаву, Богородск и Новую Деревню и стал ему, с расходами на подорожную, в 224 р. 15 к.—Будучи в Москве, он посетил известный ботанический сад графа Разумовского в Горенках и почти 3 страницы книжки заполнил латинскими и русскими названиями растений, обративших на себя его пытливое внимание; тут же он отметил, что нужно „у Роджерса узнать о тополяхъ, о молотильной и мукомольной машинѣ, о сѣворальникѣ и оралѣ, о собиранiи семянъ дятловинныхъ и сказать ему о каткѣ и устроенiи бороны Дьяконова“. Первыми расходами Шаховского по приезде в Москву, 7-го сентября 1824 г., были две пары перчаток и „3 картины портретов“. Устроив свои дела в Москве в Опекунском Совете и в других присутственных местах и повидавшись с матерью, княгинею Анною Федоровною, Шаховской 22-го сентября вечером снова выехал из Москвы и направился в Козельские (Калужской губернии) имения сельцо Лавровское и село Фроловское. Здесь время его прошло в деятельных хозяйственных распоряжениях, характер которых виден, например, из следующего его патриархального приказа, данного в с. Лавровском и приводимого нами для показания его отношений к крепостным крестьянам и как характерный образчик его деловых писаний,—а их немало в описываемой нами книжке:

Копiя съ Приказа, даннаго въ с. Лавровскомъ 24 Сент. 1824 г.

По желанiю сестры моей, княжны Прасковьи Петровны [2]), принялъ я на себя устроить въ принадлежащемъ ей сельцѣ Лавровскомъ порядокъ управленiя, котораго правила, къ непремѣнному исполненiю, симъ постановляется:

1-е. Крестьяне, бывъ надѣлены всею Господскою землею и пользуясь выгодами свободнаго промысла, должны въ замѣнъ всего онаго платить ежегодно по 25 р. ассигнацiями съ души.—Цѣна сiя, малая въ сравненiи съ тѣми выгодами, которыя бы получить можно было отъ Господской пашни, положена для того, чтобы доставить крестьянамъ возможность приходить въ лучшее состоянiе.

2-е. По неоднократныя неисправности въ платежѣ оброка и разныя происшествiя, противныя порядку и тишинѣ, требуютъ особеннаго вниманiя и скораго остановленiя безпорядковъ; почему и подтверждаю, что Бурмистръ есть полной хозяинъ и первой начальникъ по имѣнiю, и что ему повиноваться должны всѣ безъ малѣйшаго прекословiя.

3-е. Въ слѣдствiе сего дана ему сестрою по законной формѣ довѣренность, по которой можетъ онъ, по усмотрѣнiю своему, оказавшихся изъ крестьянъ нерадивыхъ къ домоводству, развратныхъ и непокорныхъ отдавать въ рекруты, посылать на поселенiе и въ рабочiе дома на усмиренiе и [illegible] иныя наказанiя, смотря по важности случая (такъ было дѣлано до [illegible] прiѣзда).

[1]) Так же в 1830-х годах ездил и Пушкин из своего Болдина, Арзамаского же уезда (Переписка Пушкина, Акад. изд., т. II, стр. 190. 195).
[2]) Впоследствии, по мужу, Войно-Куринская.

4-е. Для облегченія дѣйствій по имѣнію и столько же для лучшаго присмотра за нерадивыми опредѣляются изъ его числа 5 Старшинъ, которыхъ обязанности суть слѣдующія:

а) Вмѣстѣ всѣ они должны заботиться о сохраненіи въ деревнѣ порядка и тишины между крестьянъ, своимъ собственнымъ примѣромъ показывая почтеніе и уваженіе къ старшему, потому что они находятся подъ непосредственнымъ начальствомъ Бурмистра.

б) На сходкахъ они сохраняютъ благопристойность, вмѣстѣ съ Бурмистромъ унимаютъ споры и рѣшаютъ съ нимъ же по правдѣ дѣла мірскія. Людей, оказавшихся неоднократно въ какихъ-либо проступкахъ, а паче буйныхъ, на сходку не пускать, потому что буйный человѣкъ хорошаго совѣта дать не можетъ.

в) Старшины, раздѣля поровну тяглы крестьянъ, принимаютъ доставшіяся на ихъ часть въ полное распоряженіе, подъ начальствомъ же Бурмистра и по его требованію чинятъ надлежащее всѣмъ исполненіе.

г) При собраніи оброка представляютъ его бездоимочно Бурмистру всецѣло до срока.

д) Распоряжаются, чтобы мальчиковъ 12-ти лѣтъ отдавать непремѣнно въ мастерства.

е) По возвращеніи изъ работъ отпущенныхъ на промыслы, къ Старшинамъ является каждый таковой крестьянинъ и приноситъ выработанныя имъ деньги.—Изъ сихъ денегъ, расчтя, что слѣдовать будетъ въ оброкъ, остальныя отдавать онъ будетъ старшему въ домъ.

ж) Если окажется, что иные находившіеся въ вольной работѣ принесли денегъ менѣе, нежели по производству ихъ мастерства выработать можно было, то таковыхъ, уличая въ нерадѣніи или въ обманѣ, на будущій годъ отдавать хозяевамъ отъ деревни, получая прямо отъ нихъ за работу деньги.

з) Также поступаютъ они и съ тѣми лишними работниками, которые въ рабочее время остаются дармоѣдами.

Такимъ образомъ, мірскимъ устройствомъ симъ предполагается сохранить тишину и порядокъ. Отвѣтственность же всего лежитъ на Бурмистрѣ, дается ему полное право взыскивать съ Старшинъ и наказывать ослушниковъ, грубіяновъ и неисправныхъ. А Старшина имѣніемъ своимъ и тѣломъ отвѣчаетъ за всѣ неисправности, которыя случатся у него въ части.

Назначены Старшинами по жеребью:

1-й части Фролъ Фоминъ.
2-й „ Михайло Фроловъ.
3-й „ Матвѣй Никитинъ.
4-й „ Василій Кузьминъ.
5-й „ Афонасій Никитинъ Потемкинъ.

Дав подобный вышеприведенному приказ и в селе Фроловском 25-го сентября 1824 г., Шаховской съездил в Калугу, вернулся в Москву в середине октября и заполнил книжку свою длинными записями хозяйственного содержания и перечнями городских расходов (карета, книги, табак и т. п.). Эти записи трат обыденного характера в начале ноября сменяются рядом экстренных расходов: 2-го ноября 1824 г. [1]) скончалась мать Шаховского—княгиня Анна Федоровна, рожд. княжна Щербатова. Любопытен перечень расходов по погребению умершей в Донском монастыре: всех их было на 1.600 рублей.

[1]) А не 1825 г., как дважды указано в книге П. Е. Щеголева, — на стр. 306 и 377; ср. „Московскій Некрополь", т. III, стр. 331.

Следующия за сим 44 страницы книжки заполнены подробными записями прихода и расхода денег, распоряжений по хозяйству, конспектами писем и деловой корреспонденцией, отметками о поездке из Москвы в Серпуховское поместье—село Вершилово (в конце декабря 1821 г.) и в Ардатовское поместье—село Ореховец (с середины до конца января 1825 г.), в Петербург (в марте 1825 г.) и снова в Ореховец (в начале октября 1825 г.); в самом начале января 1826 г. Шаховской съездил в Москву и в Серпуховское имение, откуда вернулся в Ореховец: здесь и настигло его несчастие, разбившее его жизнь и сведшее его в преждевременную могилу. Вот его краткие, набросанные в той же памятной книжке

Записки на 1826-й годъ.

1 Марта взять под арестъ в Ореховцѣ.
2 „ прибылъ въ Нижній.
4. Отправленъ в Петербургъ.
5. (Былъ дома). Заѣхалъ домой.
9. Пріѣхалъ въ Петербургъ, въ 8 часов попол. поступилъ въ Штабъ.
11. В-ва подъ арестъ.
12. Приведенъ ко мнѣ Сенявинъ [1].
1 Мар. Словесный допросъ Левашева.
2 „ Перешли на новую квартиру.
3 Апр. вопросные пункты отъ Комитета.
12 „ Очная ставка съ Ф. Виз(инымъ) и Никит. Мурaвьевымъ.
25 „ „ „ съ Алекс. и Матвѣемъ Мур(авьевыми).
3 Апрѣль взято показаніе по дѣламъ и по займу въ Опекунскомъ Совѣтѣ.
23. Nouvelles de ma soeur.
30. de Z. S.—de M. Sen.
Mai 31. 83 jours de reclusion.

3 Маія перешли на новую квартиру, откуда послѣдній выпущенъ былъ Грибоѣдовъ [2]).
4. Сильный гемороидальный приступъ.
5. Свидътельство Г. Витта.
6. Отпр(авленъ) въ Военно-Сух. Гошпиталь.
7. Требованъ къ подписи допроса въ Комиссію по перенесенію дѣла въ Верховный Уголовный Судъ.
8. Въ Лазаретъ принесли мою шкатулку отъ Смотрителя.
9. Отобраны ножикъ и вилка.
10. Ножницы.
11. Отдалъ самъ бритвы, которыя Смотритель не замътилъ.
14. По извѣщенію Смотрителя, что я назначенъ къ отправленію въ крѣпость, притомъ не имѣю дозволенія писать къ домашнимъ, выписался изъ Лазарета и поступилъ в Нѣвской Равелинъ № 8. Въ сей день видѣлъ изъ окна парадъ погребенія покойной Имп. Ел(изаветы) Алексѣевны.

Далее вырвано до самого корешка книжки несколько листков и затемъ, после 12 листков, заполненных заметками

[1] Капитан л.-гв. Финляндского полка Николай Дмитриевич Сенявин († 1833), сын известного адмирала Д. Н. Сенявина, привлеченный к делу по показанию Перетца, освобожденный из-под ареста 15-го июня 1826 г. без дальнейших последствий.

[2]) См. у П. Е. Щеголева, Исторические этюды, СПб. 1913, очерк „Грибоедов и декабристы“, стр. 253—315.

(на французском языке) по географии и истории Швейцарии, сделанными, быть может, в крепости, по „Essai historique sur l'histoire de la Suisse“ par Simond, а также конспективными хронологическими заметками по Русской истории, начиная с основания Москвы до 1366 г., выписками из какой-то французской книги и черновиками писем к старостам Гордею Мартынову и Павлу Васильеву от 22-го июня 1826 г., мы вновь находим

Продолженіе Записокъ:

1826. Іюня 29-го. Писалъ къ генералу Бенкендорфу, обращая вниманіе Комитета на отношенія Нижегородскаго Губернатора къ г. Военному Министру, которыя къ дѣлу моему приложены не были, при объясненіи, что, до прибытія моего въ С.П-гъ, правительство подозрѣнія, а Комитетъ показаній на меня не имели [См. эго письмо выше].

8 Іюля переведенъ былъ въ другой № того же равелина.

11 Іюля. Верховный Уголовный Судъ, прибывъ въ домъ Г-на Коменданта С.П-й Крѣпости, въ засѣданіи объявилъ мнѣ свой приговоръ. Съ того дня переведенъ я былъ въ Кронверкъ въ 9-й казематъ.

12 [1]). На Крѣпостной площади приведенъ въ исполненіе приговоръ [illegible].

25 Іюля. Переведенъ я былъ, по усилившейся болезни, отъ сыраго воздуха, въ 16 №, гдѣ оживленный лучами солнца, почувствовалъ себя лучше.

27 Іюля. Господинъ Комендантъ отдалъ меня фельдъ-егерю Гендриху для доставленія въ мѣсто моего назначенія, и мы отправились въ 10 часовъ [illegible]. Участь моя и мѣсто ссылки мнѣ не были объявлены.—Мы выѣхали въ Шлиссельбургскую заставу; проѣхали крѣпость, и далѣе по дорогѣ къ Архангельску.

28 Іюля. Сомнѣніе мое кончилось; съ Старой Ладоги повернули на Ярославскую дорогу,—того же дня проѣхали Тихвинъ.

29. Прибыли въ городъ (Веневъ) Устюжну... видѣлъ Ушакова, который далъ мнѣ 100 р.

30. Объѣхали Княгиню Ел. Серг. Шах—ю [2]). Того же дня проѣхали г. Веневъ [3]) Тверской губерніи, въ 4-хъ верстахъ отъ котораго имѣніе покойной Кацаревой.

1 Августа. Имѣніе Г. Лев.—

19 Августа. Прибыли въ городъ Красноярскъ, гдѣ и былъ представленъ Г-ну Губернатору.

20. (Съ Енисейскимъ) Частнымъ Приставомъ Усовымъ отправленъ былъ въ Туруханскъ, по предварительному назначенію вышняго начальства.

22. Прибыли въ городъ Енисейскъ и того же дня отправились до [illegible] Енисею.

7 Сентября. Прибыли въ Туруханскъ.

5 Октября взяты съ меня допросы по дѣламъ моимъ и по состоянію родныхъ.

5 Ноября отправлено письмо къ Его Императорскому Величеству.

10 Авг. 1827 г. Прибылъ нарочный урядникъ Инфантьевъ.

11. Объявлено Высочайшее повелѣніе.

13. Въ полночь отправился изъ Туруханска.

14. Почевалъ въ Шорохинском (?) зимовьѣ 55 верст.

На этих словах оканчивается летопись Шаховского и затем, после нескольких страниц исторических заметок,—между прочим, о Донских, Волгских и других казаках,—и нескольких

[1]) Вернее в ночь на 13-е.

[2]) Далѣе—нечетко и карандашомъ.

[3]) Очевидно—Весьегонскъ, Тверской губ., а не Веневъ (Тульской губ.).

...страниц, записанных карандашом, но потом стертых резиною, следуют карандашные записи несчастного декабриста, отрывочные и не всегда вразумительные, относящиеся уже ко времени пребывания его в Туруханске весною 1827 г., когда он томился тоскою и бездеятельностью.

. *Мая.* Доказательство, что вода есть твердое тело:

1. Она пристаетъ къ лицу и къ рукамъ.
2. Что она поверхность имѣетъ выпуклую, что доказано налитою водою въ стаканъ, которая казалась выпуклою и выше краевъ канала.
3. Что она плотна

...гамія растѣній объ одной тычинкѣ.

...ѣика и слѣдствіе.

...онова Лексиконъ, выдранный, заклеенный синею бумагою, новый ... 6 рублей, за недостатокъ 4 листовъ (неразб.) 2 рубля.

Лебедева Латинская Грамматика (за 40 лѣтъ печатанная, пребезполезная) ... Вокабуларій в 8-ку За все 10 руб.

7 *Мая.* Доказательства:

1. Громогласное, что у купцовъ (неразб.) товаръ и что даютъ, что они просятъ.
2. Что Ты не вѣришь святымъ, буду писать къ Архіерею.
3. Кто не учится по древней азбукѣ, тотъ преступникъ и вольнодумецъ.
4. Самъ учился А. б
5. Что ученика надо бить, чтобъ онъ боялся и понималъ.

Съ сего дня Его Преподобіе не изволилъ уже обращать вниманія своего, запрещалъ приходить къ нему, благословлялъ, какъ мухъ обмахиваютъ, ни слова мнѣ не отвѣчалъ, всякой день служилъ обѣдню и по кротости и смиренію, по слову Евангельскому продолжалъ гнѣваться. Примѣръ достойный уваженія, и запретилъ къ нему являться.

.8 *Мая.* Ник. Пр. сказалъ, что протопопъ называетъ меня Еретикомъ.

Вслед за этими конспективными замѣтками о начавшемся против него неудовольствіи местного священника находим тщательно переписанное Шаховским (по стертому карандашу) смиренное письмо его къ этому Туруханскому протопопу:

Письмо мое къ Протоіерею Куртакову въ Туруханскѣ отъ 19 Маія.

Ваше Преподобіе, Почтеннѣйшій Отецъ, мой Милостивый Государь!

Часъ смерти нашей въ Рукѣ Господней: блаженъ тотъ, кто ожидаетъ когда ... безъ страха и трепета, готовясь прейти изъ міра сего въ жизнь ... съ вѣрою и упованіемъ на Милосердіе Божіе. Уважая Васъ, отца моего духовнаго, имѣлъ я всегда полную къ Вамъ довѣренность, распространявшуюся даже на всѣ обстоятельства жизни моей: съ какимъ прискорбіемъ ... я, что Вы присвояете мнѣ еретическія мнѣнія? Не имѣя вѣроятія къ ... слуху, по долгу и по чистотѣ Вѣры моей, считаю священнымъ долгомъ представить Вамъ полную исповѣдь чувствъ души моей.

Пріявъ отъ руки Вашей дары Господни, принеся черезъ Васъ покаяніе ... моихъ, обновленный въ бытіи моемъ Чашею Искупленія, могъ ли ... думать, по Вѣрѣ моей, подвергнуться нарѣканію своего отца духовнаго?

Вѣра моя въ Господа Бога, во Святаго Духа, въ Сына Его Іисуса Христа, въ Богородицу, рождшую Спаса нашего, во святыхъ мужей и мучениковъ ... на поклоненіи Творцу всемогущему, Духу Премудрости и Милосердія.

создѣ-сущему, давшему намъ безсмертную душу для обузданія страстей [illegible] тѣла. Вѣрю, что Существа высшія, духи безплотные, охраняющіе насъ отъ грѣха и въ гласѣ совѣсти, въ семъ вдохновенномъ движеніи души, удерживаютъ отъ страстей и противятся порокамъ и заблужденіямъ: мы же смертные, преслушная сіе Божественное внушеніе, впадаемъ въ прегрѣшенія и поступками бурной жизни ввергаемъ себя въ бездну злополучія и бѣдствій, идя по путь суетъ мірскихъ, за что достойно и наказуемся.

Вѣрую въ Іисуса Христа, Спасителя нашего, пришедшаго въ міръ грѣшныя спасти и завѣщавшаго, запечатлѣніемъ [illegible] крови своей, ученіе Евангелія, вѣдущія насъ къ любви ближняго, къ оставленію и забвенію обидъ, къ моленію за враговъ нашихъ и ненавидящихъ насъ; къ кротости, смиренію, Вѣрѣ и упованію.

Вѣрю, что Господь принимаетъ мольбы кающагося грѣшника, когда оставляетъ онъ путь прегрѣшеній своихъ и очищаетъ душу свою теплою молитвою и чистою Вѣрою въ Бога Спасителя и Искупителя нашего.

Святымъ Божіимъ и Праведнымъ мученикамъ вѣрую, по внутреннему и душевному къ нимъ почитанію и усердію за претерпенныя ими мученія въ Имя Христа Бога нашего. Они разпространили и утвердили примѣрами твердости и вдохновеніемъ духа премудрости Православную Вѣру и Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа; устроили Чинъ и благолѣпіе Церковнаго служенія и въ Соборныхъ Уставахъ преподали намъ твердое понятіе о Таинствахъ, на которыхъ основана Церковь и Вѣра **Христіанская.**

Вѣрую, что при совершеніи каждаго таинства снисходитъ Духъ Святый.

Почитаю обряды Священно-служенія и молюсь Святымъ Иконамъ, которыя, изображая всѣ силы небѣсныя, чудеса Божіи и Боговдохновенныхъ-Мужей, возносятъ душу къ поклоненію блаженной ихъ памяти.

Считаю также обязанностію человѣка, одареннаго отъ Бога душею и разумомъ, разпространять и образовать сіи дарованныя ему способности въ направленіи любви къ ближнему.

Смиряясь предъ Богомъ Всемогущимъ съ кротостію и упованіемъ, прошу и Васъ, Отецъ мой, простить мнѣ, въ чѣмъ виновенъ предъ Вами, словомъ, дѣломъ или помышленіемъ. Молитвы Ваши у Престола Всевышняго да помянуть меня въ Царствіи его.

Прошу благословенія Вашего и съ чувствами уваженія и преданности имѣю честь быть Вашего Преподобія, Милостиваго Государя и отца моего, покорнымъ сыномъ и слугою.

P. S. Разпространеніе способностей для пріобрѣтенія средствъ болѣе оказывать пользы въ отношеніи къ ближнему зависитъ отъ просвѣщенія разума изученіемъ наукъ, заключающихъ въ себѣ истины, служащія къ частному и общественному благосостоянію. Наблюденіе природы, въ ея произведеніяхъ, представляя связь существъ, сотворенныхъ Десницею Всевышняго, возноситъ душу къ созерцанію Премудрости Творца, одарившаго всѣ края земли свойственными произведеніями, приносящими пищу человѣку и животнымъ: украсившаго жилища ихъ великолѣпіемъ, красотою и величіемъ твореній. Наука сія возвышаетъ мысль къ источнику толикихъ благъ: при наблюденіи природы открываются средства трудами увеличить число полезныхъ произрастѣній, усовершенствовать ихъ искуствомъ для лучшаго или удобнѣйшаго употребленія, ввести иныя растѣнія, которыя, бывъ сообразны съ родами прозябаемыхъ въ томъ мѣстѣ, могутъ увеличить и улучшить общественное благосостояніе.—В всякомъ краю, по свойству болезней, происходящихъ отъ вліянія воздуха или мѣстоположенія, насаждены и цѣлебныя вещества Десницею Всепредѣлящаго и Милостиваго Творца, сотворившаго все на пользу человѣка.

Наука, заключающая въ себѣ познаніе Государственныхъ Законовъ, представляетъ средство съ пользою совершать путь гражданскихъ обязанностей, основанныхъ на вѣрѣ и правосудіи; она доставляетъ вѣрныхъ слугъ Отечеству и Государю.

Посты, положенные Православною нашею Церковію и Святыми Отцами, не только почитаю священными, но полагаю, что обязанность истиннаго христіанина есть пребывать во всю жизнь свою въ постѣ и молитвѣ, для отклоненія страстей своихъ и для приближенія къ Милосердію Божію.

Непосредственно за этим жутким письмом находим несколько другого рода заметок, относящихся до наблюдений над местною природою, — наблюдений, которые, повидимому, судя по P.S. приведенного выше письма Шаховского къ протопопу, ставились ему в вину и считались доказательством его маловерия и даже еретичества. Заметки относятся к весне и лету 1827 года и содержат в себе следующие сведения:

Въ прошломъ году въ зимовьѣ Шорихинскомъ въ первый разъ зимовщики видѣли сороку. Около 27 Марта показались *Снигирьки*, полдорожные (?)

Въ началѣ апрѣля, около 9-го, прилѣтели (Снигирьки: поло...) вороны.

15-го показались пауты, по Тунгуски *Дылшкон*. Мухи, которыя (говорятъ, ежели что съѣстное ни сядут, то родятся отъ нихъ червяки. *плевки*.

Съ 14-го прилѣтели гуси и лебеди.

Къ 28-му чайки.

Съ 6 Мая показалась вода на устьѣ рѣки Шара.

Съ 10 прилѣтели пллсточки плишки и утки.

До 16-го вода довольно высоко поднявшись, убыла въ Енисей.

18 начала опять прибывать.

Съ 23 Апрѣля по 30 морозы и пурги.

Съ 1 Мая по 22-е . . . . . .

21 Троиц. день прибыла почта и 2 Енисейскихъ купца.

25 Хорошевъ.

P. S. 5 Маія отправилъ къ Г. Фишеру [1]) растѣнія и журналы: почта отправилась 18 Маія.

15 Маія прилѣтели ласточки.

К этому времени над Шаховским уже собиралась новая гроза: за попытку оказать денежную помощь пострадавшим от неурожая жителям Туруханска он был взят под подозрение и, по Высочайшему повелению, переведен был в Енисейск, — и хотя это был сравнительно большой областной город [2]), а губернатором в нем был просвещенный Александр Петрович Степанов, поэт и писатель [3]), — душевное состояние ссыльного все ухудшалось; через год, 13-го июня 1828 г. Степанов донес III Отделению, что Шаховской „впал в сумасшествие“ на религиозной почве. Жена больного просила Николая I-го о разрешении ей поехать к нему, перевезти его в удаленное имение, но Император не дал на то согласия, указав отправить Шаховского в Спасо-Евфимиев монастырь и разрешив жене, живя близ монастыря, иметь попечение о муже в его болезни. Отправленный

[1]) Федор Богданович Фишер, директор Ботанического сада в Петербурге (см. о нем „Архивъ Раевскихъ“, т. I, II и III).

[2]) От Туруханска (той-же Енисейской губернии) в 1435 верстах. — В летнее время езда до него была по реке Енисею на судах и лодках, зимою же между Енисейском и Назимовской станицей ездили на лошадях, а между Назимовской и Туруханском — на собаках (см. Почтовый дорожникъ. Изданіе Почтоваго Департамента, 2-е изд., С.-Пб. 1829, стр. 311).

[3]) О нем см. нашу статью в „Русском Биографическом Словаре“, стр. 382—385.

из Енисейской городской больницы с фельд-егерем лишь 17-го февраля 1829 г., Шаховской был доставлен в монастырь 8-го марта; у бедного безумного путешественника оказались „отмороженными три пальца левой ноги, нос, ухо и два мизинных на руках, с лишением на одном из них ногтя" [1]; приглашенный для осмотра больного лекарь не нашел у него ничего опасного для жизни; тем не менее Шаховской 24-го мая 1829 г. скончался. Приведенные выше выписки из его записной книжки дают несколько ярких жизненных штрихов и помогают понять переживания этого чрезвычайно симпатичного и в полном смысле несчастного человека, столь внезапно вырванного из жизни, которая складывалась для него так благополучно, но так жестоко разбилась.

Б. Модзалевский.

Иезуит Балабин.

(Материалы к истории русского общества в XIX веке)

В средине XIX века, в 40-х и 50-х годах, отмечается, в течение сравнительно короткого промежутка времени, в среде русской интеллигенции целый ряд переходов из православия в католичество, сопровождавшихся затем вступлением в монашество и, главным образом, в состав иезуитского ордена. Так поступили В. С. Печерин, князь И. С. Гагарин, И. М. Мартынов, С. С. Джунковский, Ю. К. Астромов и Е. П. Балабин. Обстоятельства, побудившие этих лиц к такому решению, их настроение и психология остаются, насколько мне известно, мало выясненными; даже в отношении наиболее выдающегося из них, В. С. Печерина, в монографии о нем М. О. Гершензона все эти вопросы за отсутствием материала получили крайне скудное освещение.

[1]) См. „Алфавитъ декабристовъ". По рукописи Государственнаго Архива, подъ редакціей и съ дополненіями Б. Л. Модзалевскаго и А. А. Сиверса. Пгр. 1925, стр. 406—407.—О кн. Ф. П. Шаховскомъ см. еще: „Русск. Арх." 1901 г., кн. III, стр. 320; „Русск. Стар." 1904 г., № 3, стр. 510, № 4, стр. 19, 21, 27, 29, 34 (отрывки изъ показаній); „Лѣтопись Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ", вып. IV, М. 1905; „Декабристы". 86 портретовъ, изд. М. Зензинова, стр. 214; Записки В. П. Зубкова, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, СПб. 1906, стр. 82; „Русск. Арх." 1907 г., кн. II, стр. 192—193; „Русск. Арх." 1908 г., кн. II, стр. 223; А. С. Пругавинъ, Въ казематахъ, СПб. 1909, стр. 191—193, 230—231 (съ портр.); В. И. Семевскій, Политическія и обществ. идеи декабристовъ, СПб. 1909; „Русск. Стар." 1909 г., № 12, стр. 584—585; А. С. Пругавинъ, Декабристъ князь Ф. П. Шаховской въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ. По неизданнымъ записямъ—„Русск. Бог." 1911 г., янв., стр. 55—82; „Былое" 1920 г., № 15, стр. 158—159 (о жизни Шаховского въ Туруханске).

Считаю поэтому небесполезным опубликовать встретившийся мне неизданный фактический материал, касающийся одного из вышеупомянутых лиц — Евгения Петровича Балабина.

Балабины были Черниговскими и Екатеринославскими помещиками. О деде Евгения Балабина, *Иване Тимофеевиче*, удалось собрать лишь отрывочные сведения; родился он в 1734 г., в службе состоял с 1746 г., в 1755 г. был адъютантом при генерал-поручике и л.-гв. Конного полка подполковнике Юрие Ливене, произведен в генерал-майоры—22. IX. 1778 г., был управляющим Полтавскою провиантскою коммиссиею, по „Списку Воинскому Департаменту на 1796 г.“ (стр. 61) показан, как назначенный „к определению в губернаторы“, в 1804 г. в отставке. Старший из трех его сыновей, *Петр Иванович* (р. 21. IV. 1776 г. в Петербурге), в детском возрасте (1784) был зачислен в гвардию, но с 1785—1790 жил и воспитывался в Англии; произведенный 1. I. 1794 г. из сержантов гвардии в армии капитаны, он тогда же вступил в Черноморский корабельный флот и 2. VI. 1795 г., по сдаче соответствующего специального экзамена, переименован в лейтенанты. Вся почти морская служба Б-на прошла под начальством адмирала Ф. Ф. Ушакова—назначенный в 1798 г. его адъютантом, он „был самым приближенным лицом к Ушакову и пользовался его полною доверенностью“ во время военной экспедиции адмирала в Архипелаг и в Средиземное море, исполняя самые ответственные и серьезные его поручения. По возвращении эскадры в Севастополь, Б-н в 1801 г. был переведен в Балтийский гребной флот с назначением в Морской Комитет „для сочинения морских журналов“, под начальство в.-адм. Шишкова, и вскоре затем оставил морскую службу, будучи, по представлению Ф. П. Уварова, переведен 4. IX. 1802 г. поручиком в Кавалергардский полк. В кампанию 1805 г. Б-н, в чине ротмистра, состоял адъютантом при Уварове и участвовал в сражении при Аустерлице; произведенный 18. IX. 1806 г. в полковники, в кампанию 1807 г. был при Вольфсдорфе, Гейльсберге и Фридланде (золотое оружие и орд. св. Георгия 4 кл.) и в финляндскую кампанию 1808 г. при занятии Тавастгуса и Свартгольма. В августе 1808 г. он был послан имп. Александром в Париж к Наполеону с извещением о согласии на свидание в Эрфурте, куда затем сопровождал Государя (пожалован флигель-адъютантом 1. X. 1808). С началом военных действий в 1812 г. Б-н исполнял ряд отдельных поручений, а с прибытием Государя в действующую армию состоял при главной квартире и находился при Госу-

даре в сраженіях при Бауцене, Дрездене и Кульме; 5. IX. 1817 он был произведен в генерал-майоры (патент 26. IV. 1817, № 131) и послан в отряд, блокировавший крепость Глогау; во время вторичного похода в Париж в 1815 г. он был назначен бригадным командиром 3 драг. дивизии, вошедший в состав оккупационного корпуса графа М. С. Воронцова, с которым и оставался во Франции 2½ года (стоянка бригады была в Ретеле), и 7. I. 1818 г. вышел в отставку. В царствование имп. Николая Б-н вновь вступил на службу 16. XI. 1826 г. начальником 1-го (Петербургского) округа вновь образованного тогда корпуса жандармов и занимал эту должность до 10. II. 1832 г., когда был по болезни уволен в отставку генерал-лейтенантом. Скончался Б-н 9. X. 1856 г. и погребен в Александро-Невской лавре, на старом Лазаревском кладбище[1]). Таков был жизненный путь П. И. Балабина—исторические события, участником и свидетелем коих ему довелось быть, сделали его далеко не шаблонным. По отзывам современников, Б-н был „человек высшего образования“, „оригинального характера, честный и прямой человек“; на вопрос, обращенный к одному близкому к его семье лицу, почему он оставил жандармскую службу, последовал характерный ответ: „parce que cet uniforme lui pesait“[2]).

П. И. Балабин был женат (с 31. I. 1808 г.) на француженке *Варваре Осиповне Пари* (Pauline Paris), воспитывавшейся в доме княгини Варвары Александровны Шаховской[3]); у них было пять человек детей: 3 сына—старший *Иван*, конногвар-

[1]) Петербургскій Некрополь, I, с. 128; Общій морской списокъ. III. с. 99; А. И. Михайловскій-Данилевскій и А. В. Висковатовъ. Военная галлерея Зимняго дворца. Императоръ Александръ I-й и его сподвижники, VI. Спб. 1850. № 45 (литогр. портр. Клюквина с Dawe, біогр. очерк Висковатова); Военная галлерея 1812 года. изд. вел. кн. Николая Михайловича, Спб. 1912, с. 15—16 (фототипія с Dawe, форм. сп. 1814 г.); С. А. Панчулидзевъ, Сборникъ біографій кавалергардовъ. III. с. 26—28; Русскій біографическій словарь. II, с. 439.

[2]) И. П. Липранди. Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. М. 1873. с. 82; „Изъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной“—Рус. Архивъ, 1890 г. окт., с. 227—228.

[3]) Княгиня *Варвара Александровна Шаховская* (р. 2. XII. 1748, † 29. X. 1823), дочь барона Александра Григорьевича *Строганова* от 3-го его брака с Марьей Артемьевной Загряжской, была замужем за г.-л. кн. Борисом Григорьевичем Шаховским († 1813), кавалерственная дама; о ней—вел. кн. Николай Михайловичъ, Русскіе портреты, IV, № 86; Петербургскій Некрополь, IV, с. 511. В записках своих гр. Е. Ф. Комаровский писал: „Я все это лето (1796) провел на даче, по Петергофской дороге, на 5-й версте, у кн. В. А. Шаховской. Нас жило у княгини очень много: в большом доме жила она с M-me Paris, с дочерью ее, теперешнею Балабиной....“ Рус. Архивъ, 1867, с. 220. Более подробных сведений о семействе Paris, родителях В. О. Балабиной, в моем распоряжении не имеется, нашлось только указание, что отец В. О. был еще жив в 1835 г. и проживал в Антверпене или Брюсселе, куда к нему в том году ездила внучка М. П. Балабина—В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, III, М. 1895, с. 132.

дейский офицер, второй—*Виктор*, дипломат, младший—[illegible] и 2 дочери—*Елизавета* и *Марья*[1]).

Сама В. О. Балабина занималась живописью (известен, между прочим, написанный ею портрет фон-Розенцвейга, с которого в 1855 г. Уткин сделал свою гравюру) и была, повидимому, женщина далеко незаурядная,—„милая, умная, добрая, смиренная женщина“, говорит о ней княжна В. Н. Репнина. П. А. Плетнев, который был очень близок со всей семьей, на протяжении своей обширной переписки с Я. К. Гротом, постоянно сообщает сведения о Балабиных, и письма его нередко содержат восторженные отзывы о В. О.—„утро провел я у Балабиных. Как интересны и мать и дочь“; „как они умны и интересны“. Я. К. Грот, познакомившийся с Балабиными через Плетнева, говорит про В. О., что она была „женщина чрезвы-

[1]) *Иван Петрович Балабин*, р. 1. I. 1809 г., воспитывался в школе гвард. подпрапор. и юнкеров, откуда 25. III. 1828 г. выпущен корнетом в [illegible] гвардию, служил в полку до чина ротмистра и 4. XII. 1841 г. уволен для определения к статским делам надв. сов.; причислен к канцелярии обер-прокурора св. синода, а затем (22. I. 1842) назначен членом хозяйственного управления при св. синоде, уволен согласно прошению от службы 26. II. 1844 [illegible]; он был женат (с 31. I. 1841) на младшей дочери министра нар. просв. С. С. Уварова—Наталье Сергеевне (р. 7. II. 1821, † 13. I. 1843); имеется ее литогр. портрет 1843 г., работы Коневского; впоследствии женился вторично, от второго брака сын—*Александр Иванович*, р. 21. VIII. 1870 г., правовед LV курса ([illegible]), пом. статс-секретаря госуд. совета (1909), женатый (с. 28. V. 1899) на дочери кол. ас. Терезѣ Іонне Константиновне *Смяровской*.—Списокъ... л.-гв. коннаго полка, Спб. 1864, с. 256; Архив св. синода, дело канц. обер-прокурора 1844 г. № 33249; Петербургскій Некрополь, I, с. 511; В. Я. Адарюковъ, Словарь русскихъ литограф. портретовъ, I, М. 1916, с. 94; Архив гос. совета, личн. дело А. И. Балабина.

Виктор Петрович Балабин, р. 24. VII. 1812 г., воспитывался в [illegible] родном пансионе при С.-Петербургском университете и 7. III. 1832 г. [illegible] на службу в министерство иностранных дел; 27. III. 1842 г. он был [illegible] секретарем посольства в Париже, и затем вся его дальнейшая служба прошла за-границей—старшим секретарем в Константинополе, советником в Париже и, наконец, посланником в Вене; камергер (1856), тайный советник. † 4. XI. 1864 в Дрездене и погребен в Троицко-Сергиевской лавре.—Рус. Старина, 1902. кн. 11, с. 361; Списокъ погребенныхъ въ Тр.-Серг. лаврѣ. М. [illegible] с. 725; отзыв о нем Е. А. Боратынского (1852)—Рус. Архив, 1867, с. 287; письма В. П. Балабина к гр. Н. Д. Киселеву за 1856—1863 гг.—Рус. Старина, 1902, кн. 11 и 12. Перед самой войной в Париже, под ред. Ernest Daudet, издан—Journal de Victor de Balabine. Paris de 1842 à 1852. La cour, la société, les moeurs. I (1842—1847). Paris. 1914; вышел ли том 2-ой мне неизвестно.

Елизавета Петровна Балабина, фрейлина (1. I. 1830), была замужем за князем Василием Николаевичем (Волконским) *Репниным* (р. 20. VII. 1806, † 27. II. 1880), служившим в м-ве иностр. дел—Г. А. Власьевъ. Потомство Рюрика, II, [illegible].

Марья Петровна Балабина, младшая из дочерей, „очень красивая и даровитая“, р. около 1821 г. и вышла летом 1844 г. замуж за доктора медицины Александра Львовича *Вагнера* (р. 1803 в Эстляндии, † 11. IV. [illegible], погреб. в Петербурге на Смоленском еванг. кл.); скончалась она в Риме [illegible] 1901 г.—Рус. Архивъ, 1890, окт., с. 228; Русь, 1885, № 26, с. 7; Петербургскій Некрополь, I, с. 361; Рус. Архив, 1902, март, с. 562; письма Н. В. Гоголя [illegible] Маркса, III, с. 481. Письма М. П. к Гоголю (1841—1844), в которых она, между прочим, рассказывает ему историю своего знакомства с Вагнером и его сватовства, напечатаны В. И. Шенроком—Матеріалы для біографіи Гоголя, IV, [illegible]

...ьно образованная, начитанная, с тонким вкусом в оценке произведений литературы и искусства". Гоголь, которого также Плетнев ввел в дом Балабиных (он, между прочим, давал уроки младшей дочери Марье Петровне) был с ними в самых дружеских отношениях и вел переписку; в одном из своих писем (16. VII. 1837) он писал самой В. О.: „позвольте вам пожелать всего, что есть лучшего на свете, что достойно вашей прекрасной души... Мне хочется знать, какое чувство будет обладать вашей душою при возвращении вашем на родину в среду вашего единственного в мире по доброте семейства"[1]). Вся семья была не только доброю и радушною, но и очень культурною и просвещенною, в ней преобладали интересы литературы и искусства, привлекали вопросы религиозные и социальные. „То-ли дело вечер у Балабиных, где все, стеснившись около одного стола, говорят и слушают чтение", пишет Гроту Плетнев (1840, Переписка, I, 285), читавший там постоянно Пушкина, Жуковского, Гоголя, разные новости русской литературы, новые работы Грота, и последние статьи Saint-Beuve'a. В конце 1846 г. Плетнев, по поручению Гоголя, издал в Петербурге его „Выбранныя места изъ переписки с друзьями"; в письме от 11. I. 1847 г. он писал (III, 5): „Я читаю Гоголя у Балабиных. П. И., разумеется, все это не нравится. В. О., как много об этом предмете уже читавшая, и притом строгая католичка, иное хвалит, иное находит слишком старым, а иное чисто заимствованным". „На вечерах П. И. ничего не изменилось, — пишет он в 1848 г. (III, 329). Таже безпримерная В. О., читающая письмо Виктора Петровича и все интересное из современности и даже из старины. Тоже и Петр Иванович и Евгений Петрович, философы и вежливые, как французские царедворцы (уже, конечно, не нынешние). И чай пьют уже не в библиотеке, где только сидят, а в зале подле нее".

Я нарочно подробнее остановился на характеристике той домашней обстановки, в какой жил Евгений Петрович Балабин в родительском доме в Петербурге, где сосредоточивались его интересы, так как, по отзыву Плетнева (II, 715), он был „нелюдим". Родился Е. П. в Петербурге 17. VIII. 1815 г., всесверстниками его были княгиня Варвара Александровна Шаховская...

[1]) Русскій біографическій словарь, II, с. 439, здесь приведены [illegible] В. О. (1845, по ссылкою на Nekrolog 1845, I, 95), [illegible] ... [illegible] 1845 (Сочинения, III, с. 544); Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, 1896, I, с. 157, 165; прим. Я. К. Грота к опубликованным [illegible] ... Гоголя — Русскій Вѣстникъ, 1890, кн. 11, с. 26; письма Н. В. Гоголя, [illegible] ..., I, с. 450—452.

ская и будущий муж ее внучки княжны Варвары Петровны Ш-ой, граф Павел Андреевич Шувалов: воспитывался он в благородном пансионе при петербургском университете, по окончании курса, поступил на службу (6. XII. 1833) канцелярским чиновником в д-т мануфактур и внутренней торговли, а оттуда переведен (11. V. 1935) в д-т государственных имуществ, где в должности помощника столоначальника прослужил до 4. X. 1841, когда назначен был столоначальником в канцелярию м-ра внутренних дел; 26. III. 1842 состоялся его перевод в д-т народного просвещения, 23. X. 1843 он пожалован в камер-юнкеры и 18. IV. 1846 назначен старшим секретарем канцелярии м-ра народного просвещения. За это время Е. П. пользовался лишь три раза отпусками: в 1843 г. на месяц в Ревель, в 1844 г. на 3 месяца за-границу „для свидания с родительницею и для сопровождения ее в обратный путь в Россию“ и в 1846 г. на 1½ месяца для поездки в Киевскую и Полтавскую губ., где и жил у сестры своей Репниной в им. Яготин. 3. V. 1852 г. Балабин подал прошение о разрешении ему заграничного отпуска для поправления расстроенного здоровья в Германию к Карлсбадским минеральным водам, сроком на 4 месяца; приказ об отпуске отдан был 21. V, при чем, по докладу министра, начальный срок его определен был с 28. V, со дня фактического от'езда [1]).

В течение двух месяцев семья не имела об Е. П. никаких известий; наконец, в начале августа получено было от него нижеследующее письмо [2]):

24/12 Juillet. 1852.

Mon cher Père. Chère et bonne Maman.

J'avais le coeur brisé lorsque je partis de S.-Pétersbourg. Les larmes qui inondaient mon visage auraient pu vous faire soupçonner ce qui se passait dans mon âme, si la cause qui les faisait verser été moins extraordinaire. Depuis bien longtems je nourrissais le désir de me vouer exclusivement au service de Dieu. Je voulais vivre comme Notre Seigneur avait vécu sur la terre, pauvre comme Lui, humble et dans les privations comme Lui. L'état religieux était le seul pour lequel je sentais une vocation décidée. Depuis longtems aussi j'aimais l'Eglise catholique avec toute la force que lui donne la conviction de la vérité qui est en elle. Je lui appartenais depuis longtems par le coeur; et ici je puis rendre ce témoignage devant Dieu qui me voit, que sa grâce seule m'attira vers cette Eglise, sans qu'il se soit servi pour cela d'aucun homme. La grâce seule fit tout en moi, [illegible]

[1]) АМНП, дело д-та нар. просв. № 80768 (2859); дело канц. м-ра № [illegible] 256 (2193).

[2]) Письмо Е. П. Балабина печатается по „точной“ копии, [illegible] в деле III отделения—АЦО, дело 2-ой эксп. 1852 г., № 193; оттуда же взяты и дальнейшие документы.

[illegible] vivante n'eut jamais aucune influence sur mes convictions religieuses.— [illegible] en partant la volonté bien arrêtée de me faire catholique, et je me tenais [illegible] même temps à me consacrer au service du divin Maître si telle était sa [illegible]. J'étais prêt à sacrifier les affections du sang, l'amour de la patrie, l'estime de mes concitoyens, une vie tranquille et douce à vos côtés, enfin mon [illegible] [illegible], pour suivre Jésus-Christ et vivre désormais comme Il a vécu, d'une vie de souffrance et de privation.

Le Samedi 14/26 Juin, j'eus le bonheur d'entrer dans la grande famille catholique, et après quelques jours passés dans la prière et le recueillement de la retraite, j'entendis dans mon âme l'appel de Dieu, qui me demandait de tout sacrifier pour Celui qui s'est sacrifié tout entier pour nous.

Je suivis, comme je le devais, l'ordre de Dieu et le Mardi [illegible] Juillet je me [illegible] de la robe noire des religieux de la Compagnie de Jésus, et j'entrais immédiatement au noviciat.

Et combien était pénible à la nature le sacrifice que j'ai dû faire! Combien était pénible cette immolation des sentimens naturels qui m'était demandée par Celui qui est venu réformer la nature, afin de pouvoir ouvrir les portes du ciel à l'homme régénéré. La partie inférieure de mon âme envisageait avec effroi et [illegible] une grande répugnance la vie de privation que j'allais embrasser jusqu'à la mort. Mais combien m'était plus pénible la pensée de la peine que ma résolution [illegible] causer, mes chers parents! et cette pensée encore que peut-être vous [illegible] penserez d'avoir été ingrat et dénaturé et d'avoir troublé le reste de vos jours [illegible] un acte que réprouvent tout ensemble la nature, l'opinion et les lois de la [illegible]! Voilà, oui, voilà la croix la plus lourde à porter, la pensée la plus difficile [illegible] supporter, et le sentiment de douleur qu'elle éveille en moi, le plus difficile [illegible]! Mais la grâce de la vocation est là pour me soutenir et m'encourager [illegible] les momens de faiblesse et dans le temps de la tentation; et pour me [illegible] [illegible] me transformer dans le temps de la ferveur! Pouvez-vous croire, mes chers [illegible], qu'il y ait dans ce peu que j'ai fait, un motif humain! Que je l'aie fait par [illegible] pour suivre mes goûts, mes penchants, mon inclination naturelle! Mais [illegible], mes bien chers parens, ce qui m'attend dans l'avenir.— C'est une vie [illegible] privation continuelle jusqu'à la mort, une vie de pauvreté et de souffrance [illegible] d'abnégation constante et d'entier renoncement à soi-même, à sa volonté propre, à ses goûts, à ses habitudes, et cela pendant toute la vie, sans interruption, sans repos jusqu'à la mort! Ah! y a-t-il donc dans cette vie de douleur quelque chose d'attrayant, quelque chose qui plaise à la nature, à l'imagination?—Bien au contraire. Une pareille vie répugne à la nature: une telle austérité l'épouvante bien loin de l'attirer, et comment l'homme qui s'aime et [illegible], comment l'égoïste ne fuirait-il pas à la seule vue d'un aussi sombre tableau?—Non, chers parens! il n'y a qu'une force divine qui soit capable de faire [illegible] surmonter à un homme sa propre nature, sa faiblesse, ses répugnances et ses [illegible]. C'est la grâce de la vocation qui fait aller un homme à-travers tous les obstacles et le pousse comme malgré lui vers le but qu'il doit atteindre. Voilà, mes bien chers parens, ce qui m'est arrivé; voilà la raison de mon étrange résolution. J'ai cédé à Dieu, et non pas à mes passions ou à mes inclinations. Si je vous ai quittés, est-ce parceque je vous aime moins que je ne l'aurais dû? O mes chers parens! Voyez combien d'exemples dans l'histoire absolument semblables à ce qui m'est arrivé! combien de personnes ont aussi quitté leurs parens et leur patrie: et ensuite ces hommes sont devenus de grands saints.—Vous ne leur reprochez pas ce qu'ils ont faits parcequ'il est bien certain que Dieu agissait en eux [illegible] eux. Il est vrai que je ne puis vous prouver par la sainteté de ma vie que Dieu m'appelle à son service; je ne suis pas un saint! Mais si vous ne me croyez pas [illegible], croyez de tout votre coeur que la voix de Dieu aura été seule capable de me tirer de l'indolence et de langueur où je végétais et qu'elle seule [illegible] me donner les forces nécessaires pour vaincre la faiblesse de la nature. On gagne toujours à suivre la sagesse divine; aussi l'action que je viens de faire, bien loin de diminuer mon amour et mon respect pour vous, pour la patrie, pour mes concitoyens, et l'intérêt extrême que j'attache à tout ce qui peut être utile à [illegible] chère Russie, n'a servi au contraire qu'à donner à ces sentimens d'amour [illegible] d'élévation, plus de force, plus de pureté.

Mon bien cher Papa, chère et bonne Maman! Je me mets à genoux devant vous, en vous suppliant de me pardonner tous les chagrins que j'ai pu vous causer dans le passé par les défauts et l'inegalité de mon caractere. Je vous supplie en même de ne pas me refuser le bonheur de votre bénédiction pour l'avenir; mais si vous ne pouvez encore m'accorder ma prière du fond du coeur, que du moins votre ressentiment ne s'élève et ne se maintienne pas en vous avant d'avoir invoqué le secours de Notre Seigneur Jesus-Christ qui veut que chacun se sauve par des moyens que la sagesse divine connait seule et dont elle seule dispose.

Je menais près de vous, mes chers parens, une douce et tranquille vie; rien ne me manquait pour être heureux ou du moins pour ne pas être malheureux! Mais la jouissance apathique de la vie ne pouvait me satisfaire. J'avais toujours dans le coeur un desir immense d'être tout à Dieu et je ne pouvais le satisfaire en restant dans le monde, car on y trouve trop de choses qui detournent du ciel et qui en vous appesentissant vous ramènent vers la terre. Ainsi je n'étais ni à Dieu, ni au monde. Je n'etais pas heureux, quoiqu'etant près de vous. Je puis même dire que j'etais bien malheureux, car je faisais le mal que je ne voulais pas et je ne faisais pas le bien que je voulais. Maintenant quelle différence, o mon Dieu! La journée entière est consacrée au Seigneur: tout ce que l'on fait, chaque action est une prière. C'est dans ce calme et dans cette paix profonde dont jouit l'âme qu'elle trouve cette force, cette vigueur et cette énergie dont elle aura besoin plus tard pour le salut des âmes qui lui seront confiées. Mon âme fait ici son éducation religieuse. C'est ici que commence pour elle cette voie étroite qu'elle a enfin trouvée après de longs détours.—Je vois, je sents, je sais que ce n'est pas ma volonté propre qui m'a amené et fixé ici. On ne se donne pas d'une manière factice cette tranquillité et cette paix de la conscience que connaissent si bien ceux qui font la volonté de Dieu et non pas la leur. Si donc vous desirez mon bonheur (et qui pourrait en douter) veuillez le aux conditions que Dieu y a attachées. Oui, mes chers parens, j'espère, j'espère qu'un jour viendra où vous bénirez cette douloureuse séparation et où vous reconnaitrez, si Dieu ne vous le fait pas connaitre maintenant, que la souffrance qu'il vous envoye n'est pas une marque de sa colère, mais au contraire, un signe certain de sa miséricorde et de sa bonté envers notre famille.

Adieu, chers et bien aimés parens, à Dieu, à Jésus, toujours et partout, soit sur cette terre, soit dans l'éternité.

Votre fils qui vous aime bien profondément et bien tendrement dans le Seigneur.

О том, как известие это воспринято было семьей, есть свидетельство П. А. Плетнева, писавшего Я. К. Гроту 11. VIII. 1852 г. (Переписка, III, 601): „Сын Балабиных, Евгений, отправившись летом за-границу лечиться, на век покинул отечество, перешед в католическое монашество ордена Иезуитов, и теперь, вероятно, уже далеко странствует, как миссионер, о чем 14 лет он мечтал втайне. Только три дня назад решились сообщить об этом отцу. П. П. рыдал ужасно, и это продолжалось все три дня. Я не имею духа видется с ним, хотя знаю, что не должно и намекать на это событие. Конечно мудрено судить о делах совести другого, а о том, что ложь и что истина перед Богом—еще мудренее произнести; но, кажется мне, мог бы сын пощадить 70-летнего старика и дождаться его близкой кончины. Мать и сестра (Marie) приняли это с твердостью и не осудили (как выражаются в подобных случаях) призвания".

В поисках выхода из создавшегося положения старик Балабин избрал тот путь, который для людей его времени и склада представлялся наиболее прямым и естественным: он

счел своим долгом сам довести о происшедшем до сведения Государя через посредство графа Алексея Федоровича Орлова и написал последнему 12-го августа 1852 г. нижеследующее письмо:

Ваше Сіятельство, Милостивый Государь

Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ.

Неожиданное несчастіе постигло семейство мое, [illegible] наши горестью и уныніемъ!

Сынъ мой Евгеній, Коллежскій Совѣтникъ, Двора Е. И. В. Камеръ-Юнкеръ, служившій въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, получилъ въ Маѣ мѣсяцѣ отпускъ за границу на 4 мѣсяца для излеченія болѣзни. [illegible] двухъ мѣсяцевъ не давалъ о себѣ, къ удивленію нашему, никакого извѣстія.

Наконецъ получили мы отъ него письмо, которое поразило меня и [illegible] до крайности!... Я не въ силахъ болѣе ничего сказать, — вотъ это письмо, которое все объясняетъ.

Благоволите, Ваше Сіятельство, письмо сіе довести до свѣдѣнія Государя Императора и повергнувъ меня къ стопамъ Его Величества, просить [illegible] Всемилостивѣйше повелѣно было уволить его отъ службы, такъ какъ несчастный сынъ мой считается въ отпуску, а не въ отставкѣ, и тѣмъ избавить [illegible] строгаго послѣдствія, котораго онъ, за столь противузаконный по службѣ поступокъ, въ полнѣ заслуживаетъ.

Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть В. С. М. Г. покорнѣйшій слуга

Петръ Балабинъ.

На этом письме, имеющем помету 20. VIII (время поступления его в канцелярию III отделения), рукою графа А. Ѳ. Орлова написано карандашом:

„Жаль очень старика, по письму сына Ваше Величество изволите увидѣть, что онъ перешелъ въ католическое исповѣданіе и сдѣлался Іезуитомъ.“ Ниже рукою Государя резолюция: „*Это не возможно: поступить съ нимъ по всей строгости законовъ*“.

Об исполнении высочайшего повеления безотлагательно было сообщено на имя вр. управляющего м-вом внутр. дел М. И. Лекса (21. VIII. 1852, № 3168), который от себя уже сообщил в м-во народн. просв., последствием чего было *исключение* Балабина из службы (выс. приказ 18. IX. 1852), и С.-Петербургскому военному генерал-губернатору, который 5. IX. 1852 дал соответствующее предложение губернскому правлению.

Однако семья Балабиных, повидимому, не ожидала столь строгого решения со стороны Государя и сделала попытку по крайней мере к отсрочке на некоторое время угрожавших ей неприятностей. В деле III отделения имеется письмо Е. Ф. Балабиной к графу Орлову от 7. IX. 1852 г.:

Monsieur le Comte, Dans l'impossibilité où se trouve mon mari de prendre la plume en main au milieu des douloureuses circonstances où il se trouve, c'est moi qu'il charge de vous soumettre ce qui suit.

Depuis la lettre que mon mari dans sa loyauté de fidèle sujet s'empressa de faire parvenir à Sa Majesté par votre entremise, nous n'avions plus reçu de nouvelles de mon fils Eugène; mais ma fille vient de recevoir à l'instant deux lettres dont le contenu nous semble si étrange que nous voyons avec effroi qu'il se pourrait que sa tête fut dérangée. Le Département des affaires étrangères ne pourrait-il pas recevoir l'ordre de prendre des informations sur son état?—L'acte dont mon fils s'est rendu coupable, nous paraissait si extraordinaire que nous ne pouvions pas ne pas l'attribuer à un jugement égaré.—En attendant, ne serait-il pas possible, Monsieur le Comte, d'arrêter toute procédure contre lui jusqu'à de plus amples informations?

Veuillez recevoir, Monsieur le Comte, le témoignage de ma haute considération.

St. Pétersbourg, 7 Septembre 1852. Barbe Balabine.

L'adresse de mon fils Eugène.—A Vals près le Puy. Haute Loire. France.

Последствием этого обращения было сношение с М-вом иностранных дел. Поверенный в делах в Париже князь Куракин ответил М-ву (16. X. 1852, № 234), что „так как по случаю его отступления г. Балабин прекратил всякое сношение с Императорским Посольством и перешел во французское подданство, то не предстоит возможности подвергнуть его свидетельствованию докторов, без чего нельзя удостовериться в положении умственных его способностей. А потому я обратился с запросом по сему предмету к священнику посольской церкви, который имел случай видеться с г. Балабиным и лично с ним беседовать“. При этом кн. Куракин препроводил подлинный отзыв о. Васильева, который и имеется в деле III Отделения.

На запросъ Россійско-Императорскаго Посольства отъ 10/22 октября 1852 года о нравственномъ состояніи отступившаго отъ православія въ латинскую вѣру Евгенія Балабина честь имѣю отвѣчать слѣдующее:

Я не зналъ и никогда не видалъ отступника Евгенія Балабина. [illegible] Августѣ мѣсяцѣ настоящаго года я узналъ по слухамъ объ его отступленіи отъ православія въ южной Франціи в г. Вальсъ (à Vals, près le Puy. Haute Loire). Въ началѣ Сентября Балабинъ прибылъ въ Парижъ, и я не преминулъ сдѣлать, по моему долгу, визитъ и вразумить заблуждшаго. Но онъ не захотѣлъ меня допустить къ себѣ (rue Duphot, Hôtel Duphot), только послѣ шести моихъ напрасныхъ посѣщеній его квартиры и четырехъ писемъ, онъ согласился на свиданіе со мною. Я нашелъ въ Евгеніи Балабинѣ человѣка [illegible] съ обнаженною переднею частью головы, съ мрачнымъ и болѣзненнымъ лицомъ, со впалыми глазами, съ довольно странными судорожными движеніями головы и лица. Онъ принялъ меня съ торопливою и безпокойною вѣжливостью, и началъ разговоръ расспросами объ удобствахъ моей жизни въ Парижѣ. Я, безъ околичностей, объявилъ ему цѣль моего посѣщенія. На мой вопросъ: что заставило его (Балабина) отступить отъ православія, и какимъ путемъ дошелъ онъ до этой несчастной перемѣны?—Балабинъ не могъ отвѣчать ничего опредѣленнаго и яснаго; видно было, что онъ самъ себѣ не отдаетъ отчета [illegible] своемъ поступкѣ. Въ числѣ неясныхъ возраженій я замѣтилъ, что Балабинъ искалъ единства и вселенства (unité, catholicité) церкви. [illegible] Имѣя Библію въ рукахъ я объяснилъ ему, что показанныя свойства церкви [illegible] единственно существуютъ въ церкви каѳолической [illegible]. „Ужели вы хотите обратить меня снова въ вашу церковь?“ спросилъ меня Балабинъ. Я отвѣчалъ, что за тѣмъ я и пришелъ, и надѣюсь Божіею помощью успѣть въ этомъ, если не встрѣчу упорства съ его стороны. „Это уже поздно, и притомъ я не богословъ, чтобы говорить съ вами“ отвѣчалъ Балабинъ. Какъ вы не богословъ, сказалъ я, и Вы рѣшились [illegible]

[illegible] Балабинъ [illegible] Священникъ Іосифъ Васильевъ [illegible].

Священникъ Іосифъ Васильевъ.

Церкви Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла при Россійско-Императорскомъ Посольствѣ.

15/27 октября 1852 г.
Парижъ.

Честь имѣю [illegible] сему, что я донесъ объ отступленіи Евгенія Балабина [illegible] рапортомъ г. оберъ-Прокурору Св. Синода графу Протасову съ приложеніемъ къ сему дѣлу двухъ писемъ, полученныхъ мною отъ Балабина.

Упоминаемый в P. S. рапорт о. Васильева обер-прокурору Синода от 16/28. IX. 1852 г. напечатан Л. К. Бродским в 1915 г., вместе с двумя письмами самого Балабина[1]. Не приводя этих писем, отмечу лишь, что Балабин сперва уклонялся от встречи с о. Васильевым, избегая огласки своего перехода в католичество, в предположении, что ему возможно будет вернуться на зиму в Петербург, но получив известие, что правительству все известно, он согласился на предложенное о. Васильевым свидание.

Тем временем судебное дело Балабина шло своим порядком. По предписанию губернского правления (30. IX. 1852) Тверской уголовный суд рассмотрел его 17. X., через уголовную палату оно прошло 5. XI, заслушано в 5 департаменте Прав. Сената 11. XII 1852 г. и поступило 19. X 1853 г. для высочайшей конфирмации в Государственный Совет. Высочайше утвержденным 2. XII. 1853 г. мнением Государственный Совет, признав Балабина виновным в отпадении от православия принятием римско-католического исповедания и поступлением в монашество иезуитского ордена и в переходе в подданство Франции и приняв во вниманіе умысел и обдуманность в нарушении верноподданнического долга и присяги, не взирая на сделанные ему священником посольской церкви в Париже увещания и вразумления о его заблуждении, положил, на основании 354 и 135 (п. 2) ст. Улож., подвергнуть его, согласно с заключением Сената, лишению всех прав состояния и вечному из пределов государства изгнанию, или, в случае самовольного возвращения в Россию, ссылке в Сибирь на поселение[2].

Какова была дальнейшая судьба Балабина, нашел ли он удовлетворение в своих стремлениях посвятить Богу остаток

1) Парижская переписка протоиерея Іосифа Васильевича Васильева с обер-прокурорами Св. Синода и другими лицами с 1846 по 1867 гг. 1915, с. 135—140.
2) [illegible] уголов. [illegible] 1853 г., № 139.

дит и свои силы душевные и телесные—мне неизвестно. Имеются лишь указания, что в 1863 г. Плетнев виделся с ним в Париже (Переписка, III, 675); что в 1880 г., как то видно из письма князя Н. А. Орлова на имя гр. М. Т. Лорис-Меликова, от 31. I. 1881 г., № 66, согласно распоряжению последнего от . XI. 1880 за № 1248, иезуиту Балабину был выдан из нашего посольства в Париже паспорт на пребывание за-границей не без права возвращения в Россию [1]), чем опровергается вкравшееся даже в приговор указание о переходе Балабина одновременно с переменою вероисповедания во французское подданство, и, наконец, как то пишет Ernest Daudet в своем предисловии к изданному им дневнику В. П. Балабина, что Е. П. Балабин, „блиставший своими добродетелями и преданностью церкви", скончался в Каире 30. I. 1895 г.

А. А. Сиверс.

Русско-германские отношения и отставка Бисмарка.

Катастрофа двух соседних монархий, сделавших все от них зависевшее, чтобы погубить друг друга, но не воспользовавшихся плодами своих усилий, хотя эта их цель и была достигнута, — таков объективно констатируемый результат всемирной войны, поскольку дело касается России и Германии. Результат этот настолько парадоксален, что в Германии постоянно ставится в разных формах и по разным поводам один и тот же вопрос: когда был потерян „правильный курс"? Где и когда наметилась та трещина, которая в конце концов превратилась в пропасть?

Что в отношении к России Вильгельмом II, Каприви, Бюловым, Бетманом-Гольвегом допущены были роковые, нелепые, непоправимые ошибки, в этом, можно сказать, уже никто не сомневается. Даже Дитрих Шефер, Эгельгааф и другие современные германские псевдо-историки, уже принявшиеся деятельно за фальсификацию истории всемирной войны, даже и эти баснописцы все больше топчутся возле вопроса о русской мобилизации, сделавшей якобы неизбежным пред'явление германского ультиматума 19 июля 1914 года, и избегают останавливаться на предшествующей истории русско-германских отношений.

Уже с начала девятидесятых годов, вскоре после отставки Бисмарка, чрез дружественную старому канцлеру прессу, были

[1]) АМИД, дело 1-й эксп. 1882 г., № 346.

сделаны разоблачения о том, что именно Вильгельм II не пожелал в 1890 году возобновления существовавшего с 1887 года так называемого договора о взаимном страховании или перестраховке (Rückversicherungsvertrag). Договор этот был заключен Бисмарком с русским правительством 18 июня 1887 года и содержание его сводилось к тому, что в случае нападения на Германию со стороны любой третьей державы Россия обязывалась хранить нейтралитет; в случае нападения на Россию, соблюдать нейтралитет обязывалась Германия. Этот договор притуплял острие союза Германии с Австрией, направленное первоначально против России, и ослаблял опасность для Германии со стороны франко-русского соглашения, еще не существовавшего, но уже намечавшегося.

Вышедший в 1922 году, давно и с нетерпением ожидавшийся третий том Бисмарковских „Gedanken und Erinnerungen" дает пояснения и дополнения к истории этого рокового для обоих стран момента, когда „договор о взаимном страховании" прекратил свое действие.

Известны мысли Бисмарка о русско-германских отношениях. Редко в чем он оставался всю свою долгую жизнь до такой степени неизменно на одних и тех-же позициях. Германия насыщенное государство, ein saturierter Staat; воевать ей больше не с кем и не зачем, в особенности—ей ничего не нужно от России: по географическому ее положению ей вечно грозит „кошмар коалиций", вроде той, от которой чуть было не погиб Фридрих Великий. Вывод: за невозможностью помириться прочно с Францией, которая не желает ни за что смотреть на потерю Эльзас-Лотарингии, как на нечто окончательное, остается изо всех сил стараться хранить, лелеять и оберегать добрососедские отношения с Россией. Ни одна из целей, которые ставит себе русская политика, не может и не должна вызывать враждебного отношения со стороны германской дипломатии. Желает Россия Константинополя? Пусть берет его, она там натолкнется на Англию, а обострение англо-русской вражды надолго обеспечит Германию. „Восточный вопрос не стоит костей одного померанского гренадера". „Я никогда не читаю константинопольской почты". Жизненный интерес Германии в том, чтобы не допустить политического воскресения Польши, так как это событие механически низвело бы Германию в ряды второстепенных держав, раздробивши и изуродовавши прусскую территорию. А Польша только тогда прочно находится в державном обладании Германии и России, пока обе империи соблюдают мир. Вся политика Бисмарка в период после образования тройственного союза, как противовеса против Франции и России, заключалась в

год, чтобы убедить Россию в исключительно оборонительных тенденциях этой дипломатической комбинации. Когда в 1887 году император Александр III согласился пойти на „договор о взаимном страховании“ или „о перестраховке“, предложенный Бисмарком, то старый канцлер мог считать свою цель вполне достигнутою: отныне Австрия лишена была возможности втянуть Германию в какую бы то ни было агрессивную политику, направленную против России, а Франция не могла сделать Россию орудием в борьбе за обратное завоевание Эльзас-Лотарингии.

В 1888 году совершилось роковое для Германии событие: на престол вступил Вильгельм II. Отношения между Вильгельмом и Александром III как-то не устраивались. Подозрительный, осторожный и пасмурный государь не любил юркого, словоохотливого, лживого в самой основе своей натуры Вильгельма. То Вильгельм (еще принцем) на русских маневрах выхватывает у казака шинель Александра III и пред всей изумленной свитой подает ее государю (о чем так хорошо рассказал гр. Витте), то (уже императором) напрашивается на визиты и предается неуместному фамильярничанью, то хочет пленить преувеличенною любезностью и почтительностью; и все это в простодушном убеждении, что именно такими „маленькими средствами“ и достигаются будто-бы большие результаты. „Занимай Вильгельма после обеда,—ты: я его могу переносить только до обеда“, так по придворным сказаниям заявил Александр III великому князю Владимиру Александровичу во время одного из визитов германского императора в Россию. Сам же Вильгельм был убежден, что произвел на царя чарующее впечатление. Бисмарк уже давно с беспокойством следил за всеми этими русскими похождениями Вильгельма. Первые трения начались на этой почве еще в бытность Вильгельма принцем, при жизни его деда (императора) и отца (кронпринца Фридриха). Александр III должен был в ноябре 1887 года проследовать из Копенгагена в Берлин (на пути в Россию). Вильгельм—ни с того, ни с сего—поехал навстречу ночью,—и среди ночи попал на императорский поезд. Но Александр III спал и, конечно, никто будить его не отважился. Так они и прибыли в Берлин и ни разу даже не поговорили. Да и вообще на этот раз царь был холоден. Быстро обижавшийся Вильгельм сейчас же нашел сочувствие в части военных кругов, где стали рассуждать о войне с Россией. Генерал-квартирмейстер граф Вальдерзее начал такие в этом смысле переговоры с австрийским послом, что в конце концов все это дошло до сведения царя, и Александр III вскоре спросил в упор германского посла при русском дворе фон-Швейница: „зачем вы возбуждаете против меня Австрию?“ И все это дела-

лось почти одновременно с преувеличенно-резкими *(в присутствии царя)* выходками против Англии, что казалось Вильгельму надежным средством вкрасться в доверие к Александру III. Немудрено, что и без того подозрительный царь перестал верить Вильгельму еще до вступления последнего на престол. За месяц до воцарения Вильгельм написал Бисмарку письмо (10 мая 1888 года), в котором не скрывал, что считает Австрию „наилучшим союзником“, и рассуждал о возможности войны на два фронта. Враждебность к России сквозит тут из каждой строки. Таковы были его идеи и настроения к началу царствования.

Начались назойливые и ненужные визиты Вильгельма в Петергоф. Известия о производимом Вильгельмом впечатлении на царя были настолько неутешительны, —пишет Бисмарк,—что они стали его довольно серьезно беспокоить. Канцлер даже сначала думал, не нарочно ли тут многое преувеличивается чьими-то усилиями, чтобы поссорить дворы. Попытки Бисмарка отговорить Вильгельма от повторения в 1889 года визита Александру III остались безуспешными и возбудили длительное неудовольствие со стороны германского императора против канцлера. „Я позволил себе усомниться, приятно ли будет это (продолжительный визит Вильгельма) императору Александру; он любит покой, уединение, жизнь с женою и детьми. Спала — слишком маленький охотничий замок, не приспособленный для приемов посетителей. Я думал также, что высокие господа будут вынуждены слишком тесно общаться при этом, и что при завязывающихся в течение столь долгого времени разговорах может возникнуть опасность, что будут затронуты щекотливые пункты“. Словом, зная свойства Вильгельма, Бисмарк решительно боялся этих ненужных, частых и долгих tète-à-tete с недоверчивым и скрытным царем. Ничто не помогло. Визит состоялся,—и непосредственно за этим визитом усилилось личное охлаждение между двумя монархами. Вильгельм как-то действовал на нервы Александра III.

Такова была почва, на которой разыгрались события, хронологически и, отчасти, причинно тесно связанные с историей отставки Бисмарка.

Русский вопрос, единственно нас тут интересующий, явился лишь составною частью, ингредиентом в ряду других разнохарактерных причин, сделавших отставку Бисмарка сначала возможною, а потом неизбежною. Вот что́ в этом отношении узнаем мы из III тома.

Враждебное настроение императора против России, выразившееся особенно ясно в 1889 году, как в упреках Бисмарку по поводу его слишком „руссофильской“ политики, так и в

решительной личной агитации императора против помещения русского займа на берлинской бирже, обострилось в начале 1890 года. В руки императора попали донесения германского консула из Киева о передвижении вблизи границы некоторых военских частей. 17 марта 1890 года, когда уже Вильгельмом был сделан ряд шагов к удалению Бисмарка, император написал канцлеру следующее: „Донесения самым ясным образом указывают, что русские находятся в полном стратегическом развертывании, чтобы приступить к войне. И я должен очень пожалеть, что я так мало был осведомлен о донесениях. Вы могли бы уже давно предупредить о грозящей страшной опасности. Теперь самый крайний срок, чтобы предупредить австрийцев и принять меры. При таких обстоятельствах, конечно, нельзя и думать о моей поездке в Красное. Донесения превосходны".

Речь шла, поясняет Бисмарк, о донесениях, полученных *за несколько месяцев*, и говоривших о передвижении нескольких казачьих сотен! Верить в „страшную опасность" Вильгельм, конечно, не мог, и не верил, и твердо знал, что Александр III вовсе не собирается воевать. Но всегда в Вильгельме II живший комедиант и лжец счел на сей раз удобным и нужным прикинуться „страшно" встревоженным русской опасностью и обиженным, что Бисмарк его держит в неведении относительно столь грозных происшествий на границе.

Записка Вильгельма была последнею каплею, переполнившею чашу. В тот же день, 17 марта, Бисмарк созвал совет министров, где и заявил, что уходит в отставку. Протокол заседания напечатан в этом же III томе. Отмечая неосновательность содержания и обидный тон записки императора о донесениях киевского консула, Бисмарк на этом заседании высказал и общий свой взгляд на политические отношения. Этот взгляд формулируется так: хотя канцлер и верит в тройственный союз, но может наступить время, когда этот союз откажется служить. В Италии непрочна монархия, а кроме того между Италией и Австрией существует причина трений—ирредента. Что касается Австрии, то ручаться за верность Венгрии союзу тоже не при всех условиях возможно. „Поэтому он (канцлер) всегда стремился не разрушать моста между нами и Россией, и думает что настолько укрепил русского императора в миролюбивых его намерениях, что едва-ли еще можно опасаться войны с Россией, при которой ничего нельзя выиграть даже в случае победоносного исхода. В самом крайнем случае Россия выступила бы против нас, если бы мы в победоносной войне против Франции захотели бы добиться от Франции отторжения областей. Россия нуждается в великодержавном существовании Франции, га-

столько же, как мы — в великодержавном существовании Австрии". Отставка Бисмарка как раз совпала с моментом, когда нужно было возобновить на новый срок договор о перестраховке. Бисмарк ушел, и дело пошло прахом.

„Я должен был смотреть как на прихоть случая, история же может быть назовет это гибельным, что в дообеденное время того же дня (17 марта 1890 года) прибывший ночью из Петербурга посол граф Павел Шувалов явился ко мне с известием, что он уполномочен вступить в известные переговоры (о продлении истекающего в июне 1890 года договора, гарантировавшего нам нейтралитет России в случае нападения Франции на нас); эти переговоры прервались, когда я перестал быть канцлером". Недоброжелательная по отношению к России политика Вильгельма восторжествовала, — и Александр III поспешил сделать то, без чего обойтись казалось уже небезопасным: он заключил союз с Францией, как только убедился, что договор 1887 года не будет продолжен. Вся дальнейшая дипломатическая эволюция, приведшая к катастрофе 1914 года, зародилась в те мартовские дни, когда граф Шувалов должен был отказаться от надежды на продление договора, автор которого как раз тогда удалялся против своей воли в отставку.

Исполнились судьбы и сроки. Один из сподвижников Вильгельма, адмирал фон-Тирпиц, недавно выразился так: англичане теперь владеют св. Софией потому, что немцы и русские оказались одинаково глупы [1]. Эта формулировка слишком лаконична и слишком основана на преувеличенной вере в „роль личности". Во всяком случае, Бисмарк из гроба подает теперь свой голос и требует, чтобы его отставка была понята во всем ее значении.

Совершилось непоправимое. По условиям географии и природы Германии стать на ноги будет очень трудно. Дело Бисмарка разбито вдребезги и растоптано. Для нас — эти посмертные признания канцлера любопытный источник по истории русско-германской политики в царствование Александра III. Для немцев третий том Бисмарковских воспоминаний — сплошной пророческий крик Кассандры с грозящей гибелью, предостерегающий зов, в свое время не услышанный, а теперь тщетный и уже ничего не могущий спасти.

Е. Тарле.

[1] Tirpitz. Über unsere aussenpolitische Neuorientierung. [illegible], 8 August 19[illegible].—Bismarck selbst hat in seinem Rückversicherungsvertrag das Schicksal Konstantinopels als eine für Deutschland nicht vitale Angelegenheit bezeichnet, für die es nicht wert wäre die Knochen eines pommerschen Grenadiers zu opfern... Jetzt sitzt England auf der Hagia Sophia, weil Deutsche und Russen gleich dumm waren.

Витте и концессия на р. Ялу [1]).

Документальный комментарий к „Воспоминаниям" гр. С. Ю. Витте.)

1.

„Недавно вышедший в Берлине первый том „Воспоминаний" гр. С. Ю. Витте (1894—1905 г. г.) заключает в себе чрезвычайно ценный материал для уяснения политической роли Николая II, его личных свойств и приемов. Обычный путь и наличный административный механизм не всегда удовлетворяли царя. Можно, даже, думать, что живой смысл неограниченной самодержавной власти царь видел в том, чтобы иметь свою личную политику или иметь что противопоставить политике своих министров. Однако, за отсутствием ясной и творческой программы и смелости и непрерывности воли, эта склонность его проявлялась, по преимуществу, в обособленных поступках, однократных вылазках, иной раз остававшихся без продолжения, зато всегда почти застигавших очередного министра врасплох. Витте добросовестно признает, что в области финансовой политики царь всецело ему доверял и во всем его поддерживал. Иное дело — внешняя политика. Роковые ее неудачи, по убеждению Витте, целиком коренились в указанном свойстве царя.

К моменту вступления на престол Николая II, в 1894 г., Витте уже перерос себя, как министра финансов; он уже—почти готовый глава кабинета. При том государственном строе, в условиях которого суждено было двигаться и действовать Витте, стихия политического деятеля, в нем бушевавшая, получала довольно случайное и плохо оформленное применение, а то и просто вырывалась наружу, принимая вид покушения на чужую компетенцию или давления на постороннюю волю. До 1905 г. Витте являлся среднему наблюдателю из публики то здесь, то там—всегда „украшая" место, какое в данный момент занимал, и оставляя яркий след в деле, за которое брался. „Большая умница", „блестящая голова", „крупный делец", „удивительный практик" — таковы были впечатления от раздробительного знакомства с Витте, только таким тогда и доступного. Но вот подошел 1905 г., и Витте, как глава первого „кабинета", стал, если можно так выразиться, достоянием гласности. Он так и не сту-

[1]) С некоторыми сокращениями было читано 12 июня 1922 г. в 1-ом заседании русской секции Исторического Института при Петроградском Университете, посвященном чествованию С. Ф. Платонова, почетного председателя секции, по поводу 40-летия со дня окончания им Петр. Университета.

пил на парламентскую трибуну, и только избранные могли вплотную исследовать природу и меру его политической содержательности. Результатом явилось разочарование. У Витте не оказалось ни програмы, ни воли, ни понимания кон'юнктуры, ни теоретической подготовки. Под оболочкой бюрократической души найдены были политическая недодуманность и неискренность. Витте уходил со сцены в обычном вице-мундире, не выдержав „политического“ экзамена. Ему не могли не вернуть все перечисленные эпитеты, но и только. За ним продолжали признавать талант на *отдельные* большие поступки и даже крупные дела, громадные аналитические способности, при счастливом, но ограниченном синтезе. Подняться мыслью на такую высоту, чтобы охватить „единым взором“ весь политический горизонт и разглядеть дно политической действительности, построить цельную программу,—на это не хватало у него теоретического образования, мешали бюрократические шоры и привычная оглядка на „сферы“. Шаткость и неясность политической мысли, как будто, отнимала у него право на звание подлинного политического деятеля. Ходячим суждением о нем руководила антитеза практика и теоретика: он силен, как практик, но теоретик он слабый, крупнейший делец, недоучившийся до того, чтобы стать деятелем. Антитеза эта могла казаться бесплодной, суждение—не схватывающим существа предмета, но поставить на место той и другого что-нибудь иное не было материала. К удовлетворительному пониманию Витте не было ключа. Теперь в „Воспоминаниях“ можно найти их целую связку. В этом ворохе фотографических снимков Витте дает себя изучить с изумительной откровенностью, оставаясь незащищенным даже и подобием литературного прикрытия. Такой многократный и всегда недоосвещенный, теперь Витте предстает перед читателем цельным и законченным, совсем живым, весь тут, вросший в окружавшие его обстановку и среду. Множество фактических мелочей и мелочных замечаний, даже психологических мелочностей и житейских условностей придают этой книге исторически потребную бытовую насыщенность, настраивают читателя на исторический лад. Без этого трудно бы не перейти в спор с автором. Он все спорит, доказывает и опровергает, защищается и уличает, вовлекает в полемику.

Сын прежней старой барской правящей России, Витте вышел каким-то двоюродным и неуживчивым в своей собственной среде. Здоровая воля к жизни, напрягавшая до лихорадочности работу всех его богатых способностей и создавшая ему быструю и счастливую государственную карьеру, заставляла его пристально всматриваться в окружающее, вынуждала на концепцию общего

положения страны и политическую программу, согласную с этой концепцией. Приняв эту последнюю, нельзя было не принять программы, а приняв программу, надо было ее выполнить целиком, т. е. подчиниться его, Витте, воле. Поскольку отдельные пункты программы явно задевали интересы сегодняшнего и завтрашнего дня господствовавшей группы, а вся она создавала монопольное положение ее автору, Витте впадал в конфликт с своей социальной родней и сталкивался с конкуррирующей ревнивой и неустойчивой волей царя и неприспособленным аппаратом власти. Программа оставалась неосуществленной, а вокруг ее автора копилось раздражение и в счет ему записывались подозрения и обвинения в покусительстве на узурпацию и в революционных симпатиях. Наконец, в августе 1903 г. его, как он сам выразился, „прогнали“ и быстрым темпом пошли через войну к революции. В критическую минуту, когда война безнадежно была проиграна, у режима не оказалось никого, кто бы взялся ее ликвидировать,— и обратились к Витте. Он согласился. Переговоры в Портсмуте не пришли еще к удовлетворительному концу, а Витте уже манили перспективой поручения ему, с учреждением Думы, „общего руководства и объединения деятельности отдельных министерств“ и — в этом была вся суть — просили начать переговоры о заграничном займе[1]. Однако призвали его к этой руководящей роли не непосредственно по возвращении в Россию (16 сентября 1905 г.), а лишь месяц спустя, когда внутренний кризис достиг апогея и ждать дальше было абсолютно нельзя. 17-ое октября на весь мир запротоколировало Каноссу. Конечно, она никогда не могла быть ему забыта, и, как только покончено было с заключением займа (до Думы), с Витте расстались навсегда. Государственная карьера его закончилась.

В столкновении бюрократического самодержавия и либеральной общественности Витте призван был к роли как бы третейского судьи и примирителя. Он показал себя в этот момент „неверным“ человеком на обе стороны: 17-м октября и „конституцией“ изменил самодержавию, заключением займа — обществу. Ничьим он и ушел на свое кресло в Государственном Совете. В своих выступлениях там он не уставал в самых благоговейных выражениях взывать к памяти „незабвенного покойного моего государя Императора Александра III“. Александр III и конституция — это надо было придумать. Пуб[illegible]

[1]) Витте не упоминает об этой подробности в „Воспоминаниях“. [illegible] выраженных ему телеграфировал в Портсмут Коковцев 3 августа [illegible] Арх. Общ. Канц. М-ра Финансов, 2 отд. № 148, л. 10 и об.

и [illegible]ерам одинаково предоставлялось усматривать здесь или хитрый ораторский прием, или некоторую психологическую загадку. Первый был безусловно неудачен, так как о преданности самодержавию и престолу судили по делам, а не по словам, к тому же и слова заключали в своей безукоризненной форме обидное сопоставление отца и сына. Вторую нетрудно было раз'яснить политической недоразвитостью говорившего. В обоих случаях только подновлялся крест, поставленный на Витте его современниками. Имя Александра III для всех звучало каким то архаизмом: вспоминался прежде всего и только *политический режим*,—для одних „увы", для других „слава Богу"— отошедший в историю. У Витте же связывалось с этим именем нечто иное и меньше всего политический режим: та эпоха твердо признавала одну из основных, излюбленных идей политической программы Витте и создала прочную основу, без которой немыслимо было осуществление этой программы, немыслимо было существование исторически-данной России и ее, как он думал, мирное развитие. Как раз режим Витте считал отыгравшим свою роль: в высшей степени современной и своевременной и надолго еще руководящей и обязательной почитал он идею мира, восторжествовавшую во внешней политике Александра III. О Витте легко было думать, что у него нет „убеждений", что его холодная голова ни во что не верит (при непомерной вере в себя), циник без руководящей абсолютной ценности,—потому что при жизни так он и не ответил твердо, толково и с чувством: за „самодержавие" он или за „конституцию". Как видно теперь, к этому вопросу он относился без всякого увлечения и отводил ему довольно скромное, не боевое место в своей программе.

В центре его концепции исторического момента стояло политико-географическое понятие Всероссийской Империи, 35% населения которой принадлежит к не русскому племени, территория которой равняется „1/6 части земной суши". Он не понимает лозунга „Россия для русских", потому что не знает „России": он понимает, знает, признает, любит только Всероссийскую Империю. Ей он и служит. Это —„мужицкое государство", „громаднейшая часть населения которого с экономической точки зрения представляет не единицы, а полу и даже четверти единицы: почти половина—„не живет, а прозябает". От этой „машины" ежегодно требуется все бо́льшая работа, которую она не будет в состоянии выполнить. И перед Витте являлся вопрос: быть или не быть Всероссийской Империи, т. е. развиваться ей или обратиться вспять к разложению. Этот основной вопрос руководил его решениями и, когда было можно, поступками до последнего момента: отделаться от него он не мог, потому что ничего так

хорошо не помнил и ничем так часто не оперировал, как ци[illegible] Положительный ответ на этот вопрос только и был его [illegible]-том. В сопровождении блаженной уверенности, что так [illegible] всегда и будет, этот догмат покоился в сознании громадн[illegible]-шего большинства господствующего общества. Но в составе [illegible] только правительственной, но и правящей среды первой [illegible]-вины последнего царствования едва ли не единственный [illegible] корень вопроса видел в том, как сделать, чтобы так был[illegible] ясно сознавал трудность и уязвимость задачи. Средств [illegible] разрешения он искал в координированной программе внутр[illegible] и внешней политики, построенной на всесторонней евр[illegible]-ции России.

Крестьянская реформа ставилась им во главу угла. [illegible]-развитие „великой реформы“, с полным разрушением общин[illegible], уничтожением всякой опеки, индивидуализацией крестьян[illegible] собственности, введением мелкой земской единицы, свобод[illegible] передвижения и т. п. [1]). Отдавая себе, как он думал, [illegible] отчет, в каком состоянии находится землевладельческ[illegible]-рянство, „большинство“ которого представляет собою „[illegible]“ „прожившихся“ „политических дегенератов“ (Восп., 465), [illegible]-щих под разными предлогами „поддержки престола, т. [illegible] с трудом полученных с того же обедневшего крестьянст[illegible]“. Витте считал необходимым и ему предоставить свободу [illegible]-тать свою участь („Боже, сохрани Россию от престола, [illegible]-щегося не на весь народ, а на отдельные сословия“ — мысль [illegible] таким эффектом высказанная царю семь лет спустя Ключ[illegible] на Петергофском Совещании. Восп., 471). Лишь в промышлен[illegible]-ности он не применял этого принципа, возлагая на нее, [illegible] на железнодорожное строительство, между прочим, функци[illegible] оттягивания земледельческого населения от земельной [illegible] и привлекая сюда иностранный капитал [2]). Теоретически [illegible] легко представлял себе внутреннее развитие страны по об[illegible] западно-европейского капиталистического общества со [illegible] политическими признаками, ему присущими [3]). На [illegible]-нике же ему приходилось иметь дело с архаическим [illegible] [illegible] самодержавного, дворянско-бюрократического стро[illegible] [illegible]вшего исходного пункта его программы — освобо[illegible]

[1]) Горячее письмо Витте к Николаю II от октября 189[illegible] [illegible]тельности и неотложности реформы см. в „Воспоминаниях“, 467–47[illegible].

[2]) „Я отвлек от земли 4–5 мил. людей“, „этим я как бы увеличил [illegible]-ный фонд на 20–25 мил. десятин“. Восп., 452.

[3]) Ср. Шипов. „Воспоминания и Думы о пережитом“, М. [illegible] в „Делах и Днях“, кн. 3, стр. 220 сл. (беседа Витте с Д. Н. Ш[illegible] поводу записки „Самодержавие и Земство“ в 1902 г.). Ср. также Восп. 27[illegible]

детьми от дворянско-бюрократической и общинной опеки. Попытки воздействовать непосредственно на царя именно в этом смысле были мало удачны. А когда возымели некоторый успех (в случае председательствование в Особом Совещании о нуждах сельско-хозяйственной промышленности), то встретили препятствия в правящей среде, открывшей против Витте деятельную кампанию во главе с Плеве; кампанию, кончившуюся свержением Витте. Для решительного воздействия на царя ему необходима была организованная общественная опора. Но внутренняя противоречивость всей ситуации заключалась именно в том, что „висевшую в воздухе“, по выражению Витте, современную ему „земскую“ общественность он не мог почитать за верную опору. Весь господствующий класс в своем подавляющем большинстве представлялся ему враждебным центральному замыслу всего плана: подвести под всероссийскую империю „мужицкое“ основание на смену экономически „выродившемуся“ дворянству. Но и торжество этой политики представлялось Витте возможным лишь при условии наличности у царя сознания ее неотложной необходимости и упорной самодержавной воли провести ее в жизнь, не считаясь с сопротивлением среды. Такая „революция сверху“ для сына старой России имела неизмеримое преимущество перед революцией снизу. Эта последняя, поскольку была бы отвергнута первая, неминуемо обратилась бы против монархии и исторической частной собственности, совершенно разрушила бы финансы страны и привела бы к крушению империи. Тронуть монарха, как бы он ни был плох, значило для Витте развалить исторически на монархической основе сложившуюся Всероссийскую Империю[1]. Во имя ее защиты Витте стал жертвою обвинения, основанного на quaternio terminorum: злейший контр-революционер до последней запятой своей политической программы, он прослыл за злейшего революционера в среде, кровавую, бесповоротную гибель которой он думал предотвратить. Понимал или не понимал Николай II указанную основную мысль своего министра, он не выступил „революционером сверху“. Напротив, он во многом помог „выходу революции наружу“ снизу — своей внешней политикой.

Величайшую заслугу Александра III Витте усматривал в достижении такого международного положения для России, кото-

[1] В сп., 496—497: „Никто ближе не знает Николая II, как царя, никто лучше меня не знает его пороки и слабости, как государя, но тем не менее... спаси его Господь, если что-либо с ним случится“. „Ибо покуда Россия не найдет себе мирную пристань в мировой жизни, покуда все успокоится, она держится только тем, что Николай II есть неограниченный законный наш царь“.

рое обеспечивало ей мир, казалось, надолго. Колосс на глиняных ногах, как понимал Россию Витте, только при соблюдении крайней размеренности в движениях мог рассчитывать на дальнейшее существование. Внутренняя перестройка и экономическая поправка больного требовали полного покоя и даже помощи со стороны. Сооружение Сибирского ж.-д. пути, попавшее фактически в руки министра финансов еще при Александре III, органически связывало обе половины программы Витте и, как кажется, больше, чем что-либо иное, раздвигало политический горизонт, давало размах, углубляло понимание и в то же время конкретизировало у Витте представление Всероссийской Империи. Не только „новая“ („чуть ли не революционная“, Восп., 458) для той эпохи мысль о переселении и колонизации, вытекавшая из отказа от принудительного отчуждения помещичьих земель, но и решение международной проблемы России соединялось у него с Сибирской магистралью. Россия надолго как бы уходила с Ближнего Востока на Дальний для мирного хозяйственного труда и вступала в роль культурного посредника между Европой и Азией. Она отныне не угрожает европейскому миру и даже хотела бы утвердить его, притом не только в своих интересах, но и в интересах самой Европы. Ведь вооруженный мир едва ли способен удержать европейское равновесие; но если он и не разрешится войной в ближайшее время, он грозит надорвать силы народов Старого Света и ведет их неизбежно и неизменно к культурному упадку. Среди цветущего роста внеевропейских могущественных цивилизаций Старой Европе предлежит незавидная будущность второстепенной величины, а война и совсем выведет ее из счетов мировой политики [1]. В этой широкой постановке европейской проблемы Витте находил почву для такой международной комбинации, в которой роль России соответствовала бы и ее достоинству и ее насущным интересам и ее историческому, как не уставал он повторять, призванию. Речь шла об установлении великого континентального союза народов европейско-азиатского материка: Франции, Германии и России и России и Китая, в интересах внутреннего и внешнего их самосохранения. Это означало бы прежде всего освобождение соответствующих бюджетов от гнетущих расходов на сухопутную оборону, при незначительной лишь прибавке расходов по усилению обороны береговых линий. Витте не обольщал себя относительно легкой и быстрой осуществимости такой редакции континентальной системы, когда излагал ее Вильгельму II в

[1] Ср. беседу Витте с Вильгельмом II в 1897 г. Восп., 119.

1897 году [1]). По русскую внешнюю политику текущего дня он считал необходимым ясно и твердо вести к так поставленной цели. Проблема Дальнего Востока в ней становилась центральной проблемой. Громадный „политический риск“ (как любил выражаться Витте), заключенный в проблеме, требовал чрезвычайной осторожности в решениях, поверки их с помощью всей совокупности мыслей, складывавшихся в голове Витте на тему о приспособлении отсталой России к условиям современной ему мировой конъюнктуры. В те самые дни, когда Витте имел помянутый разговор с германским императором, царь присоединился к мысли о континентальном союзе и распорядился по горячим следам послать Вильгельму особый о том меморандум. Однако, тогда же намеченной комбинации был нанесен двойной удар — Вильгельмом и самим Николаем. Пришелся он по месту, казалось, наиболее обеспеченному от неожиданностей: по Дальнему Востоку, где осуществление замысла Витте было в полном ходу и только-что достигнут был крупнейший результат—союз с империей богдыхана.

2.

Когда Николай II вступал на престол, Витте настолько вложился уже в дело постройки сибирской дороги, что считал его своим делом и кругом себя не видел соперников в знакомстве с далекой окраиной и международной конъюнктурой, в которую суждено было войти там России. Именно в это время при министерстве финансов образуется своего рода департамент иностранных дел, развивающий свое особое представительство за-границей, в частности на Дальнем Востоке, и создающий Витте независимую осведомленность в этих делах.

На очереди стоял тогда вопрос о направлении ж. д. линии между Читою и Владивостоком. Можно было вести по русским берегом Шилки и Амура, делая большую дугу к северу от прямой, или же выпрямить ее направление, заручившись согласием Китая вести ее через северную Манчжурию. Второй вариант, сокращая протяжение дороги на 500 с лишним верст, представлял значительное преимущество еще и потому, что избавлял от больших затрат по выведению профиля ее на Амурском участке. Витте убежден, что не он создал условия, которые делали столкновение с Японией в близком будущем неизбежным, когда решал вопрос в пользу манчжурского направле-

[1]) В беседе с Вильгельмом Витте не касался союза с Китаем, а говорил лишь о Европе и России. Англия исключалась им из союза, как держава „заморская“.

ния и блестяще провел это дело в 1895—96 г. г. Хорошо известно, как ему оно удалось. По его настоянию Россия, совместно с Германией и Францией, выступила в защиту Китая, разбитого Японией в войне 1894—95 г. г. и соглашавшегося на территориальные уступки и уплату контрибуции. Названные державы заставили Японию отказаться от южной части Мукденской провинции с Ляодунским полуостровом, имевших перейти к Японии по п. *a* ст. II Симоносекского договора (1895), и Япония, таким образом, не приобретала ни пяди земли на территории собственно Китая, сохранив за собой лишь о. Формозу и Пескадорский архипелаг [1]). Одновременно Витте выступил с предложением займа Китаю для уплаты контрибуции и провел его в размере 400 милл. франков, разместив его преимущественно на французском рынке с гарантиею России [2]). В такой обстановке переговоры о проведении ж. д. по Китайской территории, до того безуспешно ведшиеся нашим посланником в Пекине, могли рассчитывать на благоприятный исход. Витте, естественно, принимал в них деятельнейшее участие и лично привел их к желанному концу, устроив и использовав приезд Ли-Хун-Чана на коронацию царя в Россию (1896) для заключения союзного договора о защите Китая от нападения со стороны Японии (Московский договор) и соглашения о концессии Русско-Китайскому Банку, незадолго до того учрежденному, на образование Общества Китайской Восточной ж. д. Наконец, он же сделал первый шаг к мирному завоеванию преобладающего влияния в Корее, проведя русского финансового агента в главные советники по финансовой части при корейском императоре и наладив организацию Русско-Корейского Банка [3]). По мысли Витте, неприкосновенность Китая и неприкосновенность Кореи должны были надолго сделаться лозунгами русской дипломатии на Дальнем Востоке и обеспечить русским политическим и экономическим интересам в этих странах длительный период спокойного развития в мирном соседстве двух слабых и дружественных государств. Япония, сгоравшая до окончания постройки великого сибирского пути встретить Россию на территории Китая и Кореи, при деятельнейшем уча-

[1]) Текст договора 17 апр. 1895 г. напечатан в офиц. изд. Мин. Ин. Д. «Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 г. г.». Спб. 1906.

[2]) Этим Япония устранялась от влияния на таможенное управление Китая, каковое предусматривалось ст. VIII Симоносекского договора в видах [illegible] уплаты контрибуции.

[3]) Он проектировал также корейский заем, имевший целью упрочить [illegible] корейского правительства. Русский финансовый советник (К. А. Алексеев), согласно инструкции, был бы негласным министром финансов Кореи. [illegible] по всему корейскому эпизоду см. в деле № 11 [illegible] Общ. Канц. Мин. Фин. В дальнейшем, цитируя «№ дел», разумеем этот фонд.

[illegible] Витте была сброшена с Ляодунского полуострова и [illegible] [illegible] на Корейском [1]. Неизбежное столкновение с [illegible] в более или менее отдаленном будущем произошло бы, [illegible] образом, в условиях, благоприятнее которых, [illegible], [illegible] было себе и представить.

Как известно, [illegible] высадка германского десанта в [illegible]-Чау, под предлогом требования удовлетворения за убий[illegible] германских миссионеров, в начале ноября 1897 г., а затем [illegible] в Порт-Артур русских судов, повлекшие за собою занятие [illegible] Ляодунского полуострова по договору 15 марта 1898 г., [illegible] всю постройку. То, что было до последнего времени [illegible] о подробностях происшествий конца 1897 г. по офи[illegible] опубликованным и неопубликованным — документам, [illegible] некоторую неясность. 3 ноября были получены в [illegible] первые известия о германской высадке. Китайские ми[illegible] тотчас обратились за помощью к русскому поверенному [illegible], который, оказывается, „[illegible]“ обещал правительству [illegible] помощь в случае насилия со стороны Германии [illegible] в этом смысле в министерство иностр. дел [illegible] поверенный „получил уведомление, что нашему [illegible] приказано [illegible] в Цзяо-Чау“, а уже [illegible] телеграмма об отмене этого распоряжения. 11 ноября [illegible] иностр. дел гр. Муравьев представил [illegible] записку [illegible] для России воспользоваться примером Герма[illegible] занятии под стоянку судов нашего флота бухты [illegible] на Ляодунском полуострове или какого-нибудь другого [illegible] порта. Из записки видно, что Цзяо-Чау был уже в 1895 г. предметом переговоров русского министерства с Китаем [illegible] нам было дано разрешение пользоваться этим закрытым [illegible] для продолжительных стоянок наших судов. В начале [illegible] Германия имела в виду воспользоваться этим портом в тех [illegible], но после объяснений германского [illegible] с [illegible] посланником гр. Кассини, [illegible] установившимися [illegible] [illegible], Германия решила искать [illegible] на побережье [illegible]. [illegible] Германия теперь, [illegible] нарушить [illegible] наши права или [illegible] мере, не предупредила о своем намерении. Гр. Му-

[1] [illegible] г. в Мо-[illegible] Импер[illegible] [illegible] [illegible] 159 [illegible] [illegible] документов.

[2] [illegible] миссионеров в [illegible]

равьев в своей записке едва скользнул по этому вопросу: „если Германия снова вернулась к первоначальной мысли" и т. д., то „вероятно" оттого, что мы „высказали полное равнодушие" к указанной бухте. „Как бы то ни было", заключает гр. Муравьев, совершившееся „не оставляет сомнений на счет целей, преследуемых Германией на этом побережьи; и в виду *сложившихся* обстоятельств, мы ныне находим неудобным командировать нашу эскадру в Цзяо-Чоу". Записка Муравьева с пометой — „вполнѣ справедливо", сделанной царем, была 14 ноября представлена на обсуждение совещания из министров военного, морского, финансов и ин. дел в присутствии Николая [1]. Витте резко возражал против захвата Россией части Китайской территории, что было бы прямым нарушением Московского договора и повело бы к разделу Китая, и предлагал воздействовать на Германию — вплоть до посылки эскадры в Цзяо-Чоу. Отвечая, гр. Муравьев опять туманно сослался на „*особые обстоятельства*", по которым мы в данное время не можем препятствовать Германии занять Цзяо-Чоу [2]. Возражения Витте на время отклонили царя от уже принятого было решения [3]. В конце ноября, однако, по докладу гр. Муравьева, что, если мы не займем Порт-Артур, то его займут англичане, русской эскадре был дан роковой приказ занять Порт-Артур [4]. — Отмеченные здесь подробности, равно как и несвойственная гр. Муравьеву настойчивость, наводили на подозрение, которое в „Воспоминаниях" Витте находит себе теперь полное освещение в рассказе о пребывании Вильгельма II в Петергофе летом 1897 г. Вильгельм не только предупредил, но прямо спросил царя, нужен ли России Цзяо-Чоу, и пояснил, что он желал бы занять этот порт, но не хочет этого сделать, не имея на то согласия царя. Передавая об этом разговоре вел. кн. Алексею Александровичу, Николай прибавил, что ему этот вопрос был неприятен, потому что Вильгельм — гость и он не мог категорически отказать гостю. Витте уверен, что Николай дал прямое согласие, тем более, что о „неосторожном согласии" царя сообщил ему после и Муравьев, а Вильгельм, в ответ на переданную ему через посла просьбу Витте удалиться из Цзяо-Чоу,

[1] Текст записки Муравьева в том же деле.

[2] Б. Глинский. „Пролог русско-японской войны". [illegible] стр. 41 [illegible] Николая в совещании [illegible].

[3] Пометка рукою Витте на экземпляре [illegible] записки в том же деле.

[4] В телеграмме, [illegible] о прибытии русских военных судов в Порт-Артур, было написано: „Слава Богу! Я нахожу желательным, [illegible] крейсера [illegible] Кузнецову. [illegible] событиям [illegible] телеграмм [illegible] в 3 [illegible] декабря 189[illegible] г. См. дело № 116.

сослался на то, что ему, Витте, повидимому неизвестны „некоторые весьма существенные обстоятельства" этого дела [1]). Рассказ Витте рядом с указанными подробностями ведет к заключению, что до 7 ноября царь руководился еще „неприятным" чувством, возникшим при разговоре с Вильгельмом, и под его влиянием дал еще до события инструкцию в Пекин обещать Китаю помощь в случае насилия со стороны Германии, а когда насилие совершилось, решил было выполнить обещание; но на другой день отказался от этого решения в виду данного в свое время Вильгельму „неосторожного" согласия. Через 3 дня ему был поднесен Муравьевым проект, обосновывавший привлекательные следствия этой неосторожности, и такой выход из положения показался ему „вполне справедливым". Еще через три дня он вынужден был признать обратное: несправедливость такого выхода, нарушающего заключенное в Московском договоре обязательство, — и вновь остаться при бесплодной „неосторожности" поступка, как ни были ему теперь в свою очередь „неприятны" возражения министра финансов (Восп., 121).

Занятие Ляодунского полуострова заново ставило проблему Д. Востока и чрезвычайно ее усложняло. Во-первых, нам приходилось покинуть Корею начисто, т. к. необходимо было избегать лишних осложнений и дать удовлетворение Японии, недавно изгнанной из Ляодуна во имя неприкосновенности Китая, которую мы же теперь и нарушили. Русский финансовый советник, столь успешно открывший свои действия в Сеуле осенью 1897 г., с декабря стал встречать все большие препятствия и в феврале 1898 г., получив отставку, был отозван еще до заключения нового русско-японского договора о полной независимости Кореи и признании за Японией преимущественных там экономических интересов (25 апреля 1898 г.) [2]). Во-вторых, пришлось спешно вести южно-манчжурскую ветвь Китайской Восточной ж. д. через Мукден на Порт-Артур, что ставило нас в крайне трудные отношения к Китаю. В густонаселенную, хлебородную провинцию ж. д. несла с собою стихийное бедствие в виде полосы отчуждения для массы мелких землевладельцев и в виде конкуренции с вековым гужевым промыслом, питавшим многочисленную, подвижную и влиятельную группу населения. Вместо двух друзей—Китая и Кореи—Россия разом восстановила против себя Китай, допустила на материк в ближайшее свое соседство Японию и прославилась своим „неслыханным" коварством. Таков был результат столкновения двух политик —

[1]) Восп., 110. 111, 123 и 124.

[2]) „Сборник и т. д.", с. 346 сл.

политики Витте и политики Николая. Последний имел тоже свои основания считать Д. Восток „своим“ делом. Еще в качестве наследника престола он был поставлен Александром III во главе Комитета по постройке Сибирской ж. д. и мог видеть здесь особую личную задачу своего царствования, завещанную ему к тому же его отцом. Здесь он, как умел, и искал проявить могущество империи и стяжать себе личную славу.

В течение последующих пяти лет (1898 — 1903) Николай шел на Д. Востоке на тормозах Витте. Однако эта роль сдерживающего начала возможна была для Витте лишь при сохранении действительного влияния на дела Д. Востока. Убедившись, что „захват“ Ляодуна непредотвратим, Витте принял участие в деле, чтобы провести его как можно безболезненнее. Он одобрил формулу, в которую облечен был этот захват: Россия утверждается в Порт-Артуре, дабы в духе Московского договора иметь возможность помочь Китаю в случае нападения третьей державы, и отнюдь не умаляет суверенных прав Китая на арендуемое пространство [1]. С точки зрения этой формулы необходимо было устранить всякую видимость военного принуждения в деле заключения конвенции об аренде Ляодуна. И Витте прибег к подкупу Ли-Хун-Чана и Чан-Ин-Хуана, как только те были назначены вести переговоры [2]). Насколько этот шаг Витте „спас“ тогда положение, видно по письму к нему гр. Муравьева (от 14 марта) с „сердечною благодарностью за драгоценное участие и содействие, без которых не возможно было бы довести до благоприятного результата столь трудное дело“ и по тому, что Николаю „даже не верилось“, когда Витте (раньше других)

[1]) Поверенному в делах в Пекине Павлову еще 23 декабря дана была инструкция напомнить китайским министрам, что „занятие портов состоялось по добровольному приглашению китайцев“. 10 января 1898 г. Витте просил агента м-ва фин. в Пекине „конфиденциально узнать, правда ли, что мы заняли П.-Артур по приглашению китайцев, *как здесь утверждают* (курсив наш. Б. Р.), или же это сделано вопреки желанию китайцев“. Агент ответил, что Павлов сам впервые узнал о предстоявшем занятии из телеграммы адмирала, китайцы никаких приглашений Павлову по этому предмету не делали. См. дело № 33.— Проект аренды сообщен был поверенному впервые 8 февраля 1898 г. и развит в телеграмме из Петербурга от 11 февраля. 12 числа в министерстве ин. дел был изготовлен текст сообщения китайскому правительтсву о нашем требовании со ссылкою на Московский договор. Текст этот был доставлен м-ру финансов на заключение, и Витте ответил, что „совершенно“ разделяет изложенные в нем мысли. В тот же день Витте телеграфировал агенту м-ва фин. в Пекине с приказанием „оказывать содействие“ поверенному в делах. Наконец, гр. Ламздорф, представляя названный проект царю, счел нужным отметить „вполне сочувственное“ отношение Витте. См. д. № 116 и № 18.

[2]) О подкупе было известно и до „Воспоминаний“ (цит. „Пролог русско-японской войны“, с. 56). Ново лишь сообщение о цифре—первому 500 т. руб., второму 250 т. руб. (Восп., 128).

сообщил ему о подписании соглашения [1]. Нет сомнения, что только уступив царю и облегчив осуществление его желания, Витте удалось удержать в своих руках экономическую политику на Д. Востоке и сохранить политическую фикцию дружбы с Китаем. Но фикция эта ничуть не ослабляла милитарной природы случившегося. Не гор. Дальний, за устройство которого деятельно принялся Витте, а П.-Артур стал центром дальнейших событий. Куропаткин (воен. министр с янв. 1898 г.) и военное ведомство неизбежно заняли первый план. Боксерское движение, карательная экспедиция к Пекину, военная оккупация и эвакуация Манчжурии—с лета 1900 г. сделали Д. Восток военной темой по преимуществу. От фикции дружбы почти не оставалось следа. Исходное логическое сказуемое в суждениях о Манчжурии определялось мыслью, что эта Китайская территория рано или поздно, но непременно будет принадлежать России - целиком или в части, как аннекс или вассальная „Бухара". Своевременно или несвоевременно осуществлять сейчас (1901 — 1902) эти „естественные" права на Манчжурию—вот язык этих лет. Витте, правда, не уставал говорить против агрессивных выступлений, но свести события с пути, на который они стали, ему не удавалось. Прежде всего для этого нужно было заставить царя поверить: во-первых, что его политика непременно вызовет войну, во-вторых, что Россия не выйдет из нее победительницей, в-третьих, что Россия и после событий 1898—1902 г.г. может на Д. Востоке вернуться на „питатское" положение, не рискуя сделанными приобретениями. Но Витте ни разу не рискнул прямо заговорить с царем о неминуемом военном поражении, а иногда даже отвергал возможность подобного предположения [2]). Между тем именно в этом пункте лежало решающее для всей аргументации обстоятельство. Выходило так, что Витте, наружно примирившись с П.-Артуром, продолжал относиться к захвату его, как к акту „ребяческому" и „преждевременному", и не желал признавать логики этого шага [3]). Предлагая в 1902 г. очистить Манчжурию от русских войск и предоставить Корею в монопольное обладание японцев, он явно ставил П.-Артур вместе с южно-манчжурской линией под удар Японии. Он думал, что России надо было дать 5—10 лет передышки в дальнейшем продвижении ее к Тихому океану, т. к. в настоящее время она истощена громадными

[1]) Д. № 18. Резолюция царя: „это такъ хорошо, что даже не вѣрится" - в Воен., 128.

[2]) Глинский, „Пролог и т. д." с. 243, письмо Витте мин. иностр. дел 28 ноября 1902 г.

[3]) Воен., 125; „Пролог", с. 119, записка Витте от 11 авг. 1900 г.

расходами последних лет. В противном случае неизбежны тяжелые „внутренние осложнения“, т. е. революция: война с Японией вызовет революцию „наружу“. Весь вопрос, таким образом, сводился к тому: какая политика предотвратит или отдалит неизбежную войну — политика немедленного и полного военного отступления из Манчжурии или политика частичного и замедленного отступления, комбинированного с рядом открытых (в П.-Артуре) и маскированных (в Корее и остальной Манчжурии) мероприятий в предупреждение войны. Когда вопрос ходом событий был поставлен так ясно, Николай разошелся с своими министрами (Витте, Ламздорфом и даже Куропаткиным) и открыто взял в свои руки практическое решение дальневосточной проблемы при помощи группы лиц, которых уже более 5 лет привык выслушивать на эту тему, но все откладывал допустить к делу, т. к. встречал дружное сопротивление министров, главным образом, со стороны Витте[1]. Эта группа находилась в непосредственной близости к престолу как раз в момент Порт-Артурской завязки великой манчжурской драмы (1898 г.). Самым суетливым, беспокойным и многоглаголивым заводчиком группы был А. М. Безобразов, по имени которого группа получила в просторечии название „Безобразов и К°“, а вся совокупность ею содеянного и ее приемов — наименование „Безобразовщины“. Компания для эксплоатации естественных богатств Корейского полуострова, с проектом которой выступили эти люди в момент официального ухода России из Кореи (1898 г.), должна была посредством своей экономической работы выполнять некоторую политическую „миссию“, присущую России на Д. Востоке. „Русское дело“ и „русские идеи“ — вот [illegible]

[1]) Обе указанные точки зрения получают лишний раз освещение в письмах, которыми обменялись гр. И. И. Воронцов-Дашков и Витте в связи с [illegible] Особого Совещания 7 мая 1903 г. (см. „Пролог“ с. 282 сл., дело № 1[illegible]). Ознакомившись с материалами, присланными ему Витте, Воронцов откровенно признался, что „дивится“ он двум вещам. Во-первых, как можно оставлять беззащитным П.-Артур, Дальний и ж. дорогу, столько затратив на оборудование. „Второе, чего я не постигаю, это двойственность нашей политики на Востокѣ: *Царская официальная и Царская же безотвѣтственная*, при чемъ каждая имѣетъ своихъ агентовъ, несомнѣнно ссорящихся. [illegible] *что все объединить и въ военномъ отношеніи быть [illegible] сильнымъ, чтобы японцы не мыслили о войнѣ*, а лишь о мирномъ съ нами соглашеніи“. В заключение Воронцов высказывался за необходимость использовать „англо-германскія тренія“ и войти в соглашение с немцами, „пользуясь явнымъ желаніи Вильгельма сойтись съ Россіей“. — Витте ответил, что Куропаткин считает наши силы „совершенно достаточными для обороны того, чѣмъ мы уже обладаемъ“, а он сам и мин. ин. дел „убѣждены въ томъ, что Японія никогда насъ не тронетъ, если мы не пожелаемъ дѣлать дальнѣйшіе захваты... Также нужно бросить мысль о захватѣ Кореи. Все тутъ“ — кончал Витте. Оба письма вшиты в дело № 120; они были сначала разорваны, но затем тщательно склеены прозрачной лентой.

..., которыми выступили патриоты-добровольцы, частные люди, „благонадежные“ и притом совсем „бескорыстные“, готовые работать под непосредственным руководством „своего царя“. Во всем замысле скрывалось недоверие к официальному руководителю экономической политики на Д. Востоке, министру финансов, сопротивление которого неизменно и разбивались проекты патриотов. Становилось ясно, что дело, пролагавшее окольную дорогу личной политике царя, при Витте обречено на неудачу. Сами совершенно не министериабельные, эти люди нуждались в министре, который взялся бы за их дело и помог оформить и узаконить их посягательство на Д. Восток. Они нашли такого в лице Плеве, который и свалил Витте, дав ход (1903) проекту выделения далекой окраины в особое наместничество, непосредственно подчиненное царю, при котором имел состоять Особый Комитет Д. Востока. Это — расцвет безобразовщины, хлынувшей в административный механизм. Затем война, скандал и отступление патриотов в частную жизнь [1]. Восстановить целиком эту темноватую страницу в „истории болезни“ того режима едва ли когда-нибудь будет возможно, по самой природе явления.

3.

Естественно, что Витте придавал громадное значение безобразовщине в возникновении русско-японской войны. Он и отвел ей, как и всему вопросу о войне, довольно много места в своих „Воспоминаниях“. Самым чувствительным для Витте обвинением было обвинение его в том, что он „изменник“, „революционер“, „вредный для России человек“ и т. п. Опровержением этого обвинения и занят больше всего автор Воспоминаний. Раз революция „вскрылась“ благодаря „безумной“ войне, то стоило Витте доказать, что он решительно боролся против политики, вызвавшей войну, — и обвинение, как будто, отпадало целиком само собою. Однако „Воспоминаниям“ Витте придавал значение лишь раз'яснений по этому предмету, доказательства же возлагал на документальное изложение его, подлежавшее опубликованию, отдельно от Воспоминаний. „Я это рассказываю“ — пи-

[1]) Когда началась война, Канцелярией Особого Комитета по делам Д. Востока, во главе которой стоял к.-адм. Абаза, издан был Сборник „документов по переговорам съ Японией 1903—1904 г.г.“ и „на правах рукописи“ распространен в высших кругах Петербурга. М-во Ин. Дел ответило на него очень резкой печатной „Запиской“, и затем были приняты меры к изъятию „Сборника“ из обращения. В деле № 144, содержащем переписку об этом „Сборнике“, экземпляра последнего не осталось, т. к. он тогда же был возвращен Абазе. На отпуске — помета Коковцева с сожалением, что не снята была копия. Благодаря вниманию С. Ф. Платонова удалось пополнить этот пробел и приобщить к делу предоставленный им экземпляр „Сборника“.

зал он о безобразовщине — „в самых общих и неполных чертах. Потомство, которое, м. б., прочтет настоящую мою стенографическую запись, когда меня не будет в живых, найдет по этому предмету в моем архиве самые обстоятельные, фактические подробные и вполне разработанные данные“ [1]. Вероятно, это та самая рукопись „о возникновении русско-японской войны“, о которой, как о совсем готовой, не раз упоминает автор. Заключительные строки собственноручных записок его, помеченные 1912 г., называют среди других оставляемых им рукописей и эту [2]. Какова судьба этой рукописи (как и всего архива Витте), ни редактор Воспоминаний, ни вдова автора, рассказавшая в предисловии судьбу их подлинника, не дают и намека. Весьма соблазнительна, однако, мысль, что рукопись эта не дождалась смерти Витте и напечатана по его инициативе еще в 1914 г. и переиздана, после его смерти (28 февр. 1915 г.), в 1916 г. Если же это не так, во всяком случае эти два издания представляют документальные и весьма подробные иллюстрации и доказательства к тем кратким сообщениям и мыслям, которые находим о Д. Востоке в „Воспоминаниях“ Витте. Разумеем здесь цитированный „Прологъ русско-японской войны. Матеріалы изъ архива гр. С. Ю. Витте, съ предисловіемъ и подъ редакціей Б. Б. Глинскаго. Петр. 1916“. Заглавие книги не точно передает ее построение. Она представляет собою обширную историческую справку о русской политике на Д. Востоке, начиная с первых проектов Сибирского пути и кончая разрывом дипломатических сношений России и Японии, составленную на основании документальных данных, или обстоятельно пересказанных или дословно цитированных (докладные записки, тексты договоров, протоколы совещаний, донесения с мест, переписка министров и т. п.) и расположенных в систематическом порядке. Происхождение всего этого документального материала, при ближайшем рассмотрении, не вызывает сомнений: он весь, за малыми исключениями, всегда в таком случае оговоренными, почерпнут из делопроизводства 3-го отд. Общей Канцелярии Министра Финансов. Сличение текста книги с подлинными документами этого делопроизводства, нами проделанное, совершенно точно устанавливает указанный факт и остается только неясным, составлялся ли текст справки в недрах канцелярии по подлинникам или вне ее по копиям, снятым для собственного архива Витте (ссылок в тексте, разумеется, нет

[1] Восп., 223.

[2] Ibid., фототип. снимок последней страницы подлинного текста. Ср. также, напр., с. 112.

никаких). Известно, что сам Витте „вообще не любил писать“, и рукопись „о возникновении и т. д.“, конечно, писан не им: „работа эта составлена при сотрудничестве мне некоторых лиц, которые были мне сотрудниками, когда я был м-р финансов“ [1]). „Архивные материалы“, опубликованные г. Глинским, всем стилем своего изложения, не имеющим ничего общего с хорошо известным стилем г. Глинского, выдают своих безымянных авторов, из за которых на читателя прямо глядит фигура бывшего министра финансов [2]). — Таким образом, в комбиниро-

[1]) Восп., XXIII и фототип. снимок на след. стр.

[2]) Первоначально они были напечатаны Б. Глинским в „Историч. Вестнике“ 1914 г. №№ 1–12, с оговоркой, что он выступает лишь в роли „беспристрастного архивариуса, преподносящего на суд публики непричесанные [illegible] буквально фактические материалы“. После смерти Витте г. Глинский [illegible] издать их ко дню первой ее годовщины, опустив перепечатки из газ. „Владивосток“, которые были помещены в польской кн. Ист. В. за 1914 г. [illegible] ставили плод „авторской“ его работы и не имели отношения собственно к архиву Витте, и раскрыл происхождение материалов: они были получены Глинским от Витте в 1912 г. (когда готова была уже упомянутая выше рукопись „о возникновении и т. д.“). Витте первый высказал желание [illegible] их гласности. г. Глинский пошел навстречу его желанию, понимая, что [illegible] данном случае „он со свойственной ему настойчивостью, не преминет [illegible] ствить заинтересовавшее его тогда опубликование исторических мате[illegible] помимо“ г. Глинского, а, в конец, материалы были подвергнуты [illegible] „некоторой редакторской их обработке“ и „некоторому сокращению [illegible] дуальных технических частях“. — Рукопись „о возникновении и т. [illegible] 1912 г. предназначалась Витте к напечатанию, как видно из [illegible] его собственноручных записок, „сейчас после“ его смерти. [illegible] составлялась в таком тоне отзывов об лицах, еще живущих, что [illegible] жизни могла быть опубликована без пропусков, не в пример „Воспоминаниям“, относительно которых Витте сделал оговорку о необходимости про[illegible]. Препятствие здесь заключалось лишь в имени автора и в том, что [illegible] назвать лойяльностью чиновника „слуги своего государя“. Но как сообщает г. Глинский „издание материалов о русско-японской войне ему хотелось [illegible] осуществленным при его жизни“. Трудно предположить, что, имея [illegible] текст документальной своей апологии, Витте при отмеченных свойствах [illegible] предоставил бы г. Глинскому те же документы для вторичного их [illegible] тельного изложения. Больше того. Решившись передать свой текст г. Глинскому, Витте принял меры к опубликованию его на французском языке [illegible] ницей. Благодаря любезности Р. М. Кантора мне удалось ознакомиться с [illegible] шей в Россию до начала войны 1914 г. книгой Pierre Marc: Quelques [illegible] de politique internationale. Antecedents de la guerre russo-japonaise. Le[illegible] 1914. P. P. XXVII–214. (II вып. серии „Etudes sur l'histoire de l'Europe ori[illegible]ale, publiées par M. le Prof. Dr. Uebersberger, Vienne“) Это местами сокращенный местами точный перевод русского текста, изд. г. Глинским, и составляет [illegible] русского. Помимо стилистических сокращений, имевших целью укоротить текст во французском варианте отсутствует все то, что привнесено г. Глинским [illegible] его печатных источников: газ. Владивосток, Записок Куропаткина („Итоги войны“) и „Вынужденных разъяснений“ Витте по поводу Записок Куропаткина (М. 1911). Но есть подробности, теперь известные по „Восп.“ и отсутствующие в русск. изд., напр.: о том, что при поездке Витте на Д. Восток в 1902 г. он получил приглашение проехать в Токио для переговоров, но несмотря [illegible] чувствие мин. ин. дел, так и „не получил на то разрешения“, или о том, что указ 30 июля 1903 г. об учр. наместничества на Д. Востоке опубликован был „без ведома трех заинтересованных министров“ (p. p. 154, 213). Отметим, что

ланном изложении „Воспоминаний“ и „Пролога“, как каж-то найдем все, что имел поведать о безобразовщине (документальные подробности о которой с 1898 по 1903 г. собраны в „Прологе“) злейший ее враг и потерпевший. Некоторые ее следы, отразившиеся в делопроизводстве Общей канцелярией уже после ухода Витте с поста министра финансов и, может быть, поэтому оставшиеся неизвестными его личному архиву, позволяют несколько дополнить известный о ней до сих пор материал.

Концессия на р. Ялу, вокруг которой оформилось т. наз. „Русское Лесопромышленное Т-во на Д. Востоке“ 31 мая 1903 г., входила лишь частицей в некоторый обширный план организации „Восточно-Азиатской промышленной К°“, которой ставилась задача приобретения возможно большего количества концессий в Манчжурии, Корее и Восточной Сибири и передачи их в эксплоатацию „филиальных“ обществ с привлечением в эти последние и иностранных капиталистов. Политический смысл этого плана усматривался авторами его в том, чтобы [illegible] „реальные“ экономические русские интересы на Д. Востоке, связать их с интересами иностранного (преимущественно французского и американского) капитала и сделать возможным проникновение русских военных отрядов, под видом рабочей силы промышленных предприятий, в Корею и те пункты Манчжурии, где нельзя было держать войска открыто. Этот „истинный“ смысл концессии на р. Ялу до печальной развязки держался в секрете, и пища для слухов была богатая. Содержание их [illegible] 1904—5 г. г., сводилось к тому, что в предприятии, из-за которого началась война, материально заинтересованы члены императорской фамилии и дворцовые круги, а в просторечии принимало такой вид, что Россия воевала из-за чужих лесов, которые царь в аренду взял и не хотел уступить японцам. Соблазн был так велик, что в начале декабря 1904 г. царь поручил Вл. М. Вонлярлярскому (одному из „концессионеров“) составить исторический очерк всего дела, с 1898 г. начиная, и посвящать, при случае, „благонадежных лиц в истинные задания концессий“. Такой очерк Вонлярлярским вчерне был составлен, но, насколько нам известно, опубликован не был и лишь в малой части своей включен был автором в изданную им, [illegible]

в том же 1914 г., под тем же именем P. Marc'a, в той же серии (I вып.) [illegible] выпустил: „Au seuil du 17 octobre 1905. Historique du mouvement des [illegible] Russie de 1899 au 17 oct. 1905“. P. p. 146“. Имеем здесь конспективный обзор, вроде хроники, проявлений общественного и революционного движения и правительственных мероприятий, с ним связанных хронологически. Витте на [illegible] вом плане. Совершенно некстати (стр. 120) рассказано, напр., о пребывании Витте в Роминтене у Вильгельма довольно подробно. Ср. Восп., 410 сл.

[illegible]ия, брошюру о Чукотском эпизоде [1]. Сохранилась копия этого очерка и части документов, которые имелось в виду к нему приложить [2]). События на военном театре и внутри страны шли так быстро, что уже в начале июля 1905 г. царь приказал к.-адм. Абазе (упр. дел. Комитета Д. Востока и члену Лесопромышленного Т-ва) „приступить къ полной ликвидацiи всѣхъ дѣлъ, которыя велись подъ фирмою Т-ва“ и передать м-ру финансов все права, которые считались принадлежащими Т-ву. Так возникло целое дело о ликвидации таинственного предприятия [3]. Названные документы проливают свет на природу отношения Николая II к предприятию и дают точно установить финансовые его основания и размеры.

1.

Безобразовское предприятие возникло в конце 1897 г. в связи с приездом в Петербург владивостокского купца Бриннера для продажи приобретенной им у корейского правительства концессии на эксплоатацию лесных пограничных районов р. р. Тумень и Ялу с притоками [4]). Уезжавший в то время в Корею на пост поверенного в делах Н. Г. Матюнин, знавший, что переговоры о продаже уже ведутся с директором Международного и членом правления Русско-Китайского банков, агентом Ротшильда, А. Ю. Ротштейном, сообщил о том Вонлярлярскому. Попытка последнего заручиться поддержкой мин. ин. дел гр. Муравьева для осуществления *русской* промышленной компании, по образцу исторической „Российско-Американской“, не увенчалась успехом. Тогда в дело был посвящен однополчанин Вонлярлярского А. М. Безобразов, который и решил обратиться с этим проектом к царю. 26 февраля 1898 г. через гр. И. И. Воронцова-Дашкова Николаю представлена была записка, обосновывавшая необходимость русской „Восточно-Азиатской К°“, как учреждения политического, „направляемого державною волею русского императора“ для проведения в Корее „русского влияния, а м. б. даже для самого насаждения русских идей“. Специальная „вполне конфиденциальная“ цель К° обусловливала

[1]) „Чукотскiй полуостровъ. Экспедицiя В. М. Вонлярлярскаго и открытiе имъ золотоноснаго района близъ устья р. Анадыря. 1900—1912 г. г.“ 1 марта 19[illegible] г. М-во Имп. Двора разрешило напечатать ее „только на правах рукописи“. [illegible] стр. 1—16 и 44—49 взяты из корейского черновика.

[2]) Дело № 278. „Документы, касающiеся лѣсной концессiи на Ялу. (В. М. Вонлярлярскiй)“, на 103 л. л.

[3]) Дело № 213 „О передачѣ М-ву Фин. правъ Русскаго Лѣсопромышленнаго Т-ва на Д. Востокѣ“ на 196 л. л.

[4]) Печатная копия договора 28 августа 1896 г. сохранилась в деле № 213.

собый подбор акционеров, непременно руских подданных, которые „не требовали бы немедленного дивиденда" и готовы были бы „сослужить службу рускому царю". В недалеком будущем записка все же предсказывала России возможность „полного хозяйничанья" в Корее. Записка возымела успех, и Николай поручил Воронцову совместно с мин. двора бар. Фредериксом обсудить финансовую сторону дела; решено было концессию Бринера приобрести, а для исследования на месте пригодности ее для намеченных целей отправить экспедицию. Следующая записка, поданная Безобразовым через вел. кн. Александра Михайловича 30 апреля, доказывала в ряде кратких положений неотложность экспедиции: „завоевание силою оружия такой примитивной концессионной страны, какъ Корея", сулило бы России „роль городового, охраняющего чужую собственность"; но в настоящее время „юридическое право на лесную монополию (sic) в Корее есть собственность Государя Императора, приказавшего ее приобрести у купца Бринера"; на этой площади в 5000 кв. верст может быть развернут „наш боевой авангард до 20 тыс. человек, переодетых в платье лесных рабочих"; экспедиция, под коммерческим флагом, „произведет чисто военные исследования и подготовительные работы по организации операционной базы с ее коммуникационными линиями". Безобразов подчеркивал, что „анонимность высочайшего в деле вмешательства хорошо поставлена и потому здесь никаких политических осложнений предвидеть нельзя"[1]. 6 мая, по докладу Фредерикса, на отправку экспедиции Николай отпустил 70 т. руб. из сумм кабинета и распорядился во главе всего дела встать вел. кн. Александру Михайловичу и Воронцову, „исполнительную" часть возложить на Безобразова и Вонлярлярского и соблюдать „полную тайну", причем Фредериксу принимать участие в деле, как частному лицу[2]. Фактически душой всего дела стал Безобразов и хлопотал больше всех он. Не может быть сомнения, что Николаю должна была прийтись по сердцу мысль стать во главе пионеров „русского дела" на Востоке и личным участием в нем удержать Корею в сфере руского влияния, от которой только что пришлось отказаться официальной дипломатии. В пространном докладе о тех общих програмных мыслях, которые Безобразов развивал перед участниками экспедиции, Николай мог найти лишнее основание в пользу нового дела: Безобразов указывал там на центральную роль района концессии, связую-

[1]) „Подставным собственником" концессии явился Н. Н. Неклюдов, чиновник м-ва двора.

[2]) За его подписью выданы были инструкции экспедиции, через него же подевались иногда доклады царю.

[illegible] два фланговых пункта нашего японского фронта—только [illegible] приобретенный П.-Артур и Владивосток, и подчеркивал [illegible] положение нового детища, вне изложенного стратегического плана обреченного на гибель. Как видим, Безобразов с [illegible] концессией подоспел как раз во-время, в момент, [illegible] Николай только-что настоял на захвате П.-Артура и получил от Витте за то (через третьи руки) упрек в „ребячестве".

[illegible] этот доклад, как и вообще все, что писал и говорил [illegible] действии Безобразов, дает почувствовать, что могло „особенно" (Восп., 222) привлекать Николая к этому „полупомешанному", но „честному" человеку (Восп., 164—165). Вот про кого можно было сказать, что стиль выдает человека. Безобразов совершенно не владел казенным языком, спокойствием [illegible] плавностью речи, выработанной корректной фразой. Он мыслил [illegible] образами, никак не мог уместиться в обычный запас [illegible], выражался размашисто и любил словечки. Высказывался [illegible] всегда уверенно и производил впечатление человека, не [illegible]щего скрывать свои мысли. С большой легкостью переходил [illegible] от одной мысли к другой и явно предпочитал аподиктические утверждения. Для несильного ума общение с таким человеком [illegible] лишено ненавистного для такого ума переживания: бессильного подчинения логической принудительности чужой речи. [illegible] дилетантизм и бесстрашие Безобразова, при [illegible] словоохотливость, создавали царю необычную обстановку делового разговора, в котором он оставался совсем [illegible] слушать, пока не устал и если внутренне соглашался, [illegible] свою собственную мысль,—или произвольно оборвать [illegible] без обычного осадка, что не сумел справиться с [illegible] аргументацией чуждой или неприятной или неприемлемой чужой мысли. Было что-то „истинно-русское" в [illegible] человеке, маньяком царя перспективной дальне-восточной [illegible], призванной под покровом тайны перехитрить „банковских дельцов" и официальных политиков. Однако, [illegible] на Безобразова, при сопротивлении заинтересованных министров и при его полу[illegible] ведомости, царю было трудно решиться. И дело до начала было приостановлено. Никогда [illegible], как именно Безобразова, полагали [illegible] царю (весною [illegible] с ним [illegible] составленную [illegible] о выделении Добровольного флота в особое ведомство с вел. кн. Александром Михайловичем во главе, представляя [illegible] этого ведомства [illegible] предприятие. Но дело с Добровольным

[illegible]

результатом не вышло из-за несогласия вел. кн. Алексея Александровича. Тогда Александр Михайлович, а за ним и Вонлярлярский, отказались и от „корейского дела". Спроектированная было (за 200 т. р.) Непорожневым концессия на управление кабинетскими землями корейского императора и разработку рудных их богатств не состоялась, в виду отрицательного отзыва гр. Муравьева. Однако, концессию Бринера все же приобрели (8 мая 1898 г.), но до лучшего будущего, по докладу Безобразова передали (26 июня 1899 г.) фиктивно Матюнину [1]). Так кончилась первая попытка Николая выделить в свое личное ведение одну из пружин восточной политики. С министром финансов о корейском деле в этой стадии не разговаривали совершенно.

Не прошло и года, как Безобразов возобновил дело и убедил царя согласиться на образование „Восточно-Азиатской К°" с денежным участием в ней кабинета и с тем, что участниками ее могут быть „только русские подданные христианских вероисповеданий", каковое „условие должно быть означено на самых паях" [2]). Николай успел положить резолюцию о внесении устава в Комитет Министров и о том, что „*кабинету будет приказано купить 200 паев на имя кап. I ранга Абаза*", но тут с решительными возражениями выступил Фредерикс. 2 июня он представил доклад, в котором указал на коммерческую неверность предприятия и на то, что участие кабинета „не может остаться тайной" и сделается „достоянием заграничной печати", что „возбудит лишь недоверие" к делу; и предложил заменить кабинет министерством финансов. 4 июня к царю обратился, в свою очередь, Воронцов с предупреждением, что „настал психологический момент" и что если учредителям „не будет ясно, что [illegible] работаем для Вас и под Вашим покровительством, то, вероятно, большинство от дела отстранится, не желая, потеряв свое [illegible] отдать время и труд (не деньги! Б. Р.) на увеличение средств х-а, z-а или у-а, при могущих измениться взглядах г.г. министров"; „Фредериксу же пугаться нечего, т. к. капитал

[1]) [illegible]

[2]) [illegible]

должен быть возвращен из первых прибылей". Указав так. обр. на „психологический момент" для всего дела, Воронцов располагал „завтра, лично" „получить указания" царя. Приходится думать, что Фредерикс выступал на этот раз по соглашению с Витте, потому что именно 5 числа Витте успел явиться в Петергоф раньше Воронцова и получил резолюцию „не вносить это дело в Комитет Министров, покуда не успокоятся события на Дальнем Востоке" [1].

„Психологический момент" был упущен, и Безобразову, „согласно Высочайшему повелению", оставалось „выжидать обстоятельства". И хоть ему и казалось „очевидным, что это порядок нескорый и что пройдет не мало времени, пока „дело выяснится и *решение назреет*" [2]), однако он поспешил уехать из Петербурга, как то сделал Воронцов на другой же день после неудачи. В течение следовавших за сим недель события на Востоке создавали новое положение и, могло казаться, приближали „психологический момент". В Петербурге в это время шла борьба между Куропаткиным и Витте по вопросу об участии России в наступлении на Пекин и 24 июня разрешилась поражением Витте: русские войска получили приказ идти к Пекину, адм. Алексееву указано было на желательность, чтобы европейские отряды стали под команду русского адмирала. Одновременно и в Манчжурии не сбылись успокоительные предсказания м-ра финансов, и он вынужден был сам просить об отправке войск на защиту желез. дороги (26 июня [3]). И у Безобразова пошли мысли вокруг Манчжурского вопроса. Он, однако, придержал их при себе до возвращения Воронцова, а пока попробовал сделать нападение на Витте через Александра Мих-ча. В письме к последнему от 15 июля он подверг критике недальновидную политику нашу на Д. Востоке и особенно обрушился на всю „систему" Витте. „Мы страдаем не от китайского болезненного кулака, а от с.-петербургского"; „С. Ю. создал систему, которая и в мирное время... тяжело ложилась на производительные силы страны, породила массу недовольных и обездоленных, в настоящее же время" она „вызывает опасение в возможности государственного банкротства"; „вместо того, чтобы действовать лучшими нашими силами, мы предоставили работу жидам и полякам, которым С. Ю. поручил быть носителями нашего знамени". „Активными на Д. Востоке были: Р.-Китайский банк и манчжурские строители"; но „эта польско-жидовская орава, которая ему

[1]) Дело № 213. Боксерское восстание было тогда в самом своем раз[illegible]
[2]) Из письма Безобразова к Ал. Мих-у, 15 июля. Дело № 278. Кур[illegible]
[3]) „Пролог", 107, 115.

хозяйничала", „своевременных сведений нам не дала и дела никакого не сделала (кроме жидовских гешефтов)". Его теперь безпокоит, что „хозяин" (т. е. Николай) и теперь все узнает через „тенденциозный фильтр ведомств" и все еще „предполагает, что нам нужно чего-то ждать", между тем как именно сейчас необходимо подготовить людей и средства „для начала работ при первой возможности". Теперь решается: „станем ли на высоте положения и русское дело укрепим политически и экономически или попадем в руки жидовского капитала и проделок европейской дипломатии". А „С. Ю. уверяет, что ... беда происходит от *преступного* (подлинное его выражение) занятия П.-Артура", не преминул тронуть и эту слабую струну Безобразов.—Прошла неделя, и 23 июля у Безобразова был готов „меморандум" о дальнейшей политике нашей на Д. Востоке, текст которого он представил на просмотр вернувшемуся Воронцову. Тот одобрил, предложил несколько [illegible] и высказал, что „результат будет лучше, если меморандум пошлете Вы"; что тот и сделал. „Куй железо, пока горячо" счел нужным напомнить царю пословицу автор прежде чем приступить к „конкрету желательного использования наших успехов". А „конкрет" такой: 1) единоличное влияние в Манчжурии и Китае, 2) „перемещение остальных иноземных влияний в южный Китай". „Эта комбинация" требует „доминирующего военного положения на месте и „континентального европейского соглашения", основанного на „разделе в Китае английских интересов", и с Германией, наиболее в том заинтересованной, во главе. Ибо только так можно [illegible] от Китая „английскую ненасытную пиявку" и „одолеть без излишних осложнений английское проходимство и вечный мировой раздор". Инициатива „конфиденциального communiqué"—наше дело; инициативу же „исполнительной работы" „следует поручить Германии". Нам „только" требуется собрать на Д. Востоке „достаточно сил", чтобы „молча и без слов дело осуществить". —Выждав всего три дня, 26-го, Безобразов вновь заговорил с царем о необходимости составить совещание для пересмотра вопроса о Восточно-Азиатской [illegible] „в новых условиях". Однако и на этот раз „всесильный Витте сумел затормозить дело" [1].

Повидимому Николай раз навсегда усвоил доводы Фредерикса против затраты кабинетских сумм, а в таком случае неизбежно было привлечение в дело государственных средств, т. е. участие министра финансов. И следующий (третий) приступ к делу Без-

1) В деле № 278 нет текста доклада 26 июля. См. записку Вонлярлярского о Корейском деле, л. 79.

[illegible] попытался уже произвести, начав с соглашения с Витте. Все [illegible] он доложил царю в апреле 1901 г. и, получив разрешение „работать совместно" с м-ром финансов и как будто даже „искреннее сочувствие" с его стороны. К середине июня казалось, [illegible] было уже утверждено и оставался „один шаг": 19 июня устав Компании должен был пройти через Комитет Министров [1]. Но в последний момент Витте убедил царя в незаконности утверждения учредителями Компании лиц, состоящих на государственной службе, и все предположенные имена были сняты и заменены двумя подставными лицами [2]. Вместе с тем Витте согласился предоставить (15 июня) право делать заявки в Приамурской области на добычу полезных ископаемых английскому „Обществу изысканий по Северо-Восточной Сибири", а Компании [illegible] Алексеева разрешил искать концессии на золотые прииски в Маньчжурии [3]. Безобразов справедливо усмотрел в этом „колоссальный подвох", высказал царю опасение, что все дело „вынуждено остановиться впредь до того времени, когда у нас будет новый министр финансов", и оставил его, „скорбя об утрате наших государственных интересов". Действительно, [illegible] февраль 1902 г., когда по уставу должно было быть [illegible] 20% капитала Компании или она будет признана несостоявшейся. 31 января Безобразов ходатайствовал „о милостивом разрешении считать вопрос поконченным", т. к. „никакая борьба с Витте, создавшим себе доминирующее положение в среде своих коллег на почве служебной эквилибристики, невозможна". Он сознавался, что „пал духом" и, хотя „глубоко ненавидит и презирает г. Витте и его систему, но должен скорее уйти, чтобы не подвести тех, которые имели с ним дело", так как он „bête-noire Витте-Сипягинской группы".

Итак, „личное дело моего Государя" [4], как привык слышать от Безобразова Николай, кончилось полной неудачей в сознании даже такого упорного оптимиста, каким явил себя в нем Безобразов. На пути ему стал „всесильный" Витте. Осуществить [illegible] мыслимо было двумя способами: либо рискнуть средствами Кабинета, либо заставить министра финансов открыть кредит государственного казначейства [5]. Николай так и не решился на первое [illegible] на второе, потому что на безволии не на-

1) Всеподд. докл. Безобразова 17 июня, л. 83.
2) Альберт и Брун.
3) Несколько позднее, 5 июля 1902 г. Витте учредил „Маньчжурское Горнопромышленное Товарищество", в составе трех лиц (два чина м-ва фин. и [illegible]), имевшее целью скупать русские концессии в Маньчжурии.
4) Всепр. доклад 17 июня 1901 г., л. 87 об.
5) В последнем смысле Безобразов и [illegible] Ал. К° [illegible] „об [illegible] оборудовании [illegible] дела".

ходил в себе на то силы. И Витте (Восп., 222) и Вонлярлярский придавали одинаково решающее значение в судьбе этого „лесного дела“ позиции, какую занял в нем Плеве (назн. 4 апр. 1902 г.). Суть была в том, что „в лице его явился серьезный конкурент Витте на роль первого министра“ (Вонляр., [illegible]). Возможно, что именно Д. Восток явился главным полем борьбы „конкурентов“, а безобразовщина и „маленькая победоносная война“—ее орудиями. Мы не знаем, как выражался „психологический момент“ в течение лета 1902 г., но осенью „корейские“ враги Витте торжествовали над ним первую свою победу. Витте вернулся из поездки на Д. Восток и застал готовое решение Николая образовать, за счет компетенции министра финансов, Гл. Управление торгового мореплавания с вел. кн. Александром Михайловичем и Абазой (дв. братом Безобразова) во главе. [illegible] конце года Безобразов сам „вызвался“ поехать на Д. Восток, [illegible] „надежде на поддержку Плеве“ (Вонляр., [illegible]), [illegible] от прежнего „обязательства молчать в существе дальнейшей своей (т. е. царя) поддержки“ [1]). Вот тут Витте уступил [illegible] самом существенном: в январе 1903 г. [illegible] ассигнование Безобразова „на известное его в. вел. употребление“ [illegible] 2.000.000 р. [2]). Резкие возражения и борьба [illegible] были совсем бесплодны. Торжество политики царя [illegible] „горячим“ (Вонляр., 101) участием в ней Плеве, [illegible] твердый курс, под прикрытием „безобразовцев“, на [illegible] ственного вершителя судеб Д. Востока: не конча[illegible] насильственной смертью 15 июля 1904 г., [illegible] был стать вице-председателем Особого Комитета по делам Д. Востока при царе-председателе (ib.). Как известно, [illegible] аппарат управления Д. Востоком целиком [illegible] быстрый ход событий [3]). Но и то, что было достигнуто, [illegible] превзошло первоначальные замыслы без малого пять лет [illegible] бывших на привязи „корейцев“. Безобразов, назначенный стат[s]-секретарем (6 мая 1903 г.), стал фактически [illegible] по делам Д. Востока, военным, дипломатическим, финансо[illegible]

[1]) Он жаловался на это обязательство Николаю в докл. 21 июля 19[illegible] № 278. О поездке Б. довольно обстоятельно рассказано в „Прологе“, [illegible]

[2]) С отнесением его частью на 12 миллионный фонд (52[illegible] р.), час[тью] временно на секретный фонд Рус.-Кит. банка (256.040 р.), частью [illegible] Иностр. Отд. при Особ. Канц. по Кредитной части (1.227.000 р.). [illegible] исчерпан Б-вым к ноябрю 1903 г. без остатка. № 213, л. 1. [illegible] целярию Статс-Секретаря, каковым Б. был назначен 6 мая 1903 [illegible] было еще 200 т. р. Ib. л. 2, а также в деле № 114, [illegible] переписка [illegible] вопросу между Б. и мин. фин. Плеске.

[3]) Детальная схема его—в деле № 134.

[illegible] управления; с 30 августа 1903 г. к нему присоединились Абаза и Матюнин и уже все трое вели ту же работу в [illegible] Особого Комитета. Понабравший несколько концессий [illegible] во время своей первой поездки, Безобразов сдал [illegible] как и корейскую, на руки егерм. Н. П. Балашову [1], назначенному уполномоченным „Русского Лесопромышленного Т-ва на [illegible] Востоке“, которое временно призвано было заменить прежнюю [illegible]-Аз. К°. В данной обстановке стратегические и дипломатические [illegible] решительно преобладали над хозяйственными интересами [illegible] в январе 1904 г.) началось „предварительное“ [illegible], дело уже целиком всей экономической политики [illegible] особым Совещании [2]. Постановка старого вопроса [illegible] Компании с участием правительства ([illegible]) [illegible] уже не соответствовала масштабу достигнутого „успеха“. [illegible] остановилось на необходимости учреждения особого [illegible] административного органа при наместнике, назначенного стать во главе всех предприятий в крае, и решило [illegible] комиссию, занятую составлением „Положения“ [illegible] под председательством Плеве. Таким образом, [illegible] „Корейское дело“ в его собственно [illegible] части приняло вид лесопромышленного т-ва, относительно которого заключен был товарищами лишь „предварительный договор“ [3], с субсидией от казны в 2 мил. р. До [illegible] и составления постоянного договора [illegible] устава дело так и не дошло. Когда началась война, [illegible] товарищей и предложил продлить действие договора на год; то же повторилось и в начале января след. 1905 г. [illegible] становилось все яснее, что война клонится к худому [illegible]. „Концессионеры на Ялу“ открыто провозглашались виновниками [illegible] позора, и весною 1905 года большинство [illegible], „оберегая свое доброе имя“, покинуло т-во [illegible] порядком [4]. Концессии опять, как в 1899 г., остались [illegible] на ниточке до более благоприятного времени или [illegible] своего устроения. На страже при них остались только Абаза и Матюнин.

---

[1]) Балашов находился тогда в П.-Артуре с „конфиденциальным поручением“ [illegible].

[2]) Дело № 134. Открывшаяся 27 янв. война не прервала занятий Совещания [illegible] заключительный доклад царю был представлен председателем гр. А. П. Игнатьевым 3 июня 1904 г. Первое заседание было 13 янв.

[3]) Текст его полностью см. „Пролог“ с. 290.

[4]) Вонляр., л. 101. Кроме прежних учредителей Вост.-Аз. К°: гр. А. П. Игнатьев, [illegible] Гессе, Н. Г. Матюнин.

5.

Безобразов покинул дело и уехал из Петербурга в конце [illegible]бря 1903 г., когда понял, что война близка и что приходится встретить ее в состоянии неудовлетворительной подготовки. Вся так называемая „авантюра“ осталась на руках Абазы. 29 июня (Витт., 355) состоялось назначение Витте в Портсмут. „Ни пяди русской земли, ни копейки контрибуции“ — это максимум, о чем можно было мечтать. Весь политический смысл, который приписывался корейскому делу, если бы даже и удалось удержать концессии в руках, утрачивался без остатка и навсегда, и решено было от них отделаться. 2 июля Абаза известил м-ра фин. Коковцева, что царь „приказал приступить к полной ликвидации всех дел, которые велись под фирмою лесопромышленного т-ва, и передать м-ву финансов все права, которые *считаются принадлежащими* т-ву“. К письму своему Абаза приложил расчет предстоящей ликвидации „для доклада“ царю и предупредил, что исчисленные в нем поступления „подлежат большому сомнению“ (419.087 р. 97 к.), а цифра предстоящих уплат вероятно преуменьшена (265.952 р. 25 к.), почему и „было бы осторожнее ассигновать на это 300 т. р. или даже 350 т. р.“. Документы „на эти права“ Абаза обещал прислать дополнительно. 7-го июля Коковцев, не дождавшись обещанных документов, доложил Николаю о невозможности представить какие-либо соображения о размерах потребной для ликвидации суммы и опасаясь „незаслуженных обвинений по случаю убыточности операций т-ва“, „повергь к стопам всемилостивейшего государя свое верноподданническое ходатайство освободить его от всякого участия в ликвидации и возложить ее на лиц, которые доныне заведывали делами т-ва“, т. е. на Абазу и Балашова, на что и последовало согласие царя. Документы, „считающиеся принадлежащими т-ву“, доставлены были Коковцеву с некоторою задержкою (18-го), но подобраны были наспех, далеко не все и большею частью в виде копий, не имеющих документального значения. Коковцев не преминул воспользоваться этой небрежностью Абазы и попытался отгородиться уже не только от ликвидации, но и от принятия сомнительных и невыгодных прав т-ва. 1 августа, докладывая царю, он отказался дать „окончательное“ заключение о значении этих прав в виду того, что большинство документов составлено на имя Матюнина без надписей о переуступке им прав т-ву, и в м-ве нет никаких данных ни об учреждении самого т-ва, ни о формальных отношениях к нему Матюнина. Разбирая вопрос о дей-

ствительной ценности „считающихся“ за т-вом концессий, Коковцев признавал таковую только за Фушунскими копями близ Мукдена, но формальная принадлежность т-ву именно этой концессии „вызывала сомнения“. Попытка Коковцева возымела некоторый успех и „решение вопроса о направлении дела“ отложено было царем „до представления недостающих документов и выяснения нашего положения на Д. Востоке“. Только теперь Коковцев запросил у Абазы дополнительных сведений. Посылая вторую пачку документов, Абаза просил, наоборот, ускорить передачу прав, „дабы их можно было, в виде *частной собственности*, отстоять от японских притязаний“ [1]. Но тут же он подчеркивал, что права т-ва „имели юридически характер частной собственности“. Значит, торопливость Абазы объясняется не радением о сохранности прав, а желанием „собственника“ избавиться от них в пользу любого другого русского. Абаза даже косвенно указал на непреклонное решение „собственника“ в этом смысле: „*без этого* (т. е. без передачи прав) японцы несомненно привлекут американских и иных капиталистов и т. д.“, т. е. собственник отделается от своей собственности и не станет под защиту соответствующей статьи мирного договора.—В сентябре Абаза приступил к ликвидации дел и получил кредит в 350 т. р. из секретного фонда Р.-Китайского банка, с тем, однако, чтобы как остаток этой суммы, так и предусмотренные расчетом платежи должников т-ва зачислялись в названный банк в распоряжение м-ва финансов [2]. Но участь предприятий т-ва по прежнему оставалась нерешенной. В ноябре Балашев представил Абазе опись движимого и недвижимого имущества т-ва с подробною оценкой, в общей сумме 1.567.178 р.; Абаза препроводил ее м-ру финансов (И. П. Шипову) с просьбою охранить уцелевшее имущество т-ва „впредь до решения“ участи предприятий и отстоять их, как „юридически частную собственность“, от японского захвата. Желая, видимо, подействовать на профессиональное чувство нового м-ра финансов, Абаза в тот же день (28 ноября) написал ему второе доверительное письмо с объяснением, что „на самом деле все эти предприятия принадлежат казне, а следовательно оставшееся на месте ценное имущество в 1½ м. р., а также самый лес и уголь и проч. (цена которых вероятно превышает 2 м. р.) составляют собственность казны, ибо *во всем деле не было*

[2] Уезжая из Петербурга, Абаза просил Коковцева обо всем сноситься с Матюниным, который „*с высочайшего соизволения* остается членом-учредителем т-ва до полной его ликвидации“.

[illegible] частным лиц" [1]. „Точно также необходимо министру финансов знать постановку дела", добавлял Абаза, „на случай продажи всех предприятий в частные руки, русские или иностранные". Письмо Абазы подействовало, и 5 декабря все документы отправлены были члену правления Р.-Китайского банка для ознакомления. Однако, ответ банка (30 дек.) был неблагоприятный: ни банк, ни, по наведенным справкам, Манчжурское лесопромышленное Т-во не видели возможности взяться за эксплоатацию „предприятий Безобразова". Но Шипов все же обратился к Ламздорфу (10 февр. 1906 г.) с просьбою сообщить [illegible] заключение о том, какие из прав т-ва могли бы быть восстановлены (очевидно за т-вом), и принять меры к охране прав и имущества т-ва. Этим актом прекращался „саботаж" м-ва финансов, и оно приступало к защите „переданных" ему 7 месяцев тому назад „прав". Но тут, совершенно неожиданно, в дело вмешался подлинный „собственник"—император Николай.

14 марта м-ру финансов была доставлена записка на маленьком листе почтовой бумаги: „*14 марта. Передайте егермейстеру Ивану Петровичу Балашову имеющиеся в Министерстве Финансов документы (числом 60) относительно компаний лесопромышленного товарищества. В 1905 году эти документы были представлены контръ-адмираломъ Абазою — статсъ-секретарю Коковцову. Н.*"—Канцелярия заготовила две редакции сопроводительного к документам письма на имя Балашова, одну с „добавлением", что „права" переданы были „по высочайшему повелению" м-ру финансов и что им уже сделаны шаги к выяснению этих прав (в предположении, что Балашову, м. б., неизвестно о воспоследовании такого повеления", как пояснил м-ру директор канцелярии). Шипов подписал краткую редакцию без напоминания о состоявшейся передаче, и 15 марта документы, как и предприятия, „составлявшие собственность казны", ушли из рук м-ра финансов, и „с тех пор (в течение 6 месяцев) никаких дальнейших сведений по сему предмету в м-во финансов не поступало" (Коковцов [illegible]вельскому 19 сент.). Разъяснилось таинственное исчезновение документов [2]) и похищение прав лишь 12 сентября [illegible] письм[illegible] Балашова к м-ру иностр. дел Извольскому: в [illegible], [illegible] заключалась просьба, „чтобы в настоящее время [illegible] посланник в Пекине не делал никаких [illegible] ограждению прав Русского Лесопромышленного т-ва на [illegible] [illegible],

[1] Только по [illegible] [illegible] частных лиц, [illegible] Рубанова, [illegible] [illegible].

[2]) [illegible] в Канц. М-ва [illegible].

[illegible] тем менее еще прав частных лиц, русского или китайского подданства" [1]); в другом, частном, пояснялось, что „все [illegible] лесопромышленное дело передано нами с высочайшего соизволения американцам, которым мы дали срок для устройства этого предприятия", и высказывалось опасение, „как бы вмешательство нашей дипломатии (представители коей раньше относились к товариществу не особенно доброжелательно) не повредило бы в настоящее время делу". Получив эти письма, Извольский, прежде всякого иного действия, запросил заключения м-ра финансов (опять Коковцева), руководясь устаревшими сведениями о состоявшейся передаче „прав" т-ва м-ру финансов. Коковцев ответил Извольскому, что не встречает препятствий к исполнению просьбы Балашова при создавшемся, в виду изъятия документов, положении. На письме же Извольского набросал карандашем в руководство при составлении ответа: „то, что было намъ передано взято вѣдь назадъ. [illegible] характеру обѣихъ концессій [2]) — я не вижу препятствій къ тому, чтобы освободить нашу дипломатію отъ защиты нашихъ интересовъ. Лишь бы это „приватное" заступничество происходило съ вѣдома посланника, иначе возможны новыя осложненія". Так ли оно было на самом деле, о „новых осложнениях" никаких сведений в министерство финансов в дальнейшем не поступало, как, впрочем, и о коммерческой судьбе „нашего" казенного имущества [3]).

Ликвидация дел т-ва, возложенная на Абазу, затянулась до 1909 г. Отчет, представленный им министру финансов в 1910 г., показал, что помянутый кредит в 350 т. р. был израсходован полностью [4]). С 27 апреля 1909 г. Абаза, закончив поручение, совершенно отстранился от дел русских концессий на Дальнем Востоке". „Обо всем, что могло впоследствии возникнуть известно только Н. П. Балашову", писал он Коковцеву в 1911 г. [5]). О поступлении в кассу т-ва сумм, предусмотренных в поданном Абазою в 1905 г. расчете, нам ничего неизвестно. Впрочем, вот. В графе „долгов, получение которых не предвидится в скором времени", там значилось за военно-инженерным ведомством в П.-Артуре за отпущенный лес 76.500 р. Действи-

[1]) Разумеются русские подданные Губины и Тифонтай и [illegible], по договору с ними, сохранившие участие в деле.

[2]) Т. е. Фушунской и Корейской.

[3]) По-видимому, Фушунские копи, занятые японцами во время войны и оставшиеся в их руках. В 1912 г. в министерстве имелись лишь „газетные сведения об [illegible] эксплоатации их японцами. В 1911 г. [illegible] не имело данных о судьбе этого месторождения".

[4]) Отчета при деле нет; имеется о нем лишь упоминание.

[5]) В ответ на какой-то запрос Коковцева. 27 мая 1911 г. Отпуск письма К. [illegible] в деле.

тельно, Военный Совет дошел до рассмотрения этой претензии т-ва лишь в 1911 г., но осведомившись, что т-ву была выдана в свое время „субсидия около 1 мил. р.“, занялся наведением справки через Гл. Инж. Управление в Деп. Гос. Казначейства, а этот последний передал дело в Канцелярию М-ра Финансов. В виду деликатности предмета, ответ был дан Коковцевым в доверительном письме (17 мая), непосредственно на имя пом. воен. м-ра Поливанова. 3 мая 1913 г. временная комиссия при Военном Совете постановила удовлетворить претензию, зачтя „в частичное погашение выданной т-ву из казны ссуды в 2.550.000 р.“. При рассмотрении сметы чрезвычайных расходов по военному ведомству на 1914 г. председатель бюджетной комиссии Госуд. Думы просил сообщить ему справку, какие суммы, сверх указанной, поступили на погашение этой „ссуды“. И опять канцелярия военного м-ва обратилось за справкой в Деп. Гос. Казначейства. Новый мин. фин. П. Л. Барк отвечал на этот раз „совершенно доверительным“ письмом (12 апр. 1914 г.) на имя пом. воен. м-ра Вернандера: сославшись на письмо своего предшественника, Барк подчеркнул, что суммы, отпускавшиеся т-ву, показывались под наименованием „на известное е. и. в-ву употребление“ и „потому все сведения по этому долгу подлежат сохранению *в полной тайне*“, при чем толкование всей этой суммы ссудою является „неточным“. Эта тайна, однако, в тот самый год широко распубликовывалась в Историческом Вестнике во всех ее, доступных тогда Витте, документальных подробностях („Пролог“ с. 253). Но, вероятно, и для Барка осталось тайной, на каких условиях „личные“ концессии царя были переданы американцам и, в частности, вернулись ли кабинетские 250 т. р. в капитал кабинета и куда предполагалось передать „казенные“ 2 миллиона, если бы в этом размере удалось реализовать все имущество таинственного предприятия. Как оно ни было на самом деле, Николай до конца выдерживал занятую им в 1898 г. позицию: концессия на Ялу — это „личное дело“ государя; и ликвидировал он это дело так же, как и начал, в тайне от своих министров и с помощью своих личных приказчиков.

6.

Концессия на Ялу и попытка получить таковую же на управление кабинетскими землями корейского императора [1], выступили в 1898 г. на смену оборвавшемуся на ходу плану организации финансового хозяйства Кореи посредством русских

[1]) Она и после 1898 г. имела некоторое продолжение, но не завершилась формальным договором. Кое что об этом см. „Пролог“, с. 250, 253.

сановников и при участии русского кредитного учреждения. „Неосторожность“ царя повлекла за собою захват П.-Артура и он строила план. Николай знал, что Витте считал этот шаг „ребячеством“ [1]), понимал, что именно П.-Артур заставил нас официально покинуть Корею и взял на себя поправить это последствие своей „неосторожности“. В „довольно детских формах“, по выражению Витте, затеяно было это „личное дело“; царь долго тянул с ним и дал ему, наконец, многошумный ход в самый неподходящий момент, когда Япония была в военном и политическом (союз с Англией, 1902 г.) отношениях куда лучше готова к войне, чем в 1898 г. Витте убежден, что, не будь этого вмешательства царя, не будь безобразовщины, Россия еще долго избегала бы угрозы вооруженного столкновения с Японией. Но аргументация его сводится лишь к той отрицательной мысли, что военные приготовления Японии сами по себе столь же мало предвещали войну, как и гораздо более многолетние и серьезные — на русско-германской границе, которые не повели же к войне [2]). На безобразовщине и сосредоточено преимущественное внимание Витте в об'яснении всех „зол и бед“, постигших Россию в 1903—1906 г.г. Историк едва ли подпадет на такое сужение постановки вопроса. Последний перегон к русско-японской войне, действительно, начинается с безобразовского полустанка. Но следствие должно быть направлено на узловую станцию отправления, где всем движением управлял еще всецело сам Витте: решение вести жел. дорогу через Манчжурию и заключение сепаратного договора с Китаем (1896) стали возможны в день зловещего для Японии изменения Симоносекского договора под давлением России при настойчивой инициативе Витте. Николай своими личными выступлениями (П.-Артур и Ялу) много сделал для обострения *уже определившихся* таким образом отношений двух держав, и Витте был бессилен предотвратить эти выступления. Но его положительное и активное, „ценное“ и „вполне сочувственное“ участие в „благополучном“ исходе переговоров с Китаем об аренде Квантуна засвидетельствовано, мы видели, и его „Воспоминаниями“ и документами, какие можно было найти в „его“ архиве. Те же документы устанавливают, что и второе выступление царя прошло не без участия Витте: лесопромышленное предприятие Безобразова развернулось в 1903 г. не на средства кабинета, а на кредит, открытый из средств министерства финансов „по личному приказанию“ министра [3]). Но в „Воспоминаниях“ нет

1) [illegible]
2) [illegible]
3) [illegible]

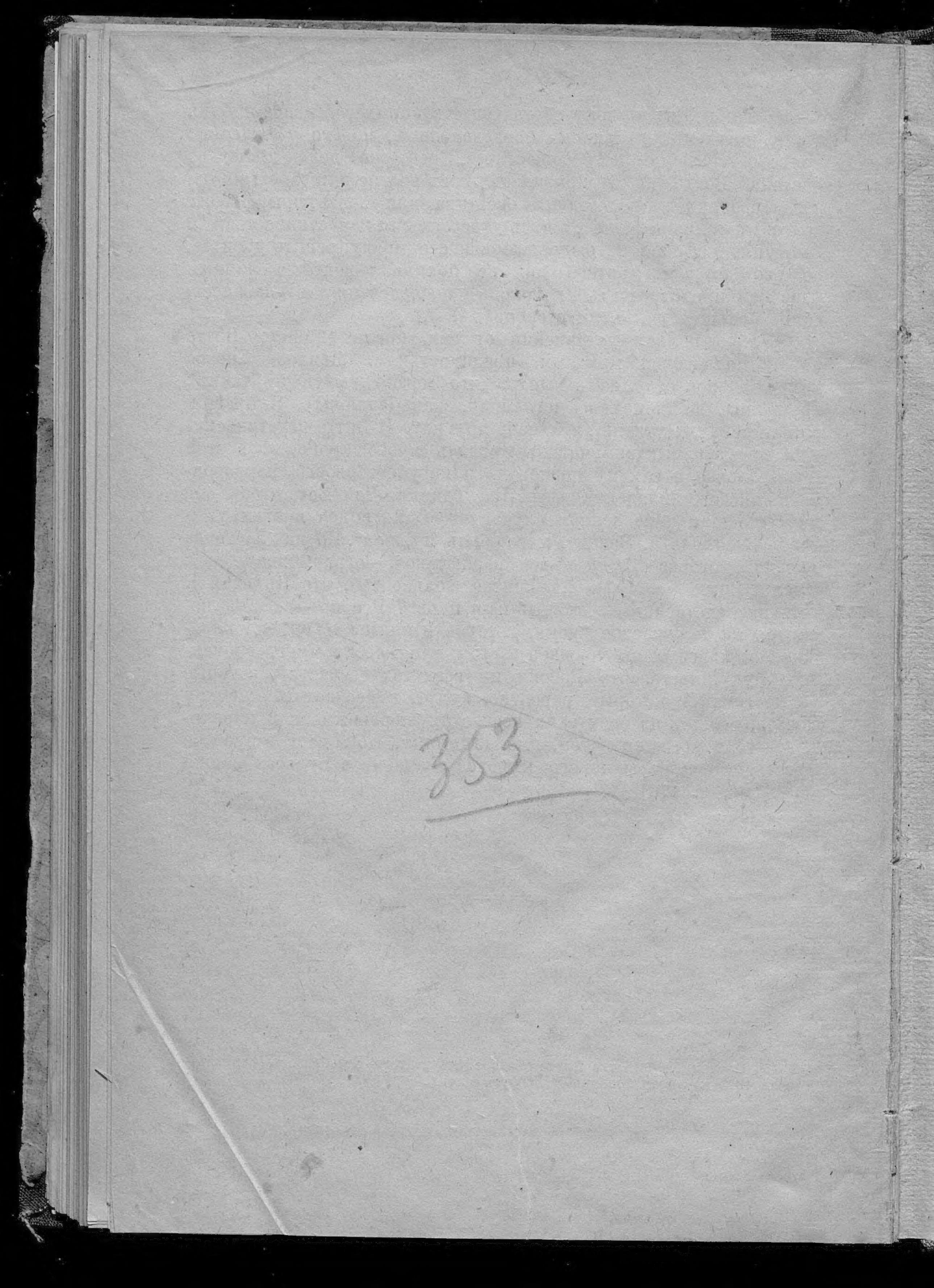
следа, чтобы Витте этому обстоятельству придавал какое-нибудь значение в том, что за сим последовало и, по его убеждению, привело к войне и революции. „Крест на деле Дальнего Востока“ Витте, по его признанию, поставил не в январе 1903 г., когда своеручно предоставил средства для „авантюры“ своих врагов, а лишь в июле „в день утверждения наместничества“ [1]). Выступлений царя не было возможности предупредить у Витте, но его до самого этого дня не покидала надежда личным участием предотвратить их роковые последствия. А удавалось, самое большее, лишь их отсрочить [2]).

Уже в полном устранении от дел, после 1906 г., Витте порой поддавался мрачным предчувствиям. Явилось „новое мальчишеское безумие“—мысль, „что можно выйти на таких“ „безумцах, подлецах и негодяях“, как Иллиодор, Дубровин, Пуришкевич, Путятин „и тысяча других“. И Витте патетически-зловеще записывал: „можно пролить много крови, но в этой крови можно и самому погибнуть и погубить своего первородного чистого младенца Сына-Наследника. Дай Бог, чтобы сие не было так и во всяком случае чтобы не видел я этих ужасов“ (Восп., 446). Значит, могло быть и „*так*“. Но как же тогда Россия, которая „*покуда* все расшатано“,—ограничивал свою мысль Витте (с. 497), „держится только тем, что Николай II есть наследственный законный наш царь“? Россия — „если, несмотря на то ужасное время, которое мы ныне (1907 г.) переживаем, я все таки убежден в том, что Россия имеет громадную будущность, что Россия из всех тех несчастий, которые ее постигли и которые, вероятно, будут, к несчастию, еще следовать, выйдет из всех этих несчастий перерожденной и великой,—то я убежден в том, именно потому, что я верю в русское крестьянство, верю в его мировое значение в судьбах нашей планеты“ (с. 476).

Б. Романов

[1]) Восп., 215.

[2]) Последней попытке Витте обезвредить „затею“ Безобразова (февраль—апрель 1903 г.) автор посвящает особую статью.



353